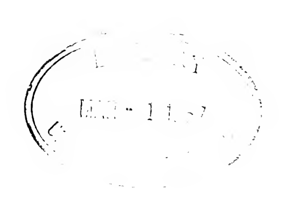
АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

І. В. ГЕССЕНОМЪ

XIV

БЕРЛИНЪ 1924



Революціонное общество
по личнымъ воспоминаніямъ
В. А. Ауэрбаха

Желаніе записать то, чему я былъ свидѣтелемъ или въ чемъ я участвовалъ во время революціи, появилось у меня по прочтеніи нѣкоторыхъ записокъ и трудовъ, вышедшихъ изъ-подъ пера профессіональныхъ политическихъ дѣятелей. Профессіональный политикъ, живя въ мірѣ абстракціи и находясь въ средѣ такихъ же оторванныхъ отъ дѣйствительности людей, какъ и онъ самъ, часто принимаетъ абстракцію за реальность и этотъ тѣсный кругъ людей за народъ. Невзирая на эту почти неизбѣжную погрѣшность, записки политическихъ par excellence дѣятелей обыкновенно наиболѣе цѣнны сообщеніемъ многаго того, что не было извѣстно болѣе широкимъ кругамъ, и очень интересны отраженіемъ мышленія и дѣятельности тѣхъ лицъ и группъ людей, которымъ принадлежало руководящее положеніе. Для освѣщенія же состоянія умовъ и характера дѣятельности болѣе широкихъ круговъ, принимавшихъ участіе въ революціи, мнѣ кажутся важными и записки людей, принадлежавшихъ къ разнымъ слоямъ населенія.

Я лично принялся за записываніе моихъ воспоминаній въ качествѣ промышленнаго дѣятеля, но пишу я не о жизни промышленности въ революціонную эпоху, а обо всемъ томъ, чему былъ свидѣтелемъ или въ чемъ участвовалъ, какъ случайный наблюдатель, промышленный, общественный и государственный дѣятель въ зависимости отъ положенія, которое я въ разные моменты занималъ. Съ расширеніемъ или съ суженіемъ моего угла зрѣнія и съ перемѣнами пунктовъ наблюденія измѣняется и характеръ моихъ записокъ, ибо я пишу не съ чужихъ словъ, а то, что видѣлъ и зналъ и о чемъ думалъ.

Говоря о революціонномъ обществѣ, я преимущественно останавливаюсь на тѣхъ его слояхъ, съ которыми я приходилъ въ болѣе тѣсное соприкосновеніе, причемъ въ моихъ попыткахъ дифференцированной характеристики революціоннаго общества я отдаю предпочтеніе профессіональному признаку по сравненію съ душевнымъ настроеніемъ, или скажу иначе, я сосредоточиваю больше вниманія на классахъ, чѣмъ на партіяхъ, имѣя въ виду, что люди гораздо крѣпче связаны съ классовой идеологіей, чѣмъ съ партійной программой: люди облачаются въ ту или иную партійную программу такъ же, какъ по настроенію одѣваются въ того или другого цвѣта и рисунка пиджакъ, а къ тому же и сама партійная программа подвергается перекрашиванію въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Предпочтеніе классовой дифференцировкѣ вызывается также не пристрастіемъ къ модному синдикализму, а тѣмъ, что въ дѣйствительности попытка стяженія

рабочихъ въ замкнутый классъ естественно вызвала реакцію со стороны остального населенія. Правда, въ первую пору революціи такая реакція наблюдалась только среди торгово-промышленныхъ людей, такъ какъ именно противъ нихъ рабочими былъ направленъ ударъ съ цѣлью сокрушенія стараго общества (помѣщики сразу потеряли всѣ свои позиціи, къ которымъ, однако, вернулись впослѣдствіи), но въ дальнѣйшемъ теченіи революціи стали выкристаллизовываться и другіе классы, хотя и донынѣ они, и въ томъ числѣ, къ сожалѣнію, и крестьянскій, остаются еще слишкомъ аморфными.

Если большевики въ качествѣ исповѣдниковъ «немедленнаго соціализма», не желая дожидаться нивелляціи путемъ развитія синдикализма, предпочли грубые, механическіе методы сметенія всего, выдѣляющагося надъ среднимъ уровнемъ, то все же стихійный порывъ къ синдикализаціи въ русской революціи мнѣ представляется несомнѣннымъ.

Глава I

ФЕВРАЛЬСКІЕ ДНИ НА РУДНИКѢ

Живя въ Петроградѣ и состоя членомъ Правленій промышленныхъ обществъ, имѣвшихъ свои предпріятія въ Уфимской, Екатеринославской, Харьковской и др. губерніяхъ, я часто ѣздилъ на рудники и заводы. Случилось такъ, что я именно въ томъ же самомъ пунктѣ встрѣтилъ въ іюлѣ 1914 года войну и въ февралѣ 1917 года революцію: на нашихъ рудникахъ и заводахъ близъ Лисичанска Екатеринославской губерніи; и, вспоминая, какимъ образомъ воспринимались населеніемъ объявленіе войны и переворотъ, я отчетливо вижу кое-что общее, почему невольно провожу нѣкоторыя параллели. Къ извѣстіямъ о томъ и другомъ событіи населеніе совсѣмъ не было подготовлено, совершенно не оцѣнивало серьезности момента и не понимало, что оно переступаетъ грань новой жизни.

Извѣстія о переворотѣ дошли до сознанія умственно болѣе темнаго рудничнаго населенія значительно позже, а сперва оно нисколько на нихъ не реагировало. Напротивъ, объявленіе войны, предшествуемое объявленіемъ о мобилизаціи, было имъ усвоено сразу. Защита родины казалась естественной, а обязанность явиться для мобилизаціи не вызывала ни сомнѣній, ни противодѣйствія: являлись многіе изъ тѣхъ, кому даже и не надлежало, и шли съ бодростью и вѣрой въ государство; казалось, что всѣ радовались тому, что объединены общей понятной для всѣхъ идеей — общимъ отечествомъ.

Къ объявленію войны заводское населеніе отнеслось такъ же, какъ и рудничное, но сверхъ того я замѣтилъ, что всѣ, какъ будто, гордились порядкомъ, съ которымъ протекла мобилизація. Къ извѣстіямъ же о переворотѣ въ Петроградѣ заводское населеніе отнеслось съ большимъ интересомъ. Сперва никому въ голову не приходило нарушать чѣмъ либо непрерывность работы, фабричнаго порядка или служебной дисциплины, но приходили въ контору, интересуясь извѣстіями, которыя мы получали по телефону изъ уѣзднаго города Бахмута. Классового антагонизма не наблюдалось и даже казалось, что переворотъ принимаютъ, какъ государственно-національное дѣло. Когда, уже черезъ нѣсколько дней, инженеры и служащіе устроили митингъ, то ихъ рѣчи, посвященныя братству, равенству и свободѣ, были приняты рабочими съ энтузіазмомъ, а ораторы ходили, какъ въ хмѣлю, отъ успѣха, выражая непоколебимую увѣренность въ томъ, что за ними навсегда останется

руководство рабочими массами. И дѣйствительно, въ первое время президіумъ митинговъ, а нѣсколько позже и мѣстнаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ выбирался изъ числа инженеровъ и служащихъ, и рѣчи болѣе интеллигентныхъ людей привлекали большее вниманіе, чѣмъ ораторовъ изъ рабочихъ. Такими дружными складывались отношенія между рабочими и заводской интеллигенціей. Но впослѣдствіи, какъ и всюду, появилась классовая рознь, преслѣдованіе администраціи и, наконецъ, жестокое убійство директора нашего завода и бѣгство управляющаго рудника.

Нѣсколько иное отношеніе было у солдатъ и евреевъ.

Въ числѣ инженеровъ и служащихъ у насъ было нѣсколько евреевъ. Объявленіе войны ихъ повергло въ уныніе — приходится покинуть семьи, а они хорошіе семьянины, идти въ войска въ качествѣ нижнихъ чиновъ, рисковать жизнью ради Россіи, а для многихъ изъ нихъ она не казалась матерью..., но революція была встрѣчена восторжено — гражданское равенство, отмѣна черты осѣдлости...

Когда уже было получено сообщеніе объ отреченіи Николая II и Михаила Александровича, я пошелъ часа въ два ночи на заводъ и, проходя мимо корпуса, гдѣ производились взрывчатыя вещества, я встрѣтилъ, какъ всегда, солдата въ овчиной шубѣ съ ружьемъ; онъ мѣрно, какъ и раньше, шагалъ взадъ и впередъ вдоль фабричной стѣны, какъ казалось, измѣряя шагами ея длину. Поровнявшись съ нимъ, мнѣ хотѣлось его спросить: «а знаешь ли ты кому теперь служишь?» Конечно, я молча прошелъ мимо него, но утромъ я узналъ, что до сорокалѣтнихъ солдатъ охранявшей заводъ дружины извѣстія о революціи въ Петроградѣ еще не дошли.

Кромѣ меня на заводѣ находился также одинъ изъ моихъ коллегъ по правленію — человѣкъ съ сильнымъ и трезвымъ умомъ. Первыя извѣстія о переворотѣ въ Петроградѣ были имъ встрѣчены съ энтузіазмомъ и, невзирая на его тучную фигуру при 55 годахъ за спиной, онъ почти въ припрыжку заходилъ по отведенному намъ въ конторѣ завода кабинету, проливая слезы восторга.

«А что Вы думаете, М. А., если на сцену выйдутъ рабочіе подъ предводительствомъ демагоговъ-карьеристовъ соціализма?» Онъ промолчалъ, но задумался, а когда пришло извѣстіе о занятіи рабочими Государственной Думы, то, перемѣнившись въ лицѣ, мой коллега заявилъ съ безнадежностью, что «все испорчено».

На рудникѣ и заводѣ было тихо, работа шла, какъ и раньше, а въ Петроградѣ одни событія смѣнялись другими съ головокружительной быстротой. Мы рѣшили вернуться въ Петроградъ, а по дорогѣ побывать въ Харьковѣ — большой городъ, гдѣ можно уже ближе почувствовать «дыханіе революціи».

Въ Харьковъ мы пріѣхали, кажется, 5 марта.

Еще будучи на заводѣ, я зналъ, что всѣ губернаторы смѣщены, что кн. Львовъ очень доволенъ упраздненіемъ полиціи «явочнымъ порядкомъ» и предоставляетъ организацію власти на мѣстахъ иниціативѣ самого населенія. Я бы но принялъ такого вздора въ серьезъ, но значительная часть извѣстій имѣла характеръ горячечнаго бреда, а потому приходилось вѣрить и тому, что разумъ отказывался принимать.

Проѣзжая съ вокзала къ дому, гдѣ жилъ мой братъ, черезъ весь городъ, я его нашелъ такимъ, какъ и раньше, и слѣдовъ революціи ни въ чемъ не замѣтилъ. Когда я вошелъ въ квартиру, мнѣ сказали, что мой братъ на кухнѣ. Я прошелъ къ нему: передъ нимъ стоялъ крѣпкій человѣкъ въ штатскомъ платьѣ, но съ явной военной выправкой. Держа какія то бумаги въ рукѣ, онъ что-то объяснялъ брату, многократно ссылаясь на свое начальство, называя его то «Его Высокородіе», то «Г. Полиціймейстеръ». Когда онъ передалъ все, что ему было приказано, я узналъ, что

онъ — городовой, что вся полиція въ городѣ осталась на своихъ мѣстахъ, а вся дань революціи ограничилась лишь переодѣваніемъ. Дня за два до моего пріѣзда, проѣхалъ черезъ Харьковъ Великій Князь Николай Николаевичъ; навстрѣчу ему поѣхалъ на вокзалъ среди прочихъ властей и полиціймейстеръ; возвращаясь съ вокзала въ своемъ экипажѣ, уже издали онъ увидѣлъ у полицейскаго управленія какую-то толпу, среди которыхъ замѣтилъ своихъ подчиненныхъ (впослѣдствіи стало извѣстнымъ, что чиновъ полиціи уговаривали изгнать начальство, какъ «слугъ стараго режима», но они не рѣшались); подъѣзжая къ толпѣ полиціймейстеръ, вставъ съ мѣста и поднявъ свою фуражку, во весь голосъ закричалъ: «да здравствуетъ революція! ура!» Выведенные этимъ изъ затрудненія чины полиціи устроили овацію начальнику-революціонеру, толпа выражала одобреніе и такимъ образомъ былъ утвержденъ въ должности революціоннаго полиціймейстра «бывшій слуга царскаго режима...», хотя мундиры съ красными кантами и бѣлыми пуговицами были все же сняты.

Въ тотъ же день, какъ я пріѣхалъ въ Харьковъ, я повстрѣчалъ инженера, состоявшаго директоромъ нашего завода, находящагося въ 45 верстахъ отъ города. Всегда спокойный, трезво-мыслящій, разумный человѣкъ поразилъ меня своими пьяными рѣчами. Раньше нѣсколько высокомѣрный и жесткій къ рабочимъ, этотъ человѣкъ восторженно говорилъ о братствѣ, равенствѣ и свободѣ, съ гордостью отмѣчалъ свое избраніе членомъ Харьковскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ, съ удовольствіемъ говорилъ о своемъ вліяніи на рабочія массы. Инженеры — тѣ-же пролетаріи, что и рабочіе, и, отличаясь лишь образованіемъ и развитіемъ, они, слившись въ одинъ дружный союзъ трудящихся, поведутъ своихъ младшихъ товарищей и за ними всю Россію къ новой и прекрасной жизни, — эти послѣднія слова онъ произнесъ задыхаясь.

На другой день я съѣздилъ на заводъ, гдѣ шла обычная работа, и вечеромъ 6-го я уѣхалъ въ Петроградъ.

Въ спальномъ вагонѣ 1-го класса площадка и коридоръ были забиты какими-то солдатами, и я съ трудомъ вошелъ на ступеньки и пробился въ мое купэ.

Кромѣ меня, былъ еще одинъ пассажиръ. Солдаты не только къ намъ не ломились, но даже на приглашеніе моего спутника войти въ купэ застѣнчиво отказывались. По собственной иниціативѣ они оказывали намъ разныя услуги. Они ѣхали въ отпускъ съ румынскаго фронта, были веселы и бодры и выражали намѣреніе вскорѣ вернуться къ своимъ частямъ. Отъ Москвы уже ни одного солдата не осталось, и поѣздъ, принявъ обычный дореволюціонный видъ, быстро летѣлъ къ Петрограду.

Радостнымъ было приближеніе къ родному городу, гдѣ столько близкихъ и дорогихъ мнѣ людей, гдѣ можно будетъ непосредственно осязать «біенія пульса революціи», лучше понять происходящее и даже заглянуть въ будущее Родины и во всякомъ случаѣ принять какое-нибудь участіе въ общемъ дѣлѣ.

Пронеслись мимо Тосно, мелькнуло въ окнахъ Колпино, вотъ Петроградъ-Сортировочная, Преображенское, Смольный монастырь, казачьи казармы — минуты черезъ три я уже выйду на Знаменскую площадь, а черезъ 10 буду у себя на Кирочной. Поѣздъ подходитъ къ вокзалу, и первое, что поражаетъ, это отсутствіе публики, а на всѣхъ платформахъ толпища двигающихся въ разныхъ направленіяхъ, что-то кричащихъ, вооруженныхъ солдатъ Литовскаго полка. Что они говорятъ, разобрать невозможно, да вѣроятно и они сами не знаютъ и не слушаютъ, но слышно только «товарищъ, товарищъ...» безъ конца. Бросаются въ глаза красныя бутоньерки. Еще на ходу поѣзда я выхожу на площадку вагона, чтобы скорѣе выскочить и выйти изъ

вокзала, но до остановки поѣзда на всѣ подножки вскакиваютъ солдаты съ возбужденными лицами, заполняютъ вагоны съ крикомъ, шумя ружьями, за ними входятъ другіе, занимающіе всѣ выходы. Вещей не осматриваютъ, пассажировъ не трогаютъ, стоятъ почти неподвижно и точно ждутъ приказанія, чтобы кинуться ревностно исполнять какое-то очень важное дѣло. Въ такомъ томительномъ для насъ, а больше всего, какъ казалось, для солдатъ, ожиданіи проходитъ минутъ десять-пятнадцать... и вдругъ стоявшій на подножкѣ бородачъ съ винтовкой нарушилъ установившуюся въ вагонѣ тишину: «товарищи пассажиры, выходите!» И товарищи пассажиры, ничего не понимая, но довольные возвращеніемъ свободы, стали выходить изъ вагона. У меня почему то тотъ-же самый бородачъ потребовалъ «свидѣтельство», я ему протянулъ мою паспортную книжку, которую, держа вверхъ ногами, онъ долго разсматривалъ съ серьезнымъ и озабоченнымъ видомъ человѣка, перегруженнаго сложными обязанностями. Я вспомнилъ юморъ, съ которымъ мнѣ разсказывали харьковскую быль, а можетъ быть и анекдотъ, и я подумалъ, что можетъ быть вообще во всей «безкровной» больше смѣшного, чѣмъ серьезнаго, побалуются, де, люди и опять вернутся къ своимъ обязанностямъ. И впрямь элементъ смѣшного меня не покидалъ до тѣхъ поръ, пока я не выѣхалъ изъ совѣтской Россіи, но, къ сожалѣнію, послѣ минутнаго оптимизма, вызваннаго благодушіемъ бородача, я опять увидѣлъ, что серьезнаго гораздо больше, чѣмъ смѣшного.

Немного осмотрѣвшись въ Петроградѣ (я пріѣхалъ 8-го марта утромъ), сравнивая его съ Донецкимъ бассейномъ и съ Харьковомъ, я подумалъ, что вѣроятно скорость распространенія революціонной волны незначительна и что сила ея по мѣрѣ удаленія уменьшается, и что, пожалуй, въ какомъ-нибудь Верхоянскѣ вліяніе Петроградской революціи такъ ничтожно слабо сравнительно съ силой инерціи, что на десятый день революціи жизнь такъ же тиха, какъ и до нея. Въ то время никто въ Петроградѣ не интересовался, что дѣлается въ Донецкомъ бассейнѣ и въ Харьковѣ, и всероссійское правительство всецѣло было поглощено Петроградомъ, самимъ собой и совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, между тѣмъ вдали отъ центра мѣстная власть по инерціи продолжала дѣйствовать, когда въ столицѣ была уже «свобода», т. е. безвластіе.

Правительство много засѣдало, много разсуждало, но не дѣйствовало. Единственный результатъ этого сидѣнья — умно составленныя деклараціи — свидѣтельствовалъ о томъ, что правительство находится въ мірѣ отвлеченнаго, что психологія политическихъ круговъ поглотила все его вниманіе, что правительство погружено въ какое-то облако дыма, мѣшающее ему видѣть страну. Какъ муха, запутавшаяся въ паутину, въ своемъ стремленіи освободиться, то, не видя свѣта Божьяго, сосредоточенно изучаетъ сплетеніе нитей, то въ отчаяніи мечется, такъ правительство то разбиралось въ узлахъ скрещиванія разнородныхъ идей, то судорожно и тщетно билось. Но гдѣ въ этихъ мукахъ была Россія.

Угаръ въ Петроградѣ былъ такъ силенъ, что многіе, даже серьезные люди, вѣрили тому, что милліоны рабовъ по капризу феи-революціи вдругъ стали гражданами, вѣрили въ «революціонную дисциплину», скажу больше, вѣрили въ бредни кн. Львова и надѣялись на государственную мудрость совѣта рабочихъ депутатовъ. Ко времени моего пріѣзда въ Петроградъ кн. Г. Е. Львовъ уже формулировалъ свои откровенія: «Это — вопросъ старой психологіи. Временное Правительство смѣнило старыхъ губернаторовъ, а назначать никого не будетъ. На мѣстахъ выберутъ. Такіе вопросы должны разрѣшаться не изъ центра, а самимъ населеніемъ...», и широкіе обывательскіе круги вѣрили, что такъ и должно, и мало кто задумывался, какъ это само населеніе будетъ разрѣшать эти вопросы: соборный ли колоколъ соберетъ народъ на вѣче или какъ нибудь иначе.

«Планщики» — вспомнилось мнѣ направленное по адресу декабристовъ острое словечко Пушкина.

Одна совсѣмъ юная дама, услышавъ мои замѣчанія, мнѣ пресерьезно заявила: «видно, что Вы только что пріѣхали въ Петроградъ, у насъ никто не возражаетъ противъ совѣта рабочихъ депутатовъ», и она была права, а когда я заговорилъ о «заложникѣ революціи», то она же сказала: «Керенскій — герой революціи и онъ единственный человѣкъ, который можетъ спасти Россію». И опять-таки этотъ почти ребенокъ правильно передалъ хмѣльныя чувства очень и очень многихъ. Правительство, быть можетъ, только faisait bonne mine au mauvais jeu совѣта рабочихъ депутатовъ и своимъ лавированіемъ устраняло поводы къ проявленію двоевластія, а значительная часть населенія просто-таки этого двоевластія не замѣчала, по дореволюціонной привычкѣ думая, что правительство дѣлаетъ то, что находитъ нужнымъ.

Такъ несерьезно относился къ происходящему сравнительно интеллигентный кругъ обывателей, а обывательскими низами революція понималась, какъ что-то вродѣ масленицы: прислуга, напримѣръ, пропадала на цѣлые дни, гуляла съ красными бантиками, каталась на автомобиляхъ, возвращалась только къ утру, чтобы помыться и опять на гулянье. На крышѣ дома, гдѣ я жилъ, какъ говорили, были обнаружены пулеметы, почему онъ былъ сразу взятъ подъ подозрѣніе и подвергся многократнымъ обыскамъ: однажды жена оставалась дома совсѣмъ одна, солдаты все перешарили; имѣвшихся у меня трехъ револьверовъ не замѣтили, но нѣкоторыя цѣнныя вещи исчезли; въ другой разъ прислуга была дома, и, воспользовавшись ея гостепріимствомъ, солдаты цѣлую ночь кутили въ нашей квартирѣ. Жена не дѣлала никакихъ замѣчаній, и наша хорошая, преданная прислуга черезъ недѣлю сама пришла съ повинной, заявивъ, что «погуляли и пора за работу».

И я тоже рѣшилъ, что «пора за работу».

Во время войны, уйдя отъ общественной жизни, я исключительно занимался скромнымъ, но, мнѣ казалось, полезнымъ дѣломъ: я слѣдилъ за добычей и производствомъ на нашихъ рудникахъ и заводахъ и за постройкой новыхъ заводовъ. Когда же, находясь еще въ Екатеринославской губерніи, я узналъ о выходѣ на сцену совѣта рабочихъ депутатовъ, то, разумѣется, понялъ, какъ и многіе другіе, что съ этого момента нужно думать не объ улучшеніи и развитіи производствъ, а о спасеніи хозяйственнаго аппарата страны отъ неминуемаго классового, антинаціональнаго натиска.

Чтобы имѣть возможность принять участіе въ работѣ спасенія, нужно было прежде всего установить связь съ «общественностью». Въ качествѣ лица, раньше причастнаго къ общественной дѣятельности (до войны), мнѣ было нетрудно оріентироваться и войти въ эти круги. Ученыя общества не подходили къ моимъ цѣлямъ: они культивировали отвлеченныя идеи, а нужно было дѣйствовать, нужно было противопоставлять классовымъ пролетарскимъ интересамъ классовые же предпринимательскіе и въ этомъ искать равновѣсія, необходимаго для цѣлей государственныхъ. На самомъ дѣлѣ это оказалось недостижимымъ, ибо въ то время «капиталисты» не хотѣли, да и не могли выдвигать своихъ классовыхъ интересовъ, и ихъ цѣли совпадали съ государственно-національными, а рабочіе, напротивъ, преслѣдовали исключительно классовые идеалы, совершенно пренебрегая народными. Конечно, подъ угломъ зрѣнія государственно-національной морали позиція «капиталистовъ» была болѣе выигрышной, но зато для населенія низменныя цѣли понятнѣе высокихъ. Въ моральной въ тотъ моментъ силѣ «капиталистовъ» была и ихъ фактическая слабость, и естественное равновѣсіе найдено не было, а равнодѣйствующая прошла стороной отъ государственно-національной цѣли.

Но какъ бы то ни было, таковъ былъ мой маленькій планъ, и я сталъ устанавливать связь съ промышленными организаціями, представлявшими не столько мнѣнія, какъ интересы, и въ короткое время я вошелъ въ составъ Постояннаго Бюро Всероссійскихъ съѣздовъ стеклопромышленниковъ и въ Правленіе Всероссійскаго Общества химической промышленности, также принимая участіе въ работахъ Совѣта Съѣздовъ Промышленности и Торговли, а впослѣдствіи я вошелъ и въ наиболѣе крупныя промышленныя организаціи: въ Союзъ металлургической промышленности въ качествѣ Управляющаго дѣлами и Замѣстителя Предсѣдателя и въ Совѣтъ Съѣзда Горнопромышленниковъ Южной Россіи въ качествѣ Члена Совѣта и Уполномоченнаго Съѣзда.

Мнѣ очень помѣшали на моемъ пути событія въ концѣ апрѣля и ужасное, пережитое мною семейное несчастіе, но все же въ маѣ я уже оказался на рабоче-капиталистическомъ фронтѣ въ качествѣ члена Комитета Труда — «парламента по рабочему вопросу» —, учрежденнаго уже коалиціоннымъ Временнымъ Правительствомъ и дѣйствовавшаго подъ предсѣдательствомъ Министра Труда.

Глава II

НА ПАРИТЕТНОМЪ ОСНОВАНІИ

Не революціонная идеологія вызвала февральскій мятежъ: военный бунтъ, поддержанный населеніемъ, терпящимъ недостатокъ въ продовольствіи и другихъ предметахъ первой необходимости, вспыхнулъ стихійно и лишь post factum мыслящіе люди стали направлять мятежныя лавины въ подготовленныя ими заранѣе идейныя русла. Въ полномъ согласіи со значительной частью русской интеллигенціи Государственная Дума и вышедшее изъ ея среды Временное Правительство хотѣли придать мятежу характеръ государственно-національнаго протеста противъ «бездарнаго и развращеннаго» царскаго правленія, и сперва государственно-національная идеологія восторженно принималась населеніемъ и войсками. Но, какъ извѣстно, очень скоро, съ появленіемъ на сцену руководителей рабочихъ, — нужно ли говорить, что поголовно соціалистовъ, — населеніе и войско услышало и другое: классовое, интернаціональное объясненіе мятежа. Въ первое время руководители рабочихъ, какъ бы опасаясь, чтобы ихъ идеи не показались населенію зазорными, не рѣшались становиться въ открытую оппозицію государственно-національному теченію и даже порою оффиціально къ нему примыкали, но къ концу апрѣля почва была уже достаточно подготовлена, чтобы поставить интернаціональную идею рядомъ съ государственной. Ко времени образованія коалиціоннаго правительства обѣ противоположныя другъ другу идеи пріобрѣли уже совершенно одинаковыя права гражданства. Государственно-національная идея еще не сдавалась, а враждебная ей интернаціональная не была еще достаточно сильной, чтобы, задавивъ первую, нераздѣльно господствовать. Вотъ и возникла совершенно противоестественная, заранѣе обреченная на гибель комбинація — состоящее изъ представителей двухъ враждебныхъ другъ другу идей правительство, почему-то называвшееся коалиціоннымъ.

Вскорѣ-же возникло и подобное по замыслу учрежденіе — Комитетъ труда. Этотъ своего рода парламентъ былъ учрежденъ для обсужденія законопроектовъ, относящихся къ регулированію труда до разсмотрѣнія ихъ Правительствомъ, и въ

немъ именно должно было наиболѣе широко проявиться революціонное законотворчество. Комитетъ былъ построенъ, какъ тогда говорили, на паритетномъ основаніи: восемь, кажется, членовъ Комитета отъ рабочихъ организацій и столько же отъ промышленныхъ, предсѣдатель — министръ Труда предполагался нейтральнымъ и, дѣйствительно, добросовѣстно старался таковымъ быть, а докладчики и спеціалисты, приглашаемые предсѣдателемъ, правомъ голоса не пользовались.

Мы были призваны для представительства интересовъ двухъ элементовъ общества — капитала и труда (третій элементъ — знаніе — сперва совсѣмъ отсутствовалъ, а потомъ участвовалъ съ совѣщательнымъ голосомъ въ лицѣ представителя Союза Инженеровъ), но на самомъ дѣлѣ въ Комитетѣ Труда были представлены и перекрещивались между собой опять тѣ-же двѣ враждебныя другъ другу идеи — государственно-національная и интернаціональная.

Со стороны рабочихъ членами Комитета были Лурье (Ларинъ), де-Плансонъ, Авиловъ, какой-то врачъ, фамилію котораго не помню, а остальные часто мѣнялись. Со стороны «капиталистовъ» Н. Ф. фонъ-Дитмаръ, П. П. Казакевичъ, Я. И. Венгеровъ, Ф. Ф. Бринкъ, я, а остальные также часто мѣнялись. Предсѣдателемъ Комитета состоялъ Министръ Труда — Скобелевъ, а потомъ Гвоздевъ. И тотъ, и другой предсѣдательствовали только въ особыхъ случаяхъ, когда хотѣли сдѣлать какую-нибудь декларацію. обыкновенно же предсѣдательствовалъ Товарищъ Министра Колокольниковъ.

Въ своихъ декларацiяхъ министры, чувствуя себя очень связанными «паритетностью» состава Комитета, тщательно обходили подводные камни, а потому ихъ рѣчи получались очень блѣдными и натянутыми, не оставляя послѣ себя никакого впечатлѣнія.

Министерство Труда было помѣщено въ Мраморномъ дворцѣ, а для засѣданій Комитета Труда былъ отведенъ роскошный мраморный залъ. Огромные бронзовые съ хрусталемъ канделябры, въ теченіе многихъ лѣтъ стоявшіе неподвижно около предназначенныхъ для нихъ простѣнковъ, были сдвинуты и со своихъ явно неестественныхъ новыхъ мѣстъ, казалось, укоризненно глядѣли на нарушившихъ ихъ величавый покой нежданныхъ гостей. Мягкая мебель была безъ всякаго плана разставлена въ свободныхъ мѣстахъ и, главнымъ образомъ, вдоль стѣнъ. Посреди залы были поставлены обыкновенные канцелярскіе столы, образуя букву Т. По правую сторону длиннаго ряда столовъ сидѣли «капиталисты», по лѣвую — «рабочіе», а въ головѣ сидѣлъ предсѣдательствующій, окруженный чиновниками и спеціалистами.

Всѣ были уже въ сборѣ передъ первымъ «дѣловымъ» засѣданіемъ, когда вошелъ въ залъ довольно большого роста, плотный человѣкъ съ широкимъ русскимъ лицомъ; съ темно-русой бородой въ формѣ заступа, рѣзко курносый, съ большими очками, въ простой, нескладной, но довольно опрятной пиджачной парѣ, въ ботинкахъ безъ каблуковъ. Колокольниковъ — меньшевикъ-кооператоръ, и его внѣшность, и особенно быстрая, плавная походка, чрезвычайно, какъ мнѣ казалось, гармонировали съ его прошлымъ. «Рабочая фракція» хотѣла было съ нимъ поздороваться, но, вѣроятно, нейтральности ради, онъ быстро проплылъ къ предсѣдательскому креслу, даже не кивнувъ никому головой, и сразу открылъ засѣданіе. Говорилъ онъ мало, застѣнчиво, просто, но всегда ясно и толково, руководилъ преніями безстрастно и безпристрастно, резюмировалъ коротко и сейчасъ же послѣ этого выходилъ изъ залы. Иногда, во время засѣданія члены Комитета изъ «рабочей фракціи» взывали къ его поддержкѣ, называя его по имени и отчеству, но онъ, не подымая головы, поворачивалъ вверхъ и влѣво свои спокойные сѣрые глаза, поверхъ очковъ смотрѣлъ на «рабочихъ» ... и они умолкали. Глядя на Колокольникова, я не разъ думалъ, что съ такимъ же спокойствіемъ

и дѣловитостью онъ плавалъ и распоряжался въ кооперативѣ. Я ни разу не видѣлъ, чтобы онъ улыбнулся или насупился, а ничѣмъ невозмутимое спокойствіе не покидало его даже въ самые острые моменты жизни Комитета. Вѣроятно, этотъ человѣкъ черезъ многое прошелъ при царскомъ режимѣ, быть можетъ, годы провелъ въ тюрьмѣ или на каторгѣ, закалился, отвердѣлъ, и теперь его уже ничто не трогаетъ.

На лѣвомъ крылѣ наиболѣе замѣтной фигурой былъ Лурье (Ларинъ). Тогда еще мы, конечно, не знали, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ переворота 25 октября, этому соціалистическому Кольберу суждено осуществлять коммунистическую программу организаціи народнаго хозяйства всей страны, но уже послѣ первой же его рѣчи гоняли, что противъ насъ выпускаютъ силы перваго разряда. Сухой на обѣ руки человѣкъ, съ трудомъ могущій писать, обладалъ ясной головой, въ которой все разложено по полочкамъ и непремѣнно въ строго гармоническомъ порядкѣ. Довольно высокій, тщедушный, съ болѣзненнымъ видомъ, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка сухого и даже злого, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поражалъ своимъ спокойствіемъ, безстрастіемъ. Казалось, что его равнодушіе ко всему и даже вялость только продуктъ самовоспитанія, а въ его горячемъ сердцѣ клокочетъ накопившаяся за многіе годы діавольская злоба. Онъ не теперь, а уже давно, сдѣлался соціалистомъ-максималистомъ и сдѣлался имъ, вѣроятно, потому, что въ немъ былъ змѣй ненависти къ соціальному неравенству капиталистическаго государства и дары анализа для проникновенія въ глубину марксизма и синтеза для приведенія всѣхъ своихъ мыслей въ систему. Но какъ онъ оберегалъ ея цѣлость! Какъ будто онъ боялся, что съ прободеніемъ вражеской стрѣлой одной какой нибудь клѣточки распадется вся сложная постройка.

Де-Плансонъ, бывшій юрисконсультъ Правленія Рязанско-Уральской ж. д., одинъ изъ руководителей «Викжеля», сыгравшаго столь двусмысленную и даже низкую роль во время наступленія ген. Корнилова на Петроградъ, обладалъ въ противоположность Лурье даромъ слова со слѣдами краснобайства, но его рѣчи оставляли сомнѣніе, насколько давно и глубоко уложился въ его головѣ марксизмъ.

Я помню внѣшній обликъ Авилова и то, что онъ былъ раньше, какъ мнѣ говорили, служащимъ организаціи, призванной защищать интересы капиталистовъ — Совѣта Съѣздовъ представителей промышленности и торговли, — но душевный обликъ этой личности совсѣмъ померкъ въ моей памяти.

Очень горячился на засѣданіяхъ военный врачъ, негодуя на угнетеніе трудящихся, пылая жаждою законотворчества для защиты слабыхъ и вѣрою въ то, что съ претвореніемъ проектовъ въ законы, наступитъ рай. Въ общемъ это былъ хорошій малый, но своимъ энтузіазмомъ онъ больше всего раздражалъ своихъ же коллегъ по рабочей фракціи.

Кромѣ такихъ «рабочихъ», какъ Лурье или де-Плансонъ, бывали и подлинные рабочіе. Говорили они слишкомъ конкретно или сыпали трескучими трафаретными фразами, клеймили «капиталистовъ», подъ часъ угрожали, но всегда высказывались очень горячо — «отъ души».

Этимъ я отнюдь не хочу сказать, что руководители трудящихся массъ, вышедшіе изъ рабочихъ, всегда такъ себя ведутъ: впослѣдствіи мнѣ пришлось близко познакомиться со многими такого рода лицами и, напротивъ, они меня удивляли тѣмъ, какъ они развиты, насколько самостоятельны были ихъ мысли и какъ ясно они ихъ выражали. Но въ данномъ случаѣ рабочихъ выпускали повидимому больше для колоритности.

Министерство Труда по составу руководителей будучи опредѣленно меньшевицкимъ, привлекло къ своимъ работамъ ученыя силы строго марксистскаго направленія.

Все это были сравнительно молодые люди: самый старшій изъ нихъ доцентъ Загорскій. Среди этой молодежи особенно выдвигался быстротой и яркостью мышленія одинъ очень живой еврей. Доклады, предшествующіе разсмотрѣнію законопроектовъ, составлены были тщательно и толково и видно было, что все строго продумано и согласовано. Вѣроятно, законопроекты съ пояснительными записками разработаны были заранѣе, еще до учрежденія Министерства Труда. При широкой эрудиціи молодые ученые марксисты во время обсужденія законопроектовъ съ отмѣнной легкостью подкрѣпляли свои доводы ссылками на законы и обычаи всѣхъ странъ свѣта, на постановленія конгрессовъ и пр., и пр. Щеголяя своими познаніями, они себя держали такимъ образомъ, что имъ все уже ясно, а потому ихъ мало интересуютъ рѣшенія Комитета. Къ тому же большинство изъ нихъ, въ совершенствѣ скрывая свои симпатіи, держалось безукоризненно корректно.

Вооружены были до зубовъ и наши открытые противники — члены рабочей фракціи Комитета. Когда на первомъ засѣданіи на насъ, какъ градъ, посыпались всякаго рода формулы, цитаты, имена лицъ и городовъ, и все это съ необычайной легкостью и даже граціей, то намъ показалось было, что мы напередъ наголову разбиты. Тщательно скрывая угнетенное состояніе духа, но сознавая свою неподготовленность, мы попробовали было выѣхать на краснорѣчіи и находчивости. П. П. Казакевичъ произнесъ съ обычнымъ для него блескомъ рѣчь, въ теченіе которой вовсе не касаясь существа законопроекта («о свободѣ стачекъ и забастовокъ»), онъ отмѣчалъ лишь несвоевременность его внесенія. Основная мысль его рѣчи заключалась въ томъ, что въ то время, когда въ Россіи фактически всѣ безъ исключенія свободно соединяются въ союзы и свободно устраиваютъ забастовки, какъ-бы ни были тяжелы ихъ послѣдствія для населенія, нуженъ не законъ о свободѣ стачекъ и забастовокъ, а законъ, ограничивающій злоупотребленіе фактически завоеваннымъ правомъ; подобно тому, какъ въ дореволюціонное время нужны были правила, предписывающія употребленіе краснаго флага на желѣзнодорожныхъ линіяхъ въ видахъ общественной безопасности, такъ нынѣ необходимо издать правила, ограничивающія пользованіе краснымъ флагомъ и опять таки въ видахъ той же общественной безопасности.

Такъ можно было оттянуть моментъ рѣшительныхъ схватокъ, но избѣгнуть ихъ и тѣмъ болѣе выйти изъ нихъ безъ пораженія было невозможно. Мы быстро сорганизовались: между засѣданіями Комитета «промышленная фракція» тщательно обсуждала законопроекты, собираясь ежедневно, а порою и дважды въ день, на спеціальныя для того засѣданія сперва на Литейной 46 (Совѣтъ Съѣздовъ промышленности и торговли), а потомъ въ особо снятомъ для сего помѣщеніи; учредили при Совѣтѣ Съѣздовъ Отдѣлъ Труда, на обязанности котораго было возложено собираніе и обработка необходимыхъ намъ литературныхъ и др. данныхъ, составленіе для насъ докладовъ, веденіе журналовъ нашихъ засѣданій, редактированіе составленныхъ нами записокъ, контръ-проектовъ и пр. За короткое время у меня дома образовалась цѣлая библіотека по рабочему вопросу, какъ, вѣроятно, и у другихъ моихъ коллегъ, и вскорѣ мы себя почувствовали уже достаточно вооруженными. Тѣмъ не менѣе, разумѣется, мы не могли надѣяться на то, что сумѣемъ обогнать нашихъ противниковъ, затратившихъ на свою подготовку много больше времени, можетъ быть, даже годы. Намъ нужно было самообразоваться только для того, чтобы разрывы надъ нашими головами начиненныхъ формулами, цитатами, именами шрапнелей не вызывали замѣшательства въ нашихъ рядахъ. Сила же наша заключалась въ томъ, чѣмъ противники наши оказалось совсѣмъ не вооруженными: въ практическомъ опытѣ веденія народнаго хозяйства и знаніи бытовыхъ условій, въ которыхъ производится работа.

Съ мая и по конецъ октября прошелъ черезъ Комитетъ Труда цѣлый рядъ законопроектовъ: о свободѣ стачекъ и забастовокъ, о восьми-часовомъ рабочемъ днѣ, объ ограниченіи труда малолѣтнихъ, объ обезпеченіи старости и инвалидности, объ обязательномъ страхованіи рабочихъ отъ болѣзней, объ инспекціи труда, о биржахъ труда и др.*. Изъ всѣхъ этихъ законопроектовъ только два претворились въ законъ — о страхованіи рабочихъ отъ болѣзней и о биржахъ труда**.

Первый изъ этихъ двухъ законовъ былъ построенъ на такъ называемой Гентской системѣ, согласно которой половина расходовъ по страхованію ложится на рабочихъ и половина на предпринимателя (физическое лицо, акціонерное общество, государство, мѣстное самоуправленіе). Согласно этому закону страхованіе не распространялось на служащихъ коммерческихъ и транспортныхъ предпріятій, на желѣзнодорожниковъ, на строительныхъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, на прислугу и на кустарей. Расходы по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ всецѣло возлагались на предпринимателя, подобно тому, какъ по ранѣе дѣйствовавшимъ законоположеніямъ вознагражденіе потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ лежало на обязанности предпринимателя.

Второй и совершенно невинный законъ о биржахъ труда прошелъ безъ преній черезъ Комитетъ Труда, гдѣ внесена была, кажется, только одна и то редакціонная поправка. Всѣ же остальные законопроекты, благодаря жестокой критикѣ, возвращались въ отдѣлы Министерства Труда для переработки, изъ которыхъ не возвращались. Уже послѣ большевицкаго переворота они были изданы совѣтскимъ правительствомъ или въ первоначальной редакціи, или въ редакціи, предлагавшейся рабочей фракціей Комитета Труда.

Первый, разсматривавшійся Комитетомъ законопроектъ «о свободѣ стачекъ и забастовокъ», благодаря нашей неподготовленности и слабости нашей критики, едва не сталъ закономъ. Согласно установленному порядку, законопроекты, принятые Комитетомъ Труда, становились законами по утвержденіи ихъ Правительствомъ (Совѣтомъ Министровъ). Законопроектъ о свободѣ стачекъ и забастовокъ уже былъ внесенъ въ Совѣтъ Министровъ и не претворился въ законъ только потому, что по ходатайству Совѣта Съѣздовъ промышленности и торговли, представленному нѣсколькимъ членамъ Правительства, Совѣтъ Министровъ вернулъ его въ Министерство Труда.

Всѣ вносимые въ Комитетъ Труда законопроекты были сопряжены со значительными расходами для казначейства и чаще для народнаго хозяйства. Характерно для пылкихъ реформаторовъ, что они не только съ этимъ не считались, но даже никогда не трудились подсчитывать, во что обойдется странѣ каждый вырабатываемый ими проектъ «завоеваній революціи». Конечно, привыкшіе считать «капиталисты» это дѣлали и, докладывая Комитету свои расчеты, вызывали замѣшательство противниковъ. Разумѣется, я не могу помнить этихъ цифръ, но ясно помню, что нѣкоторыя изъ нихъ были прямо-таки фантастическими, совершенно не согласующимися ни съ рессурсами страны, ни съ размѣрами государственнаго бюджета.

Если исключительно политическаго характера законопроекты, направленные къ «углубленію революціи» или къ закрѣпленію «революціонныхъ завоеваній», вызывали въ насъ рѣшительно отрицательное отношеніе, то напротивъ мѣры къ улучшенію быта рабочихъ и къ ихъ обезпеченію на случай болѣзни, инвалидности и старости въ принципѣ пользовались нашими симпатіями, и мы только разводили руками, какъ

* Въ наименованія законовъ, можетъ быть, вкрались неточности.

** Не касаясь дѣятельности Отдѣла Труда Министерства Торговли и Пром. Временнаго Правительства перваго состава, я умалчиваю о законѣ о рабочихъ комитетахъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, выработанномъ Комиссіей подъ предсѣдательствомъ М. В. Бернацкаго.

все это осуществить, и при томъ сразу и оптомъ, не вызывая полнаго разстройства народно-хозяйственнаго оборота.

Непосильность для страны и государства такого рода мѣръ съ особенной очевидностью и точностью устанавливалась въ отношенiи законовъ объ обезпеченiи старости и инвалидности, а также объ обязательномъ страхованiи рабочихъ отъ болѣзней.

Исходя изъ предположенiя, что съ сокращенiемъ продолжительности рабочаго времени въ такой же мѣрѣ уменьшается дневная производительность рабочаго, мы предвидѣли при сохраненiи заработныхъ платъ на томъ же уровнѣ значительное удорожанiе всѣхъ товаровъ и перевозокъ, добавочная стоимость которыхъ будетъ оплачиваться потребителемъ, иначе сказать, что законъ о 8 часовомъ рабочемъ днѣ — подарокъ рабочимъ за счетъ остального населенiя. Оставляя въ сторонѣ несправедливость этого, не имѣющую значенiя подъ экономическомъ угломъ зрѣнiя, мы указывали, что повышенiе цѣнъ на фабрикаты и перевозки возможно только до тѣхъ поръ, пока Россiя не встрѣтится съ конкуренцiей и безъ того уже болѣе производительнаго зарубежнаго труда, что проведенiе такой мѣры возможно лишь съ надлежащей постепенностью, такъ какъ сокращенiе рабочаго дня потребуетъ соотвѣтственнаго увеличенiя рабочаго контингента, количества жилыхъ помѣщенiй и т. д.

Нужно ли говорить, что наши противники утверждали, что, напротивъ, съ сокращенiемъ продолжительности рабочаго дня, производительность усилится, широко при этомъ разворачивая всю свою эрудицiю и подтверждая эту для нихъ непреложную истину почерпнутыми изъ литературы примѣрами. Будущее съ очевидностью доказало, что утвержденiя противниковъ были плодомъ наивности или недобросовѣстности, въ подтвержденiе чего достаточно сказать, что когда, независимо отъ законодательныхъ попытокъ, рабочiе фактически завоевывали восьмичасовой рабочiй день, то въ связи съ этимъ потребовали сохраненiя заработной платы для поденныхъ работъ и соотвѣтственнаго увеличенiя сдѣльныхъ расцѣнокъ, чего они также добились. Нерѣдко даже рабочiе фактически сохраняли одиннадцати-часовой день, но требуя уплаты за три часа сверхъ восьми, какъ за сверхурочную работу*, что уже самымъ откровеннымъ образомъ сводило требованiе установленiя восьмичасового рабочаго дня съ его высоко-культурными цѣлями просто къ увеличенiю заработной платы, а всю превыспренную аргументацiю просвѣщенныхъ руководителей рабочихъ массъ превращало въ совершенную демагогiю. Нынѣ, когда совѣтское правительство возстановило одиннадцати-часовой рабочiй день, едва ли у кого нибудь еще можетъ сохраниться сомнѣнiе въ томъ, что законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, какъ и подавляющее число другихъ законовъ «по регулированiю труда», преслѣдовали исключительно политическiя цѣли.

Отнюдь не ради полемики, несовмѣстимой съ цѣлями моихъ воспоминанiй, я привожу соображенiя, развивавшiяся сторонами по поводу законопректовъ, а только для того и только въ такой мѣрѣ, поскольку это можетъ содѣйствовать характеристикѣ «революцiонной демократiи» и ея руководителей, а можетъ быть и ихъ противниковъ.

Въ этихъ цѣляхъ довольно любопытно отношенiе, проявившееся къ законопроекту объ ограниченiи труда малолѣтнихъ. Согласно этому законопроекту дѣтскiй трудъ (кажется, до 14 лѣтъ) вовсе воспрещался, а трудъ подростковъ (до 18 лѣтъ) рѣшительно ограничивался и при томъ безъ всякихъ оговорокъ**. Разумѣется, отвлеченiе дѣтей изъ школы на фабрику, гдѣ иногда они находятся въ дурной атмосферѣ, подвергаются опасностямъ для ихъ жизни или здоровья, попадаютъ подъ дурныя влiянiя, наконецъ,

---

* См. протоколъ конференцiи Донецкаго бассейна въ Маѣ 1917 г.

** Дѣйствовавшiй законъ также ограничивалъ трудъ малолѣтнихъ, но въ меньшей мѣрѣ.

просто расходують свои юныя силы, всѣми почитается нежелательнымъ явленіемъ съ моральной, просвѣтительной и санитарной точекъ зрѣнія, но суровая дѣйствительность заставляетъ размативать этотъ вопросъ и съ другихъ сторонъ.

Повторяю, что законопроектъ не допускалъ никакихъ исключеній, а между тѣмъ профессія мастера стекольнаго завода, переходящая изъ поколѣнія въ поколѣніе, требуетъ долгаго обученія стеклодувному искусству, начиная съ юныхъ лѣтъ, подобно игрѣ на скрипкѣ, а, кромѣ того, сама работа производится, такъ сказать, семейными артелями: понятно, что сами мастера оказались противниками этой законодательной новеллы, какъ о томъ и заявилъ профессіональный союзъ Новгородской губ. (я лично думаю, что ограничить трудъ малолѣтнихъ въ стекольной промышленности все же возможно, но растянувъ проведеніе этой мѣры года на три — не меньше).

Совсѣмъ курьезнымъ оказывалось вытекающее изъ законопроекта ограниченіе труда малолѣтнихъ на сельско-хозяйственныхъ работахъ: можетъ-ли мужикъ проборонитъ пашню безъ сотрудничества своего сынишки — маленькаго пузыря съ насупленной на лобъ и уши шапкой и едва достающаго до живота погоняемой имъ крестьянской лошадки. Чиновники Министерства Труда пытались, тѣмъ не менѣе, защищать неприкосновенность принципа, запрещающаго дѣтскій трудъ, но даже «рабочая фракція» нашла нужнымъ предложить мудрую по своему формулу, ограничивъ примѣненіе закона лишь къ наемному труду, что тѣмъ не менѣе не препятствовало примѣненію закона ко многимъ видамъ сельско-хозяйственныхъ работъ.

Самымъ боевымъ законопроектомъ былъ первый, внесенный въ Комитетъ Труда: «о свободѣ стачекъ и забастововъ»; въ отсутствіи какихъ бы то ни было ограниченій въ пользованіи правомъ бастовать особенно ярко проявлялась его противообщественность. Право бастовать казалось «революціонной демократіи» самымъ священнымъ и абсолютнымъ правомъ человѣка, а малѣйшее его ограниченіе — кощунствомъ. Самыя мягкія и узкія ограниченія отвергались съ негодованіемъ. Доказывать недопустимость забастовокъ въ учрежденіяхъ или предпріятіяхъ, обслуживающихъ широко-общественныя нужды, какъ то: на желѣзныхъ дорогахъ, центральныхъ городскихъ электрическихъ станціяхъ и пр., было совершенно безполезно. Задачи ставились гораздо болѣе узкія: 1) не санкціонировать закономъ тѣхъ забастовокъ или того порядка въ проведеніи забастовокъ, которыя непосредственно вызываютъ лишеніе кого либо жизни: забастовка аптекарскихъ служащихъ, врачей, забастовка стрѣлочника въ тотъ моментъ, когда поѣздъ подходитъ къ станціи и пр., 2) не одобрять закономъ тѣхъ забастовокъ, что влекутъ за собой гибель капитальныхъ цѣнностей народнаго хозяйства: забастовки рабочихъ, обслуживающихъ рудничный водоотливъ, ибо это вызвало бы гибель всего рудника. Но и ограниченія столь скромнаго характера казались «рабочей фракціи» чуть не издѣвательствомъ надъ завоеванной «свободой».

Тотъ же законъ устанавливалъ строжайшія санкціи въ обезпеченіе свободы бастовать, угрожая длительнымъ тюремнымъ заключеніемъ за каждую попытку препятствовать ей или ея распространенію («пикотажъ»), и напротивъ привлеченіе къ отвѣтственности тѣхъ, кто во время забастовки уничтожилъ или портилъ имущество, или нанесъ ущербъ здоровью или жизни администраціи, обставлялось такого рода затрудненіями, что на самомъ дѣлѣ всѣ эти преступныя дѣйствія могли осуществляться съ полной безнаказанностью.

Въ политическомъ смыслѣ значительно менѣе яркій предыдущаго законопроектъ «объ инспекціи труда» и совсѣмъ тусклый «о биржахъ труда» тѣмъ не менѣе также заслуживаютъ вниманія, позволяя установить нѣкоторыя еще не отмѣченныя черты революціоннаго законодательства.

Законнѣйшее дитя эпохи либеральныхъ реформъ фабричная (и горная) инспекція, видѣвшая въ своихъ рядахъ людей столь преданныхъ идеѣ защиты трудящихся, какъ Янжулъ, Горбуновъ, Варзаръ, Ковалевскій, доблестно переносила изъ поколѣнія въ поколѣніе высокіе завѣты охраны труда, съ честью выполняя свое назначеніе въ теченіе многихъ лѣтъ. Наблюдая за принятіемъ промышленниками мѣръ къ огражденію жизни и здоровья рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и заболѣваній, вмѣстѣ съ тѣмъ фабричная инспекція контролировала возникающія при условіи найма взаимоотношенія рабочихъ и предпринимателей, а въ случаѣ конфликта выступала въ качествѣ посредника. Проведенное настояніемъ Плеве подчиненіе въ политическихъ цѣляхъ фабричной (и горной) инспекціи губернаторамъ съ оставленіемъ ея все же въ Министерствѣ Торговли и Промышленности, хотя нѣсколько и скомпрометировало этотъ почтенный институтъ, но не помѣшало съ честью выполнять свои основныя задачи: какъ извѣстно, дворянское правительство, относившееся съ полнымъ равнодушіемъ къ судьбѣ помѣщичьихъ работниковъ, подъ часъ любило порисоваться защитою фабричныхъ рабочихъ отъ «чрезмѣрной эксплоатаціи» ихъ промышленниками.

Институтъ фабричной инспекціи, несомнѣнно, пользовался авторитетомъ и довѣріемъ среди рабочихъ, со стороны же промышленниковъ раздавались жалобы на пристрастность ея въ пользу рабочихъ.

Министерству Труда, конечно, было очень трудно найти серьезные мотивы для учрежденія новаго института «инспекціи труда», такъ какъ на дѣлѣ эта мѣра сводилась къ тому, что въ отношеніи контроля взаимоотношеній рабочихъ и работодателей одни, вновь назначенные чиновники, становились на мѣсто другихъ, которые, освобождаясь отъ своихъ наиболѣе сложныхъ функцій, оказывались мало нужными. И на самомъ дѣлѣ аргументы, приводимые, какъ «нейтральнымъ» Министерствомъ Труда, такъ и «рабочей фракціей» Комитета въ защиту законопроекта въ цѣломъ, были очень слабы, но это отнюдь не значитъ, что серьезныхъ аргументовъ не было: ихъ только не смѣли обнаруживать. Защита труда была не существенной цѣлью меньшевицкаго Министерства Труда, а политическимъ средствомъ. Инспекція же труда была ему нужна въ качествѣ проводника на мѣста политики министерства. По справедливости надо признать, что министерство безъ органовъ на мѣстахъ было бы убогимъ, но оно могло, не учреждая инспекціи труда въ законодательномъ порядкѣ, подчинить себѣ фабричную инспекцію. Послѣднее не устраивало Министерство Труда потому, что личный составъ фабричной инспекціи съ ея традиціями не гармонировалъ съ направленіемъ министерства. Канва мыслей большевицкой «рабочей фракціи» во многомъ совпадала съ министерской, но намѣренія отличались гораздо большей конкретностью и широтой размаха: правительственная поддержка въ борьбѣ съ работодателями въ цѣляхъ уничтоженія капитализма, или иначе сказать, возложеніе на правительство содѣйствія разрушенію существующаго общественно-хозяйственнаго строя. Такимъ образомъ, меньшевики въ этомъ маломъ, какъ и во всей совокупности своей революціонной дѣятельности, оказывались въ качествѣ рабовъ большевизма, фатально подготовляя свою собственную гибель. Законопроектъ объ инспекціи труда, подобно другимъ, такъ и не вышелъ въ свѣтъ, но назначенныя въ порядкѣ управленія комиссары труда успѣли приложить свою руку къ разрушенію «капиталистической» Россіи.

О наиболѣе блѣдномъ законопроектѣ «о биржахъ труда» только потому стоитъ сказать нѣсколько словъ, что въ немъ сильнѣе, чѣмъ въ остальныхъ, сказалось не творчество, а рабское копированіе: какъ извѣстно, биржи труда обыкновенно возникаютъ и развиваются въ періоды промышленнаго застоя и безработицы, а не при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ въ то время находился въ Россіи рабочій рынокъ, но вѣдь

биржи труда процвѣтаютъ во всѣхъ свободныхъ странахъ и о нихъ вы прочтете въ любой книжкѣ по рабочему вопросу и въ любой программѣ рабочихъ партій, — и этого было достаточно.

Противообщественность, наивность или недобросовѣстность, непосильность для государственнаго бюджета и народнаго хозяйства, демагогичность, иногда рабское подражаніе — вотъ характерныя черты рабочаго законотворчества «революціонной демократіи». Примѣчательно еще го, что, за исключеніемъ не имѣющаго по условіямъ времени никакого значенія законопроекта о биржахъ труда, всѣ остальные прямо или косвенно были направлены къ разрушенію существовавшаго народно-хозяйственнаго строя, но ни въ какой мѣрѣ не содержали ничего созидательнаго.

Наиболѣе боевые законопроекты, не внося ничего новаго во взаимноотношенія рабочихъ, работодателей и третьихъ лицъ, должны были лишь оформить и закрѣпить «революціонныя завоеванія», что казалось необходимымъ не только въ виду явнаго несоотвѣтствія фактическаго положенія вещей съ нормами неотмѣненнаго закона «стараго режима», но главнымъ образомъ потому, что «революціонная демократія» и въ особенности руководители ея готовились къ неизбѣжному пришествію «гидры контръ-революціи». Иниціатива же на самомъ дѣлѣ лежала не въ законодательствѣ, а въ неистовомъ натискѣ отупѣвшихъ рабочихъ массъ на «капитализмъ», а фактически на капиталистовъ, ихъ довѣренныхъ и служащихъ, на промышленное имущество и вообще на разныя цѣнности.

Въ первые два мѣсяца революціи при «буржуазномъ правительствѣ», меньшевики вмѣстѣ съ соціалистами болѣе крайняго направленія раскачивали таранъ, предназначенный для сокрушенія стѣнъ капитализма, но они воодушевленно продолжали разрушительную работу и по вхожденіи въ составъ «коалиціоннаго правительства». Казалось, что пріобщеніе къ власти должно бы ихъ отрезвить, но нѣтъ, они такъ же безудержно продолжали свое дѣйство, какъ бѣснующійся съ помутнѣвшимъ разсудкомъ дервишъ не можетъ остановить своего безумнаго танца. Лишь много спустя, стали въ себя приходить меньшевики и прежде всего тѣ изъ нихъ, что были у власти. Немного прозрѣвъ, они вмѣстѣ съ Керенскимъ не на шутку испугались «взбунтовавшихся рабовъ», но какъ могли они остановить этихъ рабовъ, когда они сами ихъ взбунтовали. Къ тому же съ прозрѣніемъ Скобелева еще не прозрѣли комиссары труда на мѣстахъ, все продолжая свою бунтарскую работу. Въ самомъ Министерствѣ это уже понимали, почему, не довѣряя своимъ провинціальнымъ агентамъ, стремились къ централизаціи: представители рабочихъ вызывались въ Петроградъ, и въ Мраморномъ дворцѣ ихъ уговаривали, ругали, мирили съ промышленниками, инженерами... Въ отдѣльныхъ случаяхъ это давало удовлетворительные результаты, но въ общемъ это было уже поздно, и тѣмъ болѣе поздно, что рабочія массы къ тому времени уже все болѣе подпадали подъ вліяніе болѣе рѣшительныхъ и беззастѣнчивыхъ въ своей демагогіи вожаковъ.

Глава III

ВЪ ОСАЖДЕННОМЪ КОЛЬЦѢ

Какъ извѣстно, эпоха Временнаго Правительства разбивается на (приблизительно) двухъ-мѣсячные періоды, грани между которыми отмѣчаются значительными «выступленіями»: конецъ февраля — конецъ апрѣля, первыя числа іюля — конецъ августа, конецъ октября.

Въ такіе моменты я обыкновенно бывалъ среди толпы, осязая ея чувства и настроенія, которыя меня интересовали не меньше умственныхъ упражненій и

словесныхъ излiянiй верховъ. Менѣе полно сложилось мое представленiе о событiяхъ въ концѣ апрѣля, въ теченiе котораго меня постигло семейное несчастiе, и въ концѣ августа, такъ какъ я только что вернулся въ Петроградъ послѣ мѣсячнаго пребыванiя въ Крыму: въ Крыму и, въ частности, въ Севастополѣ, гдѣ мнѣ удалось побывать благодаря спецiальному разрѣшенiю, укладъ жизни и внѣшнiй порядокъ больше говорили о войнѣ, чѣмъ о революцiи (адм. Колчакъ!).

Если въ первые дни февральскаго мятежа надъ «революцiоннымъ народомъ» развѣвалось только одно знамя — знамя, что было принесено и поднято патрiотически настроенными кругами, — то къ концу апрѣля уже ясно опредѣлилось раздѣленiе народа на двѣ части, при чемъ каждая изъ нихъ держала въ рукахъ свое знамя: на одномъ изъ нихъ было написано — Россiя, а на другомъ — интернацiоналъ. Взрывъ подлиннаго патрiотизма, который привелъ къ смѣлому демонстрированiю своихъ симпатiй министрамъ, отстаивавшимъ государственно-нацiональную идею, — «министрамъ-капиталистамъ», — былъ настолько силенъ, что интернацiональная идея отступила побѣжденной. (Къ сожалѣнiю, эта побѣда осталась неиспользованной.)

Въ iюнѣ я былъ въ теченiе нѣсколькихъ дней въ Москвѣ и какъ разъ въ то время (19-го числа), когда въ старой столицѣ на многочисленныхъ митингахъ горячо обсуждалось начатое на фронтѣ наступленiе (18 iюня). Между прочимъ, я провелъ нѣсколько часовъ на Скобелевской площади, гдѣ, взобравшись на пьедесталъ памятника, какой-то телеграфный чиновникъ, матросъ и молодой человѣкъ въ курткѣ, всѣ трое со звѣрскимъ видомъ, стараясь перекричать другъ друга, говорили объ «имперiалистической войнѣ», о пролитiи пролетарской крови въ угоду капиталистамъ, о томъ, что ихъ слуги-офицеры, сами попрятавшись, посылаютъ рабочихъ и крестьянъ на убой (какъ извѣстно, въ наступленiи 18-го iюня участвовали главнымъ образомъ офицеры). Въ крайне возбужденной толпѣ, не имѣвшей терпѣнiя выслушивать всѣхъ ораторовъ — да и слушать ихъ было невозможно, такъ какъ одновременно говорило нѣсколько — образовывались многочисленныя кучки, гдѣ говорилось и то, чего въ iюлѣ уже не рисковали говорить открыто, скажемъ, съ пьедестала памятника. Говорилось еще о Россiи, о русскомъ народѣ, но все это въ полголоса и съ оглядкой. Къ тому же только немногiе бывшiе на площади интеллигенты опредѣленно высказывали ярко-государственно-нацiональнаго характера мысли, люди же посѣрѣе говорили въ компромиссныхъ, условныхъ, подленькихъ тонахъ о томъ, что проливать кровь въ наступленiяхъ не надо, но обороняться все же слѣдуетъ, а то «этакъ нѣмецъ и въ Москву придетъ», что ужъ если «нѣмецъ не приметъ справедливаго мира», то, пожалуй, надо воевать, что нуженъ «честный миръ», но, конечно, «безъ анекцiй и контрибуцiй», Константинополь же нуженъ не Россiи, а Милюкову, чтобы «ему тамъ сидѣть»... При томъ все же болѣе категорическiя соображенiя, высказывавшiяся интеллигентами, иногда одобрялись. Внѣ Скобелевской площади въ характерныхъ для острыхъ моментовъ кучкахъ, напоминающихъ стада барановъ во время грозы, нацiональнаго характера мысли развивались съ большей смѣлостью, а въ мелочныхъ лавкахъ, среди ихъ клiентуры приходилось слышать и совсѣмъ патрiотическiя мысли. Много разъ я слышалъ изъ устъ солдатъ, прiѣхавшихъ въ отпускъ съ фронта, бодрящiя разсужденiя и рѣзкую критику по адресу большевиковъ; такое отношенiе наблюдалось у тѣхъ солдатъ, что съ начала войны были на фронтѣ, точно имъ было досадно, что ихъ трехлѣтнее служенiе и ихъ подвиги не восхваляются, какъ ранѣе, а почитаются за ненужное.

Въ цѣломъ, можно сказать, что 19 iюня въ Москвѣ господствовалъ интернацiоналъ, а отечество занимало уже не равное съ нимъ мѣсто, какъ мѣсяца полтора — два назадъ, а рѣшительно угнетенное.

Еще болѣе угнетеннымъ было состояніе небольшевицкой части населенія въ началѣ іюльскаго выступленія большевиковъ въ Петроградѣ.

Вечеромъ 3-го іюля, когда атмосфера въ городѣ стала зловѣще сгущаться, я пошелъ вмѣстѣ съ женой побродить по улицамъ. По Невскому проспекту на тротуарахъ и даже мостовыхъ было множество народу. На площади передъ Казанскимъ соборомъ было море головъ, группировавшихся въ кучки. Взобравшись на памятники Барклая и Кутузова, а также на чугунныя тумбы цѣпной ограды, ораторы произносятъ рѣчи. Мы слышали, какъ одинъ изъ нихъ съ искаженнымъ отъ накопившейся злобы лицомъ, захлебываясь отъ страсти, на нечистомъ русскомъ языкѣ призываетъ населеніе къ сверженію «министровъ-капиталистовъ», къ передачѣ «всей власти совѣтамъ» и къ немедленному окончанію войны... Изъ толпы выдвигается рослый солдатъ и, перебивъ оратора, коротко и просто указываетъ, что малодушное прекращеніе войны — предательство тѣхъ, что до сихъ поръ проливали свою кровь за родину... Это было настолько неожиданно, что трудно было вѣрить ушамъ и глазамъ. На минуту растерявшись, ораторъ находится и бросаетъ солдату обвиненіе, что онъ агентъ капиталистовъ и что вѣроятно онъ даже вовсе не солдатъ. Вынувъ изъ складки рукава отпускной съ фронта билетъ, солдатъ заявляетъ, что онъ всю войну провелъ въ окопахъ, а что вотъ ораторъ, не нѣмецкій-ли шпіонъ и провокаторъ, и продвигаясь къ оратору, требуетъ у него документа. Къ солдату присоединились изъ толпы еще 3—4 человѣка въ сѣрыхъ шинеляхъ. Не помню, предъявилъ ли ораторъ паспортъ или нѣтъ, но помню, что онъ оказался иностранцемъ, недавно прибывшимъ въ Россію. Кажется, солдаты арестовали оратора и куда-то повели.

Мы подошли къ другой кучкѣ, гдѣ съ тумбы говорилъ офицеръ, пріѣхавшій съ фронта и участвовавшій въ наступленіи 18 іюня; его рѣчи толпѣ не нравились и его постоянно перебивали; офицеръ во имя «свободы слова» требовалъ, чтобы ему дали договорить, но какихъ-то двѣ или три личности изъ толпы стащили офицера съ тумбы и, быть можетъ, ему пришлось бы плохо, если бы не вступились за него нѣсколько солдатъ, потребовавшихъ документа отъ всѣхъ окружавшихъ офицера. Насколько помню, стащившія офицера темныя личности скрылись въ толпѣ. Офицеръ и солдаты-участники этихъ двухъ эпизодовъ были командированы съ фронта одной изъ уцѣлѣвшихъ отъ разложенія воинскихъ частей «для выясненія положенія въ Петроградѣ».

Въ качествѣ очевидца, я не счелъ возможнымъ умолчать о двухъ свѣтлыхъ пятнахъ; въ общемъ же колоритъ толпы 3-го іюля былъ опредѣленно большевицкій, о чемъ свидѣтельствовали знаки одобренія глашателямъ интернаціональной идеи и крики «ура» при появленіи отрядовъ вооруженныхъ винтовками и стройно маршировавшихъ рабочихъ, символизовавшихъ диктатуру пролетаріата.

Приходилось слышать злобныя замѣчанія по адресу насильниковъ, но они дѣлались, такъ сказать, подъ сурдинку.

Набравшись впечатлѣній объ уличныхъ настроеніяхъ, мы пошли по Малой Конюшенной и по перекидному черезъ Мойку мостику къ трамвайной станціи, что на Михайловской площади, чтобы ѣхать домой на Кирочную. Когда мы переходили Невскій, послышались выстрѣлы, толпа было бросилась въ стороны, но потомъ успокоилась. Мы сразу попали въ отходящій трамвай, хотя онъ былъ переполненъ. На углу Инженерной и Садовой мы увидѣли бѣгущую по Садовой толпу со стороны Невскаго, откуда слышались ружейные залпы. Люди, со всѣхъ сторонъ облѣпившіе нашъ вагонъ, возбужденно и озлобленно разсказывали о томъ, что происходитъ на углу Невскаго и Садовой; естественно, въ вагонѣ всѣ стали высказывать свои сужденія и подавляющее большинство негодовало настолько сильно и рѣзко, что

когда какой-то солдатъ 1-го пулеметнаго полка попробовалъ одобрительно отозваться о дѣйствіяхъ «вооруженнаго пролетаріата», то его едва не выкинули изъ вагона, послѣ чего онъ уже весь путь молчалъ. Но это было не негодованіе за Родину, а животное возмущеніе жестокимъ насиліемъ, жертвою котораго могъ сдѣлаться каждый изъ нихъ.

Утромъ 4-го іюля, когда я пошелъ къ себѣ въ Правленіе на Николаевскую, улицы имѣли обычный видъ, но когда около часу дня я возвращался домой на Кирочную, то на Надеждинской уже раздавались ружейные выстрѣлы, и люди торопливо разбѣгались по домамъ, а ворота и двери закрывались: съ Литейнаго доносились крики, рѣдкіе ружейные выстрѣлы и звуки марсельезы. Когда я подходилъ къ Манежной, неожиданно выскочилъ съ Кирочной автомобиль съ пулеметомъ и вооруженными солдатами, открывшими ружейный огонь по немногочисленнымъ неуспѣвшимъ укрыться прохожимъ. Я было хотѣлъ войти въ парадную одного изъ домовъ, но дверь оказалась закрытой, впрочемъ съ быстро мчавшагося автомобиля попасть было трудно. Выйдя на Кирочную, я увидѣлъ величественное шествіе прибывшихъ кронштадтцевъ съ присоединившейся къ нимъ толпой петроградцевъ. Какъ разъ съ Надеждинской поровнялись нѣсколько матросовъ съ большевицкимъ плакатомъ, представлявшими голову процессіи, а хвостъ ея скрывался гдѣ-то далеко на Литейномъ. Впереди шествія вся улица была пустая и только въ нѣкоторыхъ подворотняхъ были выбѣжавшіе изъ домовъ люди. Чтобы попасть къ дому, гдѣ я жилъ, нужно было только перейти черезъ улицу, а шествіе надвигалось, грозя затянуться надолго. Благополучно перебѣжавъ, я нашелъ у воротъ дома нѣкоторыхъ жильцовъ и мою жену, съ которой долго тамъ оставался, невзирая на то, что матросы насъ прозвали «чижами на жердочкѣ», а многотысячная толпа все шла и шла... Передъ нами были жандармскія казармы, въ которыхъ помѣщались солдаты Литовскаго и казаки 4-го казачьяго полка. Когда головная часть кронштадтцевъ поравнялась съ казармами, толпа остановилась и начались переговоры, посулы по 25 рублей каждому присоединившемуся — у нѣкоторыхъ матросовъ были пачки денегъ, которыя они нарочно показывали, — но солдаты и казаки отказывались, соблюдая «нейтралитетъ».

Большевицкія толпища прошли къ Таврическому дворцу, гдѣ, какъ извѣстно, возбужденная толпа, требуя перехода «всей власти совѣтамъ», едва не растерзала «министра-соціалиста» Чернова. Къ вечеру стали распространяться слухи о грабежахъ въ частныхъ квартирахъ въ нашей части города и насиліяхъ надъ женщинами.

Уже часовъ въ 8 или 9 вмѣстѣ съ женой я пошелъ по Надеждинской къ Невскому, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Тамъ было множество народу. Когда толпа завидѣла несшійся со стороны Аничкина моста автомобиль съ пулеметомъ и вооруженными винтовками солдатами, то заполонила всю улицу и автомобиль принужденъ былъ остановиться. Мы съ женой, поддавшись психозу толпы, вмѣстѣ съ другими бросились къ автомобилю, откуда солдаты стали стрѣлять, первымъ же выстрѣломъ убивъ какого-то мальчика лѣтъ четырнадцати. Этого оказалось достаточнымъ, чтобы безоружные мужчины и женщины бросились на солдатъ, не обращая вниманія ни на пулеметъ, ни на винтовки; потомъ все какъ то перемѣшалось и я пересталъ понимать происходящее. Въ этой свалкѣ мы съ женой другъ друга потеряли и встрѣтились уже позже и опять на углу Надеждинской.

Да, это былъ порывъ толпы, и не единственный въ тотъ вечеръ, но въ этомъ порывѣ не было никакой идеи. Это не порывъ, приведшій 21 апрѣля подъ національными знаменами населеніе столицы къ Маріинскому дворцу, а порывъ животной ненависти къ тѣмъ, кто посягаетъ на жизнь и въ трепетѣ держитъ вотъ уже два дня населеніе большого города.

Мы прошли по Невскому до Екатерининской улицы, гдѣ купили номеръ газеты («Живое Слово») съ разоблаченіями Г. А. Алексинскаго. Толпа жадно раскупала газету, одни злорадствовали тому, что на большевиковъ и анархистовъ выливалась такая грязь, другіе съ облегченнымъ сердцемъ узнавали, что наконецъ установлена гнусная связь большевиковъ съ нѣмцами, третьи не вѣрили, но такъ или иначе дѣйственнаго порыва національнаго чувства не было и слѣдовъ. Въ нѣкоторыхъ придерживавшихся «нейтралитета» войсковыхъ частяхъ эти разоблаченія послужили къ выходу изъ состоянія инерціи, но, что было въ сердцахъ этихъ людей, могутъ сказать лишь тѣ, что были въ то время съ ними. Во всякомъ случаѣ уже было ясно, что движеніе 3—5 іюля прошло черезъ свою кульминаціонную точку.

Когда мы возвращались домой, то повстрѣчали нѣсколько раненыхъ лошадей, которыхъ вели въ казармы, что противъ нашего дома, гдѣ помѣщались донскіе казаки 4 полка. Это были лошади того отряда дикой дивизіи, что попалъ подъ большевицкій огонь изъ засады у Литейнаго моста.

5-го іюля еще летали по городу автомобили съ вооруженными большевиками, слышны были то тутъ, то тамъ выстрѣлы, но то были уже только зарницы послѣ прошедшей грозы.

Я не могу передать настроеній, господствовавшихъ въ Петроградѣ во время наступленія ген. Корнилова въ концѣ августа, такъ какъ былъ въ то время въ пути. Помню только, что, пріѣхавъ въ Петроградъ, замѣтилъ, что даже нѣкоторыя лица, не принадлежавшія къ «революціонной демократіи», жаловались на то, что наступленіе Корнилова, взволновавъ столицу, нарушило обычное теченіе ея жизни, и мнѣ кажется, что это говорилъ тотъ-же животный инстинктъ сохраненія своихъ жизни и покоя, что такъ ярко проявлялся во время іюльскаго выступленія большевиковъ.

Въ то время многіе это называли «утомленіемъ революціей», возлагая даже на него большія надежды въ отношеніи реакціи. Но большевики не испытывали этого утомленія.

Къ концу октября «утомленное революціей» населеніе уже совсѣмъ утратило какую-либо активность, думая лишь о сегодняшнемъ покоѣ, почувствовавъ даже какъ-будто облегченіе, когда... «свершилось». Революція, казавшаяся патріотической въ концѣ февраля, ко времени большевицкаго переворота утратила уже послѣдніе слѣды національнаго аромата.

Около полудня 24-го октября я былъ у П. І. Пальчинскаго, бывшаго въ то время Главноуполномоченнымъ Особаго Совѣщанія по оборонѣ, помѣщавшагося въ зданіи Военнаго Министерства, что противъ Исаакіевскаго собора. Когда я вошелъ въ комнату его секретаря, тотчасъ же открылась въ сосѣднюю комнату дверь, черезъ которую вышелъ представлявшійся Пальчинскому какой-то почтенный генералъ, а за нимъ Петръ Іоакимовичъ. Я его давно не видѣлъ, и меня сразу поразила перемѣна въ его внѣшности и главное — появившееся сходство съ Керенскимъ, которое было тѣмъ болѣе удивительнымъ, что П. І. человѣкъ совсѣмъ другого уклада и совсѣмъ другого прошлаго, чѣмъ этотъ неврастеникъ: военнаго покроя и матеріи френчъ и галифе, обмотки на ногахъ, волосы бобрикомъ, окаймляющіе большой лобъ, сбритые усы и борода, нервная бодрость и слѣды переутомленія на лицѣ... и я даже подумалъ, что, быть можетъ, русская революція, подобно французской, наложила на людей новыя

черты и принесла новый костюмъ. Разъ подумавъ объ этомъ, я уже часто замѣчалъ людей, на которыхъ эпоха Временнаго Правительства оставила свои слѣды.

Пальчинскій мнѣ прежде всего весело разсказалъ, какъ онъ нѣсколько минутъ тому назадъ «разнесъ» вызванную имъ для этого съ Урала делегацію отъ рабочихъ заводовъ, работающихъ на оборону, за то, что они, митингуя, забыли свой долгъ передъ родиной, объяснивъ мнѣ, что такой тонъ дастъ хорошіе результаты и что онъ почти каждый день такимъ образомъ принимаетъ рабочія делегаціи: прямой и энергичный человѣкъ, беззавѣтно любившій свою родину и всегда горѣвшій желаніемъ увидѣть ее свободной, конечно, меньше всего думалъ о своей безопасности. Переговоривши о дѣлахъ, уже выходя изъ его кабинета, я спросилъ о черныхъ тучахъ, показавшихся на политическомъ горизонтѣ. — «Ну что Вы! это очередная гроза, она пройдетъ и будетъ ясно. Спите спокойно!» — «Я-то буду, а будете ли Вы спокойно спать?» — «Вотъ сейчасъ меня вызываютъ въ Зимній дворецъ и тамъ я лучше узнаю положеніе — заходите завтра!» и съ этими словами онъ вошелъ въ нарядный limousine.

Изъ газетъ я узналъ о назначеніи Пальчинскаго Помощникомъ Петроградскаго Военнаго Генералъ-Губернатора съ порученіемъ ему охраны порядка въ столицѣ. Черезъ два дня въ газетахъ же я прочелъ, что въ ночь съ 25 на 26 онъ былъ арестованъ большевиками въ зданіи штаба военнаго округа въ то время, когда разсматривалъ карту Петрограда съ планомъ его обороны, и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость.

Въ этотъ же день 24-го октября другой мой близкій знакомый былъ назначенъ Товарищемъ Министра въ одно изъ небоевыхъ вѣдомствъ (продолжали организовываться для мирной работы), а незадолго до этого я видѣлся съ полковникомъ Дутовымъ (впослѣдствіи одинъ изъ «бѣлыхъ генераловъ»), который увѣряя, что находящіяся въ окрестностяхъ Петрограда казачьи части обезпечиваютъ сохраненіе власти за Временнымъ Правительствомъ, порядка и спокойствія, тоже совѣтовалъ «спать спокойно».

Тѣмъ не менѣе, 24-го я отправилъ мою жену на нѣсколько дней въ Москву.

25-го утромъ съ Кирочной, гдѣ была моя квартира, я пошелъ къ себѣ въ Правленіе, помѣщавшееся на углу Николаевской и Кузнечнаго, гдѣ пробылъ недолго, а оттуда въ «Сометаллъ» (Союзъ представителей металлургической и желѣзодѣлательной промышленности). Союзъ помѣщался на Гороховой у Краснаго моста. Все было тихо и ничего особеннаго я не замѣтилъ, хотя уже въ нашемъ правленіи слышалъ отъ служащихъ, что въ районѣ Царскосельскаго вокзала въ ожиданіи большевиковъ будто бы сооружаются какія-то баррикады, почему служащіе торопились расходиться. Шелъ я, насколько помню, по Невскому, но подойдя къ Полицейскому мосту, откуда уже было два шага до нашего Союза, я рѣшилъ пройти по Мойкѣ на Дворцовую площадь. У огромныхъ штабелей дровъ, уложенныхъ по обѣ стороны арки, я увидѣлъ много вооруженныхъ юнкеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ ходили, другіе сидѣли на дровахъ, курили, разговаривали, выглядѣли, конечно, молодо и бодро, но все же видъ ихъ былъ такой, точно что-то имъ надоѣло и находились они здѣсь нехотя. На вопросы они отвѣчали незнаніемъ. Черезъ площадь прошелъ женскій воинскій отрядъ, но куда, я не обратилъ вниманія. Съ Дворцововй площади я прошелъ къ Градоначальству и оттуда по Гороховой къ себѣ въ Союзъ. Тамъ я нашелъ весь персоналъ на мѣстахъ и работа шла по обыкновенію. «Сометаллъ» помѣщался въ томъ-же зданіи, что и «Продамета» (Металлургическій синдикатъ) съ ея многочисленнымъ составомъ служащихъ. Часовъ въ 12 ко мнѣ пришли сказать, что служащіе Продаметы расходятся, такъ какъ въ городѣ неспокойно, какіе-то солдаты уже заняли Красный мостъ и никого не пропускаютъ черезъ него пройти. Черезъ нѣкоторое время входятъ ко мнѣ въ кабинетъ «барышни» и взволнованно разсказываютъ о томъ, что сами видѣли, какъ на

Красномъ мосту сооружаются баррикады, и настояли на томъ, чтобы я пошелъ самъ посмотрѣть черезъ тѣ окна, что выходили прямо на Красный мость. Дѣйствительно, хорошо одѣтые солдаты подъ предводительствомъ щеголеватыхъ офицеровъ, разобравъ часть торцовой мостовой какъ разъ на перегибѣ моста, изъ шашекъ сдѣлали башенки высотой по поясъ и на нихъ, какъ и на перила моста поперекъ его, уложили нѣсколько принесенныхъ откуда-то досокъ, и дѣлали они это такъ весело, что казалось, вотъ сейчасъ они начнутъ какую-то игру. Вспомнивъ, что съ утра мнѣ сказали въ Правленіи, что баррикады сооружаются у Царскосельскаго вокзала, я подумалъ, что тутъ на Красномъ мосту вѣроятно вторая линія обороны (хотя эти досочки мнѣ показались игрушечнымъ укрѣпленіемъ), а что юнкера на Дворцовой площади находятся въ качествѣ какъ бы почетнаго конвоя министровъ, о женскомъ же отрядѣ я забылъ. Такое предположеніе я высказалъ «барышнямъ», онѣ было успокоились, но потомъ все же одна за другой стали расходиться. Ушелъ и мужской персоналъ, и къ тремъ часамъ стало совсѣмъ тихо въ домѣ у Краснаго моста. Часовъ въ 5 или 6 мнѣ наскучило одиночество и я отправился по пустымъ заламъ въ кабинетъ Помощника Управляющаго дѣлами «Продаметы». Я засталъ его за работой, немного поговорилъ съ нимъ и вернулся къ себѣ въ кабинетъ. Въ 7 часовъ вечера по обыкновенію я собрался уходить, но двери оказались запертыми. Тщетно я, подымаясь и опускаясь по внутреннимъ винтовымъ лѣстницамъ, проходя по темнымъ коридорамъ, по пустымъ заламъ, подходилъ ко всѣмъ дверямъ, ведущимъ на парадную лѣстницу: онѣ были заперты. Наконецъ нашелся единственный оставшійся старикъ-сторожъ, который мнѣ отперъ дверь, и артельщикъ, рѣшившій остаться при кассѣ (были же люди долга!). Когда я похвалилъ старика-сторожа, то онъ меня увѣрялъ, что это «невпервое» и все, что болтаютъ въ городѣ — вздоръ (ночью черезъ нѣсколько часовъ въ помѣщеніе Продаметы попалъ снарядъ, но отскочивъ отъ стѣнки и причинивъ нѣкоторыя разрушенія, полетѣлъ дальше по направленію къ району Царскосельскаго вокзала, гдѣ ударился въ какой-то домъ и съ порядочными послѣдствіями).

Внизу парадная дверь оказалась запертой, но швейцариха мнѣ ее открыла и, выйдя на Гороховую, я пошелъ къ Красному мосту. Солдаты, такъ весело строившіе баррикады, къ вечеру устали, и въ ночной темнотѣ уже показались прямо таки хмурыми и непривѣтливыми: черезъ мостъ меня не пустили, невзирая ни на какіе уговоры. Я отправился по Мойкѣ къ Полицейскому мосту, но и тамъ не пропустили и даже не дали перейти Невскаго, сказавъ, что черезъ Пѣвчевскій тоже не пустятъ... Спрашивать солдатъ, кто они такіе, конечно, было нельзя — все равно не скажутъ, а можно попасть подъ подозрѣніе — но такъ или иначе стало ясно, что домой на Кирочную я не попаду. Куда же дѣваться? Пошелъ къ одному знакомому Н. А. А., что жилъ на Гороховой рядомъ съ Градоначальствомъ.

Часовъ въ 8 вечера мы съ нимъ отправились гулять: было какъ то слишкомъ тихо и очень рѣдко попадались прохожіе. На Гороховой встрѣтили милиціонера, продолжавшаго на своемъ посту охранять порядокъ. Едва мы вернулись и сѣли за обѣденный столъ, какъ загромыхали пушки, пулеметы, ружья — и очень близко, и далеко.

Насколько помню, часовъ въ 10 стрѣльба смолкла. Потомъ уже я читалъ, что въ это время сдались юнкера. Немного погодя, мы вспомнили про одного знакомаго француза, очень боявшагося всѣхъ видовъ оружія и тѣмъ болѣе выстрѣловъ. Незадолго до этого, съ трудомъ получивъ мѣсто въ вагонѣ международнаго общества, онъ поѣхалъ въ Крымъ, гдѣ жила его семья, но въ Москвѣ онъ вышелъ изъ поѣзда и вернулся обратно въ Петроградъ: на крышѣ умостились какіе-то солдаты съ ружьями и ему ночью представилось, что въ его купэ подъ тяжестью солдатъ проломится

потолокъ и онъ будетъ пронзенъ какимъ нибудь штыкомъ. Представивъ себѣ, что нынѣ долженъ былъ переживать этотъ человѣкъ, мы рѣшили его навѣстить. Онъ жилъ на Мойкѣ между Полицейскимъ и Пѣвчевскимъ мостами.

Выходя изъ дому около 11 часовъ мы видѣли на углу около Градоначальства полевое орудіе, дуломъ направленное къ Зимнему дворцу, и человѣкъ 20 солдатъ, милиціонеръ же, переставъ охранять порядокъ, куда-то удалился. Солдаты на насъ не обратили вниманія, и мы прошли по Гороховой и Морской къ углу Невскаго, никого не встрѣтивъ на нашемъ пути.

На мѣстѣ перекрещиванія этихъ двухъ большихъ улицъ мы увидѣли орудіе, направленное жерломъ къ аркѣ, что противъ Зимняго дворца, и пару пулеметовъ. Вокругъ орудія и пулеметовъ – матросы и солдаты, равно какъ и на углахъ; всего ихъ было человѣкъ 15. Очевидно, это не правительственныя войска, а большевики. Слѣдовательно и тѣ солдаты, что днемъ строили баррикады, были тоже большевиками, и за эти нѣсколько часовъ осаждающее кольцо сжалось.

Мы шли лѣвой стороной улицы. Когда мы вышли на Невскій, насъ остановили матросы и удивленно спросили, почему мы въ это время на улицѣ. Наше объясненіе, что идемъ на Мойку провѣдать знакомаго, было признано неуважительнымъ, и насъ дальше не пустили. Мы попробовали было заявить, что намъ нужно бросить письмо въ почтовый ящикъ, что на противоположномъ углу (мы думали, что оттуда мы уже какъ нибудь проберемся къ Мойкѣ), но это заявленіе показалось уже слишкомъ настойчивымъ и какихъ-то двое матросовъ съ пулеметными лентами черезъ плечо и съ ружьями въ рукахъ, повели насъ къ магазину «Александра», гдѣ подъ фонаремъ стали разсматривать паспортъ моего спутника. Моего паспорта я не показалъ, такъ какъ въ немъ были на первой же страницѣ отмѣчены чинъ и званіе, могущіе меня скомпрометировать. Непредъявленіе мною «документа» всерьезъ было разволновало одного изъ матросовъ, но все обошлось благополучно: подошедшій солдатъ озабоченно что-то сказалъ матросамъ и тѣ, посовѣтовавъ намъ поскорѣе уйти и больше не возвращаться, вернулись къ орудію.

Обратно мы пошли по улицѣ Гоголя, которая была совершенно безлюдна. Ни въ одномъ окнѣ улицы Гоголя, какъ и вообще тѣхъ улицъ, по которымъ мы проходили, не было свѣта. Ночь была тихая, и улицы казались совершенно вымершими. Идя по тротуару, мы слышали раздававшееся по нѣсколько разъ эхо нашихъ шаговъ, но среди этого эхо мы стали различать тихіе шаги двухъ другихъ людей, съ которыми мы вскорѣ же повстрѣчались: молодой человѣкъ лѣвой рукой обнималъ за талью дѣвушку, задумчиво склонившую къ его плечу головку. Они шли медленно и молча...

Когда мы вернулись къ моему знакомому на Гороховую и опять забухали пушки, затрещали пулеметы и ружья, мы уже хорошо понимали, что происходитъ.

Въ верхнемъ этажѣ того же дома жили наши общіе съ А. знакомые; въ ихъ квартирѣ были въ ту ночь только женщины и молодежь; насъ просили къ нимъ подняться. Тамъ наверху была лучше слышна стрѣльба и можно было легче различать откуда стрѣляютъ. Зимній дворецъ преграждалъ звуковыя волны, почему выстрѣлы съ Петропавловской крѣпости казались особенно глухими. Отъ выстрѣловъ изъ тяжелыхъ морскихъ орудій стоявшей на Невѣ «Авроры» дребезжали стекла и, казалось, тряслись стѣны. Особенно же сильнымъ намъ казалось буханье той пушки, что стояла около угла сосѣдняго къ намъ дома Градоначальства.

Около двухъ часовъ ночи вдругъ стрѣльба прекратилась, стало тихо и лишь изрѣдка были слышны ружейные выстрѣлы. Позже я читалъ, что тогда сдалась послѣдняя опора Временнаго Правительства — женскій батальонъ.

Пролежавъ остатокъ ночи на диванѣ, часовъ въ семь я подошелъ къ окну: по обыкновенію дворникъ подметалъ около воротъ, прошелъ какой-то парень съ корзиной... немного спустя, торопясь куда-то на службу, легкой поступью прошла барышня, а потомъ, смѣясь и шаля, нѣсколько ребятъ — въ школу, и мало по малу улица приняла свой обычный видъ, а жизнь потекла сегодня, какъ вчера, и завтра, какъ сегодня . . . .

Свершилось!

Утромъ 26-го октября я совершенно свободно вернулся домой на Кирочную, при чемъ на улицахъ было все по обыкновенію: можетъ быть все, что я видѣлъ и слышалъ 25-го и въ ночь подъ 26-ое, только воображеніе, сонъ, тяжелый кошмаръ? У меня на Кирочной швейцаръ и прислуга недоумѣнно смотрѣли на меня, когда я спрашивалъ ихъ, какъ прошла ночь. Въ выраженіи лица швейцара я даже прочелъ плохо скрытую иронію: онъ хорошо зналъ, что раньше не было случая, чтобы я дома не ночевалъ, а между тѣмъ, нужно же было ему чѣмъ нибудь объяснить столь несвоевременное мое возвращеніе. Можетъ быть, и вправду это только — кошмаръ? А, можетъ быть, потому они ничего не знаютъ и потому улицы имѣютъ обычный видъ, что вся борьба ограничивалась осажденнымъ кольцомъ, а населеніе было пассивнымъ? Неужели все-же такъ легко досталась побѣда? Можетъ быть, окончательная побѣда? — Нѣтъ, не только не окончательная, а именно съ этого дня начинается борьба, глухая, пассивная, а потому — не на животъ, а на смерть . . . .

Глава IV

О НѢКОТОРЫХЪ СЛОЯХЪ РЕВОЛЮЦІОННАГО ОБЩЕСТВА

Прежде чѣмъ переходить къ описанію того, чего я былъ свидѣтелемъ или участникомъ послѣ большевицкаго переворота, я хотѣлъ-бы отмѣтить, какимъ образомъ измѣнилось отношеніе революціоннаго общества къ злободневнымъ вопросамъ, выдвигаемымъ революціей, по мѣрѣ ея развитія. Составляя мои очерки, не въ качествѣ изслѣдователя, а въ качествѣ наблюдателя, подчасъ невольнаго, я ограничиваю эту деликатную задачу дифференцировки по слоямъ тѣмъ, что буду говорить преимущественно о тѣхъ слояхъ революціоннаго общества, къ которымъ находился въ достаточной близости: о рабочихъ, торгово-промышленныхъ служащихъ и о хозяевахъ предпріятій.

Вызванное объявленіемъ войны пробужденіе сознанія обще-народной солидарности наблюдалось и въ рабочей средѣ, проявляясь иногда весьма рѣшительно и дѣйственно: достаточно вспомнить немедленное прекращеніе забастовочнаго движенія, охватившаго было въ іюлѣ 1914 года петроградскій заводской районъ, безвозмездную постройку санитарныхъ поѣздовъ, мостовъ и др. предметовъ для военныхъ нуждъ.

Ко времени-же, предшествовавшему революціи, отношеніе къ великой отечественной задачѣ существенно измѣнилось. Патріотическое воодушевленіе притупилось, но все же не наблюдалось и враждебнаго отношенія къ національной идеѣ. Наступило равнодушіе.

Я помню, какъ въ Петроградъ пріѣхала въ 1916 году делегація отъ рабочихъ нашего завода, расположеннаго на правомъ берегу Западной Двины, для ходатайствованія объ эвакуаціи завода въ виду приближенія фронта. Делегація объясвила, что рабочимъ все равно на кого работать — на Россію или Германію и что, пожалуй, даже условія труда и жизни у «Вильгельма» лучше, чѣмъ у «Николая», но что они боятся какъ бы не пострадать въ переходный моментъ.

Въ общемъ рабочіе продолжали хорошо работать, забастовокъ было мало, а если производительность труда падала (напримѣръ, производительность горнорабочаго въ Донецкомъ бассейнѣ падаетъ съ 960 пуд. въ мѣсяцъ въ первомъ полугодіи 1914 года до 474 пудовъ въ началѣ 1917 года), то во многихъ случаяхъ это объяснялось слѣдующими причинами: 1) въ стремленіи усилить производство, къ кадрамъ постоянныхъ рабочихъ присоединялись случайные для промышленности элементы, что понижало средній качественный уровень рабочаго состава; 2) вызваннымъ разстройствомъ транспорта недостаткомъ топлива и матеріаловъ; 3) увеличеніемъ размѣровъ заработной платы. Послѣдняя же росла, какъ вслѣдствіе недостатка въ рабочихъ рукахъ, такъ и изъ опасенія перерыва въ производствѣ изъ-за возможныхъ забастовокъ.

Къ февралю наблюдается паденіе производства, которое потомъ увеличивается (такъ выплавка чугуна на южно-русскихъ металлургическихъ заводахъ съ 16,4 мил. пудовъ въ октябрѣ 1916 года падаетъ до 9,6 мил. пудовъ въ февралѣ, достигая въ маѣ 13,0, производство же готоваго продукта въ ноябрѣ 1916-го года — 12,9, въ февралѣ 1917 года — 5,8 и въ маѣ 1917 года — 9,0 мил. пудовъ).

Въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ революціи, пока противогосударственная идея еще не поборола отечественной, состояніе умовъ въ рабочей средѣ было такое, что послѣ февральскаго упадка производство могло все-же опять возстанавливаться; это наблюдалось, и основной причиной этого было улучшеніе транспорта послѣ маразма, вызваннаго свирѣпствовавшими въ февралѣ снѣжными заносами. Въ самые же первые дни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наблюдалось даже нѣкоторое воодушевленіе, не лишенное патріотическихъ тоновъ. Но это только случайные блестки привходящаго характера, въ общемъ же революція разсматривалась рабочими, какъ обстоятельство, открывающее широкія перспективы для удовлетворенія узкихъ классовыхъ интересовъ.

Въ первые два мѣсяца нѣсколько сдерживала классовые инстинкты патріотическая идея, съ которой руководящіе рабочими массами верхи еще открыто не порвали, но къ концу апрѣля въ пренебреженіи интересами государства уже проявлялся совершенно откровенный цинизмъ. Широко распространенная пропаганда, главнымъ средствомъ которой была демагогія, начисто вымела изъ умовъ рабочихъ послѣдніе остатки народной совѣсти, представивъ классовый инстинктъ, какъ святую доблесть.

«Военная сверхприбыль» или тѣ «сказочные барыши», что промышленники получили благодаря военнымъ поставкамъ, верхи рабочихъ массъ хотѣли заставить возвратить государству при помощи прогрессивнаго подоходнаго налога и единовременнаго налога на приростъ доходовъ. Разумѣется, налоги относились ко всему населенію, не раздѣляя гражданъ на «буржуевъ» и «пролетаріевъ».

Эти налоги одобрялись рабочими, но они сами рѣшительно отказывались ихъ платить, невзирая на ничтожныя ставки, къ нимъ относящіяся, хотя изъ условій военнаго времени рабочіе также извлекали выгоды, какъ и предприниматели. Но гораздо важнѣе то, что рабочіе хотѣли, чтобы эти «сказочные барыши» достались имъ самимъ. Чаще же всего даже не такого рода умопостроенія руководили рабочими, а просто сознаніе того, что наступило время, когда соотношеніе силъ позво-

ляетъ настаивать на увеличеніи заработной платы и уменьшеніи работы. И предѣла для такого рода вожделеній не было. Стоило добиться увеличенія тарифовъ, какъ они уже казались малыми. Добились 8 часового рабочаго дня и сейчасъ же заговорили о 6 и даже 4 часовомъ (химическая промышленность).

Въ Комитетѣ Труда (см. глава II) намъ вполнѣ научно и даже съ нѣкоторой изысканностью доказывали, что рабочій день долженъ быть именно 8 часовымъ, но въ жизни было совсѣмъ иначе: рабочихъ не столь интересовали научные аргументы, какъ прельщала меньшая работа, а потому дальнѣйшее «углубленіе революціи» логически приводило отъ 8 къ 6, потомъ къ 4, и въ этомъ подъ угломъ зрѣнія рабочихъ не было никакой нелѣпости.

Для уясненія искусственности формулъ, придуманныхъ руководителями трудящихся массъ, по сравненію съ примитивностью стремленій самихъ рабочихъ, небезынтересно отмѣтить, какимъ образомъ доктрина 8 часового рабочаго дня претворилась въ жизнь въ Донецкомъ бассейнѣ. Категорія рабочихъ, называемыхъ «забойщиками», всегда работала сдѣльно, причемъ продолжительность рабочаго дня фактически была около 6—8 часовъ при фактическомъ количествѣ рабочихъ дней въ мѣсяцъ около 18. Очевидно, что рабочимъ этой категоріи примѣненіе доктрины 8 часового рабочаго дня не приносило никакой реальной выгоды, а между тѣмъ психологія рабочихъ требовала не доктринерства, а реальныхъ «завоеваній революціи». Однако, услужливые руководители трудящихся нашли блестящій выходъ: такъ какъ отнынѣ забойщики будутъ работать не 12 (!), а 8 (!) часовъ, то для сохраненія прежняго размѣра заработковъ тарифы должны быть повышены въ полтора раза.

Въ благопріятномъ для рабочихъ соотношеніи силъ, на которое указывалось выше и которое было причиною непрерывной цѣпи ихъ побѣдъ надъ предпринимателями или, вѣрнѣе, надъ Націей, почти никакого значенія не имѣли ни соотношеніе спроса и предложенія, ни благопріятное для той или другой отрасли промышленности положеніе рынка, какъ это обыкновенно имѣетъ мѣсто въ процессѣ борьбы труда съ капиталомъ, истинная же причина лежала совсѣмъ въ другомъ: рабочіе пользовались правомъ освобожденія отъ воинской повинности, но не обязаны были работать, къ тому же имъ оплачивалось время забастовки; согласіе на увеличеніе заработной платы и на сокращеніе продолжительности рабочаго дня изъявлялось работодателями, но при всеобщей работѣ «на оборону» фактически перекладывалось на государство, и такимъ образомъ работодатели могли уступать требованіямъ рабочихъ, отказывать же они не могли, такъ какъ, во-первыхъ, всѣ требованія подкрѣплялись грубыми угрозами и часто не менѣе грубыми насиліями, связанными съ издѣвательствомъ и убійствомъ, а во вторыхъ, неизбѣжная въ случаѣ отказа забастовка наносила бы ущербъ національному дѣлу обороны.

Такимъ образомъ милитаризація промышленности въ революціонной обстановкѣ приносила рабочимъ только ничѣмъ не ограниченныя права, но не возлагала на нихъ никакихъ обязанностей, и чѣмъ больше ихъ въ этомъ убѣждали неизмѣнно одерживаемыя ими побѣды, тѣмъ болѣе они входили во вкусъ своей безудержной разрушительной дѣятельности.

Совершенно противообщественная, почти звѣриная психологія рабочихъ массъ въ своемъ развитіи очень часто встрѣчала идейную поддержку со стороны своихъ вождей и ближайшихъ руководителей.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ заводскіе комитеты выбирались толковые и болѣе спокойные рабочіе, понимавшіе не только инстинкты рабочихъ массъ, но и интересы предпріятія, понимавшіе, что сохраненіе дѣятельности завода нужно самимъ трудящимся и необходимо государству. Въ такихъ случаяхъ заводскіе комитеты

оказывали сдерживающее на рабочія массы вліяніе и содѣйствовали поддержанію фабричнаго порядка.

Но, если въ началѣ революціи нечасто бывалъ такой составъ заводскихъ комитетовъ, по мѣрѣ развитія противообщественной психологіи рабочихъ массъ, это бывало лишь въ видѣ счастливаго исключенія, обыкновенно же благоразумные члены комитетовъ обвинялись въ томъ, что «продались капиталистамъ», подчасъ подвергаясь издѣвательствамъ и насиліямъ, и замѣнялись людьми съ болѣе горячими головами или — лицами болѣе угодливыми. Бывало иногда, что составъ комитета не переживалъ сутокъ («Треугольникъ» въ Петроградѣ).

Малочисленные, въ особенности въ началѣ революціи, профессіональные союзы признавались рабочими массами лишь постольку, поскольку обѣщали и добивались увеличенія заработныхъ платъ и уменьшенія продолжительности рабочаго дня.

По сравненію съ заводскими комитетами средній уровень руководителей профессіональныхъ союзовъ былъ несомнѣнно выше, но къ сожалѣнію въ ихъ ряды иногда проникали карьеристы революціи изъ интеллигенціи, нисколько не связанные въ своемъ прошломъ ни съ промышленностью вообще, ни въ частности съ рабочей средой (Проф. союзъ «Горнотрудъ»), и лишь въ видѣ исключенія гастролеры изъ интеллигенціи оказывали облагораживающее вліяніе (Проф. союзъ «Металлистъ» — на этомъ крупнѣйшемъ союзѣ я нѣсколько остановлюсь въ слѣдующей — II части).

Разница между заводскими комитетами и профессіональными союзами по ихъ природѣ и ихъ сущности, конечно, очень велика, но въ революціонной дѣйствительности далеко не всегда можно было ее установить, такъ какъ бывали случаи учрежденія профессіональнаго союза, распространяющагося только на одно предпріятіе, иногда включая всѣхъ рабочихъ даннаго промышленнаго заведенія и подчасъ въ принудительномъ порядкѣ (Одно время на Константиновскомъ стекольномъ заводѣ въ Екатер. г.). Но и болѣе типичные союзы обыкновенно имѣли характеръ не строго профессіональный, а скорѣе производственный: напримѣръ, профессіональный союзъ «Металлистъ» обнималъ всѣхъ рабочихъ металлургическихъ заводовъ и въ томъ числѣ не только рабочихъ «по металлу», но и сторожей, кучеровъ, рабочихъ вспомогательныхъ цеховъ — огнеупорныхъ матеріаловъ, желѣзнодорожнаго, строительнаго и т. д. Профессіональные союзы и заводскіе комитеты, невзирая на различіе своего назначенія, рѣдко уживались другъ съ другомъ, почему обыкновенно на заводахъ была или та, или другая организація, а въ случаяхъ сосуществованія одна изъ нихъ чахла, подавая мало замѣтные признаки жизни (Таганрогскій, Никополь-Мар. Металлург. заводы).

Я умалчиваю о безподобныхъ революціонныхъ органахъ «государственной» власти — о совѣтахъ рабочихъ депутатовъ, въ дѣятельности которыхъ рабочіе были не столько объектами, какъ субъектами: они могутъ называться рабочими организаціями скорѣе по составу, чѣмъ по своему назначенію. Отмѣчу только тотъ фактъ, что на нѣкоторыхъ заводахъ совѣты рабочихъ депутатовъ выполняли на ряду съ функціями «государственнаго управленія», «судебными» и «законодательными» также и функціи заводскихъ комитетовъ и профессіональныхъ союзовъ, причемъ рабочіе даже не замѣчали чудовищности такого совмѣщенія (Лисичанскіе химическіе и стекольные заводы Ливенгофскаго Общества): я бы сказалъ, что Монтескье «перевернулся бы въ гробу», если бы услышалъ о такого рода совмѣщеніи, но мнѣ кажется, что въ примѣненіи къ данному случаю это выраженія показалось бы слишкомъ блѣднымъ.

О вліяніи совѣтовъ рабочихъ депутатовъ на рабочія массы распространяться не приходится.

Возвращаясь къ заводскимъ комитетамъ и къ профессіональнымъ союзамъ, замѣчу, что среди промышленниковъ и заводской администраціи мнѣнія расходились: одни, выбирая изъ двухъ золъ, отдавали предпочтеніе заводскимъ комитетамъ, другіе профессіональнымъ союзамъ. Я говорю «изъ двухъ золъ», потому что по условіямъ времени и тѣ, и другіе въ общемъ не могли быть истинными руководителями организованныхъ рабочихъ, а могли или плестись за рабочей стихіей, или возбуждать въ ней дурные инстинкты, но это отнюдь не значитъ, чтобы всѣ промышленники — современники революціи были принципіальными противниками организованности рабочихъ: напротивъ, очень многіе даже въ болѣзненныхъ условіяхъ революціи не утратили убѣжденія, что развитіе капитализма можетъ и должно сопровождаться развитіемъ профессіональнаго сплоченія трудящихся.

Слѣдуя по восходящей линіи отъ рабочихъ массъ черезъ заводскіе комитеты и профессіональные союзы естественно мысль устремляется къ вдохновлявшимъ и руководившимъ верхамъ: къ рабочимъ партіямъ и къ исполнительной власти. О нихъ уже говорилось въ гл. 2, а въ соотвѣтствіи съ рамками настоящей главы я только напомню, что рабочія партіи и исполнительная власть подобно заводскимъ комитетамъ и профессіональнымъ союзамъ до тѣхъ поръ казались стоящими во главѣ рабочаго движенія, пока они поджигали и раздували низменныя страсти рабочихъ массъ, но когда болѣе умѣренныя изъ партій вмѣстѣ съ исполнительной властью попробовали заливать, тушить, то разбушевавшаяся огненная стихія стала угрожать и имъ самимъ и наконецъ къ 25 октября они утратили и послѣднюю видимость своего вліянія. Одни большевики сохранили за собою руководство рабочими массами, но и то потому, что, не пробуя идти вспять, они ихъ увлекали все дальше и дальше.

Одной изъ характерныхъ чертъ революціи было крушеніе авторитетовъ и въ связи съ этимъ широкій и самоувѣренный разгулъ звѣрскихъ, все сокрушающихъ на своемъ пути инстинктовъ. Въ полной мѣрѣ это проявлялось въ средѣ чернорабочихъ, но къ сожалѣнію, эта стихія захлестнула и болѣе развитую, квалифицированную часть рабочей среды.

Иначе измѣнялось въ теченіе революціи направленіе другого слоя населенія, а именно — многочисленнаго въ городахъ и на заводахъ слоя банковскихъ, торговыхъ и промышленныхъ служащихъ.

Въ главѣ I я уже говорилъ о случаяхъ почти трогательнаго единенія между заводскими служащими и рабочими. Однако, очень скоро въ этомъ союзѣ стала наблюдаться трещина, но при томъ не между этими двумя слоями: идеологія директоровъ заводовъ, начальниковъ отдѣловъ и инженеровъ въ подавляющемъ числѣ случаевъ оставалась очень близкой къ идеологіи хозяевъ, тогда какъ прочіе служащіе тяготѣли къ рабочимъ; и въ этомъ направленіи ихъ толкало то примитивное соображеніе, что они тѣ же эксплоатируемые капиталомъ пролетаріи, какъ и рабочіе, почему во многихъ случаяхъ они входили въ совѣты рабочихъ депутатовъ, вмѣстѣ съ рабочими работая надъ «углубленіемъ революціи», и повсюду образовывали профессіональные союзы служащихъ для защиты своихъ правъ, главнѣйшимъ изъ коихъ, какъ у рабочихъ, было — меньше работать и больше получать, не считаясь съ интересами промышленности и государства. Но необходимо отмѣтить, что нѣкоторые изъ служащихъ и особенно изъ высшихъ, благодаря своей близости къ управленію заводскимъ хозяйствомъ и къ хозяйственнымъ отношеніямъ между заводомъ и внѣшнимъ міромъ, практически были подготовлены къ пониманію основъ народо-хозяйственнаго оборота, обладая иногда и теоретическими познаніями изъ экономической области.

Нѣкоторые изъ этого рода людей, какъ я нерѣдко замѣчалъ, переживали глубокую драму: вмѣстѣ съ рабочими идти «углублять революцію» — значитъ расшатывать народное хозяйство, ѣсть курицу, несущую золотыя яйца, губить родину; слиться-же съ хозяевами — потерять свою классовую индивидуальность, а можетъ быть даже — «продаться капиталу», но были и такіе, что безъ колебаній честно выполняли свой долгъ передъ родиной и предпріятіемъ.

Въ первое время революціи служащіе проявляли стремленіе къ сліянію съ рабочими, вступая въ рабочіе профессіональные союзы или чаще устанавливая соглашенія между союзами служащихъ и рабочихъ: въ этомъ послѣднемъ сказывалось не только сознаніе пролетарской солидарности, но также со стороны служащихъ — исканіе мощной поддержки рабочихъ, а со стороны рабочихъ стремленіе подчинить себѣ весь аппаратъ заводского управленія. Впослѣдствіи, однако, связи между служащими и рабочими стали ослабѣвать: стремленіе рабочихъ къ нивеляціи толкало служащихъ къ эмансипаціи (какъ извѣстно, по той же причинѣ наблюдалось отслоеніе квалифицированныхъ рабочихъ отъ черно-рабочихъ).

Служащихъ банковъ, правленій промышленныхъ предпріятій, составляющихъ замѣтную часть городского и особенно столичнаго населенія, также захлестнула волна революціонныхъ страстей, какъ и заводскихъ служащихъ. Они также образовывали «для защиты отъ эксплоатаціи капитала» профессіональные союзы, также всѣ почувствовали, что пришло время, когда можно меньше работать и больше получать, «митинговали», волновались, обсуждали, устраивали забастовки и, однимъ словомъ, продѣлывали почти все, что полагалось во время революціи.

Тѣмъ не менѣе, можно отмѣтить нѣкоторыя особенности въ ихъ психологіи и въ ихъ поведеніи, причины которыхъ лежали въ болѣе высокомъ уровнѣ развитія и въ отсутствіи непосредственнаго контакта съ рабочими массами.

Въ крупныхъ коммерческихъ банкахъ подчасъ наблюдалось злобное возбужденіе противъ лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ, но въ учрежденіяхъ съ меньшимъ составомъ служащихъ, гдѣ дирекція ближе къ нимъ и гдѣ установились еще раньше индивидуальныя связи съ ними, сохранялись не только вполнѣ корректныя и довѣрчивыя, но иногда даже сердечныя отношенія, служебная же дисциплина почти не нарушалась.

Сколько нибудь замѣтныхъ попытокъ сліянія съ рабочими не было, и они объединялись въ профессіональные союзы, исключительно, служащихъ. При скученности городской и особенно столичной жизни легче и раньше возникали многочисленные союзы служащихъ, чѣмъ на заводахъ. Связь между служащими и рабочими все же имѣла мѣсто — при посредствѣ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, гдѣ профессіональные союзы служащихъ имѣли своихъ представителей — но эта связь естественно была менѣе тѣсной, чѣмъ на заводахъ.

По мѣрѣ развитія революціи и все болѣе откровеннаго выявленія зоологическихъ инстинктовъ стала намѣчаться грань между служащими и бушевавшей стихіей и сглаживаться противорѣчія съ хозяевами, притомъ въ столицѣ, откуда разбѣгались по странѣ революціонныя волны, раньше всего опредѣлился и психологическій сдвигъ служебнаго слоя населенія. Ко времени большевицкаго переворота оріентація служащихъ уже настолько перемѣнилась, что служащіе выступали уже въ качествѣ «контръ-революціонеровъ» при поддержкѣ капиталистовъ («саботажъ» банковскихъ служащихъ послѣ захвата банковъ 14 декабря 1917 года, послѣдовавшій за «саботажемъ» чиновниковъ, имѣвшимъ мѣсто съ 25 октября).

Объ участіи «торгово-промышленнаго класса» въ русской революціи, конечно, можно говорить лишь совершенно условно: этотъ классъ ко времени революціи только что сталъ выкристаллизовываться, а торгово-промышленные люди едва стали осознавать себя зернами соціальнаго слоя, имѣющаго свои рѣзкія отличительныя особенности, въ своей природѣ и своемъ характерѣ, и долженствующаго осуществить свою великую историческую миссію; но именно потому, что революція открываетъ этому классу, быть можетъ въ сотрудничествѣ съ крестьянствомъ, нѣкоторыя перспективы въ строительствѣ Новой и Свободной Россіи, хотя бы въ довольно отдаленномъ будущемъ, нельзя обойти его молчаніемъ, говоря о революціонномъ обществѣ.

Ходившихъ въ армякахъ и длинныхъ кафтанахъ, въ широкихъ шароварахъ, опускавшихся на голенища съ гармоникой высокихъ сапогъ, носившихъ старообрядческую бороду «по брюхо», украшенное симетрично опускающейся въ обѣ стороны золотой цѣпью, людей, къ которымъ обращались въ свое время на ты и которымъ лишь въ знакъ особаго благожелательства подавали руку, ко времени революціи почти уже не оставалось. Къ этому времени крупно-промышленная буржуазія представлялась принявшими вполнѣ европейскій обликъ и получившими хорошее образованіе купцами «второго» или «третьяго поколѣнія», а также стоящими во главѣ управленія крупныхъ, обыкновенно акціонерныхъ, предпріятій людьми, выдвинувшимися образованіемъ, инициативой, энергіей и трудомъ и участвовавшими въ руководимомъ ими дѣлѣ и своими, часто небольшими, капиталами. Купцы стараго закала подчасъ относили этихъ людей къ разряду приказчиковъ, революціонные же рабочіе ихъ одинаково называли «капиталистами», какъ и настоящихъ милліонщиковъ. Общественные дѣятели, представлявшіе торгово-промышленный классъ, бывали изъ обѣихъ категорій, причемъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Нижнемъ Новгородѣ чаще фигурировали подлинные капиталисты, чѣмъ въ Петроградѣ и Харьковѣ.

Въ отношеніи классового единства наличіе этихъ двухъ категорій людей, представляющихъ крупно-промышленную буржуазію, не имѣло значенія, такъ какъ идеологія у тѣхъ и у другихъ почти одинаковая и никакого антагонизма не наблюдалось, но было другое обстоятельство, приносившее ущербъ независимости торгово-промышленнаго класса. Нахожденіе въ его средѣ довольно многихъ землевладѣльцевъ, и часто изъ числа дворянъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ связывало торгово-промышленный классъ съ тѣмъ отжившимъ свою политическую карьеру дворянскимъ сословіемъ, которое въ области государственнаго управленія ему суждено замѣнить. Это обстоятельство съ очевидностью проявилось въ послѣдующіе этапы революціи, почему я еще вернусь къ этому вопросу впослѣдствіи, но въ эпоху Временнаго Правительства и это обстоятельство не имѣло значенія, потому что, вообще говоря, въ то время торгово-промышленный классъ, какъ таковой, на политическую арену не выступалъ.

Отводимое въ дореволюціонное время торгово-промышленному классу второстепенное мѣсто въ области государственнаго и земскаго управленія, отсутствіе гражданскихъ свободъ, строгая и стѣснительная регламентація предпринимательской дѣятельности, – все это вызывало неудовольствіе торгово-промышленныхъ людей, которое выражалось въ представленіи ходатайствъ, записокъ и пр., въ нѣкоторомъ будированіи, но объ открытой оппозиціи царско-дворянской власти не было и рѣчи. Правда, отдѣльныя личности были настолько оппозиціонно настроены, что даже расходовали большія суммы на поддержку эмигрантскихъ революціонныхъ организацій, но такое настроеніе не можетъ быть приписываемо всему классу. Передъ самымъ февральскимъ переворотомъ были сдѣланы значительныя пожертвованія на революціонные цѣли, но это тоже имѣло лишь эпизодическій характеръ. Въ общемъ-же классъ былъ

настолько аморфенъ и политически инертенъ, что даже не имѣлъ своихъ явныхъ представителей въ Государственной Думѣ, да у него и не было своей политической программы.

Торговля и промышленность объединялись биржевыми комитетами, обществами заводчиковъ и фабрикантовъ, промышленными съѣздами (южно-русскими горнопромышленными, бакинскимъ и грозненскимъ нефтяными, уральскимъ золотопромышленнымъ, стеклозаводчиковъ и др.) и всероссійской ассоціацией (Съѣзды Промышленности и Торговли), но дѣятельность этихъ организацій не выходила за предѣлы защиты непосредственныхъ экономическихъ интересовъ промышленности и торговли и содѣйствія ихъ развитію, затрагивая соціальные вопросы, какъ и вопросы государственнаго управленія, лишь въ узкихъ границахъ*.

Натискъ революціонныхъ рабочихъ на промышленность вызвалъ къ жизни объединенія новаго типа — промышленные союзы: Союзъ представителей металлообрабатывающей промышленности, Союзъ представителей металлургической и желѣзодѣлательной промышленности (Cометалъ), Углесоюзъ, Антрацитосоюзъ и многіе другіе союзы, возглавляемые Всероссійскимъ Союзомъ Промышленности и Торговли.

10 мая представители металлургической и металлообрабатывающей промышленности во главѣ съ Предсѣдателемъ Совѣта Съѣздовъ промышленности и торговли Н. Н. Кутлеромъ были приняты коалиціоннымъ правительствомъ, которому было изложено то катастрофическое положеніе промышленности, къ которому ее приближали непрерывные натиски революціонныхъ рабочихъ при безвластіи революціоннаго правительства, причемъ было указано, что если не послѣдуетъ никакихъ измѣненій, то окажется неизбѣжнымъ «предметный урокъ» рабочимъ, который будетъ имъ данъ въ связи съ остановкою производства.

На многихъ непосвященныхъ въ истинное положеніе промышленности сказанная Н. Н. Кутлеромъ правда подѣйствовала такъ, какъ хорошій ударъ обухомъ по головѣ хмѣльного, приводящій его въ трезвое состяніе. Откровеніемъ показалось оно «буржуазнымъ министрамъ», а отупѣвшіе въ своемъ фанатизмѣ «министры — соціалисты» просто не вѣрили или не хотѣли вѣрить. Въ результатѣ правительство рѣшило «властно вмѣшаться въ хозяйственную жизнь страны и подчинить ее государственному контролю и регулированію», но правительство, идя по линіи наименьшаго сопротивленія, «властно вмѣшалось» и «подчинило государственному контролю и регулированію»... обложеніе имущихъ классовъ и распредѣленіе продуктовъ производства, почти оставивъ въ сторонѣ то, что по условіямъ момента необходимо было для сохраненія производства и, скажемъ безъ преувеличенія, для сохраненія государства: отвративъ энергію революціонныхъ рабочихъ отъ разрушенія, направить ее къ производительному труду.

Но тщетно было ждать помощи Правительства, промышленникамъ оставалось только разсчитывать на собственныя свои силы.

Въ Совѣтѣ Съѣздовъ промышленности и торговли обсуждалось предложеніе отвѣтить локаутомъ на натискъ разбушевавшихся и разнуздавшихся рабочихъ массъ, но это показалось столь же одіознымъ въ національномъ отношеніи, какъ и забастовки рабочихъ: это имѣло бы видъ удара въ тылъ арміи. Моральная позиція промышленниковъ потерпѣла бы ущербъ, а послѣдствія такого шага при отсутствіи поддержки правительства большинству рисовались весьма мрачными. Въ концѣ концовъ, пришли къ выводу, что «предметный урокъ» будетъ данъ самой жизнью безъ организованнаго

* Я умалчиваю объ объединеніяхъ, преслѣдовавшихъ исключительно торговыя цѣли (синдикаты), какъ Продуголь, Продаметъ, Кровля-Мѣдь и др., а также о такого рода организаціяхъ, какъ К-тъ банковъ, К-тъ частныхъ жел. дорогъ.

и связаннаго для промышленниковъ съ огромной отвѣтственностью «выступленія»: путемъ неизбѣжнаго постепеннаго закрытія фабрикъ, такъ сказать, по-одиночкѣ, что вскорѣ дѣйствительно и стало наблюдаться.

Къ тому же Совѣтъ Съѣздовъ промышленности и торговли вовсе не былъ призванъ, да и не могъ руководить борьбою съ рабочими.

Нужна была систематическая и позиціонная борьба съ врагомъ промышленности, а каждое въ отдѣльности предпріятіе сознавало свое безсиліе. Съ этого именно времени стали возникать промышленные союзы, главнѣйшая задача которыхъ состояла въ оборонѣ промышленности отъ разрушающихъ ее безпрерывныхъ натисковъ «революціонныхъ рабочихъ». Въ нѣкоторыхъ-же городахъ приняли на себя функціи союзовъ общества фабрикантовъ и заводчиковъ (Петроградъ, Москва, Харьковъ, Екатеринославъ, Ростовъ на Дону и др.).

Немощность управленія каждаго изъ предпріятій въ отдѣльности въ разрѣшеніи роя возникшихъ новыхъ вопросовъ и въ сопротивленіи наступающей разрушительной стихіи была настолько разительна и въ связи съ этимъ центростремительная сила настолько велика, что безъ особаго труда достигалось полное объединеніе предпріятій въ союзы, а дикія среди нихъ были рѣдкими исключеніями (въ крупной промышленности я даже такихъ но припомню).

Жизнь въ союзахъ кипѣла. Со всей Россіи притекали свѣдѣнія о предъявленныхъ рабочими требованіяхъ, о забастовкахъ, о насиліяхъ и убійствахъ и другихъ происшествіяхъ, сообщалось о ходѣ производства, о снабженіи сырьемъ и матеріалами, о перевозкахъ по желѣзнымъ дорогамъ, о финансовомъ положеніи, поступали запросы по разнымъ злободневнымъ вопросамъ.

Весь этотъ матеріалъ переваривался въ совѣтахъ, комитетахъ, комиссіяхъ — все было ново, спѣшно, болѣзненно, жгуче — перерабатывался въ рѣшенія и постановленія, которыя разсылались по периферіи для руководства или представлялся Правительству.

Союзы, находясь въ связи непосредственно между собой и черезъ центральныя всероссійскія организаціи (Всероссійскій Союзъ Промышленности и Торговли и Совѣтъ Съѣздовъ Промышленности и Торговли), взаимно освѣдомляли другъ друга и согласовывали свою дѣятельность. О кипѣвшей какъ въ котлѣ жизни поступало столько свѣдѣній, что въ канцеляріяхъ нѣкоторыхъ союзовъ существовали спеціальныя информаціонныя отдѣленія для переработки и группировки извѣстій, сводившихся въ разсылавшіеся членамъ союза по заводамъ и по другимъ союзамъ бюллетени.

Союзы стоили дорого, но средства находились. Каковы-же были результаты? Положительные результаты были несомнѣнно, но они были меньшими, чѣмъ было желательно: 1. разнообразіе географическихъ, экономическихъ, техническихъ обстоятельствъ, а равно разнообразіе отношеній со своими рабочими, условій найма и снабженія рабочихъ предметами первой необходимости и наличіе многихъ другихъ индивидуальныхъ для предпріятій особенностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ продолжавшаяся между ними конкуренція, какъ въ отношеніи исполненія заказовъ, такъ и привлеченія рабочихъ, все это препятствовало выработкѣ единообразныхъ для всѣхъ сочленовъ нормъ, 2. дорожа своей самостоятельностью, предпріятія не соглашались на установленіе санкцій за неподчиненіе постановленіямъ союза, а при ихъ отсутствіи естественно постановленія нерѣдко нарушались или по соображеніямъ конкуренціи или изъ страха передъ рабочими.

Тѣмъ не менѣе, союзы давали отдѣльнымъ предпріятіямъ опору въ ихъ борьбѣ съ рабочими, сдерживали болѣе слабыхъ изъ сочленовъ и вообще регулировали, хотя и несовершенно, отношенія съ рабочими и ихъ организаціями.

Дѣятельность союзовъ принесла и другіе положительные результаты: 1. взаимное между предпріятіями страхованіе жизни и имущества заводской и рудничной администраціи отъ насильственныхъ дѣйствій; 2. объединеніе и группировки свѣдѣній о рабочемъ движеніи; 3. установленіе связи, а иногда и вліянія на центральные органы профессіональныхъ рабочихъ союзовъ; 4. въ нѣкоторыхъ случаяхъ регулированіе снабженія предпріятій сырьемъ и матеріалами и даже финансированіе ихъ, и многіе другіе.

Не меньшее значеніе имѣетъ и то, что союзы содѣйствовали сплоченію предпріятій и промышленныхъ дѣятелей, благіе результаты чего не преминутъ сказаться и въ будущей Россіи.

Итакъ, общественныя торгово-промышленныя организаціи представляли передъ Правительствомъ нужды торговли и промышленности, какъ общія, такъ и отдѣльныхъ ихъ отраслей, объединяли предпріятія въ защитѣ отъ разрушительной революціонной стихіи, содѣйствовали упорядоченію производствъ. Но въ чемъ въ жизни государства въ теченіе революціи проявилась политическая дѣйственность класса?

Какъ и до революціи у торгово-промышленнаго класса не было своей программы, не было политической партіи, находящейся подъ его вліяніемъ, а торгово-промышленные люди, обыкновенно чуждаясь политики, порою участвовали въ самыхъ разнообразныхъ партіяхъ, начиная съ октябристской и кончая, въ видѣ исключенія, соціалъдемократической (Скобелевъ), но всеже имѣли мѣсто нѣкоторые факты, которые можно отнести къ активу класса:

1. Привлеченіе къ государственному правленію представителей класса — А. И. Коноваловъ, М. И. Терещенко, С. Н. Третьяковъ, В. А. Степановъ, Брайкевичъ, П. І. Пальчинскій и др. Первые два были даже въ качествѣ министровъ, но можно-ли въ этомъ видѣть отраженіе вліятельнаго положенія класса въ революціонномъ обществѣ или слѣдствіе его воли и силы? Комитетъ Государственной Думы, которому еще не организованная «революціонная демократія» въ первое время послѣ переворота позволила взять на себя иниціативу въ организаціи власти и который стремился придать революціи государственно-національный характеръ, разумѣется, не могъ и не желалъ обойти торгово-промышленный классъ, а напротивъ попытался привлечь его къ участію въ государственномъ управленіи.

Какъ большая часть вышеперечисленныхъ лицъ, такъ и нѣкоторые другіе были призваны къ техническому управленію промышленностью, торговлей и финансами, но характерно, что и министерскіе портфели были предложены въ соотвѣтствіи съ профессіональными признаками класса (финансовъ и торговли и промышленности). Правда, впослѣдствіи Терещенко получилъ портфель Министра иностранныхъ дѣлъ, но уже тогда, когда онъ оказался удобнымъ для «революціонной демократіи», и уже отнюдь не представляя торгово-промышленнаго класса.

2. Изданіе и субсидированіе газетъ въ Петроградѣ, Москвѣ, Ростовѣ на Дону, Харьковѣ и въ др. городахъ. Будучи въ большинствѣ случаевъ, однако, дѣломъ отдѣльныхъ лицъ, эти газеты отражали не столько классовую идеологію, какъ субъективные вкусы руководителей. Среди этихъ пестрыхъ по своему направленію изданій можно отмѣтить даже ультра-монархическую, реакціонную харьковскую газету «Жизнь Россіи» («Русская Жизнь»), конечно не отражавшую идеологіи торгово-промышленнаго класса*.

3. Изданіе брошюръ по злободневнымъ вопросамъ и организація пропаганды, но все это въ очень скромныхъ размѣрахъ.

---

* Правда, поддержка этихъ газетъ была временной и должна быть объяснена только случайнымъ недоразумѣніемъ.

4. Содѣйствіе къ сплоченію и къ политическому развитію мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ путемъ устройства лекцій, собесѣдованій и учрежденія союзовъ мелкой торговли и промышленности (Петроградъ).

5. Составленіе избирательныхъ списковъ торгово-промышленныхъ группъ и участіе въ предвыборной агитаціи (Харьковъ), но это въ видѣ исключенія и со слабымъ успѣхомъ.

Можетъ быть блѣдность политическаго лица и вялость политической дѣйственности объясняется исключительно тѣмъ, что вообще находившіеся въ меньшинствѣ творческіе элементы населенія подавлялись многочисленными приверженцами «углубленія революціи» или, вѣрнѣе, разрушенія Россіи? Послѣдующія событія насъ, однако, убѣдятъ въ томъ, что въ разсматриваемый періодъ революціи одновременно имѣло мѣсто не только преобладаніе разрушительныхъ инстинктовъ надъ созидательными стремленіями, но и абсолютная слабость и аморфность торгово-промышленной буржуазіи: въ Деникинской Россіи, въ Украйнѣ Скоропадскаго и на Дону Краснова, гдѣ «революціонная демократія» была отстранена отъ государственнаго строительства, а торгово-промышленный классъ пользовался меньшимъ вліяніемъ и слабѣе развивалъ свою инціативу, чѣмъ даже отжившій свою пору помѣщичій классъ (см. часть III и IV).

Сдѣлавшіяся банальностью параллели съ французской буржуазіей конца XVIII вѣка и указанія на вліятельное положеніе германской Schwerindustrie обыкновенно приводятъ къ объясненію слабости русской торгово-промышленной буржуазіи ея молодостью и слабымъ еще развитіемъ въ Россіи промышленнаго капитализма. Но слѣдуетъ еще имѣть въ виду отсутствіе опоры въ мелкомъ собственникѣ: за нѣкоторыми исключеніями мелкіе торговцы не были организованы, а ремесленники скорѣе придерживались направленія пролетаріевъ — рабочихъ, чѣмъ — самостоятельныхъ хозяевъ (вѣроятно, со временемъ ремесленники осознаютъ себя самостоятельными хозяевами, а можетъ быть даже нынѣ осознали, но въ то время несомнѣнно они были рѣшительно захвачены соціально-революціонной волной). Также нѣкоторое значеніе имѣло и то, что часть промышленности была представлена иностранцами, естественно не склонными выходить изъ рамокъ защиты своихъ профессіональныхъ интересовъ. Правда, въ то время количество иностранцевъ было невелико, и многія иностранныя предпріятія представлялись русскими людьми, а потому было-бы неправильно высоко оцѣнивать значеніе этого фактора, но я не обхожу его молчаніемъ потому, что въ немъ лежитъ большая опасность для будущаго строительство Россіи, въ которомъ иностранные капиталы неизбѣжно должны будутъ принять широкое участіе, и этотъ факторъ при извѣстныхъ условіяхъ будетъ парализовать русскій торгово-промышленный классъ въ выполненіи имъ своей политической миссіи.

Едва ли нужно говорить о томъ, что торгово-промышленный классъ былъ лишенъ союзной поддержки крестьянъ, на которую при иныхъ условіяхъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ могъ-бы расчитывать въ прошломъ и которая въ нѣкоторыхъ пунктахъ, возможно, ему будетъ оказана въ будущемъ.

Такимъ образомъ не только молодость и слабость торгово-промышленнаго класса обрекала его на политическую пассивность, но и отсутствіе опоры въ болѣе многочисленныхъ слояхъ общества.

Положеніе торгово-промышленнаго класса среди другихъ слоевъ русскаго общества было-бы очерчено слишкомъ неполно, если-бы не упомянуть объ отношеніи общества къ торгово-промышленной дѣятельности. Она считалась многими и очень многими слоями населенія въ своей основѣ предосудительной и причины такого отношенія слѣдуетъ искать не только въ традиціяхъ дворянской Россіи.

Воспринявшіе завѣты великаго противника цивилизаціи многіе вмѣстѣ со своимъ учителемъ Л. Н. Толстымъ видѣли въ торговой или промышленной прибыли «грѣхъ», а марксисты «грабежъ» и только очень и очень немногіе понимали, что предприниматель творитъ необходимое государству дѣло, что онъ открываетъ новые источники народнаго благосостояніе, что онъ укрѣпляетъ мощь и независимость націи. И даже тѣ, кто это понимали, нерѣдко относились къ дѣятелямъ торговли и промышленности съ нѣкоторымъ осужденіемъ. Во время революціи отрицательное отношеніе къ нимъ, за немногими исключеніями, было всеобщимъ, и такого рода презумпція ослабляла и безъ того уже слабый торгово-промышленный классъ.

Воспоминанія о моей подневольной службѣ у большевиковъ

И. Данилова

ПРЕДИСЛОВІЕ

Я простой армейскій офицеръ. На Великую войну вышелъ въ составѣ 1-го Финляндскаго стрѣлковаго полка, въ чинѣ капитана, командуя 9-ый годъ ротой. Тѣмъ не менѣе, по тогдашнимъ условіямъ прохожденія армейской службы, считался еще «молодымъ» ротнымъ командиромъ, такъ какъ надо было пробыть отъ 12—14 лѣтъ въ чинѣ капитана, чтобы попасть за выслугу лѣтъ по старшинству въ подполковники — вѣнецъ карьеры армейскаго офицера, который для многихъ изъ насъ приходилъ лишь въ видѣ подполковника въ отставкѣ. Тяжела и неприглядна жизнь ротнаго командира, — это постоянный и неизмѣнный «турка», котораго бьетъ по головѣ начальство. Это постоянный отвѣтчикъ за всѣ вины своихъ стрѣлковъ, на немъ срываетъ свою злобу къ командиру полка начальникъ дивизіи и командиръ корпуса, на немъ срываетъ злобу и командиръ полка за неудавшійся смотръ и придирки начальства. Болѣе пронырливые, ловкіе, умѣвшіе втереть очки начальству изъ массы армейскихъ капитановъ выдвигались и представлялись къ производству въ подполковники «внѣ очереди», но такихъ производствъ въ арміи было очень немного, — вѣдь на всю массу капитановъ арміи полагалось произвести въ годъ 150 человѣкъ, изъ которыхъ половину «по старшинству», половину «внѣ очереди». Остальныя освободившіяся штабъ-офицерскія вакансіи въ арміи заполнялись переводами, конечно, по протекціи сильныхъ міра сего: изъ гвардіи, военно-учебнаго вѣдомства, военныхъ училищъ и т. п., гдѣ эти лица, благодаря гвардейскому чину, быстро обгоняли не только товарищей по выпуску въ офицеры изъ военнаго училища, но и гораздо старшихъ себя по выпуску.

И у насъ въ полку были капитаны, аттестованные къ производству въ подполковники «внѣ очереди», но послѣ перваго боя они очутились въ тылу, — кто по разстройству нервовъ, не позволявшему ему слышать визгъ снаряда и трескотню пулеметовъ, кто и просто потому, что у него оказалась теперь болѣзнь слѣпой кишки, которую необходимо оперировать, а третьи къ нашему большому изумленію оказались «контуженными», хотя непріятельскіе снаряды около нихъ и близко не ложились; всѣ они, конечно, въ строй не вернулись, а устроились въ глубокомъ тылу, преимущественно въ Петроградѣ, — кто въ пулеметной школѣ преподавателемъ, кто въ автомобильной части, кто въ школѣ прапорщиковъ. У всѣхъ нихъ оказались спеціальности, о которыхъ въ мирное время они молчали, вѣроятно, по отсутствію

спроса на нихъ. Остались простые капитаны, аттестованные въ мирное время въ порядкѣ «старшинства» и были правда довольны, что освободились отъ всей этой нечисти. Вотъ къ этимъ капитанамъ принадлежалъ и я.

Три года непрерывнаго нахожденія въ строю, на позиціи дали мнѣ чинъ сначала подполковника, затѣмъ полковника и всѣ боевые ордена отъ Св. Анны 4 ст. до Св. Владиміра 3 ст., орденъ Св. Георгія 4 ст. и Георгіевское оружіе. Несмотря на всѣ эти боевыя награды, я получилъ въ командованіе полкъ только въ началѣ 1917 г. — все мѣшали назначенія на эту должность изъ тыла и опять по протекціи. И кого только здѣсь не было. Пріѣзжали командовать нами и коменданты тыловыхъ городовъ театра военныхъ дѣйствій и батальонные командиры военныхъ училищъ, не нюхавшіе пороха, и воспитатели кадетскихъ корпусовъ. Въ нашъ полкъ, въ которомъ было уже 26 офицеровъ-кавалеровъ ордена Св. Георгія и Георгіевскаго Оружія, пріѣхалъ командовать полкомъ командиръ транспорта штаба Юго-Западнаго фронта только потому, что онъ былъ лично извѣстенъ Главнокомандующему фронтомъ генералу Брусилову. Съ тѣмъ, что такое назначеніе можетъ обидѣть боевыхъ офицеровъ, не считались, какъ не считались съ ними и въ мирное время.

На фронтѣ оставшіеся кадровые офицеры жили дружной и сплоченной семьей, твердо храня завѣты любви къ Родинѣ и преданности къ Престолу, которые въ нихъ были внѣдрены въ военныхъ училищахъ, и воспитывали въ томъ же духѣ молодежь, которая прибывала съ ускоренныхъ выпусковъ военныхъ училищъ и школъ прапорщиковъ на пополненіе павшихъ кадровыхъ офицеровъ, и надо правду сказать, что эта молодежь за исключеніемъ тѣхъ, кто сразу послѣ перваго боя подался въ тылъ и которыхъ, къ слову сказать, не задерживали въ полку, была великолѣпна, какъ по своему духу, такъ и по исполненію долга офицера. Они, обыкновенно, черезъ мѣсяца, два, три уже говорили: «Нашъ полкъ», «нашему полку нельзя отступать, въ нашемъ полку не принято» и т. п. Они жили интересами полка и Родины.

Между тѣмъ кадровое офицерство таяло. Большая часть уже лежала въ неизвѣстныхъ могилахъ на поляхъ Галиціи, Мазурскихъ озеръ и высотахъ Карпатъ. Сколько одна «Козювка» унесла жизней! Другая часть, искалѣченная лежала въ госпиталяхъ тыла инвалидами. Вѣдь уже было вычислено, что средняя продолжительность пребыванія строевого офицера на позиціи равна четыремъ мѣсяцамъ, — далѣе они были или убиты, или ранены. Передъ моимъ назначеніемъ командиромъ 9-го Финляндскаго Стрѣлковаго полка, насъ — старыхъ кадровыхъ офицеровъ оставалось въ полку не болѣе 7 человѣкъ, но мы были спокойны за офицерскій составъ, такъ какъ прибывшіе къ намъ на смѣну уже были того же типа, что и мы: они уже не только были сами воспитаны, но и воспитывали вновь прибывающую молодежь.

Съ солдатами жили дружно, да иначе и не могло быть, когда недѣлями приходилось быть съ ними плечо о плечо въ бою и лежать въ цѣпи бокъ о бокъ. Какъ солдаты, такъ и офицеры были полны надеждой побѣдоноснаго окончанія войны и слышать не хотѣли о ея прекращеніи безъ разгрома врага уже только потому, чтобы видѣть результатъ неимовѣрныхъ усилій, лишеній, страданій въ теченіе трехъ лѣтъ. войны, а также знать, что не напрасна была смерть павшихъ товарищей за Родину.

Въ такомъ положеніи былъ нашъ полкъ, а также и всѣ полки нашего корпуса передъ революціей. Вѣсть объ отреченіи Императора была встрѣчена офицерствомъ мрачно, а солдатами недовѣрчиво, и мнѣ уже въ роли командира полка приходилось ходить по окопамъ и съ болью въ сердцѣ разъяснять стрѣлкамъ слова Манифеста, указывая на волю Царя, которой слѣдовало подчиниться, тѣмъ болѣе, что въ Манифестѣ указывалось, что отреченіе принято для большаго и скорѣйшаго успѣха побѣды надъ врагомъ. Какъ ни тревожно встрѣтили мы Манифестъ, но тѣмъ не менѣе, привыкшіе къ повиновенію, безпрекословно ему подчинились, ожидая отъ новой власти подтвержденія рѣшимости вести войну до побѣднаго конца и присылки снарядовъ и оружія, въ которыхъ мы такъ нуждались.

Приняли отреченіе спокойно еще и потому, что ожидали вступленія на Престолъ законнаго преемника, видя въ этомъ залогъ порядка, законности, которые

должны были не допустить Родину до потрясеній. Но уже черезъ нѣсколько дней прибыли отпускные офицеры изъ столицъ и разсказали намъ о засиліи Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ надъ Временнымъ Правительствомъ, которому мы присягнули, и о фиглярствѣ Керенскаго. Все-таки у насъ таилась надежда, что все это образуется, что поймутъ же люди, тамъ въ тылу сидящіе, что надо подумать о Родинѣ, о бойцахъ, которые, презирая личныя лишенія и жизнь, все еще горятъ желаніемъ сложить свои головы за славу и величіе Россіи. Надѣялись, что бросятъ они партійную грызню и погоню за властью. Вѣдь, они же демократы и, слѣдовательно, люди не ищущіе власти, а сами себя отдающіе на служеніе народу. Демократія! Вотъ еще одно разочарованіе для насъ, окопныхъ людей!

На горизонтѣ появился Керенскій, который быстро поднимался къ зениту, дѣлая ошибки и безтактности одна за другой, которыя здѣсь, на фронтѣ намъ такъ отчетливо были видны. Начинала падать вѣра въ побѣдный конецъ войны. Появились комитеты, комиссары, но это было еще полъ бѣды. Офицерство, уступая духу времени, пошло имъ на встрѣчу, вошло въ составъ комитетовъ, взяло руководящую роль, и въ нихъ выносились пожеланія о войнѣ до побѣды, о возстановленіи дисциплины; солдаты были еще полны энергіи и не хотѣли слышать о заключеніи безславнаго мира. Слишкомъ велики были лишенія, чтобы не желать награды въ видѣ разгрома врага, тѣмъ болѣе, что мы были, наконецъ, снабжены въ избыткѣ снаряженіемъ и вооруженіемъ. Тогда большевики бросили на фронтъ массу пораженческой литературы, выслали агитаторовъ изъ Петрограда, которые говорили на полковыхъ митингахъ возмутительныя рѣчи, прекратить которыя командиры полковъ не имѣли возможности, вслѣдствіе приказа № 1 и «деклараціи правъ солдата», но тѣмъ не менѣе солдатская масса была тверда и не поддавалась посуламъ беззастѣнчивыхъ агитаторовъ. Тогда самъ Керенскій пришелъ на помощь большевикамъ. Въ качествѣ военнаго министра онъ отдалъ распоряженіе объ отправленіи на фронтъ на пополненіе полковъ на позиціяхъ всѣхъ засидѣвшихся въ теченіе войны въ запасныхъ полкахъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и этимъ испортилъ все дѣло.

Это были все шкурники, въ свое время или бѣжавшіе подъ различными предлогами съ фронта, или же сразу по мобилизаціи устроившіеся въ запасныхъ частяхъ съ начала войны, гдѣ они заняли кадровыя должности. До революціи они сидѣли на своихъ мѣстахъ тихо и смирно, не подавая голоса, лишь бы только ихъ не отправили на позицію, надѣясь отсидѣться такимъ образомъ до конца войны, а тутъ вдругъ имъ пришлось идти жертвовать собою. Съ мѣста своихъ стоянокъ они гордо отправились въ походъ, провожаемые населеніемъ съ красными знаменами, на которыхъ было написано «Война до побѣднаго конца», но въ пути большая часть ихъ разбѣжалась, а меньшая, прибывъ на позицію, уже не показывала своихъ знаменъ, а встрѣченная насмѣшками, притаилась и примолкла. Однако, не прошло и недѣли, какъ они, узнавъ о предполагаемомъ наступленіи, повели агитацію противъ него и, поддержанные прибывшими вслѣдъ за ними бородачами изъ запасныхъ полковъ, быстро овладѣли положеніемъ, произвели перевыборы въ полковые комитеты и стали играть руководящую роль. Посылали резолюціи о мирѣ безъ «аннексій и контрибуцій», о братаніи съ врагомъ и необходимости заключить какой угодно миръ. Прибывшіе офицеры также состязались съ ними на первенство углубленія революціи, для чего надо было немедленно заключить миръ, дабы имѣть возможность скорѣе вернуться домой. У меня въ полку предсѣдателемъ полкового комитета сталъ прибывшій унтеръ-офицеръ, бывшій околоточный надзиратель г. Москвы, за которымъ послушно шла толпа, когда онъ предлагалъ голосовать за отмѣну наступленія. Старые боевые стрѣлки ничего не могли сдѣлать, такъ какъ остались въ меньшинствѣ. Въ результатѣ наступленіе Керенскаго было сорвано, хотя онъ самъ пріѣзжалъ къ намъ подъ Бржезаны уговаривать наступать.

Далѣе послѣдовало почти паническое отступленіе нашихъ армій изъ Галиціи, и мы остановились на государственной границѣ по рѣкѣ Сбручъ. Я съ полкомъ сталъ

подъ м. Гусятино. Появился приказъ генерала Корнилова о возстановленіи смертной казни за бѣгство съ позицій, и это отрезвило солдатскую массу. Отрезвѣли настолько, что при попыткѣ сбить мой полкъ съ позиціи подъ Гусятинымъ въ концѣ іюля 1917года австрійская дивизія, оставивъ горы труповъ передъ нашими окопами, должна была отойти, а когда ее смѣнили нѣмецкой, то и эта ничего не могла подѣлать и послѣ неоднократныхъ, тяжелыхъ для нея атакъ, вынуждена была отойти на три версты назадъ и стать въ окопы. У офицеровъ мелькнулъ лучъ надежды, что начинается поворотъ къ лучшему, но вскорѣ онъ померкъ. Послѣдовало предательство Керенскимъ генерала Корнилова, арестъ послѣдняго, и съ этого времени мы покатились безудержно въ бездну.

Хотя у меня въ полку все-таки еще исполняли приказанія, не было ни одного эксцесса по отношенію командного состава, но тѣмъ не менѣе чувствовалось, что власть ускользаетъ.

Въ двадцатыхъ числахъ октября послѣдовалъ приказъ Керенскаго о переводѣ нашего корпуса съ фронта въ Финляндію, на мѣста мирной стоянки. Согласно плана переброски корпуса мой полкъ долженъ былъ идти головнымъ. Въ Ярмолинцахъ погрузились въ поѣзда, и я поѣхалъ съ головнымъ батальономъ полка. Ѣхали днемъ со скоростью курьерскаго поѣзда, ночью стояли на разъѣздахъ. Впослѣдствіи оказалось, что это была работа Викжеля. Прошли Псковъ, въ которомъ уже было возстаніе большевиковъ, Лугу, гдѣ также уже были большевики, и 26 октября я съ головнымъ батальономъ былъ на ст. Сиверская Варшавской ж. д., но оказалось, что дальше слѣдовать нельзя: у ст. Суйда большевики взорвали мостъ и въ Гатчину не пропускаютъ. Стало извѣстно, что въ Петроградѣ произошелъ переворотъ и Верховный Главнокомандующій Керенскій бѣжалъ переодѣтымъ изъ Гатчины. Мимо Сиверской проходили поѣзда съ Забайкальскими казаками, слѣдовавшими послѣ неудачнаго боя съ большевиками у ст. Александровской къ Пскову. Я запросилъ по телеграфу штабъ корпуса, гдѣ остальные два мои батальона, — никто не далъ положительнаго отвѣта. Вернулся съ батальономъ въ Лугу. Отсюда запросилъ по прямому проводу штабъ Сѣвернаго фронта въ Псковѣ, что мнѣ дѣлать и гдѣ штабъ дивизіи. Къ аппарату подошелъ генералъ Бончъ-Бруевичъ. О дивизіи отвѣтилъ незнаніемъ (?), а мнѣ приказалъ не выгружаться и стоять на ст. Луга. Луга кишѣла большевиками; на вокзалѣ въ парадныхъ комнатахъ засѣдалъ революціонный комитетъ, но мои стрѣлки по собственной инициативѣ прогнали его оттуда и очистили вокзалъ и прилегающій къ нему кварталъ города отъ большевиковъ, не встрѣтивъ сопротивленія.

Черезъ день стали появляться, пріѣхавшіе на автомобиляхъ изъ Петрограда большевики и на рельсовыхъ путяхъ образовывали митинги, приглашая стрѣлковъ перейти на ихъ сторону, но неизмѣнно встрѣчали въ этомъ отпоръ, ораторы освистывались и выгонялись вонъ съ вокзала.

Такъ продолжалось до 5-го ноября, когда я получилъ телеграмму отъ генерала Бончъ-Бруевича съ приказаніемъ идти въ Псковъ. Тронулись. Дойдя до ст. Торошино, получилъ телеграмму отъ штаба фронта вернуться обратно въ Лугу и стать по деревнямъ въ ея окрестностяхъ. Пришелъ въ Лугу, куда вскорѣ прибыли и остальные два мои батальона, и сталъ по деревнямъ.

Я остановился со штабомъ полка въ имѣніи «Курдюмовка», въ 7 верстахъ отъ Луги, хозяйственная часть полка расположилась въ имѣніи Половцева «Рапту», батальоны по деревнямъ. О своемъ начальникѣ дивизіи ровно ничего не зналъ и лишь впослѣдствіи выяснилось, что весь нашъ корпусъ растянулся по линіи ж. дороги отъ Могилева до Луги, застрявъ частями по промежуточнымъ станціямъ.

Между тѣмъ большевики продолжали свое дѣло. Изъ Петрограда все болѣе и болѣе часто наѣзжали агитаторы, которые теперь стали натравливать стрѣлковъ на грабежъ имѣній. Агитація сдѣлала свое дѣло и со всѣхъ сторонъ посыпались жалобы на грабежъ солдатъ. Чудное имѣніе «Рапту» пострадало первымъ. Отъ мебели, библіотеки, роскошнаго дворца Половцевыхъ не осталось и слѣда – все было изорвано, изломано и сожжено. Той же участи подверглась «Курдюмовка», гдѣ разокрали

извѣстный конскій заводъ, имѣніе Фанъ-деръ-Флита и много другихъ; я ничего не могъ сдѣлать уговорами, такъ какъ никакой власти у меня не было. Ѣздили и уговаривали вмѣстѣ со мной члены полкового комитета, но и ихъ никто не слушалъ.

Отъ большевистскаго командующаго войсками Антонова изъ Петрограда пришелъ приказъ въ полковой комитетъ (меня онъ игнорировалъ) перейти полку въ Кронштадтъ, но стрѣлки отвѣтили отказомъ, говоря, что они три года сражались на фронтѣ (?) и теперь хотятъ отдыха и въ Кронштадтъ ихъ не заманятъ, такъ какъ тамъ придется стать на форты, а нѣмцы могутъ подойти къ Кронштадту и бомбардировать его. Тогда Антоновъ прислалъ этотъ приказъ мнѣ, но я его передалъ въ полковой комитетъ и ничего ему не отвѣтилъ. Такъ дѣло этимъ и кончилось,

Въ концѣ ноября опять пришелъ приказъ Антонова, которымъ предлагалось произвести 1-го декабря выборы ротныхъ командировъ, 4-го декабря – батальоныхъ, а 5-го декабря – командира полка.

Я немедленно отпустилъ всѣхъ желающихъ офицеровъ въ отпускъ, чтобы избавить ихъ отъ униженія. 5-го декабря собрался полковой комитетъ и выбралъ меня командиромъ полка, но я категорически отказался отъ этой чести, да кромѣ того состояніе моего здоровья требовало полнѣйшаго отдыха. Я весь покрылся нервной сыпью. Разгромъ имѣній стрѣлками и мое безуспѣшное уговариваніе ихъ не дѣлать этого, доконали мои нервы, надо было ѣхать лѣчиться. Комитетъ просилъ меня указать лицо, которое онъ могъ бы выбрать на должность командира полка. Я указалъ на завѣдывающаго хозяйствомъ полка подполковника П., и онъ былъ выбранъ.

Подполковникъ П., узнавъ о своемъ избраніи, пріѣхалъ ко мнѣ изъ Рапту и сталъ отказываться, но я его просилъ остаться въ этой должности, т. к. надѣялся, что можетъ быть все-таки еще наладится порядокъ и я вернусь командовать полкомъ. Жалко было бросать полкъ на произволъ судьбы и передать его во власть какого нибудь «товарища».

На другой день 6-го декабря въ шесть часовъ утра я поѣхалъ на станцію для слѣдованія въ Петроградъ. Выйдя на крыльцо дома, чтобы сѣсть въ сани, я былъ удивленъ, что около дома былъ выстроенъ шпалерами полкъ, который провожалъ меня криками «ура». Впослѣдствіи узналъ, что это было сдѣлано по распоряженію полкового комитета.

Въ Петроградѣ пришлось пробыть около двухъ мѣсяцевъ. Пришлось лѣчиться отъ нервнаго потрясенія электризацiей. Хотѣлось вырваться поскорѣе оттуда, но докторъ не отпускалъ. За это время Петроградъ пережилъ открытіе Учредительнаго Собранія, разгонъ его большевиками, убійство Кокошкина и Шингарева, похороны жертвъ насилія большевиковъ. Атмосфера все болѣе и болѣе сгущалась. Наконецъ, въ концѣ января 1918 года, докторъ отпустилъ меня, и я уѣхалъ въ Финляндію.

Здѣсь вспыхнуло возстаніе красныхъ, которое было ликвидировано бѣлыми финнами въ апрѣлѣ мѣсяцѣ при помощи нѣмцевъ.

Изъ Россіи доходили слухи о Брестъ-Литовскомъ мирѣ, о насиліи большевиковъ надъ Родиной. Вмѣстѣ съ прочими офицерами, нашедшими пріютъ въ Финляндіи, я горѣлъ желаніемъ принести пользу Родинѣ и метался изъ стороны въ сторону, ища способъ сдѣлать это.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ стали носиться слухи, что Мурманъ отдѣлился отъ Совдепіи и подъ эгидой союзниковъ собирается идти походомъ на Петроградъ.

Я немедленно въ компаніи съ тремя офицерами началъ хлопотать, чтобы попасть туда. Въ августѣ пришло извѣстіе, что союзники заняли Архангельскъ, большевики бѣжали, и тамъ сформировалась бѣлая власть. Это извѣстіе меня обрадовало, и я рѣшилъ туда пробраться черезъ Швецію и Норвегію. Доходили слухи о бѣломъ движеніи на югѣ Россіи, возглавляемомъ генералами Алексѣевымъ и Деникинымъ, хотѣлось ѣхать туда, но это было немыслимо, — приходилось обогнуть всю Европу, а для этого не было денегъ на путешествіе и не было возможности получить визы, война Антанты съ Германіей достигла высшаго напряженія и сообщеніе съ Югомъ Россіи возможно было только черезъ Константинополь, но онъ былъ закрытъ для насъ.

Хлопоты наши о выѣздѣ въ Швецію продолжались все лѣто, но мы все время натыкались на препятствія: англійскій консулъ тотчасъ-же по предъявленіи нами документовъ поставилъ намъ визу, но шведскій и норвежскій отказывали въ нихъ. Одно время мы были въ совершенномъ отчаяніи, т. к. обращаться съ просьбою о содѣйствіи было не къ кому, да и самыя хлопоты приходилось дѣлать скрытно, — въ Финляндіи были нѣмецкія войска и поѣздка въ Архангельскъ, гдѣ были англичане, не могла понравиться нѣмцамъ, если бы они про нее узнали. Наконецъ, совершенно неожиданно, въ серединѣ октября я получилъ увѣдомленіе отъ шведскаго консула, что виза мнѣ разрѣшена. Я пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ и получилъ визу на проѣздъ черезъ Швецію; норвежскій консулъ тотчасъ-же поставилъ свою визу.

22-го октября мы, четверо, полные надеждъ, тронулись въ дальній путь. Ѣхать по прямому пути въ Стокгольмъ, т. е. изъ Або моремъ, мы не рискнули. Въ Ботническомъ заливѣ патрулировали нѣмецкіе миноносцы, осматривали пароходы, и мы, какъ русскіе офицеры, ѣхавшіе къ союзникамъ, могли быть сняты и отправлены въ Германію. Между тѣмъ намъ необходимо было быть въ Стокгольмѣ, чтобы получить информацію о положеніи дѣлъ въ Архангельскѣ.

Пришлось ѣхать кругомъ черезъ Торнео, Хапаранду. Все это стоило денегъ и времени, но тѣмъ не менѣе пришлось съ этимъ мириться. Деньги заняли, а время выгадывали съ такимъ расчетомъ, чтобы быть въ Стокгольмѣ какъ можно меньше времени, — вѣдь, визой намъ разрѣшалось пробыть, какъ въ Швеціи, такъ и въ Норвегіи только по четыре дня, т. е. только для проѣзда.

Въ Стокгольмѣ мы явились русскому консулу, который направилъ насъ въ Христіанію, а оттуда мы поѣхали въ Тронгеймъ для того, чтобы сѣсть на пароходъ и, обогнувъ Нордкапъ, высадиться въ Вардэ. Здѣсь уже мы получали широкое содѣйствіе отъ нашихъ консуловъ. Однако, передъ выѣздомъ изъ Христіаніи мы должны были подписать условіе, что не претендуемъ ни на какія командныя должности, а обязуемся служить, если обстоятельства потребуютъ, простыми солдатами въ Англійской арміи. Намъ раздумывать не приходилось, такъ какъ иначе здѣшній Англійскій консулъ не ставилъ визы, и мы подписали условіе.

Послѣ десятидневнаго плаванія по Норвежскимъ фіордамъ, мы прибыли въ г. Вардэ. Здѣсь увидѣли, стоявшимъ въ гавани, русскій пароходъ подъ роднымъ бѣло-сине-краснымъ флагомъ. Боже, какъ мы обрадовались родному флагу! Это былъ «Николай Русановъ», поддерживающій сообщеніе съ Архангельскомъ. Долженъ отмѣтить, что, какъ въ Швеціи, такъ и въ Норвегіи мы были вездѣ очень тепло встрѣчаемы жителями, какъ только они узнавали, что мы русскіе офицеры и ѣдемъ въ Архангельскъ бороться съ большевиками. Изъ Вардэ по пути въ Архангельскъ зашли въ Мурманскъ. Вездѣ былъ контроль англичанъ.

17-го ноября мы прибыли въ Архангельскъ, гдѣ насъ встрѣтили чины англійской контръ-развѣдки и повели къ себѣ, но послѣ опроса, узнавъ, что мы пріѣхали въ распоряженіе Временнаго Правительства Сѣверной Области, немедленно выпустили.

Явившись въ штабъ русскихъ войскъ, мы были зачислены на службу и дѣятельно принялись вмѣстѣ съ другими за созиданіе русскихъ вооруженныхъ силъ, которыя въ то время были еще только въ зачаточномъ состояніи.

Я не буду касаться той работы, которая велась по созданію борьбы съ большевиками, такъ какъ это уже описано С. Добровольскимъ* въ его трудѣ «Борьба за возрожденіе Россіи на Сѣверѣ», но въ послѣдующихъ главахъ разскажу, что я пережилъ, когда эта борьба кончилась, а также, что я видѣлъ въ Совдепіи, когда большевики, освободившись отъ борьбы съ бѣлыми, перешли къ строительству «Соціалистической Совѣтской Республики». Здѣсь я не претендую на послѣдовательность, стройное изложеніе мысли и описаніе трагизма моихъ переживаній. Нѣтъ, простымъ языкомъ я хочу передать читателю все то, что видѣлъ и слышалъ отъ непосредствен-

* См. Архивъ Русской Революціи, т. III.

ныхъ собесѣдованій во время моего невольнаго пребыванія въ Совдепіи, о томъ, что сдѣлали большевики съ нашей Родиной. Мнѣ приходится возстанавливать по памяти тѣ событія, свидѣтелемъ которыхъ я былъ, такъ какъ вести какую нибудь запись въ Совдепіи мнѣ было невозможно и, поэтому, можетъ быть, нѣкоторыя детали теперь уже ускользнули изъ моей памяти. Кромѣ того, я не могу привести нѣкоторыя фамиліи лицъ, а также указать на время и мѣсто дѣйствія, такъ какъ это можетъ повлечь преслѣдованіе ихъ большевиками, ибо они находятся въ Совдепіи. Во всякомъ случаѣ я держался всегда истины и нѣтъ ни одного факта въ моемъ повѣствованіи, котораго я не провѣрилъ бы лично наблюденіемъ или переживаніемъ.

Борьба на Сѣверѣ съ большевиками закончилась не въ пользу бѣлыхъ, но не вина тѣхъ, кто въ жертвенномъ порывѣ отдавали свою честь и жизнь на позиціяхъ за Родину, что эта борьба не привела къ крушенію власти международныхъ негодяевъ надъ Св. Русью, какъ невиновны также и тѣ, чьи жертвы, принесенныя во время Великой войны не привели Родину къ той славѣ и тому величію, которыя имъ видѣлись, когда они въ предсмертныхъ мукахъ испускали свой послѣдній вздохъ, устилая своими тѣлами поля сраженій. Много, очень много этихъ тѣлъ лежитъ и на берегахъ Мазурскихъ озеръ, на высотахъ Карпатъ и на поляхъ Галиціи и Польши, но не мало разбросано ихъ и въ Сѣверной Области, въ безвѣстныхъ могилахъ на «Мхахъ» подъ Архангельскомъ, въ Холмогорахъ и другихъ нынѣ страшныхъ мѣстахъ, гдѣ яростная рука Чека и Особаго Отдѣла ставила ихъ къ стѣнкѣ только за то, что они любили свою Родину, хотѣли видѣть Ее великой, сильной и независимой.

Вотъ памяти этихъ незамѣтныхъ героевъ и посвящаю свой трудъ, твердо надѣясь, что когда минетъ лихолѣтье надъ Россіей, вспомнятъ и ихъ заслуги передъ Родиной и воздадутъ ихъ памяти должное, ибо нѣтъ ничего выше на свѣтѣ, какъ «положить жизнь свою за други своя».

15 Іюля 1923 г.

I.

Событія, повлекшія за собою паденіе Сѣвернаго фронта, застали меня въ большой и отвѣтственной роли командующаго войсками Двинскаго района Сѣверной Области.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1919-го года соединенное командованіе англійскихъ и русскихъ войскъ повело наступленіе на фронтѣ Двины противъ большевиковъ, которое дало тотчасъ-же блестящіе результаты: была разбита на голову большевистская дивизія, въ наши руки попала масса плѣнныхъ, пушекъ, пулеметовъ и путь на Котласъ для соединенія съ адмираломъ Колчакомъ былъ совершенно очищенъ, но англичане послѣ этого стали свертываться и уходить въ Архангельскъ, грузиться на пароходы для слѣдованія домой. Оставшіеся на мѣстѣ русскія части и безъ того немногочисленныя, ослабленныя къ тому-же переброской 3-го Сѣвернаго полка на желѣзнодорожный фронтъ, гдѣ подготовлялась крупная операція въ направленіи на станцію Плесецкую, не могли занять своевременно, хотя бы слабыми силами, тѣхъ позицій, которыя занимались англійскими войсками, тѣмъ болѣе, что послѣднія такъ быстро уходили, что даже не сдали ихъ русскимъ войскамъ. Энергичный командующій русскими войсками этого района генералъ-маіоръ князь Мурузи былъ переведенъ одновременно съ 3-мъ полкомъ на желѣзнодорожный фронтъ, сначала въ качествѣ Начальника Штаба командующаго желѣзнодорожнымъ фронтомъ, а затѣмъ и командующимъ этимъ фронтомъ, по отозваніи съ этой должности генерала Клюева. Войска Двинскаго района, такимъ образомъ, остались безъ хорошо подготовленнаго къ этой должности командующаго войсками, постъ котораго занимали поочередно командиры полковъ, расположенныхъ на этомъ фронтѣ.

Вся эта обстановка повліяла на моральное состояніе войскъ, которымъ немедленно воспользовались большевики, и наши части начали быстро откатываться назадъ, сдавая безъ боя съ такимъ успѣхомъ недавно занятое пространство.

Между тѣмъ, на желѣзнодорожномъ фронтѣ наше наступленіе въ августѣ мѣсяцѣ сопровождалось блестящимъ успѣхомъ, и мы быстро продвигались къ станціи Плесецкой, захватывая массу плѣнныхъ и трофеевъ, очищая вмѣстѣ съ этимъ отъ противника бассейнъ рѣки Онеги.

Въ этотъ кульминаціонный періодъ нашихъ военныхъ успѣховъ въ Сѣверной Области, когда мы создавали уже угрозу Вологдѣ, войска Двинскаго фронта неудержимо катились назадъ къ Архангельску. Получилось тревожное положеніе: на желѣзнодорожномъ фронтѣ мы можемъ взять Вологду, а не сегодня завтра по Двинѣ большевики докатятся до столицы Сѣверной Области — Архангельска, тѣмъ болѣе, что войска Двинскаго фронта, подъ вліяніемъ паники, стали деморализироваться и расходиться по домамъ.

Въ это время я занималъ должность начальника 3-ей Сѣверной стрѣлковой бригады, дѣйствующей на желѣзнодорожномъ фронтѣ. 25-го сентября меня вызвалъ къ себѣ Главнокомандующій генералъ Миллеръ и предложилъ мнѣ отправиться на Двину въ качествѣ Командующаго войсками района, чтобы привести въ порядокъ расположенныя тамъ части и остановить наступленіе большевиковъ.

Я, сознавая всю трудность и отвѣтственность этой задачи, мое незнакомство съ мѣстностью и войсками, отказался отъ этого предложенія, такъ какъ не видѣлъ никакихъ реальныхъ возможностей исполнить ту задачу, которая мнѣ ставилась, ибо мнѣ было сказано, что никакихъ свѣжихъ частей я получить не могу за неимѣніемъ таковыхъ. Начальникъ же Штаба Главнокомандующаго, генералъ Квѣцинскій никакихъ руководящихъ данныхъ мнѣ дать не могъ, ибо самъ въ Двинскомъ районѣ ни разу не былъ и какого-либо представленія о томъ, что творилось на Двинѣ, не имѣлъ, кромѣ того, что тамъ имѣется рѣчная флотилія капитана 2-го ранга Чаплина, который и доносилъ ему о творившемся тамъ хаосѣ. Изъ этого донесенія можно было понять, что часть войскъ и артиллеріи, посаженная на баржи, буксируется пароходами внизъ по теченію рѣки Двины къ Архангельску, а другая часть слѣдуетъ пѣшкомъ по берегу Двины, расходясь попутно по домамъ, — что, вѣроятно, ихъ можно застать въ группѣ деревень Моржегорье, которыя очень важно удержать въ нашихъ рукахъ, дабы противникъ не могъ распространяться на западъ, угрожая Селецкому району.

Всѣ эти свѣдѣнія, передаваемыя мнѣ Начальникомъ Штаба Главнокомандующаго, еще болѣе побудили меня отказаться отъ предлагаемаго назначенія, но тѣмъ не менѣе, уступая настойчивымъ, уже не приказаніямъ, а просьбамъ генерала Миллера, я далъ свое согласіе, и въ тотъ же день, 25-го сентября, выѣхалъ на экстренномъ пароходѣ на фронтъ, очень мало вѣря въ успѣхъ своего дѣла и не ожидая ничего хорошаго лично для себя.

На проѣздъ къ с. Моржегорью мнѣ надо было не менѣе трехъ дней. Когда я проѣхалъ г. Холмогоры, мнѣ стали попадаться на встрѣчу плывшія внизъ по теченію лодки, наполненныя бѣглыми съ фронта солдатами; на остановкахъ парохода, когда мы брали дрова, грузчики говорили, что на фронтѣ случилось что-то неладное и всѣ оттуда бѣгутъ. Все это не предвѣщало ничего хорошаго. Зная уже по опыту случаи паники еще во время Великой войны, а особенно въ 1917 году во время Тарнопольскаго прорыва, зная, что никакія суровыя мѣры вплоть до разстрѣла дѣлу не помогутъ, такъ какъ солдаты въ такихъ случаяхъ становятся совершенно невмѣняемыми, я рѣшилъ къ этимъ мѣрамъ не прибѣгать, а примѣнить давно испытанный методъ личнаго воздѣйствія, который я выработалъ за свою продолжительную военную службу, особенно, въ мирное время, командуя 9 лѣтъ ротою и въ Великой войнѣ – полкомъ, и которымъ я пользовался, когда послѣ революціи приходилось заставлять солдатъ идти на позиціи и въ бой, несмотря на всѣ выкрики митинговыхъ ораторовъ, и благодаря которому мнѣ до самаго конца старой арміи, т. е. до демобилизаціи ея большевиками, всегда удавалось подчинить массу своей волѣ. Методъ этотъ заключался въ томъ, что я всегда входилъ смѣло въ бушующую толпу, совершенно безоружный, безъ конвоя, требовалъ себѣ слова, которое начи-

налъ неизмѣнно хвалой храбрости солдатъ, вспоминая ихъ прежніе бои, а затѣмъ принимался ихъ отчаянно ругать за настоящую трусость, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что трусить не передъ кѣмъ, ибо врагъ, ихъ преслѣдующій, неизмѣримо слабѣе и малочисленнѣе ихъ. Продолжая въ такомъ духѣ рѣчь и все время пересыпая ее отборными ругательствами за данную панику и не давая никому изъ пытавшихся ораторовъ высказаться, я приказывалъ немедленно же повернуть обратно и идти на позиціи или въ бой. Конечно, при этомъ импонирующую роль игралъ мой Георгіевскій Крестъ, на который и теперь я возлагалъ большія надежды, такъ какъ боевые солдаты, а таковыми были солдаты Двинскаго фронта, сильно считались съ Георгіевскимъ кавалеромъ и всегда ему вѣрили. Вотъ это средство я рѣшилъ примѣнить и въ данномъ случаѣ, такъ какъ никакого другого больше не видѣлъ.

Проѣхавъ село Емецкое, въ 6 часовъ утра 28-го сентября, я увидѣлъ около деревни Никола, стоявшіе у берега пароходы и баржи съ людьми и лошадьми. До Моржегорья, гдѣ я долженъ былъ застать войска, по расчету капитана парохода, оставалось верстъ 40. Я приказалъ подойти къ баржамъ. Ко мнѣ на пароходъ вошелъ начальникъ рѣчной флотиліи, капитанъ 2-го ранга Чаплинъ, и доложилъ обстановку. Оказывается, они только что прибыли сюда, оставивъ Моржегорье, при чемъ на баржахъ слѣдуютъ батареи, а пѣхота идетъ дорогою вдоль берега. Путь для противника онъ преградилъ въ данномъ мѣстѣ по рѣкѣ канонерками, а на мой вопросъ, есть-ли кто въ аріергардѣ, чтобы задержаться на позиціи рѣки Шипилихи, впадающей въ Двину, выбранной мною по картѣ, на которой по мѣстнымъ условіямъ можно было бы оказать серьезное сопротивленіе, отвѣтилъ, что едва-ли, такъ какъ отступаютъ въ безпорядкѣ, хотя противникъ и не преслѣдуетъ, причемъ головныя части дошли уже до села Емецкаго, которое отстояло отъ деревни Ныколы въ тылъ на 35 верстъ. Къ этому онъ добавилъ, что ряды войскъ сильно порѣдѣли отъ дезертирства, духъ совершенно палъ и нѣтъ никакой надежды остановиться. Я приказалъ разыскать командировъ частей и тотчасъ же прибыть ко мнѣ на пароходъ, а артиллерію выгружать на берегъ.

Черезъ нѣкоторое время прибыли командиры частей, которые доложили мнѣ, что дѣло совершенно проиграно, солдаты у нихъ расходятся по домамъ и бѣгутъ въ тылъ и что нѣтъ никакой возможности остановить развалъ, а тѣмъ болѣе остановиться на позиціи и что надо двигаться въ Архангельскъ, такъ какъ иначе всѣ попадемъ въ плѣнъ.

Выслушавъ всѣ эти доклады, я приказалъ артиллеріи выгружаться все-таки на берегъ, а командирамъ частей и исполняющему должность начальника артиллеріи отдать распоряженіе о возвращеніи частей къ мѣсту предполагаемой позиціи, а затѣмъ ѣхать вмѣстѣ со мной на рѣчку Шипилиху для осмотра позиціи, на которой я предполагалъ закрѣпиться и дать отпоръ большевикамъ.

Депутація офицеровъ опять снова повторила мнѣ свой докладъ о немедленномъ отъѣздѣ въ Архангельскъ; я опять выслушалъ ее совершенно спокойно и заявилъ имъ, что мое рѣшеніе задержаться на рѣкѣ Шипилихѣ непреклонно и что я приказываю это исполнить, а въ случаѣ неповиновенія къ лицамъ команднаго состава будутъ мною примѣнены суровыя мѣры вплоть до разстрѣла.

Черезъ четыре дня эти офицеры великолѣпно дрались въ бою и въ послѣдующихъ операціяхъ вели себя настолько хорошо, что я и не могъ большаго отъ нихъ требовать.

Я съ командирами частей поднялся вверхъ по теченію до деревни Взвозъ, отстоявшей отъ деревни Ныколы въ 6 верстахъ, а оттуда проѣхалъ на крестьянскихъ подводахъ на рѣку Шипилиху, отстоявшую въ 4-хъ верстахъ отъ Взвоза по направленію къ противнику.

Подъѣзжая къ предпологаемой позиціи, мы встрѣтили взводъ драгунъ, который отходилъ послѣднимъ. Я приказалъ ему вернуться обратно и продвинуться за Шипилиху верстъ на десять, войдя въ соприкосновеніе съ противникомъ, и ни въ коемъ случаѣ безъ приказанія не отходить.

Шипилиха представляла изъ себя маленькую, но зато болотистую рѣчку, впадающую въ рѣку Сѣверную Двину, берега которой поросли густымъ лѣсомъ.

Обойдя предполагаемую позицію длиною около 1½ верстъ и указавъ ея фланги, изъ которыхъ лѣвый упирался въ Двину, а правый въ непроходимое болото, указавъ мѣсто пулеметовъ, окоповъ и проволочныхъ загражденій, я приказалъ командиру саперной роты запрудить рѣку, чтобы увеличить заболоченность ея береговъ, сдѣлать лѣсныя засѣки и немедленно приняться за работу, какъ только прибудутъ люди, при чемъ въ первую голову заняться устройствомъ проволочнаго загражденія и пулеметныхъ гнѣздъ. При этомъ я предупредилъ, какъ начальниковъ частей, такъ и командира саперной роты, что какъ я, такъ и большевики даютъ имъ не болѣе 3-хъ дней для того, чтобы зацѣпиться проволокой за землю и устроить кое-какіе окопы, ибо я зналъ инертность большевиковъ и по крайней мѣрѣ въ ближайшее время не ожидалъ ихъ прибытія. Одновременно съ этимъ, указалъ начальнику артиллеріи на тѣ подступы къ позиціи, которые необходимо держать подъ огнемъ, а также приказалъ немедленно произвести пристрѣлку по нимъ, какъ только батареи встанутъ на свои мѣста.

Покончивъ со всѣмъ этимъ, я вернулся въ деревню Взвозъ. Сюда уже подошли выгруженныя съ баржъ батареи и энергичный командиръ дивизіона подполковникъ Бриммеръ, исправлявшій должность начальника артиллеріи, — ибо начальникъ артиллеріи, полковникъ Зеленовъ находился уже въ селѣ Емецкомъ, — принялся ставить ихъ на мѣста. Тутъ же былъ выстроенъ и баталіонъ пѣхоты, застрявшій при отступленіи въ этой деревнѣ. Я обратился къ нему съ рѣчью, по заранѣе составленной въ умѣ программѣ, въ которой сначала похваливъ ихъ за ту храбрость, которую они проявили, какъ во время Великой войны, такъ и теперь недавно, разбивши въ августовскихъ бояхъ на голову большевиковъ, я затѣмъ пристыдилъ ихъ за теперешнее малодушіе и порядочно изругалъ, заявивъ имъ, что отступленія дальше не будетъ, что съ послѣдующимъ дезертирствомъ буду бороться самими жестокими мѣрами, а настоящее оставляю безъ взысканія, при условіи немедленнаго возвращенія въ строй и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдалъ должное уваженіе стоящимъ предо мною солдатамъ за то, что они не заразились примѣромъ дезертирства и остались въ рядахъ своихъ ротъ. Кромѣ того, я указалъ на дѣйствительную слабость противника, на наше превосходство въ техническихъ средствахъ, а также и на то, что чѣмъ скорѣе они укрѣпятъ позицію на рѣкѣ Шипилихѣ, тѣмъ понесутъ менѣе потерь при наступленіи противника и тѣмъ болѣе будетъ вѣроятенъ успѣхъ отбитія его атакъ, а для этого надо трудиться не покладая рукъ по укрѣпленію позиціи. Послѣ всего этого я приказалъ баталіону съ мѣста двинуться на рѣку Шипилиху, что онъ безпрекословно и исполнилъ. Я рѣшилъ остаться пока въ деревнѣ Взвозъ, чтобы пропускать мимо себя такимъ же образомъ подтягивающіеся обратно баталіоны. Черезъ нѣсколько времени подошелъ другой баталіонъ, собранный въ деревнѣ Ныколы, который послѣ аналогичной бесѣды отправился на позицію. Когда я самъ вернулся туда, тамъ уже кипѣла работа: подвезли проволоку, которой имѣлось въ достаточномъ количествѣ на баржахъ въ деревнѣ Ныкола, рылись стрѣлковые окопы, устраивались пулеметныя гнѣзда, артиллерія производила пристрѣлку подступовъ. Солдаты повеселѣли, работали быстро, не покладая рукъ. Къ вечеру вернулся обратно во Взвозъ, тамъ меня уже ждалъ еще баталіонъ. Опять такое же обращеніе и безпрекословное его слѣдованіе на позицію: на слѣдующій день — то же самое. Всѣ части вернулись обратно.

Три дня шла лихорадочная работа по укрѣпленію позиціи и за это время успѣли сдѣлать уже многое. О противникѣ свѣдѣній не поступало, хотя работали подъ прикрытіемъ впереди расположенной цѣпи въ густомъ лѣсу.

2-го октября послѣ полудня я обходилъ вмѣстѣ съ командиромъ 4-го Сѣвернаго стрѣлковаго полка позиціи. Закончивъ осмотръ и сдѣлавъ нѣсколько указаній по поводу предстоящихъ работъ на завтрашній день, я собирался уже отправиться обратно въ деревню Взвозъ, какъ въ эту минуту послышались ружейные

выстрѣлы въ лѣсу, впереди позиціи и вслѣдъ за ними показалась отходившая цѣпь нашего прикрытія въ окопы. Вскорѣ показались и красные, осыпавшіе насъ ружейнымъ огнемъ. Въ отвѣтъ на нихъ посыпался бѣшеный огонь изъ нашихъ окоповъ, но красные не дрогнули и лѣзли прямо къ проволокѣ. Меня и командира полка бой засталъ на самой позиціи и руководить имъ не пришлось за отсутствіемъ связи. Здѣсь я подумалъ только о томъ, что если наши стрѣлки настолько увѣрены въ себѣ, что они смогутъ дать отпоръ, то и руководства не нужно, ибо уже всѣ подступы были пристрѣляны пулеметами и артиллеріей, которая тоже открыла огонь. Здѣсь нужно было каждому солдату знать свой маневръ, ибо передъ фронтомъ нашей позиціи было открытое пространство всего лишь шаговъ на двѣсти и видны были только красноармейцы, которые выходили изъ лѣса къ проволокѣ. Дѣйствительно стрѣлки не растерялись, а особенно пулеметчики, наносившіе фланкирующимъ огнемъ громадный уронъ краснымъ. Оставивъ большое количество убитыми и ранеными, красные отхлынули въ лѣсъ, гдѣ, какъ впослѣдствіи оказалось, стали митинговать: выступать снова или нѣтъ. Наша артиллерія покрыла этотъ митингъ, и большевики, оставивъ на мѣстѣ раненыхъ и убитыхъ, разбѣжались.

Бой продолжался около часу. Со стороны большевиковъ была введена точно также артиллерія и даже 6-ти дюймовая, но однако намъ никакого урона не нанесла, такъ какъ дѣлала все время перелеты. Отъ плѣнныхъ и раненыхъ, между которыми былъ тяжело раненый комиссаръ, мы узнали, что со стороны большевиковъ наступала бригада пѣхоты въ составѣ трехъ полковъ – сила очень большая по сравненію съ нами, но тѣмъ не менѣе она была почти уничтожена. Подъ проволокой нашли труппы убитыхъ китайцевъ, а въ числѣ раненыхъ и плѣнныхъ были финны. Оказалось, что здѣсь были два полка укомплектованные крестьянами-финнами Петроградскаго уѣзда подъ начальствомъ финскихъ красныхъ офицеровъ изъ Финляндіи. Они кляли большевистскую власть, говорили, что ихъ насильно мобилизовали и собирались перейти на нашу сторону. И дѣйствительно, позже, въ концѣ октября, къ намъ перешла большевистская застава въ 65 человѣкъ исключительно финновъ, которые пополнили наши ряды и дрались великолѣпно. Эти финны говорили, что на дняхъ перейдутъ и остальные два полка, но отъ перебѣжчиковъ мы узнали, что вслѣдъ за переходомъ къ намъ заставы, въ этихъ полкахъ были произведены большевиками массовые разстрѣлы, а оставшіеся люди были отправлены на польскую границу.

Успѣшный бой 2-го октября сильно поднялъ духъ нашихъ солдатъ, и я уже былъ спокоенъ за то, что мнѣ удастся остановить продвиженіе большевиковъ по Двинѣ къ Архангельску. Еще съ большей энергіей принялись за дальнѣйшее укрѣпленіе позиціи. И дѣйствительно, она черезъ мѣсяцъ стала совершенно неприступной. Были построены настоящіе, глубокой профили окопы, гнѣзда для пулеметовъ и блокгаузы, изъ которыхъ можно было стрѣлять фланкирующимъ огнемъ; передъ позиціей былъ вырубленъ лѣсъ на 600 шаговъ. Кромѣ того, вся позиція была обнесена кругомъ четырьмя рядами колючей проволоки на тотъ случай, еслибы большевики зимой по снѣгу обошли позицію и ударили съ тыла, тогда въ ней можно было сидѣть какъ въ форту, ожидая выручки изъ деревни Взвозъ отъ отдыхающихъ частей.

15-го октября большевики опять повели наступленіе въ такомъ же количествѣ полковъ, но съ большимъ упорствомъ. Теперь отбить ихъ атаки, нанеся имъ громадный уронъ, было гораздо легче, такъ какъ мы уже основательно зарылись въ землю, духъ солдатъ былъ великолѣпный; и большевики, будучи вторично разбиты, уже не дѣлали больше попытокъ къ наступленію.

Позиція на рѣкѣ Шипилихѣ была на лѣвомъ берегу рѣки Сѣверной Двины. На правой сторонѣ Двины тянулся на нѣсколько десятковъ верстъ по берегу каменный массивъ, изрытый оврагами и поросшій лѣсомъ, который не допускалъ какого-либо передвиженія. Тамъ вѣроятно никогда не ступала еще человѣческая нога, и поэтому наступленія по правому берегу Двины до зимы ожидать не приходилось

и туда выставлялась только полурота для наблюденія. Отступая верстъ на 15 назадъ, массивъ этотъ кончался и начинались деревни Плесъ и Хаврогоры. Здѣсь, за неимѣніемъ достаточнаго количества войскъ, пришлось расположить только двѣ роты, присланныя мнѣ съ Пинежскаго фронта, и легкую батарею. Вся позиція была также сильно укрѣплена, обнесена проволочнымъ загражденіемъ и представляла серьезное препятствіе. Однако большевики здѣсь за всю зиму ни разу не появлялись.

На рѣкѣ Двинѣ стояла рѣчная флотилія капитана 2-го ранга Чаплина. Энергичный и быстрый на подъемъ капитанъ Чаплинъ при уходѣ англичанъ съ Двины, которые увели съ собой и канонерскія лодки, вооруженныя до 12-ти дюймовыхъ орудій включительно, быстро приспособилъ находившіяся въ Архангельскѣ желѣзныя баржи землечерпательнаго каравана подъ боевыя судна, установивъ на нихъ 6-ти дюймовыя орудія, снятыя съ «Чесмы», на буксирахъ притащилъ ихъ на позицію и поставилъ въ боевомъ порядкѣ на рѣкѣ Двинѣ, предназначая ихъ на тотъ случай, если большевики спустили бы свою флотилію отъ Котласа, которая у нихъ тамъ имѣлась, но такъ какъ таковая не показывалась, то содѣйствовалъ во время боевъ огнемъ своей артиллеріи сухопутнымъ частямъ.

Англичане, уходя съ Двины, устроили громадныя минныя поля при впаденіи въ Двину рѣки Ваги, и большевики при теперешнемъ продвиженіи впередъ, пробовали спустить часть своей вооруженной флотиліи внизъ по рѣкѣ, но два парохода взорвались на минахъ, и имъ пришлось эти попытки прекратить.

Во всякомъ случаѣ флотилія капитана 2-го ранга Чаплина принесла очень много пользы дѣлу. Она была укомплектована добровольцами, большей частью учащейся молодежью Архангельска и отличалась твердостью и рѣшимостью въ борьбѣ съ большевиками. Матросовъ прежняго состава почти не было и слѣдовательно нельзя было ожидать какой-либо измѣны. Въ первыхъ числахъ ноября начался ледоставъ на Двинѣ, и капитанъ Чаплинъ принужденъ былъ уйти со своей флотиліей въ Архангельскъ, гдѣ думалъ за зиму увеличить ее, оборудовавъ для этого еще имѣющіяся въ Архангельскѣ баржи, установивъ на нихъ 12-ти дюймовыя орудія, которыя находились на броненосцѣ «Чесма». Передъ уходомъ капитанъ Чаплинъ установилъ въ деревнѣ Взвозъ 6-ти дюймовую морскую батарею изъ двухъ пушекъ стараго типа, предѣльная дальность которыхъ была шесть верстъ, оставивъ при ней прислугу изъ вышеупомянутыхъ добровольцевъ. Командиромъ батареи былъ назначенъ мичманъ Брутъ, морской артиллеристъ.

Предвидя, что съ наступленіемъ весны большевики поведутъ наступленіе, я занялся не только совершенствованіемъ позиціи на рѣкѣ Шипилихѣ, но и устройствомъ ряда позицій въ тылу на тотъ случай, если большевики насъ собьютъ съ Шипилихи. Тогда можно было бы отойти на заранѣе укрѣпленныя позиціи и не строить ихъ подъ огнемъ. Такъ на разстояніи 35-ти верстъ отъ Шипилихи до села Емецкаго были устроены четыре позиціи, обнесенныя четырьмя рядами проволоки съ окопами и блокгаузами. Кромѣ того была еще устроена позиція въ деревнѣ Сіи, недалеко отъ знаменитаго Антоніо-Сійскаго монастыря, которая должна была служить послѣдней преградой для продвиженія большевиковъ по Двинѣ. Большимъ помощникомъ и работникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ командиръ саперной роты поручикъ N, а также и саперы. Это были все старые солдаты Великой войны, отлично знавшіе свое дѣло. Рабочей силой были войсковыя части и крестьяне, привлекавшіеся къ работѣ за плату.

Мысль о весеннемъ наступленіи меня очень озабочивала, и по имѣвшимся у меня свѣдѣніямъ отъ развѣдки я зналъ, что большевики готовятъ въ Котласѣ большую флотилію, устанавливая на ней 150 пушекъ разныхъ калибровъ. Съ наступленіемъ половодья эта флотилія должна была пройти, пользуясь высокой водой, минныя загражденія и громить насъ. Свѣдѣнія эти получили подтвержденіе: когда я впослѣдствіи попалъ въ плѣнъ къ большевикамъ, то мнѣ объ этомъ сказалъ одинъ изъ большевистскихъ офицеровъ. Однако я не придавалъ этому значенія, такъ какъ надѣялся на флотилію капитана Чаплина съ его 12-ти дюймовыми пуш-

ками, хотя и сознавалъ, что первое время намъ придется очень туго, ибо Сѣверная Двина вскрывается сначала у Котласа, гдѣ она лежитъ много южнѣе и, слѣдовательно, большевики нападутъ на насъ раньше, чѣмъ капитанъ Чаплинъ будетъ имѣть возможность прибыть на позицію, ибо ему придется ждать конца ледохода. Въ моемъ же распоряженіи были только три легкія батареи, одна тяжелая — 4½ дюйма и морская 6-ти дюймовая. Съ этими силами трудно было конкурировать, до прихода капитана Чаплина съ морскими орудіями, которыя большевики везли изъ Кронштадта въ Котласъ, и поэтому я, узнавъ, что въ Архангельскѣ въ артиллерійскомъ складѣ на Бакарицѣ находятся двѣ 8-ми дюймовыя полевыя пушки, застрявшія тамъ еще съ Великой войны и имѣвшія массу снарядовъ въ складахъ, неоднократно просилъ, какъ лично, во время поѣздокъ въ Архангельскъ, такъ и письменно, о присылкѣ ко мнѣ на фронтъ этихъ пушекъ. Былъ отличный санный путь; пушки можно было отправить по желѣзной дорогѣ до станціи Холмогорской, а оттуда перевезти на лошадяхъ своими средствами. Генералъ Квѣцинскій сначала все обѣщалъ мнѣ ихъ прислать, а потомъ уже сталъ въ нихъ отказывать, говоря, что они понадобятся на желѣзнодорожномъ фронтѣ. Послѣднее меня крайне удивило, такъ какъ я зналъ, что желѣзнодорожный фронтъ снабженъ въ изобиліи артиллеріей, что, кромѣ полевой артиллеріи, тамъ находились четыре броневыхъ поѣзда, даже съ 8-ми дюймовыми пушками, какъ напримѣръ поѣздъ «Адмиралъ Колчакъ».

Рапорты мои о пушкахъ Главнокомандующему, очевидно, не докладывались. 1-го февраля 1920-го года я написалъ обстоятельный рапортъ Главнокомандующему о положеніи дѣла предстоящей весной въ смыслѣ артиллерійской обороны у меня на фронтѣ и еще разъ просилъ выслать эти пушки, а для большей убѣдительности послалъ съ этимъ рапортомъ мичмана Брута, приказавъ ему лично передать этотъ рапортъ Главнокомандующему и кромѣ того самому доложить о необходимости имѣть эти пушки къ веснѣ. Съ перевозкой ихъ надо было спѣшить, такъ какъ черезъ два мѣсяца наступала распутица и тогда уже нечего было и думать о доставкѣ пушекъ на мѣсто къ сроку.

Мичманъ Брутъ, явившись по начальству сначала къ генералу Квѣцинскому, какъ къ Начальнику Штаба, на вопросъ послѣдняго, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, доложилъ, что по моему порученію онъ долженъ видѣть генерала Миллера, а далѣе на вопросъ генерала Квѣцинскаго объяснилъ по какому поводу. Генералъ Квѣцинскій потребовалъ, чтобы онъ рапортъ отдалъ ему, а мичману Бруту запретилъ являться генералу Миллеру, предложивъ ему пробыть въ Архангельскѣ недѣлю для «успокоенія нервовъ». Обо всемъ этомъ горько жаловался мнѣ мичманъ Брутъ, когда мы съ нимъ неслись въ экстренномъ поѣздѣ 6-го февраля на фронтъ, гдѣ въ это время большевики заняли позицію на рѣкѣ Шипилихѣ.

Не знаю тѣхъ мотивовъ, которые заставляли генерала Квѣцинскаго не только не удовлетворить мою просьбу, но даже и скрывать ее отъ Главнокомандующаго, но думаю, что если бы мы удержались до весны на фронтѣ, то положеніе наше на Двинѣ было бы плачевное, такъ какъ съ большевистской флотиліей состязаться пришлось бы только полевыми орудіями.

Пополненія людьми въ части войскъ изъ Архангельска я не получалъ, такъ какъ все, что можно было боевого отправить на фронтъ, отправлялось въ желѣзнодорожный раіонъ. Естественная убыль людей меня сильно озабочивала и поэтому красноармейцевъ, перешедшихъ на нашу сторону, я не отправлялъ въ Архангельскъ для прохожденія обученія въ Архангелогородскомъ запасномъ полку, а зачислялъ прямо въ свои части. Эти люди, большею частью финны Петроградскаго уѣзда, были настроены вообще антибольшевистски, а когда увидѣли у насъ человѣчное обращеніе съ ними, когда ихъ отлично обмундировали и стали выдавать такой-же паекъ, какъ и остальнымъ нашимъ солдатамъ, когда они стали ѣсть въ изобиліи сало, а какъ противоцынготное средство — финики и англійскіе пикули, то они стали убѣжденными и надежными бойцами противъ большевиковъ. Уже при развалѣ, до самаго конца они

оставались въ рядахъ съ оружіемъ въ рукахъ, мучаясь въ ожиданіи возмездія отъ большевиковъ за ихъ переходъ къ намъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ по предложенію капитана Воробьева, уроженца города Шенкурска, возникла мысль сформировать отдѣльный Шенкурскій баталіонъ. Въ этотъ баталіонъ должны были войти «Шенкурята» — жители Шенкурскаго уѣзда, организовавшіе и принимавшіе участіе въ Шенкурскомъ возстаніи противъ большевиковъ лѣтомъ 1918-го года и бѣжавшіе оттуда при занятіи Шенкурска большевиками. Сильные духомъ, гордые, свободолюбивые потомки Новгородцевъ, — они не могли примириться съ большевистскимъ насиліемъ, образовывали все время возстанія въ тылу у большевиковъ и держали связь со своими единомышленниками, находившимися у насъ. Однако кровавыя репрессіи большевиковъ заставляли ихъ бѣжать оттуда къ намъ и, такимъ образомъ, число ихъ увеличивалось. Капитанъ Воробьевъ просилъ разрѣшенія выдѣлить въ отдѣльный баталіонъ всѣхъ «Шенкурятъ», находившихся въ другихъ частяхъ, а также и направлять въ этотъ баталіонъ всѣхъ тѣхъ, которые проберутся съ той стороны къ намъ. О сформированіи этого баталіона онъ обѣщалъ освѣдомить тайнымъ образомъ Шенкурскій уѣздъ. Для однородности состава этого баталіона и офицерскій составъ долженъ былъ быть изъ «Шенкурятъ». Мысль эту я поддержалъ передъ Главнокомандующимъ и вскорѣ былъ приказъ по войскамъ о сформированіи Шенкурскаго баталіона. Главными дѣятелями въ этомъ баталіонѣ были командиръ баталіона капитанъ Воробьевъ, три брата прапорщики Ракитины, фельдшеръ Табанинъ и солдатъ Сѣриковъ, по профессіи слесарь.

Баталіонъ, сначала сформированный въ малочисленномъ составѣ штыковъ, вскорѣ значительно пополнился притокомъ новыхъ «Шенкурятъ», какъ переводомъ съ другихъ фронтовъ, такъ и приливомъ изъ-за рубежа; кромѣ того, въ него-же я, по просьбѣ капитана Воробьева, далъ пополненіе изъ передавшихся къ намъ красноармейцевъ.

Баталіонъ этотъ въ короткое время сталъ крѣпкой, спаянной частью, въ немъ никакая коммунистическая подпольная пропаганда не могла имѣть успѣха, точно такъ же, какъ и дезертирство, чего я не могу сказать про сосѣднія съ нимъ части. Къ сожалѣнію присутствіе въ рядахъ этого баталіона Табанина и Сѣрикова, убѣжденныхъ эсъ-эровъ, сильно вліяло на политическое настроеніе баталіона. Табанинъ, до мобилизаціи бывшій редакторомъ органа Архангельскихъ эсъ-эровъ, вмѣстѣ съ Сѣриковымъ держали связь съ комитетомъ партіи въ Архангельскѣ. Проявившаяся зимой борьба эсъ-эровъ съ Правительствомъ, особенно во время созыва Земско-Городского Совѣщанія, отразилась и на настроеніи баталіона. Партія эсъ-эровъ въ Архангельскѣ стала опираться на Шенкурскій баталіонъ, выдавая его настроеніе за настроеніе всѣхъ войскъ. Вниманіе къ баталіону усилилось особенно со стороны лѣвыхъ эсъ-эровъ, вродѣ Скоморохова — предсѣдатель губернской Земской Управы — и они стали питать баталіонъ своею литературою.

Эта связь баталіона съ партіей эсъ-эровъ въ Архангельскѣ была настолько извѣстна всѣмъ, что въ населеніи его называли эсъ-эровской лейбъ-гвардіей.

Мнѣ все это было извѣстно, и я нѣсколько разъ вызывалъ къ себѣ капитана Воробьева, указывая ему на эти обстоятельства, предупреждая, что въ войсковыхъ частяхъ не можетъ быть политики и что таковая приведетъ фронтъ къ гибели. Капитанъ Воробьевъ доказывалъ мнѣ, что, хотя все приведенное мною и дѣйствительно имѣетъ мѣсто и хотя онъ самъ эсъ-эръ, но, тѣмъ не менѣе, все это не такъ серьезно и что батальонъ всегда останется ярымъ противникомъ большевиковъ, и чувство долга и любовь къ Родинѣ возьмутъ верхъ надъ другими чувствами. Вмѣстѣ съ этимъ капитанъ Воробьевъ признавалъ вредное вліяніе на баталіонъ Табанина и Сѣрикова, характеризуя ихъ какъ людей въ высшей степени честныхъ, но увлекающихся и неуравновѣшенныхъ, вслѣдствіе чего они попали подъ вліяніе партіи, и при этомъ по своему развитію не могутъ различить въ ней болѣе лѣвыхъ, чѣмъ они, эсъ-эровъ, склонныхъ къ соглашательству съ большевиками, какъ напримѣръ Скомороховъ и др., которые въ свою очередь, пользуясь вліяніемъ на нихъ, прививаютъ

въ массѣ батальона лозунги, если не большевистскіе, то сходные съ ними. Капитанъ Воробьевъ добавилъ къ этому, что онъ самъ бы не прочь отъ нихъ избавиться, но какимъ образомъ, не знаетъ. Если ихъ перевести на другіе фронты, то этимъ можетъ быть вызвано волненіе въ батальонѣ, ибо они, какъ «Шенкурята», должны были служить въ немъ; отправленіе ихъ въ тыловыя части Архангельска — тоже будетъ понято батальономъ, какъ устраненіе ихъ изъ батальона, при чемъ они сами не захотятъ ѣхать туда, и партія эсъ-эровъ приложитъ всѣ усилія, чтобы они остались въ батальонѣ, создавъ шумиху изъ этого дѣла, вплоть до открытаго неповиновенія батальона, что, собственно говоря, лѣвымъ кругамъ партіи и желательно. Между тѣмъ, сами по себѣ Табанинъ и Сѣриковъ, какъ люди порядочные, и не сознаютъ той роли, которую они играютъ, слѣдуя за Скомороховымъ и К-о, и что не будь надъ ними этого вліянія, они могли бы удержать батальонъ въ тѣхъ именно рамкахъ, которыя такъ необходимы въ настоящее время на фронтѣ, такъ какъ вліяніе ихъ на массу батальона безгранично. Благодаря имъ служба на позиціи батальономъ несется отлично и всѣ тѣ глубокія развѣдки, которыя приходится совершать батальону, производятся безукоризненно; попытка большевиковъ завести какую-либо пропаганду въ батальонѣ всегда пресѣкается, но будетъ плохо, если Табанинъ и Сѣриковъ сдѣлаются сами проводниками большевистскихъ идей – батальонъ пойдетъ за ними. Дѣйствительно, когда я бывалъ на позиціи, то всегда рѣзко бросалось въ глаза исправное несеніе службы въ окопахъ Шенкурскаго батальона и тщательная, интенсивная работа по совершенствованію позиціи, въ сравненіи съ другими частями.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1919 года, по мѣрѣ откатыванія Добровольческой Арміи отъ Орла, въ частяхъ Сѣвернаго фронта стала наблюдаться нервность, неувѣренность въ борьбѣ съ большевиками, сознаніе одиночества въ этой борьбѣ и своей малочисленности. Въ связи съ этимъ усилилась работа подпольныхъ большевиковъ, какъ находившихся въ Архангельскѣ, такъ и въ частяхъ войскъ. Началась и открытая борьба партіи эсъ-эровъ съ Правительствомъ, выразившаяся сначала въ требованіи лѣвой части Земско-Городского Совѣщанія амнистіи политическимъ заключеннымъ. Правительство на это не шло, такъ какъ таковые были болшевики, осужденные за явно доказанныя преступленія. Затѣмъ той же группой были выдвинуты требованія реконструкціи Правительства съ замѣной его соціалистическимъ вмѣсто прежняго коалиціоннаго. Надо сказать, что застрѣльщики этихъ требованій были изъ лѣвыхъ эсъ-эровскихъ круговъ, какъ напримѣръ, Скомороховъ и докторъ Соколовъ, прибывшій вмѣстѣ съ офицерами лѣтомъ изъ Англіи и успѣвшій втереться въ большое довѣріе къ командовавшему желѣзно-дорожнымъ фронтомъ князю Мурузи, гдѣ онъ завѣдывалъ перевязочнымъ отрядомъ. Оба были безъ души другъ отъ друга: князь Мурузи — заядлый монархистъ, а докторъ Соколовъ — правая рука Керенскаго, присланный имъ изъ Англіи на Сѣверный фронтъ со спеціальной цѣлью информаціи и разрушенія всего того, что сдѣлано «бѣлыми генералами». Повторяю, онъ такъ ловко обошелъ князя Мурузи, что послѣдній выдавалъ ему самыя блестящія аттестаціи его политической благонадежности, но я не сомнѣваюсь, что князь Мурузи, со свойственной ему прямолинейностью повѣсилъ бы его у себя на фронтѣ, еслибъ зналъ, что скрывается въ этомъ господинѣ подъ личиной услужливости и восторженныхъ отзывовъ о стратегическихъ и административныхъ талантахъ князя Мурузи. Лесть очень много значитъ, и это вѣрно учелъ истый слуга Керенскаго. Князь Мурузи уѣхалъ въ Англію изъ Сѣверной Области вслѣдъ за англичанами, не поладивъ съ генераломъ Миллеромъ, къ которому онъ послѣднее время относился вызывающе, а докторъ Соколовъ перебрался въ Архангельскъ и здѣсь повелъ сначала скрытую, а потомъ уже открытую борьбу противъ Правительства и тѣмъ исполнилъ свою завѣтную цѣль — захвата власти въ свои руки. Онъ получилъ въ конечномъ итогѣ портфель министра, но министерство это просуществовало всего лишь день, и Соколовъ принужденъ былъ бѣжать вмѣстѣ съ другими на ледоколѣ «Мининъ», такъ какъ фронтъ, благодаря борьбѣ этихъ господъ за власть, развалился: власть получили — подданныхъ не стало.

Въ умѣренныхъ кругахъ партіи эсъ-эровъ къ числу оборонцевъ, не пожелавшихъ идти ни на какія соглашенія съ большевиками, принадлежалъ одинъ изъ лидеровъ партіи эсъ-эровъ Алексѣй Ивановъ, имѣвшій сначала громадное вліяніе въ партіи, но затѣмъ вслѣдствіе работы Скоморохова, Соколова и другихъ потерявшій это вліяніе. Вмѣстѣ съ лидерствомъ въ партіи онъ былъ и редакторомъ «Возрожденія Сѣвера». А. Иванова лично я зналъ, такъ какъ мнѣ пришлось, еще будучи въ Архангельскѣ, работать вмѣстѣ съ нимъ въ разныхъ комиссіяхъ по назначенію Главнокомандующаго. Зналъ его, какъ честнаго человѣка, любящаго Родину, и былъ увѣренъ, что онъ ни на какія соглашенія съ большевиками не пойдетъ. Если же его умѣренная критика въ качествѣ эсъ-эра правительственной власти и не нравилась другимъ, то лично я въ ней не находилъ ничего худого, ибо она во всякомъ случаѣ клонилась къ пользѣ дѣла и успѣху Родины и открывала глаза членамъ Правительства на тѣ промахи, которые, быть можетъ, имъ были незамѣтны. Во всякомъ случаѣ мнѣ извѣстно, что Ивановъ не былъ съ тѣми, которые требовали соглашенія съ Совѣтской властью и не стремился непосредственно къ власти. Вотъ почему я, пріѣзжая съ фронта въ Архангельскъ съ докладами къ Главнокомандующему, былъ у Иванова; и, разсказавъ ему о томъ, что происходитъ въ Шенкурскомъ баталіонѣ, указалъ на тѣ послѣдствія, примѣровъ которыхъ уже на нашей памяти было такъ много и которыя могутъ послѣдовать, когда воинская часть займется политикой. А. Ивановъ вполнѣ согласился со мною и обѣщалъ мнѣ по этому поводу кое-что предпринять. Мы все-таки не раскрывали другъ другу карты. Я не сказалъ ему, что мнѣ извѣстно о засиліи вліянія Скоморохова и Соколова въ ихъ партіи, а Ивановъ не сказалъ мнѣ, что вліяніе его, какъ лидера, уменшилось и поэтому на серьезное содѣйствіе въ его помощи я расчитывать не могу, и мы разстались, сознавая въ душѣ, что ни къ какимъ реальнымъ результатамъ для предупрежденія политиканства въ Шенкурскомъ баталіонѣ не пришли.

Какъ я уже сказалъ выше, отступленіе Добровольческой Арміи отъ Орла сильно подѣйствовало на моральное состояніе духа нашихъ войскъ. Къ этому прибавились и тягости войны, которыя несло все населеніе, а особенно прифронтовой полосы. Перевозка гужевымъ способомъ провіанта, фуража, боевыхъ припасовъ, а также поставка скота на мясо, лошадей по конской повинности въ части войскъ, все это ложилось на крестьянъ, и они, уже забывъ недавнее пребываніе большевиковъ, начинали тяготиться этими повинностями. Какой либо правительственной агитаціи среди населенія, разъяснившей ему необходимость этихъ тягостей, не было. Начальникъ моего штаба, вдумчивый, всегда ровный и работящій Генеральнаго Штаба полковникъ Волковъ, былъ буквально заваленъ работою по разъясненію и устраненію всякихъ недоразумѣній съ представителями волостныхъ земствъ, которые каждый день его осаждали въ штабѣ.

Не надо забывать, что въ данномъ случаѣ, согласно положенія о полевомъ управленіи войскъ, полковникъ Волковъ являлся не только начальникомъ штаба командующаго, но и совмѣщалъ въ себѣ обязанности начальника канцеляріи генералъ-губернатора Холмогорскаго уѣзда, но только безъ канцеляріи. И какихъ только просителей не приходило къ нему, а если не получали удовлетворенія у него, то являлись и ко мнѣ. Помню, однажды, явилась ко мнѣ изъ далекой деревни баба уже съ жалобой на полковника Волкова за то, что онъ не выдаетъ ей «бумагу на разводъ». Какъ не доказывалъ я ей, что это дѣло не наше, а архіерея, она твердила свое, что теперь время военное и что до архіерея далеко и разводъ выйдетъ черезъ него нескоро, а между тѣмъ она съ мужемъ жить не можетъ, такъ какъ онъ пьяница и бьетъ ее, и что если она получилъ отъ меня бумагу на отдѣльное жительство, то мужъ не посмѣетъ ее тронуть. Предсѣдатель волостного земства подтвердилъ звѣрское обращеніе съ ней ея мужа. Я приказалъ выдать ей бумагу, въ которой ей разрѣшалось мною жить отдѣльно отъ мужа, хотя я и сомнѣвался въ своемъ правѣ дать ей это разрѣшеніе, и она ушла удовлетворенная.

Хотя за всѣ повинности, которыя крестьяне обязаны были нести, имъ платилось по цѣнѣ, опредѣленной волостными земствами, равно какъ и всѣ реквизиціи были

платныя, тѣмъ не менѣе, какъ всегда, могли быть злоупотребленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ при отсутствіи въ данную минуту денежныхъ знаковъ у пріемщиковъ и завѣдывающихъ какими либо операціями выдавались квитанціи крестьянамъ. Этимъ создавалось большое неудобство и недовольство у крестьянъ. Чтобы устранить это, я добился въ Архангельскѣ того, что въ полевомъ казначействѣ, находившемся при моемъ штабѣ, всегда былъ достаточный запасъ денежныхъ знаковъ, а изъ этого казначейства вносились деньги въ то волостное земство, гдѣ производилась платная реквизиція или шла какая либо работа, но непремѣнно при участіи члена земства. Расчетъ производился на мѣстѣ квитанціями, по которымъ данное волостное земство должно было немедленно уплатить предъявившему таковыя изъ аванса, внесеннаго туда полевымъ казначействомъ. Волостное же земство обязано было въ теченіе двухъ недѣль представить отчеты по израсходованію авансовъ съ расписками получателей и квитанціями въ полевое казначейство. Это мѣропріятіе очень понравилось крестьянамъ, во первыхъ, потому, что они получали сейчасъ-же деньги, а во-вторыхъ, не было никакихъ поводовъ къ злоупотребленіямъ, меня же оно устраивало тѣмъ, что вырывало еще одинъ козырь изъ рукъ большевистской агитаціи о безплатныхъ реквизиціяхъ и работахъ населенія и о воровствѣ власть имущихъ «золотопогонниковъ».

У крестьянства не было большевистскаго настроенія, жажды совѣтской власти, оно было вполнѣ довольно тѣмъ режимомъ, который былъ, а также и введеніемъ волостного земства, но тѣмъ не менѣе условія гражданской войны и всѣ отсюда вытекающія повинности, усталость отъ Великой войны, — все это тяготило населеніе. Можетъ быть, правильно поставленная правительственная пропаганда въ деревнѣ и разъяснила бы населенію необходимость этихъ тяготъ, какъ временнаго явленія, но, къ сожалѣнію, въ деревнѣ ничего подобнаго сдѣлано не было.

Въ Архангельскѣ существовало Архангельское бюро печати — «Арбюръ», которое изъ рукъ вонъ плохо было поставлено и ограничивалось изданіемъ жалкой газетки и выставленіемъ плакатовъ въ окнахъ своего помѣщенія о побѣдоносномъ продвиженіи нашихъ войскъ. Для солдатской массы въ Архангельскѣ, въ роскошномъ помѣщеніи солдатскаго клуба, ставились патріотическія пьесы труппой во главѣ съ заслуженнымъ артистомъ В. Н. Давыдовымъ и, кромѣ того, изрѣдка читались лекціи о вредѣ большевизма. Кромѣ того В. Н. Давыдовъ со своей труппой побывалъ на желѣзнодорожномъ и Двинскомъ фронтѣ, гдѣ его игра смотрѣлась солдатами съ большимъ интересомъ, а его патріотическія рѣчи по окончаніи спектакля слушались съ большимъ подъемомъ, но это было и все, что было сдѣлано. Сдѣлано только для солдатъ, а ничего для населенія. Деревня попрежнему оставалась забытой, политически неграмотной, не знавшей тѣхъ лозунговъ, за которые мы боролись и предоставленной подпольной большевистской пропогандѣ, съ которой боролись только полицейскими мѣрами, вылавливая изрѣдка случайно попадавшихся агитаторовъ. Устной, словесной борьбы не существовало. Все это сильно меня озабочивало, и я каждый разъ во время своихъ пріѣздовъ, въ Архангельскъ съ фронта, просилъ Главнокомандующаго и Начальника Штаба обратить на это особенное вниманіе и выслать лекторовъ въ деревни, расположенныя у меня въ тылу, но просьбы мои не были удовлетворены. Генералъ Миллеръ былъ перегруженъ своей работой въ Правительствѣ, а генералъ Квѣцинскій — въ своемъ кабинетѣ, создавая на планахъ и картахъ позиціи и разставляя на нихъ войска.

Видя безплодность моихъ попытокъ добиться чего нибудь въ этомъ отношеніи отъ власти, я рѣшилъ обратиться съ этимъ къ общественнымъ дѣятелямъ въ лицѣ А. Иванова, которому разсказалъ весь свой планъ и увѣренность въ успѣхѣ этого дѣла, такъ какъ по моему наблюденію крестьяне не были въ сферѣ вліянія большевизма и лекторамъ предстояла благодарная задача только утвердить ихъ на той позиціи, на которой они стояли. А. Иванову эта мысль очень понравилась и онъ обѣщалъ мнѣ ее провести въ жизнь, но дѣло только этимъ и кончилось. Вѣроятно дѣятельность лидера партіи, ея внутренніе раздоры и борьба съ Правительствомъ не дали ему возможности осуществить мою мысль. Позднѣе онъ все таки ухватился

за нее, и во время развала и паденія фронта прибыли въ село Емецкое два лица по его порученію съ этой цѣлью, но было уже поздно: мы уже отступали даже отъ села Емецкаго. Ивановъ въ этотъ моментъ бросился на желѣзнодорожный фронтъ съ тою же цѣлью, гдѣ и пропалъ; какъ говорили впослѣдствіи, солдаты 3-го полка подняли его на штыки.

Въ концѣ ноября мѣсяца 1919 г. мой начальникъ штаба полковникъ Волковъ былъ вызванъ въ Архангельскъ, въ Штабъ Главнокомандующаго. Начальникъ Штаба Главнокомандующаго генералъ Квѣцинскій сказалъ ему, что въ случаѣ, если подъ давленіемъ большевиковъ намъ придется оставить Архангельскъ, то всѣ вооруженныя силы должны отойти на Мурманъ. Ввиду большого разстоянія отъ Пинежскаго и Печерскаго фронта до Мурмана, они предоставлялись собственной участи, при чемъ согласно секретнаго приказа на случай отхода войскъ Сѣверной Области на Мурманъ командующимъ Печерскимъ и Пинежскимъ раіонами предоставлялись права командира «отдѣльнаго корпуса» (?). Я думаю, что имъ отъ этого легче не стало.

Войска Двинскаго раіона должны были по этому плану продѣлать сложный маневръ отхода съ рѣки Сѣверной Двины на желѣзнодорожную станцію Обозерскую, оттуда на село Чекуево, расположенное на рѣкѣ Онегѣ, городъ Онегу и далѣе черезъ Сороки на Мурманъ. Для того, чтобы пройти кратчайшимъ путемъ на ст. Обозерскую, полковникъ Волковъ долженъ былъ обрекогносцировать зимнюю лѣсную дорогу, проложенную отъ верховьевъ рѣки Ваймуги къ станціи Обозерской лѣсорубами, во время прежнихъ лѣсныхъ заготовокъ. Дорога эта имѣлась слабо обозначенной чертой на картѣ; до нея предполагалось слѣдовать проторенной санной дорогой, обыкновенно прокладываемой съ наступленіемъ зимы по льду рѣки Ваймуги. Дорога эта имѣла около 30 верстъ длины, а далѣе до Обозерской предполагаемой дорогой надо было слѣдовать еще около 50 верстъ.

Полковникъ Волковъ произвелъ развѣдку этой дороги съ помощью мѣстныхъ крестьянъ. Оказалось, что она существовала въ прежнее время, когда шла интенсивная рубка лѣса лѣсопромышленниками, но съ началомъ Великой войны эта рубка прекратилась и по дорогѣ этой больше никто не ѣздитъ и слѣдовательно она вся была занесена снѣгомъ въ сажень толщины, и намъ ею воспользоваться было бы невозможно. Полковникъ Волковъ доложилъ обо всемъ этомъ генералу Квѣцинскому, но получилъ отъ него приказъ слѣдовать все-же этой дорогой. Пріѣхавъ обратно, полковникъ Волковъ обо всемъ этомъ доложилъ мнѣ, и мы уже тогда пришли къ рѣшенію, что, въ случаѣ катастрофы, мы обречены на гибель. Сложный планъ отхода на ст. Обозерскую, когда мы должны были бы идти фланговымъ движеніемъ къ противнику, все время ожидая удара по прямому сообщенію Селецкое-Сія, невозможность идти лѣсной дорогой, указанной генераломъ Квѣцинскимъ, и въ силу этого неизбѣжность слѣдовать по прямому тракту, сойдя со льда рѣки Ваймуги на ст. Холмогорскую, погрузка тамъ въ поѣзда, для того, чтобы ѣхать на ст. Обозерскую, такъ какъ проѣзжей дороги между станціями нѣтъ, а разстояніе до 80-ти верстъ, далѣе, прибытіе на ст. Обозерскую, которую должны до этого времени прикрывать отъ большевиковъ войска желѣзнодорожнаго фронта, затѣмъ опять фланговый маршъ въ 45 верстъ до Чекуева, которое опять таки должны прикрывать до нашего прихода части Онежскаго фронта, и наконецъ, отступательный маршъ около 600 верстъ до посада Сороки на Мурманской дорогѣ, который опять таки должны прикрывать до нашего прихода войска Мурманскаго раіона — все это намъ казалось невыполнимымъ. Здѣсь могла быть масса случайностей, которыя, по нашему мнѣнію, не должны были ускользнуть отъ вниманія генерала Квѣцинскаго. Конечно, ему, сидя въ кабинетѣ, взявъ циркуль и карандашъ, легко было провести на картѣ путь нашего отступленія, но выполнить его намъ было не только трудно, но и невозможно. Не говоря уже объ усталости, отсутствіи провіанта и фуража для отступающихъ войскъ, едва-ли противникъ позволилъ бы намъ безнаказанно проходить узловые пункты, не подвергая насъ въ нихъ удару, да и въ состояніи ли были бы наши войска стоять на позиціяхъ, сдерживая натискъ врага, пока мы пройдемъ эти пункты. Такой фланговый маршъ можно было

дѣлать на царскихъ маневрахъ въ мирное время, когда разыгрываемый бой сторонъ пріурочивался къ часу прибытія Государя, но и за это часто влетало начальствующимъ лицамъ отъ Великаго Князя Главнокомандующаго. Сознавая всю нелѣпость этого плана, я съ полковникомъ Волковымъ составилъ другой планъ, по которому мы должны были отходить прямо на станцію Холмогорскую, а оттуда или ѣхать въ поѣздахъ, или же идти, хотя бы по желѣзнодорожному пути, за отсутствіемъ проѣзжей дороги, прямо въ Архангельскъ и уже вмѣстѣ съ Архангельскимъ гарнизономъ отходить черезъ Онегу на Мурманъ. Планъ этотъ повезъ въ Архангельскъ для доклада генералу Квѣцинскому покловникъ Волковъ, но успѣха у него не имѣлъ. Генералъ Квѣцинскій нашъ планъ отвергъ, а мнѣ передалъ черезъ полковника Волкова, чтобы я не вмѣшивался въ стратегическіе планы высшаго командованія. Намъ пришлось покориться и ждать рѣшенія своей участи, при чемъ впослѣдствіи все разыгралось какъ по нотамъ такъ, какъ мы и предвидѣли.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ выпала масса снѣгу, толщина котораго доходила въ иныхъ мѣстахъ выше сажени, и всякая дѣятельность прекратилась. Изрѣдка лишь происходили стычки высланныхъ развѣдчиковъ на лыжахъ, при чемъ нападающей стороной преимущественно были мы. Перебѣжчики отъ большевиковъ сообщали намъ, что положеніе расположенной противъ насъ дивизіи критическое: красноармейцы раздѣты и босы, кормятъ ихъ очень плохо. Продовольственная ихъ база въ Котласѣ — около 400 верстъ въ тылу, откуда приходится все доставлять гужевымъ транспортомъ, введя для этого повинность у крестьянъ, при чемъ лошади отъ безкормицы падаютъ и войнскія части сидятъ голодными. Вслѣдствіе всего этого, большевистское командованіе рѣшило сдѣлать попытку наступленія, а если не удастся, то очистить позиціи и уйти въ Котласъ съ тѣмъ, чтобы весною со вскрытіемъ рѣкъ вновь вернуться. Эти свѣдѣнія были извѣстны и нашему Главному командованію.

Генералъ Квѣцинскій предупреждалъ меня о нихъ и настаивалъ при томъ, что если большевики отступятъ, то намъ продвигаться впередъ.

Не ожидая этого момента, мнѣ было приказано 2-го декабря произвести наступленіе, съ цѣлью сбить якобы деморализованнаго врага и продвинуться впередъ. Удачное наступленіе это должно было поднять духъ нашихъ войскъ на другихъ фронтахъ. Я всячески противился этому наступленію, такъ какъ не вѣрилъ въ то, что оно приведетъ къ успѣху, ибо маневрировать по глубокому снѣгу было совершено невозможно, да и кромѣ того я вообще противился продвиженію впередъ, еслибы даже большевики сами очистили фронтъ передо мною. Я боялся попасть въ то положеніе, въ которомъ находились сами большевики. Сейчасъ я находился отъ своей базы ж. д. ст. Холмгорской въ 110 верстахъ и транспортъ еле справлялся съ доставкой провіанта, фуража и боевыхъ припасовъ на позицію, а если бы мы потянулись за большевиками, то пришлось бы въ скоромъ времени и самимъ голодать. Всѣ эти соображенія были представлены мною генералу Квѣцинскому, но, тѣмъ не менѣе, я получилъ приказаніе изъ Архангельска все таки произвести наступленіе.

2-го декабря съ 10-ти часовъ утра началось наступленіе. Конечно, изъ него ничего не вышло; люди столпились на дорогѣ, ибо, свернувъ съ нея въ сторону, вязли по горло въ снѣгу; дѣло ограничилось артиллерійскимъ обстрѣломъ. Въ 3 часа дня наступила темнота и бой пришлось прекратить, вернувшись въ исходное положеніе. Шенкурскій батальонъ, которому переданы были всѣ имѣющіяся лыжи, за два дня до этого наступленія сдѣлалъ глубокій обходъ въ тылъ противника, но въ бой также не вступилъ, ибо сильно утомился и, не слыша артиллерійской стрѣльбы, черезъ день вернулся обратно. Я отказался отъ мысли вести наступленіе зимой, о чемъ и донесъ въ Архангельскъ главному командованію.

Занимая одинокое положеніе на рѣкѣ Сѣверной Двинѣ, я безпокоился за обходъ своихъ фланговъ. Слѣва моимъ сосѣдомъ на востокъ былъ Пинежскій фронтъ, отстоявшій отъ меня въ 200 верстахъ. Здѣсь опасности обхода не было; мѣстность эта совершенно дикая, поросшая на болотахъ дикимъ, первобытнымъ лѣсомъ, безъ всякихъ дорогъ. Она не допускала возможности продвиженія кого бы то ни было,

а, слѣдовательно, и обхода. Больше я безпокоился за свой правый флангъ. Здѣсь моимъ сосѣдомъ на западъ былъ желѣзно-дорожный фронтъ, отстоявшій отъ меня по прямой линіи около 100 верстъ. Конечно, сплошной линіи здѣсь не было, а приблизительно на серединѣ разстоянія у села Селецкаго, въ направленіи къ гор. Шенкурску, занятому большевиками, стоялъ 7-ой Сѣверный стрѣлковый полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Гейманъ. Полкъ былъ укомплектованъ, такъ называемыми, Тарасовскими партизанами, т. е. крестьянами Тарасовской волости, лежащей передъ позиціями 7-го полка и занятой большевиками.

Тарасовцы представляли отличный боевой матеріалъ, были полны ненависти къ большевикамъ и жаждой отбить свои деревни отъ нихъ, но сдѣлать этого сами по малочисленности не могли, а главное командованіе усилить полкъ, присылкой другихъ частей, также не могло за неимѣніемъ таковыхъ. Тарасовцы рвались впередъ, ихъ не пускали, но за то они говорили, что и отступать не будутъ, а разойдутся по домамъ, такъ какъ отъ своихъ деревень уходить не хотятъ. Изъ Шенкурска на Архангельскъ шелъ большой Московскій трактъ черезъ деревни: Тарасово, село Селецкое, деревню Ваймугу и черезъ мой тылъ — деревню Сію, слѣдуя далѣе на Холмогоры. Вотъ это направленіе меня заставляло задумываться: въ случаѣ неустойчивости 7-го полка, который былъ подчиненъ командующему желѣзно-дорожнымъ раіономъ, противникъ быстро по большой дорогѣ передвигался бы впередъ, у деревни Ваймуги рѣзалъ мою коммуникаціонную линію въ тылъ и прижималъ бы меня къ рѣкѣ Сѣверной Двинѣ.

Мнѣ было извѣстно, что большевики отъ Моржегорья предполагаютъ повести наступленіе на деревню Средь-Мехреньгу, прикрывающую Селецкое направленіе. Средь-Мехреньга была сильно укрѣплена; здѣсь еще англичанами были построены окопы солидной профили, блокгаузы и все это было обнесено большимъ числомъ рядовъ колючей проволоки. Составъ гарнизона укрѣпленія Средь-Мехреньги былъ очень малъ: 2 роты Тарасовцевъ 7-го полка и 2 трехфунтовыя англійскія легкія пушки — больше силъ негдѣ было взять, но за то командовалъ этимъ гарнизономъ извѣстный на Сѣверѣ храбрецъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ и популярностью у солдатъ подполковникъ Чубашекъ. Мнѣ приходилось только надѣяться на его храбрость, когда я подумывалъ о Селецкомъ направленіи, такъ какъ я зналъ, что въ случаѣ атаки большевиковъ, помощи ему дать неоткуда. Подполковникъ Чубашекъ былъ подчиненъ командиру своего полка и, слѣдовательно, желѣзно-дорожному командованію.

Таково было общее положеніе, какъ у меня на Двинѣ, такъ и у сосѣда на западъ, на желѣзно-дорожномъ фронтѣ, гдѣ войска занимали ст. Плесецкую.

У сосѣда на востокъ, на Пинежскомъ фронтѣ, который тянулся на сотни верстъ, представляя рѣдкіе опорные пункты, шли смѣлые поиски впередъ, противникъ отступалъ и лихой партизанъ капитанъ Орловъ налетомъ занялъ городъ Яренскъ. Большевики бѣжали, но впослѣдствіи силы оказались неравными; Яренскъ былъ снова занятъ большевиками, а капитанъ Орловъ палъ въ бою. Изъ этого дѣла ничего не вышло, развѣ только дало поводъ «Арбюро» въ своей газеткѣ написать побѣдныя статьи, а генералу Квѣцинскому зачертить на картѣ Россіи еще присоединенныя нами области, въ которыхъ, собственно говоря, даже и послѣ смерти капитана Орлова, регулярныхъ большевистскихъ войскъ не было.

Имѣя все сильное и здоровое, призванное по мобилизаціи на позиціи, пришлось передать охрану тыла ополченію, которое постановленіемъ Правительства Области было призвано къ оружію. Въ ряды ополченія стали жители окрестныхъ деревень и несли службу выше похвалы. Имѣя собственное обмундированіе и казенныя винтовки, подъ начальствомъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, они отлично несли тыловую службу, охраняя склады, мосты, конвоируя плѣнныхъ и содѣйствуя милиціи въ изловленіи большевистскихъ агентовъ, пробиравшихся черезъ фронтъ. Несмотря на то, что ихъ оторвали отъ прямого дѣла по хозяйству и даже при исполненіи гужевой повинности приходилось нести обязанности возчиковъ ихъ

женамъ, отъ нихъ не слышно было ропота на тяжесть службы въ ополченіи. Это были серьезные люди, испытавшие уже прелести большевистской власти и не желавшие ея возврата. Только въ Ломоносовской волости ближе къ Холмогорамъ, по донесенію контръ-развѣдки, существовало недовольство службой въ ополченіи, но и то благодаря сильной работѣ подпольныхъ большевиковъ. На это обстоятельство я неоднократно указывалъ штабу Главнокомандующаго и туда то хотѣлъ отправить лекторовъ для разъясненія положенія, о которыхъ я говорилъ выше.

Учебная жизнь шла нормально. Вездѣ функціонировали прежнія школы, а равно и лазареты волостныхъ земствъ. Земскія волостныя управы, избранныя изъ крестьянъ, работали въ полномъ контактѣ съ моимъ штабомъ и всегда шли на встрѣчу во всемъ командованію. Много хлопотъ было по платной реквизиціи фуража и перевозки его на позицію изъ тыловыхъ дальнихъ волостей, но точно также и въ этомъ случаѣ дѣло улаживалось при помощи волостныхъ земскихъ управъ.

Былъ хорошо оборудованъ санный путь съ позицій до ст. Холмогорской, протяженіемъ около 110 верстъ; по дорогѣ были разбиты почтовыя станціи, содержавшіяся военнымъ командованіемъ. На этихъ станціяхъ были оборудованы Краснымъ Крестомъ буфеты, въ которыхъ проходившие и проѣзжавшие, а таковыхъ было много, получали безплатно чай, кофе, шоколадъ пшеничныя галеты и консервы. Кромѣ того въ дер. Жилино и Емецкомъ были оборудованы прекрасныя помѣщенія съ кроватями, постельнымъ бѣльемъ и такими же буфетами для ночлега слѣдовавшихъ изъ отпуска и въ отпускъ съ позиціи солдатъ. Морозы стояли большие, доходившие до 40 градусовъ по Реомюру и надо было позаботиться, чтобы солдату, застигнутому наступленіемъ ночи, усталому, не приходилось бы ходить по деревнѣ и просить Христа ради ночлега.

Попутно со всѣмъ этимъ былъ сформированъ штабъ, небольшой по численности: начальникъ штаба, 2 старшихъ адъютанта и 10 писарей. Чины штаба были выбраны лично мною и попались на рѣдкость работоспособные и добросовѣстные. Имъ пришлось нести очень большую работу, но за то и результаты были на лицо: въ продолженіе 2-хъ мѣсяцевъ была сдѣлана громадная работа, какъ по устройству позиціи, такъ и по наведенію порядка въ ближайщемъ тылу фронта. Штабъ, помимо своей прямой задачи, отправлялъ еще функціи канцеляріи генералъ-губернатора Холмогорскаго уѣзда и всегда былъ полонъ людьми, имѣвшими до него дѣло. Начальникъ штаба, генеральнаго штаба полковникъ Волковъ, всегда ровный, выдержанный, спокойный, былъ главнымъ моимъ помощникомъ, какъ въ дѣлахъ командующаго войсками, такъ и генералъ-губернатора.

На Рождественскіе праздники пріѣхалъ къ намъ на позицію заслуженный маститый артистъ Владимиръ Николаевичъ Давыдовъ со своею труппою изъ Архангельска. Пробылъ онъ двѣ недѣли, давая спектакли въ ближайщемъ тылу позиціи для окопныхъ солдатъ, когда они смѣнялись въ резервъ, а также и въ рядѣ деревень, расположенныхъ между Взвозомъ и селомъ Емецкимъ, ставя спектакли для крестьянскаго населенія. Побывалъ и въ окопахъ. Вездѣ его встрѣчали восторженно; солдатская масса вѣрила и слушала съ большимъ подъемомъ его патріотическія рѣчи. Въ деревняхъ спектакль, обыкновенно, ставился въ школѣ, свободной отъ учащихся во время Рождественскихъ каникулъ, и надо было видѣть, съ какимъ громаднымъ интересомъ крестьяне смотрѣли игру знаменитаго артиста и слушали его рѣчи по окончаніи спектакля. Сѣверный крестьянинъ — человѣкъ развитой, грамотный и бывалый, слыхалъ объ имени знаменитаго артиста, но теперь на его долю выпало, какъ онъ самъ говорилъ: «Счастье видѣть его игру въ своей деревнѣ». Можно съ увѣренностью сказать, что Владимиръ Николаевичъ имѣлъ здѣсь почитателей гораздо болѣе восторженныхъ, чѣмъ въ свое время въ Александринскомъ театрѣ.

Такъ мы жили на фронтѣ спокойной жизнью. Обычная, спокойная фронтовая жизнь — таковой она была на позиціяхъ во время Великой войны, таковой она была и здѣсь на Двинѣ. Между тѣмъ въ тылу, въ Архангельскѣ кипѣли страсти, боролись партіи, шла борьба за власть, готовились къ штурму Правительства, не забо-

тясь о томъ, что все это отразится на фронтѣ. Люди хотѣли дѣлать себѣ карьеру, прикрываясь красивыми фразами, заботой о меньшомъ братѣ, который ихъ объ этой заботѣ не просилъ, и играли чужими головами. Результатъ этой игры, интригъ и сплетенъ уже сказывался. Въ секретныхъ сводкахъ я получалъ освѣдомленіе о томъ, что въ погонѣ за популярностью въ собираемомъ въ первыхъ числахъ февраля Земско-Городскомъ совѣщаніи соціалистическія партіи и, главнымъ образомъ, эсъ-эры, ведутъ агитацію въ частяхъ войскъ, расположенныхъ на позиціяхъ, за прекращеніе войны съ большевиками, бросая соглашательскіе лозунги о мирѣ, и что на желѣзно-дорожномъ фронтѣ въ 3-мъ Сѣверномъ стрѣлковомъ полку, бывшемъ до сихъ поръ самымъ твердымъ полкомъ, происходитъ деморализація. Контръ-развѣдка моего штаба доносила объ усиленной подпольной пропагандѣ у меня на позиціи, въ частности въ 4-мъ Сѣверномъ стрѣлковомъ полку. Въ Шенкурскомъ батальонѣ, по свѣдѣніямъ контръ-развѣдки, до сихъ поръ еще было оборонческое настроеніе, а въ батареяхъ и Сѣверномъ драгунскомъ дивизіонѣ положеніе еще болѣе твердое.

3-го января 1920 года контръ-развѣдка донесла мнѣ, что въ Шенкурскомъ батальонѣ, стоявшемъ на отдыхѣ въ дер. Взвозъ, былъ митингъ въ помѣщеніи офицерскаго собранія батальона, на которомъ былъ выкинутъ красный флагъ и въ присутствіи офицеровъ говорились зажигательныя рѣчи, главнымъ образомъ Табанинымъ и Сѣриковымъ, и постановлено послать делегацію къ Главнокомандующему о смѣнѣ Правительства. Я запросилъ объ этомъ командира батальона капитана Воробьева, который подтвердилъ все это, но, что именно говорилось на митингѣ, онъ не зналъ, такъ какъ съ него ушелъ.

О происшедшемъ я донесъ Главнокомандующему шифрованной телеграммой, въ которой просилъ убрать Шенкурскій батальонъ съ Двинскаго фронта. Въ отвѣтъ на нее получилъ извѣщеніе, что батальонъ будетъ переведенъ въ Селецкій раіонъ, для чего отдаются распоряженія, но вмѣсто него мнѣ не будетъ прислано никакой части за неимѣніемъ таковой. Мнѣ пришлось задуматься. У меня оставался 4-ый Сѣверный стрѣлковый полкъ, въ которомъ шла большевистская пропаганда и въ которомъ не было сплоченности. Укомплектованъ онъ былъ большей частью жителями Ломоносовской волости, какъ я писалъ выше, тоже склонной къ большевизму. Въ Шенкурскомъ же батальонѣ до сихъ поръ были, хотя и эсъ-эровскія теченія, но оборонческія и, слѣдовательно, съ большевизмомъ ничего общаго не имѣющія. Въ недалекомъ будущемъ, когда будутъ совершаться крупныя событія, мнѣ надо будетъ опереться на пѣхотную часть, а таковой уже у меня не будетъ. Артиллерія и драгунскій дивизіонъ были крѣпки, но они не сидѣли въ окопахъ, а, слѣдовательно, и не могли принять участія для противодѣйствія, въ случаѣ измѣны, непосредственно на позиціи. Я рѣшилъ переговорить лично самъ съ вожаками движенія въ батальонѣ — Табанинымъ и Сѣриковымъ, для чего вызвалъ ихъ къ себѣ на квартиру въ Емецкое. Они явились. Вмѣстѣ съ полковникомъ Волковымъ я принялъ ихъ у себя въ кабинетѣ, и у насъ начался разговоръ.

Они произвели на меня впечатлѣніе полуинтеллигентовъ, начитавшихся соціалистическихъ брошюръ и натасканныхъ спеціалистами эсъ-эрами на роли митинговыхъ ораторовъ. Несомнѣнно искренніе и честные люди, готовые пострадать за идею, отдать себя на служеніе страдающему человѣчеству, однимъ словомъ, тѣ партійные работники, на которыхъ выѣзжаютъ главари партіи, отправляя ихъ на дѣйствительную работу, вплоть до террористическихъ актовъ.

Табанинъ, по профессіи земскій фельдшеръ, состоя въ эсъ-эровской партіи, былъ оффиціальнымъ редакторомъ газеты «Возрожденіе Сѣвера» до мобилизаціи. Думаю, что онъ былъ только оффиціальнымъ редакторомъ, такъ какъ, насколько я могъ вынести изъ бесѣды съ нимъ, онъ былъ не настолько образованнымъ и развитымъ, чтобы быть таковымъ фактически. Кромѣ того, я и раньше, еще будучи въ Архангельскѣ, зналъ, что фактическій редакторъ «Возрожденія Сѣвера» — Алексѣй Ивановъ. Сѣриковъ былъ заводскій рабочій, слесарь, окончившій городское училище и далѣе получившій партійное соціалистическое образованіе.

Обоимъ имъ было лѣтъ по 30-ти и оба въ свое время, при старомъ режимѣ, подвергались преслѣдованіямъ власти, а, слѣдовательно, сидѣли въ тюрьмахъ и подверглись высылкѣ изъ центра въ Шенкурскій уѣздъ, на свою родину. Въ нихъ сквозила классовая ненависть, недовѣріе ко всѣмъ тѣмъ, кто не съ ними, не съ партіей и, конечно, «къ золотопогонникамъ», а особенно къ генераламъ. Пока въ Архангельской партіи эсъ-эровъ имѣлъ вліяніе А. Ивановъ, они слѣпо шли за нимъ, а теперь, когда это вліяніе стало падать, а стало увеличиваться вліяніе лѣвыхъ эсъэровъ, Скоморохова и К-о, они стали подпадать подъ вліяніе послѣднихъ и сами лѣвѣть. Въ настоящую минуту имъ трудно было разобраться, къ чему гнули Скомороховъ и К-о, и они были, хотя и не противъ нихъ, но еще и не за нихъ. Однако они исполняли директивы, присылаемыя изъ Архангельска въ батальонъ, какъ директивы партіи. Во все это меня посвятили два правыхъ эсъ-эра, бывшіе у меня въ Емецкомъ передъ разговоромъ съ ними и, кромѣ того, уже во время бесѣды съ ними я убѣдился, что все это такъ. Нашъ разговоръ начался съ того, что на мой вопросъ, вѣрны ли свѣдѣнія о происшедшемъ въ батальонѣ митингѣ, они отвѣтили утвердительно, отрицая лишь выбрасываніе краснаго флага. Затѣмъ полились страстныя рѣчи о страданіяхъ народа, объ угнетеніи его сильными міра—капиталомъ и Правительствомъ. О тѣхъ несправедливостяхъ и злоупотребленіяхъ, которыя творятся и теперь и на которыя закрываетъ глаза Правительство, о томъ, что надо услышать голосъ народа, въ лицѣ Земско-Городского Совѣщанія, исполнить его волю, замѣнивъ существующее коалиціонное Правительство — соціалистическимъ. Что они вполнѣ довѣряютъ Главнокомандующему генералу Миллеру, но не вѣрятъ членамъ Правительства и нѣкоторымъ генераламъ и надѣются, что новое соціалистическое правительство при генералѣ Миллерѣ, взявъ власть въ свои руки, устранитъ всѣ существующія теперь злоупотребленія и недостатки и этимъ поведетъ народъ къ объединенію въ борьбѣ съ большевиками. Такъ какъ необходимо, чтобы это было сдѣлано съ вѣдома народа, чтобы онъ участвовалъ въ строительствѣ и управленіи Области, они собрали митингъ въ батальонѣ, на которомъ, разъяснивъ вышеизложенное, постановили отправить депутацію къ Главнокомандующему съ требованіемъ согласія на смѣну Правительства. Никакихъ большевистскихъ стремленій они въ этомъ не видятъ и по прежнему держатся прежней рѣшимости безпощадной борьбы съ большевиками. Я имъ указалъ на недопустимость веденія какой-либо пропаганды въ частяхъ войскъ, участія войска въ политикѣ, а тѣмъ болѣе требованія смѣщенія Правительства. Указалъ, что въ частяхъ войскъ, конечно, могутъ быть лица, принадлежащія ко всевозможнымъ партіямъ, но что когда они находятся въ воинской части, а тѣмъ болѣе на позиціи, смотря врагу въ глаза, они должны принадлежать къ одной партіи, которая борется непосредственно съ врагомъ, т. е. къ своей части. Часть же эта исполняетъ приказанія своего начальника, который отвѣтственъ за свои приказанія. Гдѣ это строго соблюдается, тамъ части на высотѣ своего положенія и врагъ имъ не страшенъ. Какъ только воинская часть втягивается въ политику, хотя бы самую доброжелательную не только для государства, но даже и для правительства, она начинаетъ быстро деморализоваться, потому что немедленно эволюціонируетъ влѣво. Примѣры не далеки: время Керенщины и совсѣмъ недавній примѣръ — 3-ій Сѣверный стрѣлковый полкъ, бывшій твердымъ по духу и грознымъ для врага до тѣхъ поръ, пока въ полкъ не ввели политиканства. Пошли митинги, начавшіеся съ очень малыхъ требованій, а теперь уже переходъ двухъ батальоновъ къ большевикамъ и, слѣдовательно, измѣна Сѣверной Области и предательство насъ, бойцовъ, соратниковъ по дѣлу борьбы. Изъза измѣны 3-го полка пришлось очистить станцію Плесецкую, чѣмъ сильно ухудшается наше стратегическое положеніе. Поэтому я рѣзко осуждаю всякіе митинги въ батальонѣ, посылку делегаціи генералу Миллеру, участіе батальона въ какой бы то ни было политикѣ и требую прекращенія ея, а къ нимъ Табанову и Сѣрикову обращаюсь, какъ къ людямъ, горячо любящимъ свою Родину и желающимъ ей всего наилучшаго, употребить все свое вліяніе, чтобы никакой пропаганды въ части не

было. Если такъ необходима борьба партій и смѣна правительства, то пусть это дѣлаютъ и требуютъ люди штатскіе, не связанные воинской дисциплиной, обязанностью непосредственно защищать съ оружіемъ въ рукахъ позицію, люди находящіеся въ Архангельскѣ. Иду даже дальше и, если Табанинъ и Сѣриковъ желаютъ лично принять участіе въ этой борьбѣ, то я сдѣлаю все возможное, чтобы они получили освобожденіе отъ военной службы и имѣли бы возможность ѣхать для этого въ Архангельскъ. Все это требую отъ нихъ не какъ отъ подчиненныхъ, а какъ отъ людей, объединенныхъ вмѣстѣ со мной желаніемъ принести пользу Области и не допустить вторженія въ нее большевиковъ, ибо всѣмъ и каждому ясно, что стоитъ только сдвинуться съ мѣста, начать съ малаго, какъ требованія дальше возрастутъ больше и наступитъ быстро такой моментъ, когда уже и они сами не смогутъ удержать массу и отъ большевистскихъ выступленій. Указалъ имъ, что лидеръ ихъ партіи А. Ивановъ держиться строго оборонческой программы и едва-ли одобритъ ихъ дѣйствія, которыя, начавшись невинными пожеланіями, могутъ въ будущемъ принести громадный вредъ. Въ отвѣтъ на это полились страстныя рѣчи Табанина и Сѣрикова, что ни въ какомъ случаѣ проявленія большевизма въ батальонѣ ожидать нельзя и они этого не допустятъ, но что голосъ людей, отдающихъ свою жизнь на позиціи, долженъ быть услышанъ въ Архангельскѣ, такъ какъ эти люди ничего худого не замышляютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ желаютъ знать, за что они отдаютъ свою жизнь.

На это мнѣ пришлось указать, что если даже и допустить митинги въ Шенкурскомъ батальонѣ и отправленіе депутаціи къ Главнокомандующему, то почему же запрещать митинги въ сосѣднихъ частяхъ? А разъ таковые тамъ будутъ допущены, то могутъ-ли поручиться Табанинъ и Сѣриковъ, что въ 4-омъ полку, гдѣ, какъ имъ самимъ извѣстно, идетъ большевистская пропаганда, могутъ вынести постановленіе о заключеніи мира съ большевиками, заключивъ его непосредственно съ фронтовыми солдатами и отправивъ делегацію уже не въ Архангельскъ, а къ большевикамъ.

Табанинъ и Сѣриковъ, какъ честные люди, согласились со мной, что можетъ случиться и такой фактъ. Это положеніе ихъ поколебало въ своемъ упорствѣ. Четыре часа я и полковникъ Волковъ спорили съ ними, доказывали имъ всю несостоятельность введенія политики въ воинскія части и, наконецъ, они согласились съ нами. Было условлено, что они не допустятъ впредь никакой агитаціи, митинговъ, не только у себя, но и въ другихъ частяхъ, а также делегація въ Архангельскъ не будетъ послана, но частнымъ образомъ они просили меня, чтобы я довелъ до свѣдѣнія Главнокомандующаго, что составъ Шенкурскаго батальона, объединенный общимъ желаніемъ борьбы съ большевиками, проситъ произвести реконструкцію Правительства, не выставляя своихъ кандидатовъ, ибо въ Правительствѣ есть члены, которые вредятъ общему дѣлу борьбы съ большевиками. Я согласился передать это при личномъ свиданіи съ Главнокомандующимъ. Мы разстались, я далъ телеграмму Главнокомандующему съ просьбой оставить батальонъ у меня на фронтѣ и отмѣнить распоряженіе о переводѣ его въ раіонъ Селецкаго, донося вмѣстѣ съ тѣмъ, что инцидентъ улаженъ.

Я взялъ на себя большую отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ, повѣривъ Табанину и Сѣрикову, что они честные люди и слово свое сдержатъ, и дѣйствительно въ этомъ впослѣдствіи не раскаялся: въ батальонѣ установился прежній нормальный порядокъ, а въ самыя трудныя минуты развала фронта, при отходѣ съ позиціи до самаго плѣненія, батальонъ остался твердой сплоченной единицей и ни разу въ немъ не появлялась мысль объ измѣнѣ общему дѣлу и переходу на сторону большевиковъ.

Наступило начало февраля мѣсяца. Общее положеніе становилось все хуже и хуже. Въ Архангельскѣ въ Земско-Городскомъ Собраніи Скомороховъ и К-о произносили демагогическія рѣчи, требуя смѣны Правительства своими ставленииками, а въ толщу населенія бросались уже лозунги заключенія мира съ большевиками, прекращенія съ ними братоубійственной войны и выдачи имъ виновниковъ братскаго кровопролитія—офицеровъ и начальниковъ, вслѣдствіе чего большевики

признаютъ Сѣверную Область какъ самостоятельное государство и заключатъ съ ними соотвѣтствующій договоръ. Конечно, это былъ наглый обманъ, дѣйствительность котораго сказалась тотчасъ-же по занятіи Области большевиками, но предатели знали, что они играютъ на струнахъ спасенія своей шкуры путемъ предательства команднаго состава, а наша правительственная пропаганда была такъ организована, что ничего не могла противопоставить этому. Подголосокъ и агентъ Керенскаго докторъ Соколовъ, хотя и не участвуя въ этой работѣ, интриговалъ и сплачивалъ вокругъ себя подобныхъ себѣ дѣятелей для борьбы съ Правительствомъ, добиваясь самъ власти. Все это конечно очень тяжело отражалось на фронтѣ и, главнымъ образомъ, на желѣзнодорожномъ. Оттуда поступали все болѣе и болѣе неутѣшительныя вѣсти. Вскорѣ пришло извѣстіе, что на желѣзнодорожномъ фронтѣ подъ вліяніемъ подпольной большевистской пропаганды, сдобренной лозунгами Архангельскихъ лѣвыхъ эсъ-эровъ, два батальона 3-го Сѣвернаго стрѣлковаго полка взбунтовались, частью перебили, частью перевязали офицеровъ и передались большевикамъ. Въ связи съ этой измѣной, деморализація перекинулась и въ другія части желѣзнодорожнаго фронта, и они становились ненадежными, а съ потерей Плесецкой части отходили назадъ и вслѣдствіе начавшейся деморализаціи не могли твердо закрѣпиться на новыхъ позиціяхъ.

У меня на Двинѣ было спокойно.

Я получилъ телеграмму изъ Штаба Главнокомандующаго, въ которой меня вызывали къ Главнокомандующему на общее совѣщаніе командующихъ раіонами на 5-ое февраля. Въ назначенный срокъ я прибылъ въ Архангельскъ на совѣщаніе. На этомъ совѣщаніи, въ которомъ фронтовые начальники были представлены въ лицѣ командующаго желѣзнодорожнымъ фронтомъ генерала Вуличевича и мною, такъ какъ остальные не могли пріѣхать за дальностью разстоянія, участвовали генералъ Миллеръ, Начальникъ его Штаба генералъ Квѣцинскій и всѣ старшіе начальники въ городѣ Архангельскѣ. Главнокомандующій насъ познакомилъ съ общей обстановкой, съ ролью Земскаго Совѣщанія, его составомъ и разсказалъ намъ о тѣхъ лицахъ, которыя, захвативъ въ немъ руководящую роль и не считаясь однако съ тѣмъ, насколько они полномочны выдавать свое мнѣніе за мнѣніе Совѣщанія, ведутъ штурмъ правительственной власти и что остается только два рѣшенія: либо арестовать коноводовъ и предать ихъ суду, либо подчиниться ихъ требованіямъ. Я и генералъ Вуличевичъ высказались въ томъ смыслѣ, что, хотя Правительство и необходимо реконструировать, такъ какъ дѣйствительно въ немъ есть члены, не пользующіеся довѣріемъ населенія и не отвѣчающіе своему положенію, но тѣмъ не менѣе для спокойствія необходимо арестовать и предать суду зачинщиковъ демагогическаго движенія въ Земскомъ Совѣщаніи, такъ какъ извѣстно, что эти люди вовсе не стремятся къ спасенію Области, а исполняютъ директивы большевиковъ, будучи сами скрытыми большевиками, и ведутъ къ разложенію фронта и тыла. Судъ долженъ выяснить, насколько они въ этомъ повинны. Если же будетъ принято второе рѣшеніе и генералъ Миллеръ не останется Главнокомандующимъ, то мы откажемся отъ командованія войсками раіоновъ и подадимъ въ отставку. Далѣе разсматривались больше вопросы хозяйственаго значенія, между которыми намъ было сообщено, что на Мурманъ пришло судно изъ Америки съ 500.000 пудовъ хлѣба, который тамъ выгружается, и что изъ Англіи вышелъ пароходъ съ грузомъ орудій и боевыхъ припасовъ.

5-го февраля было всего два совѣщанія: утромъ и вечеромъ. Незадолго до окончанія второго генералу Миллеру принесли телеграмму, прочитавъ которую, онъ передалъ мнѣ. Полковникъ Волковъ доносилъ, что сегодня, 5-го февраля, послѣ сильнаго артиллерійскаго обстрѣла большевики заняли нашу позицію на р. Шипилихѣ и что войска отступаютъ за деревню Взвозъ, сѣвернѣе ея на двѣ версты, гдѣ и закрѣпляются. Большевики не преслѣдуютъ. Это извѣстіе насъ ошеломило, хотя, конечно рано или поздно надо было этого ожидать, такъ какъ 4-ый полкъ былъ ненадежнымъ въ смыслѣ защиты позиціи.

Я доложилъ генералу Миллеру, что мнѣ необходимо сейчасъ же ѣхать на фронтъ, съ чѣмъ онъ, конечно, согласился, но возникъ вопросъ, какъ туда ѣхать. До станціи Холмогорской было 80 верстъ и туда можно было ѣхать лошадьми. Пассажирскій поѣздъ уже ушелъ и Главнокомандующій приказалъ нарядить экстренный поѣздъ, который я однако получилъ только на другой день въ три часа дня.

Передъ отъѣздомъ я былъ у генерала Квѣцинскаго, который позволилъ себѣ въ разговорѣ со мной сказать, «что въ происшедшей на Двинѣ катастрофѣ виновенъ я». Мнѣ пришлось напрячь всѣ мои усилія для того, чтобы не отвѣтить на это обвиненіе дерзостью, до того была оскорбительна эта фраза. Все-таки сдерживаясь, я, выйдя изъ кабинета, былъ доволенъ, что устоялъ въ рамкахъ дисциплины, на которой былъ воспитанъ, и не отвѣтилъ генералу Квѣцинскому. Дисциплина эта не позволила мнѣ отвѣтить дерзостью старому генералу-лейтенанту, начальнику штаба Главнокомандующаго, которому я, какъ командующій войсками раіона, хотя и не былъ подчиненъ, но вѣдь передо мною былъ сѣдой старый генералъ, да еще съ Георгіевскимъ крестомъ. Обида была совершенно незаслуженная. И это послѣ того, что я сдѣлалъ на Двинѣ со дня моего прибытія туда, послѣ всѣхъ просьбъ о правительственной пропагандѣ для противодѣйствія большевистской и при постоянномъ отказѣ въ увеличеніи рядовъ бойцовъ у меня.

Кромѣ того, въ моментъ катастрофы я не былъ на Двинѣ, а въ Архангельскѣ, куда пріѣхалъ не для того, чтобы провести время въ его ресторанахъ, а по вызову Главнокомандующаго на совѣщаніе.

Съ чувствомъ глубокой горечи прибылъ я въ Емецкое, но здѣсь эта горечь сейчасъ же у меня вывѣтрилась, ибо я былъ встрѣченъ Емецкой волостной Земской управой, которая въ лицѣ предсѣдателя выразила мнѣ свою радость, что я пріѣхалъ, и увѣренность, что я задержу наступленіе большевиковъ точно такъ же, какъ это сдѣлалъ въ сентябрѣ прошлаго года. Это довѣріе простыхъ крестьянъ, видѣвшихъ мою работу, парализовало безтактность кабинетнаго генерала, и я окунулся опять съ головой въ работу.

Начальникъ моего штаба, полковникъ Волковъ былъ на фронтѣ. Я бросился туда. Тамъ шла уже интенсивная работа по устройству новой позиціи по указаніямъ полковника Волкова, которыя я одобрилъ.

Дѣло 5-го февраля произошло слѣдующимъ образомъ. Большевики, сосредоточивъ на правой сторонѣ Двины 24 орудія, до шестидюймовыхъ включительно, въ продолженіе цѣлаго дня били по нашей позиціи на р. Шипилихѣ. Наша артиллерія, хотя и состязалась съ ними, но была количественно слабѣе — 8 трехфунтовыхъ полевыхъ пушекъ, 4 орудія — 4½ дюйма и 2 морскія шестидюймовыя пушки. Потери и разрушенія отъ артиллерійскаго огня большевиковъ были не велики и только измѣна привела къ сдачѣ позиціи. Въ окопахъ былъ 4-й Сѣверный стрѣлковый полкъ, смѣнившій за день передъ этимъ Шенкурскій батальонъ, которому пришло время идти на отдыхъ въ дер. Взвозъ. Большевики черезъ шпіонажъ, конечно, узнали про это. Послѣ прекращенія артиллерійскаго обстрѣла изъ лѣсу показалась группа большевиковъ, человѣкъ въ сорокъ, которые подошли къ проволокѣ, отодвинули рогатку и не встрѣчая огня изъ окоповъ, въ которыхъ сидѣли наши стрѣлки, закричали: «Переходите къ намъ, товарищи, что вы защищаете буржуазію». Изъ окоповъ никакой стрѣльбы по нимъ не послѣдовало. Офицеръ бросился къ фланкирующему пулемету, чтобы открыть огонь по большевикамъ, но пулеметъ оказался испорченнымъ. Вслѣдъ за первыми большевиками изъ лѣсу потянулись цѣпи, которыя стали занимать лѣвый флангъ позиціи. Стрѣлки 4-го полка не оказали имъ противодѣйствія. Тогда командиры батальоновъ, чтобы предупредить общую сдачу большевикамъ, вывели свои батальоны изъ окоповъ и отступили въ деревню Взвозъ. Въ полку осталось около шести ротъ. Признано было немыслимымъ занимать деревню Взвозъ для обороны, такъ какъ отъ этого могла пострадать сама деревня, что по условіямъ гражданской войны было нежелательнымъ и, кромѣ того, эту деревню большевики могли обойти. Поэтому рѣшили оставить деревню Взвозъ,

вывезя оттуда всю артиллерію, за исключеніемъ морскихъ шестидюймовыхъ пушекъ, которыя были приведены въ негодность, и отойти за деревню Взвозъ на двѣ версты къ сѣверу, гдѣ я и засталъ войска. Позиція эта была необорудована, пришлось спѣшно укрѣпить ее, и въ этомъ отношеніи работа была настолько успѣшна, что когда, нѣсколько дней спустя, большевики пробовали наступать, то они были такъ разгромлены, что не пытались болѣе этого повторить. Какъ я потомъ узналъ, уже находясь въ плѣну, отъ большевистскаго командованія, у нихъ была при этомъ такая паника, что они побросали орудія, оставили деревню Взвозъ и даже нашу позицію на р. Шипилихѣ и бѣжали на свои прежнія позиціи и потомъ уже, не видя съ нашей стороны преслѣдованія, вернулись обратно въ деревню Взвозъ.

Мнѣ удалось поднять снова духъ въ войскахъ, чему особенно помогъ Шенкурскій батальонъ, который продолжалъ занимать опредѣленно антибольшевистскую позицію и этимъ сильно вліялъ на остальныя части. Однимъ словомъ, у меня въ войскахъ создалось устойчивое положеніе, и я предполагалъ съ подходомъ ко мнѣ подкрѣпленій — 15-го Сѣвернаго полка, который въ это время формировался въ Пинегѣ, подъ командой полковника Линсенъ, перейти въ наступленіе, чтобы вернуть наши позиціи на р. Шипилихѣ. Однако полкъ не подходилъ, а генералъ Квѣцинскій предложилъ мнѣ перебросить изъ Холмогоръ стоявшій тамъ морской батальонъ, который по неудачной мысли капитана 2-го ранга Чаплина, поддержанной Архангельскими морскими сферами, былъ сформированъ на зимнее время изъ морскихъ командъ военныхъ судовъ и транспорта. Составъ этого батальона былъ весь изъ «красы и гордости русской революціи», между которой находились бывшіе комиссары большевистской власти во время перваго періода владычества большевиковъ въ Сѣверной Области, о чемъ морское начальство было освѣдомлено. Въ этомъ батальонѣ все время шли митинги и большевистскіе лозунги уже не проповѣдывались подпольно, а высказывались откровенно. И вотъ этотъ-то батальонъ въ такую трудную минуту мнѣ предлагалъ генералъ Квѣцинскій. Я, конечно, категорически отъ него отказался. Вскорѣ послѣ этого двѣ роты этого батальона были отправлены на желѣзнодорожный фронтъ къ генералу Вуличевичу, съ прибытіемъ которыхъ туда, тамъ произошелъ окончательный развалъ фронта.

Изъ Архангельска шли все болѣе и болѣе неутѣшительныя вѣсти. Тамъ шла борьба эсъ-эровъ за власть, при чемъ уже сказывался перевѣсъ на ихъ сторонѣ. 12-го февраля ко мнѣ въ Емецкое пріѣхали изъ Архангельска два правыхъ эсъ-эра съ цѣлью освѣдомленія о положеніи на фронтѣ, какъ они мнѣ сказали и, между прочимъ, въ разговорѣ сказали мнѣ, что въ случаѣ, если будетъ составлено соціалистическое Правительство и генералъ Миллеръ не останется въ должности Главнокомандующаго, то не соглашусь ли я занять эту должность, такъ какъ другимъ генераламъ они не довѣряютъ, а кандидатура моя выдвигается эсъ-эрами, а также и безпартійными, какъ населенія Архангельска, такъ и членами Земскаго Совѣщанія. Я рѣшительно отказался отъ этой должности, заявивъ, что если генералъ Миллеръ не хочетъ и не можетъ остаться въ этой должности ввиду создававшихся условій, то подавно не могу и я принять эту должность. Разговоръ нашъ на этомъ и кончился.

10-го февраля меня вызвалъ изъ Средь-Мехреньги подполковникъ Чубашекъ, который сообщилъ мнѣ, что онъ обложенъ со всѣхъ сторонъ большевистскими войсками, что у него идетъ горячій бой, но что онъ надѣется отбить всѣ атаки большевиковъ и наноситъ имъ большой уронъ. Въ заключеніе онъ просилъ прислать ему подкрѣпленіе, такъ какъ ему въ этомъ отказалъ командиръ 7-го полка полковникъ Гейманъ. Но что я ему могъ дать? Во всякомъ случаѣ я направилъ къ нему около 60 партизанъ, собранныхъ изъ деревень около Емецкаго начальникомъ ополченія этого села. Впослѣдствіи, будучи уже въ Совдепіи, я встрѣтилъ большевистскаго офицера, бывшаго прапорщика Клюканова, который былъ командиромъ одного изъ полковъ при осадѣ Средь-Мехреньги и который говорилъ мнѣ, что Средь-Мехреньга была обложена цѣлой бригадой, то есть тремя полками.

12-го февраля прибыла ко мнѣ изъ Архангельска офицерская «волчья сотня», числомъ около 40 человѣкъ, при ней отдѣльная команда изъ 14 человѣкъ шведовъ-волонтеровъ и морская пулеметная команда подъ начальствомъ лейтенанта Роопа. Волчью сотню и шведовъ я оставилъ у себя на фронте, а морскую пулеметную команду направилъ въ раіонъ Селецкаго.

Бой у Чубашека продолжался 13, 14, и 15-го февраля. 16-го февраля въ часъ дня меня вызвалъ къ телефоны командиръ 7-го полка полковникъ Гейманъ и взволнованнымъ голосомъ сообщилъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ въ Селецкое изъ Тарасова, что полка у него уже нѣтъ, такъ какъ Тарасовскіе партизане не захотѣли отступать изъ Тарасова и разошлись по домамъ, что Средь-Мехреньга пала и судьба полковника Чубашека ему неизвѣстна и что онъ Гейманъ, вслѣдствіе такой обстановки сейчасъ же уѣзжаетъ лѣсной дорогой на саняхъ къ генералу Вуличевичу на ст. Обозерскую.

Напрасно я просилъ полковника Гейманъ собрать хотя что нибудь и выставить заслонъ у Селецкаго и этимъ прикрыть мой правый флангъ, такъ какъ положеніе у меня на фронтѣ была устойчиво и не создавало впечатлѣнія надвигающейся катастрофы и къ тому же я все время получалъ приказанія отъ начальника штаба Главнокомандующаго, генерала Квѣцинскаго, ни въ какомъ случаѣ безъ приказанія не оставлять позиціи, такъ какъ по его увѣренію къ намъ шли подкрѣпленія въ видѣ датчанъ, запаснаго полка изъ Архангельска и полка съ Пинеги, что оказалось невѣрнымъ, такъ какъ никакого подкрѣпленія къ намъ не прибыло. Во всякомъ случаѣ, я просилъ полковника Гейманъ держаться во что бы то ни стало до полученія указаній изъ Архангельска.

Полковникъ Гейманъ отвѣтилъ мнѣ на это рѣшительнымъ отказомъ, говоря, что большевики идутъ уже на Селецкое и что онъ сейчасъ уже уѣзжаетъ и прекращаетъ со мной всякій разговоръ.

Съ этого момента положеніе моего фронта стало опаснымъ, такъ какъ стало ясно, что большевики, не встрѣтивъ никакого препятствія, выйдя черезъ деревни Селецкое и Ваймугу на Сію, очутятся у меня въ тылу и отрѣжутъ меня отъ желѣзно-дорожнаго фронта, прижавъ къ Двинѣ. Надо было спѣшно выходить изъ этого положенія.

II.

Въ 2 часа дня 16 февраля я вызвалъ къ телефону начальниковъ частей и отдалъ имъ распоряженіе объ отходѣ съ позицій къ Емецкому, рѣшивъ подождать въ немъ всѣ части и вмѣстѣ съ ними отходить по кратчайшей дорогѣ, по рѣкѣ Ваймугѣ, на ст. Ильма и далѣе къ ж. д. ст. Холмогорской, минуя Сію. Объ этомъ я донесъ начальнику штаба генералу Квѣцинскому, а также пытался сообщить на Пинегу генералу Петренко, но телеграфъ не дѣйствовалъ. Въ это время я получилъ свѣдѣнія о катастрофическомъ положеніи на желѣзно-дорожномъ фронтѣ. Къ девяти часамъ вечера стали прибывать съ позиціи части въ село Емецкое, и я ихъ сталъ направлять по дорогѣ рѣки Ваймуги, желая какъ можно скорѣе выставить заслонъ у деревни Ваймуги противъ большевиковъ, двигающихся отъ Селецкаго къ Сіи, чтобы не быть отрѣзаннымъ на пути движенія къ Ильмѣ, что мнѣ и удалось сдѣлать, хотя у деревни Ваймуги и пришлось этому заслону пулеметами отбивать нападеніе Хаджи-Мурата — партизана большевиковъ. Въ 10 часовъ вечера я оставилъ съ послѣдними частями Емецкое, раздавъ интендантскіе запасы крестьянамъ. Большевики насъ не преслѣдовали, а потянулись своими главными силами по тракту на Холмогоры. Эксцессовъ по отношенію къ командному составу со стороны расходившихся самовольно людей никакихъ не было, а наоборотъ — расходившіеся по домамъ солдаты трогательно прощались со своими начальниками, крестили ихъ и плакали, говоря, что они дальше отступать не могутъ, такъ какъ ихъ деревни остаются за большевиками и что борьба уже все равно кончена.

4-й полкъ почти весь разошелся по деревнямъ. Ядро моего отряда составлялъ Шенкурскій батальонъ, которой былъ совершенно цѣлъ и твердъ; къ нему я прикоман-

дировалъ офицеровъ 4-го полка, которые остались безъ стрѣлковъ, кромѣ того были сведены въ отдѣльныя команды артиллеристы, такъ какъ пушки пришлось бросить по дорогѣ на рѣкѣ Ваймугѣ; по причинѣ глубокаго снѣга онѣ не могли быть вывезены лошадьми, при чемъ замки отъ нихъ были потоплены въ рѣкѣ. Изъ оставшихся въ значительномъ числѣ драгунъ дивизіона былъ составленъ эскадронъ и, такимъ образомъ, у меня набралось около 600 человѣкъ вмѣстѣ съ офицерами. Всѣ эти люди ни при какихъ условіяхъ не хотѣли переходить къ большевикамъ и готовы были идти куда угодно. Всѣ они впослѣдствіи жестоко поплатились: большевики однихъ разстрѣляли, другихъ сгноили въ тюрьмахъ.

Въ ночь на 18-ое февраля, послѣ тяжелаго перехода по лѣснымъ дорогамъ, занесеннымъ глубокимъ снѣгомъ, буквально выбившись изъ силъ, мы вышли на деревню Ильму, лежащую на почтовомъ трактѣ. Здѣсь я занялъ двумя ротами Шенкурскаго батальона позицію для прикрытія ст. Холмогорской отъ большевиковъ, которые отъ деревни Жилино повели на насъ наступленіе. Здѣсь же я получилъ телеграфное распоряженіе генерала Квѣцинскаго, привезенное мнѣ нарочнымъ со ст. Холмогорской, — такъ какъ я не былъ связанъ, вслѣдствіе движенія, телеграфомъ, — ни въ коемъ случаѣ не отходить далѣе Сіи, гдѣ я долженъ былъ, по его мнѣнію, закрѣпиться на позиціяхъ. Хорошо было генералу Квѣцинскому отдавать такія приказанія, но какъ же было мнѣ это выполнить, когда у меня уже не было ни людей, ни пушекъ, ни патроновъ. Для меня стало ясно еще въ Ваймугѣ, что теперь мнѣ надо спасти этихъ людей, оставшихся вѣрными Родинѣ и своему командному составу, на который они такъ надѣялись. Я полагалъ отойти подъ прикрытіемъ силъ генерала Вуличевича на Обозерскую, Чукуево, Онегу и далѣе на Мурманъ, т. е. выполнить приказъ Главнокомандующаго на случай отступленія. Для этого я сохранилъ часть обоза и провіанта, но идти той дорогой отъ Ваймуги на Обозерскую, которую указалъ генералъ Квѣцинскій начальнику моего штаба полковнику Волкову, ѣздившему ее рекогносцировать въ декабрѣ мѣсяцѣ, не представлялось возможнымъ, такъ какъ фактически ея не было: она была вся занесена снѣгомъ и прокладывать ее вновь, измученнымъ людямъ не было возможности. Поэтому-то я пошелъ проторенной дорогой на деревню Ильму.

Въ 10 часовъ утра 18-го февраля я пріѣхалъ на ст. Холмогорскую съ тѣмъ,чтобы выяснить обстановку путемъ разговора по телеграфу или телефону съ Архангельскомъ. Тщетно я здѣсь добивался вызвать по телеграфу (телефонъ не дѣйствовалъ) кого либо изъ чиновъ Штаба. Никто не подходилъ. Я все еще былъ загипнотизированъ мыслью выполненія сложнаго плана генерала Квѣцинскаго отхода на Мурманъ — мнѣ бы просто надо было сѣсть съ моими войсками на поѣздъ и пріѣхать въ Архангельскъ, а съ такой сплоченной силой, какую представляли эти 600 человѣкъ, я пробился бы черезъ взбунтовавшійся Архангельскъ и сѣлъ бы въ «Экономіи» на ледоколъ «Канада», что легко было сдѣлать, какъ то будетъ видно изъ дальнѣйшаго. Конечно, въ то время такое рѣшеніе было для меня непріемлемымъ, такъ какъ продолжительная моя служба воспитала меня въ духѣ безпрекословнаго подчиненія начальнику и вѣрѣ въ него.

Не добившись ничего отъ Архангельска, я вызвалъ къ телеграфу (телефонъ опять не дѣйствовалъ) командующаго желѣзнодорожнымъ фронтомъ генерала Вуличевича, котораго я просилъ сдѣлать распоряженіе о нарядѣ поѣзда для перевозки моего отряда на ст. Обозерскую съ тѣмъ, чтобы слѣдовать далѣе на Чукуево, такъ какъ безъ его разрѣшенія мнѣ состава не давали. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что объяснить всего положенія мнѣ онъ не можетъ, а чтобы я немедленно пріѣзжалъ къ нему и тамъ онъ мнѣ разскажетъ все. Мнѣ пришлось исполнить его предложеніе, такъ какъ у меня другого выхода не было.

Я потребовалъ себѣ паровозъ, но желѣзнодорожники уже начали саботировать и только въ 3 часа дня я получилъ его. По дорогѣ до Обозерской приходилось по многу стоять на станціяхъ; на одной изъ нихъ меня обогналъ поѣздъ, вышедшій еще 16-го числа изъ Архангельска, съ котораго пересѣлъ ко мнѣ на паровозъ полковникъ Рождественскій, везшій письмо отъ Главнокомандующаго генералу Вуличевичу, и

въ 8 часовъ вечера я пріѣхалъ на ст. Обозерскую. По ней бродила масса солдатъ, мирно настроенныхъ, которые садились въ поѣздъ, отправлявшійся въ скоромъ времени въ Архангельскъ. Между солдатами ходили разговоры, что они теперь распущены по домамъ. Офицеровъ между ними не было видно. Это меня поразило. Я съ полковникомъ Рождественскимъ въ темнотѣ, послѣ долгихъ поисковъ нашелъ стоявшимъ въ тупикѣ поѣздъ командующаго войсками и вошелъ въ вагонъ генерала Вуличевича. Видъ у чиновъ его штаба былъ чрезвычайно растерянный и подавленный, такимъ же выглядѣлъ и генералъ Вуличевичъ. Онъ, даже не поздоровавшись со мной, спросилъ меня: — «Зачѣмъ Вы сюда пріѣхали?» Я отвѣтилъ, что пріѣхалъ по его предложенію для того, чтобы обсудить создавшуюся обстановку и вопросъ о перевозкѣ моего отряда на Обозерскую для дальнѣйшаго слѣдованія вмѣстѣ съ нимъ на Мурманъ. На это онъ мнѣ отвѣтилъ: — «Выѣзжайте, какъ можно скорѣй обратно, иначе Васъ арестуютъ вмѣстѣ со мной, я ожидаю этого каждую минуту. Я уже отдалъ приказъ о демобилизаціи солдатъ и роспускѣ ихъ по домамъ и черезъ полчаса съ офицерами штаба выѣзжаю верхомъ на лошадяхъ на Чукуево и дальше.»

Это меня ошеломило, и я спросилъ генерала Вуличевича, не можетъ-ли онъ подождать прибытія моего отряда на ст. Обозерскую и дать средства для перевозки его сюда, такъ какъ, во исполненіе плана отхода на Мурманъ, это мой единственный путь и мнѣ необходимо спасти моихъ людей. На это мнѣ генералъ Вуличевичъ отвѣтилъ, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ 6-ой полкъ, стоявшій на позиціяхъ у моста черезъ Емцу, переходитъ въ настоящую минуту на сторону большевиковъ, и что онъ съ минуты на минуту ожидаетъ появленія ихъ на ст. Обозерской. Онъ предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ на Чукуево и далѣе, говоря, что для меня найдется верховая лошадь. Отъ этого я категорически отказался, сказавъ ему, что я не могу бросить на произволъ судьбы 600 человѣкъ, находящихся на ст. Холмогорской, вѣрящихъ въ меня и ожидающихъ, что я выведу ихъ изъ того положенія, въ которомъ они находятся. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ сейчасъ уѣзжаетъ, ничѣмъ мнѣ помочь не можетъ и что лишь совѣтуетъ добыть подвижной составъ и ѣхать въ Архангельскъ для слѣдованія далѣе черезъ Красную Гору и Онегу на Мурманъ. Тутъ же я принялъ это рѣшеніе, такъ какъ для меня стало ясно, что если я, добывъ подвижной составъ, пріѣду со своимъ отрядомъ на ст. Обозерскую, то это будетъ поздно, такъ какъ она уже въ это время будетъ занята большевиками.

Генералъ Вуличевичъ и его штабъ были настроены чрезвычайно панически, и впослѣдствіи, когда я сидѣлъ въ Москвѣ въ Покровскомъ концентраціонномъ лагерѣ и встрѣтился тамъ съ офицерами 6-го полка, то они говорили мнѣ, что всю панику на позиціи 6-го полка вызвалъ ихъ командиръ, полковникъ Глебовскій, который растерялся и, не принявъ нужныхъ мѣръ, первый бѣжалъ на Обозерскую къ генералу Вуличевичу, бросивъ командный составъ. Между тѣмъ, въ то еще время перехода стрѣлковъ къ большевикамъ не было и во всякомъ случаѣ набралось бы около баталъона, которымъ можно было бы задержать наступленіе большевиковъ у ст. Емца, тѣмъ болѣе, что послѣдніе и не дѣлали попытокъ къ серьезному наступленію, а это дало бы возможность и генералу Вуличевичу въ полномъ порядкѣ, не спѣша, отойти со ст. Плесецкой, а мнѣ усилить его отрядъ надежнѣйшими людьми, готовыми идти куда угодно, но только не къ большевикамъ.

Впрочемъ, для меня лично генералъ Вуличевичъ никогда не представлялъ серьезнаго военнаго начальника въ большой отвѣтственной роли, это былъ лишь лично очень храбрый человѣкъ, батарейный или полковой командиръ, любившій хорошо выпить и броситься въ бой, на чемъ онъ и сдѣлалъ карьеру на желѣзнодорожномъ фронтѣ, гдѣ онъ послѣ генерала Мурузи оказался командующимъ войсками.

На безлюдьи и Ѳома дворянинъ.

Желѣзнодорожный фронтъ былъ нашъ главный фронтъ, который всегда меня интересовалъ, тѣмъ болѣе, что я принялъ на немъ при уходѣ союзниковъ командованіе отъ англійскаго генерала Тернера. Подробно ознакомившись съ разработаннымъ имъ, совмѣстно съ командиромъ 6-го полка полковникомъ Акутинымъ, планомъ

наступленія на большевиковъ въ августѣ 1919-го года и дополненнымъ моимъ начальникомъ штаба полковникомъ Волковымъ, я только что хотѣлъ приступить къ выполненію его, но былъ отставленъ (до сихъ поръ не знаю почему) и замѣненъ генераломъ Клюевымъ, которому, какъ мнѣ думается, хотѣлось показать себя стратегомъ, несмотря на его исторію подъ Сольдау. Поступилъ онъ тогда со мной оченъ некрасиво, но и самъ былъ почти что вытолкнутъ съ фронта своимъ начальникомъ штаба полковникомъ Мурузи. Послѣдній тогда выполнилъ тотъ-же планъ наступленія, принятый на совѣщаніи генераломъ Тернеромъ, мною и Волковымъ, да и къ нему и прибавить то ничего нельзя было. Когда Мурузи увидѣлъ, что союзники уходятъ, то онъ рѣшилъ, что дальнѣйшее пребываніе въ Сѣверной Области будетъ для него лично не безопасно, повелъ себя такимъ образомъ, что Главнокомандующему, въ концѣ концовъ, пришлось отъ него отказаться и выпустить его за границу. Конечно, естественнымъ преемникомъ его при безлюдьи и оказался генералъ Вуличевичъ.

Всѣ эти мысли бродили у меня въ головѣ, когда послѣ пятнадцати-минутнаго свиданія съ генераломъ Вуличевичемъ я пробирался на вокзалъ для того, чтобы по телеграфу дать распоряженіе полковнику Волкову на ст. Холмогорскую объ отходѣ двухъ ротъ, бывшихъ въ прикрытіи на Ильмѣ къ ст. Холмогорской и о добычѣ на ней подвижного состава для моего отряда для слѣдованія на Архангельскъ. Станція была забита солдатами, но всѣ они были мирно настроены, вѣжливы по отношенію ко мнѣ, давали дорогу, и по окончаніи разговора по телеграфу съ полковникомъ Волковымъ, даже посадили въ поѣздъ, который черезъ нѣсколько минутъ отошелъ на Архангельскъ. Очевично они не знали, что черезъ нѣсколько минутъ генералъ Вуличевичъ ихъ броситъ.

Въ двѣнадцатомъ часу ночи 18-го февраля я добрался до ст. Холмогорской, вышелъ изъ поѣзда, который пошелъ дальше, и здѣсь чины моего штаба, встрѣтившіе меня, доложили мнѣ, что роты еще не подошли, подвижного состава на ст. Холмогорской нѣтъ, и что получена шифрованная телеграмма генерала Квѣцинскаго, въ которой мнѣ предписывалось, подъ страхомъ преданія суду, не оставлять своей позиціи, такъ какъ ко мнѣ на помощь идутъ датчане.

Впослѣдствіи, когда я уже сидѣлъ въ тюрьмѣ, мнѣ пришлось слышать отзывы, по поводу этой телеграммы, офицеровъ, сидѣвшихъ вмѣстѣ со мною, о генералѣ Квѣцинскомъ, который въ то время, когда я получилъ это распоряженіе, грузилъ свои чемоданы на ледоколъ «Мининъ», что офицерамъ стало извѣстно, такъ какъ генералъ Квѣцинскій заходилъ, передъ своей посадкой на ледоколъ, въ офицерское общежитіе въ Архангельскѣ, съ ними проститься, выразивъ при этомъ увѣренность, что онъ еще встрѣтится съ ними на другомъ фронтѣ борьбы съ большевиками. Впрочемъ, я очень радъ за него, что онъ успѣлъ уѣхать, — иначе, будучи заключеннымъ вмѣстѣ съ ними въ тюрьмѣ, онъ былъ бы, вѣроятно, разорванъ ими на части, такъ какъ между этими офицерами находились и пріѣхавшіе изъ Англіи, и знавшіе его еще при гетманѣ Скоропадскомъ въ Кіевѣ, гдѣ онъ, по ихъ выраженію, предалъ ихъ Петлюровцамъ, а самъ благополучно скрылся. Разсказывали они тамъ же въ тюрьмѣ, какъ упалъ ихъ духъ и болѣзненно сжалось сердце, когда, подъѣзжая на «Кальянѣ» къ Архангельску изъ Англіи, они на пристани съ борта парохода увидѣли, совершенно неожиданно, его трагическую для нихъ фигуру, въ числѣ лицъ, встрѣчавшихъ пароходъ. — «Не будетъ добра», сказали они тогда сами себѣ. Въ тюрьмѣ между этими офицерами были настолько озлобленные противъ него, что нѣкоторые изъ нихъ давали себѣ клятву, въ случаѣ, если бы имъ удалось выбраться изъ большевистскаго плѣна, поставить себѣ цѣлью разыскать генерала Квѣцинскаго и убить его.

Другая телеграмма гласила о распоряженіи Правительства объ обезпеченіи офицеровъ и ихъ семей путемъ выдачи имъ пятимѣсячнаго оклада содержанія и о завѣреніи, что Правительство, въ случаѣ катастрофы, послѣднимъ выѣдетъ изъ Сѣверной Области. Что я могъ выдать офицерамъ, когда въ полевомъ казначействѣ было около 400.000 руб. да и то «чайковками», которыя по приходѣ большевиковъ были тотчасъ-же анулированы. Тѣмъ не менѣе, я приказалъ казначею, уже въ поѣздѣ,

раздать офицерамъ согласно вѣдомости эти деньги подъ расписку, которую черезъ нѣсколько часовъ онъ уничтожилъ, такъ какъ опасался, что она попадетъ въ руки большевиковъ и онъ отъ этого пострадаетъ. До этого онъ отъ меня потребовалъ письменный ему приказъ объ этой раздачѣ, который ему могъ бы послужить оправданіемъ передъ большевиками въ раздачѣ этихъ денегъ, приказъ этотъ я тутъ-же написалъ и ему выдалъ.

На станціи стоялъ балластный поѣздъ, и имъ я рѣшилъ воспользоваться для переѣзда моего отряда въ Архангельскъ. Съ этимъ надо было спѣшить, такъ какъ Обозерская была уже, по моему мнѣнію, открыта и большевики могли нагрянуть каждую минуту. Достали паровозъ, прицѣпили къ балластному поѣзду, сожгли бумаги штаба, погрузили оставшійся обозъ съ провіантомъ и патронами, такъ какъ я все еще былъ загипнотизированъ мыслью слѣдовать черезъ Архангельскъ на Онегу, посадили людей и подошедшія въ это время двѣ роты съ Ильмы, съ которыми прибыли командиръ 4-го Сѣвернаго стрѣлковаго полка полковникъ Цвиленевъ и командиръ 15-го полка полковникъ Линсенъ. Въ три часа ночи 19-го февраля тронулись въ путь на Архангельскъ.

Отъѣхавъ полторы, двѣ версты отъ станціи, поѣздъ остановился. Предполагая какую-нибудь обычную неисправность въ паровозѣ, сначала отнеслись къ этому спокойно, но когда черезъ часъ я послалъ узнать, въ чемъ дѣло, мнѣ доложили, что паровоза нѣтъ: машинистъ отцѣпилъ его отъ поѣзда и уѣхалъ въ Архангельскъ.

Мы сдѣлали большую ошибку: не поставили часовыхъ на паровозъ; да и не до этого было при отправленіи. Приказалъ полевымъ телефономъ зацѣпиться за телеграфную проволоку и вызвалъ коменданта ст. Тундра, котораго просилъ выслать паровозъ. Послѣдній отвѣчалъ отказомъ за неимѣніемъ таковыхъ. Обратился съ этимъ же къ начальнику ст. Холмогорской, тотъ обѣщалъ и дѣйствительно выслалъ. Подошелъ паровозъ и началъ насъ толкать съ тѣмъ, чтобы на ближайшемъ разъѣздѣ обойти по запасному пути поѣздъ и стать во главѣ его. Машинистъ этого паровоза между прочимъ передалъ, что на ст. Холмогорскую прибылъ нашъ бронированный поѣздъ «Адмиралъ Колчакъ» изъ Обозерской, команда котораго хочетъ преслѣдовать насъ, но такъ какъ путь на станціи ему прегражденъ сошедшимъ съ рельсъ вагономъ, то команда поѣзда занялась устраненіемъ этого препятствія. Мы тронулись; надо было спѣшить, надо было выиграть время.

Проѣхавъ такимъ образомъ около пяти верстъ, мы замѣтили, что насъ нагоняетъ «Адмиралъ Колчакъ», который, подойдя поближе, далъ сигналъ свисткомъ паровоза нашему машинисту остановиться, что онъ и исполнилъ. Я, оставивъ всѣхъ людей на мѣстахъ, вышелъ изъ вагона и отправился одинъ къ броневому поѣзду, который стоялъ въ полуверстѣ отъ насъ. Отъ него отдѣлилась группа въ нѣсколько человѣкъ, въ матросскихъ костюмахъ, между которыми былъ одинъ въ пѣхотной формѣ, они съ поднятыми револьверами пошли навстрѣчу ко мнѣ. Подойдя вплотную, матросы, увидя, что я безоруженъ, очевидно сконфузились и спрятали револьверы; только одинъ, бывшій въ пѣхотной формѣ, оказавшійся старшимъ унтеръ-офицеромъ 7-го полка Шидловымъ, навелъ на меня револьверъ и сказалъ:

— «А, еще не всѣ генералы убѣжали?» —

Я на это отвѣтилъ, что, какъ онъ видитъ, я нахожусь со своими солдатами и что я съ нимъ разговаривать не хочу. Матросы его тотчасъ-же убрали; впослѣдствіи онъ пытался нѣсколько разъ проявлять свою инціативу, но каждый разъ матросы его убирали.

Ко мнѣ подошелъ боцманъ поѣзда и въ довольно вѣжливой формѣ сказалъ, что со своими офицерами они простились, отправили ихъ вмѣстѣ съ генераломъ Вуличевичемъ на Чекуево, а сами рѣшили, оставшись безъ командного состава, перейти на сторону большевиковъ и ѣхать на ст. Холмогорскую для того, чтобы арестовать меня съ моимъ штабомъ и людьми, такъ какъ имъ было по телеграфу извѣстно отъ начальника ст. Холмогорской, что недавно я со своимъ отрядомъ выѣхалъ въ Архангельскъ. Далѣе они сообщили, что настоящихъ большевиковъ еще въ Обозерской

нѣтъ и что они, т. е. команда поѣзда «Адмиралъ Колчакъ», предлагаетъ намъ разоружиться и сдаться, ибо въ противномъ случаѣ они насъ разстрѣляютъ, такъ какъ пушки броневого поѣзда наведены на насъ. Мои люди сидѣли въ поѣздѣ, у нихъ были только винтовки и «Люисганы» (ручные пулеметы), по обѣ стороны полотна былъ снѣгъ выше сажени и ни о какомъ разсыпаніи въ цѣпь по этому снѣгу нечего было и думать. Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства и видя неравныя условія борьбы, я пришелъ къ тому заключенію, что я сдѣлалъ все, что могъ, для спасенія этихъ людей и что дальнѣйшее сопротивленіе могло вызвать только напрасное пролитіе нашей крови, безъ всякой надежды атаковать бронированный поѣздъ, а поэтому я рѣшилъ исполнить ихъ требованіе. Но зная преданность мнѣ моихъ людей, я предложилъ матросамъ отдать приказъ о разоруженіи отряда мнѣ лично, такъ какъ опасался, что когда матросы пойдутъ съ такимъ предложеніемъ по вагонамъ, то они будутъ встрѣчены огнемъ моихъ людей, а это бы тотчасъ повело къ разстрѣлу нашего поѣзда пушками съ «Адмирала Колчака». Матросы согласились и даже сами попросили меня объ этомъ. Я предложилъ имъ доѣхать до разъѣзда, гдѣ меньше снѣгу и продѣлать это было бы удобнѣе. Они и на это согласились.

На разъѣздѣ я обратился съ рѣчью къ моимъ людямъ, въ которой объяснилъ имъ, что мы сдѣлали все, что могли, что силы наши въ борьбѣ съ бронированнымъ поѣздомъ не равны и что мы должны подчиниться судьбѣ, сдаться и выдать оружіе.

Солдаты подчинились моему рѣшенію и, глухо ворча на матросовъ, сдали оружіе. Мы двинулись дальше подъ конвоемъ «Адмирала Колчака». Пріѣхавъ на ст. Тундра, матросы предложили мнѣ и офицерамъ пересѣсть на бронированный поѣздъ «Адмиралъ Колчакъ», и мы пошли впередъ, а поѣздъ съ солдатами шелъ сзади. Такимъ образомъ около четырехъ часовъ дня я съ офицерами былъ привезенъ въ Архангельскъ.

Здѣсь только, впервые, я узналъ отъ конвойныхъ, что Правительство и Главнокомандующій уѣхали утромъ изъ Архангельска на ледоколѣ «Мининъ» и что за ними послана «Канада». Впослѣдствіи мнѣ полковникъ Костанди подтвердилъ это и на мою тревогу о томъ, что «Канада» можетъ ихъ захватить, отвѣтилъ, что ничего изъ этого не выйдетъ.

Всѣ мы, числомъ около полутораста человѣкъ, были окружены конвоемъ изъ матросовъ и насъ повели черезъ Двину и далѣе по Троицкому проспекту къ помѣщенію нашего Штаба. Слѣдуя по Троицкому проспекту, мы подвергались ругани и оскорбленіямъ со стороны отдѣльныхъ личностей, при чемъ одинъ изъ наиболѣе ретивыхъ былъ даже арестованъ нашими конвойными и отправленъ ими куда-то, большая же часть населенія съ глубокою печалью на лицѣ, сочувственно смотрѣла на насъ, а встрѣчающіяся женщины не выдерживали и навзрыдъ плакали. Такимъ образомъ мы вступили на крестный путь, который для многихъ изъ моихъ спутниковъ окончился Голгофой съ безвѣстными могилами въ Совѣтской Россіи.

Подойдя къ Штабу, я увидѣлъ вышедшаго къ намъ навстрѣчу полковника Костанди, который былъ уже безъ погонъ; онъ былъ настроенъ сумрачно и выглядѣлъ осунувшимся. Я былъ очень удивленъ, видя его оставшимся въ Архангельскѣ, мнѣ совершенно было это не понятно, такъ какъ онъ, по моему мнѣнію, по своимъ убѣжденіямъ не могъ перейти къ большевикамъ. Полковникъ Костанди, обратившись къ офицерамъ, сказалъ:

— «Ну что-жъ, надо Вамъ всѣмъ идти въ тюрьму».

Увидя меня въ числѣ прочихъ, онъ сказалъ мнѣ:

— «Пойдемъ со мной въ Штабъ». —

На это я ему отвѣтилъ, что здѣсь со мной мой братъ. Онъ предложилъ и ему слѣдовать за нимъ, а остальныхъ офицеровъ повели въ тюрьму.

Въ Штабѣ полковникъ Костанди разъяснилъ мнѣ, что онъ остался въ Архангельскѣ по просьбѣ представителей профессіональныхъ союзовъ и съ согласія Главнокомандующаго для того, чтобы устранить тѣ эксцессы, которые могутъ быть въ переходное время до прибытія большевиковъ по отношенію къ офицерамъ и жителямъ, а также и явиться защитникомъ ихъ у новой власти. Онъ разсказалъ мнѣ, что въ

настоящее время въ Архангельскѣ организованъ Временный Комитетъ изъ представителей профессіональныхъ союзовъ, что онъ, Костанди, занимаетъ въ настоящее время должность коменданта города, что ему приходится очень тяжело въ этой должности, такъ какъ, не имѣя реальной силы, нѣтъ возможности бороться съ анархіей, которая проявляется все болѣе и болѣе, такъ какъ темные элементы населенія, особенно съ момента выпуска заключенныхъ изъ тюрьмы, подняли голову и, пользуясь создавшимся положеніемъ, грабятъ населеніе, прикрываясь обысками, которые они производятъ самовольно, а мѣстные большевики, бывшіе до сего времени въ подпольѣ, сводятъ свои личные счеты съ тѣми, кто имъ въ свое время насолилъ. Уже были случаи убійства и насилія, и онъ, Костанди, ждетъ съ нетерпѣніемъ прибытія въ Архангельскъ регулярной большевистской части, а также и ея командованія, чтобы передать имъ власть, иначе анархію не остановить. Въ силу всего этого Временный Комитетъ рѣшилъ, для огражденія отъ этихъ элементовъ, держать офицеровъ въ тюрьмѣ, гдѣ имъ будетъ, пожалуй, безопаснѣе, а мнѣ самъ онъ предложилъ до выясненія обстановки посидѣть въ помѣщеніи бывшаго нашего Штаба, являющемся въ настоящее время штабомъ комендатуры города Архангельска.

Я помѣстился вмѣстѣ съ братомъ во второмъ этажѣ въ той комнатѣ, гдѣ было инспекторское отдѣленіе. Никакихъ часовыхъ ко мнѣ не было приставлено, и я имѣлъ возможность ходить по всему Штабу. Здѣсь мнѣ пришлось воочію убѣдиться, до какой степени преступно-легкомысленно отнеслись чины нашего Штаба къ интересамъ офицеровъ, находившихся на фронтѣ. Не потрудились не только вывезти, но даже сжечь штабныя дѣла и переписку по тѣмъ вопросамъ, которые въ глазахъ большевиковъ были обвинительнымъ актомъ нашимъ офицерамъ. Стояли ящики, уже и заколоченные, но брошенные; — очевидно, что чины штаба настолько были панически настроены, такъ торопились бѣжать, что и не подумали о томъ, что оставленіе этихъ документовъ будетъ предательствомъ тѣхъ, которые въ данное время, тамъ далеко на фронтѣ, жертвуя собой, прикрывали ихъ бѣгство. И, дѣйствительно, большевики, какъ только прибыли въ Архангельскъ, схватились за эти бумаги и результатомъ этого было разстрѣляно сорокъ два человѣка на основаніи этихъ документовъ. Конечно, цифра эта — капля въ морѣ по сравненію съ тѣмъ числомъ несчастныхъ, которые были разстрѣляны впослѣдствіи: большевики просто брали изъ этихъ ящиковъ компрометирующіе офицеровъ документы и, предъявляя ихъ имъ, «ставили къ стѣнкѣ». Дежурный генералъ Генеральнаго Штаба полковникъ Жилинскій въ настоящее время промышляетъ гдѣ то на сѣверѣ рыбой, подчиненные его устроились по разнымъ «комитетамъ», а тѣла преданныхъ ими офицеровъ гніютъ въ Архангельскѣ на «Мхахъ».

Въ комнатѣ, въ которой я сидѣлъ, топилась печь, и я успѣлъ сжечь нѣсколько такихъ бумагъ, но конечно, далеко не всѣ.

На другой день, 20-го февраля, пришелъ ко мнѣ полковникъ Костанди и сказалъ, что анархія въ городѣ все увеличивается и, желая пресѣчь ее, онъ вызвалъ къ прямому проводу члена Революціоннаго Военнаго Совѣта шестой большевистской арміи, Кузьмина, находящагося въ настоящее время на ст. Обозерская, и просилъ его пріѣхать въ Архангельскъ и привезти съ собой не менѣе двухъ батальоновъ для водворенія порядка, на что Кузьминъ отвѣтилъ отказомъ, выразивъ опасеніе, что въ Архангельскѣ можетъ быть ему разставлена ловушка и, пріѣхавъ туда, можно и не вернуться.

Чтобы обезопасить себя въ этомъ отношеніи, онъ предложилъ полковнику Костанди пріѣхать самому на ст. Обозерскую для личныхъ переговоровъ съ нимъ по этому поводу, а также для того, чтобы полковникъ Костанди явился какъ бы заложникомъ, гарантирующимъ безопастность вступленія красныхъ войскъ въ Архангельскъ. Полковникъ Костанди, переговоривъ съ членами Временнаго Комитета, рѣшилъ ѣхать на ст. Обозерскую за Кузьминымъ, а мнѣ сказалъ, чтобы я здѣсь въ Штабѣ посидѣлъ и подождалъ его возвращенія, такъ какъ въ настоящее время онъ меня выпустить не можетъ. Съ этимъ полковникъ Костанди уѣхалъ.

Въ помѣщеніи штаба все время приносили и привозили оружіе, отбираемое у чиновъ народнаго ополченія, приводили арестованныхъ къ коменданту зданій Штаба, которымъ оказался, выпущенный изъ тюрьмы, перебѣжавшій въ январѣ мѣсяцѣ на Двинскомъ фронтѣ подъ видомъ бѣлаго офицера большевикъ, присланный большевистскими властями для пропаганды и развѣдки у насъ. Онъ былъ заподозрѣнъ въ этомъ начальникомъ контръ-развѣдки Рындинымъ и посаженъ въ тюрьму, но къ сожалѣнію вслѣдствіе нашей волокиты не былъ во время ликвидированъ. Онъ то и былъ первымъ, который набросился на бумаги, оставленныя нашимъ Штабомъ, и говорилъ мнѣ, что онѣ даютъ ему богатый матеріалъ.

Такъ прошло два дня. Въ городѣ настоящей большевистской власти не было, а равно и ея регулярныхъ частей. Офицеры и гражданскіе жители, прибывавшіе въ тюрьму, подвергались насиліямъ и грабежу; ихъ тамъ раздѣвали, оставляя совершенно безъ платья или давая вмѣсто него отрепье. Деньги и вещи, представляющія цѣнность, конечно, отбирались. Все время въ тюрьмѣ появлялись представители мѣстныхъ большевиковъ, для этой цѣли объявлявшіе себя комиссарами, они насмѣхались надъ заключенными и грозили разстрѣлами. Надо добавить, что именно за это, когда прибыла въ Архангельскъ настоящая большевистская власть, многіе изъ нихъ были посажены въ ту-же тюрьму, но отдѣльно отъ насъ.

22-го февраля пріѣхалъ полковникъ Костанди, пришелъ ко мнѣ и разсказалъ, что онъ привезъ Кузьмина съ двумя батальонами войскъ. На ст. Обозерской ему удалось убѣдить Кузьмина въ томъ, что никакой ловушки ему въ Архангельскѣ нѣтъ, на чемъ послѣдній особенно настаивалъ, приводя въ доказательство, что на Мурманѣ до сихъ поръ еще оказывается сопротивленіе совѣтской власти и не кладутъ оружія. Разсказалъ о пріѣздѣ съ помпой Кузьмина въ Архангельскъ: на станціи ему была устроена торжественная встрѣча съ выставленіемъ почетнаго караула изъ сброда мѣстныхъ рабочихъ и матросовъ и подношеніемъ отъ депутаціи хлѣба-соли, при этомъ произошелъ инцидентъ, который явился уже первымъ поводомъ къ возбужденію недовольства и разочарованія совѣтской властью. Представитель депутаціи отъ судоремонтнаго завода, бывшій навеселѣ, какъ и прочіе ея члены, обратился съ привѣтственной рѣчью къ Кузьмину, въ которой сказалъ, что онъ является предсѣдателемъ рабочаго комитета завода. На это Кузьминъ ему отвѣтилъ, что теперь въ Совѣтской Россіи нигдѣ нѣтъ комитетовъ, что лозунгъ «все наше» уже оставленъ, что теперь есть государственныя предпріятія, заводы и фабрики, на которыхъ назначены правительствомъ директора, управляющіе, а при нихъ состоятъ политическіе комиссары, и что онъ, Кузьминъ, приказываетъ комитетъ распустить, и комиссаръ на заводъ будетъ имъ завтра же назначенъ. Рабочіе должны понять, что заводъ принадлежитъ не имъ, а государству, а они должны только работать.

Такое же приказаніе онъ отдалъ и прочимъ комитетамъ, находящимся здѣсь, какъ-то комитету съ броненосца «Чесма», автомобильнаго дивизіона и др. Конечно, это произвело впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. Представитель комитета съ броненосца «Чесма», бывшій тоже сильно выпивши, въ развязномъ тонѣ началъ было протестовать передъ Кузьминымъ противъ такого образа правленія въ Совѣтской Россіи, говоря, что они не для того свергли иго бѣлыхъ въ Архангельскѣ, чтобы ими управляли другіе люди, не допуская ихъ къ управленію, и что лозунгъ «все наше» долженъ быть не отмѣненъ, а углубляемъ... На этомъ словѣ ораторъ былъ прерванъ Кузьминымъ сильнымъ ударомъ по уху, отъ котораго матросъ, будучи въ нетрезвомъ состояніи, упалъ на землю, а хлѣбъ покатился по землѣ. Кузьминъ въ подкрѣпленіе своего авторитета добавилъ, что къ неповинующимся исполненію его приказаній будетъ примѣненъ разстрѣлъ чинами Особаго Отдѣла 6-ой Арміи, которые прибываютъ со слѣдующимъ поѣздомъ изъ Обозерской.

Все это подѣйствовало такимъ угнетающимъ образомъ на остальныя депутаціи, что онѣ молча, повѣсивъ головы, разошлись. Полковникъ Костанди сказалъ мнѣ, что Кузьминъ произвелъ на него впечатлѣніе, хотя и большевика, но человѣка,

съ которымъ можно сговориться (бѣдный, ему пришлось впослѣдствіи разочароваться въ этомъ, такъ какъ Кузьминъ оказался такимъ же негодяемъ, какъ и остальные большевики), и что онъ обѣщалъ ему обезпечить жизнь и свободу офицеровъ и чиновъ, служившихъ въ Сѣверной Области. При этомъ добавилъ,. что вслѣдъ за этими войсками пріѣзжаетъ штабъ дивизіи съ желѣзно-дорожнаго фронта во главѣ съ начальникомъ дивизіи Филипповскимъ, къ которому пока и перейдетъ военная власть въ Архангельскѣ, а онъ, Костанди, тогда едва ли останется комендантомъ, и что вообще эта должность претитъ ему, а освободившись отъ нея, онъ будетъ имѣть больше времени для защиты интересовъ бывшихъ офицеровъ. Костанди разказалъ мнѣ также о томъ, что онъ видѣлъ капитана съ ледокола «Канада», который вернулся послѣ неудачной погони за «Мининымъ». Дѣло въ томъ, что, какъ разсказывалъ капитанъ «Канады», ни онъ самъ, ни команда ледокола не собиралась оставаться въ Архангельскѣ, ибо всѣ они получали содержаніе отъ англичанъ и даже семьи ихъ находились въ Англіи. Въ тотъ моментъ, когда «Мининъ» отошелъ отъ пристани Архангельскъ, на «Канаду», которая въ это время была на «Экономіи», ворвалась кучка матросовъ и солдатъ и заставила поднять на ней красный флагъ. Тѣмъ не менѣе, при подходѣ «Минина» къ «Экономіи», капитанъ «Канады» хотѣлъ развернуться, выйти на фарватеръ и слѣдовать впереди «Минина» съ тѣмъ, чтобы уйти изъ Архангельска, но къ сожалѣнію (а это, пожалуй, иначе и не могло быть) на «Мининѣ» это было понято, какъ враждебный маневръ, и въ результатѣ этого былъ открытъ орудійный огонь съ «Ярославны», буксируемой «Мининымъ», по «Канадѣ. Капитанъ «Канады» прекратилъ свои попытки къ бѣгству, къ нему были приставлены часовые, а ледоколъ «Мининъ» прошелъ мимо. Послѣ этого на «Канаду» явились самозванные комиссары, наслали туда всякій сбродъ изъ матросовъ и солдатъ, числомъ около двухсотъ, притащили двѣ полевыхъ пушки, установили ихъ кое-какъ на палубѣ, при чемъ одна изъ нихъ уже съ мѣста не дѣйствовала, и бросились догонять ледоколъ «Мининъ», конечно, заставивъ капитана парохода управлять имъ. Какъ капитанъ парохода разсказывалъ, весь этотъ сбродъ не предполагалъ, что на «Мининѣ» есть орудіе и, когда, сблизившись съ нимъ, онъ далъ сигналъ о сдачѣ, а въ отвѣтъ получилъ на это выстрѣлы съ «Минина», то всѣ растерялись. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ и вторая пушка дала отказъ, а въ это время снарядъ съ «Минина» разорвался совсѣмъ близко отъ «Канады». Тогда вся эта сволочь, трясясь за свою шкуру, очистила палубу и забилась въ трюмъ и каюты, угрожая винтовками и револьверами изъ открытыхъ люковъ капитану, который находился на мостикѣ, съ криками: «Поворачивай назадъ, поворачивай назадъ». Капитану парохода пришлось, конечно, это исполнить, и «Канада» вернулась въ Архангельскъ. Слушая все это и видя, какъ инертны были настоящіе большевики при занятіи Архангельска, я горько сожалѣлъ о томъ, что если бы 18-го февраля генералъ Квѣцинскій далъ мнѣ телеграмму съ истиннымъ освѣщеніемъ положенія дѣлъ, а не съ угрозой преданія суду въ случаѣ оставленія позицій, — то я бы своевременно сѣлъ со своимъ отрядомъ на поѣздъ, пріѣхалъ въ Архангельскъ и, не мѣшая генералу Квѣцинскому сѣсть на «Мининъ», прошелъ на «Экономію», гдѣ мои молодцы Шенкурцы разогнали бы захватившихъ «Канаду», и я бы вывезъ этихъ преданныхъ долгу людей за границу и этимъ спасъ бы имъ жизнь. Тѣмъ болѣе, казалось бы, генералъ Квѣцинскій долженъ былъ это сдѣлать, что, вѣроятно, ему было извѣстно еще 16-го февраля, какъ я впослѣдствіи узналъ, что по радіо велись переговоры изъ Архангельска съ большевиками о капитуляціи. Видно генералу Квѣцинскому своя рубашка была ближе къ тѣлу!

Полковникъ Костанди предложилъ мнѣ и брату идти на квартиру, выдавъ охранные пропуски, но предупредивъ насъ, что особеннаго значенія они, конечно, не имѣютъ и что впослѣдствіи онъ постарается достать для насъ уже отъ настоящей большевистской власти болѣе вѣрные. Придя на квартиру, мы застали тамъ все уже разграбленнымъ: въ день отхода ледокола «Мининъ» изъ Архангельска, ворвались на квартиру матросы, взломали сундуки, мой и брата, и другихъ офицеровъ и

забрали всѣ наши вещи, бѣлье и платье. Такимъ образомъ мы остались только въ томъ, въ чемъ были.

Черезъ день была объявлена Временнымъ Комитетомъ (Особый Отдѣлъ 6-ой Арміи еще не прибылъ) регистрація всѣхъ бывшихъ бѣлыхъ офицеровъ и военныхъ чиновниковъ, которую производилъ воинскій начальникъ (впослѣдствіи разстрѣлянный) и чины его управленія по службѣ у Бѣлой власти. 25-го февраля прибылъ въ Архангельскъ Особый Отдѣлъ 6-ой Арміи, помѣстившійся въ зданіи нашей контръ-развѣдки и объявившій приказъ объ обязательной регистраціи всѣхъ офицеровъ, военныхъ чиновниковъ и гражданскихъ лицъ, бывшихъ на службѣ у Сѣвернаго Правительства, при чемъ за неявку на регистрацію былъ объявленъ разстрѣлъ.

Я сидѣлъ на квартирѣ и никуда не выходилъ, какъ вообще за все время, проведенное мною въ относительной свободѣ въ Архангельскѣ. Хозяинъ моей квартиры г. Пауль, управляющій пивнымъ заводомъ (сынъ его только что произведенный прапорщикъ былъ въ артиллеріи у меня на Двинѣ, сидѣлъ въ это время въ тюрьмѣ и впослѣдствіи былъ разстрѣлянъ, какъ принимавшій участіе въ экспедиціонномъ корпусѣ при изгнаніи большевиковъ изъ Архангельска, при высадкѣ англичанъ), сообщилъ мнѣ, что всѣ офицеры, являющіеся на регистрацію въ Особый Отдѣлъ, тотчасъ же арестовываются и отправляются въ тюрьму и что, слѣдовательно, такая же участь грозитъ мнѣ и брату. Тогда я вмѣстѣ съ братомъ отправился къ полковнику Костанди на квартиру для совѣта съ нимъ, какъ въ данномъ случаѣ поступить, ибо если не явиться на регистрацію, то намъ грозилъ разстрѣлъ, тѣмъ болѣе, что въ то время въ Архангельскѣ я представлялъ изъ себя видную фигуру среди бѣлыхъ и, конечно, благодаря этому, мнѣ нельзя было укрыться отъ регистраціи.

Остроумная вещь эта регистрація, примѣняемая большевиками, когда они занимаютъ мѣстности, очищенныя отъ противника (я впослѣдствіи это наблюдалъ и въ Западномъ Краѣ и въ Крыму). Люди, загипнотизированные страхомъ разстрѣла, сознательно несутъ свои головы въ руки большевиковъ, что, конечно, нельзя ставить имъ въ вину, такъ какъ они цѣпляются за послѣднюю надежду являясь сами, «а можетъ быть и не разстрѣляютъ», такъ какъ въ противномъ случаѣ имъ разстрѣлъ обезпеченъ. Вотъ, если бы бѣлая власть примѣняла этотъ методъ, то мнѣ кажется борьба съ агентами большевиковъ могла бы быть болѣе успѣшной, а такихъ агентовъ всегда оставляли для работы. Такъ, мнѣ достовѣрно извѣстно, что при оставленіи большевиками Кіева въ 20-мъ году подъ натискомъ поляковъ, было оставлено въ немъ 5000 агентовъ-подпольниковъ, которые, несмотря на польскую контръразвѣдку, вели бѣшеную пропаганду въ Кіевѣ.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу: Полковникъ Костанди намъ на это сказалъ, что онъ ждетъ сейчасъ къ себѣ Кузьмина, съ которымъ можно переговорить по этому поводу. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ Кузьминъ. Костанди познакомилъ насъ съ нимъ. Онъ мнѣ показался интеллигентнымъ человѣкомъ, лѣтъ тридцати, хитрый и пронырливый. Отнесся къ намъ очень вѣжливо и внимательно и далъ намъ записку на имя предсѣдателя Особаго Отдѣла, въ которой просилъ его насъ не арестовывать, а оставить на свободѣ, за порукой его, Кузьмина. Въ разговорѣ онъ упомянулъ, что вообще никому ничего не грозитъ и что въ будущемъ Совѣтская власть используетъ всѣхъ насъ, какъ военспецовъ. Что-же касается находящихся уже въ тюрьмѣ, то это лишь временная мѣра, и они въ скоромъ времени будутъ выпущены. Въ дальнѣйшей бесѣдѣ для меня выяснилось, что этотъ субъектъ мѣтилъ тоже въ большевистскіе Наполеоны. Онъ говорилъ, что ему предлагаютъ въ командованіе дивизію (которую, дѣйствительно, онъ и получилъ, хотя не имѣлъ никакого военнаго образованія) и звалъ къ себѣ въ начальники штаба полковника Костанди. Какъ впослѣдствіи оказалось, онъ безбожно вралъ намъ относительно отношенія къ бѣлымъ, какъ впрочемъ и всѣ большевики.

На другой день мы съ братомъ пошли на регистрацію въ Особый Отдѣлъ, гдѣ насъ хотѣли было арестовать, но когда мы предъявили записку Кузьмина, насъ, послѣ нѣкотораго колебанія, оставили на свободѣ до 15-го марта. За это время я сидѣлъ, какъ бы подъ добровольнымъ домашнимъ арестомъ, никуда не выходилъ, но за то меня навѣщали многіе, главнымъ образомъ, мои бывшіе солдаты, среди которыхъ я пользовался большой популярностью и вотъ эта-то популярность дала поводъ впослѣдствіи генералу Клюеву, когда онъ находился въ Финляндіи представителемъ генерала Миллера, а я томился въ большевистскихъ застѣнкахъ, обвинять меня въ склонности къ большевизму, о чемъ я узналъ только теперь, прибывъ въ Финляндію. Помню отлично, какъ еще лѣтомъ 1919-го года, когда я былъ на докладѣ у Главнокомандующаго, онъ сказалъ мнѣ, что получилъ письмо изъ за границы отъ генерала Клюева, въ которомъ онъ обѣляетъ себя въ причастности къ катастрофѣ подъ Сольдау и проситъ разрѣшить ему пріѣхать въ Сѣверную Область, ввиду бѣдственнаго его положенія. Генералъ Миллеръ какъ бы спрашивалъ моего совѣта. Помню, мнѣ стало жалко старика, хотя я уже въ то время зналъ, что по его дѣлу было девять томовъ слѣдственнаго производства, я отвѣтилъ Главнокомандующему, что, если генералъ Клюевъ находится въ Германіи въ такомъ бѣдственномъ положеніи, то здѣсь въ Архангельскѣ хлѣба довольно и на его долю хватитъ. Вскорѣ въ числѣ группы генераловъ, прибывшихъ изъ Германіи оказался и онъ и даже занялъ мѣсто генералъ-квартирмистра Штаба Главнокомандующаго.

Всѣмъ намъ, строевымъ начальникамъ ясно было видно, что эта должность являлась по существу лишней и была создана только для того, чтобы дать мѣсто генералу Клюеву, и поэтому никто съ нимъ и не считался, но тѣмъ не менѣе я каждый разъ заходилъ къ нему въ кабинетъ, когда пріѣзжалъ съ фронта, по своей инициативѣ или по совѣту полковника Костанди, который всегда говорилъ:

«Зайди къ нему, не обижай старика, и такъ къ нему никто не заходитъ».—Я являлся къ нему, несмотря на то, что по занимаемой должности командующаго войсками района былъ старше его и, уважая въ немъ старость и былой опытъ, почтительно докладывалъ о томъ, что происходитъ у меня на фронтѣ. И каково же было мое изумленіе, когда я, прибывъ въ Финляндію, узналъ, что генералъ Клюевъ выставлялъ меня и полковника Костанди ярыми приверженцами большевиковъ. Онъ даже не постѣснялся сказать въ глаза моей престарѣлой матери, повторяя ей гнусную инсинуацію большевиковъ о моемъ покаянномъ письмѣ къ нимъ, о которомъ я изложу подробнѣе дальше, что отъ меня и отъ полковника Костанди онъ ничего лучшаго и не ожидалъ, такъ какъ зналъ о нашихъ большевистскихъ симпатіяхъ еще въ Архангельскѣ, гдѣ я будто бы якшался съ солдатами. Надо замѣтить, что когда еще до Германской войны я командовалъ ротой, служа въ Финляндіи, то нашъ полкъ комплектовался новобранцами изъ Архангельской губерніи, преимущественно того же уѣзда; солдаты всегда любили меня, и теперь, когда я пріѣхалъ въ Архангельскъ, мои бывшіе солдаты, въ то время крестьяне окрестныхъ деревень Архангельска, узнавъ о моемъ прибытіи, стали навѣщать меня и наперерывъ звать къ себѣ въ гости. Я, конечно, бывалъ у нихъ въ деревняхъ. Позднѣе, когда они были призваны по мобилизаціи въ Сѣверной Облости на военную службу, то естественно, что они всѣ потянулись ко мнѣ, и у меня изъ нихъ была сформирована комендантская полурота, бывшая моимъ оплотомъ до послѣдней минуты постигшей меня катастрофы. Не знаю, что находилъ въ этомъ «большевистскаго» генералъ Клюевъ, но я всегда ставилъ себѣ въ обязанность подойти ближе къ солдату и благодаря этому знаю его такъ, какъ генералу Клюеву, при всей его опытности, никогда не удалось его знать. Какъ на результатъ этого, могу указать, на примѣръ, когда мнѣ удалось, только благодаря моему вліянію на солдатъ, остановить паническое бѣгство ихъ, которое я засталъ, когда прибылъ на Сѣверную Двину въ концѣ 1919-го года. Какъ знать, не будь у меня этого «большевистскаго» настроенія, можетъ быть, генералу Клюеву и не удалось бы заблаговременно, въ качествѣ посла, выѣхать въ предѣлы Финляндіи. Что же касается знанія солдата генераломъ Клюевымъ, то могу сказать,

что его система обученія и воспитанія солдата, проводимая по его указанію полковниками Смирновыми въ подчиненномъ генералу Клюеву запасномъ полку, при томъ тюремно-полицейскомъ режимѣ, который тамъ примѣнялся, дала самые отрицательные результаты: солдаты эти, прибывая въ качествѣ пополненія на фронтъ, были злобно настроены за этотъ режимъ противъ офицеровъ и являлись постояннымъ будирующимъ элементомъ. Зналъ это я, когда командовалъ войсками еще на Двинѣ и подтвержденіе этого неоднократно слыхалъ отъ офицеровъ разныхъ частей, сидѣвшихъ со мною въ тюрьмахъ Совѣтской Россіи.

Генералъ Клюевъ недавно умеръ; я очень жалѣю объ этомъ, такъ какъ не могу ему поставить вопроса: «За что онъ позволилъ себѣ порочить мое честное имя, что я сдѣлалъ ему худого?» Пишу же это для того, чтобы въ будущемъ не могли повториться ошибки, ибо съ дѣятелями такого рода, какъ генералъ Клюевъ, Россіи не возстановишь. —

Въ Архангельскъ прибыла большевистская дивизія съ желѣзнодорожнаго фронта, прибыло большевистское начальство, образовался исполнительный губернскій комитетъ во главѣ съ Ревеккой Пластининой, которая поселилась около пивного завода Суркова въ домѣ г-жи Стампе и стала ходить въ ея мѣхахъ; въ городѣ начался уже организованный грабежъ. Оцѣплялись красноармейцами цѣлые кварталы и производились поголовные обыски, отбирались золото, серебро, вещи, валюта, платье, продукты. Все это реквизировалось якобы для нуждъ красной арміи, обывателю разрѣшалось оставлять только двѣ смѣны бѣлья и находившееся на немъ платье. Все это сопровождалось арестами жителей и разстрѣлами, которые производили пѣхотныя части и партизаны Хаджи-Мурата, къ этой тактикѣ я уже впослѣдствіи приглядѣлся, такъ какъ ее большевики примѣняютъ во всѣхъ занятыхъ ими мѣстностяхъ, оставленныхъ бѣлыми. Тогда это производило жуткое впечатлѣніе. Рабочіе, ожидавшіе, что съ переходомъ власти къ большевикамъ «все будетъ наше», горько разочаровались. Комитеты ихъ, образовавшіеся въ переходное время, были закрыты и вмѣсто нихъ были образованы коммунистическія ячейки изъ агентовъ большевистской власти, обязанные доносить ей о настроеніи рабочей массы; были назначены или оставлены прежніе управляющіе предпріятіями и къ нимъ приставлены комиссары. Рабочіе притихли, изумились этому, наиболѣе горячіе протестанты, между прочимъ, изъ числа прежнихъ большевиствующихъ, были арестованы и посажены въ тюрьму, гдѣ я съ ними впослѣдствіи и встрѣтился. Матросы съ «Чесмы» и изъ экипажа въ массѣ также были недовольны этими порядками, тѣмъ болѣе, что наиболѣе ярыхъ проповѣдниковъ изъ нихъ принципа «все наше» за грабежи разстрѣляли. Власть хотѣла сама грабить богатый Архангельскъ и отправлять его богатство въ Москву. Конечно, отдѣльнымъ представителямъ этой власти разрѣшался грабежъ для самого себя, но «пролетаріямъ» это возбранялось. Пролетаріи должны были грузить въ вагоны наши интендантскіе запасы и громадные склады таможеннаго вѣдомства, невытребованныхъ грузовъ еще съ 1914-го года, которые такъ тщательно охранялись нашимъ Правительствомъ. И, Боже, чего только тамъ ни было. По истинѣ колоссальное богатство. Все это подѣйствовало на жителей и главнымъ образомъ на окрестныхъ крестьянъ, у которыхъ явилось опасеніе, впослѣдствіи оправдавшееся, что вслѣдъ за вывозомъ этого имущества въ Москву, для нихъ ничего не останется. Командующій 6-ой большевистской арміей, бывшій генералъ-маіоръ Генеральнаго Штаба Самойло, находившійся со штабомъ въ Вологдѣ, узнавъ о богатствахъ таможенныхъ складовъ, съ экстреннымъ поѣздомъ прибылъ въ Архангельскъ и прямо со станціи направился въ эти склады, гдѣ набралъ для себя массу винъ, консервовъ, сукна, а для жены шелка, дамской обуви и парфюмеріи. Между прочимъ, нѣсколько словъ для характеристики этого субъекта: полковникъ Костанди говорилъ мнѣ, что когда Самойло прибылъ въ Архангельскъ, то командовавшій войсками Пинежскаго раіона генералъ Петренко, привезенный арестованнымъ съ Пинеги и помѣщенный въ зданіи семинаріи вмѣстѣ съ другими офицерами, такъ какъ Архангельская тюрьма была уже переполнена, узнавъ о прі-

ѣздѣ Самойло, пожелалъ съ нимъ переговорить. Когда полковникъ Костанди ему объ этомъ доложилъ, Самойло отвѣтилъ: «Стану я со всякой бѣлогвардейской сволочью разговаривать».

Архангельская тюрьма уже была переполнена и, такъ какъ масса арестованныхъ, которыхъ привозили съ Пинеги, Печеры, Холмогоръ, Онеги и между которыми были уже не одни военные, но чины гражданской власти, духовенство и крестьяне, помѣщать было некуда, то были образованы тюрьмы въ помѣщеніи семинаріи и въ зданіи Окружного Суда. Солдаты, кромѣ техническихъ частей, служившіе въ Бѣлой Арміи, были распущены по домамъ въ мѣсячный отпускъ, съ предупрежденіемъ, что по истеченіи его они будутъ мобилизованы и назначены на службу въ большевистскія части. Этого уже никакъ не ожидали. Все это производило въ городѣ удручающее впечатлѣніе и вызывало разочарованность въ Совѣтской власти даже у тѣхъ, которые ожидали прибытія ея въ Архангельскъ, какъ избавительницы отъ власти бѣлыхъ. Скомороховъ и другіе его единомышленники получили какія-то незначительныя мѣста въ Управленіи у большевиковъ, но находились въ подозрѣніи. Главную роль началъ играть прибывшій изъ Шенкурска Архангельскій Губернскій Революціонный Комитетъ (Губревкомъ) съ Поповымъ и Ревеккой Пластининой во главѣ, а также и лица, прибывшія изъ Москвы, которыя, главнымъ образомъ, обратили свою дѣятельность на организованный грабежъ Сѣверной Области (реквизиціи), аресты и разстрѣлы въ чемъ либо причастныхъ къ Бѣлой власти лицъ, и губернская Че-Ка, которая сформировалась и открыла свою дѣятельность вмѣстѣ съ Особымъ Отдѣломъ 6-ой Арміи. Доносы и сведеніе личныхъ счетовъ много помогли ихъ дѣятельности.

Приблизительно черезъ недѣлю послѣ освобожденія меня полковникомъ Костанди изъ подъ ареста, явились ко мнѣ на квартиру четыре человѣка солдатъ, знавшихъ меня лично, и послѣ горькаго сѣтованія на создавшееся положеніе просили обсудить со мной вопросъ, нельзя-ли поднять возстаніе, при чемъ военной частью этого возстанія долженъ былъ бы руководить я. Они мнѣ заявили, что на это предложеніе они уполномочены не только ихъ крестьянами-единомышленниками, но и рабочими Судоремонтнаго завода. На это я имъ отвѣтилъ, что не только не приму участія въ этомъ возстаніи, но и имъ не совѣтую затѣвать что-либо подобное, ибо это приведетъ только къ напрасному пролитію крови, такъ какъ вся реальная сила на сторонѣ большевиковъ. Въ Архангельскъ прибыла уже большевистская дивизія, части которой по ихъ же словамъ расквартированы по окрестнымъ волостямъ; у нихъ же нѣтъ оружія, которое сдано большевикамъ, нѣтъ офицеровъ, которые сидятъ въ тюрьмахъ и которыхъ освободить немедленно при возстаніи не удастся, ибо ихъ немедленно же перебьютъ тамъ; да кромѣ того неизвѣстно, какъ отнесутся офицеры къ возстанію, такъ какъ солдаты ихъ самихъ же предали. На это мнѣ солдаты отвѣчали, что, конечно, они сознаютъ, что вслѣдствіе этого едва ли офицеры пойдутъ съ ними, но что офицеровъ имъ должны прислать «союзники». Видя такую нелѣпость ихъ плановъ, я прервалъ этотъ разговоръ, категорически отказавшись принять какое-либо участіе въ возстаніи. На этомъ дѣло и кончилось.

Были отдѣльныя вспышки въ разныхъ частяхъ Сѣверной Области, онѣ продолжаются и сейчасъ тамъ, какъ и во всей Россіи, но онѣ подавлялись и подавляются съ безпримѣрной жестокостью. Имѣю свѣдѣнія отъ лица, прибывшаго изъ Архангельска въ началѣ января 1922-го года, что на Печорѣ все время было не спокойно и что въ настоящее время даже находится тамъ отрядъ повстанцевъ, существующій со времени паденія Бѣлой власти, который имѣетъ даже двѣ пушки и доставляетъ большую докуку Совѣтскому Областному командованію, а терроризированнымъ жителямъ Архангельска тайную, несбыточную надежду, что онъ придетъ въ Архангельскъ и освободитъ ихъ отъ большевиковъ. Впрочемъ, такія же надежды возлагаютъ по всей Россіи въ настоящее время во всѣхъ провинціальныхъ городахъ и мѣстечкахъ на «банды» повстанцевъ, ихъ окружающихъ.

15-го марта членъ Р. В. С. 6-ой арміи Кузьминъ уѣхалъ по дѣламъ въ Москву. Вечеромъ того же дня былъ арестованъ полковникъ Костанди и посаженъ въ Архангельскую тюрьму, а ночью чинами Особаго Отдѣла были арестованы я и братъ и отправлены туда же, при чемъ мы были ограблены ими совершенно, потерявъ при этомъ даже нижнее бѣлье, которое намъ собрали послѣ перваго ограбленія добрые люди. Въ Архангельской тюрьмѣ я былъ помѣщенъ вмѣстѣ съ другими офицерами, и тамъ вмѣстѣ съ ними подвергался всевозможнымъ издѣвательствамъ со стороны низшей администраціи, гонявшей меня на работу по очисткѣ и вывозу содержимаго отхожихъ мѣстъ, при чемъ, когда меня встрѣчала городская публика, вывозящимъ эти бочки на «Мхи», то выражала сочувствіе, и лица, совершенно незнакомыя, присылали мнѣ въ тюрьму «передачи». Эти передачи состояли изъ предметовъ питанія, бѣлья и всего необходимаго, чего мы были лишены въ тюрьмѣ. Долженъ отмѣтить вниманіе и сочувствіе населенія Архангельска не только ко мнѣ, но и ко всѣмъ заключеннымъ, которое выражалось въ посылкѣ этихъ передачъ и благодаря которымъ мы отлично ѣли, не нуждаясь въ тюремной пищѣ, которая была плоха, но по сравненію съ той пищей, которую мы получали впослѣдствіи въ Москвѣ, въ Бутырской тюрьмѣ и Покровскомъ концентраціонномъ лагерѣ, была роскошна. Населеніе постоянно толпилось у воротъ тюрьмы съ этими передачами, при чемъ въ большинствѣ между ними были лица, которыя не знали никого изъ офицеровъ лично, но старались узнать чью нибудь фамилію изъ заключенныхъ и адресовали на нее, такъ какъ безымянная передача не доходила до заключенныхъ и попадала въ руки низшей администраціи и часовыхъ. Большевики, видя такое сочувствіе къ намъ населенія, ограничили право передачи посылокъ, которая происходила раньше ежедневно, однимъ днемъ въ недѣлю, но посылки эти сдѣлались количественно гораздо больше.

Въ тюрьмѣ я встрѣтилъ офицеровъ Шенкурскаго батальона, солдаты котораго были помѣщены обезоруженными въ зданіи Техническаго Училища. Впослѣдствіи ихъ отправили куда-то на лѣсныя заготовки по Двинѣ, гдѣ, какъ я слышалъ, большую часть разстрѣляли, и когда съ ними расправились, то разстрѣляли и командира батальона капитана Воробьева, который содержался все время въ Архангельской тюрьмѣ, исполняя должность писаря въ тюремной конторѣ. Разстрѣлъ этотъ большевики произвели съ большой осторожностью, только уже тогда, когда имъ удалось окончательно разсѣять Шенкурскій батальонъ, котораго они очень опасались. Слышалъ я, что разстрѣляны и знаменитые партизаны братья Ракитины, служившіе въ этомъ батальонѣ. Впрочемъ, возвратившись теперь изъ Совѣтской Россіи, я увидалъ у своей матери письмо прапорщика И. Ракитина, отъ 31-го ноября 1920-го года, который сидѣлъ почему то въ Финляндіи въ городѣ Коткѣ въ тюрьмѣ и увѣдомлялъ ее, что когда онъ сидѣлъ вмѣстѣ со мной и моимъ братомъ въ Архангельской тюрьмѣ, мы были живы и здоровы. Какимъ образомъ онъ выбрался изъ Архангельска, почему онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ города Котки и какова его дальнѣйшая судьба, къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно. Очень сожалѣю о нихъ: честные и вѣрные сыны Родины были они.

24-го марта начальникъ тюрьмы, обходя наши камеры, объявилъ намъ списокъ 150-ти человѣкъ, которые предназначались на завтра къ отправкѣ изъ Архангельской тюрьмы въ Москву. Между этими лицами былъ я, мой братъ, полковникъ Костанди и много другихъ лицъ, занимавшихъ, главнымъ образомъ, болѣе или менѣе значительныя мѣста въ Бѣлой Арміи. Такъ какъ нѣкоторыя изъ лицъ, помѣщенныхъ въ списки, находились въ помѣщеніи семинаріи, то ихъ перевели въ Архангельскую тюрьму. Между ними были полковникъ Цвиленевъ и полковникъ Волковъ. Начальникъ тюрьмы предложилъ желающимъ написать письма своимъ роднымъ и знакомымъ въ городъ съ просьбою, ввиду нашего отъѣзда въ Москву, прислать намъ бѣлья и провизіи. Письма эти онъ обѣщалъ разослать по адресамъ съ нарочнымъ. Мы исполнили это и черезъ нѣсколько часовъ полился потокъ «передачъ», который продолжался и на другой день до нашего вывода изъ тюрьмы. Слали и знако-

мые и незнакомые, и оказалось всего такъ много, что намъ хватило запасовъ не только на четырехдневный переѣздъ до Москвы, но и на первые дни нашего пребыванія въ Бутырской тюрьмѣ. На другой день, изъ оконъ тюрьмы, мы увидѣли громадную толпу народа, запрудившую улицу около тюрьмы и ожидавшую нашего выхода изъ нея. Выводъ нашъ изъ тюрьмы предполагался около трехъ часовъ дня, но былъ отложенъ до одиннадцати часовъ вечера большевистской властью, которая опасалась, что эта толпа насъ освободитъ, и надѣялась, что къ ночи она сама разойдется: всѣ попытки ее разогнать не давали результатовъ. Тѣмъ не менѣе когда въ 11 часовъ вечера мы, окруженные двумя ротами финновъ и конными Хаджи-Мурата, вышли изъ воротъ тюрьмы, то идти пришлось между шпалерами народа вплоть до Сурскаго подворья у Двины. Изъ толпы, несмотря на врѣзываніе въ нее конныхъ, все время раздавались сочувственные намъ возгласы, между которыми я особенно запомнилъ одинъ. Чей-то женскій голосъ выкрикнулъ: «До свиданія, господа». На это одинъ изъ конныхъ съ поднятой нагайкой бросился на крикнувшую съ крикомъ: «Теперь нѣтъ господъ, а есть только товарищи» — на что получилъ отвѣтъ, поддержанный толпой: «Это у васъ «товарищи», а для насъ они всегда были и будутъ господами».

На ст. Архангельскъ насъ встрѣтилъ знаменитый по жестокости и разстрѣламъ чекистъ — Эйдукъ, который, какъ оказалось, везъ насъ въ Москву, какъ трофей. Этотъ палачъ впослѣдствіи состоялъ въ Совѣтской Россіи главнымъ уполномоченнымъ при «Американской Помощи Голодающимъ въ Россіи», и меня удивляетъ, какъ честные американцы могли не только подавать ему руку, но и допускать его присутствіе рядомъ съ ними. Болѣе десятка тысячъ жизней числится за нимъ и не менѣе трехъ-четырехъ тысячъ собственноручныхъ разстрѣловъ, что подтвердилъ самъ онъ намъ въ своей рѣчи, въ которой онъ, предупреждая насъ, сказалъ, что имя его намъ должно быть извѣстно, такъ какъ онъ собственноручно уже разстрѣлялъ болѣе тысячи подобныхъ намъ и, что онъ не поцеремонится сдѣлать это и съ нами, въ случаѣ побѣга кого либо изъ поѣзда во время слѣдованія въ Москву. Мы были погружены въ два арестантскихъ вагона и два товарныхъ. Здѣсь съ нами были посажены и члены Бѣлаго Правительства: Соколовъ и Федоровъ, а также жена генерала Саввича и двѣ дамы, фамиліи которыхъ мнѣ неизвѣстны. Ихъ всѣхъ въ Бутырской тюрьмѣ посадили отдѣльно отъ насъ и дальнѣйшая судьба ихъ мнѣ неизвѣстна.

III.

Проѣхавъ черезъ Вологду и Ярославль, который обратилъ наше вниманіе тѣмъ, что онъ наполовину разрушенъ отъ бывшаго въ немъ возстанія, мы 30-го марта прибыли въ Москву и подъ сильнымъ конвоемъ, пѣшимъ и коннымъ, насъ отправили съ вокзала въ Бутырскую тюрьму, гдѣ мы и были размѣщены по камерамъ, числомъ 25 человѣкъ въ каждой. Камеры эти выходили въ коридоръ № 15. Здѣсь къ намъ былъ примѣненъ режимъ какого-то «особаго положенія», выразившійся въ еще болѣе грубомъ обращеніи съ нами, сопровождавшемся площадной бранью, въ замѣнѣ тюремныхъ надзирателей и служащихъ агентами В. Ч. К. и скудной пищѣ: фунтъ хлѣба на цѣлый день, по двѣ суповыхъ ложки бурды, въ которой плавало счетомъ двѣнадцать чечевицъ, и одинъ золотникъ постнаго масла на человѣка, которое лилось въ котелъ при общей варкѣ, но попадало-ли оно туда — сомнительно. Выпускали на полчаса на узкій дворъ, заставленный дровами, для того, чтобы «подышать свѣжимъ воздухомъ». Всѣ мы завшивѣли и очень опасались появленія между нами тифа, хотя насъ водили одинъ разъ въ двѣ недѣли въ тюремную баню, гдѣ мы мылись и стирали свое бѣлье. Этотъ режимъ началъ на насъ сказываться: всѣ мы сильно похудѣли и между нами появились цынготныя заболѣванія. Здѣсь въ тюрьмѣ, впервые послѣ ареста, я встрѣтился съ генералами Петренко, Ваденшерна, которые были оба съ сыновьями, при чемъ послѣдній былъ особенно удрученъ, помимо общаго состоянія, тѣмъ, что его сынъ таялъ на его глазахъ. Сидѣли

съ нами здѣсь нѣсколько человѣкъ шведовъ и датчанъ, между которыми былъ врачъ и которыхъ черезъ нѣкоторое время перевели въ другое помѣщеніе для освобожденія и отправки на родину по настоянію ихъ консуловъ, отъ которыхъ они получали паекъ. Это были милые и порядочные люди, которые кляли большевистскую власть и говорили, что когда вернутся къ себѣ на родину, то приложатъ всѣ усилія къ тому, чтобы широко освѣдомить своихъ соотечественниковъ объ истинномъ положеніи въ Совѣтской Россіи. Благодаря одному изъ нихъ, при проѣздѣ его черезъ Финляндію домой, моя мать была освѣдомлена о томъ, что мы находимся въ данное время въ Бутырской тюрьмѣ и пока еще живы.

Находясь среди офицеровъ, мнѣ пришлось выслушивать постоянно ихъ сѣтованія на начальство, критику его, подчасъ очень вѣрную, и разочарованность въ своихъ бѣлогвардейскихъ стремленіяхъ. Въ средѣ этого рядового офицерства раздавались жалобы, что высшее начальство, используя ихъ, какъ бойцовъ, въ минуту опасности всегда бросало ихъ, чему служили примѣры на бѣлыхъ фронтахъ юга Россіи, гдѣ многіе изъ нихъ успѣли уже побывать, и заявляли, что теперь, будучи уже нѣсколько разъ обманутыми, они ни на какую «авантюру» больше не пойдутъ, а займутся устройствомъ личной жизни. Высказывались опасенія, что большевики заставятъ служить у нихъ и что, какъ это ни противно ихъ убѣжденіемъ, но этого не избѣжать, такъ какъ это будетъ единственный выходъ изъ того положенія, въ которое они попали. Нѣсколько времени спустя явился къ намъ слѣдователь В. Ч. К., бывшій раньше слесаремъ, объявившій намъ, что въ скоромъ времени будетъ разсматриваться наше дѣло въ В. Ч. К.

Какъ оно будетъ разсматриваться, кѣмъ и когда мы ничего положительнаго отъ него не добились, да очевидно онъ и самъ этого не зналъ. Видно было только, что онъ былъ занятъ собою. Одѣтъ онъ былъ изысканно, во френчѣ, съ револьверомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого появился другой слѣдователь, объявившій себя бывшимъ врачомъ по фамиліи Ивановымъ, и сказалъ, что ему поручено вести наши дѣла. Это былъ интеллигентный человѣкъ, почему-то старавшійся насъ застращивать разстрѣлами и ссылками въ концентраціонные лагери за нашу службу на бѣломъ фронтѣ. И, дѣйствительно, дня черезъ два были переведены изъ Бутырской тюрьмы во внутреннюю тюрьму В. Ч. К. (Лубянка 2) двѣнадцать человѣкъ исключительно прапорщиковъ, для разсмотрѣнія ихъ дѣлъ, и черезъ нѣсколько дней еще двѣнадцать человѣкъ въ тѣхъ же чинахъ. Впослѣдствіи я узналъ, что къ нимъ тамъ былъ примѣненъ режимъ еще болѣе строгій: уже на воздухъ не выпускали и даже нельзя было громко разговаривать, но кормили нѣсколько лучше, давали мясо. Продержавъ ихъ тамъ недѣлю выпустили, кромѣ прапорщика Пауль, и отправили въ Штабъ Московскаго Военнаго Округа для зачисленія по мобилизаціи на военную службу. Одновременно съ этимъ, но не вмѣстѣ съ ними, былъ переведенъ изъ тюрьмы на Лубянку 2 для разсмотрѣнія его дѣла и полковникъ Костанди, съ которымъ я сидѣлъ въ одной камерѣ. Дальнѣйшая судьба его мнѣ была неизвѣстна и только недавно, будучи въ Петроградѣ, я узналъ отъ достовѣрныхъ людей, что онъ, послѣ нѣсколькихъ освобожденій и снова арестовъ въ Москвѣ, былъ въ числѣ 47 человѣкъ заложниковъ разстрѣлянъ въ 1921 году, вскорѣ послѣ Кронштадтскаго возстанія. Миръ праху его. Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ, чтобы оградить его свѣтлую память отъ тѣхъ грязныхъ навѣтовъ, которые позволяли себѣ дѣлать люди, не знавшіе истинной цѣли и намѣреній полковника Костанди, заставившихъ его, рискуя собственной жизнью, остаться въ Сѣверной Области для спасенія и облегченія участи брошенныхъ на фронтѣ. Особенно старался въ этомъ отношеніи генералъ Клюевъ, который ничего кромѣ хорошаго въ Сѣверной области отъ Костанди не видѣлъ. Полковникъ Костанди уже въ тюрьмѣ мнѣ, а также и полковнику Волкову, по секрету, разсказалъ, что онъ остался въ Архангельскѣ съ вѣдома Главнокомандующаго и по просьбѣ профессіональныхъ союзовъ, исключительно для того, чтобы сдѣлать все возможное для офицеровъ, попавшихъ въ руки большевиковъ, и что это представлялось ему достижимымъ, ввиду той поддержки, которую онъ разсчитывалъ встрѣтить у профсоюзовъ, но онъ

ошибся въ этомъ расчетѣ. Правда, какъ я уже писалъ и выше, онъ очень много сдѣлалъ въ Архангельскѣ, во время безвластія, находясь въ должности коменданта г. Архангельска, предотвративъ эксцессы и начинающуюся анархію, но дальше, онъ, принявъ члена Р. В. С. 6-ой арміи Кузьмина за порядочнаго человѣка, думалъ, опираясь на него, освободить отъ тюрьмы и преслѣдованія всѣхъ офицеровъ, которые были въ Сѣверной Области, говоря, что онъ ручается за нихъ, и требовалъ освобожденія. Поддержки онъ въ этомъ не встрѣтилъ и тогда, какъ-бы въ видѣ протеста, онъ заявилъ, что ввиду неисполненія его просьбы онъ желаетъ раздѣлить участь офицеровъ и сѣсть съ ними въ тюрьму. Особый Отдѣлъ 6-ой арміи, конечно, желаніе его сейчасъ-же исполнилъ, онъ былъ вмѣстѣ съ нами отправленъ изъ Архангельска въ Москву, а Кузьминъ, узнавши, по своемъ возвращеніи въ Архангельскъ, что полковникъ Костанди сидитъ въ тюрьмѣ, не только не принялъ никакихъ мѣръ къ его освобожденію оттуда, но даже забралъ себѣ всѣ его вещи и одежду, которыя находились на его квартирѣ. Въ этомъ еще разъ сказалась грабительская жилка, присущая всѣмъ коммунистамъ, не исключая даже и видныхъ интеллигентныхъ ихъ представителей. Въ тюрьмѣ полковнику Костанди было предъявлено обвиненіе въ преданіи суду и утвержденіи смертнаго приговора 14-ти лицамъ, въ бытность его на Мурманѣ. Обвиненіе это было предъявлено по доносу капитана Григора, котораго, въ свое время, полковникъ Костанди удалилъ съ Мурмана, какъ человѣка неблагонадежнаго, ибо прибывъ туда изъ Франціи уже съ темнымъ прошлымъ, по разложенію русскихъ частей, дѣйствовавшихъ въ Салоникахъ, онъ и здѣсь на Мурманѣ началъ ту-же дѣятельность.

Лично я помню эту исторію и знаю, что Григоръ числился у нашей контр-развѣдки въ подозрѣніи, но какъ-то сумѣлъ выкрутиться. Теперь то онъ и пожелалъ свести счеты съ полковникомъ Костанди. Полковникъ Костанди говорилъ мнѣ, что этотъ доносъ его особенно не безпокоитъ, такъ какъ, хотя дѣйствительно такой случай и былъ, но эти 14 человѣкъ были не мѣстные большевики, а просто грабители и разбойники, и были они преданы суду за убійство и грабежъ на Мурманской ж. д., что извѣстно и большевикамъ, и, слѣдовательно, состава политическаго преступленія противъ Совѣтской власти въ этомъ дѣлѣ нѣтъ, ибо и Совѣтская власть пресѣкаетъ такимъ же образомъ разбой и грабежъ. Тѣмъ не менѣе Особому Отдѣлу, а потомъ уже и В. Ч. К., давно точившимъ на него зубы, это обстоятельство дало возможность посадить его въ тюрьму, тѣмъ болѣе, что имъ всегда казалось болѣе чѣмъ подозрительнымъ то, что онъ остался добровольно въ Архангельскѣ. Это-то и послужило причиною многократныхъ его арестовъ вплоть до трагической развязки. Они играли съ нимъ, какъ кошка съ мышкой и, когда имъ это надоѣло, рѣшили покончить съ нимъ, воспользовавшись Кронштадтскимъ возстаніемъ. Такъ погибъ еще одинъ честный человѣкъ, который положилъ жизнь свою за други своя.

Въ Бутырской тюрьмѣ сидѣло всего около шести тысячъ человѣкъ, между ними было $2^1/_2$ тысячи арестованныхъ тогда въ Москвѣ эсъ-эровъ, полторы тысячи желѣзнодорожниковъ Московскаго узла, арестованныхъ за то, что они предъявили требованіе о выдачѣ имъ въ пайкѣ вмѣсто одного — полтора фунта хлѣба, и остальные арестованные бѣлогвардейцы и сестры милосердія съ фронтовъ Деникина, Колчака и Юденича. При всей строгости режима все-таки удавалось изрѣдка съ кѣмъ нибудь изъ нихъ поговорить, а, главнымъ образомъ, при встрѣчѣ на кухнѣ, когда ходили за пищей или при выходѣ на прогулку и въ банѣ. Всѣ они говорили объ ужасахъ пережитой зимы въ Бутырской тюрьмѣ, о разстрѣлахъ и повальномъ сыпномъ тифѣ, который свирѣпствовалъ настолько сильно, что ежеднедно оставалось въ покойницкой тюрьмы до 150-ти невывезенныхъ труповъ, несмотря на ежедневную вывозку ихъ. Тамъ же сидѣлъ уже 8 мѣсяцевъ въ одиночной камерѣ полковникъ, котораго забыли разстрѣлять, приговоривъ его къ этому, о чемъ, конечно, онъ и не напоминалъ, находясь постоянно подъ впечатлѣніемъ того, что большевики вспомнятъ объ этомъ. Между прочимъ мнѣ пришлось говорить съ офицеромъ Уральскаго Казачьяго Войска, который на мой вопросъ, почему они были сломлены большевиками, отвѣтилъ:

— «Не большевики насъ сломили, а тифъ, который занесли къ намъ большевики. Вѣдь общее число Уральскаго Казачьяго Войска было 160 тысячъ человѣкъ, теперь же насъ осталось всего 40 тысячъ. На протяженіи десятковъ верстъ можно встрѣтить станицы безъ одной живой души. Все вымерло.»

Вспоминая теперь этотъ разговоръ, я задаю себѣ вопросъ: что-же останется отъ этихъ сорока тысячъ, при существующемъ теперь голодѣ въ Совѣтской Россіи, въ томъ числѣ и Уральской Области, гдѣ ѣдятъ трупы умершихъ людей?

Одиннадцатаго мая намъ было приказано выходить и строиться для вывода изъ Бутырской тюрьмы, за исключеніемъ подданыхъ Финляндіи, Эстоніи и Латвіи, которые были оставлены тамъ, ввиду якобы скорой предполагавшейся отправки на родину. Между ними были: генералъ Ваденшерна, полковникъ Линсенъ, штабсъ-капитанъ Бухгольцъ. Прибывъ теперь сюда, въ Финляндію, я слышалъ отъ родственниковъ генерала Ваденшерна, что онъ сюда не прибывалъ, а разстрѣлянъ въ Совдепіи, равно какъ и полковникъ Линсенъ и шт.-капитанъ Бухгольцъ. —

«Куда?» На нашъ вопросъ намъ не отвѣчали. Опять окруженные густымъ конвоемъ потянулись мы по улицамъ Москвы; публика предупредительно разгонялась съ улицъ впереди скачущими конными. Послѣ долгаго перехода мы остановились на Покровкѣ передъ воротами концентраціоннаго лагеря. Это были громадные особняки извѣстныхъ фабрикантовъ Морозовыхъ. Насъ ввели внутрь, вновь обыскали (у большевиковъ принято, какъ правило, при всякихъ переводахъ изъ тюрьмы въ тюрьму поголовно обыскивать, какъ въ тюрьмѣ отправленія, такъ и въ тюрьмѣ назначенія. И, конечно, каждый разъ подъ видомъ этого обыска производится ограбленіе того, что не успѣли отобрать предыдущіе). Такимъ образомъ въ этотъ день мы были два раза «обысканы».

Въ Покровскомъ концентраціонномъ лагерѣ кормили еще хуже, чѣмъ въ Бутырской тюрьмѣ, но было лучше въ томъ отношеніи, что можно было находиться въ теченіе цѣлаго дня на громадномъ дворѣ, дышать чистымъ воздухомъ и грѣться на солнцѣ, что насъ значительно поправило. Въ баню отсюда водили партіями подъ конвоемъ въ сосѣдній Андрониковскій концентраціонный лагерь (Андрониковскій монастырь, изъ котораго выгнаны были всѣ монахи), гдѣ сидѣли между прочими нѣсколько епископовъ, фрейлинъ Двора, жена генерала Воейкова и другіе представители аристократическихъ фамилій, которыхъ мы видѣли гуляющими по двору.

Въ нашемъ лагерѣ я встрѣтилъ много офицеровъ, привезенныхъ изъ Вологды и Петрозаводска, главнымъ образомъ, бывшихъ на Мурманскомъ фронтѣ и тѣхъ изъ Архангельска, которые отправились туда и были взяты въ плѣнъ подъ «Сорокой». Между ними были генералы Замшинъ, Барановъ, Вуличевичъ и съ Мурманскаго фронта Ивановъ, Вальтеръ, Седергольмъ, полковникъ Барбовичъ, Рождественскій и другіе. Всего около 1300 человѣкъ, считая въ томъ числѣ нѣсколько «колчаковцевъ» и «деникинцевъ», привезенныхъ сюда еще ранѣе. Вся эта масса была крайне враждебно настроена къ генераламъ Квѣцинскому и Скобельцыну, обвиняя ихъ въ своихъ бѣдствіяхъ. Перваго за то, что онъ въ свое время приложилъ все свое вляніе, чтобы не эвакуироваться изъ Архангельска на Мурманъ, какъ предлагали это сдѣлать старшіе строевые начальники на совѣщаніи съ англичанами. По мнѣнію этихъ офицеровъ, вывезя весь благонадежный добровольческій элементъ изъ Архангельска, захвативъ съ собой коммерческія и военныя суда и имѣя сравнительно короткій фронтъ, одинъ флангъ котораго упирался въ Бѣлое море у Сорокъ, а другой въ нейтральную Финляндію, а также имѣя обезпеченный тылъ — незамерзающую гавань на Мурманѣ, мы могли бы держаться можетъ быть и до сихъ поръ. Скобельцына же они обвиняли за то, что имѣя возможность, по свидѣтельству офицеровъ, держаться дня два, три на позиціи, онъ, уйдя рано въ Финляндію, открылъ фронтъ большевикамъ, которые, не встрѣчая сопротивленія, преградили путь у Сорокъ отряду, двигавшемуся изъ Архангельска, съ желѣзнодорожнаго фронта и Онеги, и захватили его здѣсь въ плѣнъ. Обвиненія эти шли не только отъ рядового офицерства, но и отъ старшихъ начальниковъ, общее настроеніе которыхъ было настолько возбуждено противъ обоихъ

этихъ генераловъ, что мнѣ казалось, если бы они въ это время находились въ заключеніи вмѣстѣ съ ними, то едва-ли бы они избѣжали самосуда.

Вскорѣ послѣ нашего перехода въ Покровскій лагерь, комендантъ его передалъ старостамъ помѣщеній листъ, въ которомъ онъ предложилъ записаться желающимъ ѣхать добровольцами на службу къ большевикамъ, на польскій фронтъ. Предложеніе это не встрѣтило сочувствія, такъ какъ оно противорѣчило тѣмъ чувствамъ, которые питали офицеры къ большевикамъ. Было какъ-то стыдно идти на службу къ нимъ, когда два мѣсяца тому назадъ они дрались противъ нихъ, проникнутые идеей антибольшевизма; записалось не болѣе 30 человѣкъ. Впослѣдствіи я очень жалѣлъ объ этомъ, такъ какъ это былъ единственный способъ вырваться изъ большевистскихъ объятій, перейдя впослѣдствіи на фронтъ къ полякамъ или къ генералу Врангелю. Впрочемъ, что-же дѣлать, мы въ то время еще были слишкомъ наивны и честны, не знали, съ кѣмъ имѣемъ дѣло!

У офицеровъ Мурманской и Сорокской группы, а такихъ было въ лагерѣ преобладающее количество, существовала откуда то взятая увѣренность, что союзники вступятся за нихъ и потребуютъ ихъ освобожденія для вывоза за границу. Передавали, что гдѣ-то, не то въ Петрозаводскѣ, не то въ Вологдѣ, одинъ изъ большевистскихъ комендантовъ сказалъ кому то, что есть телеграмма отъ англичанъ, требующая выдачи этихъ офицеровъ и что эта выдача въ самомъ непродолжительномъ времени произойдетъ. Слухъ этотъ мусировался, обсуждался нервно-настроенной массой, ничего хорошаго не ожидавшей для себя въ будущемъ, и принимался за чистую монету. На него возлагались большія надежды. Я не поддавался этой иллюзіи, но тщетны были мои доказательства въ неправдоподобности этого слуха, мало кто соглашался со мной, и назначался даже день выдачи, но когда онъ проходилъ, то назначался другой.

Дня черезъ два, по прибытіи нашемъ въ лагерь, стала засѣдать комиссія В. Ч. К. подъ предсѣдательствомъ слѣдователя Иванова, по разбору нашихъ «бѣлогвардейскихъ» преступленій противъ Совѣтской власти. Собственно говоря разслѣдованіемъ она не занималась, а дѣлала видъ, что этимъ занимается, застращивая допрашиваемыхъ офицеровъ разстрѣлами, и предлагала поступить на большевистскую военную службу на польскій фронтъ, ставя этотъ вопросъ въ ультимативной формѣ и предупреждая, что въ случаѣ отрицательнаго отвѣта для допрашиваемаго будутъ нежелательныя послѣдствія. Вызывали на этотъ допросъ по камерамъ, при чемъ каждый, вечеръ проходили эту комиссію отъ 15 до 20 человѣкъ. По мѣрѣ накопленія уже опрошенныхъ выпускали партіями человѣкъ въ сорокъ-пятьдесятъ, направляя въ Штабъ Московскаго Военнаго Округа, гдѣ зачисляли призванныхъ по мобилизаціи въ большевистскія воинскія части. Такихъ партій было уже три, въ четвертую попалъ и я. Въ одномъ изъ промежутковъ допроса этихъ партій, подошелъ ко мнѣ, когда я гулялъ по двору, капитанъ, бывшій на Онежскомъ фронтѣ, продѣлавшій путь отступленія до Сорокъ и тамъ, въ числѣ прочихъ, попавшій въ плѣнъ, сидѣвшій затѣмъ въ Вологодской тюрьмѣ и привезенный оттуда съ другими прямо въ Покровскій концентраціонный лагерь. Я его лично не зналъ и фамиліи его сейчасъ не помню. Онъ обратился ко мнѣ со слѣдующимъ вопросомъ:

— «Извините меня, генералъ, я лично Васъ не знаю, но слыхалъ много хорошаго о Васъ и вотъ поэтому разъясните мнѣ мое недоумѣніе: въ листѣ, въ которомъ по предложенію коменданта записывались добровольцами на польскій фронтъ, я не видѣлъ Вашей фамиліи, между тѣмъ, когда я сидѣлъ въ Вологодской тюрьмѣ я самъ читалъ въ «Вологодскихъ Извѣстіяхъ» Ваше письмо, перепечатанное изъ «Архангельскихъ Извѣстій», въ которомъ Вы, обращаясь къ Совѣтской власти съ раскаяніемъ въ томъ, что участвовали въ бѣломъ движеніи, предлагаете себя въ распоряженіе Совѣтской власти, обѣщая ей нелицемѣрно служить и находя свои прежнія дѣйствія противъ нея заблужденіемъ.»

Я былъ очень удивленъ этимъ и отвѣтилъ, что мнѣ самому про существованіе такого письма первый разъ стало извѣстно, такъ какъ я ни «Вологодскихъ», ни

«Архангельскихъ Извѣстій», будучи въ Бутырской тюрьмѣ не читалъ и, что, конечно, такого письма я не писалъ. На это онъ мнѣ еще разъ подтвердилъ, что такое письмо онъ читалъ и что оно было подписано мною и генераломъ Петренко. Услыхавъ фамилію генерала Петернко, я ему сказалъ, что теперь я уже могу его убѣдить въ томъ, что письмо это писано не мною, а большевиками, вѣроятно съ агитаціонными цѣлями, и что оно есть подложное и доказать это я могу тѣмъ, что та партія, съ которой я прибылъ изъ Архангельска въ Бутырскую тюрьму можетъ подтвердить, что съ генераломъ Петренко я встрѣтился только въ Бутырской тюрьмѣ, такъ какъ въ Архангельскѣ я сидѣлъ въ губернской тюрьмѣ, а генералъ Петренко въ помѣщеніи семинаріи, и ѣхали мы въ Москву въ разныхъ вагонахъ. Это уже ясно доказывветъ подложность письма, ибо, мы вмѣстѣ его подписать не имѣли возможности. Кромѣ того, я предложилъ ему пойти вмѣстѣ со мной къ генералу Петренко и спросить его по этому поводу. Послѣдній, конечно, былъ такъ же, какъ и я, удивленъ этому письму и сказалъ, что онъ тоже про него первый разъ слышитъ. Удивлены были точно также и офицеры одной партіи со мной, прибывшіе въ Бутырскую тюрьму, которымъ я разсказалъ объ этомъ, но всѣ поняли, что это была одна изъ наглостей большевиковъ, которые не стѣсняются ни въ какихъ средствахъ. Меня это тогда сильно взволновало, но что-же я могъ подѣлать? Вѣдь если бы я попытался написать опроверженіе въ совѣтскія газеты, то, во первыхъ, они не напечатали бы его, а во вторыхъ вѣроятно, за такую попытку, для примѣра прочимъ, поставили бы меня «къ стѣнкѣ». Офицеры успокаивали меня, говоря, что на это не стоитъ обращать вниманіе, такъ какъ они не повѣрили этому письму, но я все-же чувствовалъ, что оно, попавъ въ заграничную печать, набраситъ на мое честное имя тѣнь. И дѣйствительно, когда я прибылъ въ Финляндію изъ Совдепіи, мнѣ сказали, что въ русскихъ заграничныхъ газетахъ было помѣщено сообщеніе о моемъ письмѣ съ неблагопріятными для меня комментаріями. Въ настоящее время я разыскалъ статью объ этомъ въ «Послѣднихъ Новостяхъ» и послалъ по этому поводу опроверженіе въ редакцію этой газеты, которое и было напечатано.

Будучи призванъ въ комиссію В. Ч. К., я получилъ отъ предсѣдателя слѣдующій вопросъ: — «Скажите, пожалуйста, почему Вы не записались добровольно на фронтъ?» На это я отвѣчалъ, что если-бы я записался добровольцемъ, то развѣ комиссія признала бы мою запись искренней и повѣрила бы ей, зная, что я всего три мѣсяца тому назадъ дрался противъ Совѣтской власти и едва ли могъ измѣнить свои убѣжденія за время заключенія въ тюрьмѣ. На это предсѣдатель сказалъ мнѣ: — «Вы намъ извѣстны по защитѣ позицій на рѣкѣ Шипилихѣ и у д. Взвозъ и кромѣ того за Васъ подали прошеніе въ Архангельскій Ревкомъ около пятисотъ Вашихъ солдатъ, прося объ освобожденіи, значитъ Вы умѣете обращаться съ ними, а потому, что Вы скажете, если мы Васъ отправимъ на польскій фронтъ?»

Я уже предугадывалъ казуистическіе вопросы и рѣшилъ быть осторожнѣе, поэтому я отвѣчалъ: «Я нахожусь въ Вашей власти, Вы меня можете не только на фронтъ отправить, но и къ стѣнкѣ поставить.»

— «А если мы Васъ отправимъ на фронтъ, будете-ли Вы тамъ честно служить Совѣтской власти?» —

«Я всегда служилъ честно.»

— «Вы не отдѣлывайтесь общими фразами, а отвѣчайте по существу.» — Я понялъ, что меня припираютъ къ стѣнѣ и, немного подумавъ, отвѣтилъ:

«Я буду честенъ до тѣхъ поръ, пока ко мнѣ будутъ честны.»

— «Вы, значитъ, думаете, что Совѣтская власть въ минуту опасности броситъ Васъ такъ же, какъ бросила Бѣлая власть? Не безпокойтесь, она этого никогда не сдѣлаетъ. Можете идти.» —

На этомъ мой допросъ и кончился. Я не ожидалъ ничего для себя хорошаго, но черезъ день комендантъ, объявляя списокъ выпускаемыхъ на другой день, упомянулъ мою фамилію. Видно, или я имъ нуженъ былъ, или на комиссію подѣйствовало прошеніе моихъ солдатъ обо мнѣ, хотя всѣ, кто прошелъ комиссію, были выпущены. Вмѣстѣ со мной въ спискѣ былъ и генералъ Цвиленевъ. Братъ мой остался еще въ лагерѣ.

На другой день, 28-го мая, мы въ числѣ сорока пяти человѣкъ были построены, окружены конвоемъ и отправлены въ главное управленіе концентраціонныхъ лагерей, откуда, послѣ долгой волокиты, насъ направили на пересыльный пунктъ, гдѣ покормили вкуснымъ обѣдомъ, который намъ показался верхомъ гастрономіи: это былъ супъ изъ селедки, по двѣ столовыхъ ложки пшенной каши и фунтъ хлѣба. Помѣстили насъ въ большевистскомъ общежитіи — бывшія меблированныя комнаты въ Гнѣздниковскомъ переулкѣ. На другой день намъ было предложено явиться въ окружной военный комиссаріатъ на Пречистенкѣ (Штабъ Московскаго Военнаго Округа), гдѣ насъ объявили мобилизованными, выдали удостовѣренія личности и зачислили на довольствіе. Черезъ день всѣхъ насъ отправили въ лагерь на Ходынку, гдѣ прикомандировали къ первому запасному полку, для ознакомленія съ администраціей военныхъ силъ Совѣтской власти и политическаго воспитанія.

Здѣсь мы встрѣтили радушный пріемъ, какъ со стороны командира полка, бывшаго полковника, кадроваго офицера, конечно, мобилизованнаго большевиками, такъ и со стороны инструкторовъ (офицеровъ) и, главнымъ образомъ, солдатъ, которые, окруживъ насъ, сочувственно разспрашивали насъ, всячески стараясь оказать намъ какую-либо услугу. Это были тоже мобилизованные люди и виденъ былъ въ нихъ коренной переломъ въ отношеніи къ офицерамъ по сравненію съ 1917 годомъ. Оглядываясь, чтобы кто-нибудь не подслушалъ и не донесъ, обыкновенно при встрѣчѣ, они старались излить свое негодованіе на коммунистовъ, выражая сожалѣніе о развалѣ старой арміи. Жаловались на дурное питаніе и обмундированіе и обращеніе съ ними коммунистовъ, говорили, что имъ совершенно не нужна польская война и что при первомъ удобномъ случаѣ они разбѣгуться. Дѣйствительно дезертирство было такое огромное, что я себѣ никогда не представлялъ ничего подобнаго. Для предупрежденія его, лагерь былъ оцѣпленъ караулами, но это приносило мало пользы и ежедневно на вечернихъ перекличкахъ оказывалось много бѣжавшихъ. Видѣли мы здѣсь и порядокъ отправленія пополненія въ дѣйствующую армію. Обыкновенно это дѣлалось внезапно для солдатъ, такъ какъ если бы имъ было извѣстно заранѣе, какія роты назначены на пополненіе, то они цѣликомъ бы разбѣжались. Для предупрежденія этого оцѣплялась предназначенная къ отправкѣ часть сильнымъ конвоемъ изъ батальоновъ В. Ч. К., отдавалось приказаніе строиться и подъ этимъ же конвоемъ отправлялись прямо на вокзалъ, гдѣ грузились въ вагоны съ приставленіемъ часовыхъ. Но и это мало помогало дѣлу, такъ какъ по дорогѣ болѣе половины разбѣгалось, чему я лично былъ свидѣтелемъ, когда находился на службѣ въ Инспекціи пѣхоты 4-ой арміи, въ адресъ которой прибывали эти пополненія.

Въ лагерѣ мы были размѣщены вмѣстѣ съ солдатами на передней линейкѣ, но въ отдѣльныхъ палаткахъ. Пища была для насъ та-же, что и у солдатъ, впрочемъ такой же паекъ былъ и для всего команднаго состава. Пища состояла изъ супа съ селедкой и крупой, двухъ ложекъ пшенной каши и двухъ фунтовъ хлѣба въ день; на ужинъ же давался только супъ. Все это было однообразно и скудно, но для насъ, такъ сильно голодавшихъ въ тюрьмѣ, это казалось приличнымъ питаніемъ. Такой паекъ я получалъ за все время пребыванія въ Совдепіи, какъ и всѣ обыкновенные служащіе, не принадлежавшіе къ разряду отвѣтственныхъ работниковъ. Отвѣтственные же работники, комплектуемые, главнымъ образомъ, изъ коммунистовъ, получали и получаютъ роскошный паекъ по сравненію съ нашимъ. На него и идутъ, главнымъ образомъ, тѣ продукты питанія, которые собираются «продразверсткой» и «продналогомъ» съ крестьянъ, какъ то: масло, мясо, куры, яйца, сало и т. п. Все это, конечно, вызываетъ скрытое неудовольствіе населенія, но дальше этого никто не идетъ, такъ какъ въ Совѣтской Россіи всѣ настолько запуганы терроромъ, что никто и не осмѣлится выразить протестъ.

Находясь при первомъ запасномъ полку, мы были переданы въ вѣдѣніе главнаго начальника Военныхъ Учебныхъ Заведеній, нѣкоего Петровскаго, который, кажется, и до сихъ поръ занимаетъ эту должность. Это интеллигентный еврей, бывшій политическій эмигрантъ изъ Америки, гдѣ онъ прожилъ около 14-ти лѣтъ, прибывшій во

время Керенскаго въ Россію. Онъ симпатично и заботливо отнесся къ намъ и нашимъ нуждамъ, такъ что насъ прикомандировали на довольствіе къ школѣ красныхъ курсантовъ, помѣщавшихся въ бывшемъ Александровскомъ военномъ Училищѣ, и по приказанію его оттуда мы получили обмундированіе, которое выдается краснымъ командирамъ при выпускѣ изъ школы, такъ какъ мы были одѣты очень плохо вслѣдствіе постоянныхъ ограбленій насъ подъ видомъ обысковъ при переходѣ изъ одной тюрьмы въ другую. Для насъ были организованы занятія, на которыхъ насъ коммунистическіе лекторы, митинговаго пошиба, совершенно безграмотные, употреблявшіе въ своей рѣчи выраженія вродѣ «апосля», «хотится» и т. п., что вызывало у насъ невольную улыбку, пытались разъяснить намъ стремленія большевиковъ и превосходство Совѣтской власти. Петровскій, пріѣхавъ на одну изъ такихъ лекцій, очевидно, замѣтилъ непригодность такихъ «профессоровъ» для той аудиторіи, передъ которой они въ данномъ случаѣ выступали, и на другой же день къ намъ были присланы интеллигентные лекторы-коммунисты. Для ознакомленія насъ съ системой Совѣтской военной администраціи былъ присланъ профессоръ Академіи Генеральнаго Штаба, бывшій генералъ-лейтенантъ Михѣевъ и бывшій военный министръ Керенскаго — Верховскій. Насколько второй поразилъ насъ своей наглостью и дифирамбами Совѣтской власти, настолько первый своей забитостью и приниженностью. Казалось, что ему было совѣстно смотрѣть намъ въ глаза, и вся его фигура выражала, что онъ волей неволей изъ за своего существованія и своей семьи, подъ страхомъ разстрѣла, долженъ служить Совѣтской власти. Мы это поняли и по окончаніи лекціи, окруживъ его, старались высказать ему наши симпатіи, что произвело на него впечатлѣніе.

Долженъ еще упомянуть о своихъ наблюденіяхъ надъ настроеніемъ населенія и отношеніемъ его къ Совѣтской власти. Всѣ, съ кѣмъ мнѣ приходилось сталкиваться и вступать въ разговоры, обыкновенно, оглянувшись кругомъ и видя, что ихъ не подслушиваютъ, и почуявъ во мнѣ бывшаго офицера, старались излить свое негодованіе и жалобы на Совѣтскую власть. Высказывали при этомъ пожеланія успѣха польскому наступленію, надѣясь черезъ него достигнуть освобожденія отъ коммунистовъ, такъ какъ въ силу существующаго террора и шпіонажа самимъ сбросить съ себя иго большевиковъ нѣтъ возможности. Мои наблюденія, какъ въ Москвѣ, такъ и за все время моего пребыванія въ Совѣтской Россіи, касались главнымъ образомъ крестьянства и рабочихъ, такъ какъ интеллигенція меня въ этомъ отношеніи мало интересовала, ибо я зналъ, какой ничтожный процентъ населенія принадлежитъ къ ней. И вотъ, въ Москвѣ мнѣ пришлось впервые узнать настроеніе широкихъ массъ. Ѣхалъ я въ трамваѣ отъ Страстного монастыря по направленію къ Ходынкѣ, желая попасть въ село Всесвятское, гдѣ я долженъ былъ разыскать, по просьбѣ одного заключеннаго, оставшагося въ Покровскомъ лагерѣ, его родственника. И вотъ, не зная, гдѣ село Всесвятское, я обратился съ вопросомъ къ кому-то изъ публики, бывшей въ трамваѣ, какъ туда пройти. Мнѣ любезно разъяснили, что, доѣхавъ до Ходынскаго поля, надо выйти изъ трамвая и идти прямо по шоссе, гдѣ и будетъ село Всесвятское. Я поблагодарилъ и это исполнилъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, я увидѣлъ, что меня нагоняетъ одинъ изъ бывшихъ въ трамваѣ и, подойдя ко мнѣ, обращается съ вопросомъ:

— «Извините, пожалуйста, вотъ я вижу на Васъ одежду не такую, какъ здѣсь носятъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не нашу военную (на мнѣ были остатки англійскаго обмундированія) и поэтому позвольте Васъ спросить, кто Вы и зачѣмъ Вы здѣсь?»

Я насторожился и, предполагая въ немъ одного изъ агентовъ Ч. К., рѣшилъ, что пока я никакого повода моему аресту не далъ, а если буду скрывать, кто я такой, то дамъ, поэтому отвѣтилъ, что я бывшій бѣлогвардеецъ съ Сѣвернаго фронта. Это его заинтересовало, и онъ началъ меня дальше разспрашивать. На это я ему разсказалъ, что я попалъ въ плѣнъ на сѣверѣ, былъ арестованъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ другими, а теперь освобожденъ и нахожусь въ лагерѣ на Ходынкѣ. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что не окажу ли я ему чести зайти къ нему, по дорогѣ, на квартиру

выпить у него чаю, что онъ по профессіи портной-штучникъ, человѣкъ бѣдный съ большой семьей, промышляетъ тѣмъ, что покупаетъ на Сухаревкѣ сюртуки, передѣлываетъ ихъ на френчи и снова продаетъ тамъ-же. Этимъ онъ зарабатываетъ до 150-ти тысячъ въ мѣсяцъ (въ то время очень большія деньги), но, что вслѣдствіе дороговизны все проживаетъ. Къ этому прибавилъ, что если бы зналъ онъ, что я не плѣнный бѣлогвардеецъ, а красноармеецъ, то, конечно, никогда бы не пригласилъ къ себѣ въ гости, такъ какъ питаетъ ненависть, какъ къ большевикамъ, такъ и къ ихъ служащимъ. Я опять насторожился, подозрѣвая въ немъ шпіона, поблагодарилъ его и, ссылаясь на недостатокъ времени, отказался отъ его предложенія, но онъ вновь сталъ горячо просить зайти къ нему. Я рѣшилъ сдаться на его просьбу, но быть осторожнымъ. Когда мы пришли къ нему, я увидѣлъ бѣдную квартиру портного-ремесленника, въ которой были жена и пять человѣкъ дѣтей. Всѣ они очень радушно меня встрѣтили, послѣ того какъ хозяинъ сказалъ имъ, кто я, поставили самоваръ и угостили хорошимъ завтракомъ. Ихъ искренность подкупила меня, и я уже началъ стыдиться того, что я заподозрѣлъ въ немъ агента Ч. К. Очень просили меня заходить къ нимъ, какъ только у меня будетъ время, что я и дѣлалъ, встрѣчая каждый разъ самый радушный пріемъ, только потому, что я былъ бывшій бѣлогвардеецъ. Это были очень милые, добрые, русскіе люди, у которыхъ при послѣдующихъ моихъ посѣщеніяхъ я встрѣчалъ много ихъ родственниковъ и знакомыхъ изъ рабочей среды, которые кляли Совѣтскую власть, ждали освобожденія отъ нея и высказывали сожалѣніе о неудачахъ бѣлыхъ фронтовъ и разсказывали о тѣхъ страданіяхъ, нуждѣ и голодѣ, которые имъ приходится переживать, благодаря игу большевизма. Передъ моей отправкой на фронтъ я зашелъ къ своему знакомому проститься и поблагодарить за то участіе, которое онъ мнѣ выразилъ, а онъ въ заключеніе попросилъ меня взять отъ него тысячу рублей (въ то время порядочныя деньги), такъ какъ зналъ, что у меня денегъ нѣтъ. Я отказывался, но онъ такъ убѣдительно просилъ, со слезами на глазахъ, не обижать его, что я хотя и зная, что онъ самъ человѣкъ бѣдный, принужденъ былъ исполнить его просьбу. Вотъ это было одно изъ первыхъ наблюденій моихъ проявленія симпатій со стороны дѣйствительнаго пролетаріата къ бѣлому движенію, которыя я, въ послѣдующемъ моемъ пребываніи въ Совдепіи, неоднократно видѣлъ.

За время моего пребыванія въ лагерѣ на Ходынкѣ, я каждый день ходилъ въ Москву къ Покровскому лагерю, гдѣ оставался мой братъ, и разговаривалъ съ нимъ черезъ заборъ: часовые меня уже знали за время пребыванія въ Покровскомъ лагерѣ и позволяли мнѣ это дѣлать, лишь бы не увидѣли коммунисты. За это время тамъ произошли перемѣны. Изъ лагеря пытались бѣжать четверо офицеровъ, выпрыгнувъ на улицу изъ второго этажа; между ними два сына бывшаго начальника ополченія на Сѣверѣ генерала Витукевича, при чемъ послѣдніе сильно разбились и были подобраны стражей, а остальные убѣжали. Какъ я слышалъ впослѣдствіи, оба Витукевича за это были разстрѣляны. Вслѣдствіе этого побѣга ко всѣмъ остальнымъ былъ примѣненъ строгій режимъ, комиссія В. Ч. К. прекратила свои засѣданія и только одна еще партія послѣ меня успѣла получить освобожденіе. Всѣ были лишены права выхода на дворъ и сидѣли запертыми въ помѣщеніяхъ. Когда же я 20-го іюня пришелъ къ зданіямъ Покровскаго лагеря, то тамъ уже никого не оказалось. Всѣ были вывезены неизвѣстно куда. Какъ впослѣдствіи мнѣ уже удалось узнать, всѣ арестованные Сѣверной Области, плюсъ деникинцы и колчаковцы, находившіеся тоже въ этомъ лагерѣ, въ общемъ числѣ 1092 человѣка, были отправлены обратно въ Архангельскъ по телеграммѣ извѣстнаго чекиста Кедрова, который въ это время прибылъ изъ Москвы въ Архангельскъ съ диктаторскими правами. Съ тѣхъ поръ относительно судьбы моего брата и другихъ мнѣ ничего не было извѣстно, несмотря на то, что я прилагалъ всѣ усилія, чтобы войти съ нимъ въ сношеніе, чему мнѣ помогали даже видные коммунисты, на запросъ которыхъ о немъ имъ отвѣтили, что онъ отправленъ вмѣстѣ съ другими въ концентраціонный лагерь на Печору.

Черезъ три недѣли нашего пребыванія въ лагерѣ на Ходынкѣ, 23 іюня, мы были отправлены въ сопровожденіи комиссара Главнаго Управленія Военныхъ Учебныхъ

Заведеній, въ числѣ 41 человѣка, на польскій фронтъ по направленію Смоленска, гдѣ въ то время находился и теперь находится Штабъ Западнаго фронта. Передъ этимъ мнѣ было сдѣлано предложеніе принять въ Москвѣ одну изъ школъ красныхъ командныхъ курсовъ, но я отъ этого отказался. Генералъ Цвиленевъ остался въ Москвѣ, какъ кавалеристъ. Ѣхали мы въ экстренномъ поѣздѣ, въ товарныхъ вагонахъ, къ которому былъ прицѣпленъ вагонъ-салонъ, для вновь назначеннаго изъ Москвы члена революціоннаго военнаго совѣта 4-ой арміи Межлаука, который, собственно говоря, и везъ насъ на укомплектованіе 4-ой арміи, штабъ которой формировался въ Полоцкѣ, куда онъ былъ переброшенъ изъ Саратова. Вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ будущій начальникъ дивизіи этой арміи, бывшій шт.-капитанъ, и начальникъ штаба дивизіи, бывшій генералъ и командиръ корпуса старой арміи. Фамилій я ихъ не помню, но слыхалъ, что оба они попали въ плѣнъ при разгромѣ поляками большевиковъ гдѣ то подъ Остроленкой въ августѣ мѣсяцѣ 1920 года. Во время пути я былъ приглашенъ къ Межлауку, который предложилъ мнѣ должность начальника одной изъ дивизій, формируемыхъ въ Полоцкѣ. Я отказался. Онъ предложилъ мнѣ тогда должность командира бригады, я тоже отказался; затѣмъ предложилъ мнѣ должность начальника штаба дивизіи, отъ которой я тоже отказался. Я отказывался потому, что не хотѣлъ занимать въ большевистской арміи какой либо отвѣтственный постъ, на которомъ я могъ бы принести, волей или неволей, какую-либо пользу большевикамъ, такъ какъ это противорѣчило моимъ убѣжденіямъ. Принимая же во вниманіе, что я былъ принудительно мобилизованъ и что у меня было только два выхода: или служить по этой мобилизаціи, или же снова садиться въ тюрьму со всѣми ея послѣдствіями, я хотѣлъ получить какое либо незначительное мѣсто въ тылу арміи, чтобы обезпечить себѣ существованіе казеннымъ пайкомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не приносить своимъ знаніемъ и опытомъ никакой пользы тѣмъ людямъ, которымъ и долженъ былъ служить, но которые вмѣстѣ съ тѣмъ, въ моихъ глазахъ, были врагами Родины. Впослѣдствіи я получилъ такое мѣсто, но мнѣ надо было быть очень осторожнымъ въ выборѣ его, такъ какъ меня могли заподозрѣть въ вышеизложенномъ и снова арестовать. Поэтому, когда на мой отказъ принять одно изъ назначеній, предложенныхъ мнѣ Межлаукомъ, онъ сказалъ мнѣ:

— «Почему же Вы отказываетесь, что-жъ это Вы саботируете? —»

Я, подумавъ, отвѣтилъ:

«Не могу занять ни одну изъ предлагаемыхъ должностей, потому что въ роли отвѣтственнаго начальника мнѣ придется при операціяхъ рѣшать боевыя задачи, при чемъ при рѣшеніи этихъ задачъ сплошь и рядомъ приходится рисковать, иногда даже вопреки мнѣнію всѣхъ окружающихъ, и рискъ этотъ, сплошь и рядомъ, оправдывается, т. е. иначе говоря, приходится всю отвѣтственность брать на себя. Какъ же я могу въ данномъ случаѣ брать всю отвѣтственность на себя, когда я только что выпущенъ изъ тюрьмы, гдѣ я сидѣлъ за то, что шелъ противъ Совѣтской власти, и знаю, что ко мнѣ существуетъ недовѣріе. Это недовѣріе настолько будетъ парализовать мою волю, что я, конечно, никакого рѣшительнаго шага самостоятельно не приму и, слѣдовательно, крупнымъ военнымъ начальникомъ быть не могу».

На это Межлаукъ отвѣтилъ:

— «Это не такъ. Разъ Совѣтская власть Васъ выпустила изъ тюрьмы, такъ она Вамъ довѣряетъ».

«Можетъ быть, и дѣйствительно ко мнѣ нѣтъ недовѣрія», сказалъ я, «но я не могу никакъ убѣдить себя въ томъ, что это дѣйствительно такъ, и всегда чувствую это.»

— «Можетъ быть, Вы и правы» — отвѣтилъ Межлаукъ — «но какую же должность Вы въ такомъ случаѣ хотѣли бы занять?»

«Какую нибудь должность въ тылу арміи».

— «Ну, въ такомъ случаѣ я Васъ направлю въ распоряженіе начальника штаба арміи». —

На этомъ нашъ разговоръ и кончился. Конечно, какъ я уже замѣтилъ, при дальнѣйшемъ моемъ пребываніи въ Совѣтской Россіи, если бы я захотѣлъ, то, не будучи даже коммунистомъ, а пойдя на сдѣлки съ совѣстью, я могъ бы занять, по примѣру бывшихъ генераловъ старой арміи, очень высокій постъ со всѣми благами жизни въ Совдепіи, и мнѣ бы не пришлось переносить тѣхъ физическихъ и нравственныхъ страданій, которыя я испыталъ. Но я никогда не допускалъ мысли пойти на это.

Надо замѣтить, что Межлаукъ единственный порядочный человѣкъ изъ коммунистовъ, котораго я встрѣчалъ за мое двухлѣтнее пребываніе въ Совдепіи. Настолько порядочный, что если бы онъ когда нибудь попалъ въ руки бѣлыхъ, то я сдѣлалъ бы все, что могъ, чтобы спасти его. Къ моему глубокому сожалѣнію онъ, будучи осенью 20-го года переведенъ на должность члена Р. В. С. 13-ой арміи, оперировавшей противъ повстанцевъ въ Херсонской губерніи, ѣдучи въ поѣздѣ, подвергся нападенію со стороны послѣднихъ и былъ вмѣстѣ съ другими убитъ. Будучи человѣкомъ высоко образованнымъ, говорившимъ свободно на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ, и окончивъ два факультета, онъ занималъ должность преподавателя гимназіи въ одномъ изъ поволжскихъ городовъ. Волна революціи вынесла его, и онъ оказался въ рядахъ идейныхъ коммунистовъ. Могу засвидѣтельствовать, что онъ былъ дѣйствительно идейнымъ и что руки его не были обагрены кровью. Напротивъ, онъ всегда возмущался и сколько могъ противодѣйствовалъ расправѣ и произволу. Но, что онъ могъ подѣлать противъ Ч. К. и Особаго Отдѣла, въ рукахъ которыхъ чуть-ли и по настоящее время и самъ Ленинъ, и Троцкій? Чувство мести Межлауку было чуждо, несмотря на то, что его родной братъ былъ разстрѣлянъ чехословаками въ Казани. Будучи человѣкомъ крайне энергичнымъ и исключительной трудоспособности, которою онъ всѣхъ поражалъ, онъ много работалъ по всѣмъ отраслямъ, быстро войдя въ курсъ военнаго дѣла, и мнѣ казалось, что при иномъ образѣ его мыслей, онъ могъ бы быть дѣйствительно полезнымъ на посту военнаго министра. Жилъ онъ болѣе чѣмъ скромно, бѣдно и никакими «отвѣтственными» пайками не пользовался. Это былъ дѣйствительно идейный коммунистъ. Останавливаюсь я такъ подробно на немъ именно потому, что это былъ единственный порядочный человѣкъ, котораго я встрѣтилъ въ средѣ коммунистовъ.

Проѣхавъ Смоленскъ, въ которомъ осталась часть изъ нашей партіи на укомплектованіе штаба фронта, я съ остальными прибылъ въ Полоцкъ, гдѣ меня вызвали къ начальнику штаба 4-ой арміи. Когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ, комиссаръ штаба, сидѣвшій тутъ же за столомъ, вышелъ. Мы остались одни. Начальникъ штаба сказалъ мнѣ, что онъ подполковникъ Генеральнаго Штаба Шуваевъ, сынъ бывшаго военнаго министра, сидѣвшій въ заключеніи 9 мѣсяцевъ въ Кронштадтѣ, гдѣ онъ нѣсколько разъ подвергался риску быть разстрѣляннымъ. Сравнительно недавно оттуда выпущенный и назначенный сначала начальникомъ штаба дивизіи, онъ теперь уже занималъ должность начальника штаба 4-ой арміи. Онъ спросилъ меня, что онъ можетъ для меня сдѣлать, такъ какъ слыхалъ обо мнѣ. Я отвѣчалъ, что не хотѣлъ бы занимать никакой строевой и отвѣтственной должности, но что, такъ какъ мнѣ все равно приходится служить, то я хотѣлъ бы служить въ тылу. На это мнѣ Шуваевъ отвѣтилъ, что онъ меня отправитъ въ распоряженіе инспектора пѣхоты арміи на должность инструктора инспекціи (оберъ-офицеръ для порученій по прежнему), что, по его мнѣнію, будетъ соотвѣтствовать моему желанію. Я поблагодарилъ его и отправился представиться новому начальнику.

Должность инспектора пѣхоты занималъ бывшій заурядъ-военный чиновникъ, произведенный въ это званіе въ германскую войну изъ интендантскихъ писарей. Конечно, онъ самъ сознавалъ и неоднократно высказывалъ, что онъ не на своемъ мѣстѣ, и выражалъ желаніе уйти съ него. Онъ былъ также мобилизованъ, не коммунистъ, и, слѣдовательно, человѣкъ порядочный. Встрѣтилъ онъ меня очень хорошо и во время будущей службы моей никогда не давалъ никакихъ порученій по инспекціи, зная, что мнѣ не хочется ихъ исполнять. Комиссаромъ инспекціи былъ

нѣкто Пострѣловъ—приказчикъ мясной лавки въ городѣ Саратовѣ, бывшій мл. унтеръ-офицеръ сапернаго батальона старой арміи, чрезвычайно гордый своимъ положеніемъ, но державшій себя въ общемъ тактично и ни во что не вмѣшивавшійся, исключая прямого своего назначенія – слѣдить, чтобы не было въ Инспекціи контръ-революціи. А такъ какъ ея у насъ и не было, то онъ весь свой досугъ употреблялъ на кутежи и ухаживанія за «совѣтсткими барышнями», которымъ импонировало его «высокое положеніе». Въ общемъ онъ былъ человѣкъ не дурной, хотя хвастался тѣми жестокостями, которыя онъ совершалъ будучи комиссаромъ въ Поволжьи во время наступленія Деникина. Впослѣдствіи онъ продѣлалъ трюкъ, присущій всѣмъ коммунистамъ: получивъ изъ штаба арміи, во время наступленія на поляковъ, два милліона царскихъ рублей и полъ-милліона польскихъ марокъ (сумма въ то время была очень большая) и продержавъ ихъ у себя около мѣсяца, онъ подъ Пинскомъ пошелъ въ развѣдку и пропалъ безъ вѣсти. Женѣ его, которая ѣздила съ нимъ, было выражено отъ Р. В. С. арміи соболѣзнованіе и выдано въ пособіе 50,000 рублей. Геройская его смерть была описана въ красныхъ газетахъ въ назиданіе потомству, а жена, безутѣшно оплакивавшая его кончину, уѣхала домой въ Саратовъ, увезя въ чемоданѣ 2,000,000 рублей, что мы, какъ служащіе въ Инспекціи, прекрасно знали, а вскорѣ послѣ этого отъ бѣжавшихъ изъ польскаго плѣна узнали, что и коммисаръ благополучно здравствуетъ въ Польшѣ, такъ какъ 500,000 польскихъ марокъ онъ предусмотрительно взялъ съ собой. Деньги эти были выведены въ расходъ, какъ безвѣстно пропавшія, а когда стала извѣстна эта исторія, то Р. В. С. сдѣлалъ видъ, что онъ ничего про это не знаетъ, намъ же раздувать эту исторію не имѣло никакого смысла, да мы могли бы пожалуй и пострадать за неприведеніе фактическихъ данныхъ. Въ Совдепіи прибавилось богатыхъ людей на два человѣка болѣе. Останавливаюсь на этомъ случаѣ, потому что они повторяются въ Совдепіи буквально ежедневно.

Полоцкъ очень сильно пострадалъ отъ артиллерійскаго обстрѣла поляковъ, которые въ теченіе 10 мѣсяцевъ занимали позицію на лѣвомъ берегу рѣки Западной Двины и били по немъ прицѣльнымъ огнемъ. Въ городѣ не было почти ни одного зданія, въ которое бы не попалъ непріятельскій снарядъ. За минувшую зиму населеніе Полоцка, преимущественно евреи, понесли большія потери, какъ отъ огня поляковъ, такъ и отъ свирѣпствовавшаго тифа. Пострадала, конечно, еврейская бѣднота, ибо представители богатаго еврейскаго купечества, а такихъ въ Полоцкѣ было много, бѣжали ранѣе за границу. Въ городѣ было зданіе кадетскаго корпуса, въ которомъ были размѣщены госпиталя и красноармейцы, равно какъ и въ частныхъ домахъ города. Всѣ эти зданія были безъ оконъ и дверей, употребленныхъ на топку, но жить благодаря лѣту еще кое-какъ можно было. Штабъ 4-ой арміи помѣстился въ бывшей гостиницѣ, а въ помѣщеніи женскаго монастыря, постройки еще временъ іезуитовъ, расположились мѣстная Ч. К. и Особый Отдѣлъ 6-ой и 15-ой армій, которымъ очень пригодились подвалы, построенные отцами іезуитами, и въ которыхъ вновь воскресли сцены инквизиціи.

Разстрѣлы шли обычнымъ большевистскимъ темпомъ и казалось, что публика и къ этому привыкла, но на меня это, съ непривычки, производило жуткое впечатлѣніе. Разстрѣливали за все: за контръ-революцію, за шпіонажъ, за бѣлогвардейщину; разстрѣливали крестьянъ-подводчиковъ, – согнанныхъ сюда не только изъ Витебской и Смоленской, но и изъ Калужской губерній для перевозки имущества, фуража, провіанта армій, такъ какъ у частей своего обоза не было, — за то, что они просились отпустить ихъ домой, указывая на полевую страду и на то, что здѣсь лошади ихъ отъ безкормицы дохнутъ. Многіе изъ нихъ, видя безвыходность положенія, бросали лошадей и убѣгали домой, но ихъ перелавливали, привозили въ монастырь, гдѣ ставили «къ стѣнкѣ», ставя имъ въ вину нежеланіе служить «рабоче-крестьянской» власти. Надо сказать, что всю эту крестьянскую массу постигла печальная участь, ибо они, въ качествѣ подводчиковъ армій, попали въ плѣнъ къ полякамъ при паническомъ бѣгствѣ большевиковъ изъ-подъ Варшавы, Млавы и Остроленки.

Были взорваны два каменныхъ моста черезъ Двину, одинъ изъ нихъ желѣзнодорожный. Первый спѣшно возстанавливался, а второй былъ замѣненъ понтоннымъ. Въ то время позиціи поляковъ находились верстахъ въ 35 западнѣе Полоцка, у Десны, и въ городъ доносились только орудійные выстрѣлы. Въ Полоцкъ прибывали конныя части корпуса знаменитаго Гая, на котораго возлагались большія надежды, и пополненія въ пѣхотныя части въ адресъ Инспекціи пѣхоты. Это были вновь мобилизованные солдаты бывшей старой арміи. По должности инструктора Инспекціи пѣхоты мнѣ пришлось ближе съ ними познакомиться, такъ какъ надо было ихъ осматривать и повѣрять степень ихъ боевой готовности. Это были озлобленные люди, считавшіе, что они были участниками революціи для того, чтобы освободиться отъ войны, которая имъ вновь навязывается. Одѣтые въ остатки обмундированія старой арміи, которое сохранилось на нихъ, такъ какъ большевики одѣть ихъ не могли, голодные, ибо тотъ скудный паекъ, который имъ выдавался, обезпечивалъ имъ только полуголодное состояніе, они были совершенно деморализированы. Дисциплины между ними не было, да и слушать о ней они не хотѣли. Вся эта масса обрабатывалась агитаторами на митингахъ и агитаціонныхъ пунктахъ, которые были устроены на каждой станціи пути слѣдованія мобилизованныхъ. Ихъ занимали концертами, а гдѣ артистическихъ силъ не хватало, то и игрой граммофоновъ, разъясняли имъ необходимость веденія войны для защиты пролетаріата отъ натиска буржуазіи, но ко всему этому масса оставалась глуха и обыкновенно, какъ протестъ противъ всего этого, раздавались крики о голодѣ, обмундированіи и обуви. Опросъ претензій производить было прямо рискованно: ихъ была такая масса, что разобраться въ нихъ не представлялось никакой возможности, тѣмъ болѣе, что было извѣстно, что удовлетворить даже законную претензію не представлялось возможнымъ за неимѣніемъ средствъ. Боевая подготовка была ниже всякой критики. Плохо обученные еще въ запасныхъ полкахъ старой арміи, они, пробывшіе дома съ 1917 года, забыли все то немногое, чему ихъ когда-то научили, и представляли изъ себя совершенно сырой матеріалъ. Конечно, занятій съ ними не велось, такъ какъ не было винтовокъ, да и прежде чѣмъ вывести ихъ на занятія надо было ихъ одѣть и обуть. А во что? Это былъ вопросъ, который никто не могъ разрѣшить. Правда, нѣкоторые прибывающіе эшелоны, преимущественно изъ Казани, Владимира, Рязани, судя по арматурнымъ спискамъ и докладамъ начальниковъ эшелоновъ, были одѣты и обуты при отправленіи изъ запасныхъ частей, но все это было мобилизованными продано и обмѣнено на хлѣбъ во время продолжительнаго слѣдованія въ пути, тѣмъ болѣе, что эшелоны двигались очень медленно, благодаря неналаженности и разстройству транспорта, вслѣдствіе чего и безъ того скудный паекъ, выданный имъ на руки въ пути, приходилось растягивать вмѣсто одного дня на недѣлю. Все это не особенно сильно смущало большевистское командованіе и, обыкновенно, арестовавъ отдѣльныхъ крикуновъ, особенно тѣхъ, которые дѣлали попытки сравнивать свое нынѣшнее положеніе съ условіями жизни въ старой арміи, «гдѣ молъ насъ хорошо поили, кормили и одѣвали и забота начальства объ насъ была», обвинивъ ихъ въ контръреволюціи, отправляли въ подвалы отцовъ-іезуитовъ, въ Особый Отдѣлъ, а остальныхъ, окруживъ конвоемъ, направляли въ боевыя части на позиціи, гдѣ наиболѣе сильные духомъ бѣжали обратно въ тылъ, стараясь пробраться въ свои деревни или уйти въ «зеленые», а болѣе слабые духомъ гнались пулеметами и револьверами комиссаровъ полковъ, политруками (политическій руководитель роты) и членами комъ-ячейки роты въ наступленіе.

Въ громадныхъ лѣсахъ Смоленской, Минской и Витебской губерній скрывалась масса дезертировъ-зеленыхъ, по большевистскому наименованію, «бандитовъ». Это наименованіе осталось и въ настоящее время по большевистской терминологіи за повстанцами, и его я и буду придерживаться въ дальнѣйшемъ моемъ изложеніи, хотя лично мнѣ оно и не нравится, такъ какъ большевики въ силу агитаціонныхъ цѣлей дали это названіе всѣмъ, кто и съ идейной цѣлью взялись за оружіе противъ нихъ.

Въ то время такихъ бандитовъ въ лѣсахъ около Смоленска находилось около 80,000 человѣкъ. Сила эта была настолько грозна для большевиковъ, что даже штабъ западнаго фронта, находившійся въ Смоленскѣ, заключалъ съ ними перемиріе, вступалъ въ переговоры съ оставленіемъ заложниковъ какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, при чемъ бандиты въ концѣ концовъ надули, задержавъ большевистскихъ заложниковъ у себя до пріѣзда своихъ обратно и прирѣзали ихъ въ числѣ 21-го человѣка. Банды эти были хорошо организованы, вооружены винтовками и пулеметами, которые были спрятаны еще съ германской войны, и даже пушками, захваченными при налетахъ на большевистскіе склады. Въ непроходимыхъ лѣсахъ и болотахъ они имѣли прекрасно укрѣпленныя позиціи, и большевистское командованіе, принужденное бороться на два фронта, т. е. противъ поляковъ и бандитовъ, въ теченіе зимы 19—20 года проглядѣло это движеніе, удѣляя все свое вниманіе полякамъ, и тѣмъ дало возможность стать крѣпко на ноги бандамъ, которыя подъ командою бывшихъ офицеровъ, преимущественно изъ крестьянъ и сельскихъ учителей этихъ мѣстностей, окрѣпло, сорганизовалось и стало угрожать тылу. Съ объявленіемъ мобилизаціи для войны противъ поляковъ, банды эти стали пополняться зелеными и быстро росли въ численности. Штабъ фронта понялъ значеніе этихъ бандъ и сталъ посылать противъ нихъ уже цѣлыя дивизіи, отрывая ихъ отъ фронта, но было уже поздно. Цѣлые полки разбѣгались отъ этихъ бандъ, такъ какъ ихъ составъ, въ концѣ концовъ, въ душѣ сочувствовалъ бандитамъ и борьба противъ «своихъ братьевъ» имъ была не по сердцу. Такъ продолжалось это положеніе во все время польской войны, по окончаніи которой совѣтская власть, не будучи связана войной съ поляками, обратила все свое вниманіе на борьбу съ этими бандами. Цѣною неслыханныхъ жестокостей и репрессій, которыя продолжаются и теперь, по декретамъ изъ Москвы, въ отношеніи тѣхъ деревень и селъ, которыя поддерживаютъ банды доставкою имъ провіанта и комплектованіемъ людьми, т. е. сжиганіемъ этихъ селъ и деревень, реквизиціей всего живого и мертваго инвентаря и выселеніемъ всѣхъ жителей въ Архангельскую губернію по принципу круговой поруки за всѣхъ, Совѣтская власть добилась, если не полнаго уничтоженія этихъ бандъ, то во всякомъ случаѣ раздробленія ихъ на болѣе мелкія соединенія, численностью отъ 10 до 50 человѣкъ. Банды эти существуютъ и будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока будетъ Совѣтская власть, такъ какъ въ нихъ уходитъ все, что еще есть въ Совдепіи крѣпкаго и сильнаго духомъ, не желающаго подчиниться Совѣтской власти. Уходятъ туда и бывшіе коммунисты, и комиссары или обиженные властью, или же разочарованные въ ней.

Лѣтомъ и осенью 1921 года большую заботу доставлялъ Совѣтской власти нѣкто Жилинъ, одинъ изъ бывшихъ комиссаровъ города Гомеля. Онъ обосновался въ дремучихъ лѣсахъ Игуменскаго уѣзда, Минской губерніи и своими налетами на мѣстечки этого уѣзда, гдѣ онъ вырѣзывалъ несчастную еврейскую бѣдноту, не щадя ни пола, ни возраста, и нападалъ на войсковые обозы и склады красной арміи и даже отдѣльныя части, при чемъ, обыкновенно, рубились головы коммунистамъ, а красноармейцы отпускались на свободу, Жилинъ довелъ до полнаго изнеможенія 4-ую большевистскую дивизію, которая безуспѣшно гонялась за нимъ. И только по прибытіи съ юга дивизіи конницы Буденнаго создалась возможность окружить его. Но онъ успѣлъ пробиться изъ этого кольца и перейти вмѣстѣ со своей бандой польскую границу. Какъ и вездѣ, крестьянское населеніе Игуменскаго уѣзда сильно пострадало отъ Совѣтской власти за сочувствіе и поддержку Жилина. Зима въ этомъ уѣздѣ прошла довольно спокойно, но никто изъ нихъ не могъ быть увѣреннымъ, что съ наступленіемъ весны эти банды не появятся опять, найдя себѣ снова пріютъ и кровъ въ лѣсахъ. И дѣйствительно уже въ февралѣ мѣсяцѣ 1922 года при наступленіи весны въ Западномъ краѣ появились слухи, что тамъ и сямъ по различнымъ частямъ уѣздовъ проходятъ банды отъ 20 до 40 коней.

IV.

Хочу нѣсколько остановиться на организаціи большевистской арміи, въ данномъ случаѣ 4-ой. Во главѣ арміи стоялъ ея командующій, бывшій подполковникъ Генеральнаго штаба Сергѣевъ; параллельно съ нимъ стоялъ революціонный военный совѣтъ (Реввоенсовѣтъ) изъ трехъ членовъ, обычно коммунистовъ. Въ число этихъ трехъ входилъ и командующій арміей, который могъ быть и не коммунистомъ. Какъ командующій арміей, такъ и члены Реввоенсовѣта, назначаются Реввоенсовѣтомъ Республики изъ Москвы. Никакое рѣшеніе единолично не можетъ быть принято, каждое требуетъ обсужденія и санкціи Реввоенсовѣта. Во главѣ штаба арміи стоитъ начальникъ основного штаба и, временно при операціяхъ, начальникъ полевого штаба арміи, которому подчинялось оперативное отдѣленіе штаба, и который присутствуетъ вмѣстѣ съ начальникомъ штаба при операціонныхъ докладахъ Реввоенсовѣту и является какъ бы его помощникомъ, выходя изъ его подчиненія и дѣйствуя самостоятельно, когда онъ въ отъѣздѣ, въ полѣ. Какъ при томъ, такъ и при другомъ состоитъ комиссаръ, безъ вѣдома котораго онъ не можетъ отдать никакого распоряженія и приказа, а также и исходящія бумаги не дѣйствительны безъ подписи комиссара. Такой порядокъ и во всѣхъ другихъ учрежденіяхъ красной арміи. Печать учрежденія находится у комиссара, и онъ собственноручно ее прикладываетъ. Штабъ дѣлится на административное, хозяйственное, операціонное, организаціонное и др. отдѣленія. Къ штабу принадлежатъ и инспекціи: пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи. Во главѣ каждой стоитъ инспекторъ и его помощникъ (впослѣдствіи три), при немъ комиссаръ и по два инструктора для порученій на каждую дивизію, входящую въ составъ арміи. Кромѣ того при штабѣ арміи состоитъ Начальникъ Полевого Инженернаго Управленія, Начальникъ Санитарнаго Управленія, Начальникъ Военныхъ Сообщеній. При штабѣ имѣется, но командующему арміей не подчинено, Управленіе по Снабженію Арміи. Параллельно со штабомъ арміи находится Особый Отдѣлъ арміи и Отдѣлъ Политическаго Просвѣщенія арміи. Первый имѣетъ такую самостоятельность, что имѣетъ право арестовывать и производить судъ и расправу, даже не увѣдомляя Командующаго арміей и Реввоенсовѣтъ, надъ любымъ изъ лицъ команднаго состава, вплоть до самого Командующаго арміей, предъявивъ ему обвиненіе въ контръ-революціи, а второй занимается устройствомъ агитаціонныхъ пунктовъ, митинговъ, лекцій въ войскахъ, при чемъ функціи агентовъ перваго и второго часто переплетаются.

Должности въ штабѣ арміи заняты преимущественно офицерами старой арміи, для наблюденія за которыми, кромѣ комиссаровъ, вкраплены, секретнымъ образомъ, сотрудники Особаго Отдѣла, при чемъ надо сказать, что сыскъ и шпіонажъ поставлены такъ высоко, какъ никогда и не снилось старому режиму.

Въ Особомъ Отдѣлѣ и Политическомъ Отдѣлѣ арміи на должностяхъ преимущественно играютъ первую роль сначала латыши, потомъ евреи, затѣмъ поляки и русскіе, при чемъ послѣдніе въ меньшинствѣ. Здѣсь на должностяхъ слѣдователей состоятъ безъ всякой юридической подготовки сплошь и рядомъ совершенно неграмотные люди, лишь бы только за ними числилось нѣсколько разстрѣловъ и проявленія жестокостей при подавленіи какого либо «контръ-революціоннаго движенія». Между ними есть и женщины.

При штабѣ арміи состоитъ Революціонный Трибуналъ (Ревтрибуналъ), въ которомъ разбираются дѣла военно-служащихъ въ преступленіи по должности, при чемъ въ вопросѣ о подсудности Ревтрибуналу или Особому Отдѣлу доминирующее значеніе отдается мнѣнію предсѣдателя Особаго Отдѣла. Ревтрибуналъ состоитъ изъ предсѣдателя, его замѣстителя и трехъ членовъ съ массой слѣдователей, при чемъ часть ихъ состоитъ изъ мобилизованныхъ бывшихъ офицеровъ и лицъ, имѣющихъ юридическое образованіе, а остальные — тотъ-же контингентъ, что и въ Особомъ Отдѣлѣ, — первымъ поручаются преимущественно дѣла уголовнаго характера, а вторымъ исключительно политическія, т. е. связанныя съ контръ-революціей. Всѣ служащіе Особаго Отдѣла, Политическаго Управленія и Трибунала,

исключая слѣдователей первой категоріи—безпартійныхъ, обязательно коммунисты. Всѣ эти организаціи въ обширномъ масштабѣ имѣютъ громадные штаты и состоятъ, за исключеніемъ чиновъ штаба, на особомъ довольствіи, съ пайкомъ отвѣтственныхъ работниковъ, какъ по качеству, такъ и по количеству рѣзко отличающимся отъ пайка красноармейцевъ, которымъ удовлетворялись чины штаба. То же можно сказать относительно и обмундированія: въ то время какъ первые ходили съ иголочки одѣтыми, вторые выглядѣли оборванцами.

Такія же учрежденія приданы, какъ штабу фронта, такъ и штабамъ дивизій, при чемъ Ревтрибуналы, Особые Отдѣлы и Политотдѣлы подчиняются непосредственно черезъ свои инстанціи центральнымъ отдѣламъ въ Москвѣ при Реввоенсовѣтѣ Республики. Приговоръ Ревтрибунала вступаетъ въ дѣйствіе черезъ 48 часовъ съ момента его вынесенія, если за это время не получена телеграмма о его пересмотрѣ или отмѣнѣ изъ центра по телеграфной жалобѣ подсудимаго. Утвержденіе приговора кѣмъ либо не требуется.

Корпусныхъ соединеній въ пѣхотѣ нѣтъ; число дивизій въ арміи отъ трехъ до шести. Дивизіи дѣлятся на три бригады съ легкими и тяжелыми дивизіонами артиллеріи, съ кавалерійскимъ полкомъ при дивизіи. Бригады дѣлятся на три полка, полки на три батальона, батальонъ на три роты и рота на три взвода.

Кавалерія частью соединена въ корпуса по двѣ и по три дивизіи, частью непосредственно дивизіями входитъ въ составъ конныхъ армій. Инженерныя войска и автомобильные дивизіоны подчиняются штабу арміи и придаются по его указаніямъ дивизіямъ во время операцій. Старшій командный составъ въ строевыхъ частяхъ былъ исключительно изъ бывшихъ офицеровъ старой арміи, при чемъ на должностяхъ начальниковъ дивизій, командировъ бригадъ и полковъ были преимущественно бывшіе оберъ-офицеры, а на должностяхъ батальонныхъ командировъ встрѣчались и унтеръ-офицеры. Впослѣдствіи, по мѣрѣ выпуска красныхъ курсантовъ изъ школъ, эти должности замѣщались ими, но обыкновенно неслись жалобы начдивовъ, комбриговъ и компошковъ на полную непригодность ихъ къ военному дѣлу, вслѣдствіе ихъ плохой подготовки и круглаго невѣжества. Инспекціей пѣхоты замѣчено и постоянно доносилось въ отчетахъ, что степень ихъ познаній гораздо ниже чѣмъ окончившихъ прежнія полковыя учебныя команды. Дѣло это обстоитъ и въ настоящее время такъ же, ибо на командные курсы должны командироваться преимущественно красноармейцы-коммунисты и рабочіе, степень общаго развитія которыхъ очень низка, и хотя программа на этихъ курсахъ очень мала по сравненію съ прежними военными училищами, но для нихъ она оказывается велика, и они не могутъ ея осилить. Ввиду малой численности коммунистовъ въ частяхъ, для пополненія курсовъ командируются принудительно и безпартійные красноармейцы, но лучшіе изъ нихъ всячески стараются избѣгнуть этой командировки, ибо по выпускѣ изъ школъ они являются уже командирами и не подлежатъ увольненію въ безсрочный отпускъ (запасъ), какъ ихъ сверстники-товарищи, и обязаны служить до 35-ти лѣтняго возраста, что ихъ, какъ крестьянъ, не устраиваетъ, да кромѣ того они задумываются о томъ, какъ ихъ враждебно встрѣтятъ у себя въ деревнѣ за то, что они служили въ красной арміи, какъ бы по своей волѣ, благодаря тому, что они согласились идти на красные командные курсы.

Въ послѣднее время нѣсколько лучше обстоитъ дѣло съ красными курсами спеціальныхъ войскъ, гдѣ курсъ теперь 3-хъ лѣтній и куда принимаются лица, окончившія среднее образованіе, но таковыхъ теперь все меньше и меньше, такъ какъ новая школа тоже никакого образованія не даетъ.

Въ Москвѣ возстановлена бывшая офицерская стрѣлковая школа, во главѣ которой стоитъ генералъ Филатовъ и которая теперь носитъ названіе школы высшаго командованія. Въ нее командируются бывшіе прапорщики и подпоручики и по окончаніи ея они являются кандидатами на должность командировъ полковъ и выше. То же самое произошло и съ бывшими кавалерійскими и артиллерійскими

школами. При штабахъ дивизій есть «школы младшаго команднаго состава» — это бывшія полковыя учебныя команды, но съ гораздо меньшимъ курсомъ.

Служба генеральнаго штаба въ арміяхъ, число которыхъ было 16, неслась бывшими офицерами стараго генеральнаго штаба, которыхъ въ Совдепіи было 450 человѣкъ согласно списка, который я видѣлъ, но ввиду недостатка таковыхъ, должности генеральнаго штаба занимались преимущественно бывшими полковыми адъютантами, при чемъ таковые встрѣчались даже на посту начальника штаба арміи. Во время польской войны начала функціонировать академія генеральнаго штаба, спѣшно готовившая первый выпускъ красныхъ генштабистовъ, которые и были откомандированы подъ конецъ войны изъ академіи въ штабы армій и дивизій для практики. По окончаніи польской войны и занятія красными войсками Крыма, они были отправлены обратно въ академію для окончанія курса. Въ началѣ возникновенія академіи составъ профессоровъ былъ почти тотъ-же, который былъ до революціи. Начальникомъ академіи былъ генералъ Снесаревъ. Профессора были все люди мобилизованные, взятые изъ тюремъ и которымъ было предложено: «или читать лекціи, или къ стѣнкѣ». Понятно, выбиралось первое. Кромѣ того, число профессоровъ пополнилось еще генералами и полковниками генеральнаго штаба изъ числа тѣхъ, которые были въ такихъ-же условіяхъ, но не хотѣли занимать строевыя или штабныя должности въ арміи. Они тоже «устроились», если это можно такъ назвать. Остальная часть тѣхъ же чиновъ и ранговъ и по тѣмъ же причинамъ «устроилась» въ Москвѣ по разнымъ комиссіямъ и службамъ въ архивахъ, которымъ въ Совдепіи нѣсть числа.

Вся эта масса, выброшенная большевистскимъ переворотомъ на улицу, перенесшая поголовно, за малымъ исключеніемъ, ужасы тюремнаго режима и террора и уцѣлѣвшая отъ разстрѣла, конечно, была довольна, что прибилась къ «тихой пристани» и здѣсь могла немного вздохнуть, хотя все-таки влачила жалкое состояніе. Обремененная по большей части семьями, получая скудное содержаніе и ограниченный паекъ и не имѣя возможности за недостаткомъ времени заняться спекуляціей, она видѣла въ академіи для себя все-таки якорь спасенія, такъ какъ красные слушатели академіи, будучи коммунистами, при своихъ поѣздкахъ на внѣшній и внутренній фронтъ, имѣли возможность привозить оттуда нѣсколько пудовъ муки и нѣсколько фунтовъ сала въ подарокъ профессору, за что, конечно, при той голодовкѣ, которая была въ 1919—20 году, когда вольнаго рынка не существовало, послѣдніе были глубоко благодарны. Этимъ и жила профессура и ихъ семьи.

Чтобы не быть голословнымъ, позволю себѣ сослаться на слѣдующій фактъ: въ концѣ декабря 1920-го года начальникъ 42-ой пѣхотной дивизіи (стоявшей въ городѣ Александровскѣ Екатеринославской губерніи) Розенъ, уѣзжая изъ штаба дивизіи въ академію для продолженія курса, по окончаніи операцій противъ генерала Врангеля, погрузилъ и повезъ съ собой въ Москву четыре вагона муки, которая была собрана продовольственными органами его дивизіи, какъ продразверстка съ крестьянъ. Вновь назначенному начальнику дивизіи Калмыкову Розенъ объяснилъ, что эту муку онъ беретъ и везетъ, какъ подарокъ красной академіи генеральнаго штаба отъ красной 42-ой дивизіи. Помню недоумѣніе состава дивизіи, которому уже въ то время былъ сокращенъ паекъ. Тѣмъ не менѣе, фактъ остался фактомъ: Розенъ, какъ лицо всесильное (Начдивъ), коммунистъ, самовольно за счетъ государства повезъ подарокъ академіи. А вотъ, довезъ ли его до академіи — не знаю. Можетъ быть только до Сухаревки.

Думаю, что въ настоящее время положеніе профессуры нѣсколько улучшилось, такъ какъ жалованіе увеличилось до милліардовъ, на вольномъ рынкѣ можно купить продукты, и кромѣ того, вѣроятно, она, какъ и прочая профессура высшихъ учебныхъ заведеній, получаетъ такъ называемый «паекъ ученыхъ», но конечно, все же при этомъ человѣку, обремененному семьей, приходится влачить жалкое существованіе.

Все вышеизложенное привожу для того, чтобы люди, находящіеся за границей и не знающіе условій жизни въ Совдепіи, не бросали камня-упрека тѣмъ несчаст-

нымъ, которые, изнемогая въ объятіяхъ большевиковъ, должны нести службу у нихъ. Что же касается контингента слушателей академіи, то при ея открытіи было достаточнымъ заявить какому либо бывшему прапорщику или подпоручику о своемъ желаніи быть командированнымъ въ академію и представить удостовѣреніе двухъ коммунистовъ о его лойяльности и усердной службѣ Совѣтской власти, и онъ поступалъ безъ экзамена, равно какъ и рядовой коммунистъ, не имѣющій даже спеціальнаго военнаго образованія. Въ настоящее время, чтобы попасть въ академію, надо быть непремѣнно коммунистомъ, хотя бы и не имѣющимъ образованія, но имѣющимъ боевой стажъ гражданской войны.

Троцкій, желая получить, въ лицѣ красныхъ генштабистовъ, своихъ людей, ввелъ сокращенную программу курса, а тѣхъ, кто все-таки не можетъ по своей общей неподготовленности усвоить ее, переводятъ съ курса на курсъ условно, и когда профессора при выпускѣ изъ академіи, все-таки благодаря чувству порядочности, признаютъ невозможнымъ выпустить даннаго субъекта въ Генеральный штабъ, то Троцкій просто самъ зачисляетъ этихъ лицъ въ Генеральный штабъ, приказомъ по военнымъ силамъ Совѣтской Республики. Такой случай былъ съ тѣмъ же Розеномъ, часовщикомъ по профессіи, который въ настоящее время состоитъ въ Генеральномъ штабѣ и начальникомъ 8-ой дивизіи, штабъ которой расположенъ въ городѣ Бобруйскѣ.

Вообще съ переводомъ въ Генеральный штабъ не стѣсняются, вѣроятно потому, что фармацевтамъ, которые теперь распоряжаются въ Россіи, неизвѣстно, что принадлежность къ Генеральному штабу не есть чинъ или званіе, а есть ученая степень. Поэтому встрѣчаются курьезы, вродѣ какъ съ Тухачевскимъ. Это — «знаменитый» полководецъ во время польской войны, герой усмиренія Кронштадта и неудачный ликвидаторъ бандъ Антонова въ Тамбовской губерніи, коммунистъ, а въ прошломъ только штабсъ-капитанъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка, попавшій въ плѣнъ въ началѣ Германской войны; за «побѣдоносную» войну съ поляками переведенъ въ генеральный штабъ, не будучи никогда слушателемъ академіи, а осенью 1921-го года назначенный начальникомъ ея, вмѣсто генерала Снесарева, смѣненнаго для того, чтобы дать это мѣсто Тухачевскому. Впрочемъ, въ настоящее время Тухачевскій опять временно призванъ занять постъ командующаго войсками западнаго фронта, до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не позволятъ ему снова вернуться къ ученой дѣятельности въ качествѣ начальника академіи, что онъ и оговорилъ при назначеніи. Милость большевиковъ къ нему, за его «подвиги», столь неограничена, что ему возвращено даже, вопреки идеямъ большевизма, его имѣніе, кажется – въ Тверской губерніи, гдѣ хозяйничаютъ его сестры. Какъ на другіе курьезы въ этомъ отношеніи можно указать, что всѣ бывшіе офицеры, прошедшіе сокращенный курсъ академіи во время Германской войны и служащіе добросовѣстно Совѣтской власти, числятся теперь по Генеральному штабу, какъ напримѣръ, помкоманзапа Захаровъ, въ настоящее время профессоръ красной академіи генштаба, а въ прошломъ штабсъ-капитанъ 10-го Финляндскаго стрѣлковаго полка, старшій адъютантъ по хозяйственной части штаба 3-ей Финляндской стрѣлковой бригады, командированный передъ революціей въ академію и пробывшій тамъ 8 мѣсяцевъ, откуда вернувшись въ штабъ дивизіи, во времена Керенскаго, занялъ, за неимѣніемъ офицеровъ Генеральнаго штаба, должность старшаго адъютанта штаба дивизіи по строевой части. Этого ценза въ Совѣтской Россіи достаточно для занятія должности не только генштабиста, но даже и профессора академіи при условіи полной лойяльности къ Совѣтской власти.

Я объяснялъ выше положеніе тѣхъ офицеровъ Генеральнаго штаба, преимущественно старшихъ возрастовъ, которые вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ условій принуждены были служить Совѣтской власти, а также указалъ на ренегатовъ типа Верховскаго, которые, мѣняя свои убѣжденія, какъ перчатки, могутъ служить Царю, Керенскому и Троцкому, лишь бы это имъ лично было выгодно, такъ какъ совѣсть ихъ позоляетъ идти на какую угодно сдѣлку, но есть еще группа, представляющая собой исключительно молодыхъ офицеровъ стараго Генеральнаго штаба, окончившихъ курсъ академіи въ 1910—14 г. и произведенныхъ во время Германской войны

въ подполковники и полковники. Эти офицеры, занимавшіе до войны должности старшихъ адъютантовъ въ штабахъ округовъ и перешедшіе на соотвѣтствующія должности въ началѣ войны въ штабы армій и фронтовъ, гдѣ они играли громадную, но скрытую роль, и такъ какъ условія прохожденія службы не позволяли имъ еще занять высшія должности, къ чему они въ своихъ честолюбивыхъ помыслахъ стремились, ибо, надо правду сказать, что типъ прежняго офицера Генеральнаго штаба почти всегда совмѣщалъ въ себѣ и типъ карьериста — они то теперь въ красной арміи получили, наконецъ, возможность протянуть руку къ фельдмаршальскому жезлу, минуя всѣ преграды цензовыхъ условій прежней службы. Безъ принужденія, угрозъ и мобилизаціи они сами добровольно предложили Совѣтской власти свои услуги и, даже не будучи коммунистами, заняли высшія командныя должности въ красной арміи, что было сравнительно легко сдѣлать при томъ безлюдьи въ военспецахъ, которое существовало въ то время.

Научный военный цензъ имъ дала старая академія и имъ не надо было быть только «контръ-революціонерами», чтобы получить удовлетвореніе своимъ честолюбивымъ помысламъ и условія отличной матеріальной жизни, какъ для самихъ себя, такъ и для ихъ семей. Придется ли впослѣдствіи держать имъ за это отвѣтъ, я думаю, вопросъ этотъ ихъ мало интересуетъ, такъ какъ примѣры изъ исторіи революцій имъ указывали, что люди ловкіе и смѣлые, не теряющіеся въ обстановкѣ, выходили сухими изъ воды при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ.

Вотъ къ числу этихъ лицъ и принадлежали командующіе красными арміями, бывшіе офицеры генштаба, какъ польской, такъ и гражданской войны. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ, уже распоясавшись, перешли въ коммунисты и благодаря этому получили полное довѣріе Совѣтской власти и полное удовлетвореніе своего честолюбія. Командующій 4-ой арміей, бывшій подполковникъ Генеральнаго штаба, Лазаревичъ въ началѣ 1921 года былъ назначенъ Главнокомандующимъ Туркестанскимъ фронтомъ, гдѣ находится и въ настоящее время, представляя изъ себя, собственно говоря, вице-короля этой области. Какъ коммунистъ, онъ, конечно, пользуется такими благами жизни отъ Совѣтской власти, о которыхъ онъ вѣроятно и не мечталъ, будучи скромнымъ слушателемъ академіи. Характерно то обстоятельство, что наибольшее число дѣятелей этого типа далъ бывшій штабъ Виленскаго Военнаго Округа; оттуда вышли Лазаревичъ, Бѣлый, Шафтоловичъ и другіе.

Юридическая военная академія, равно какъ и юридическіе факультеты университетовъ въ Совѣтской Россіи не существуютъ, такъ какъ Совѣтская власть находитъ, что изученіе права въ коммунистическомъ государствѣ не нужно, ибо судьи при обсужденіи приговоровъ должны руководствоваться «революціонной совѣстью». Насколько такое простое рѣшеніе этого вопроса коммунистическою властью удобно населенію Совдепіи, это можно судить по тѣмъ безсуднымъ разстрѣламъ, которые производятся по всей бывшей Россійской Имперіи.

Интендантская академія, переименованная въ Военно-хозяйственную, находится въ Петроградѣ на старомъ мѣстѣ. Въ число ея слушателей командируются заявившіе желаніе солдаты изъ красной арміи, при чемъ быть коммунистомъ не обязательно. Ихъ цензъ въ большинствѣ случаевъ — бывшее приходское училище, такъ какъ при командировкахъ въ академію отдается предпочтеніе рабочимъ и крестьянамъ и поэтому курсъ академіи сильно измѣненъ, урѣзанъ и выпускаютъ оттуда въ красную армію, по прошествіи года, на должность завѣдующихъ хозяйствомъ и въ управленіе по снабженію арміи (Интендантство). Конечно, эти интенданты никуда не годны, такъ какъ не имѣютъ никакого научнаго балласта, но спекулянты изъ нихъ выходятъ отличные. Трудно было бы и ожидать, чтобы академія дала имъ что-либо въ смыслѣ учебной подготовки, такъ какъ постоянная забота о хлѣбѣ насущномъ при нынѣшней голодовкѣ не даетъ возможности работать и учиться тѣмъ, кто даже и хотѣлъ бы это дѣлать. Помимо этого, вслѣдствіе вообще демократизаціи арміи слушатели академіи наряжаются на такія работы, которыя, казалось бы, не должны быть ихъ прямыми обязанностями. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1922 года, проходя мимо академіи,

я видѣлъ, какъ слушатели ея скалывали ледъ и чистили улицы, прилегающія къ зданію академіи. Зайдя-же внутрь и пройдя по коридорамъ зданія, я не видѣлъ ни въ одномъ изъ помѣщеній лекцій, а лишь оставшіеся отъ наряда слушатели валялись на окошкѣ и грызли сѣмячки. Въ канцеляріи завѣдующаго строевымъ обученіемъ слушателей, помощникъ его варилъ себѣ въ закопченномъ солдатскомъ котелкѣ на чугункѣ пищу и на вопросъ мой о занятіяхъ отвѣчалъ, что таковыя вообще не производятся. Въ коридорахъ академіи вмѣсто расписанія лекцій на стѣнахъ висѣли объявленія съ приглашеніемъ записываться въ члены антирелигіознаго кружка слушателей академіи и повѣстки о явкѣ въ засѣданіе коммунистической ячейки. Знакомая картина. Она общая для всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Совдепіи.

Военно-Инженерная Академія во время войны выпусковъ не дѣлала, а полевую инженерную работу несли бывшіе саперные офицеры и вообще тѣ, кто себя таковымъ заявилъ при регистраціи; и, конечно, при этомъ была масса самозванцевъ.

Какъ я уже упомянулъ выше, для пополненія младшаго команднаго состава существуютъ въ Совѣтской Россіи красные командные курсы, число которыхъ очень велико, но точно мнѣ не извѣстно. Такъ, напримѣръ, въ городѣ Гомелѣ есть 88-ые пѣхотные курсы. Общее число курсантовъ въ Совдепіи доходитъ до 200,000. Занятія въ нихъ, кромѣ общей неудовлетворительной ихъ постановки, постоянно прерываются командировкой на различныя усмиренія, при чемъ въ такихъ случаяхъ курсанты переходятъ изъ подчиненія главнаго начальника Военныхъ учебныхъ заведеній (Гувузъ) въ подчиненіе В. Ч. К. Это и есть въ настоящее время главная сила и опора Совѣтской власти. Они употреблялись какъ ударныя сводныя дивизіи въ польской и гражданской войнѣ, при усмиреніи Кронштадта, гдѣ очень много ихъ погибло, и употребляются въ настоящее время въ качествѣ карательной силы при усмиреніи постоянныхъ возстаній въ раіонѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они расположены. А расположены они въ каждомъ губернскомъ или значительномъ городѣ Совдепіи.

Карельское возстаніе въ началѣ 1922 года было сравнительно легко подавлено только благодаря участію командныхъ курсовъ города Петрограда, всѣхъ родовъ оружія, общее число коихъ доходитъ въ Петроградѣ до 12,000 ч. Здѣсь же они употребляются, какъ сила, замѣняющая прежнихъ казаковъ при постоянныхъ волненіяхъ и забастовкахъ на фабрикахъ и заводахъ, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ у Совѣтской власти нѣтъ увѣренности, что регулярныя красныя части будутъ дѣйствовать противъ рабочихъ.

Командный и педагогическій персоналъ этихъ курсовъ ниже всякой критики, такъ какъ вообще нѣтъ людей, желающихъ служить Совѣтской власти, а въ данномъ случаѣ, въ связи съ демобилизаціей въ 1921 году красной арміи и увольненіемъ отъ службы лицъ команднаго состава свыше тридцатилѣтняго возраста въ безсрочный отпускъ, лучшій элементъ немедленно воспользовался своимъ правомъ покинуть службу, тѣмъ болѣе, что съ разрѣшеніемъ якобы «свободной торговли», каждый маломальски энергичный человѣкъ, чтобы обезпечить себѣ и своей семьѣ сносное существованіе, занялся спекуляціей. Такимъ образомъ добровольно на военной службѣ остался тотъ элементъ, который ни на что не пригоденъ. Впрочемъ, Совѣтская власть, видя безвыходность такого положенія, все свое вниманіе обратила на политическое воспитаніе курсантовъ, широко снабдивъ эти курсы всевозможными политическими агитаторами, учредивъ на этихъ курсахъ штатныя должности и кафедры по агитаціи и пропагандѣ. Такимъ образомъ курсы эти выпускаютъ больше митинговыхъ ораторовъ и защитниковъ коммунизма, чѣмъ красныхъ командировъ арміи. Въ настоящее время первое качество въ красномъ командирѣ, пожалуй, необходимѣе для Совѣтской власти, чѣмъ второе, ибо зная общую антипатію населенія къ красной арміи, надо опереться хотя бы на этотъ суррогатъ офицера, который, помимо имѣющихся въ частяхъ комячеекъ, служилъ бы для нея съ одной стороны освѣдомителемъ солдатской массы, а съ другой вдохновителемъ идей большевизма. За послѣднее время мнѣ неоднократно пришлось слышать, что командные курсы Совѣтской властью

взяты подъ подозрѣніе и что, если случится «второй Кронштадтъ», то едва-ли ихъ можно будетъ натравить на него, какъ на «первый».

Санитарная часть въ красной арміи была поставлена изъ рукъ вонъ плохо, да и теперь она находится не въ лучшемъ положеніи. Отсутствіе медицинскаго персонала, сестеръ милосердія, обученныхъ санитаровъ и недостатокъ медикаментовъ, все это ставило въ отчаянное положеніе раненаго или больного красноармейца. Попасть въ госпиталь — это значитъ, навѣрное не выйти оттуда живымъ, такъ какъ кромѣ вышеизложенныхъ причинъ въ госпиталяхъ, благодаря невѣроятной вшивости, свирѣпствуетъ тифъ всѣхъ трехъ видовъ: сыпной, возвратный и брюшной, бороться съ которымъ, благодаря отсутствію самыхъ примитивныхъ средствъ, не представляется возможнымъ, и больные предоставляются своей судьбѣ. Такимъ образомъ, больной или раненый, даже выздоровѣвъ случайно въ госпиталѣ, заражался тамъ-же тифомъ, организмъ, истощенный плохимъ питаніемъ и подорванный предыдущей болѣзнью, не выдерживалъ, и онъ погибалъ, прибавляя на кладбищѣ лишнюю насыпь общей могилы, такъ какъ Совѣтская власть крестовъ надъ умершими не ставитъ.

Осенью 1920 года въ городѣ Дорогобужѣ въ двухъ запасныхъ полкахъ были собраны нѣсколько десятковъ тысячъ призывной молодежи, родившихся въ 1901 году, и между ними развился такой ужасный тифъ, что въ теченіе короткаго времени умерли многія тысячи этой молодежи. Мнѣ разсказывали очевидцы этой эпидеміи, что вслѣдствіе переполненія госпиталей въ Дорогобужѣ и неимѣнія транспорта, для разгрузки ихъ, тифозные больные были предоставлены самимъ себѣ въ тѣхъ баракахъ, въ которыхъ были размѣщены запасные полки. Лишенные всякаго ухода, валявшіеся на голыхъ нарахъ и полу этихъ бараковъ, больные были счастливы, если кто-либо приносилъ имъ воды, чтобы напиться. Мертвецы лежали между больными, такъ какъ убирать ихъ было некому. Наконецъ, это явленіе обратило на себя вниманіе совѣтскихъ заправилъ, но было приступлено не къ лѣченію больныхъ, а къ выясненію агентами Ч. К. виновниковъ этой эпидеміи, и въ результатѣ командиры полковъ были преданы суду Ревтрибунала.

Медицинскій персоналъ представляетъ изъ себя мобилизованныхъ врачей старой Военно-Медицинской академіи и медицинскихъ факультетовъ, число въ общемъ незначительное, и выпущенныхъ изъ тѣхъ-же учебныхъ заведеній врачей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, уже при Совѣтской власти. Это, въ большинствѣ случаевъ, евреи, никакимъ довѣріемъ у больныхъ не пользуются и носятъ характерную кличку «совѣтскій врачъ». Конечно, на общую ихъ подготовку къ званію врача повліяли условія поступленія на медицинскій факультетъ, т. к. всякій, кто желалъ, могъ поступить, ибо не справлялись о его образованіи. Вчерашній приказчикъ скобяной лавки — сегодня становился студентомъ медикомъ. А также и условія дальнѣйшаго прохожденія медицинскаго факультета, когда приходилось болѣе думать о томъ, чѣмъ сегодня быть сытымъ, что было одинаково, какъ для профессора, такъ и для студента, отсутствіе клиникъ, сокращенность курса, а иногда и экстренные выпуски дали типъ «совѣтскаго врача». Вотъ этотъ-то «совѣтскій врачъ» и лѣчилъ, и оперировалъ больного и раненаго красноармейца. Не мудрено, что изъ покойницкихъ госпиталей не успѣвали вывозить мертвецовъ на кладбище, гдѣ сваливали ихъ безъ гробовъ въ общую кучу. Полное отсутствіе медикаментовъ, хотя бы даже самыхъ простѣйшихъ, сводило на нѣтъ попытки врачей, знающихъ свое дѣло, принести облегченіе больному. Отсутствіе дезинфекціонныхъ средствъ сказывалось въ сильной смертности оперированныхъ.

Сестры милосердія старой Императорской арміи, хотя и были декретами мобилизованы, но всяческими способами, скрывъ свое званіе, старались уклониться отъ поступленія вновь на службу; о добровольной службѣ, какъ это мы видѣли въ Германскую войну, нечего было и думать. Сестры были бѣлыми по убѣжденіямъ, и служба Совѣтской власти для нихъ была непріемлемой. Такимъ образомъ по мобилизаціи Совѣтская власть добыла очень малый процентъ старыхъ сестеръ милосердія. Тогда съ обычнымъ пафосомъ и наглой развязностью было объявлено, что пролетар-

ская власть создастъ себѣ и пролетарскихъ красныхъ сестеръ и вотъ во исполненіе этого были образованы курсы красныхъ сестеръ милосердія въ Москвѣ, Петроградѣ и другихъ губернскихъ городахъ Совдепіи, гдѣ были старые госпиталя. На эти курсы былъ объявленъ пріемъ, при чемъ никакого уже образованія не требовалось. Я имѣлъ удовольствіе видѣть этихъ курсантокъ въ качествѣ сестеръ милосердія, когда лежалъ въ госпиталѣ больной тифомъ. Конечно, никто изъ лицъ интеллигентныхъ на эти курсы не пошелъ, и я думаю, что если бы на курсы пошли, хотя бы бывшія горничныя, то это было-бы уже очень хорошо для красной сестры милосердія. Это были, по большей части, судомойки, дѣвицы, ничего не знающія и ничему не научившіяся, да къ тому же и курсъ былъ сокращенный. Конечно, опять-таки политически онѣ были сильно натасканы, такъ какъ эта сторона образованія на курсахъ была сильно поставлена, и онѣ выходили оттуда больше знакомыя съ пріемами агитаціи, чѣмъ съ обязанностями сестры милосердія, что, конечно, не приносило пользы больному и раненому красноармейцу, къ которому онѣ, помимо незнанія своего дѣла, относились болѣе чѣмъ невнимательно, занимаясь флиртомъ съ санитарами и лѣкарскими помощниками (лѣкпомы).

Младшій медицинскій составъ, ротные фельдшера были переименованы въ лѣкпомы. Это были преимущественно мобилизованные фельдшера старой арміи, относившіеся съ большимъ презрѣніемъ къ Совѣтскимъ врачамъ, особенно къ женщинамъ-врачамъ, такъ какъ чувствовали свое превосходство въ знаніи медицины по крайней мѣрѣ практической. Да это на самомъ дѣлѣ такъ и было, особенно если между ними попадались настоящіе лѣкарскіе помощники, выпущенные изъ прежнихъ фельдшерскихъ военныхъ и земскихъ школъ. Это презрѣніе смѣшивалось съ чувствомъ зависти къ «совѣтскому врачу», такъ какъ согласно декретовъ, на медицинскіе факультеты имѣли право поступать безъ экзамена всѣ фельдшера, начиная съ ротныхъ, но ихъ туда не отпускали, такъ какъ они были необходимы на службѣ въ госпиталяхъ. Обученіе и выпускъ новыхъ фельдшеровъ въ Совдепіи не существовалъ.

Обученныхъ санитаровъ прежней формаціи не было, а ихъ обязанности несли случайные красноармейцы, оставшіеся по какимъ либо случаямъ при госпиталѣ, и, конечно, уходъ ихъ за больными оставлялъ желать много лучшаго.

Все вышеизложенное относится и къ настоящему времени, съ тою лишь только разницею, что число госпиталей значительно сократилось, вслѣдствіе сокращенія штатовъ, за сокращеніемъ «государственнаго снабженія» служащихъ, т. е. иначе говоря за неимѣніемъ средствъ въ голодной Россіи къ выдачѣ пайковъ, а число больныхъ и раненыхъ красноармейцевъ осталось почти то же самое, такъ какъ непрекращающаяся эпидемія тифа всѣхъ видовъ и постоянныя операціи противъ бандитовъ переполняютъ лѣчебныя заведенія. Впрочемъ, несмотря на общую демобилизацію арміи, начиная съ 1921 года, врачи еще продолжаютъ быть задержанными на военной службѣ.

Къ сказанному долженъ добавить, что въ настоящее время, благодаря легкости нравовъ въ Совдепіи, отмѣнѣ церковнаго брака и возможности вступать въ бракъ и разводиться сколько угодно разъ, при чемъ то и другое облегчено до крайнихъ предѣловъ, а также вообще ужасающаго разврата, какъ между населеніемъ, такъ и въ красной арміи распространенъ въ сильной степени сифилисъ и другія венерическія болѣзни, что несомнѣнно въ недалекомъ будущемъ будетъ грозить населенію вырожденіемъ и вымираніемъ. Конечно, широкому развитію этихъ болѣзней, которыя и раньше существовали въ довольно большихъ размѣрахъ въ Россіи, сильно помогла Германская война съ ея плѣнными, интернированными въ Россіи, но кульминаціонной точки развитія эти болѣзни достигли вслѣдъ за революціями, особенно большевистской, благодаря вышеупомянутымъ причинамъ. Мой знакомый врачъ, занимавшій мѣсто главнаго врача въ госпиталѣ, говорилъ, что сифилисомъ заражены въ красноармейскихъ частяхъ не менѣе 50% ея состава, а въ коммунистическихъ организаціяхъ всѣхъ наименованій процентъ этотъ доходитъ до 90. Конечно, не приходится и говорить о томъ, что эта зараза съ необычайной быстротой передается и населенію.

Большевистскія арміи, въ глазахъ непосвященнаго въ военное дѣло совѣтскаго обывателя и невѣжественныхъ въ немъ коммунистовъ, имѣли огромный успѣхъ; занявъ громадную территорію, онѣ стояли подъ стѣнами Варшавы и Львова, но такъ какъ въ Совѣтской Россіи никакой печати, кромѣ коммунистической, не существуетъ, то никому не было извѣстно, что отъ Львова и Варшавы до Чернигова, Гомеля, Витебска и Полоцка, т. е. базъ армій, мчались только автомобили съ начальствующими коммунистами по шоссейнымъ дорогамъ, обгоняя растянувшіеся на сотни верстъ обозы мобилизованныхъ крестьянскихъ подводъ, такъ какъ собственнаго обоза у красной арміи не было; обозы эти, вслѣдствіе истощенности и продолжительной безкормицы согнанныхъ изъ внутреннихъ губерній лошадей, двигались съ черепашьей скоростью, ибо крестьянскія подводы ломались, лошади падали, а крестьяне, какъ я упомянулъ выше, сплошь и рядомъ, бросали даже своихъ лошадей и по ночамъ разбѣгались по направленію къ дому.

По желѣзнымъ дорогамъ подвозъ всего необходимаго, въ чемъ уже начали ощущать недостатокъ арміи, не могъ быть, такъ какъ всѣ желѣзнодорожные мосты на переправахъ черезъ Днѣпръ, Бугъ, Березину, Припять и Нѣманъ были взорваны отступающими поляками, а подвижной составъ предусмотрительно угнанъ. Но какое было до этого дѣло новымъ полководцамъ, вчерашнимъ парикмахерамъ и приказчикамъ мясныхъ лавокъ? Они были коммунисты и стремились водрузить красное знамя на стѣнахъ Варшавы и, освободивъ польскій пролетаріатъ отъ гнета буржуазіи, мечтали зажечь въ Европѣ пламя всемірной революціи. Однако они уже получали донесенія, что этотъ польскій пролетаріатъ, въ лицѣ крестьянъ, озлобленныхъ на красную армію за то, что по пути слѣдованія она производила безпощадныя «реквизиціи», т. е. иначе говоря грабила скотъ, фуражъ, лошадей и подводы, необходимыя для перевозки за собой награбленнаго въ панскихъ усадьбахъ имущества, какъ командным составомъ, такъ и комиссарами, формировалъ въ это время отряды партизанъ, которые уже производили нападенія на обозы и парки, слѣдовавшіе безъ прикрытія, а также и на отдѣльныхъ красноармейцевъ, безпощадно вырѣзывая, какъ тѣхъ, такъ и другихъ. На это, впрочемъ, они обращали мало вниманія, имъ мерещилась красная Варшава и возможность грабежа богатой, по ихъ мнѣнію, польской буржуазіи. Однако въ воздухѣ носились зловѣщіе слухи, перебрасывались изъ одной части въ другую, создавалось напряженное положеніе и общая растерянность. До паники было не далеко; впрочемъ, ея и не пришлось долго ждать, такъ какъ она явилась сама собой, какъ только появились первыя вѣсти, облетѣвшія со скоростью телеграфнаго тока весь огромный фронтъ, что въ тылу появилась польская кавалерія.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію катастрофы, постигшей красную армію подъ стѣнами Варшавы, и ея послѣдствій, я хочу нѣсколько остановиться на описаніи моихъ наблюденій о жизни въ Вильно во время пребыванія тамъ красной арміи.

Какъ я уже выше изложилъ, Вильно было взято налетомъ конницы Гая. Штабъ 4-ой арміи находился все время въ Полоцкѣ со всѣми своими громоздкими учрежденіями; благодаря тому, что поляки при отступленіи взорвали ж. д. мосты, штабъ арміи имѣлъ возможность быть переброшеннымъ въ Вильно лишь къ 6-му августа. Впереди оперировалъ полевой штабъ. Въ это время командующій 4-ой арміи Сергѣевъ былъ смѣненъ. За что — никому не было извѣстно. И вмѣсто него былъ назначенъ начальникъ штаба арміи Шуваевъ, который находился уже гдѣ-то подъ Бѣлостокомъ вмѣстѣ съ полевымъ штабомъ. Основной штабъ, сидя въ Полоцкѣ, слышалъ про развеселую жизнь въ Вильно, богатые запасы вина и продовольствія, про сравнительную дешевизну товаровъ, съ чѣмъ уже неибѣжно связывалась у каждаго мысль о возможности спекуляціи — и все это заставляло рваться чиновъ штаба въ Вильно и опасаться, что можно, если промедлишь, пріѣхать уже къ шапочному разбору: все будетъ реквизировано, съѣдено и выпито. И вотъ поэтому всѣ учрежденія штаба, имѣвшія заручку у Реввоенсовѣта, хлопотали о разрѣшеніи выѣхать въ числѣ первыхъ эшелоновъ штаба въ Вильно, выставляя каждое свою служебную къ тому необходимость. Инспекція пѣхоты арміи, какъ учрежденіе,

стоявшее на второмъ планѣ и не имѣвшее могущественныхъ лицъ въ штабѣ, была отправлена послѣднимъ эшелономъ, благодаря чему, я имѣлъ возможность наблюдать, глубокій тылъ фронта и подольше пробыть въ Вильно, такъ какъ Инспекція пѣхоты и далѣе все время слѣдовала въ хвостѣ штаба. По дорогѣ изъ Полоцка въ Вильно пришлось видѣть всюду ж. д. мосты и станціи, какъ разрушенные еще во время Германской войны, такъ и теперь уже окончательно – при отступленіи поляковъ. Вездѣ были взорваны водокачки, паровозныя депо, каменныя зданія станцій, а деревянныя постройки сожжены. Особенно пострадала ст. Молодечно. Кругомъ были однѣ развалины когда то громадной узловой станціи. Жуткое впечатлѣніе производило на меня селеніе Сморгонь, совершенно разрушенное, безъ признаковъ какой либо жизни, и какъ мнѣ передавали, въ этомъ большомъ и оживленномъ прежде мѣстечкѣ въ настоящее время жилъ только одинъ житель. Печальную картину представляли огромные каменные пустыри, заросшіе лопухомъ, со стоявшими посреди мѣстечка разрушенными православной церковью и костеломъ.

Въ Вильно штабъ 4-ой арміи занялъ огромное зданіе бывшаго Окружного Суда къ концѣ Георгіевскаго проспекта, переименованнаго поляками въ улицу Мицкевича; во время занятія ими Вильно, въ немъ и функціонировалъ окружной судъ. Чинамъ штаба были отведены комфортабельныя помѣщенія, такъ какъ польская интеллигенція почти вся бѣжала при приближеніи красныхъ войскъ и бросила на произволъ судьбы свои квартиры, которыхъ оказалось такъ много, что занимать ихъ было даже некому. Цѣлые кварталы, а особенно на Антоколѣ, были брошены своими хозяевами или въ лучшемъ случаѣ оставлены на попеченіе прислуги. Вотъ здѣсь то и поживились губернская Ч. К. и Особый Отдѣлъ арміи, дивизій и корпуса Гая, дѣлавшіе обыски въ этихъ квартирахъ, хотя завѣдомо извѣстно было, что жителей тамъ не было. Согласно договора, заключеннаго между Совѣтской властью и самостоятельной Литовской Республикой, было условлено, что при изгнаніи поляковъ изъ Вильно Совѣтская власть займетъ ее временно, постольку поскольку она необходима ей для продолженія польской войны, и обязывается ее очистить, во всякомъ случаѣ, къ первому сентября 1920 года, при чемъ всѣ функціи самостоятельнаго управленія и гражданская власть сохраняются за литовскимъ правительствомъ, которое въ настоящее время находилось въ городѣ Ковно, а для поддержанія суверенитета Литовской власти въ Вильно, какъ столицѣ Литвы, былъ оставленъ литовскій комендантъ города, въ распоряженіи котораго находились двѣ роты литовской пѣхоты. Кромѣ того, функціонировала самостоятельная литовская почта, которая во все время пребыванія большевиковъ въ Вильно была автономна, вывозя почтовую корреспонденцію въ автомобиляхъ подъ конвоемъ литовскихъ солдатъ въ Ковно и обратно.

Договоръ этотъ Совѣтская власть совершенно игнорировала и не считалась съ властью Литвы. Я уже раньше описалъ тотъ грабежъ въ Вильно, который произвела конница Гая, при своемъ кратковременномъ пребываніи въ ней, но когда въ столицу Литвы прибыли всѣ тыловыя учрежденія, а вмѣстѣ съ ними и особые отдѣлы армій и дивизій, политотдѣлы и исполкомы, то они приступили къ организованному и систематическому грабежу торговыхъ и промышленныхъ предпріятій въ Вильно. Все мало-мальски представляющее цѣнность было объявлено національзированнымъ въ пользу Совѣтской власти. Стали грузиться въ поѣзда и отправляться въ Москву машины съ фабрикъ и заводовъ, сырье и выработанный товаръ, имущество частныхъ магазиновъ, печатные станки и шрифтъ типографій, при чемъ шрифтъ не столько былъ вывезенъ, сколько его разсыпали по улицамъ и на станціи ж. д., чему я самъ былъ очевидцемъ, такъ какъ везли его второпяхъ въ открытыхъ наборныхъ ящикахъ, захваченныхъ прямо въ типографіяхъ. Особенно пострадала извѣстная табачная фабрика Дурунча. Здѣсь было выработано за время пребыванія поляковъ огромное количество папиросъ и имѣлись огромные склады табаку. Все это было національзировано и реквизировано, якобы для нуждъ красной арміи, въ дѣйствительности этого табаку не видавшей, и лишь курившей случайно попавшую ей

махорку. Папиросы же и табакъ этотъ, спустя нѣкоторое время, появились въ Москвѣ на Сухаревкѣ, обогащая новыхъ представителей совѣтской буржуазіи.

На станціяхъ ж. д. творился сумбуръ. Комендантъ ея и желѣзнодорожное начальство не знали, что дѣлать, такъ какъ съ одной стороны они должны были добывать и наряжать подвижной составъ для отправки войсковыхъ эшелоновъ по направленію къ Гродно, Бѣлостоку и далѣе, а съ другой стороны этотъ же составъ самовольно захватывали агенты всевозможныхъ исполкомовъ, Ч. К. и управленій, для погрузки награбленнаго имущества и для отправки этихъ составовъ въ обратномъ направленіи. Всѣ попытки со стороны коменданта ограничить такое самоуправство на ж. д. сводились къ нулю, такъ какъ ему или приставлялся ко лбу револьверъ, или же ставилась угроза посадить въ подвалъ Ч. К., по обвиненію въ саботажѣ и неисполненіи приказаній Виленскаго Революціоннаго Комитета. Махнувъ рукой на все, комендантъ былъ счастливъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти націонализаторы довольствовались захваченнымъ составомъ, а не требовали прицѣпки къ нему еще вагоновъ, для погрузки, кромѣ этого имущества, еще своей личной добычи изъ покинутыхъ квартиръ бѣжавшихъ вмѣстѣ съ поляками представителей буржуазіи. Сюда грузили рояли, мебель, ковры, фарфоръ, столовую посуду, бронзу, одежду и прочую домашнюю утварь. Все это грузилось уже въ поломанномъ и истерзанномъ большей частью видѣ, такъ какъ дѣлалось это все наспѣхъ и перевозилось съ квартиръ на станціи крайне небрежно и неохотно ломовиками, которые въ порядкѣ обязательныхъ постановленій Ревкома, а то и силою угрозы револьвера какого нибудь частнаго грабителя коммуниста, обязаны были ежедневно являться на сборное мѣсто съ подводами.

Станція ж. д. была такъ безпорядочно забита составами съ этимъ имуществомъ, что сквознымъ поѣздамъ, проходящимъ черезъ Вильно, приходилось стоять по нѣсколько часовъ за семафоромъ въ ожиданіи открытія пути для ихъ слѣдованія черезъ станцію. Несмотря на существованіе въ городѣ литовской власти, немедленно по занятіи его, былъ образованъ совѣтской властью Революціонный Комитетъ (Ревкомъ) съ предсѣдателемъ его нѣкимъ Муклевичемъ, назначеннымъ изъ Москвы; онъ, равно какъ и остальные члены, ничего общаго съ Вильно не имѣли. Муклевичъ полуполякъ, полулитовецъ по происхожденію, бывшій рабочій, большевикъ и типичный митинговый ораторъ, давно оторванный отъ Литвы, находился въ Москвѣ, гдѣ уже заранѣе на случай занятія Вильно былъ сформированъ для нея Ревкомъ, который и явился сюда въ готовомъ видѣ.

Ошеломленная грабежомъ и произволомъ, творящимся въ Вильно, литовская власть пробовала было протестовать, указывая на статьи мирнаго договора съ Литвой, а когда она, въ лицѣ своихъ представителей, указала Ревкому, что Вильно занято красной властью временно и должно быть къ первому сентября очищено отъ нея, то имъ было не двусмысленно сказано, что при повтореніи подобныхъ попытокъ они будутъ отправлены въ тюремный замокъ и что до перваго сентября никакой литовской власти въ Вильно нѣтъ и Ревкомъ ея не знаетъ. Послѣ этого гражданская литовская власть какъ бы стушевалась, частью выѣхала тайнымъ образомъ въ Ковно, гдѣ находилось Литовское Правительство, а частью была и арестована и посажена въ тюремный замокъ губернской Ч. К., которая была сформирована одновременно съ Ревкомомъ. Военная же власть, какъ я указывалъ выше, представленная комендантомъ и поддерживаемая двумя ротами пѣхоты, продолжала существовать лишь въ зданіи комендатуры на Георгіевскомъ проспектѣ, окруженная своими часовыми, равно какъ и литовская почта, находящаяся въ сосѣднемъ съ ней зданіи. Въ Вильно находился красный комендантъ Совѣтской власти, сначала командиръ кавалерійской бригады, а потомъ командиръ запаснаго стрѣлковаго полка бывшій капитанъ Лисицинъ, человѣкъ безпартійный, мобилизованный, а потому плывшій по теченію большевистскаго русла.

Еще въ то время, когда штабъ 4-ой бригады находился въ Полоцкѣ, и Вильно было взято налетомъ конницы Гая, эта побѣда описывалась въ яркихъ и востор-

женныхъ тонахъ совѣтскими газетами, какъ московскихъ, такъ и мѣстныхъ изданій, при чемъ въ этихъ описаніяхъ указывалось, что въ бою съ польскими войсками, бокъ о бокъ съ красной арміей, дрались и литовскія дивизіи, при чемъ выражалось увѣренность, что эти дивизіи пойдутъ и дальше съ ними подъ стѣны Варшавы для распространенія идей III Интернаціонала. Въ дѣйствительности же это была наглая ложь большевиковъ, которые никогда не останавливаются ни передъ какими средствами, лишь бы они оправдали цѣль. Вѣдь ничто не остановило народнаго комиссара по иностраннымъ дѣламъ Чичерина въ своемъ нагломъ по лжи протестѣ правительствамъ Европы о возмутительномъ и варварскомъ взрывѣ въ Кіевѣ поляками, при оставленіи ими города, собора св. Владиміра и городского водопровода, по поводу чего столько было пролито слезъ Луначарскимъ. Какая должна быть наглость, если не сказать больше, у всей этой клики, когда она обращалась къ гуманитарнымъ чувствамъ Европы, а также возбуждала этимъ извѣстіемъ чувство религіознаго негодованія у населенія Россіи противъ поляковъ, зная при этомъ, что все это ложь, ибо въ ту самую же минуту, когда они объ этомъ заявляли, красныя войска, входившія въ Кіевъ, видѣли, что и соборъ, и городской водопроводъ стоятъ неразрушенными, а лишь въ куполѣ собора св. Владиміра есть пробоина отъ большевистскаго снаряда, при обстрѣлѣ города, а взорванъ лишь станціонный водопроводъ, что, конечно, надо отнести въ счетъ общихъ ужасовъ войны, но что допускается и диктуется тактикой военной, дабы этимъ обезпечить себѣ отступленіе и не дать возможности противнику развить преслѣдованіе по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, что между прочимъ сами большевики во всѣхъ своихъ войнахъ широко примѣняли. Характерно еще то, что наглая ложь Чичерина, ложь доведенная до свѣдѣнія всего цивилизованнаго міра, нисколько его не смутила, и онъ впослѣдствіи даже не пытался опровергнуть свое завѣдомо ложное сообщеніе, хотя бы ради приличія.

Литовское правительство, точно выполняя мирный договоръ, соблюдало строгій нейтралитетъ, и въ силу этого вывело находившіяся въ Вильно и ея окрестностяхъ войска въ предѣлы Ковенской губерніи, гдѣ они, будучи совершенно готовыми къ бою, занимая выжидательное положеніе и не пропуская на территорію Литвы, далѣе Ковно, ни польскихъ, ни совѣтскихъ войскъ. Впослѣдствіи подъ вліяніемъ тѣхъ слуховъ, которые дошли до нихъ о прелестяхъ коммунистическаго хозяйничанья въ ихъ столицѣ, настроеніе ихъ, изъ нейтральнаго эволюціонировало въ явно враждебное къ совѣтской власти, которое перешло впослѣдствіи въ активную форму при катастрофѣ красной арміи подъ Варшавой. Надо отдать справедливость литовскому командованію, что оно сумѣло, все-таки, несмотря на возбужденіе войскъ по отношенію къ красной арміи, занявъ вновь Виленщину, удержаться отъ эксцессовъ, по отношенію бѣгущихъ красноармейцевъ и даже представителей большевистской власти, чего никогда не сдѣлали бы большевики, если бы роли перемѣнились.

Упразднивъ, такимъ образомъ, литовскую власть въ Вильно, Ревкомъ и политотдѣлы занялись тщательнымъ насажденіемъ въ Вильно всѣхъ учрежденій совѣтскаго строя. Эти учрежденія, главнымъ образомъ – Губернская Ч. К. и Особые Отдѣлы, попутно съ реквизиціями и національзаціями обратили все свое вниманіе на искорененіе контръ-революціонной крамолы и, какъ достиженіе этого, на арестъ и разстрѣлы буржуевъ, какъ литовскаго, такъ и польскаго происхожденія. Вильно было наводнено шпіонами Ч. К. и всѣ, кто только имѣлъ какое нибудь соприкосновеніе съ поляками, отправлялись въ тюрьму и тамъ выводились въ расходъ. Особенно при этомъ пострадали ксендзы польскаго происхожденія; я лично видѣлъ, какъ ихъ водили подъ конвоемъ по улицамъ Вильно, для направленія въ подвалы Ч. К. и Особыхъ Отдѣловъ, и я думаю, что времена Муравьева въ Вильно, на которыя поляки такъ привыкли въ свое время жаловаться, должны были казаться раемъ, по сравненію съ теперешнимъ положеніемъ. Въ костелахъ допускались ксендзы только литовскаго происхожденія, и у каплицы подъ воротами Острой Брамы среди порѣдѣвшей колѣнопреклоненной публики слышалась только одна литовская рѣчь.

Вильно перекраивалось на совѣтскій ладъ. Свободная торговля была запрещена, рестораны закрыты, а нѣкоторые изъ нихъ были обращены въ совѣтскія столовыя, гдѣ давали какую то бурду изъ свеклы и моркови и то только тѣмъ, кто принадлежалъ къ составу совѣтскихъ учрежденій или организацій. Подвозъ продуктовъ окрестными крестьянами прекратился, такъ какъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ, рискнувшихъ это сдѣлать, было все реквизировано, якобы для нуждъ красной арміи въ наказаніе за неисполненіе приказовъ Ревкома о воспрещеніи свободной торговли. Согласно этихъ, расклеенныхъ на заборахъ приказовъ, всѣ продукты должны были поступать въ склады общественнаго питанія и оттуда они должны были равномѣрно распредѣляться между населеніемъ, какъ во всякомъ порядочномъ и благоустроенномъ соціалистическомъ государствѣ, но ...продукты эти между населеніемъ не распредѣлялись, а вывозились куда-то, по направленію къ Москвѣ. Должно быть для того, чтобы во время вспышекъ забастовокъ рабочихъ Москвы, можно было бы бросить имъ нѣсколько фунтовъ пропитанія и тѣмъ на время успокоить ихъ.

Въ Вильно начался голодъ. Принимая во вниманіе присутствіе въ ней многочисленной еврейской бѣдноты, которая и въ обыкновенное время еле-еле сводила концы съ концами своего бюджета, голодъ, за короткое время пребыванія въ Вильно Совѣтской власти сталъ принимать угрожающіе размѣры. Еврейская бѣднота, за исключеніемъ буржуазіи, ушедшей вмѣстѣ съ поляками, перенесшая много оскорбленій и униженій за время владычества поляковъ въ Вильно, являлась будирующимъ элементомъ и при всякомъ случаѣ старалась выразить свои симпатіи и солидарность Россіи. Виленскіе евреи мнѣ разсказывали, что, несмотря на оффиціальное польское запрещеніе употреблять русскую рѣчь, евреи нарочно громко говорили на улицѣ и въ магазинахъ по русски, за что польскіе офицеры и солдаты обрывали имъ съ корнемъ пейсы и фалды лапсердаковъ. Они жаловались, что никогда имъ такъ плохо не жилось, какъ при польской оккупаціи. Все это заставило ихъ съ радостью ждать появленія русскихъ красныхъ войскъ, съ приходомъ которыхъ они разсчитывали получить всѣ права и свободу, такъ широко возвѣщаемую большевиками. Собственно говоря, еврейская масса имѣла смутное представленіе о большевикахъ и она ждала ихъ, не отдавая себѣ отчета, кто они, а ждала ихъ какъ русскихъ, которые освободятъ евреевъ отъ польскаго гнета и дадутъ имъ всѣ тѣ свободы, которыя они получили послѣ февральской революціи. Каково же было ея разочарованіе, когда вмѣсто исполненія своихъ надеждъ она получила голодъ и принудительныя работы, на которыя сгонялись цѣлые кварталы жителей, при чемъ обращеніе въ данномъ случаѣ съ ними было не лучше поляковъ.

Торговля, даже самая мелкая, включительно до лотка на толкучкѣ, бывшая всегда однимъ изъ главныхъ факторовъ еврейскаго существованія, теперь была запрещена. Мелкіе ремесленники евреи не имѣли права заниматься индивидуальнымъ трудомъ, такъ какъ, согласно коммунистическихъ декретовъ, всѣ должны состоять членами профессіональныхъ союзовъ, а эти послѣдніе, будучи въ настоящее время правительственными органами, отправляли ихъ на работу на «государственные совѣтскіе заводы и фабрики», т. е. заводы и фабрики, отнятые у прежнихъ частныхъ владѣльцевъ, и заставляли ихъ тамъ вывозить изъ складовъ ранѣе выработанные товары и сырье на вокзалъ для отправки въ Россію, что ихъ не устраивало, такъ какъ они ясно видѣли, что вслѣдъ за этимъ они останутся безъ работы. Большевики лихорадочно спѣшили съ этимъ, такъ какъ первое сентября было не за горами и имъ надо было подумать о передачѣ Вильно литовской власти и слѣдовательно надо было торопиться побольше награбить. Правда большевики платили имъ за работу, но платили совѣтскими деньгами, курсъ которыхъ крайне низко упалъ, а зная, что послѣ перваго сентября, съ уходомъ большевиковъ, стоимость этихъ денегъ будетъ равна нулю, евреи не хотѣли ихъ брать, тѣмъ болѣе, что вообще на рынкѣ купить было нечего. Отдѣльныхъ евреевъ, пробовавшихъ протестовать противъ всѣхъ этихъ мѣръ, посадили въ подвалы Ч. К., а наиболѣе рьяныхъ разстрѣляли.

Конечно, и здѣсь еврейская масса дала изъ своей среды ярыхъ большевиковъ, которые и являлись ея же палачами, какъ является Троцкій палачомъ всѣхъ народностей, заявивъ еврейской делегаціи, что онъ не еврей, а интернаціоналистъ, но тѣмъ не менѣе вся еврейская масса въ этомъ была не виновна, какъ не можетъ быть виновенъ въ Совѣтской Россіи отецъ, у котораго сынъ или дочь коммунисты. Большое озлобленіе вызвало гоненіе на еврейскую религію, для которой большевики не дѣлали исключенія. Синагоги или закрывались, или занимались съ кощунственными цѣлями какимъ нибудь коммунистическимъ клубомъ, или подъ клубъ той же еврейской коммунистической молодежи; хедеры разгонялись и раввины сидѣли въ тюрьмѣ или въ подвалѣ и, въ лучшемъ случаѣ, выгонялись прикладами на общественныя работы. Еврейская масса поняла, что она обманута, разочарована въ своихъ ожиданіяхъ, что отъ коммунизма ей ждать нечего, кромѣ зла, притихла, замкнулась и лишь со скрытою злобою смотрѣла на всѣхъ, кто ходилъ въ красноармейской одеждѣ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Москвѣ былъ созванъ и открытъ съ большою помпой конгрессъ III Интернаціонала, на который были созваны представители всего міра. Послѣ трескучихъ фразъ, празднествъ, фейерверковъ и иллюминацій, спектаклей въ государственныхъ театрахъ, пышныхъ обѣдовъ во дворцахъ, все за счетъ русскаго мужика, представители эти разъѣхались, оставивъ нѣсколько членовъ изъ числа иностранныхъ гостей похороненными у стѣны Московскаго Кремля — въ этомъ Пантеонѣ большевиковъ, гдѣ они хоронятъ своихъ жертвъ революціи — они были убиты упавшимъ аэропланомъ на Ходынскомъ полѣ во время праздника авіаціи въ честь коммунистическихъ гостей. Члены эти разъѣхались большей частью по Россіи, въ главные города, гдѣ на митингахъ выступали и произносили рѣчи въ пользу коммунистическаго рая, который долженъ быть насажденъ во всемъ мірѣ. Въ десятыхъ числахъ августа трое такихъ господъ прибыли также и въ Вильно, при чемъ главный изъ нихъ, представитель Америки, оказался евреемъ, уроженцемъ Виленскаго уѣзда, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ бѣжавшимъ въ Америку отъ военной службы, тамъ натурализировавшимся. Фамиліи его я не помню, но мои знакомые евреи въ Вильно говорили мнѣ: «какой же онъ американецъ? это вѣдь нашъ Мошка изъ Трокъ. О, это былъ всегда такой паршивецъ. Еще его отецъ всегда говорилъ, что ничего порядочнаго изъ него не выйдетъ». Остальные были тоже бывшіе русскіе евреи, но не принадлежали къ Виленскимъ уроженцамъ. Къ пріѣзду этихъ «американцевъ» коммунистическая власть сильно готовилась: были вездѣ на заборахъ расклеены объявленія о днѣ празднествъ въ честь III Интернаціонала, о порядкѣ шествій рабочихъ всей Вильны съ красными знаменами и плакатами на площадь каѳедральнаго костела, что въ началѣ Георгіевскаго проспекта, гдѣ были выстроены къ этому дню трибуны для ораторовъ, задрапированныя краснымъ кумачомъ; въ заключеніе этого празднества предполагалось устроить громадное шествіе по улицамъ города, какъ демонстрацію противъ буржуазнаго, бѣлаго литовскаго правительства, сидѣвшаго въ Ковно. Меня заинтересовало это представленіе, на которомъ я хотѣлъ провѣрить, насколько понравились населенію Вильно прелести коммунистическаго рая, и этимъ составить себѣ понятіе о пріемлемости для населенія замѣны своего «буржуазнаго» правительства совѣтской властью. Въ назначенный день и часъ я увидѣлъ на площади слишкомъ малое число слушателей, преимущественно молодежи, пріѣзжихъ «американцевъ», при чемъ одна изъ причинъ отрицательнаго отношенія еврейскаго населенія къ нимъ была разочарованность въ подлинныхъ американцахъ, когда они увидѣли, что на трибунѣ говорилъ свой Мошка, только съ бритыми усами и стриженымы пейсами. Еврейство обманулось; когда же по окончаніи митинга началось шествіе рабочихъ по Георгіевскому проспекту, то для меня стало яснымъ, что симпатіи рабочаго еврейскаго населенія далеко не на сторонѣ большевиковъ, ибо въ томъ шествіи принимали участіе, въ числѣ рабочихъ помимо красноармейскихъ частей, согнанныхъ сюда по наряду, около 300 человѣкъ русскихъ и тысячи полторы еврейскихъ рабочихъ. Принимая

же во вниманіе, что въ Вильно, какъ мнѣ говорили сами евреи по поводу этого шествія, около шестидесяти тысячъ еврейскаго рабочаго населенія, надо признать, что процентъ ихъ, принимавшихъ участіе въ демонстраціи, былъ очень незначителенъ, а отсюда можно сдѣлать выводъ, что и симпатіи ихъ къ большевикамъ были также незначительны.

По мѣрѣ развитія «побѣдоноснаго» наступленія красныхъ армій къ стѣнамъ Варшавы развивались у Ревкома и стремленія захватнымъ порядкомъ сдѣлать переворотъ въ Вильно, а если удастся, то и во всей Литвѣ въ пользу Совѣтской власти, для чего, несмотря на мирный договоръ съ Литвой, по которому Совѣтская власть не имѣла права вмѣшиваться во внутреннія ея дѣла, совершенно окрыто на митингахъ и въ совѣтскихъ мѣстныхъ газетахъ, раздаваемыхъ безплатно, травилось Литовское правительство, какъ бѣлая буржуазная власть. Шли призывы къ возстанію и низверженію ея для замѣны властью совѣтовъ, при чемъ совершенно опредѣленно указывалось, что буржуевъ, т. е. фабрикантовъ и помѣщиковъ надо вырѣзать, а предпріятія ихъ и землю национализировать по примѣру Совѣтской Россіи въ государственный фондъ. Газеты пестрѣли статьями мѣстныхъ коммунистическихъ дѣятелей о желаніи якобы народа сдѣлать это, но... дальше этого дѣло и не пошло. Народъ въ городѣ, испытавъ прелести коммунистической жизни, оставался равнодушнымъ къ этой агитаціи, а населеніе деревень, которое дочиста ограбили проходившія красноармейскія части, вырывая даже на поляхъ несозрѣвшій картофель, проклинало большевиковъ и уходило въ лѣса, составляя партизанскіе отряды. Можетъ быть, при удачномъ исходѣ польской войны большевики и осуществили бы свое намѣреніе при помощи красноармейскихъ штыковъ, но послѣдующая катастрофа разгрома ихъ армій заставила бросить ихъ затѣю и спѣшно бѣжать изъ Вильно.

Какъ я уже упомянулъ выше, при занятіи Вильно красными войсками, литовскія воинскія части отошли къ Ковно и заняли позиціи. Въ серединѣ августа въ совѣтскую комендатуру стали поступать свѣдѣнія, что литовскія дивизіи продвигаются по направленію къ Вильно и по тридцати-верстному радіусу начинаютъ окружать Вильно тѣснымъ кольцомъ, не чиня однако препятствій проходящимъ краснымъ частямъ и обозамъ, но и не пропуская въ Вильно крестьянъ съ фуражомъ и съѣстными припасами. Такъ какъ въ это время все годное для боевыхъ цѣлей было отправлено изъ Вильно по направленію къ Гродно, Бѣлостоку и далѣе, а въ городѣ оставались только застрявшие въ запасномъ полку пополненія, — прибывшія изъ внутреннихъ городовъ Россіи безъ оружія и обуви, числомъ около десяти тысячъ, — ибо подвижного состава на станціи для нихъ не было, да кромѣ нихъ было около трехъ батальоновъ войскъ В. Ч. К., назначеніе которыхъ—обслуживать Ч. К. и Особые Отдѣлы, т. е. охранять зданія, тюрьмы, арестовывать, конвоировать и разстрѣливать, — то для охраны города отъ литовскаго наступленія прибыла кавалерійская бригада въ составѣ трехъ полковъ, которая выставляла сторожевое охраненіе вокругъ Вильно по пятнадцати-верстному радіусу; такимъ образомъ создалась пятнадцати-верстная нейтральная полоса, существовавшая все время до бѣгства большевиковъ изъ Вильно.

Основной штабъ около 12-го августа перешелъ въ Гродно, а полевой – вмѣстѣ съ командующимъ арміей находился гдѣ-то далеко за Остроленкой. Со штабомъ ушли всѣ инспекціи, я же былъ оставленъ въ Вильно для наблюденія за запаснымъ полкомъ и отправленія изъ него пополненія на фронтъ. Но какія же могли быть отправленія, когда командиръ полка постоянно мнѣ жаловался, что всѣ тѣ составы поѣздовъ, которые комендантъ отводилъ ему для отправки пополненій на фронтъ, захватываются Ревкомомъ для грузовъ, оправляемыхъ въ Москву. Меня это мало безпокоило, и я продолжалъ вести свои наблюденія за жизнью въ Вильно.

Для объединенія военнаго командованія въ Вильно былъ оставленъ Р. В. С. 4-ой арміи нѣкто Булацель на правахъ командующаго арміей. Это былъ, какъ говорили, бывшій штабсъ-капитанъ, человѣкъ молодой и веселый, рѣшившій поль-

зоваться всѣми благами жизни, которыя можно извлечь у большевиковъ, и поэтому служившій лишь такъ, чтобы его не заподозрѣли въ саботажѣ. Принимая же во вниманіе, что всю полноту власти въ Вильно имѣлъ предсѣдатель Ревкома Муклевичъ, которому онъ былъ подчиненъ, то можно сказать, что Булацель, ничѣмъ не рискуя, ничего и не дѣлалъ. Впрочемъ, пробывъ въ этой должности около десяти дней, онъ былъ вызванъ штабомъ 4-ой арміи въ Гродно.

15-го августа пришла на имя Муклевича телеграмма о взятіи Варшавы. Эта долгожданная радость привела большевиковъ въ неописуемый восторгъ; мгновенно появились приказы о назначеніи парада по этому случаю на площади противъ зданія Окружнаго суда, съ участіемъ въ немъ, кромѣ тѣхъ немногихъ войскъ, которыя оставались въ Вильно, рабочихъ организацій. Парадъ былъ назначенъ въ 7 часовъ вечера того-же дня, а въ городѣ всѣ зданія, занятыя совѣтскими учрежденіями, разукрасились красными флагами. Вышли экстренные выпуски совѣтскихъ мѣстныхъ газетъ съ торжествующими хвалебными статьями побѣдоносной красной арміи, водрузившей знамя всемірной революціи на стѣнахъ Варшавы, и съ призывомъ перенести это знамя во всѣ столицы міра. Въ назначенное время состоялся парадъ войскамъ, но рабочіе организаціи совсѣмъ не явились, были только кучки коммунистическихъ ячеекъ этихъ организацій, насаженныхъ политотдѣломъ, окруженные небольшими группами еврейской молодежи. Часть публики безучастно стояла на тротуарахъ и слушала переливающіеся звуки «интернаціонала». Парадомъ командовалъ Булацель, а принималъ Муклевичъ, окруженный своей свитой. Произносились безъ конца, какъ тѣмъ, такъ и другимъ, митинговыя рѣчи, въ которыхъ восхвалялась пролетарская красная армія и успѣхи коммунизма. Тутъ же было объявлено, а затѣмъ населеніе прочло въ приказахъ Муклевича, расклееныхъ на заборахъ, что въ виду невозможности, вслѣдствіе несенія караульной службы войсками, устроить парадъ всѣмъ одновременно, на завтра 16-го августа въ тѣ же часы назначается парадъ для тѣхъ частей, которыя сегодня не участвовали, при чемъ на него должны быть назначены распоряженіемъ комиссаровъ представители отъ рабочихъ организацій, а по окончаніи парада во всѣхъ театрахъ должны быть устроены спектакли-митинги, на которыхъ будетъ чествоваться красная армія, а присутствующимъ будетъ доложено о значеніи такого великаго момента. Красноармейцамъ приказано было выдать по два куска сахару изъ захваченныхъ складовъ и по 20 штукъ папиросъ съ фабрики Дурунча. Наступило 16-ое августа и... парада не состоялось, потому что пришло извѣстіе съ фронта, что, хотя побѣдоносныя красныя войска и стоятъ уже подъ самой Варшавой, но она еще не взята.

Тщетно завѣдывающій хозяйствомъ запаснаго полка добивался разрѣшенія получить обѣщанный сахаръ и папиросы, чтобы удовлетворить солдатъ, которымъ былъ извѣстенъ приказъ о выдачѣ и потому осаждавшихъ его требованіями удовлетворить ихъ; ему отвѣчали, что въ складахъ и на фабрикѣ ничего нѣтъ, такъ какъ все это погружено уже въ вагоны. Скандалъ получился большой, населеніе иронически улыбалось, а еврейская масса перешептывалась. Но что до этого скандала большевистскимъ заправиламъ? Развѣ можно ихъ чѣмъ нибудь смутить? Муклевичъ и его клика продолжали гнуть свою линію, не обращая вниманія, и лишь усилилась еще болѣе агитація противъ «буржуазнаго» Литовскаго правительства и призывы свергнуть его.

Штабъ арміи изъ Гродно настойчиво требовалъ отъ коменданта города и командира запаснаго полка отправки пополненій въ Гродно и дальше, но это было невыполнимымъ, какъ я уже упоминалъ выше, за недостаткомъ подвижного состава Муклевичъ, къ которому обращались съ жалобой на захватъ подвижного состава агентами Ревкома, правда, отдалъ распоряженіе о предоставленіи состава по прямому его назначенію, но что стоили его распоряженія, когда ихъ фактически никто не выполнялъ. Наконецъ, командиръ запаснаго полка Лисицынъ, будучи одновременно и военнымъ комендантомъ города, при помощи своей вооруженной силы захватилъ подвижной составъ и со штабомъ и частью полка выѣхалъ въ Гродно,

передавъ комендантство въ Вильню своему командиру батальона, оставивъ большую часть людей, расположенныхъ въ Игнатьевскихъ казармахъ и прекрасныхъ казармахъ Новотроцкаго полка, выстроенныхъ передъ германской войной. Мнѣ, по должности инструктора инспекціи пѣхоты, приходилось бывать въ этихъ казармахъ, осматривая прибывающія запасныя части-эшелоны изъ внутреннихъ губерній Россіи. Что тамъ только творилось!

Это были рослые люди, уроженцы Екатеринославской Херсонской и Харьковской губерній, преимущественно бывшіе солдаты старой арміи, недавно вновь мобилизованные, отправленные въ запасные батальоны Казани и Нижняго Новгорода и оттуда только что присланные въ Вильно. Распущенные, не признававшіе никакой дисциплины, разутые и раздѣтые, покрытые паразитами, они валялись на полу казармъ безъ всякой постилки, такъ какъ нары были употреблены ими на костры, разводимые на внутреннихъ дворахъ, на которыхъ они на желѣзныхъ сковородкахъ, сдѣланныхъ ими самими изъ снятаго съ крышъ казармы кровельнаго желѣза, пекли, каждый самъ для себя, лепешки изъ черной муки, выдаваемой имъ въ количествѣ 2-хъ фунтовъ въ день, ибо печенаго хлѣба, за неорганизованностью хлѣбопекаренъ, не выдавалось. Селедка на двоихъ въ день, восемь золотниковъ сахару и суррогатъ чая въ видѣ пресованной жженой морковки,—это было все, чѣмъ кормила Совѣтская власть бойца пролетарской арміи. Принимая во вниманіе, что въ этой массѣ было много, какъ говорили, махновцевъ и участниковъ бандъ другихъ наименованій юга и даже бывшіе командиры полковъ арміи Махно, можете себѣ представить, какъ вела себя эта банда головорѣзовъ по отношенію къ командному составу, встрѣчая его каждый разъ криками требованія объ удовлетвореніи ихъ одеждою, матрацами, одѣялами, пищей и вообще всѣмъ тѣмъ, къ чему они привыкли, когда находились на службѣ въ старой Императорской арміи. Конечно, всѣ эти крики сопровождались отборнѣйшей кощунственной площадной бранью по адресу Совѣтской власти и ея адептовъ-коммунистовъ, при чемъ дѣлались сравненія съ прежней властью, далеко не въ пользу новой. Всякія попытки ввести въ ихъ среду комъячейки, потерпѣли неудачу, такъ какъ члены ея безжалостно выбрасывались изъ помѣщеній, да и сами они не рисковали оставаться среди этой распущенной массы. Комиссаръ полка и политруки ходили растерянными, не смѣя показаться въ эту массу, ибо на всѣ представленія ихъ политотдѣлу о необходимости такъ или иначе вывести изъ создавшагося положенія этихъ людей, послѣдній махнулъ рукой, такъ какъ, если заняться арестами и разстрѣлами, то надо было примѣнить это положительно ко всей массѣ, а на это не хватало у политотдѣла ни времени, ни средствъ: онъ былъ занятъ въ то время насажденіемъ коммунистическихъ идей въ населеніи Литвы и арестами «контръ-революціонныхъ» ея элементовъ. Удовлетворить же претензіи запасныхъ тоже не было возможности за отсутствіемъ средствъ, тѣмъ болѣе, что они были, при отправленіи изъ Казани и Нижняго-Новгорода, сравнительно хорошо обмундированы и обуты, но все это продали по дорогѣ. Ограничились лишь тѣмъ, что, заперевъ всѣ наружныя ворота дворовъ и приставивъ къ нимъ часовыхъ отъ батальоновъ В. Ч. К., предоставили ихъ самимъ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ возложивъ всю отвѣтственность за будущее на командира полка и командный составъ. Надо замѣтить, что единственно кого эта масса еще слушала, это офицеровъ старой арміи, которыхъ они умѣли какъ-то быстро узнавать и которымъ старались излить свое негодованіе. Это неоднократно приходилось испытывать и мнѣ.

Вотъ эту то массу и надо было отправить на фронтъ для борьбы за міровую революцію, о которой они и слышать не хотѣли, требуя роспуска ихъ по домамъ, по примѣру старой Императорской арміи. Впрочемъ, уже на позиціи они становились послушными, потому что ихъ гнали впередъ пулеметами коммунисты и разстрѣливали на мѣстѣ за малѣйшее неисполненіе приказанія начальства.

VI.

Еще 18-го августа по городу, оглядываясь, не подслушалъ-ли кто нибудь, шопотомъ стали передавать слухи, главнымъ образомъ въ еврейской массѣ, что на фронтѣ что-то случилось. Что именно, никто не зналъ, но настроеніе было тревожное. Около восьми часовъ вечера я встрѣтилъ на Большой улицѣ одного изъ служащихъ «Начвосо» (Начальникъ отдѣла военныхъ сообщеній), который былъ оставленъ въ Вильно для того, чтобы содѣйствовать отправкѣ эшелоновъ на фронтъ; онъ передалъ мнѣ, что предполагалъ сегодня съ эшелономъ отправиться въ Гродно, но оттуда его вызвали къ прямому проводу и передали, чтобы онъ съ этимъ дѣломъ пока повременилъ. На вопросъ его, почему, прямого отвѣта не дали, говоря, что это потомъ выяснится. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что ранѣе оттуда требовали все время его пріѣзда, онъ полагаетъ, что въ связи со слухами, ходившими между евреями, на фронтѣ не все благополучно. Когда я на другой день пришелъ на вокзалъ около 12-ти часовъ дня, то я его встрѣтилъ тамъ, при чемъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ нѣсколько разъ сегодня пытался вызвать кого-нибудь къ прямому проводу изъ «Начвосо» въ Гродно, но никто не подходилъ. Такъ какъ эшелонъ, добытый съ такимъ трудомъ, стоитъ погруженнымъ и комендантъ станціи настоятельно требуетъ или отправки его по направленію къ Гродно или же освобожденія вагоновъ отъ груза для другого назначенія, что по техническимъ соображеніямъ представляется немыслимымъ, то онъ рѣшилъ ѣхать въ Гродно. Это былъ послѣдній поѣздъ, который отошелъ изъ Вильно въ этомъ направленіи.

20-го числа на станціи никто ничего не зналъ, что дѣлается въ Гродно, такъ какъ телеграфъ не дѣйствовалъ (какъ впослѣдствіи оказалось, его перерѣзали польскіе партизаны), а администрація станціи отправляла лишь поѣзда съ реквизированнымъ имуществомъ по направленію къ Полоцку. Въ городѣ еврейская масса уже опредѣленно и открыто стала говорить о катастрофѣ, которая разразилась съ красными арміями, не передавая впрочемъ ея подробностей. Настроеніе этой массы было нервное, такъ какъ приходъ поляковъ обратно въ Вильно имъ не улыбался, ибо и прежде обращеніе ихъ съ евреями было неважное, а теперь масса ихъ ожидала отъ поляковъ возмездія за дѣйствія отдѣльныхъ членовъ изъ ея среды – коммунистовъ. Видна была тревога и въ коммунистическомъ лагерѣ: стали свертываться Ч. К., политотдѣлы, особые отдѣлы разныхъ частей и усилилась доставка на вокзалъ частнаго имущества, награбленнаго въ покинутыхъ жителями квартирахъ, тогда какъ въ послѣднее время перевозъ реквизированнаго имущества прекратился.

Муклевичъ на всѣ запросы новаго коменданта о положеніи дѣлъ ничего опредѣленнаго не говорилъ, а лишь отдавалъ распоряженіе объ увеличеніи патрулей на улицахъ города. Кавалерійская бригада, стоявшая въ сторожевомъ охраненіи, была снята и стянута въ городъ, откуда она выступила походнымъ порядкомъ по направленію къ Гродно. На запросы, что дѣлать съ пополненіемъ, которое находилось въ казармахъ, Муклевичъ прямого отвѣта тоже не давалъ. Изъ штаба арміи, находившагося въ Гродно, сообщеній никакихъ не было, — телеграфъ не дѣйствовалъ. Радіостанціи не было.

21-го августа, придя на вокзалъ, я видѣлъ уже поѣзда, прибывающіе одинъ за другимъ изъ Гродно, наполненные различными учрежденіями штаба 4-ой арміи, главнымъ образомъ, Особымъ Отдѣломъ, Культпросвѣтомъ, Политотдѣломъ, Агитчастью, которые послѣ небольшой остановки слѣдовали далѣе на Полоцкъ. Черезъ нѣсколько времени появился и поѣздъ съ основнымъ штабомъ 4-ой арміи, во главѣ котораго находился начальникъ административнаго управленія штаба, занимавшій эту должность еще въ арміи, когда она оперировала противъ генерала Деникина, бывшій полковникъ Кенель, служившій при Царской власти въ Петроградѣ помощникомъ Воинскаго начальника, усердный и требовательный слуга большевиковъ, исполнявшій въ настоящее время почему то обязанности начальника штаба арміи. На мой вопросъ, въ чемъ же дѣло, онъ отвѣтилъ, что и самъ ничего не знаетъ, а, когда я его спросилъ, какъ начальника штаба, что же дѣлать съ пополненіемъ запаснаго полка, сидящаго въ казармахъ, куда и на чемъ его отправлять, то онъ мнѣ отвѣтилъ, что это

его не касается и что я долженъ спросить директивъ у непосредственнаго своего начальника — инспектора пѣхоты арміи. Когда же я ему задалъ вопросъ, гдѣ же я могу разыскать инспектора и не знаетъ ли онъ, слѣдуетъ ли инспекторъ съ нимъ въ одномъ поѣздѣ, или со слѣдующимъ, онъ мнѣ раздраженно отвѣтилъ, чтобы я къ нему не приставалъ и съ этими словами уѣхалъ. Прошло три года, но я до сихъ поръ безъ смѣха не могу вспомнить растерянную и дрожащую фигуру этого героя, всегда важнаго и надменнаго въ обращеніи съ бывшими офицерами, а теперь въ качествѣ начальника штаба арміи удиравшаго впереди своего штаба отъ поляковъ.

На станціи, въ ожиданіи пропуска, скопилась масса поѣздовъ изъ Гродно. Тутъ были валявшіеся въ товарныхъ вагонахъ болѣе 10-ти дней безъ перевязки раненые красноармейцы изъ полевыхъ госпиталей Гродно; красные сестры милосердія и санитары разбѣжались, въ ранахъ у больныхъ появились черви, и они просили всѣхъ, чтобы имъ дали кусокъ хлѣба и кружку воды, но мало кто исполнялъ эту просьбу; не до нихъ было. Въ поѣздахъ между вагонами съ этими ранеными стояли вагоны съ награбленнымъ въ Гродно частнымъ имуществомъ. Какъ въ эти вагоны, такъ и къ раненымъ красноармейцамъ, а равно и на крыши вагоновъ, лѣзли какіе то люди съ еврейскими физіономіями, съ площадной руганью сталкивая другъ друга, усаживались на буфера, цѣплялись за ручки пассажирскихъ вагоновъ, если таковые имѣлись въ поѣздѣ, ибо внутрь не пускали стоящіе у дверей часовые, — тамъ было начальство — и въ такомъ видѣ отправлялись съ поѣздомъ на Полоцкъ. «Эвакуація» Вильно началась. Это были агенты Ч. К. и всевозможныхъ Особыхъ Отдѣловъ, поступившіе изъ мѣстныхъ жителей въ коммунисты съ приходомъ красныхъ въ Вильно и боявшіеся, что они могутъ остаться въ Вильно, если будутъ ждать отправленія своихъ учрежденій въ цѣломъ, и потому предупреждавшіе событія.

Въ одномъ изъ поѣздовъ, пришедшихъ изъ Гродно, слѣдовалъ Ревтрибуналъ 4-ой арміи. Здѣсь я встрѣтилъ знакомаго слѣдователя, ранѣе служившаго въ инспекціи пѣхоты дѣлопроизводителемъ, человѣка спокойнаго и мало поддающагося паникѣ, который разсказалъ мнѣ, что на фронтѣ произошла катастрофа. Гдѣ-то около Млавы или Августово кавалерійская польская дивизія, пользуясь растянутостью фронта, незамѣтно прошла и ударила въ тылъ красной арміи, по которой распространилась паника. Пѣхотныя части дрогнули и подались назадъ. Немедленно польскія части перешли въ наступленіе; тогда уже, не принимая боя и не смотря на личный примѣръ и угрозы команднаго состава и коммунистовъ, все бросилось бѣжать, усиливая еще болѣе панику. Все перепуталось: обозы запрудили пути отступленія, артиллеристы рѣзали постромки, садились на лошадей и бросали орудія, и, такимъ образомъ, паника передалась по всему фронту отъ Сувалокъ до Львова. Польское командованіе выслало еще массы кавалеріи, которая, зайдя въ тылъ, усугубила панику. Арміи перепутались, потеряли связь между собой и со своими штабами. Такъ, уже съ 18-го числа ничего не было извѣстно о командующемъ 4-ой арміи Шуваевѣ и членѣ ея Р. В.С. Вегерѣ, выѣхавшихъ съ полевымъ штабомъ куда то за Остроленку. Есть предположеніе, что они или убиты, или попали въ плѣнъ, но, насколько это достовѣрно, неизвѣстно. Въ данную минуту польскія войска подходятъ къ Гродно, наступленіе ихъ необходимо, хотя на нѣкоторое время, задержать у Гродно, дабы дать возможность отойти болѣе или менѣе спокойно отъ Вильно, но едва ли это удастся, такъ какъ командованіе потеряло голову, поголовно бѣжитъ, а въ Гродно кто-то назначенъ, вмѣстѣ съ командиромъ запаснаго полка, комендантомъ крѣпости, коимъ и поручено формировать изъ бѣгущихъ красноармейцевъ полки для обороны фортовъ крѣпости. Но элементъ этотъ крайне панически настроенъ и нѣтъ никакой надежды, что они задержатся на фортахъ, а не побѣгутъ дальше. Къ этому мой знакомый добавилъ, что инспекція пѣхоты вмѣстѣ съ инспекторомъ уже проѣхала впереди на поѣздѣ къ Полоцку и поэтому онъ совѣтовалъ мнѣ, если я не хочу попасть въ плѣнъ къ полякамъ, во что бы то ни стало достать подвижной составъ, погрузить пополненіе и слѣдовать за другими эшелонами, а въ крайнемъ случаѣ, если не достану состава, то сѣсть куда нибудь самому, хотя бы на крышу, и ѣхать изъ Вильно.

Ко всему этому я относился спокойно, такъ какъ у меня въ Вильно было знакомое польское семейство, которое хорошо относилось ко мнѣ и уговаривало меня остаться въ Вильно, предлагая у себя пріютъ и обѣщая легализировать меня на другой же день послѣ занятія Вильно поляками или литовцами, т. е. поручиться за меня.

Конечно, соблазнъ для меня былъ большой, такъ какъ при отсутствіи иного способа освобожденія отъ ига большевиковъ, это предложеніе меня очень устраивало, но нежеланіе оставить брата одинокимъ въ Совѣтской Россіи и надежда войти съ нимъ въ сношеніе, а затѣмъ оказать ему помощь въ освобожденіи изъ тюрьмы — все это заставило меня, хотя и съ глубокимъ сожалѣніемъ, отклонить предложеніе этихъ добрыхъ людей, и я рѣшилъ ѣхать вмѣстѣ съ другими въ Полоцкъ.

22, 23 и 24-ое числа прошли въ безплодныхъ поискахъ какого либо подвижного состава для вывоза пополненій запаснаго полка, такъ какъ я не допускалъ мысли бросить на произволъ судьбы этихъ людей въ жертву большевистской авантюры, тѣмъ болѣе, что они были враждебно настроены къ большевистской власти. Я зналъ, что они, совершенно непричастные къ большевизму, пострадаютъ первые отъ ненависти вошедшихъ въ городъ поляковъ и отъ мѣстнаго населенія, для котораго красноармеецъ и большевикъ одно и то же. Ревкомъ съ его предсѣдателемъ Муклевичемъ былъ занятъ отправкой въ Полоцкъ личнаго состава своего учрежденія, а также отправкой различныхъ Чека, Агитпунктовъ, Политотдѣловъ, которымъ въ случаѣ ихъ оставленія въ Вильно, грозила одна участь: или самосудъ озлобленнаго населенія, или же разстрѣлъ поляками; и поэтому, махнувъ рукой на пополненіе, Муклевичъ предлагалъ ихъ отправить пѣшимъ порядкомъ на Полоцкъ. Но развѣ можно было пустить эту голодную, оборванную и въ добавокъ безоружную массу пробиваться къ Полоцку среди населенія, которое занимало явно враждебную позицію къ красноармейцамъ, за ихъ грабежи и потраву полей во время іюльскаго наступленія, тѣмъ болѣе, что вездѣ по уѣздамъ бродили уже партизанскія шайки, вооруженныя до зубовъ.

Между тѣмъ изъ Гродно прибыли послѣдніе поѣзда, такъ какъ ж. д. полотно гдѣ то между Гродно и Вильно было взорвано. Пріѣхавшіе съ этими поѣздами сообщили, что съ обороной Гродно ничего не вышло. Изъ панически настроенныхъ солдатъ нельзя было создать полковъ, которые сами растаяли, и комендантъ крѣпости Гродно и его штабъ съ частью обоза, который былъ подъ рукой, двинулись по шоссе на гор. Лиду, бросивъ на произволъ судьбы раненыхъ и массу имущества, такъ какъ желѣзнодорожный путь на Вильно отрѣзанъ литовскими частями, которыя, не вступая въ бой, красныхъ не пропускаютъ къ Вильно, считая ее своей столицей, а также и не собираются пропустить и польскія войска.

Сообщеніе объ этомъ внесло нѣкоторое успокоеніе въ ряды большевистскаго начальства, такъ какъ миновала непосредственная опасность попасть въ руки поляковъ, и оно принялось болѣе спокойно грузить въ эшелоны, захвативъ съ собой арестованныхъ, сидѣвшихъ въ тюрьмахъ, изъ мѣстнаго населенія польской и литовской національности, обвиненныхъ въ контръ-революціи, которыхъ не успѣли разстрѣлять въ свое время. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжали грузить въ эшелоны и награбленное имущество, которое жадность большевиковъ не допускала оставить на станціи. Литовскій военный комендантъ Вильно въ это время замѣтно поднялъ голову и предъявилъ протестъ противъ вывоза, какъ арестованныхъ, такъ и имущества, но реальной силы онъ не имѣлъ, ибо, какъ я уже говорилъ выше, въ распоряженіи его для поддержанія его протеста было всего двѣ роты, а у большевиковъ были еще батальоны В. Ч. К. и вооруженный кадровый батальонъ запаснаго полка, несшій караульную службу въ Вильно.

По мѣрѣ распространенія слуховъ въ городѣ о занятіи поляками Гродно повышалось и настроеніе жителей, и уже ходить по городу одиночнымъ людямъ въ большевистской формѣ было не безопасно. Большевистская власть разъѣзжала по городу въ автомобиляхъ, окруженная вооруженными съ головы до ногъ чекистами, за поясами которыхъ болтались ручныя гранаты.

Ревкомъ перешелъ изъ роскошнаго зданія дворянскаго собранія на Георгіевской улицѣ на станцію, которая была окружена ротой, человѣкъ въ 80 неизвѣстно откуда появившихся нѣмцевъ-спартаковцевъ.

25-го августа къ утру мнѣ удалось достать, благодаря любезности коменданта, бывшаго кадроваго кавалерійскаго офицера, подвижной составъ въ 80 вагоновъ, для вывоза пополненія запаснаго полка, при условіи, что въ этомъ эшелонѣ будутъ слѣдовать вагоны съ чинами управленія коменданта станціи и ихъ семьи.

Надо замѣтить, что вообще, какъ здѣсь, такъ и раньше, сильно затрудняла перевозку всѣхъ штабовъ и совѣтскихъ учрежденій перегруженность ихъ семьями служащихъ. Обыкновенно въ движеніи такія учрежденія представляли изъ себя кочующій таборъ, въ которомъ въ преобладающемъ количествѣ были женщины и дѣти. Все это тянулось за главами своихъ семей включительно до полковъ передовой линіи и при паникѣ, имѣвшей мѣсто подъ Варшавой, всѣ они или попали въ плѣнъ, или погибли при безпорядочномъ бѣгствѣ. Главное большевистское командованіе, правда, боролось съ этимъ явленіемъ, особенно послѣ катастрофы подъ Варшавой, отдавая приказы о воспрещеніи служащимъ имѣть своихъ женъ и дѣтей вмѣстѣ съ собой и даже одновременно служить въ одномъ учрежденіи, не исключая и глубокихъ тыловыхъ учрежденій, но всѣ эти приказы сводились къ нулю. Большевики допускали на службѣ въ штабахъ и учрежденіяхъ женщинъ наравнѣ съ мужчинами, въ качествѣ дѣлопроизводителей, машинистокъ, завѣдывающихъ агитпунктами, слѣдователей и агентовъ особаго отдѣла и чека, и для обхода этого приказа мужъ и жена отправлялись въ «отдѣлъ записей актовъ гражданскаго состоянія», гдѣ, заявивъ о своемъ желаніи развестись и уплативъ за это 50 рублей государственнаго сбора, тутъ же получали удостовѣреніе о разводѣ; дѣти записывались на сторону желающаго, а жена, получивъ снова дѣвичью фамилію, шла на прежнее мѣсто службы и, такимъ образомъ, семья, продолжая прежнее сожительство, оставалась вмѣстѣ на той же службѣ. Этимъ пользовались всѣ не только коммунисты, но и люди безпартійные, хотя бы и религіозные, такъ какъ разводъ этотъ былъ не церковный. Знало это и начальство, но закрывало на это глаза, а наиболѣе сердечные люди изъ него даже указывали на такой разводъ, какъ на средство выйти изъ положенія тѣмъ, кто просилъ ихъ разрѣшенія остаться на службѣ вопреки приказа высшаго командованія.

Вотъ эти то семьи въ данное время и запрудили собой эшелоны. На вокзалѣ и запасныхъ путяхъ стоялъ невообразимый гвалтъ отъ площадной брани красноармейцевъ и коммунистовъ и плача женщинъ и дѣтей.

Въ 10 часовъ утра началъ грузиться и нашъ эшелонъ. Правда, въ немъ семей не было, кромѣ какъ въ вагонахъ, отведенныхъ для чиновъ комендантскаго управленія, но за то это обстоятельство позволило остальной массѣ осаждать меня и командира батальона просьбами и требованіеми о посадкѣ въ эти вагоны вмѣстѣ съ солдатами, какъ отдѣльныхъ служащихъ различныхъ учрежденій, не доставшихъ себѣ мѣста въ своихъ эшелонахъ, такъ и ихъ семей. Пришлось по мѣрѣ возможности удовлетворить и ихъ просьбу, тѣмъ болѣе, что это были служащіе разныхъ чека, преимущественно латышской и еврейской національности, которымъ, въ случаѣ оставленія въ городѣ, пощады ждать не приходилось. Вагоны были исключительно товарные, безъ всякихъ приспособленій и оборудованій для перевозки людей, такъ какъ бывшіе раньше нары въ вагонахъ были давно использованы на дрова, при разведеніи костровъ для варки себѣ пищи въ котелкахъ во время остановокъ на станціяхъ, и вся публика сидѣла или стояла прямо на грязномъ полу. Впрочемъ съ такими удобствами были размѣщены не только здоровые люди, но раненые и тифозные красноармейцы, слѣдовавшіе въ поѣздахъ изъ Гродно.

Около 3-хъ часовъ дня неожиданно появились надъ Вильно, проходя надъ станціей, неизвѣстные аэропланы, которые приняты были за польскіе. Когда они проходили надъ станціей, то на ней началась неописуемая паника: всѣ бросились изъ вогоновъ, давя женщинъ и дѣтей и разбѣгаясь въ различныхъ направленіяхъ отъ станціи въ ожиданіи, что на нее будутъ сброшены бомбы. И дѣйствительно мы увидѣли, что

отъ аэроплановъ отдѣлились какіе-то предметы и полетѣли внизъ. Это еще болѣе усилило панику нервно настроенныхъ людей. Между тѣмъ это оказались прокламаціи на польскомъ и литовскомъ языкахъ къ населенію Вильно, сброшенныя съ литовскихъ аэроплановъ, въ которыхъ литовское командованіе просило населеніе потерпѣть до утра 26-го августа, когда войдутъ въ городъ литовскія войска и избавятъ несчастное населеніе отъ ужасовъ и варварствъ большевиковъ. Передъ этимъ происшествіемъ я узналъ, что Муклевичъ распорядился отправить изъ города по направленію къ Полоцку пѣшимъ порядкомъ еще съ утра тѣ небольшія регулярныя части, которыя были въ городѣ, и что литовская комендантура заняла казармы и зданія, въ которыхъ ранѣе были большевики, наложивъ печати на двери и ворота и приставивъ къ нимъ часовыхъ. Часовъ около 5-ти вечера ушли со станціи эшелоны съ чека и политотдѣлами, увозя арестованное населеніе Вильно, а черезъ нѣсколько времени получилось извѣстіе, что поѣзда эти остановились подъ ст. Нововилейскъ, такъ какъ путь разобранъ и противъ нихъ стоятъ двѣ роты литовской пѣхоты съ пулеметами и не пропускаютъ на Полоцкъ. Тогда комендантъ станціи сдѣлалъ распоряженіе объ отправкѣ слѣдующихъ эшелоновъ на Лиду, которая въ это время была еще не занята поляками, и далѣе на Молодечно и Минскъ, но и здѣсь было то же самое.

Оказалось, что кольцо литовскихъ войскъ суживается для занятія Вильно, дабы прекратить ту анархію, которую производили большевики при своей эвакуаціи Вильно, и предупредить, а также и не допустить занятія Вильно польскими войсками. Слухъ о закрытіи движенія поѣздовъ на Полоцкъ и Лиду произвелъ невѣроятную панику среди находившихся на станціи и рельсовыхъ путяхъ и меня окружили чекисты разнаго вида, члены коммунистической, преимущественно еврейской милиціи Вильно и требовали отъ меня, какъ бывшаго офицера, организовать отрядъ изъ нихъ, принять надъ ними командованіе и сдѣлать попытку пробиться сквозь литовскія заставы къ Полоцку или Лидѣ. Стали подсчитывать, сколько есть оружія. Насчитали 96 разноколиберныхъ винтовокъ русскихъ, германскихъ и австрійскихъ образцовъ безъ патроновъ. Видя нелѣпость этой затѣи, я, будучи лично въ безопасности, такъ какъ въ случаѣ невыпуска нашихъ эшелоновъ изъ Вильно могъ сойти съ поѣзда и найти себѣ убѣжище въ знакомомъ мнѣ польскомъ семействѣ, категорически отвергнулъ предложенное мнѣ командованіе, разъяснивъ имъ всю невозможность при существующемъ положеніи бороться съ регулярной литовской частью, и предложилъ имъ идти къ Муклевичу, который еще не выѣхалъ изъ Вильно, и просить его войти въ сношеніе по телеграфу съ Литовскимъ правительствомъ, находящимся въ Ковно о пропускѣ эшелоновъ къ Полоцку, опираясь на статью Литовскаго договора, въ которой говорилось, что Вильно должно быть очищено отъ Совѣтскихъ войскъ лишь 1-го сентября. Вся эта толпа бросилась къ Муклевичу. Что тамъ произошло мнѣ неизвѣстно, но только около 7-ми часовъ вечера комендантъ станціи сказалъ мнѣ, что Литовское правительство, послѣ долгихъ переговоровъ Муклевича съ нимъ, распорядилось отдать приказаніе Литовскому командованію снять заставы у Нововилейска и пропустить въ направленіи только Полоцка эшелоны большевиковъ, при чемъ вывозъ арестованныхъ чекою не допускается, для чего на станціи Нововилейскъ будетъ произведенъ контроль эшелоновъ литовскими войсками и что дѣйствіе этого разрѣшенія продолжается лишь до 10-ти часовъ утра 26-го августа, когда въ городъ вступятъ Литовскія войска.

Въ силу этого разрѣшенія начали отходить одинъ за другимъ со станціи уже готовые эшелоны, перегруженные людьми, дѣтьми и женщинами, сидѣвшими на буферахъ и крышахъ вагоновъ. Въ одномъ изъ первыхъ эшелоновъ въ классныхъ вагонахъ, со всѣми удобствами, окруженный своими подчиненными и чекистами, которые не допускали посторонней публики въ вагоны, выѣхалъ предсѣдатель Ревкома Муклевичъ. Въ 12 часу ночи, предпослѣднимъ эшелономъ, тронулись и мы, облѣпленные съ крышъ до колесъ вагоновъ бѣгущими изъ Вильно коммунистами, преимущественно изъ мѣстнаго населенія. Я себѣ отрѣзалъ возможность вырваться изъ рукъ большевиковъ, отрѣзалъ сознательно, преслѣдуя цѣль разыскать и соединиться съ

братомъ, о чемъ мнѣ впослѣдствіи неоднократно пришлось пожалѣть. Та часть большевиковъ, которая за неимѣніемъ подвижного состава не могла выѣхать по желѣзной дорогѣ, бросилась пѣшкомъ по направленію къ Полоцку и Лидѣ, гдѣ впослѣдствіи уцѣлѣвшіе присоединились къ бѣгущимъ изъ Гродно и вмѣстѣ съ ними, послѣ невѣроятныхъ лишеній, вышли на Минскъ, Витебскъ и Жлобинъ.

Такъ закончилось кратковременное пребываніе Совѣтской власти въ Вильно и ея эвакуація. Долго будетъ она памятна Виленскому населенію!

VII.

Въ первомъ часу ночи 26 августа на ст. Нововилейскъ мы были окружены литовцами, которые ходили въ темнотѣ по платформѣ и стучали въ стѣнки вагоновъ съ вопросомъ: «Litvini są» — они разыскивали арестованныхъ соотечественниковъ. Въ нашемъ эшелонѣ таковыхъ не было, а внутри вокзала радостно гудѣла, наполняя оба зала станціи, толпа по случаю неожиданнаго для нея освобожденія отъ большевиковъ, ожидавшая уже разстрѣла по прибытіи въ Полоцкъ. Это были арестованные жители г. Вильно, вывезенные въ двухъ эшелонахъ передъ нами Ч. К. и Особыми Отдѣлами и отобранные отъ нихъ литовскимъ командованіемъ. Надо отдать справедливость литовцамъ, что они были настолько тактичны и выдержаны, что не только не позволяли себѣ какихъ нибудь выпадовъ и упрековъ по отношенію къ намъ, на что они несомнѣнно имѣли право, но даже приставили часовыхъ къ запертымъ дверямъ залъ перваго и второго классовъ, гдѣ находились арестованные, предупредивъ такимъ образомъ со стороны послѣднихъ возможность всякихъ эксцессовъ и выкриковъ по нашему адресу, какъ большевиковъ.

Вообще они держали себя въ высшей степени вѣжливо, тактично и вмѣстѣ съ тѣмъ не вступали съ нами ни въ какіе разговоры. Какъ тѣ двѣ роты, которыя находились въ Вильно во время большевиковъ, такъ и эти представляли рѣзкій контрастъ по сравненію съ оборванцами лохматыми, недисциплинированными красноармейцами. Прекрасно одѣтые въ англійское обмундированіе, дисциплинированные, отдававшіе честь, какъ офицерамъ, такъ и другъ другу, вѣжливые по отношенію къ публикѣ, они ходили, гуляя по улицамъ Вильно, не соприкасаясь съ красноармейцами, и всѣ попытки большевистской агитаціи для разложенія ихъ прошли безплодно. Гордые своимъ самостоятельнымъ войскомъ и превосходствомъ порядка по сравненію съ большевистскимъ, они просто не вступали ни съ кѣмъ въ разговоры, кто былъ въ русской (большевистской) формѣ, а если это былъ подосланный агентъ большевиковъ въ штатскомъ платьѣ, заводившій разговоръ о прелестяхъ коммунизма и совѣтскаго строя, то они отворачивались отъ него. Офицерство у нихъ было изъ прежней русской арміи, даже носившее ленточки русскихъ орденовъ, которые они получили въ минувшую Германскую войну. Ввиду того, что литовскій литературный языкъ въ то время не имѣлъ среди литовской интеллигенціи широкаго примѣненія и съ образованіемъ самостоятельнаго государства не могъ быть введенъ немедленно, безъ ущерба дѣлу, въ государственныя учрежденія, то Литовскимъ правительствомъ, какъ мнѣ говорили, былъ оставленъ впредь на 6 лѣтъ русскій языкъ, какъ командный въ арміи, такъ и въ гражданскихъ учрежденіяхъ.

Въ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе также шло на русскомъ языкѣ, ибо преподаватели бывшихъ русскихъ учебныхъ заведеній не могли сразу перейти на литовскій языкъ.

Неимѣніе офицеровъ, прошедшихъ курсъ своихъ училищъ, заставляло литовское командованіе принимать къ себѣ на службу бывшихъ офицеровъ старой арміи, даже не литовской національности и, какъ я слышалъ, у литовскаго коменданта въ городѣ Вильно, конечно, очень осторожно, чтобы не узнали большевики, можно было узнать условія поступленія на военную службу къ литовцамъ. Не знаю, насколько это было дѣйствительно такъ, но въ нашемъ запасномъ полку, при пріѣздѣ въ Полоцкъ, недосчиталось шести офицеровъ-колчаковцевъ, которые незадолго передъ уходомъ

изъ Вильно были присланы изъ тюремъ на пополненіе и которыхъ послѣ ухода изъ Вильно видѣли уже въ роли ротныхъ командировъ въ литовскихъ частяхъ. Такихъ же офицеровъ, говорившихъ между собою по русски, я видѣлъ и здѣсь на ст. Нововилейскъ. Они держали себя въ высшей степени корректно, не вступая ни въ какіе разговоры съ нами, не обращая на насъ никакого вниманія и исполняя лишь порученное имъ дѣло. Глядя на нихъ, я невольно сдѣлалъ сравненіе съ большевиками, еслибы роли перемѣнились. Конечно, площадная брань, толчки, пинки сыпались бы отовсюду, не говоря уже объ эксцессахъ болѣе грубыхъ и возмутительныхъ.

Простоявъ не болѣе часа на этой станціи, мы тронулись далѣе и лишь черезъ три дня прибыли въ Полоцкъ, гдѣ по моимъ предположеніямъ долженъ былъ остановиться штабъ 4-ой арміи и гдѣ надѣялся я найти инспекцію пѣхоты. Желѣзная дорога была забита поѣздами и сброшенными подъ откосъ сшедшими съ рельсъ вагонами; движеніе по разрушеннымъ при отступленіи поляковъ ж. д. мостамъ, и теперь еле-еле наспѣхъ возстановленнымъ, позволяло переводить черезъ нихъ, толкая въ ручную, вагоны; все это крайне замедляло движеніе поѣздовъ и этимъ объяснялось такое медленное продвиженіе.

Придя въ Полоцкъ, мы получили отъ коменданта станціи маршрутъ на Витебскъ, такъ какъ штаба арміи здѣсь не оказалось и, гдѣ онъ, — коменданту не было извѣстно. Вытянувшись въ очередь поѣздовъ, отправились искать въ Витебскѣ штабъ, предварительно, благодаря любезности коменданта, добывъ на два дня печенаго хлѣба изъ военныхъ хлѣбопекаренъ Полоцка; мы уже голодали, ибо при отправленіи изъ Вильно нечего было и думать получить провіантъ за неимѣніемъ таковаго.

Прибывъ 29-го августа въ Витебскъ, я нашелъ штабъ 4-ой арміи высадившимся изъ вагоновъ и помѣстившимся въ огромной гостиницѣ по Вокзальной площади, а вмѣстѣ съ нимъ и инспекцію пѣхоты арміи, къ которой я и присоединился, а пополненіе осталось въ вагонахъ. Впослѣдствіи оно было отправлено отсюда въ Гомель, гдѣ и соединилось съ остатками своего запаснаго полка, выскочившими изъ Гродно.

Въ штабѣ арміи былъ полный сумбуръ. Гдѣ былъ командующій арміей Шуваевъ съ начальниками штаба, какъ полевого такъ и основного, а также и Реввоенсовѣтъ арміи — никому не было извѣстно. Говорили, что видѣли въ послѣднее время ихъ, во время катастрофы, гдѣ то за Остроленкой, ѣдущими на автомобиляхъ. Никакихъ свѣдѣній о судьбѣ дивизій, входящихъ въ составъ арміи, также не было, какъ не было ничего извѣстно, гдѣ находится въ настоящее время штабъ сосѣдней съ нами 15-ой арміи. Пресловутый Кенель, оказавшійся въ настоящее время почему то начальникомъ штаба 4-ой арміи, до сихъ поръ столь гордый и неприступный, а теперь даже снявшій съ головы остроконечный шлемъ — «буденовку», которымъ онъ такъ гордился, совершенно растерялся и вмѣстѣ съ новоявленными комиссарами, появившимися вмѣсто тѣхъ, которые были гдѣ-то вмѣстѣ съ Шуваевымъ, на всѣ вопросы о расквартированіи штаба арміи и его учрежденій въ Витебскѣ и долго ли штабъ будетъ тамъ стоять и т. п., отвѣчалъ незнаніемъ. Ни отъ кого ничего нельзя была добиться.

Черезъ два дня изъ штаба фронта, находившагося уже въ Смоленскѣ, пришелъ приказъ переѣхать штабу 4-ой арміи въ Гомель. Послѣ долгихъ проволочекъ по отысканію подвижного состава и долгихъ остановокъ въ пути прибыли, наконецъ, въ Гомель въ перегруженномъ до нельзя эшелонѣ, такъ какъ за неимѣніемъ подвижного состава, пришлось штабу арміи со всѣми его огромными учрежденіями помѣститься въ одномъ эшелонѣ въ 80 вагоновъ подвижного состава. Принимая во вниманіе, что тутъ же помѣстились и семьи служащихъ, можно себѣ представить, какая была давка и тѣснота, а отсюда и вшивость, такъ какъ все было грязно и валялось на полу товарныхъ вагоновъ.

Прибывъ въ Гомель въ первыхъ числахъ сентября, основной штабъ размѣстился въ громадной комфортабельной когда то гостиницѣ «Савой» Шановича, на углу Мясницкой и Румянцевской улицъ.

Трудно себѣ представить, какъ можно было такъ испортить въ короткое время такую шикарную, оборудованную вполнѣ въ европейскомъ духѣ гостиницу, зданіе

которой по наружному виду могло служить украшеніемъ любого европейскаго города. О мебели номеровъ, столовыхъ и залъ, конечно, и вспоминать не приходится; стѣны были всѣ загажены, мраморныя лѣстницы побиты, паровое отопленіе разбито, все вездѣ заплевано и засорено сѣмячками. Вмѣсто оконъ вставлена фанера. Нижнее помѣщеніе занято было подъ разные коммунистическіе клубы, а громадное помѣщеніе бывшаго кинематографа переименовано въ «Театръ имени Калинина», въ которомъ шли безконечные концерты — митинги, устраиваемые культпросвѣтомъ, при чемъ артистическія силы были преимущественно изъ еврейской молодежи населенія Гомеля. Въ настоящее время это зданіе переименовано въ «Домъ союзовъ» и въ немъ расположены комитеты профессіональныхъ союзовъ, исполкомъ Гомеля, коммунистическіе клубы и залъ судебныхъ засѣданій губернскаго Ревтрибунала. Зданіе осенью 1921-го года было выкрашено въ сѣрый цвѣтъ, на что было отпущено 200,000,000 руб., внутри-же по прежнему стоятъ скамейки, табуретки и то въ недостаточномъ количествѣ.

Здѣсь въ Гомелѣ уже стала выясняться обстановка катастрофы подъ Варшавой и стали приниматься мѣры къ ликвидаціи ея послѣдствій. Сюда же наконецъ прибыли черезъ Лиду и Минскъ командующій арміей Шуваевъ и Реввоенсовѣтъ арміи, случайно прорвавшіеся на автомобиляхъ черезъ польскія войска, оперировавшія уже въ Бѣлостокѣ, въ то время, когда полевой штабъ еще находился подъ Остроленкой. Прибыли и одиночные чины полевого штаба, но многіе изъ нихъ попали въ плѣнъ и пропали безъ вѣсти. Выбрался только тотъ, кто былъ смѣлъ, энергиченъ и дѣйствовалъ на свой страхъ и рискъ, спасаясь въ одиночку, въ разсыпную. Кому это было не подъ силу, тотъ погибъ. Оказалось, что весь конный корпусъ знаменитаго Гая, начавшій вливаться въ Данцигскій коридоръ былъ отрѣзанъ и прижатъ къ прусской границѣ, которую онъ принужденъ былъ подъ напоромъ польскихъ войскъ перейти, и здѣсь, въ Пруссіи былъ разоруженъ и интернированъ. Съ корпусомъ былъ интернированъ и Гай, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оттуда бѣжалъ, равно какъ и много другихъ коммунистовъ.

Судьба пѣхотныхъ дивизій была плачевна. Нѣкоторыя изъ нихъ, прижатыя тоже къ прусской границѣ, раздѣлили участь конницы Гая, вмѣстѣ со штабомъ и начальниками, а другія, равно какъ и дивизіи сосѣдней 15-ой арміи, частью попали въ плѣнъ цѣликомъ съ командымъ составомъ, а частью были изрублены польской кавалеріей и перерѣзаны партизанами, наводнившими всѣ лѣса Сувалкской и Гродненской губерній. Спаслись только отдѣльныя личности. Вся артиллерія, будучи брошена, попала въ руки поляковъ. Обозъ крестьянскихъ подводъ, растянувшійся на громадномъ пространствѣ, отъ исходныхъ пунктовъ наступленія въ началѣ іюля мѣсяца, до Остроленки, Августово и Сувалокъ, попалъ цѣликомъ къ полякамъ. Особенно сильно пострадали красноармейскія части, проходя черезъ Бѣлостокъ, гдѣ населеніе, состоящее преимущественно изъ рабочихъ многочисленныхъ фабрикъ и заводовъ этого города, возмущенное грабежами и насиліями при наступленіи, теперь звѣрски отомстило, разстрѣливая и вырѣзывая пробивающихся черезъ городъ красноармейцевъ и ни въ чемъ не повинныхъ крестьянъ-подводчиковъ. Отдѣльныя личности, которымъ удалось выскочить изъ этой бойни, разсказывали ужасающія подробности этого избіенія.

4-ой и 15-ой армій не существовало; отъ нихъ остались только основные штабы. Для противодѣйствія наступленію поляковъ, которые дойдя до рубежа Буга и Нѣмана продвигались далѣе почему то слишкомъ медленно, спѣшно перебрасывались части 6-ой арміи, стоявшей на границѣ Финляндіи и Эстоніи, назначеніе которой было занять пустое мѣсто 4-ой и 15-ой армій. Хотя при этомъ и была совершенно оголена граница на сѣверѣ, но совѣтской власти было не до этого. При создавшемся положеніи, конечно, штабу 4-ой арміи, безъ арміи, дѣлать было нечего и поэтому его перебросили въ Гомель.

Одновременно съ этимъ, гдѣ-то на литовской границѣ, около Ошмянъ, былъ сформированъ штабъ какой-то эфемерной «резервной» арміи, назначеніе котораго

было формировать эту армію изъ числа бѣжавшихъ изъ плѣна и Пруссіи, остатковъ бывшихъ 4-ой и 15-ой армій, которыхъ, какъ я слышалъ, набралось тамъ около 6000 человѣкъ, при чемъ, какъ говорили бѣглецы, бѣжать изъ Пруссіи было довольно легко, но дальнѣйшее продвиженіе по польской территоріи представляло большую опасность, такъ какъ очень многіе попадались въ руки партизанъ. Мнѣ передавалъ одинъ изъ состава этого штаба, бывшій офицеръ бѣлой арміи Сѣверной Области, что къ нему въ числѣ прочихъ бѣглецовъ, явился и знаменитый Хаджи-Муратъ, попавшій вмѣстѣ съ конницей Гая въ Пруссію. Какъ онъ разсказывалъ, видъ у него былъ далеко не героя, онъ былъ очень скроменъ и въ немъ нельзя было узнать того звѣря, какимъ онъ былъ, когда большевики заняли Архангельскъ.

Такое положеніе было на протяженіи фронта бывшихъ 4-ой и 15-ой армій. 3-ья большевистская армія, бывшая южнѣе 15-ой и сосѣдняя съ ней, потерпѣла такой же разгромъ, какъ и ея сосѣдка. Штабъ ея находился въ данное время въ Минскѣ, къ которому и начали стекаться всѣ тѣ, кто уцѣлѣлъ отъ разгрома. Южнѣе 3-ей арміи была такъ называемая «Мозырская группа», которой командовалъ знаменитый новоиспеченный большевистскій стратегъ, краса и гордость Совѣтской власти, которымъ она тыкала въ носъ генераламъ Брусиловскаго совѣщанія, еврей-парикмахеръ, съ правами командующаго арміей. Группа эта еще въ 19-омъ году защищала позиціи по лѣвому берегу Днѣпра у города Рѣчицы въ 40 верстахъ отъ Гомеля, а по правому берегу Днѣпра у взорваннаго ж. д. моста были позиціи поляковъ, которые стояли, не продвигаясь далѣе къ Гомелю, гдѣ ихъ такъ ждало населеніе. При отступленіи весною 20-го года поляковъ отъ Кіева, начали отходъ польскіе части и отъ Рѣчицы, за ними потянулся еврей-парикмахеръ. Поляки далѣе оставили безъ боя Лунинецъ, Пинскъ, Кобринъ, Брестъ-Литовскъ и къ августу отошли по направленію къ Варшавѣ, не давая даже арьергардныхъ боевъ. Еврей-парикмахеръ подошелъ къ нимъ. Вотъ это то побѣдное его шествіе за поляками и создало ему орелъ героя пролетаріата, а по коммунистической похвальбѣ мѣсто въ спискахъ кандидатовъ въ новые Наполеоны. Однако, когда случилась катастрофа, которая разразилась и надъ Мозырской группой, то Троцкій со свойственной ему энергіей посадилъ новаго кандидата въ Наполеоны обратно въ парикмахерскую, а командующему бывшей 4-ой арміей Шуваеву, съ его готовымъ штабомъ, было приказано образовать изъ остатковъ бывшей Мозырской группы 4-ую армію, тѣмъ болѣе, что штабъ ея былъ цѣлъ и въ нее надо было влить только тѣ немногіе остатки штаба мозырской группы, которыя къ этому времени уцѣлѣли, для чего полевой штабъ 4-ой арміи выѣхалъ въ Пинскъ вмѣстѣ со всѣми инспекціями. Пріѣхавъ туда вмѣстѣ съ инспекціей пѣхоты, мнѣ случайно удалось повидать этого парикмахера, о которомъ мнѣ прожужжали уши коммунисты. Видъ онъ имѣлъ неважный и ничего геройскаго въ немъ не было, а особенно теперь, когда ему приходилось возвращаться къ прежней своей профессіи.

Въ Пинскѣ мы застали слѣдующее положеніе. Брестъ-Литовскъ былъ уже оставленъ красной арміей и бои уже велись остатками трехъ дивизій — бывшей Мозырской группой, около Кобрина, который переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Поляки, не вводя въ бой большихъ силъ, очевидно хотѣли сбить красныя части къ мѣстечку Городецъ, стоявшій на линіи ж. д. приблизительно въ 120 верстахъ къ западу отъ Пинска, дабы имѣть въ своемъ распоряженіи Московско-Брестское шоссе, по направленію Картузъ-Береза, угрожая Барановичамъ, такъ какъ въ этомъ направленіи красныхъ войскъ не было. Защита Кобрина войсками красныхъ поддерживалась главнымъ образомъ огнемъ четырехъ прекрасно оборудованныхъ бронепоѣздовъ, наслѣдованныхъ большевиками отъ старой арміи, противодѣйствовать которымъ поляки не могли тѣмъ же способомъ, такъ какъ желѣзнодорожный мостъ черезъ Бугъ у Бреста былъ разрушенъ при отступленіи красныхъ.

Съ другой стороны, эти поѣзда и составляли, главнымъ образомъ, силу красныхъ, такъ какъ разрозненныя части бывшей Мозырской группы, дезорганизованныя и панически настроенныя и къ тому же потерявшія всю свою артиллерію при отступленіи — не могли оказать серьезнаго сопротивленія. Подвозъ снарядовъ изъ базы Гомеля для бронепоѣздовъ былъ крайне затрудненъ, такъ какъ мостъ черезъ Днѣпръ у Рѣчицы, взорванный поляками еще въ 19-омъ году, не былъ еще до сихъ поръ возстановленъ, и движеніе поѣздовъ по Полѣсской линіи было крайне затруднительное. Приходилось перевозить черезъ Днѣпръ на паромѣ по три вагона въ одинъ конецъ, что давало ничтожную скорость передачи поѣзда на другую сторону рѣки. Если-же прибавить къ этому необходимость доставки провіанта частямъ красной арміи и необходимость перебросить въ Пинскъ всѣ громоздкія учрежденія штаба арміи и параллельныхъ ему всевозможныхъ политотдѣловъ, ревтрибуналовъ, особыхъ отдѣловъ и т. д., то можно себѣ представить, въ какомъ затрудненіи былъ командующій 4-ой арміей и Реввоенсовѣтъ ея, которымъ приходилось наспѣхъ, почти изъ ничего, создавать преграду дальнѣйшему наступленію поляковъ на Пинскъ и Гомель и удерживая вмѣстѣ съ тѣмъ за собой направленіе на Барановичи.

Энергія и колоссальная трудоспособность члена Реввоенсовѣта Межлаука много способствовали облегченію положенія красныхъ, но общій недостатокъ патроновъ и снарядовъ, отсутствіе живой силы и транспорта для переброски ея изъ имѣющихся запасовъ внутри Россіи, все это дѣлало положеніе въ борьбѣ за обладаніе Кобриномъ, а въ частности и Пинскомъ, крайне неустойчивымъ и ненадежнымъ. Еще въ началѣ мая произошелъ знаменитый взрывъ складовъ огнестрѣльныхъ припасовъ въ Москвѣ и въ томъ же мѣсяцѣ были взорваны, а затѣмъ и сгорѣли, колоссальные склады артиллерійскаго и интендантскаго имущества въ городѣ Вязьмѣ, бывшіе послѣдними ресурсами красныхъ армій, полученными въ наслѣдство отъ Императорской арміи. Продолжать войну дальше было нечѣмъ и некѣмъ. Все это сознавалось высшимъ командованіемъ арміи, нервировало начальниковъ разныхъ политотдѣловъ и т. п., которые въ свою очередь проявляли сильную жестокость и терроръ по отношенію, какъ мѣстныхъ жителей, заподозрѣвая ихъ въ шпіонажѣ, такъ и къ младшему командному составу и красноармейцамъ, которые пытались подъ вліяніемъ паники бѣжать съ позицій.

Здѣсь, при штабѣ мозырской группы, были въ качествѣ начальниковъ Особаго и Политическаго отдѣловъ знаменитый диктаторъ Венгріи Бѣла-Кунъ и его двоюродный братъ Бѣла-Коста, жестокость которыхъ смутила даже и Совѣтскую власть, такъ что по прибытіи въ Пинскъ полевого штаба 4-ой арміи и Реввоенсовѣта, по предложенію Межлаука, Бѣла-Кунъ былъ смѣненъ и отправленъ въ Москву, а Бѣла-Коста былъ преданъ за свои жестокости и превышеніе власти суду Ревтрибунала 4-ой арміи и разстрѣлянъ. Той же участи долженъ былъ бы подвергнуться и Бѣла-Кунъ, но его спасло отъ преданія суду только его прежнее высокое положеніе въ Венгріи и конфузъ коммунистической партіи передъ лицомъ всего міра, если бы онъ раздѣлилъ участь своего двоюроднаго брата, ибо Ревтрибуналъ несомнѣнно вынесъ бы ему смертный приговоръ. Центральная Совѣтская власть изъ Москвы категорически воспретила выдать его Ревтрибуналу, потребовавъ его въ Москву, и тѣмъ сохранила его для роли будущаго диктатора Крыма, въ которомъ онъ залилъ потоками крови территорію Таврической губерніи, послѣ оставленія ея войсками генерала Врангеля.

Въ Гомелѣ, какъ я уже выше сказалъ, расположился основной штабъ 4-ой арміи, а въ Пинскѣ – полевой и всѣ параллельныя, политическія учрежденія основного штаба, при чемъ въ нихъ влились и всѣ такія же учрежденія бывшей мозырской группы.

По полученнымъ черезъ развѣдку свѣдѣніямъ, со стороны поляковъ у Кобрина дѣйствовала одна дивизія и отрядъ извѣстнаго партизана полковника Булакъ-Балаховича. Численность этого отряда опредѣляли въ 4—5000 человѣкъ. Какъ Булакъ-Балаховичъ, такъ и его люди были извѣстны большевистскому командованію

и красноармейцамъ. Смѣлость и беззавѣтная преданность ихъ идеѣ борьбы съ большевиками, а также и безпощадная расправа съ ними, сильно нервировала какъ командованіе, такъ и красноармейцевъ, а слухи, ходившіе между красными о его неуязвимости и способности всегда внезапно появляться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его совершенно не могли ожидать, создавали ему, среди панически настроенныхъ красныхъ, ореолъ лихого партизана, отъ котораго нѣтъ возможности оборониться, а въ данномъ случаѣ и главнаго противника, такъ какъ польское командованіе вяло вело наступленіе по линіи ж. д. Стоустая молва съ быстротой молніи передавалась между громаднымъ еврейскимъ населеніемъ Пинска о появленіи «бандъ» Балаховича въ различныхъ направленіяхъ около города одновременно со всѣхъ сторонъ, чего въ дѣйствительности не было, и разсказывала о легендарныхъ его способностяхъ пройти по такимъ мѣстамъ Пинскихъ болотъ, гдѣ самые отчаянные полѣщуки, хорошо знающіе всѣ тропы болотъ и лѣсовъ, могли потерять свои головы. Все это сильно пугало еврейское населеніе Пинска, которое, видя слабость силъ красныхъ войскъ, не ожидало ничего хорошаго для себя отъ захвата Пинска отрядомъ Балаховича. Ему чудились погромы и поголовная рѣзня по примѣру г. Проскурова, гдѣ это было устроено петлюровцами.

Большевистская власть, занявъ въ іюлѣ мѣсяцѣ Пинскъ, сейчасъ же внесла сюда и всѣ свои методы управленія населеніемъ, т. е. аресты, разстрѣлы, національизацію и реквизицію имущества. Сильно пострадало при этомъ оставшееся польское населеніе города и окрестностей, особенно его буржуазная часть. На окраинѣ города находилось прекрасное имѣніе бывшаго члена Государственной Думы Скирмунта, а въ центрѣ города его же роскошный домъ; какъ первое, такъ и второй были совершенно разграблены, разрушены, а мебель вывезена неизвѣстно куда. Такъ же пострадали и другіе дома зажиточныхъ жителей города. Съ окрестныхъ крстьянъ усиленно собиралась продразверстка, необходимая для пропитанія голодной красной арміи, собиралась она чрезвычайно жестоко, сопровождаясь разстрѣлами за сопротивленіе, при чемъ агентами продразверстки были въ данномъ случаѣ мѣстные коммунисты, преимущественно изъ числа еврейской молодежи, широко навербованные коммунистическими организаціями съ приходомъ въ Пинскъ красныхъ. На лучшихъ домахъ города Пинска, принадлежавшихъ раньше его буржуазіи, не исключая и еврейской, красовались вывѣски разныхъ клубовъ «еврейской коммунистической молодежи», «еврейскихъ коммунистическихъ партійныхъ школъ» и т. п. На обстановку этихъ клубовъ принудительно отбиралась мебель у частныхъ жителей и опять таки при этомъ главную роль играли молодые коммунисты-евреи. Изъ частныхъ торговыхъ складовъ, по примѣру Вильно, вывозилось имущество для отправки въ Гомель и далѣе. Въ Особыхъ Отдѣлахъ, политпросвѣтѣ, политотдѣлѣ и прочихъ учрежденіяхъ подобнаго рода заполнила мѣста еврейская коммунистическая молодежь, какъ мѣстная, такъ и бѣжавшая изъ Бреста и Кобрина. На всевозможныхъ митингахъ ораторами выступали опять таки преимущественно мѣстные коммунисты-евреи. Все это бросалось въ глаза, создавало впечатлѣніе уже не коммунистическаго, а еврейскаго засилья у христіанскаго населенія, и особенно, въ глазахъ темныхъ полѣщуковъ, которые, бывая въ городѣ, видѣли это и которыхъ по ихъ селамъ и деревнямъ грабили продовольственные агенты, собирая продразверстку и не уплачивая ея стоимисть, а выдавая лишь квитанціи. Все это не предвѣщало ничего добраго для еврейскаго населенія въ цѣломъ, и зрѣлая его масса, относившаяся отрицательно къ дѣйствіямъ отдѣльныхъ ея членовъ-коммунистовъ, тревожно смотрѣла на будущее, ожидая неизбѣжнаго захвата Пинска войсками Балаховича.

Я жилъ на квартирѣ у старика еврея, бывшаго мелкаго лавочника, и много наслушался отъ него и его сотоварищей, которые, почуявъ во мнѣ бѣлаго по взглядамъ, собираясь по вечерамъ, горько сѣтовали на свою молодежь, которая своими дѣйствіями могла причинить много горя въ недалекомъ будущемъ. Еврейство находилось еще подъ впечатлѣніемъ недавней жестокости со стороны поляковъ, когда

въ маѣ мѣсяцѣ было разстрѣляно на Соборной площади, у стѣнъ монастыря, 47 человѣкъ видныхъ еврейскихъ дѣятелей изъ его духовнаго міра только за то, что они собрались безъ разрѣшенія надлежащей польской власти въ помѣщеніи молитвеннаго дома для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ жизнью религіозной общины. Указывая мнѣ на всѣ стороны нежелательности участія ихъ молодежи въ коммунистическихъ организаціяхъ, ввиду абсурдности и непримѣнимости коммунистическихъ идей вообще, а для всего еврейства въ частности, и также неизбѣжнаго возмездія за это, они вмѣстѣ съ тѣмъ горько жаловались, что ничего не могутъ подѣлать, чтобы воспрепятствовать и удержать эту молодежь отъ поступленія въ коммунистическую партію, такъ какъ она вышла изъ повиновенія и не считаетъ для себя авторитетомъ болѣе стариковъ, а вліяніе равиновъ на нее сводится къ нулю въ силу распространенія атеизма. Развращающее вліяніе идей коммунизма даже пошатнуло сплоченную религіозную еврейскую массу, и грозный Іегова пересталъ существовать для новаго поколѣнія еврейства. —

Городъ Пинскъ былъ окруженъ окопами солидной профили, построенными еще во время владычества здѣсь нѣмцевъ, и они могли принести извѣстную пользу въ защитѣ Пинска при нападеніи на него войскъ поляковъ или Балаховича. Прикрытый съ юга громаднымъ болотомъ, простиравшимся болѣе десятка верстъ между рѣками Пиной и Припятью, сообщеніе по которому возможно было лишь на лодкахъ по извилистымъ притокамъ Пины и Припяти, Пинскъ, съ этой стороны, равно какъ и сѣверной, защищенный такими же болотами по бассейну рѣки Ясельды, могъ быть хорошо защищенъ при условіи занятія нѣмецкихъ окоповъ, хотя-бы небольшими частями красной арміи, но отсутствіе живой силы, спеціально для этой цѣли, дѣлало оборону Пинска крайне затруднительной для большевистскаго командованія и создавало угрозу для штаба и параллельныхъ ему учрежденій, быть захваченными въ любой моментъ партизанами Балаховича, которыхъ проведутъ озлобленные противъ большевиковъ и евреевъ полѣщуки черезъ эти болота или перевезутъ на своихъ лодкахъ въ любой нужный имъ пунктъ окраины г. Пинска. Все, что было подъ рукой, въ смыслѣ живой силы, было отправлено къ Кобрину для противодѣйствія лобовымъ атакамъ поляковъ. Для охраны Пинска были оттянуты изъ подъ Кобрина два бронепоѣзда и наспѣхъ сформированъ коммунистическій батальонъ изъ еврейской молодежи, который не представлялъ изъ себя никакой реальной силы, такъ какъ коммунисты эти, никогда ранѣе не державшіе въ рукахъ винтовки, не умѣли и обращаться съ ними и представляли лишь лишніе рты, которымъ надо было выдавать паекъ. Попытка обращенія къ населенію принять участіе въ защитѣ города и образовать отряды, которымъ было бы выдано оружіе, успѣха не имѣла, такъ какъ христіанская часть населенія, втайнѣ радуясь успѣхамъ поляковъ, ждала ихъ прибытія, а еврейство въ своей массѣ, хорошо освѣдомленное объ истинномъ положеніи дѣлъ, какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу, а равно и въ ожиданіи возмездія за участіе въ этихъ отрядахъ, уклонилось отъ этого.

20-го сентября къ вечеру было получено въ штабѣ арміи извѣстіе, что Булакъ-Балаховичъ короткимъ ударомъ ликвидировалъ 88-ой пѣхотный большевистскій полкъ и попутно съ нимъ 35-ое военное строительство, которое было выдвинуто юго-западнѣе Пинска, верстахъ въ 30 отъ него за болотомъ, прилегающимъ къ Минску. Ударъ былъ настолько неожиданный что весь полкъ попалъ цѣликомъ въ плѣнъ, при чемъ въ немъ были перебиты коммунисты и евреи, а лицамъ командного состава, — за исключеніемъ красныхъ командировъ, — и красноармейцамъ было предложено Балаховичемъ или поступить къ нему на службу, или идти на всѣ четыре стороны, при чемъ обращеніе со всѣми, кромѣ коммунистовъ, было вѣжливое и вполнѣ корректное. Высланная въ это мѣсто развѣдка присутствія частей Балаховича не обнаружила, а красноармейцы, не пожелавшіе перейти на сторону Балаховича и возвращавшіеся безоружными къ Пинску, заявили, что Балаховичъ ушелъ отсюда въ юго-восточномъ направленіи, но куда — неизвѣстно. Жители хранили молчаніе и на всѣ вопросы о Балаховичѣ отвѣчали незнаніемъ. Освѣтить

дальше мѣстность разъѣздами по направленію предполагаемаго ухода Балаховича не представлялось возможнымъ, во первыхъ, въ силу малой численности этой развѣдки, а во вторыхъ, опасности для нея быть захваченной засадой Балаховича въ дебряхъ Пинскихъ лѣсовъ и болотъ, гдѣ она, не имѣя проводниковъ, принуждена была дѣйствовать въ слѣпую. Этотъ смѣлый налетъ создавалъ непосредственную угрозу уже самому Пинску.

Интереснѣе всего, что въ данномъ случаѣ еврейское населеніе было гораздо лучше освѣдомлено обо всемъ, происходящемъ на фронтѣ, чѣмъ штабъ и его развѣдка. Такъ, мой квартирный хозяинъ Розенбергъ, съ большой осторожностью, въ три часа дня мнѣ сообщилъ о нападеніи Балаховича на 88-ой полкъ, какъ о совершившемся фактѣ, между тѣмъ, когда я пришелъ въ 6 часовъ вечера въ штабъ арміи, то убѣдился изъ разговоровъ, что тамъ ничего еще про этотъ случай не извѣстно, и лишь въ 9 часовъ вечера пришло сообщеніе въ штабъ о случившемся. Послѣ провѣрки его началась суматоха и принялись за принятіе мѣръ къ непосредственной оборонѣ Пинска.

Основываясь на предположеніи, что отрядъ Балаховича слѣдуетъ въ юго-восточномъ направленіи, предполагали слѣдующій его налетъ уже на Пинскъ, именно уже съ этой стороны, тѣмъ болѣе, что въ слѣдующіе дни были донесенія о появленіи его «бандъ» на ж. д. линіи Лунинецъ-Сарны, гдѣ онѣ якобы портятъ полотно ж. д., то есть уже въ тылу. Настроеніе въ городѣ становилось все тревожнѣе и нервнѣе. На коммунистическій батальонъ разсчитывать не приходилось. Въ распоряженіи штаба арміи находился кадръ запаснаго полка, пополненія котораго были въ полномъ составѣ отправлены къ Кобрину на укомплектованіе растрепанныхъ дивизій. Кадръ этотъ состоялъ изъ старыхъ унтеръ-офицеровъ прежней арміи, большей частью раненыхъ въ германскую войну, и держался онъ только тѣмъ, что ему было обѣщано командованіемъ не отправлять на позиціи, а использовать его, какъ учебный составъ для прибывающихъ пополненій, такъ какъ никакая агитація въ пользу войны для защиты идей распространенія коммунизма на него не дѣйствовала. Въ виду того, что ничего другого подъ рукой не было, да и на прибытіе какой либо свѣжей части въ Пинскъ разсчитывать не приходилось, рѣшено было использовать этотъ кадръ, какъ сторожевое охраненіе, выдвинутое далеко впередъ въ лѣса и болота отдѣльными сторожевыми заставами къ югу отъ Пинска. Нарушеніе даннаго обѣщанія не выставлять кадръ въ качествѣ боевой силы и слухи о томъ, что Балаховичъ ничего не дѣлаетъ солдатамъ, если при нападеніи на нихъ они не защищаются, и даже распускаетъ ихъ по домамъ, рубя головы лишь коммунистамъ и евреямъ, какъ этому былъ примѣръ только что въ 88-омъ полку, создало у кадровыхъ настроеніе, что въ случаѣ, если Балаховичъ на нихъ нападетъ, то они сдадутся ему въ плѣнъ, тѣмъ болѣе, что нѣсколько отдѣльныхъ горячихъ головъ, попробовавшихъ заявить протестъ противъ назначенія кадра въ боевую линію, ссылаясь на данное обѣщаніе, были арестованы Особымъ Отдѣломъ. Эти заставы были разставлены на громадномъ разстояніи другъ отъ друга безъ телефонной связи, какъ между собой, такъ и со штабомъ обороны Пинска, въ лицѣ начальника запасной бригады, бывшаго подполковника Нуркъ, при чемъ этихъ заставъ хватило только на южную сторону. Съ сѣвера же Пинскъ не былъ ничѣмъ прикрытъ, ввиду недостатка живой силы, да кромѣ того о какихъ либо дѣйствіяхъ партизанъ оттуда свѣдѣній не поступало.

Въ связи съ создавшимся положеніемъ, командованіемъ арміи рѣшено было отправить всѣ громоздкія параллельныя штабу учрежденія обратно въ Гомель, какъ и состоящія при штабѣ всѣ инспекціи, въ томъ числѣ и пѣхоты. 21-го числа я выѣхалъ вмѣстѣ съ другими въ гор. Гомель, а 25-го сентября г. Пинскъ былъ занятъ лихимъ налетомъ Балаховича съ сѣверной стороны города, откуда его совершенно не ожидали.

Очевидцы этого налета, случайно бѣжавшіе изъ города, разсказывали слѣдующія подробности этого дѣла. Командующій арміей Шуваевъ вмѣстѣ съ начальникомъ штаба и членомъ Реввоенсовѣта Вегеромъ (Межлаукъ былъ въ это время при основномъ штабѣ въ Гомелѣ) выѣхалъ къ Кобрину по ж. д., такъ какъ въ это время, 23

сентября, поляки повели наступленіе, въ результатѣ котораго они овладѣли Кобринымъ и вышли одной колонной къ Картузъ — Березѣ. Красныя войска отступили къ м. Антонополь, за Днѣпровско-Бугскій каналъ. Въ Пинскѣ все вниманіе было обращено на отрядъ Балаховича, о мѣстонахожденіи котораго попрежнему не было никакихъ свѣдѣній, но котораго ждали съ юга отъ Пинска, тѣмъ болѣе, что слухи о появленіи его партизанъ по линіи ж. д. Лунинецъ-Сарны подтвердились. Предугадывая событія, полевой штабъ арміи переселился въ поѣздъ, который стоялъ всегда подъ парами. 25-го числа, около 5-ти часовъ вечера, совершенно неожиданно съ сѣверной стороны города, изъ лѣсу показались всадники, которые атаковали станцію и бронепоѣзда, растерявшаяся прислуга которыхъ, хотя и состоявшая сплошь изъ коммунистовъ, какъ всегда на бронепоѣздахъ, не оказала сопротивленія. Штабной поѣздъ, видя это, далъ ходъ, за нимъ бросились всадники Балаховича безъ всякой стрѣльбы и, догнавъ поѣздъ предлагали висѣвшимъ на площадкахъ чинамъ штаба остаться, убѣждая, что къ нимъ не будетъ примѣнено никакихъ репрсссій. Нѣкоторые дѣйствительно остались. Поѣздъ съ далеко неполнымъ сотавомъ полевого штаба, такъ какъ многіе были въ это время въ городѣ, развивъ скорость, ушелъ. Конныя части Балаховича вошли въ городъ и разсыпались по улицамъ, гоняясь за тѣми, кто былъ въ «кожаныхъ курткахъ» (кожаныя куртки преимущественно носятъ коммунисты, коими они награждаются Совѣтской властью за свою дѣятельность; эти награды проводятся даже приказами). Очевидцы разсказывали, что коммунисты, зная, что по этому ихъ легко узнаютъ Балаховцы, первымъ долгомъ, при извѣстіи о налетѣ Балаховича, принялись сбрасывать съ себя эти куртки, такъ что всѣ улицы были покрыты ими. Въ городѣ поднялась страшная паника. Всѣ, кто могъ, бѣжалъ по грунтовой дорогѣ на Лунинецъ. Балаховцы ихъ не преслѣдовали, а занялись грабежомъ поѣзда съ подарками, которые недавно были привезены Троцкимъ изъ Москвы для поддержанія духа красной арміи. Приняли участіе въ этомъ грабежѣ и находившіеся въ городѣ красноармейцы. Здѣсь была громадная добыча. Въ поѣздѣ было нѣсколько вагоновъ съ кожанымъ обмундированіемъ, были серебряные и золотые часы, сигары, папиросы для команднаго состава и махорка для красноармейцевъ. Все это не успѣли выдать по назначенію и все это было разграблено Балаховцами. Кромѣ этого, въ числѣ добычи были два бронепоѣзда и нѣсколько поѣздовъ съ провіантомъ. Расправы съ жителями и коммунистами въ городѣ не было, по крайне мѣрѣ бѣжавшіе оттуда коммунисты этого не видѣли. Что же дальше было — объ этомъ ничего неизвѣстно.

Судя по тому, что впослѣдствіи прибыло въ Гомель довольно большое количество коммунистовъ, бѣжавшихъ изъ Пинска, я вывожу заключеніе, что порядка въ войскахъ Балаховича не было, ибо путь для бѣжавшихъ былъ — единственная грунтовая дорога, шедшая рядомъ съ ж. д. полотномъ по узкой гати, по срединѣ огромнаго, болѣе 10 верстъ длиною, непроходимаго болота, и если бы у Балаховича выставлена была бы здѣсь застава, то никто бы не выскочилъ изъ Пинска. Во всякомъ случаѣ Балаховичъ поднесъ польскому командованію безъ потерь съ ихъ стороны, Пинскъ, результатомъ чего было занятіе Лунинца, угроза гор. Рѣчицѣ и разгромъ только что сформированной вновь 4-ой арміи.

Между тѣмъ положеніе подъ м. Антонополемъ было слѣдующее: одновременно съ занятіемъ отрядомъ Балаховича Пинска, 25-го сентября былъ взорванъ въ 10-ти верстахъ западнѣе Пинска ж. д. мостъ черезъ одинъ изъ притоковъ Пины и два бронированныхъ поѣзда, бывшіе подъ Антонополемъ, не могли продвинуться къ Пинску для борьбы съ войсками Балаховича. Въ Гомелѣ въ штабѣ арміи вторично ничего не было извѣстно о судьбѣ, какъ арміи, такъ и ея командующаго, и недѣлю спустя онъ появился уже въ Слуцкѣ, выведя съ собой остатки трехъ дивизій.

Послѣ занятія Балаховичемъ Пинска поляки повели наступленіе. Путь отступленія Шуваеву на Пинскъ былъ отрѣзанъ. Подкрѣпленія и помощи ему ждать было не отъ кого и поэтому онъ, бросивъ пушки, бронепоѣзда, которые спустили подъ откосъ, обозъ, перевязочные пункты и раненыхъ, пошелъ съ остатками дивизій трудными лѣсными дорогами на сѣверо-востокъ. Съ громадными усиліями, хотя и

не преслѣдуемый поляками, однако потерявъ большое количество отсталыми и разбѣжавшимися по домамъ, такъ какъ дивизіи были укомплектованы только что мобилизованнымъ здѣсь населеніемъ, Шуваевъ, переправившись черезъ Огинскій каналъ, вышелъ на Слуцкъ. Поляки, не останавливаясь въ Пинскѣ, продвинулись впередъ, заняли ж. д. узелъ Лунинецъ и выслали разъѣзды къ гор. Мозырю. Вторично 4-ая армія перестала существовать.

Одновременно съ этимъ поляки заняли Лиду и Барановичи и продвинулись къ Минску, уничтоживъ здѣсь 16-ю армію, еще не оправившуюся отъ августовскаго удара. Здѣсь паника былъ настолько сильна, что вся совѣтская власть вмѣстѣ съ военнымъ командованіемъ бѣжала изъ Минска безъ всякаго давленія. Такимъ образомъ въ Минскѣ не было никакой власти четыре дня. Поляки остановились въ 16 верстахъ не доходя до Минска и впередъ не продвигались. Узнавъ о намѣреніи поляковъ не занимать Минска, большевистская власть явилась туда обратно.

Южнѣе Пинска стояла 13-я армія, раіонъ которой былъ Пинскъ-Сарны-Озеряны. Этимъ кончался западный фронтъ и начинался южный, штабъ котораго былъ въ Кіевѣ. Здѣсь также поляки, одновременно съ наступленіемъ на Пинскъ повели наступленіе. Легко сбивъ деморализованныя части красныхъ, разбѣгавшіяся при одной только вѣсти о наступленіи поляковъ, они заняли эти пункты, но далѣе не продвинулись.

Это была вторая окончательная катастрофа для всего западнаго большевистскаго фронта. Не знаю, каково было положеніе на южномъ, но западнаго — фактически не существовало. Я, какъ очевидецъ всего этого и близко стоявшій къ штабу, зная истинное положеніе дѣлъ, предполагалъ тріумфальное шествіе поляковъ къ Москвѣ, такъ какъ въ этомъ направленіи они не могли встрѣтить сопротивленія. Все, что осталось отъ перваго удара, погибло при второмъ. Не было ни артиллеріи, ни снарядовъ, пополненія людьми находились внутри Россіи и подвезти ихъ вслѣдствіе разстройства транспорта, какъ будетъ видно ниже, представляло необычайныя трудности. Надвигалась осень съ ея холодами и непогодой, а одѣть не только тепло, но вообще красную армію одѣть не было во что. Какъ я уже упомянулъ выше, послѣдніе рессурсы интендантства — громадные склады въ Вязьмѣ, сгорѣли, провіантъ тоже былъ на исходѣ: тыловыя части уже перевели съ двухъ-фунтоваго хлѣбнаго пайка на фунтовый, а вѣдь на фронтѣ только это и было питаніемъ, такъ какъ о мясѣ давно и думать забыли, а за послѣднее время прекратилась выдача и селедокъ. Въ частяхъ, стоявшихъ въ тылу и уцѣлѣвшихъ отъ разгрома, началась деморализація, съ которой не могли справиться ни агитація, ни разстрѣлы. Такъ, 12-го сентября, совершенно неожиданно для штаба 4-ой арміи, прибылъ въ Гомель штабъ 17-ой кавалерійской дивизіи изъ города Мозыря, полки которой самовольно разошлись по домамъ, а тѣ красноармейцы, которые не были изъ числа мѣстныхъ жителей, ушли въ Лунинецъ къ Балаховичу. Растерянность охватила всѣхъ, не исключая и коммунистовъ. Между красноармейцами стали ходить разговоры о ненужности войны и прекращеніи ея по примѣру германской. Казалось, что все погибло для Совѣтской власти, но поляки впередъ не продвигались и вдругъ, чему сначала никто не вѣрилъ... заключили перемиріе, за которымъ послѣдовалъ и миръ. Этимъ поляки спасли большевиковъ и предали добровольческую армію генерала Врангеля.

Трудно передать радость большевиковъ, когда слухи о перемиріи подтвердились, а черезъ нѣсколько дней въ газетахъ появились статьи, а также на всѣхъ агитпунктахъ и митингахъ посыпались рѣчи, что непобѣдимая красная армія, сильная своимъ пролетарскимъ духомъ, заставила Польшу просить мира, что Совѣтская власть его приняла, такъ какъ ей необходима передышка, чтобы, имѣя развязанныя руки, сбросить генерала Врангеля въ море, а потомъ, передохнувъ, понести красное знамя III-го Интернаціонала въ Европу, которую она, благодаря героической красной арміи, избавитъ отъ буржуазныхъ элементовъ и капиталистическаго ига.

Гадко и противно было все это читать и слушать, зная на дѣлѣ всю ложь этихъ побѣдъ, видя разгромъ и катастрофу армій и прелести коммунистическаго режима, отъ котораго въ Россіи застыла вся промышленность и земледѣліе. При видѣ разо-

ренія фабрикъ, заводовъ, транспорта и сельскаго хозяйства, чувствовалось, что надвигается дальнѣйшее разореніе и голодъ, тотъ который сейчасъ испытываетъ уже вся Россія. Одураченные красноармейцы, радостно улыбаясь тому, что кончается война, слушали и, казалось, вѣрили, что дѣйствительно, благодаря ихъ подвигамъ и побѣдамъ, Польша принуждена заключить миръ, забывъ въ то-же время, что еще только вчера они бѣгствомъ спасли себѣ жизнь. Интеллигентное городское населеніе и крестьянство, съ нетерпѣніемъ ждавшее поляковъ, какъ избавителей отъ большевизма, хотя и не радуясь имъ самимъ, а просто изъ двухъ золъ выбирая меньшее, разочарованно опустило голову уже безъ всякой теперь надежды на скорый просвѣтъ. Казалось, тьма повисла надъ всѣми. Всѣ ходили печальные, одни коммунисты неистовствовали, веселились въ своихъ клубахъ и театрахъ и устраивали демонстраціи въ честь побѣды.

Между тѣмъ большевистское командованіе не теряло времени. Со свойственной ему энергіей, членъ Реввоенсовѣта Межлаукъ принялся за работу. Его трудами въ Гомелѣ былъ сформированъ коммунистическій эскадронъ, преимущественно изъ молодыхъ евреевъ, посаженныхъ на крестьянскихъ лошадей, собранныхъ по реквизиціи изъ окрестныхъ деревень. Правда, этотъ эскадронъ производилъ комическое впечатлѣніе, такъ какъ самъ эскадронъ изображалъ якобы народную силу, готовую поддержать Совѣтскую власть въ трудный моментъ, и могъ служить образцомъ для будущихъ формированій. Въ Гомель прибыли штабы дивизій и полковъ разбитой подъ Минскомъ 4-ой дивизіи, которую немедленно стали здѣсь вновь формировать, для чего была объявлена вновь мобилизація. То же самое происходило въ Жлобинѣ, Бобруйскѣ, Витебскѣ, Могилевѣ и др. значительныхъ городахъ Бѣлоруссіи. Агитпункты развили свою дѣятельность во всю. Вездѣ были концерты-митинги съ призывомъ твердо стоять на стражѣ Совѣтской власти, которая, покончивъ теперь съ поляками, должна ликвидировать остатки добровольческихъ армій, засѣвшихъ въ Крыму подъ начальствомъ ген. Врангеля, для чего рѣшено было снять все, что было, съ польскаго фронта и перебросить на югъ къ Александровску, который въ это время былъ въ рукахъ ген. Врангеля. Вездѣ были расклеены плакаты и афиши, изображавшіе въ комическомъ видѣ бѣлыя войска, въ паникѣ бѣгущія отъ рабочаго и крестьянина; по городу ежедневно ходила съ красными флагами и пѣніемъ коммунистическихъ пѣсенъ еврейская молодежь, восхваляющая мощь красной арміи. Изъ Москвы пріѣхалъ предсѣдатель В. Ц. И. К. Калининъ, объѣзжавшій для поднятія духа города Бѣлоруссіи, и здѣсь на митингахъ призывалъ сдѣлать послѣднее усиліе и свергнуть бѣлогвардейщину, послѣ чего въ Совдепіи наступитъ миръ и тишина, и райское житіе для пролетаріата и крестьянина. Мало, конечно, кто вѣрилъ этому, но тѣмъ не менѣе дивизіи пополнялись, формировались вновь и перебрасывались на югъ, куда въ составѣ уже нѣсколькихъ эшелоновъ, въ 20-ыхъ числахъ октября выступилъ и штабъ 4-ой арміи.

Въ теченіе лѣта 1920 года, во время войны съ Польшей, противъ войскъ генерала Врангеля, со стороны красныхъ было выставлено лишь нѣсколько дивизій, не объединенныхъ въ армейскія организаціи. Были только групповыя соединенія, какъ напримѣръ, извѣстнаго «героя» большевиковъ Жлобы, понесшаго страшное пораженіе отъ врангелевцевъ, о чемъ я узналъ уже только впослѣдствіи, будучи въ Крыму, отъ представителей краснаго командованія, которые разсказывали мнѣ про операціи, имѣвшія здѣсь мѣсто лѣтомъ 1920 года. Объ этомъ пораженіи въ Россіи никто не зналъ, да и не мудрено, такъ какъ въ Совдепіи существуетъ только одна печать коммунистическая, которая разгромъ своей арміи въ лучшемъ случаѣ замолчитъ, если не раздуетъ въ побѣду. Вотъ изъ этихъ то разрозненныхъ дивизій, съ добавкой къ нимъ переброшенныхъ съ западнаго фронта, и рѣшено было составить 4-ую армію, назначеніе которой было дѣйствовать непосредственно по прямой линіи Харьковъ-Симферополь, а тѣ большевистскія дивизіи, которыя находились на правомъ берегу Днѣпра, съ добавленіемъ къ нимъ дивизій, переброшенныхъ съ западнаго фронта, соединить

въ 13-ую армію, штабъ которой тоже перебрасывался съ польскаго фронта. Направленіе этой арміи было на Херсонъ.

Весь западный фронтъ передавался въ командованіе 16-ой арміи, штабъ которой находился въ Витебскѣ, а, въ частности, Гомельское направленіе поручалось вновь сформированной 4-ой дивизіи, которая рѣдкой цѣпью постовъ заняла наблюденіе за польской арміей, дошедшей до рѣки Лань, одного изъ притоковъ рѣки Припяти, верстахъ въ 200-хъ отъ г. Гомеля.

21-го октября тронулись изъ Гомеля на югъ инспекціи штаба 4-ой арміи, въ томъ числѣ и пѣхоты, въ одномъ эшелонѣ, по направленію Бахмачъ-Ромны-Полтава-Лозовая-Александровскъ до Павлограда. Проѣхали это разстояніе въ 9 дней и 1-го ноября прибыли въ Павлоградъ, гдѣ было приказано стать основному штабу 4-ой арміи. Изъ такого сравнительно долгаго путешествія можно уже заключить о состояніи ж. д. транспорта. Поѣзда двигались черепашьимъ шагомъ, станціи вездѣ были забиты порожнимъ составомъ, не имѣющимъ паровозовъ или топлива къ нимъ. Кромѣ того, особенно въ южной части Полтавской губерніи, постоянныя нападенія на поѣзда повстанческихъ бандъ, о существованіи которыхъ мы узнали здѣсь впервые, такъ какъ въ Гомельской губерніи ихъ не было, спуски ими поѣздовъ подъ откосъ, разрушеніе ж. д. мостовъ и полотна, — все это сильно тормазило движеніе поѣздовъ. Борьба съ этими бандами была Совѣтской власти не подъ силу, такъ какъ все вниманіе ея было обращено на ликвидацію войскъ Врангеля, да она въ данное время и не имѣла успѣха, такъ какъ повстанцы были совершенно неуловимы. Вездѣ по станціямъ только и слышались разговоры ж. д. служащихъ о налетѣ этихъ повстанцевъ то на одну, то на другую станцію и о нападеніи ихъ на поѣзда.

Съ громадными затрудненіями, терпя лишеніе, какъ въ продовольствіи, такъ и въ топливѣ, ибо наступили внезапно холода, а для согрѣванія теплушки приходилось ходить по станціямъ и воровать дрова, мы прибыли 1-го ноября въ Павлоградъ, гдѣ уже къ этому времени сосредоточился основной штабъ, а полевой штабъ находился на станціи Мокрая, подъ Александровскомъ. Въ это время Врангелевскія войска еще занимали Мелитополь.

Поселившись въ Павлоградѣ, я убѣдился изъ разговоровъ съ жителями, въ ихъ симпатіи къ бѣлымъ и ненависти къ большевикамъ. Павлоградъ, недавно оставленный войсками генерала Врангеля, носилъ еще слѣды порядка и чистоты, но все это быстро сметалось большевистской властью, такъ какъ начались обычные для большевиковъ насилія, реквизиціи, аресты и разстрѣлы лицъ, причастныхъ къ движенію бѣлыхъ. Все молодое населеніе города, до гимназистовъ старшихъ классовъ включительно, ушло въ составѣ Врангелевскихъ войскъ, родители же ихъ арестовывались за это и сажались въ подвалъ съ его послѣдствіями. Я жилъ далеко не въ буржуазной семьѣ вдовы фельдфебеля, прежде служившаго въ одномъ изъ полковъ старой арміи, расположенномъ въ городѣ Павлоградѣ, и слышалъ сѣтованія ея, а также и знакомыхъ на Совѣтскую власть и сожалѣніе объ уходѣ врангелевцевъ. Это былъ голосъ простыхъ людей и поэтому такъ гадки и лживы были всѣ выкрики коммунистической печати, отъ имени пролетаріата Россіи призывающіе на борьбу съ бѣлымъ движеніемъ.

Печальный видъ принялъ городъ недѣли черезъ двѣ послѣ вступленія сюда красныхъ. Стильные особняки помѣщиковъ этого уѣзда, ушедшихъ съ бѣлыми, грабились, самые дома разрушались, такъ какъ изъ нихъ вытаскивались полы, потолки и окна на топливо красноармейскими частями и всевозможными штабными учрежденіями, оставлявшими лишь каменныя стѣны. Павлоградъ – городъ степной, и въ окрестностяхъ его нѣтъ лѣса. Наступившіе ранніе холода давали себя чувствовать: въ день нашего пріѣзда морозъ дошелъ до 16 градусовъ по Реомюру и выпалъ снѣгъ. Оборванная красноармейская масса мерзла и бросалась за топливомъ. Базары, поразившіе насъ при пріѣздѣ своей величиной и сравнительной дешевизной, закрылись сами, такъ какъ ежедневно на нихъ производились облавы въ силу запрещенія свободной торговли, при чемъ эти облавы составляли любимое занятіе Чека и Особаго Отдѣла, ибо все захваченное на рынкѣ свозилось къ нимъ и поступало въ ихъ полное

распоряженіе. Все это дѣйствовало удручающимъ образомъ на населеніе, среди котораго все еще теплилась надежда, что ген. Врангель перейдетъ въ наступленіе, займетъ снова Павлоградъ и освободитъ его отъ большевиковъ. Посылались проклятья полякамъ, которые предали врангелевцевъ, такъ какъ здѣсь существовало убѣжденіе что если бы они, даже не продолжая активной борьбы, не заключили мира, а лишь стояли бы на позиціяхъ, не позволяя тѣмъ снять большевикамъ съ фронта дивизіи, то генералъ Врангель имѣлъ бы возможность съ успѣхомъ вести борьбу. Однако съ фронта приходили все болѣе и болѣе печальныя вѣсти: войска генерала Врангеля очистили Мелитополь и Бердянскъ и отходили къ Перекопу и Чангарскимъ позиціямъ.

Въ это время мнѣ пришлось бывать въ деревнѣ, въ верстахъ 35 отъ города, куда я ѣздилъ мѣнять бѣлье на продукты: — хлѣбъ и сало. Здѣсь крестьяне, узнавъ во мнѣ бывшаго офицера старой арміи, были откровенны со мной, проклинали большевиковъ и высказывали увѣренность, что Перекопъ и Чангаръ такъ укрѣплены, что большевикамъ, несмотря на громадный ихъ перевѣсъ въ численности, никогда не удастся ихъ взять. За этими укрѣпленіями армія ген. Врангеля отдохнетъ, приведетъ себя въ порядокъ и по примѣру прежнихъ лѣтъ перейдетъ въ наступленіе, чему будутъ способствовать «банды» повстанцевъ, которыя и сейчасъ оперируютъ здѣсь, какъ напримѣръ банда Чалаго, дѣйствующая съ большимъ успѣхомъ въ данное время подъ Александровскомъ. Освѣдомленность ихъ была настолько широка, что они, по имѣющимся у нихъ картамъ, показывали мнѣ планъ возможныхъ дѣйствій противъ большевиковъ. Крестьяне высказывали при этомъ сильное негодованіе противъ Махно, который, дѣйствуя до сихъ поръ, хотя и не съ Врангелемъ, но противъ большевиковъ, перешелъ на сторону послѣднихъ и этимъ сильно повредилъ и безъ того малочисленной арміи Врангеля.

Около 10-го ноября пришли извѣстія, что Чангарскія позиціи послѣ жестокихъ боевъ прорваны сводной дивизіей курсантовъ, которые были собраны съ этой цѣлью со всей Совдепіи, и что произошло это главнымъ образомъ вслѣдствіе удара бандъ Махно, перешедшихъ Сивашъ у Арбатской косы въ тылъ врангелевцамъ. Осенью этого года было необычайно низкое паденіе воды въ Сивашѣ, а затѣмъ необычайно ранніе холода, чего командованіе бѣлыхъ совершенно не ожидало, а этимъ и воспользовался Махно, который перешелъ въ бродъ Сивашъ к ударилъ въ тылъ. Врангелевцамъ пришлось бросить укрѣпленіе какъ у Чангара, такъ и у Перекопа. Такъ-ли это было на самомъ дѣлѣ, я точно не знаю, но по крайней мѣрѣ здѣсь говорили объ этомъ, прибавляя, что не будь Махно, краснымъ никогда не удалось бы сбить бѣлыхъ на неприступныхъ позиціяхъ Перекопа и Чангары.

Вскорѣ послѣ этого, полевой штабъ перешелъ на ст. Рыково за Мелитополемъ, а затѣмъ по Павлограду были расклеены побѣдные плакаты о занятіи большевиками Джанкоя, Феодосіи и Симферополя и объ отъѣздѣ войскъ Врангеля изъ Севастополя.

Всѣ надежды рухнули, вѣсти эти угнетающимъ образомъ подѣйствовали на населеніе, дальнѣйшее существованіе казалось безпросвѣтнымъ. Радость и побѣдные крики большевиковъ не поддавались описанію. Населеніе, предчувствуя грядущую расплату за симпатіи къ бѣлымъ, опустило голову и лишь банды повстанцевъ, дѣйствовавшихъ въ Александровскомъ, Мелитопольскомъ и Бердянскомъ уѣздахъ, а также и въ Херсонщинѣ, стали еще болѣе проявлять свою дѣятельность, заставляя обращать на себя вниманіе большевистскаго командованія, у котораго съ уходомъ генерала Врангеля были развязаны руки для дѣйствія противъ нихъ.

Полевой штабъ арміи перешелъ въ городъ Симферополь, куда былъ вызванъ и основной штабъ. Командующій арміей Шуваевъ еще до прибытія штаба арміи въ Павлоградъ былъ смѣщенъ съ должности и въ это время занималъ временно должность начальника штаба арміи, въ командованіе которой вступилъ подполковникъ Генеральнаго штаба Лазаревичъ, бывшій доселѣ преподавателемъ въ Москвѣ въ красной Академіи Генеральнаго штаба.

Шуваевъ былъ смѣщенъ за сдачу полякамъ Пинска, въ которой онъ, собственно говоря, не былъ виноватъ, что видѣлъ и зналъ членъ Реввоенсовѣта арміи Межлаукъ,

который за него и вступился передъ центральной властью въ Москвѣ. Благодаря его заступничеству, Совѣтская власть не обошлась съ Шуваевымъ сразу болѣе рѣзко, а ограничилась лишь смѣщеніемъ на должность начальника штаба. Вскорѣ послѣ этого и самъ Межлаукъ вышелъ изъ Реввоенсовѣта 4-ой арміи и получилъ назначеніе на должность коменданта «Укрѣпленнаго Кіевскаго Раіона», принявъ должность котораго, онъ выѣхалъ изъ Гомеля одновременно съ переѣздомъ штаба 4-ой арміи на югъ, но по дорогѣ уже получилъ назначеніе на должность коменданта «Укрѣпленнаго Херсонскаго Раіона». Пока онъ ѣхалъ туда, и эта должность была упразднена, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда шли Крымскія операціи, онъ фигурировалъ уже въ роли члена Реввоенсовѣта 13-ой арміи, оперировавшей въ этомъ раіонѣ, главнымъ образомъ, противъ повстанческихъ бандъ. Въ началѣ января 1921-го года, какъ я уже выше говорилъ, онъ былъ убитъ, во время своей поѣздки по Херсонщинѣ, при нападеніи повстанцевъ на его поѣздъ.

Выбытіе Межлаука изъ Реввоенсовѣта 4-ой арміи развязало руки Особому Отдѣлу, и онъ сразу поднялъ агитацію противъ Шуваева. Вслѣдствіе этого Шуваевъ былъ смѣщенъ съ должности начальника штаба арміи и отправленъ въ Харьковъ, гдѣ былъ причисленъ къ штабу южнаго фронта, впредь до разбора судомъ его дѣла по сдачѣ полякамъ Пинска. Впослѣдствіи я слышалъ, что ему удалось уже лѣтомъ 21-го года доказать свою невиновность въ паденіи Пинска, и онъ, не занимая какой либо отвѣтственной должности, числился при штабѣ командующаго южнымъ фронтомъ Фрунзе — Михайловѣ въ Харьковѣ. Въ послѣднее время, именно въ мартѣ 1922 года, я, будучи въ Петроградѣ, слышалъ, что Шуваевъ предназначается (а теперь, можетъ быть, и назначенъ) въ начальники штаба Петроградскаго Военнаго Округа.

Судъ надъ Мясоѣдовымъ

(Впечатлѣнія очевидца)

Б. Б—аго

Въ концѣ декабря 1914 года я былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба Ковенской крѣпости. Положеніе этой твердыни и опоры праваго фланга нашихъ армій тогда было вполнѣ прочнымъ и, казалось, надежно обезпечивалось выдвинутой далеко впередъ X арміей, занимавшей позиціи въ предѣлахъ Восточной Пруссіи.

Центръ тяжести борьбы съ Германіей былъ перенесенъ на рѣку Бзуру, въ Польшу, гдѣ сосредоточились главныя массы нашихъ и нѣмецкихъ войскъ.

Гарнизонъ крѣпости составляли двѣ ополченскія бригады, вооруженныя винтовками Бердана, второочередной казачій полкъ и нѣсколько сотенъ пограничной стражи.

Крѣпостная артиллерія спѣшно формировала осадный дивизіонъ, назначавшійся для отправки подъ Перемышль.

Въ штабѣ крѣпости уже поговаривали, что Ковно не суждено въ этой войнѣ сыграть свою роль, ибо если до настоящаго времени у нѣмцевъ не хватило силъ, чтобы отбросить наши арміи и приступить къ осадѣ, то въ дальнѣйшемъ силы ихъ будутъ уменьшаться съ каждымъ днемъ, и возможность осады дѣлается все менѣе вѣроятной.

Это мнѣніе раздѣлялось Комендантомъ крѣпости, генераломъ Григорьевымъ, и начальникомъ Штаба, генераломъ Бурковскимъ.

Ничто не предвѣщало надвигающейся грозы 1915 года. Ковно жило лихорадочно-веселой жизнью близкаго къ фронту города. Большинство жителей, особенно состоятельнаго класса, покинуло городъ съ первыхъ дней войны, семейства гарнизона были отправлены вглубь Россіи съ началомъ мобилизаціи, но все же значительное число жителей оставалось въ городѣ.

Магазины торговали бойко, театры, кинематографы и рестораны были переполнены офицерами, пріѣзжавшими съ фронта отдохнуть и повеселиться. Уличная толпа состояла сплошь изъ сѣрыхъ офицерскихъ шинелей и лишь изрѣдка разнообразилась бѣлыми косынками сестеръ милосердія многочисленныхъ военныхъ госпиталей, подъ которые были заняты почти всѣ свободныя зданія Ковно. Однако, все держалось въ рамкахъ приличія и благопристойности. Суровый режимъ крѣпости, состоящей на военномъ положеніи, не допускалъ никакихъ дебошей и тыловыхъ безобразій.

Рестораны закрывались рано, и вообще съ наступленіемъ темноты всѣ огни гасились, а окна занавѣшивались занавѣсками, въ виду частыхъ налетовъ цепелиновъ, не приносившихъ, однако, никакого вреда.

Но уже съ середины января штабъ крѣпости началъ получать изъ штаба X арміи свѣдѣнія о подготовкѣ нѣмцами наступательной операціи противъ нашихъ войскъ, занимавшихъ германскую территорію.

Развѣдка обнаружила прибытіе новыхъ частей и перегруппировку старыхъ, артиллерія усиливалась, аэропланы проявляли усиленную дѣятельность.

Было очевидно, что нѣмцы собираются отбросить насъ съ послѣдняго занятаго нами клочка своей территоріи, которая имъ была нужна къ началу весеннихъ посѣвовъ.

Комендантъ крѣпости забилъ тревогу. Въ случаѣ неудачи арміи и отхода ея на линію фортовъ, крѣпость, не имѣвшая пѣхотнаго гарнизона, въ сущности была беззащитна, ибо разсчитывать на успѣшную оборону ея частями, отошедшими съ фронта и совершенно незнакомыми не только съ крѣпостной войной, но даже съ расположеніемъ укрѣпленій, было, конечно, невозможно.

Въ виду этого я былъ командированъ въ штабъ арміи для доклада Командующему арміей о положеніи крѣпости и съ просьбой о присылкѣ дивизіи пѣхоты и о задержаніи тѣхъ частей крѣпостной артиллеріи, которыя предназначались къ отправленію подъ Перемышль.

Хотя крѣпость подчинялась непосредственно Главнокомандующему Сѣверо-Западнымъ фронтомъ, но Комендантъ счелъ нужнымъ освѣдомить о положеніи дѣлъ и Командующаго X арміей, которая дѣйствовала въ районѣ Ковно, разсчитывая на его содѣйствіе. Подъ предлогомъ сдачи военно-историческихъ документовъ, я выѣхалъ на автомобилѣ по шоссе черезъ Маріамполь, Кальварію, Сувалки въ прусскую деревню Марграбово, гдѣ помѣщался штабъ X арміи.

Небольшая, брошенная жителями, разоренная войной деревня была наполнена нашими солдатами и обозами. Чистенькіе кирпичные домики подъ черепичными крышами печально смотрѣли на улицу своими выбитыми окнами и поломанными дверями. По всѣмъ направленіямъ сновали солдаты, тогда еще чисто одѣтые и старательно отдававшіе честь. Присутствіе большого начальства сразу чувствовалось по разставленнымъ вездѣ постамъ комендантской команды (военная полиція) и по надписямъ, указывающимъ дороги и различныя помѣщенія.

Штабъ арміи помѣщался въ двухъ прекрасныхъ двухъэтажныхъ зданіяхъ бывшаго нѣмецкаго общиннаго управленія. Представившись генералъ-квартирмейстеру полковнику К., я былъ принятъ командующимъ арміей, генераломъ Сиверсомъ.

Выслушавъ мой докладъ, ген. Сиверсъ приказалъ передать коменданту крѣпости, что противъ наступательной операціи нѣмцевъ принимаются соотвѣтствующія мѣры, что онъ надѣется парировать наступленіе и что во всякомъ случаѣ непосредственно крѣпости опасности не угрожаетъ.

Что касается увода изъ крѣпости артиллеріи и нѣкоторыхъ другихъ боевыхъ матеріаловъ, то распоряженіе объ этомъ исходитъ отъ Ставки, а потому имъ, ген. Сиверсомъ, отмѣнено быть не можетъ.

Поужинавъ въ штабѣ арміи и переночевавъ въ квартирѣ нѣмецкаго пастора, назначенной теперь для пріѣзжающихъ и сохранившей еще свою довольно уютную обстановку и удобную мебель, я на другой день утромъ уѣхалъ въ Ковно.

Зима въ этотъ годъ выдалась очень снѣжная, всѣ дороги были занесены и ѣзда на автомобилѣ, даже по шоссе, было очень затруднительна.

Докладъ мой коменданту крѣпости о результатахъ переговоровъ съ ген. Сиверсомъ вызвалъ усиленную переписку его со штабомъ Сѣверо-Западнаго фронта.

Но тѣмъ не менѣе, хлопоты ген. Григорьева успѣхомъ не увѣнчались. Осадный дивизіонъ ушелъ подъ Перемышль, а помощь крѣпость получила только тогда, когда уже выяснилась полная неудача X арміи. Но объ этомъ ниже.

Въ послѣднихъ числахъ января, кажется 25 числа, нѣмцы атаковали пѣхотой нашу конную группу (1-я и 3-я кавалерійск. дивизіи) ген. Леонтовича, расположенную на правомъ флангѣ X арміи.

Не оказавъ достаточно упорнаго сопротивленія, ген. Леонтовичъ быстро отошелъ почти на цѣлый переходъ назадъ, къ гор. Шаки, Сувалк. губ., оголивъ правый флангъ лѣвѣе стоявшаго 3 армейск. корпуса ген. Епанчина. Обойденный съ праваго фланга и тѣснимый съ фронта, 3 корпусъ, также не оказавшій должнаго сопротивленія, началъ отступать къ Вержболову.

Отходъ 3 корпуса вынудилъ и другіе корпусы X арміи къ немедленному отступленію.

Неблагопріятная погода, оттепель, сдѣлавшая дороги почти непроходимыми, и глубокій обходъ праваго фланга способствовали безпорядочности отступленія и потери значительной части военнаго имущества.

Отбросивъ наши правофланговыя части къ востоку отъ шоссе Маріамполь-Кальварія, нѣмцы прекратили преслѣдованіе ихъ и, выставивъ незначительные заслоны у Маріамполя, по рѣкѣ Шешунѣ и у Пильвишекъ, двинулись по шоссе на югъ черезъ Кальварію къ Сувалкамъ съ цѣлью добить отступавшій позади всѣхъ и прокладывавшій себѣ путь чрезъ дремучіе Августовскіе лѣса XX армейскій корпусъ.

Къ сожалѣнію, эта операція имъ удалась, и доблестный XX корпусъ, на котораго легла вся тяжесть отступленія изъ В. Пруссіи, былъ окруженъ и погибъ почти цѣликомъ, кромѣ одной бригады, пробившейся къ Гродно.

3 арм. корпусъ, отступавшій по шоссе черезъ Маріамполь и далѣе на Ковно, былъ настолько разстроенъ, что комендантъ крѣпости, послѣ переговоровъ съ пріѣхавшимъ на автомобилѣ ген. Епанчинымъ, рѣшилъ не задерживать корпусъ на такъ называемыхъ Козлово-Рудскихъ позиціяхъ, устроенныхъ по западной и юго-западной опушкѣ огромнаго Козлово-Рудскаго лѣса, въ 35 верстахъ отъ Ковно, а разрѣшилъ оттянуть корпусъ ближе къ крѣпости.

Между тѣмъ, слабый и разстроенный 3 корпусъ по самому направленію своего отхода составлялъ единственную силу, прикрывавшую крѣпость.

Положеніе 3 корпуса и разстройство цѣлой X арміи вызвали опасенія Ставки за судьбу крѣпости, и въ первыхъ числахъ февраля въ Ковно начали прибывать эшелоны 2 бригады 68 пѣхотн. дивизіи, перебрасываемой изъ подъ Варшавы.

3 корпусъ къ этому времени сосредоточился у сел. Годлево, на шоссе между Козлово-Рудской позиціей и Ковно.

Козлово-Рудская позиція была занята 1 драгун. Московскимъ полкомъ и 1 нашей батареей подъ командой полковника Бискупскаго, а конница ген. Леонтовича перешла въ районъ г. Кальваріи, гдѣ должна была дѣйствовать противъ противника, двигавшагося на Сувалки.

Насколько успѣшно она выполнила свою задачу, видно изъ печальной участи XX корпуса.

Между тѣмъ, нѣмецкіе планы начали понемногу выясняться. Московскій лейбъ-драгунскій полкъ, занимавшій укрѣпленную позицію на протяженіи около 15 верстъ, сидѣлъ въ своихъ окопахъ совершенно спокойно, нѣмцы не показывались передъ нимъ. Агенты нашей тайной развѣдки донесли, что противникъ, занявъ ст. Пильвишки, взорвалъ желѣзнодорожный мостъ черезъ р. Шешуну на линіи Ковно-Вержболово. Было ясно, что все вниманіе и всѣ силы нѣмцевъ обращены на югъ, въ раіонъ Сувалки-Гродно, гдѣ разыгрывалась драма XX корпуса и куда направлялись наши сильные резервы, и что въ ближайшее время операцій противъ крѣпости ожидать нельзя.

Напротивъ, обстановка требовала нашего удара въ направленіи Маріамполь-Вержболово съ цѣлью смять небольшіе заслоны, находившіеся противъ Ковно, и угрозой тылу противника помочь нашимъ войскамъ у Сувалокъ-Гродно.

Войска для этого были, но не было главнаго — рѣшимости.

Комендантъ крѣпости рѣшилъ воспользоваться благопріятно складывавшейся обстановкой и закрѣпить за собою важную Козлово-Рудскую позицію. Въ виду этого прибывшая въ Ковно бригада 68 дивизіи, одна изъ находившихся въ крѣпости ополченскихъ бригадъ, съ придачей 51 Донского казачьяго полка, были выдвинуты впередъ и, безъ помѣхи со стороны нѣмцевъ, заняли Козлово-Рудскую позицію, смѣнивъ лейбъ-драгунскій Московскій полкъ. Такимъ образомъ, образовался Козлово-Рудскій отрядъ, начальникомъ котораго былъ назначенъ вр. командовавшій бригадой полк. Александровъ, а начальникомъ штаба — я.

3 корпусъ, отошедшій было къ м. Прены, на Нѣманѣ южнѣе Ковно, выдвинулся впередъ и расположился лѣвѣе нашего отряда.

Впечатлѣніе отъ столь неожиданнаго и быстраго пораженія X арміи, сопровождавшагося гибелью цѣлаго корпуса и огромными матеріальными потерями, было велико и отразилось на всей Россіи.

Говорили, что Верховный Главнокомандующій В. К. Николай Николаевичъ рвалъ и металъ.

Командующій арміей ген. Сиверсъ и его начальникъ штаба генералъ баронъ Будбергъ, имѣвшіе несчастіе къ тому же носить нѣмецкія фамиліи, были немедленно устранены отъ должностей. По секрету въ Ковно передавали, что они будутъ преданы военно-полевому суду чуть ли не за измѣну.

Дѣйствительно, когда обстановка начала мало-по малу разъясняться, то стало очевидно, что неудача X арміи произошла благодаря цѣлому ряду нашихъ ошибокъ, а не численному превосходству противника.

И опять проклятое слово «измѣна» пронеслось по всей Россіи. По всѣмъ угламъ зашептали, передавая «чудовищныя» новости о какихъ-то шпіонахъ, засѣдающихъ чуть ли не въ штабахъ Главнокомандующихъ, летающихъ на аэропланахъ и имѣющихъ всюду свои радіо-станціи.

Общественное мнѣніе требовало наказанія «шпіоновъ», и если ихъ не могли найти, то надо было выдумать.

II

Однажды, въ началѣ февраля, когда я пріѣхалъ изъ д. Дембова Буда, гдѣ находился штабъ Козлово-Рудской позиціи, въ Ковно, въ штабѣ крѣпости мнѣ сказали, что въ Ковно прибылъ изъ штаба X арміи нѣкій подполковникъ Мясоѣдовъ, имѣющій серьезное порученіе вести изъ Ковно такъ называемую агентурную развѣдку, т. е. посылать въ расположеніе нѣмцевъ нашихъ шпіоновъ. Будучи съ докладомъ у начальника штаба крѣпости, я узналъ, что подп. Мясоѣдовъ, присланный въ крѣпость, есть то самое лицо, о которомъ такъ много говорилось въ Государственной Думѣ въ 1910 или 1911 году, котораго А. И. Гучковъ прямо обвинялъ въ шпіонствѣ въ пользу Германіи и указывалъ на его связи съ военнымъ министромъ ген. Сухомлиновымъ.

Ген. Бурковскій сказалъ мнѣ, что вслѣдствіе этихъ разоблаченій и шума, поднятаго Гучковымъ, Мясоѣдовъ, тогда жандармскій ротмистръ, былъ вынужденъ выйти въ отставку, но что разслѣдованіе выяснило полную его невиновность и что связи его съ ген. Сухомлиновымъ основывались на томъ, что Мясоѣдовъ, будучи

начальникомъ жандармскаго управленія на пограничной станціи Вержболово, оказывалъ услуги г-жѣ Сухомлиновой, часто ѣздившей за-границу и провозившей оттуда большіе сундуки съ туалетами, оплата которыхъ пошлиной стоила бы очень дорого. Что касается слуховъ о томъ, что Мясоѣдовъ будто бы посѣщалъ Императора Вильгельма II въ его охотничьемъ замкѣ Роминтенѣ, находящемся недалеко отъ Вержболово, то ген. Бурковскій не придавалъ имъ никакого значенія и даже иронизировалъ, говоря, что званіе шпіона во всякомъ случаѣ не даетъ права представленія ко Двору.

Нѣсколько дней спустя, будучи опять въ Ковно, я былъ приглашенъ обѣдать къ служащему въ штабѣ подполковнику Ш. Въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ гостей былъ и Мясоѣдовъ, съ которымъ я тогда познакомился.

Обѣдъ былъ прекрасный, вина подавали въ изобиліи. Мясоѣдовъ, оказавшійся веселымъ и неглупымъ собесѣдникомъ, скоро овладѣлъ разговоромъ и поддерживалъ его до конца обѣда.

Онъ много разсказывалъ объ успѣхѣ своей развѣдки и о томъ, какъ онъ предупреждалъ штабъ X арміи о томъ, что нѣмцы нанесутъ свой ударъ въ правый флангъ, а не въ лѣвый, какъ предполагали Сиверсъ и Будбергъ, державшіе армейскіе резервы за лѣвымъ флангомъ. Не послушались Мясоѣдова, и вышло плохо.

Разговоръ скоро перешелъ на другія темы, болѣе веселыя, и Мясоѣдовъ и здѣсь блеснулъ нѣсколькими интересными разсказами о своихъ побѣдахъ и успѣхахъ, но уже не на поляхъ сраженій, а въ будуарахъ.

Говорилъ онъ хорошо и производилъ впечатлѣніе очень неглупаго и вполнѣ свѣтскаго человѣка. Высокаго роста, отлично сложенный, съ пріятнымъ выраженіемъ лица, одѣтый безукоризненно, онъ и своею наружностью оставлялъ пріятное впечатлѣніе.

Вскорѣ послѣ обѣда Мясоѣдовъ ушелъ, заявивъ, что ему предстоитъ интересная встрѣча съ какой-то полькой, живущей рядомъ съ нимъ. Послѣ его ухода оставшіеся допивать кофе гости, естественно, заговорили о немъ.

Начальникъ крѣпостной жандармской команды полковникъ Нащокинъ, на вопросъ кого-то изъ присутствовавшихъ, какимъ образомъ Мясоѣдовъ, имя котораго во всякомъ случаѣ было задѣто разоблаченіями Гучкова, могъ получить такое отвѣтственное порученіе, сказалъ, что, насколько ему извѣстно, Мясоѣдовъ вполнѣ реабилитированъ и что настоящее назначеніе онъ получилъ по рекомендаціи военнаго министра.

Во время объявленія мобилизаціи Мясоѣдовъ, какъ отставной офицеръ, былъ призванъ въ ополченіе и служилъ въ какой-то дружинѣ въ глубинѣ Россіи, кажется, въ Воронежѣ. Оттуда онъ написалъ письмо ген. Сухомлинову съ просьбой назначить его на фронтъ. Сухомлиновъ далъ ему рекомендательное письмо къ командующему X арміей ген. Сиверсу. Послѣдній не могъ отказать лицу съ такой солидной рекомендаціей и взялъ Мясоѣдова въ штабъ арміи, поручивъ ему агентурную развѣдку, такъ какъ это дѣло ему, бывшему жандармскому офицеру, да еще служившему въ мирное время въ томъ же раіонѣ, гдѣ теперь дѣйствовала X армія, было болѣе знакомо, нежели какая-либо другая отрасль службы.

Въ настоящее же время, по словамъ полк. Нащокина, Мясоѣдовъ командированъ въ Ковно, потому что штабъ считаетъ посылку агентовъ изъ Ковно болѣе удобной.

Полк. Нащокинъ сообщилъ, что при Мясоѣдовѣ состоитъ какой-то чиновникъ, который, однако, держитъ себя очень скрытно, почти ни съ кѣмъ не разговариваетъ и который, по мнѣнію Нащокина, и дѣлаетъ все дѣло, а Мясоѣдовъ больше интересуется женщинами.

18-го февраля около 4 часа дня начальникъ Козлово-Рудскаго отряда и я собирались ѣхать на позицію, чтобы выбрать мѣста для ожидавшагося на другой день изъ Ковно тяжелаго артиллерійскаго дивизіона. Я послалъ ординарца за автомобилемъ, и въ ожиданіи подачи его мы надѣвали полушубки и амуницію.

Въ это время на шоссе раздался шумъ подъѣхавшаго автомобиля и, выглянувъ въ окно, я увидѣлъ подъѣхавшій къ штабу крѣпостной автомобиль, а въ немъ Мясоѣдова съ какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ чиновникомъ.

Помню, въ глаза сразу бросилась щеголеватая наружность Мясоѣдова. На немъ былъ совершенно новый, изящно сшитый полушубокъ, новенькая, дорогой кожи, амуниція, и, кромѣ обычнаго вооруженія револьверомъ и шашкой, онъ держалъ въ рукахъ блестѣвшій чистотою и новизной маузеровскій карабинъ.

Спросивъ что-то у стоявшаго на крылечкѣ солдата, Мясоѣдовъ вошелъ въ помѣщеніе нашего штаба.

Поздоровавшись со мною и представившись полковнику Александрову, онъ спросилъ:

«Могу ли видѣть начальника отряда?»

«Я начальникъ отряда», сказалъ полк. Александровъ.

«Вы полковникъ Авчинниковъ?»

«Нѣтъ, я полковникъ Александровъ, а полк. Авчинниковъ — командиръ казачьяго полка, онъ не живетъ здѣсь», отвѣтилъ полк. Александровъ.

«Ну, вотъ, пойдите же, сказалъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ Мясоѣдовъ, все путаютъ въ штабѣ крѣпости и меня увѣряли, что начальникъ отряда — полк. Авчинниковъ! — Но, во всякомъ случаѣ, я отыскалъ настоящаго начальника и мнѣ надо будетъ поговорить съ Вами и Вашимъ начальникомъ штаба наединѣ».

Полк. Александровъ выслалъ изъ комнаты ординарцевъ, и мы остались втроемъ въ комнатѣ.

Мясоѣдовъ сказалъ намъ, что пріѣхалъ въ Дембову Буду, чтобы выслать отсюда къ нѣмцамъ «своихъ людей», и просилъ насъ указать ему, что именно желательно освѣтить въ расположеніи противника, добавивъ, что если мы пожелаемъ, то агенты по возвращеніи будутъ являться въ Дембову Буду и дѣлать свои доклады непосредственно намъ.

Я отвѣтилъ Мясоѣдову, что намъ необходимо знать, какими силами занятъ гор. Маріамполь, а также какія части, кромѣ Баварскаго лыжнаго баталіона, занимаютъ р. Шешупу у дер. Сургуце, такъ какъ до настоящаго времени мы брали въ плѣнъ только этихъ лыжниковъ и драгунъ 1-го полка. Всѣ эти пункты я указалъ Мясоѣдову по картѣ.

Что касается явленія агентовъ намъ, то полк. Александровъ и я находили это очень удобнымъ и просили отдать соотвѣтствующее приказаніе.

Мясоѣдовъ заявилъ, что все будетъ сдѣлано согласно съ нашими указаніями.

«А Вы куда собираетесь?» — спросилъ Мясоѣдовъ, увидя, что мы одѣты въ полушубки.

Я отвѣтилъ, что мы ѣдемъ на позицію.

«Я прошу разрѣшенія съѣздить туда вмѣстѣ съ Вами, чтобы ознакомиться съ мѣстностью» — сказалъ Мясоѣдовъ, обращаясь къ полк. Александрову.

«Сдѣлайте одолженіе, поѣдемте съ нами» — отвѣтилъ послѣдній.

Объяснивъ Мясоѣдову, какъ надо ѣхать на позицію, мы вышли на крылечко нашего штабного дома.

У подъѣзда стоялъ уже нашъ автомобиль, рядомъ съ мясоѣдовскимъ, у котораго прохаживался пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ чиновникъ, одѣтый, какъ я замѣтилъ,

въ форму служащаго въ военномъ министерствѣ. Онъ все время оставался на шоссе и въ комнату не входилъ.

Усѣвшись въ свой автомобиль, мы съ полк. Александровымъ уѣхали, не ожидая Мясоѣдова, который почему-то задержался, и мы потеряли его изъ виду.

Я останавливаюсь на этихъ подробностяхъ потому, что, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, онѣ имѣли значеніе при разборѣ дѣла въ судѣ.

Къ позиціи надо было проѣхать около 3 верстъ по шоссе. Не доѣзжая около 1/4 версты до мѣста пересѣченія шоссе съ линіей окоповъ, у небольшого лѣска мы оставляли обыкновенно автомобиль и далѣе шли пѣшкомъ. Такъ мы сдѣлали и въ этотъ пріѣздъ. Осмотрѣвши расположеніе правофланговыхъ ополченскихъ дружинъ и намѣтивши мѣста для двухъ гаубичныхъ батарей, которыми мы предполагали обстрѣливать окопы нѣмцевъ на р. Шешунѣ и лѣсъ, гдѣ у нихъ, видимо, были устроены землянки для резервовъ, мы вновь возвратились на шоссе, чтобы перейти на лѣвофланговый участокъ, гдѣ предполагалось поставить батарею 42 лин. пушекъ для обстрѣла гор. Маріамполя. Выйдя на шоссе, мы увидѣли Мясоѣдова, стоявшаго у окоповъ. Завидѣвъ насъ, онъ сейчасъ же подошелъ и вступилъ въ разговоръ.

На позиціи было совершенно тихо, только на правомъ флангѣ были видны рѣдкіе разрывы нѣмецкой шрапнели и слышенъ былъ нашъ пулеметъ. Мы знали, что такая стрѣльба производится ежедневно передъ вечеромъ, такъ какъ нѣмцы старались помѣшать намъ исправлять полотно желѣзной дороги.

Какъ человѣкъ, видимо, никогда не видавшій окоповъ, Мясоѣдовъ все съ любопытствомъ разслѣдывалъ и разспрашивалъ. Гдѣ нѣмцы? видны ли они? гдѣ ихъ артиллерія? почему они стрѣляютъ? гдѣ наша артиллерія? почему солдаты такъ открыто ходятъ около окоповъ и пр. Услыхавъ, что мы говоримъ о расположеніи артиллеріи, онъ сказалъ, что, ѣдучи изъ Ковны, онъ обогналъ на шоссе идущій къ намъ тяжелый дивизіонъ.

Исполнивши свое дѣло и удовлетворивши по возможности любопытство Мясоѣдова, мы вернулись къ автомобилямъ и уѣхали обратно въ Дембову Буду.

Мясоѣдовъ, не заѣзжая въ штабъ, проѣхалъ прямо въ Ковно.

На другой или на третій день послѣ Мясоѣдовскаго визита въ Дембову Буду я уѣхалъ въ штабъ крѣпости. Придя въ штабъ, я встрѣтилъ тамъ подполк. Ш., у котораго я обѣдалъ вмѣстѣ съ Мясоѣдовымъ.

«Вы ничего не знаете?» — спросилъ онъ меня таинственно.

«Ровно ничего!»

«18 февраля, послѣ возвращенія изъ Дембовой Буды, Мясоѣдовъ арестованъ по подозрѣнію въ шпіонствѣ» — сказалъ онъ мнѣ шопотомъ. «Заходите ко мнѣ на квартиру, я разскажу вамъ всѣ подробности».

Послѣ доклада начальнику штаба, который кратко сообщилъ мнѣ, что Мясоѣдовъ арестованъ за сношенія съ нѣмцами и увезенъ изъ Ковно, я поспѣшилъ къ подполк. Ш. и услыхалъ отъ него слѣдующее:

Вскорѣ послѣ нашего обѣда съ Мясоѣдовымъ, въ Ковну пріѣхалъ въ штатскомъ платьи и подъ чужимъ именемъ начальникъ контръ-развѣдки штаба Сѣверо-Западнаго фронта, жандармскій полковникъ Л., помощникъ полковника генеральнаго штаба Б—на, и предупредилъ полк. Нащокина, что имѣетъ порученіе арестовать Мясоѣдова, сношенія котораго съ нѣмцами доказаны. Л. объяснилъ, что командировка Мясоѣдова въ Ковно сдѣлана умышленно, дабы незамѣтно удалить его изъ штаба X арміи и раіона Гродно, гдѣ велись боевыя операціи, а также и для того, чтобы здѣсь, вдали отъ боевой обстановки, выяснить, съ кѣмъ именно онъ ведетъ сношенія.

Эта послѣдняя обязанность была возложена на даннаго ему самимъ полковникомъ Б—нымъ чиновника департамента полиціи, подъ видомъ личнаго секретаря.

Такимъ образомъ, таинственный «секретарь» Мясоѣдова оказался его опаснѣйшимъ врагомъ!

Послѣ пріѣзда Мясоѣдова изъ Дембовой Буды, 18-го февраля вечеромъ, полк. Нащокинъ арестовалъ его на квартирѣ.

Со стороны Мясоѣдова ожидали сопротивленія, почему Нащокина сопровождало нѣсколько опытныхъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, но Мясоѣдовъ не только не оказалъ никакого сопротивленія, но напротивъ принялъ извѣстіе объ арестѣ совершенно спокойно и сказалъ полк. Нащокину: «пожалуйста, дѣлайте то, что Вамъ приказано, я увѣренъ, что это только недоразумѣніе, которое скоро разъяснится».

Въ тотъ же день Мясоѣдовъ былъ увезенъ подъ конвоемъ изъ Ковны, но куда — Ш. не зналъ.

«Съ кѣмъ же велъ сношенія Мясоѣдовъ, кто его пособники и арестованы ли они?» — спросилъ я.

«Этого я не знаю, отвѣтилъ Ш., но знаю, что никто, кромѣ Мясоѣдова не арестованъ, а что будетъ дальше — поживемъ, увидимъ!»

IV

9-го или 10-го марта по телефону изъ штаба крѣпости я получилъ приказаніе немедленно явиться въ Ковно. Сѣвъ въ автомобиль, я черезъ часъ былъ въ штабѣ крѣпости.

Ген. Бурковскій сказалъ мнѣ, что изъ штаба фронта получено приказаніе командировать меня немедленно въ Варшаву для дачи судебному слѣдователю показаній по дѣлу Мясоѣдова. Ген. Бурковскій прибавилъ, что комендантъ крѣпости не соглашается на мою командировку, полагая, что я ничего существеннаго по дѣлу Мясоѣдова не знаю, а между тѣмъ мое присутствіе на позиціи онъ считаетъ необходимымъ и приказалъ мнѣ лично явиться ген. Григорьеву.

Ген. Григорьевъ принялъ меня по обыкновенію очень любезно и выразилъ удивленіе по поводу распоряженія штаба фронта, сообщивъ, что считаетъ мое присутствіе въ Дембовой Будѣ необходимымъ и что имъ послана телеграмма генералъ-квартирмейстеру фронта съ просьбой отмѣнить мою поѣздку въ Варшаву и съ предложеніемъ ограничиться высылкой моихъ письменныхъ показаній.

Я доложилъ ген. Григорьеву, какъ и при какихъ обстоятельствахъ я встрѣчался съ Мясоѣдовымъ, и просилъ по возможности избавить меня отъ участія въ этомъ непріятномъ дѣлѣ.

Комендантъ еще разъ обѣщалъ сдѣлать все возможное, чтобы задержать меня здѣсь, и приказалъ вернуться въ Дембову Буду.

Тѣмъ не менѣе, дня черезъ 3—4 я получилъ предписаніе изъ штаба крѣпости немедленно выѣхать въ Варшаву, гдѣ явиться судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ Матвѣеву, въ камерѣ его на Медовой улицѣ.

17 марта утромъ, въ страстной вторникъ, я выѣхалъ изъ Ковно. 18 марта около полудня пріѣхалъ въ Варшаву и остановился въ гост. «Бристоль» на Краковскомъ предмѣстьи.

Варшава, которую я зналъ въ до-военное время, поразила меня своею пустынностью и унылымъ видомъ. Былого уличнаго оживленія и нарядной веселой толпы, переполнявшей всѣ улицы, не было и въ поминѣ. Улицы были почти пусты. Рѣдкіе

извозчики, рѣдкіе куда-то спѣшившіе прохожіе. Даже офицеровъ и солдатъ было сравнительно мало.

У кондитерской «Люрсъ», находящейся противъ гостиницы «Бристоль», стояла въ очередь цѣлая вереница обозныхъ повозокъ и двуколокъ. Солдаты выносили изъ кондитерской цѣлыя горы куличей, тортовъ и другихъ пасхальныхъ печеній и погружали ихъ на повозки. Это были посланцы многочисленныхъ офицерскихъ собраній, расположенныхъ въ окопахъ на Бзурѣ.

Лучшая варшавская гостиница «Бристоль», кишѣвшая всегда одѣтой по послѣдней модѣ публикой и нашими франтоватыми кавалерійскими и гвардейскими офицерами, теперь была наполнена тѣми же сѣрыми шинелями офицеровъ, уполномоченныхъ и «земгусаровъ».

Устроившись въ номерѣ, я позвонилъ по телефону судебному слѣдователю Матвѣеву.

Назвавъ себя, я просилъ указать, когда мнѣ слѣдуетъ явиться въ камеру для дачи показаній.

Матвѣевъ отвѣтилъ, что давно ожидаетъ меня, но теперь уже поздно, такъ какъ дѣло Мясоѣдова выдѣлено, и въ настоящее время въ Александровской цитадели засѣдаетъ военно-полевой судъ, разбирающій дѣло. Мнѣ онъ посовѣтовалъ немедленно отправиться въ цитадель и явиться въ распоряженіе предсѣдателя суда.

Долженъ сознаться, что съ большой неохотой я исполнилъ совѣтъ Матвѣева и, взявъ извозчика, отправился въ цитадель. Въ цитадели та же пустота и безлюдіе, что и въ городѣ. Какой-то солдатъ указалъ мнѣ военное собраніе, гдѣ, по словамъ Матвѣева, засѣдалъ полевой судъ. У подъѣзда я увидѣлъ двухъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ.

«Здѣсь ли засѣданіе военно-полевого суда?» — спросилъ я одного изъ нихъ.

«Вамъ что угодно, Ваше Высокоблагородіе?» — спросилъ жандармъ, видимо не желая отвѣчать на вопросы о судѣ.

Я объяснилъ, что явился сюда по указанію судебнаго слѣдователя и что желаю, чтобы обо мнѣ было доложено предсѣдателю суда.

Смѣтливый жандармъ сразу понялъ, что меня привело сюда не праздное любопытство, и ушелъ вызвать дежурнаго офицера. Черезъ нѣсколько минутъ онъ явился въ сопровожденіи жандармскаго ротмистра. Отрекомендовавшись послѣднему, я объяснилъ цѣль своего пріѣзда.

Ротмистръ ушелъ и, заставивъ меня прождать въ пріемной около получаса, вернулся и сказалъ, что предсѣдатель выслушаетъ мои показанія на судѣ и проситъ меня ожидать въ комнатѣ, назначенной для свидѣтелей.

Ротмистръ проводилъ меня во второй этажъ, въ столовую военнаго собранія.

Пройдя по пустымъ коридорамъ, мы вошли въ столовую, гдѣ застали небольшую группу офицеровъ. Всѣ они были въ служебной формѣ, т. е. въ кителяхъ при оружіи и, очевидно, ожидали своей очереди вызова въ судъ.

Поклонившись присутствующимъ, я представился каждому изъ нихъ. Ротмистръ, сказавъ, что я свидѣтель по дѣлу, удалился.

Офицеры продолжали свой, прерванный моимъ приходомъ, разговоръ.

Говорилъ прапорщикъ, очень чисто, не по «окопному» одѣтый; въ петлицѣ его кителя висѣлъ несоотвѣтствующій чину орденъ Владиміра 4 ст. безъ мечей. Его слушателями былъ генералъ-маіоръ въ формѣ военнаго юриста, жандармскій полковникъ и артиллерійскій капитанъ.

«Чего же Вы хотите, господа, говорилъ прапорщикъ, чтобы онъ носилъ въ карманѣ удостовѣреніе въ томъ, что дѣйствительно состоитъ на германской службѣ?

Нѣтъ, такія дѣла откровенно не дѣлаются! Повѣрьте моему опыту, а у меня его болѣе, чѣмъ достаточно, что въ этомъ дѣлѣ имѣются всѣ признаки шпіонства. Я хорошо его изучилъ и удостовѣряю, что дѣло безпроигрышное!»

«Да, но для суда, хотя бы и военно-полевого, возражалъ артиллерійскій капитанъ, все-таки требуются конкретныя улики, а Вы сами только что заявили, что ихъ нѣтъ» ...

Въ это время въ комнату вошелъ еще одинъ офицеръ, помѣшавшій продолженію этого спора. Въ вошедшемъ я узналъ своего знакомаго и сослуживца по полку, а теперь жандармскаго подполковника Б.

Это былъ единственный человѣкъ изъ присутствующихъ, котораго я зналъ, и, естественно, мы сейчасъ же разговорились, уйдя на другой конецъ столовой.

Я описалъ Б. обстоятельства, при которыхъ попалъ свидѣтелемъ на судъ, и просилъ посвятить меня въ это таинственное дѣло. Оказалось, что Б. состоитъ н-комъ контръ-развѣдывательнаго отдѣленія штаба X арміи или же въ распоряженіи полковника Л. — теперь я не могу точно припомнить должности, которую онъ занималъ тогда.

«Во-первыхъ, скажите мнѣ, кто такіе эти мои, такъ сказать, коллеги, которые разговариваютъ здѣсь», спросилъ я Б.

Б. сказалъ, что прапорщикъ съ Владиміромъ есть судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ стат. совѣтникъ О., который состоитъ при штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго и вѣдаетъ спеціально дѣла по шпіонажу. Военный юристъ — это главный прокуроръ сѣверо-западнаго фронта Ш., жандармскій полковникъ и есть Л., который пріѣзжалъ въ Ковно въ штатскомъ платьи передъ арестомъ Мясоѣдова, такъ сказать, правая рука полковника Б—на.

Артиллерійскій капитанъ, кажется, хозяинъ собранія и никакого участія въ дѣлѣ не принимаетъ. «Кромѣ того, — добавилъ Б. — есть еще одинъ важный свидѣтель. Это чиновникъ X. (фамиліи не помню), который былъ мнимымъ секретаремъ Мясоѣдова и который слѣдилъ за каждымъ его шагомъ. Его здѣсь нѣтъ, онъ вышелъ.»

«Я его видѣлъ въ Ковно», сказалъ я.

«Наконецъ, Вы, и вотъ и всѣ», сказалъ Б.

Я просилъ Б. сообщить мнѣ сущность дѣла, и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

Кажется, въ декабрѣ 1914 года въ Петербургъ изъ Швеціи пріѣхалъ нѣкій молодой человѣкъ, по паспорту русскій дворянинъ.

Этотъ молодой человѣкъ немедленно явился въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба и заявилъ, что паспортъ у него подложный и полученъ отъ нѣмцевъ и что въ дѣйствительности онъ поручикъ 23 пѣх. Низовскаго полка Кулаковскій, попавшій въ плѣнъ во время битвы подъ Сольдау.

Въ плѣну нѣмцы предложили ему служить Германіи и отправиться въ Россію для исполненія нѣкоторыхъ порученій. Гонораръ обѣщали большой, но въ зависимости отъ успѣшности исполненія порученій. Какія именно порученія возлагались на Кулаковскаго, Б. не зналъ точно, но, кажется, что-то по взрыву нашихъ военныхъ заводовъ.

Кулаковскій, желая освободиться изъ плѣна, умышленно согласился на это дѣло. Передъ отъѣздомъ, германскій офицеръ, ведшій переговоры съ Кулаковскимъ, сказалъ ему, что дальнѣйшія инструкціи онъ получитъ уже въ Россіи отъ нѣкоего Мясоѣдова. Но кто такой Мясоѣдовъ и какъ его найти, нѣмецъ не сказалъ, а увѣрилъ Кулаковскаго, что Мясоѣдовъ самъ найдетъ его, когда будетъ нужно.

Получивъ платье, паспортъ и 2000 марокъ, Кулаковскій отправился черезъ Швецію въ Петербургъ.

Когда показаніе Кулаковскаго было сообщено въ штабы фронтовъ и армій, то отысканіе таинственнаго Мясоѣдова сдѣлалось вопросомъ жизни или смерти всѣхъ, кому была поручена борьба съ нѣмецкимъ шпіонствомъ. При повѣркѣ оказалось, что нѣкій подполк. Мясоѣдовъ — завѣдующій агентурной развѣдкой въ штабѣ X арміи, какъ разъ той самой, которая только что потерпѣла пораженіе! Вспомнили разоблаченія Гучкова и потребовали въ Сѣдлецъ (штабъ фронта) всю переписку по этому поводу. За дѣло горячо взялись полк. Б—нъ и Л. Пока шла эта предварительная работа, чтобы не «спугнуть» Мясоѣдова, а, главное, чтобы выяснить его связи, его немедленно командировали въ Ковно, снабдивъ «секретаремъ».

«Дальнѣйшее все Вы знаете», окончилъ свой разсказъ Б.

«Ну, а поручикъ Кулаковскій гдѣ, покажите мнѣ его», спросилъ я Б.

«Его здѣсь на судѣ нѣтъ, отвѣтилъ Б. Насколько я знаю, его немедленно послѣ разоблаченія командировали куда-то въ запасный полкъ на Волгу, чтобы удалить отъ фронта, и посадили подъ надзоръ, хотя и выдали какую-то награду. Во всякомъ случаѣ, онъ типъ подозрительный и, кто знаетъ, быть можетъ, вся эта исторія имъ или нѣмцами выдумана, чтобы пріобрѣсти наше довѣріе къ Кулаковскому».

«Конечно, это вѣрно, сказалъ я. Но съ другой стороны, доказано ли, что Мясоѣдовъ, арестованный въ Ковно, есть то самое лицо, о которомъ говорили нѣмцы Кулаковскому. Кромѣ того, мнѣ кажется немного страннымъ, что нѣмцы такъ легко открыли имя своего главнаго агента первому попавшемуся, «вѣрность» котораго во всякомъ случаѣ еще не была испытана на дѣлѣ, и не прибѣгли къ обычнымъ псевдонимамъ или къ другимъ конспиративнымъ уловкамъ!»

«Не знаю, отвѣтилъ Б. Все слѣдствіе велось лично полковниками Б—нымъ и Л., и я во все не посвященъ. Увидимъ, что скажетъ судъ».

Гуляя съ Б. по коридору, соединявшему столовую съ заломъ, гдѣ засѣдалъ судъ, въ одной изъ комнатъ, расположенныхъ противъ залы, я увидѣлъ чиновника, въ которомъ немедленно узналъ «секретаря» Мясоѣдова, пріѣзжавшаго на автомобилѣ 18 февраля въ Дембову Буду.

Б. поздоровался съ нимъ и познакомилъ меня.

«Секретарь» оказался довольно словоохотливымъ и отвѣчалъ на всѣ наши вопросы.

На предложенный ему вопросъ, установлено ли, съ кѣмъ Мясоѣдовъ велъ въ Ковно сношенія, «секретарь» отвѣтилъ, что не установлено, и что тамъ онъ ни съ кѣмъ, кромѣ оффиціальныхъ лицъ, не встрѣчался.

«Значитъ, понялъ, что за нимъ слѣдятъ» — замѣтилъ Б.

«Какія же улики имѣются противъ Мясоѣдова?» — спросилъ я.

«Противъ него, собственно говоря, нѣтъ ни одной улики» — отвѣтилъ «секретарь».

«Значитъ, его оправдаютъ», сказалъ Б.

«А вотъ увидимъ», отвѣтилъ «секретарь», это дѣло суда.

Признаться, я тогда не повѣрилъ «секретарю» и принялъ этотъ разсказъ за желаніе избавиться отъ нашихъ разспросовъ. Это мнѣніе подтверждалось какой то особенной таинственностью «секертаря», какъ въ Ковно, такъ и здѣсь на судѣ, гдѣ онъ избѣгалъ встрѣчи даже со свидѣтелями и сидѣлъ въ особой комнатѣ. Это предположеніе я высказалъ и Б., и онъ согласился со мною.

Засѣданіе тянулось томительно долго.

Послѣ разговора съ «секретаремъ» мы вновь перешли въ столовую, гдѣ застали тѣхъ же офицеровъ пьющими чай.

На этотъ разъ разговоръ не касался Мясоѣдова. Наконецъ, дежурный ротмистръ назвалъ мою фамилію и просилъ отправиться въ залъ засѣданія. Войдя въ залъ, я увидѣлъ слѣдующую картину:

Въ большой, совершенно пустой залѣ стоялъ длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, на которомъ стояло зерцало и лежали какія-то книги и бумаги. За столомъ сидѣли три полковника — члены суда. Изъ нихъ двое были генеральнаго штаба Л—кій и X—кій, а третій въ штабной формѣ, фамилію котораго мнѣ назвали, но я позабылъ. Сбоку, за другимъ маленькимъ столикомъ, сидѣлъ молодой офицеръ, поручикъ, секретарь суда. На другомъ концѣ стола, нѣсколько въ сторонѣ, сидѣлъ тогдашній комендантъ Варшавы, генералъ Турбинъ, не принимавшій участія въ судѣ и присутствовавшій въ качествѣ зрителя.

Ни прокурора, ни защитника не было.

Противъ судейскаго стола стоялъ рядъ желтыхъ вѣнскихъ стульевъ, на крайнемъ изъ нихъ сидѣлъ офицеръ въ шинели съ защитными погонами, въ которомъ я немедленно узналъ Мясоѣдова.

Онъ мало измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ въ Дембовой Будѣ. Лицо его было совершенно блѣдно, сидѣлъ онъ какъ-то вытянувшись, держа руки и ноги, какъ въ строю. Онъ, не шевелясь, пристально смотрѣлъ на судей.

Кромѣ этихъ лицъ, въ залѣ никого не было.

Зала была нетоплена, и всѣ сидѣли въ шинеляхъ.

Послѣ обычныхъ вопросовъ объ имени и званіи и приведенія къ присягѣ, послѣ которой священникъ сейчасъ же удалился изъ залы, предсѣдатель суда полк. Л—кій сказалъ мнѣ:

«Разскажите, капитанъ, все, что Вы знаете по дѣлу о предательствѣ подполк. Мясоѣдова.»

Я отвѣтилъ, что по дѣлу о предательствѣ ничего не знаю, такъ какъ видѣлъ Мясоѣдова до суда всего лишь два раза, и о предъявленныхъ ему обвиненіяхъ узналъ только послѣ его ареста.

«Разскажите все, что Вы знаете», какъ-то особенно твердо и отчетливо выговаривая слова и бросая взоръ въ сторону Мясоѣдова, сказалъ полк. Л—кій. Я сказалъ нѣсколько словъ о первой встрѣчѣ съ подсудимымъ за обѣдомъ у Ш. и перешелъ къ описанію пріѣзда Мясоѣдова въ Дембову Буду. Разсказывая этотъ эпизодъ, уже улетучившійся во всѣхъ подробностяхъ изъ моей памяти, я сдѣлалъ невольную ошибку. Я сказалъ, что Мясоѣдовъ ранѣе насъ уѣхалъ на позицію и, пріѣхавши туда, мы застали Мясоѣдова у окоповъ.

Когда я кончилъ эту фразу, Мясоѣдовъ всталъ и попросилъ разрѣшеніе предсѣдателя сдѣлать заявленіе.

Получивъ его, онъ ровнымъ и спокойнымъ голосомъ, съ едва замѣтнымъ волненіемъ сказалъ:

«Капитанъ Б., вѣроятно, забылъ, что не я, а именно онъ съ полк. Александровымъ уѣхали первые на позицію. Когда мы вышли изъ дома штаба на шоссе, чтобы сѣсть въ свои автомобили, то капитанъ Б. и полковникъ Александровъ немедленно уѣхали, а мой автомобиль никакъ не могли завести, и я уѣхалъ минутъ 10 спустя». Сказавъ это, онъ сѣлъ.

Эти слова совершенно воскресили въ моей памяти картину нашего отъѣзда. «Совершенно вѣрно, сказалъ я, я ошибся: подполк. Мясоѣдовъ пріѣхалъ не раньше, а позже насъ, и мы его увидѣли на шоссе у окоповъ, когда уже вернулись съ правофланговаго участка позиціи и должны были пересѣчь шоссе, чтобы перейти на лѣвофланговый.»

«Ну, это не важно», сказалъ полк. Л—кій.

Я разсказалъ все, что помнилъ объ этомъ посѣщеніи, добавивъ, что разспросы Мясоѣдова произвели на меня и на полк. Александрова впечатлѣніе любопытства человѣка, никогда не бывавшаго на позиціяхъ.

«Ну, это не такъ», перебилъ меня полк. Л—кій.

«Неужели Вамъ не показались странными такіе подробные разспросы о позиціи офицера, не имѣющаго къ ней никакого отношенія и, напротивъ, имѣющаго совершенно другую задачу?»

Я повторилъ, что ни мнѣ, ни полк. Александрову тогда это не показалось подозрительнымъ.

Послѣ этой фразы Мясоѣдовъ опять просилъ разрѣшенія сдѣлать заявленіе.

«Быть можетъ, мои вопросы и могли показаться странными, но для этого надо знать состояніе, въ которомъ я тогда находился. Дѣло въ томъ, что, живя въ Ковно и вѣдая агентурной развѣдкой, я давно хотѣлъ уѣхать на позицію и неоднократно просилъ на это разрѣшеніе, но все время получалъ уклончивые отвѣты. На мой вопросъ, кто тамъ начальникъ отряда, мнѣ отвѣтили, что полк. Авчинниковъ, а, пріѣхавши въ Дембову Буду, я увидѣлъ полк. Александрова.

Тогда я понялъ, что мнѣ не довѣряли, и мысль объ этомъ, впервые пришедшая мнѣ въ Дембовой Будѣ, естественно, волновала меня, и возможно, что мои вопросы могли произвести странное впечатлѣніе. Я задавалъ ихъ, думая о другомъ. Если капитанъ Б. припомнитъ, я тогда же на позиціи сказалъ ему, что видѣлъ на шоссе тяжелый дивизіонъ, шедшій изъ Ковно въ Дембову Буду».

«Это совершенно вѣрно», подтвердилъ я.

На этомъ мои показанія окончились, и я вышелъ изъ залы засѣданія.

Около 8 час. вечера дежурный офицеръ вызвалъ всѣхъ въ залу засѣданія, чтобы выслушать приговоръ суда.

Большой залъ былъ тускло освѣщенъ одной лампой. Члены суда стояли у своихъ мѣстъ за столомъ. Мясоѣдовъ на этотъ разъ стоялъ у стѣны, недалеко отъ входной двери, за нимъ небольшой группой стояли свидѣтели, а за ними нѣсколько жандармскихъ унтеръ-офицеровъ и дежурный ротмистръ.

Предсѣдатель суда началъ громко читать приговоръ.

Съ тѣхъ поръ прошло 8 лѣтъ, но содержаніе приговора настолько рѣзко врѣзалось мнѣ въ память, что я могу теперь повторить его, не дословно, конечно, и совершенно точно перечислить всѣ пункты, упоминаемые въ приговорѣ, ручаясь за вѣрный смыслъ ихъ.

«По указу Его Императорскаго Величества военно-полевой судъ подъ предсѣдательствомъ... разсмотрѣвъ дѣло числящагося по армейской кавалеріи подполковника Мясоѣдова... призналъ его виновнымъ въ томъ, что...» — началъ читать полк. Л—кій.

Далѣе слѣдовало перечисленіе трехъ пунктовъ обвиненія, по совокупности которыхъ Мясоѣдовъ приговоренъ къ смертной казни.

По пункту первому онъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что на театрѣ военныхъ дѣйствій, пользуясь своею службою въ штабѣ арміи и, слѣдовательно, возможностью получать самыя достовѣрныя свѣдѣнія о состояніи нашихъ войскъ, онъ вошелъ въ сношенія съ противникомъ и передавалъ ему эти свѣдѣнія, что на основаніи статей такихъ-то Свода Военныхъ Постановленій влечетъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертную казнь черезъ повѣшеніе.

Я не присутствовалъ на всемъ судебномъ засѣданіи, не слыхалъ показаній всѣхъ свидѣтелей и не читалъ документовъ по дѣлу, но самая редакція этого приговора все-таки удивила меня. Пунктъ былъ составленъ въ слишкомъ туманныхъ выраженіяхъ, не указывалось ни одного факта, ни одною случая передачи свѣдѣній

противнику, не приводилась ни одна дата, все содержаніе заключалось въ нѣсколькихъ словахъ, приведенныхъ мною, за точный смыслъ которыхъ ручаюсь.

Я — не юристъ и не знаю, быть можетъ, приговоры и должны писаться именно такъ, но меня, человѣка посторонняго, эта туманная редакція привела въ недоумѣніе.

Пунктъ второй гласилъ, что, находясь на службѣ въ дѣйствующей арміи, занимавшей непріятельскую территорію, Мясоѣдовъ похитилъ въ частномъ домѣ какія-то вещи, что было подведено подъ статью вооруженнаго грабежа (мародерство) и влекло за собою смертную казнь.

Какъ я узналъ потомъ, рѣчь шла о двухъ терракотовыхъ статуэткахъ, найденныхъ при обыскѣ у Мясоѣдова, которыя, по его признанію, были взяты имъ въ одномъ брошенномъ жителями домѣ въ Восточной Пруссіи.

Еще болѣе удивительный пунктъ обвиненія!

Всѣмъ прекрасно извѣстно, что во время войны, да еще на непріятельской территоріи, оставленной жителями, не очень церемонятся съ частной собственностью, что наши и нѣмецкія войска, занимая отведенныя имъ квартиры, забирали все, что находили нужнымъ, не говоря ужъ о съѣстныхъ припасахъ и фуражѣ.

По этому второму пункту можно было бы казнить всѣхъ офицеровъ и солдатъ нашихъ армій, входившихъ въ предѣлы Пруссіи или Австріи. Это — первое, а второе — если противъ Мясоѣдова уже имѣлось вполнѣ доказанное обвиненіе въ измѣнѣ, влекущее за собою во всякомъ случаѣ высшую мѣру наказанія, то какая надобность была въ подобной анекдотической натяжкѣ, какъ упоминаніе въ приговорѣ о государственномъ измѣнникѣ о какихъ-то ничтожныхъ статуэткахъ?

Наконецъ, пунктъ третій. Въ немъ было сказано, что, явившись 18 февраля на позиціи у с. Дембова Буда, подсудимый разспрашивалъ у офицеровъ штаба о расположеніи нашихъ войскъ, съ цѣлью сообщить о нихъ противнику.

Признаюсь, что здѣсь я уже ничего не понялъ. Во-первыхъ, тщательная слѣжка за Мясоѣдовымъ въ Ковнѣ не установила сношеній его съ подозрительными лицами, въ противномъ случаѣ это было бы указано въ приговорѣ; во-вторыхъ, немедленно послѣ возвращенія съ позиціи, Мясоѣдовъ былъ арестованъ, слѣдовательно, фактически ничего противнику не передалъ; въ-третьихъ, изъ моихъ показаній на судѣ явствовало (а больше никто изъ бывшихъ въ Дембовой Будѣ не опрашивался и, очевидно, весь пунктъ составленъ былъ на основаніи моихъ показаній), что Мясоѣдовъ разспрашивалъ не подробно, а весьма разсѣянно, какъ простой любопытный. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что «свѣдѣнія», которыя пріобрѣлъ Мясоѣдовъ своими разсѣянными вопросами, не дали бы нѣмцамъ никакого представленія о нашемъ расположеніи и силахъ, но, помимо того, подъ подобное обвиненіе опять таки можно было бы съ успѣхомъ подвести любого офицера русской или другой арміи, явившагося на чужой участокъ и задававшаго бы, вѣроятно, такіе же вопросы. Но какъ бы тамъ ни было, по совокупности этихъ преступленій Мясоѣдовъ былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Во время чтенія приговора я все время смотрѣлъ на Мясоѣдова, стоявшаго впереди и бокомъ ко мнѣ, въ 3—4 шагахъ.

Все время чтенія онъ стоялъ на вытяжку, не шевелясь, только мертвенная блѣдность лица выдавала его тяжелыя переживанія.

Когда предсѣдатель прочелъ послѣдніе слова приговора «къ смертной казни черезъ повѣшеніе», Мясоѣдовъ покачнулся и какъ-то безсильно прислонился спиною къ стѣнѣ, а правою рукою закрылъ лицо. Что-то вродѣ вздоха вырвалось у него.

«Позвольте послать телеграмму Государю Императору... я хочу проститься съ матерью...» воскликнулъ онъ, при этомъ ноги его подкосились, и онъ началъ опускаться на полъ.

«Вахмистръ, что, рубашка приготовлена?» — услыхалъ я голосъ сзади себя. Оглянувшись, я увидѣлъ, что эти слова были произнесены ротмистромъ, наклонившимся къ жандармскому вахмистру.

Я быстро вышелъ изъ зала, спустился внизъ, взялъ свой полушубокъ и ушелъ пѣшкомъ въ городъ.

Придя въ гостиницу, я прошелъ черезъ ресторанный залъ. Онъ былъ ярко освѣщенъ электричествомъ, игралъ струнный оркестръ, всѣ столики были заняты ужинающими.

Въ глубинѣ зала за однимъ изъ столиковъ я увидѣлъ полковниковъ Л—каго и Х—каго. Они были въ той же формѣ, въ которой я ихъ видѣлъ только что въ судѣ. Они ужинали, о чемъ-то оживленно говорили и смѣялись. Ихъ совѣсть, значитъ, была чиста! Они исполнили свой долгъ, не больше того.

Я видѣлъ только краюшекъ той драмы, которая только что разыгралась, и совершенно не зналъ всей сущности ея, тяжесть впечатлѣнія отъ всего видѣннаго въ этотъ день хотѣлось объяснить разстроенными нервами, пожалуй, слабохарактерностью... Мысль, что я былъ свидѣтелемъ судебной ошибки, а тѣмъ болѣе преступленія, я гналъ отъ себя.

На другой день рано утромъ я уѣхалъ изъ Варшавы. Только въ Ковно я узналъ, что Мясоѣдовъ былъ повѣшенъ въ ту же ночь, черезъ два часа послѣ приговора. Я понялъ, почему ротмистръ тогда хлопоталъ о рубашкѣ.

Говорили, что передъ казнью Мясоѣдовъ держалъ себя малодушно — сдѣлалъ попытку перерѣзать себѣ горло осколкомъ пенснэ.

V

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ пришлось давать свои показанія по другому дѣлу, опять таки «шпіонскаго» характера, которое на этотъ разъ носило не трагическій, а комическій оттѣнокъ.

Я служилъ въ штабѣ V арміи, въ г. Двинскѣ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся пріобрѣтшій во время революціи столь печальную извѣстность «сторонникъ революціонной демократіи» генералъ Черемисовъ, тогда генералъ-квартирмейстеръ штаба V арміи.

Какой-то призванный изъ запаса поручикъ одного изъ гусарскихъ полковъ, прикомандированный къ штабу для несенія ординарскихъ обязанностей, пользовался благоволеніемъ Черемисова за умѣніе разсказывать анекдоты и за свою наружность «русскаго барина».

Черемисовъ частенько вечеромъ захаживалъ на квартиру поручика, гдѣ подолгу гостила и жена гусара, бѣлокурая нѣмка. Ужины затягивались далеко за полночь и оканчивались карточной игрой. Черемисовъ, кажется, не игралъ, но другимъ играть не мѣшалъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ гостепріимный хозяинъ былъ уличенъ гостями въ явномъ шулерствѣ, которое производилось при помощи нѣмки, оказавшейся не женой, а пособницей поручика, бывшаго до призванія на службу профессіональнымъ шулеромъ.

Когда эта непріятная исторія была доложена Черемисову, то «старый партійный работникъ» струхнулъ и приказалъ, не производя разслѣдованія, немедленно отправить поручика въ полкъ, ограничившись увѣдомленіемъ командира полка о столь непохвальныхъ наклонностяхъ его офицера.

Заявленія жандармскаго ротмистра Щ. о необходимости сдѣлать обыскъ у подозрительной парочки были оставлены Черемисовымъ безъ вниманія, и поручикъ былъ откомандированъ безъ излишняго шума.

Командиръ гусарскаго полка передалъ дѣло офицерскому суду чести, и черезъ 24 часа послѣ возвращенія въ полкъ «баринъ» былъ лишенъ офицерскаго званія и чина и обращенъ въ «первобытное состояніе».

Казалось, все окончилось ко всеобщему удовольствію.

Но жандармскій ротмистръ не дремалъ, и дѣло стало извѣстнымъ штабу фронта, обратившему свое вниманіе главнымъ образомъ на то, что «жена» поручика была подозрительно близка къ штабу и упорхнула по винѣ Черемисова. Началось слѣдствіе. Черемисовъ былъ признанъ виновнымъ, отрѣшенъ отъ должности генералъ-квартирмейстера и назначенъ командиромъ неотдѣльной бригады на фронтѣ. Тогда это означало конецъ карьеры.

Вѣроятно, этотъ случай озлобилъ Черемисова и сдѣлалъ его и «партійнымъ работникомъ», и «углубителемъ» революціи, и однимъ изъ главныхъ виновниковъ разложенія и гибели нашей когда-то славной арміи. Онъ поправлялъ свою разбитую карьеру и угождалъ новымъ властителямъ.

Слѣдствіе производилъ прокуроръ фронта генералъ Ш., тотъ самый, котораго я встрѣчалъ въ залѣ военнаго собранія Александровской цитадели во время суда надъ Мясоѣдовымъ.

Вызванный въ числѣ прочихъ свидѣтелей для опроса, я напомнилъ генералу Ш. нашу встрѣчу на судѣ и разговорился съ нимъ о дѣлѣ Мясоѣдова.

Я откровенно сказалъ генералу, что дѣло Мясоѣдова произвело на меня впечатлѣніе грубѣйшей поддѣлки, имѣющей цѣлью найти «козла отпущенія» въ несчастномъ разгромѣ X арміи и гибели XX корпуса.

«Согласитесь, Ваше Превосходительство, что если бы Мясоѣдова судилъ судъ присяжныхъ или даже военно-окружный, но гласный, то онъ былъ бы оправданъ за недостаткомъ уликъ», сказалъ я генералу.

«Совершенно съ Вами согласенъ, отвѣтилъ Ш., что на человѣка непосвященнаго дѣло Мясоѣдова должно было произвести такое именно впечатлѣніе. Возможно, что судъ присяжныхъ и оправдалъ бы его... Но если Вы ознакомитесь съ многочисленными матеріалами по этому дѣлу, то Вамъ станетъ совершенно ясно, что Мясоѣдовъ наказанъ по заслугамъ и что онъ виновенъ въ сношеніяхъ съ противникомъ.»

«Но отчего же эти доказательства не были приведены на судѣ и не помѣщены въ приговоръ?»

«На это было много причинъ, о которыхъ теперь говорить не стоитъ... съ Мясоѣдовымъ надо было скорѣе покончить...»

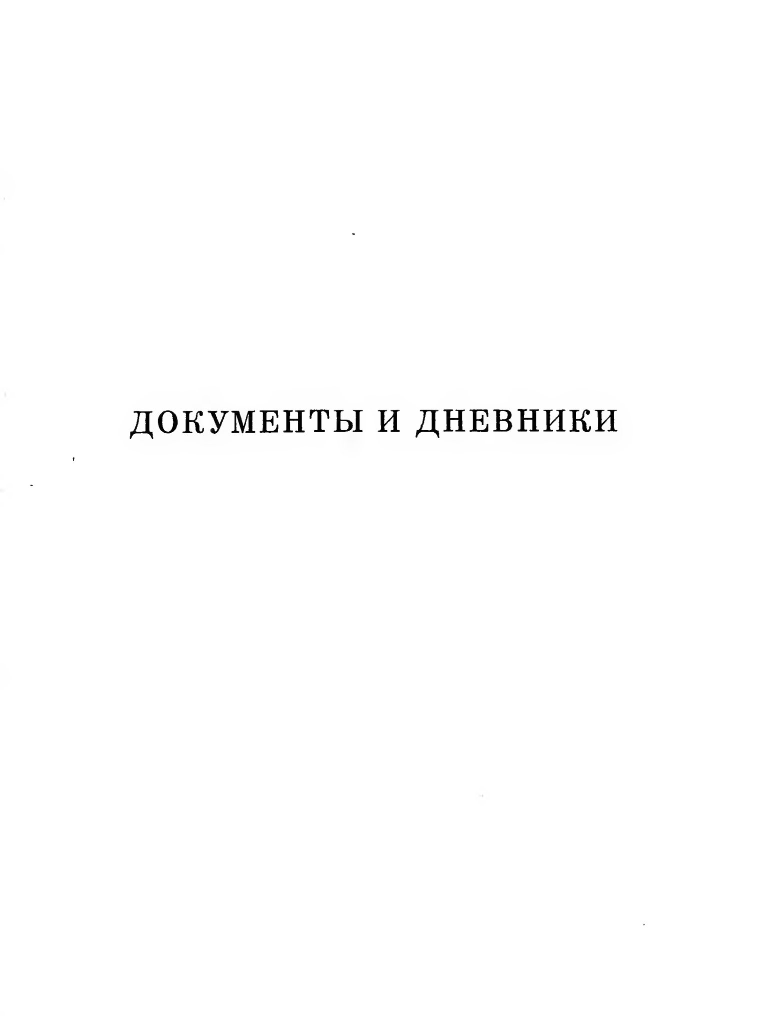
На этомъ генералъ оборвалъ разговоръ.

Больше мнѣ не пришлось ни съ кѣмъ говорить объ этомъ позорномъ дѣлѣ.

Дальнѣйшія грандіозныя событія революціи и гибель Россіи заслонили и почти изгладили изъ памяти современиковъ имя Мясоѣдова. Въ своемъ разсказѣ, отнюдь не преслѣдуя цѣли реабилитаціи Мясоѣдова или обвиненія кого-либо, я стремился дать безпристрастную картину того, что пришлось видѣть и слышать. передавая только достовѣрные факты.

Не скрою, что на меня лично, какъ я уже говорилъ, дѣло произвело впечатлѣніе подтасовки, и мое личное, быть можетъ, ошибочное мнѣніе — что Мясоѣдовъ не виновенъ въ томъ, что ему приписывалось...

Его смерть нужна была толпѣ, подобно тому, какъ въ 1812 году московской толпѣ нужна была смерть купеческаго сына Верещагина.



ДОКУМЕНТЫ И ДНЕВНИКИ

Документы по исторіи черноморскаго флота

въ мартѣ—іюнѣ 1918 г.

Въ «Архивъ Русской Революціи» была доставлена папка бумагъ*, заключающая цѣнные документы, относящіеся къ исторіи Черноморскаго флота за время отъ марта до іюня 1918 г., а попутно дающіе много матеріала какъ для характеристики общаго политическаго положенія въ указанное время, такъ и гражданской войны на юго-востокѣ Россіи. Основными фактами въ исторіи флота за это время были переводъ флота изъ Севастополя въ Новороссійскъ, вызванный наступленіемъ германскихъ войскъ на Крымскій полуостровъ, ультимативное требованіе германскаго командованія Черноморскому флоту вернуться обратно въ Севастополь и потопленіе флота въ Новороссійской бухтѣ, несмотря на категорическій приказъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ исполнить требованіе германцевъ.

Судя по личнымъ документамъ, находящимся въ упомянутой папкѣ, папка эта принадлежала Роману Романовичу Левговду, бывшему старшему лейтенанту Черноморскаго флота, принимавшему весной 1918 г. видное участіе въ руководительствѣ Черноморскаго Центрофлота. Какъ видно изъ печатаемыхъ ниже документовъ, Р. Р. Левговдъ вмѣстѣ съ Иваномъ Шульгой (Товарищемъ Предсѣдателя Центрофлота) и Вильямомъ Спиро (Главнымъ Комиссаромъ Черноморскаго флота) выѣхали 2 апрѣля въ Москву въ качествѣ делегатовъ Центрофлота для выясненія вопросовъ, связанныхъ съ переводомъ Черноморскаго флота изъ Севастополя въ Новороссійскъ. 6 апрѣля по приказу Ленина членъ делегаціи В. Спиро былъ арестованъ въ Москвѣ. Остальные члены делегаціи, Р. Левговдъ и И. Шульга, оставались въ Москвѣ до 21 апрѣля, хлопоча объ освобожденіи В. Спиро и ведя дѣловые переговоры по порученнымъ имъ Центрофлотомъ вопросамъ. Выѣхавшимъ 21 апрѣля изъ Москвы Р. Левговду и И. Шульгѣ не удалось уже пробраться въ Крымъ и въ послѣднихъ числахъ апрѣля они встрѣтились съ остатками приведеннаго изъ Севастополя флота уже въ Новороссійскѣ. Р. Левговдъ оставался и послѣ потопленія флота въ Новороссійскѣ, пытаясь организовать его оборону и вывозъ военнаго снаряженія.

Служебныя передвиженія Р. Левговда объясняютъ сравнительную неравномѣрность въ освѣщеніи отдѣльныхъ вопросовъ исторіи Черноморскаго флота за указанный періодъ. Вслѣдъ за многими подробными данными, характеризующими дни, предшествовавшіе отъѣзду делегаціи изъ Севастополя въ Москву, наступаетъ перерывъ, и данныхъ, характеризующихъ самый переводъ флота изъ Севастополя

* Папка эта сохранилась въ архивѣ организованной правительствомъ ген. Деникина «Особой Комиссіи по разслѣдованію злодѣяній большевиковъ».

въ Новороссійскъ, почти нѣтъ. Съ послѣднихъ чиселъ апрѣля до половины іюня, т. е. за время пребыванія флота въ Новороссійскѣ, данныхъ опять больше, причемъ главными изъ нихъ являются издаваемыя при непосредственномъ участіи Р. Левговда секретныя сводки по политическому и военному положенію (къ сожалѣнію, комплектъ этихъ сводокъ не полонъ; нѣтъ №№ 9—11). Сводки эти писались отъ руки и затѣмъ гектографировались. Кромѣ этихъ сводокъ и отдѣльныхъ немногихъ документовъ, имѣются для характеристики времени пребыванія флота въ Новороссійскѣ воспроизводимыя ниже подъ №№ XXVIII—XXIX двѣ отпечатанныя брошюры приказовъ Командующаго флотомъ.

Печатаемые ниже документы расположены въ хронологическомъ порядкѣ. При пользованіи ими надо имѣть, однако, въ виду, что подробные отчеты о пребываніи делегаціи Центрофлота въ Москвѣ и по дѣлу объ арестѣ В. Спиро даны въ приложеніяхъ къ секретнымъ сводкамъ (въ приложеніи № 1 и № 2 - XXXV-XXXVI). Отчеты эти, касающіеся времени пребыванія делегаціи въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1918 года, печатаются по хронологіи секретныхъ сводокъ въ концѣ мая 1918 г.

Въ приложеніи (№№ XLVII-XLIX) даются 3 документа, относящіеся къ исторіи Балтійскаго флота, полученныя, вѣроятно, Р. Левговдомъ въ Москвѣ въ цѣляхъ информаціи.

Печатаемый ниже текстъ воспроизводитъ оригиналы, съ ихъ орфографіей; исправлены лишь явныя, не возбуждающія сомнѣнія описки переписчиковъ. Редакціонныя вставки и исправленія сдѣланы въ квадратныхъ скобкахъ ([ ]). Слова, являющіяся лишними и искажающія смыслъ, вставлены въ остроугольныя скобки (〈〉). Круглыя скобки (( )) — скобки оригинала.

Воспроизведено подавляющее большинство всѣхъ бумагъ, собранныхъ въ указанной папкѣ. Невоспроизведенными остаются черновые наброски, нѣсколько личныхъ записокъ и писемъ, не представляющихъ интереса, а также черновыя записи протоколовъ Центрофлота, не поддающіяся полной дешифровкѣ.

[I]

Копія.

ДОКЛАДЪ.

М. М.
МОРСКОЙ
Генеральный Штабъ.
19 марта 1918 г.
№ 24/м.
гор. Москва.

Въ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ

Заключеніе мирнаго договора съ Германіей и упраздненіе, въ связи съ этимъ, должности Верховнаго Главнокомандующаго и его штаба заставляютъ обратить вниманіе на созданіе при правительствѣ высшаго и компетентнаго органа, объединяющаго и координирующаго дѣятельность военнаго и морского вѣдомствъ.

Въ настоящее время дѣятельность указанныхъ вѣдомствъ въ отношеніи вопросовъ государственной обороны, теоретически объединяется самимъ Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ, однако, практически послѣднему, въ силу крайняго переобремененія дѣлами, не представляется возможнымъ удѣлять необходимое количество времени для руководительской дѣятельности въ отношеніи объединенія работъ военнаго и морского вѣдомствъ по государственной оборонѣ.

Между тѣмъ, такое обремененіе, особенно въ отношеніи основныхъ заданій по направленію оперативной дѣятельности, по реорганизаціи и возсозданію арміи и флота, а равно и въ смыслѣ преподанія новыхъ задачъ по государственной оборонѣ, вытекающихъ изъ обстановки настоящаго времени и ближайшаго будущаго, является настоятельно необходимымъ.

Эти соображенія приводятъ Коллегію Морского Комиссаріата къ заключенію о необходимости созданія при правительствѣ особаго высшаго органа по оборонѣ страны, на который должны быть возложены слѣдующія задачи: а) преподаніе военному и морскому вѣдомствамъ основныхъ заданій по оборонѣ государства, б) преподаніе вѣдомствамъ обороны руководящихъ основаній по организаціи и возсозданію вооруженныхъ силъ страны (арміи и флота), в) объединеніе и координированіе оперативной дѣятельности арміи и флота по отношенію къ поставленнымъ имъ боевымъ задачамъ, г) разрѣшеніе всѣхъ общихъ для военнаго и морского вѣдомствъ вопросовъ и д) наблюденіе за выполненіемъ вѣдомствами обороны возложенныхъ на нихъ задачъ.

Исходя изъ этого круга вѣдѣнія высшаго органа по оборонѣ страны, Коллегія Морского Комиссаріата полагаетъ, что составъ таковаго долженъ быть, въ общемъ, слѣдующимъ:

Предсѣдатель — Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

Народные Комиссары по Военнымъ и Морскимъ дѣламъ.

Начальникъ Генеральнаго Штаба (или техническій руководитель Высшаго Военнаго Совѣта) и его помощникъ по оперативной части.

Комиссары Генеральныхъ Штабовъ или члены Коллегій Военнаго и Морского Комиссаріатовъ, и

Свѣдующія лица (военный и военно-морскіе спеціалисты) по особому назначенію съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Такъ какъ вопросъ о возсозданіи вооруженныхъ силъ страны является въ настоящее время однимъ изъ основныхъ и требуетъ безотлагательнаго практическаго разрѣшенія, то созданіе указаннаго высшаго органа обороны, по мнѣнію Коллегіи Морского Комиссаріата, должно быть проведено въ самомъ срочномъ порядкѣ, такъ какъ, не получая соотвѣтствующихъ и основныхъ заданій, дѣятельность обоихъ вѣдомствъ обороны не можетъ быть правильно объединена и координирована и поведетъ не къ достиженію единой цѣли — къ созданію мощной государственной обороны, а къ ряду непланомѣрныхъ и разрозненныхъ отдѣльныхъ дѣйствій и мѣропріятій.

Изложенныя соображенія Коллегія Морского Комиссаріата представляетъ на уваженіе Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

Подписали: За Народнаго Комиссара по Морскимъ Дѣламъ Вахрамѣевъ

и за Начальника Морского Генеральнаго Штаба Альтфатеръ.

Вѣрно: В. Альтфатеръ.

[II]

М. М.
МОРСКОЙ
Генеральный Штабъ.
22-го марта 1918 г.
№ 25/м.
гор. Москва.

Копія.

ДОКЛАДЪ.

Занятіе германскими войсками Одессы и продвиженіе ихъ и захватъ Николаева вызываютъ опасенія Коллегіи Морского Комиссаріата о возможности, въ случаѣ дальнѣйшаго продвиженія германскихъ войскъ, захвата Крыма и Севастополя.

Возможность этого обстоятельства выдвигаетъ на очередь вопросъ о судьбѣ Черноморскаго флота, базирующагося на Севастополь.

Резолюція Высшаго Военнаго Совѣта:

«Высшій Военный Совѣтъ постановилъ:

1) Немедленно приступить къ вывозу запасовъ и грузовъ въ Новороссійскъ, въ количествѣ, необходимомъ для нуждъ Черноморскаго флота, сосредоточиваемаго въ Новороссійскомъ порту.

2) Прочіе запасы и грузы вывозить внутрь республики.

3) Немедленно подготовить всѣ суда, какія возможно, къ переходу въ Новороссійскъ, а какія невозможно — немедленно увести въ Новороссійскъ.

4) Исполненіе 1, 2 и 3 пунктовъ возлагается на отвѣтственность Комиссаріата по Морскимъ дѣламъ.

Предсѣдатель Высшаго Военнаго Совѣта: Л. Троцкій. Членъ Высшаго Военнаго Совѣта: Н. Подвойскій. Военный руководитель: М. Бончъ-Бруевичъ.

25 марта 1918 года.»

Вѣрно: За Нач. Морск. Генер. Штаба

В. Альтфатеръ.

Имѣя въ виду необходимость заблаговременно предпринять всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы сохранить матеріальную часть и запасы Черноморскаго флота въ случаѣ наступленія германцевъ на Крымъ, Коллегія Морского Комиссаріата полагаетъ, что если бы обнаружилось такое стремленіе со стороны германцевъ, то надлежало бы перевести Черноморскій флотъ съ его запасами въ Новороссійскъ — единственный оборудованный портъ въ восточной части Чернаго моря, обезпеченный съ сухого пути своимъ значительнымъ удаленіемъ отъ района дѣйствій германцевъ.

Имѣя въ виду, что переводъ флота изъ Севастополя въ Новороссійскъ требуетъ значительнаго времени, особенно имѣя въ виду перевозку запасовъ и грузовъ, Коллегія Морского Комиссаріата испрашиваетъ принципіальнаго одобренія на:

1) Приступить къ вывозу запасовъ и грузовъ изъ Севастополя въ Новороссійскъ.

2) Выводъ туда же всѣхъ судовъ, не могущихъ по состоянію своему и наличію командъ самостоятельно передвигаться.

3) Подготовку прочихъ судовъ къ переходу при появленіи угрозы со стороны сухого пути и

4) подготовку къ уничтоженію въ Севастополѣ всего того имущества, которое вывезено быть не можетъ.

Подписали: За Народнаго Комиссара по Морскимъ Дѣламъ:

Вахрамѣевъ и Раскольниковъ.

За Начальника Морского Генеральнаго Штаба: Альтфатеръ.

Вѣрно:

[III]

[ТЕЛЕГРАММЫ И ПЕРЕГОВОРЫ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ МЕЖДУ СЕВАСТОПОЛЕМЪ И МОСКВОЙ]

26 марта.

‹Я.› Москва [запрашиваетъ,] въ какомъ состояніи Черноморскій флотъ и какая команда, численность и какіе корабли способны передвигаться и какіе безпомощны, замѣчается ли въ командѣ обученіе и въ какомъ количествѣ, какомъ состояніи Черноморскій флотъ и его численность ‹команды› и какіе годны корабли и негодные, а команда какая, его [ея] численность сумма общая и какая обученность.

[Телеграмма]

Народному комиссару Раскольникову.

Не имѣя никакихъ руководящихъ указаній изъ центра, получая свѣдѣнія о политикѣ Правительства Совнаркомовъ лишь изъ газетъ и отъ Спиро, Черноморскій флотъ оказался въ положеніи брошеннаго, забытаго и предоставленнаго самому себѣ. —

Ни порядокъ выполненія мирнаго договора, ни точный текстъ IV-го Универсала, ни отношеніе къ послѣднему Совнаркома — ни одинъ изъ этихъ коренныхъ вопросовъ не получилъ никакого освѣщенія для насъ изъ центра.

Нарождающіяся еженедѣльно республики побережья Чернаго моря и ихъ правительства — весьма разношерстнаго вида — каждая стремится присвоить себѣ флотъ.

Послѣднее притязаніе на флотъ со стороны Таврической Республики, въ связи съ изложеннымъ выше, побудило Центрофлотъ опредѣлить свою позицію среди республикъ Россіи, что вылилось въ слѣдующей резолюціи его, принятой 23 марта:

.... слѣдуетъ резолюція ....*

Изъ приведенной резолюціи видно настроеніе команды; сейчасъ наряду съ демобилизаціей происходитъ мобилизація флота, однако отсутствіе ясно поставленныхъ цѣлей дѣлаетъ происходящую работу хаотичной и безпорядочной. Съ кѣмъ мы собираемся воевать? Можно ли и нужно ли открывать военныя дѣйствія? Никто не можетъ отвѣтить на эти вопросы основательно.

Мы не имѣемъ никакой связи съ арміями Антонова, не знаемъ, что онѣ собою представляютъ въ чисто боевомъ отношеніи и совсѣмъ не увѣрены, что онѣ въ состояніи прикрыть съ суши базу флота — Крымъ, безъ которой самъ флотъ не можетъ продолжать своего существованія. Неясность положенія передъ паденіемъ Одессы и Николаева вызвали опредѣленное настроеніе среди населенія и рабочихъ, рѣшившихъ сдаться, что препятствовало эвакуаціи Одессы. Что же касается Николаева — тамъ рабочіе открыто не допустили увода почти готовыхъ судовъ. Эти суда, попавъ въ руки нѣмцевъ, если война дѣйствительно будетъ съ ними продолжаться, съ огромнымъ избыткомъ замѣнятъ собою «Гебена» и «Бреслау» и, кромѣ того, дадутъ имъ нѣсколько новѣйшихъ миноносцевъ и подлодокъ.

Изложенное повелительно требуетъ отъ Совнаркома немедленнаго выясненія и сообщенія Черноморскому флоту политической обстановки и отношенія къ ней Совнаркома и предположенія его на ближайшее будущее, какъ въ отношеніи флота, такъ и вообще въ отношеніи общей политики. Саблинъ № 9234.

У аппарата помощникъ Нагенмора Альтфатеръ: Благоволите сообщить слѣдующія данныя по обстановкѣ: 1) Имѣются ли какія либо свѣдѣнія о продвиженіи нѣмцевъ отъ Николаева и Херсона. 2) Организована ли и кѣмъ какая либо оборона съ суши Крыма вообще и Севастополя въ частности. 3) Какъ оцѣниваете положеніе Севастополя по отношенію возможнаго наступленія нѣмцевъ на Крымъ. 4) Имѣете ли какія либо предположенія на случай если бы обнаружилось наступленіе нѣмцевъ на Севастополь. 5) Если имѣются такія предположенія, то считаете ли возможнымъ это выполнить по состоянію флота, населенія, и какія для сего необходимы вамъ средства. 6) Находите ли вы возможнымъ, получивъ опредѣленныя указанія отъ Центра, выполнить дѣйствія, обезпечивающія флотъ и его запасы отъ захвата ихъ нѣмцами. Альтфатеръ.

1) Точныхъ свѣдѣній не было, ибо, какъ было указано, связи съ оперирующими на югѣ арміи[ями] нѣтъ. Только что получены свѣдѣнія изъ телеграмъ. 2) Войскъ очень мало, серіозной обороны ожидать нельзя. 3) Если падетъ Перекопъ, то падетъ и Севастополь. На 4-тый, 5 и 6-ой вопросы примѣры Одессы и Николаева показываютъ насколько трудно дѣлать какія либо дѣйствительныя предположенія; поэтому на этотъ вопросъ опредѣленнаго отвѣта дать не считаю возможнымъ. [Саблинъ]

* Общее представленіе объ этой резолюціи можно составить по разговору по прямому проводу отъ 28 марта, см. ниже стр. 161, а также по приведеннымъ на стр. 200 цитатамъ.

.... [обстановка] военная на южномъ фронтѣ расцѣнивается Высшимъ военнымъ Совѣтомъ въ томъ смыслѣ, что едва ли возможно будетъ оказать существенное сопротивленіе со стороны дѣйствующихъ въ районѣ Полтавы и Екатеринослава войскъ Украинской Совѣтской республикъ подъ командой Антонова, поэтому возможность наступленія нѣмцевъ на Крымъ и Севастополь въ частности не исключена. Исходя изъ этого, необходимо предвидѣть возможность прямой угрозы Севастополю съ сухого пути, почему и возникаетъ вопросъ о необходимости предпринять тѣ или иныя мѣры къ обезпеченію Черноморскаго флота и его запасовъ въ Севастополѣ отъ захвата ихъ Германцами. Такъ какъ расчитывать на отпоръ нѣмцамъ на сухомъ пути въ случаѣ ихъ наступленія на Крымъ едва ли возможно по состоянію вооруженныхъ силъ, находящихся у Антонова, то единственнымъ выходомъ является своевременный переводъ флота и его запасовъ въ такой пунктъ, гдѣ бы онъ былъ обезпеченъ съ суши. Что вы могли бы сказать, если бы въ случаѣ явной угрозы перевести флотъ въ Новороссійскъ? Выполненіе этого конечно зависитъ съ одной стороны отъ состоянія флота въ смыслѣ возможности сдѣлать переходъ моремъ, а съ другой стороны отъ возможности теперь же подготовить въ Новороссійскѣ стоянку и сосредоточить нужные запасы. Альтфатеръ.

Полная эвакуація флота и базы даже въ нормальныхъ условіяхъ требуетъ мѣсяцевъ. Частичная эвакуація могла бы быть осуществлена, однако въ этомъ вопросѣ техническая сторона всецѣло покрывается политическою точка очень трудно учесть [въ] какую сторону въ послѣдній моментъ повернется настроеніе массъ точка Полагаю впрочемъ, въ этомъ вопросѣ Васъ лучше можетъ освѣдомить Главный комиссаръ Спиро. [Саблинъ]

Мнѣ важно знать, насколько выполнимо было бы такое заданіе Черноморскому флоту отъ лица высшаго Правительства съ технической точки зрѣнія, т. е. смогли ли бы корабли, готовые и исправные совершить своевременно переходъ въ Новороссійскъ, можно ли бы теперь перевести туда всѣ ремонтирующіяся и неисправныя суда. Возможно ли по состоянію транспортовъ теперь же начать перевозку запасовъ и имущества; въ первую голову самаго необходимаго, какой примѣрно срокъ необходимъ дабы сосредоточить въ Новороссійскѣ нужные для связи флота запасы, а равно и для перевода туда неисправныхъ, не могущихъ самостоятельно итти судовъ.

Сверхъ того важно мнѣ знать Ваше мнѣніе о томъ, имѣется ли на флотѣ такая власть, которая, получивъ отъ Правительства вышеуказанныя фактическія распоряженія, могла бы ихъ провести въ жизнь. Альтфатеръ.

О состояніи флота сообщу дополнительно. Команды набрано 5000, чего численно пока достаточно. Команда только что набрана и еще вовсе не обучена. Матеріальная часть судовъ первой линіи въ удовлетворительномъ видѣ, но обращеніе съ ней вызываетъ поломки. Вторая линія судовъ для сохраненія матеріальной части приводитъ свои механизмы для долговременнаго храненія благодаря чему для того, чтобы выйти въ море, имъ потребуется кромѣ команды время на приведеніе механизмовъ въ состояніе, при которомъ можно выйти въ море. [Саблинъ]

[IV]

ДОКЛАДЪ*

[объ общемъ положеніи въ Севастополѣ]

Почитаю долгомъ службы подѣлиться своими соображеніями по поводу ожидающихъ насъ событій самаго недалекаго будущаго. Революція отучила насъ заниматься предсказаніями, необходимость заставляетъ прибѣгать къ этому, если нѣтъ

* Приводимый ниже докладъ лишенъ, къ сожалѣнію, подписи и даты. Съ большой вѣроятностью его можно отнести къ послѣднимъ днямъ марта или началу апрѣля, когда въ Севастополѣ особенно остро обсуждался вопросъ объ эвакуаціи флота.

достаточныхъ данныхъ для точнаго опредѣленія будущаго, ибо безъ плана нѣтъ работы, въ особенности для военныхъ людей. Дѣлаю наихудшее предположеніе и соотвѣтствующіе выводы.

Совѣтское Правительство, Правительства Украины, Австріи и Германіи имѣли достаточно времени сообщить Черноморскому флоту свои соображенія о томъ, чего всѣ они добиваются отъ насъ. Однако это сдѣлано не было и очевидно не будетъ сдѣлано въ наиболѣе для насъ трудную минуту.

По сообщеніямъ Морской Коллегіи и Комиссіи Пяти (Военно-Морского Комиссаріата Таврической Республики) мы знаемъ, что арміи Антонова не могутъ оказать серіознаго противодѣйствія наступающимъ австро-германцамъ и гайдамакамъ. Оборона Крыма находится тоже не въ блестящемъ состояніи. Моментъ вступленія непріятеля на Крымскій полуостровъ слѣдовательно опредѣлится исключительно волею непріятеля и разстояніемъ. Если у непріятеля имѣются достаточныя силы и онъ нашелъ бы нужнымъ начать наступленіе сегодня, то Севастополь будетъ взятъ около 10—15 апрѣля.

Приближеніе непріятеля вызоветъ въ городѣ панику, значительно большую, чѣмъ это было въ дни борьбы съ татарами, и съ полной ясностью обнаружится, какъ это обнаружилось и тогда, отсутствіе въ городѣ твердой и обще-признанной власти.

Паника вызоветъ на улицу всѣ уголовные элементы города, къ которымъ присоединятся гастролеры изъ другихъ городовъ, въ частности деморализованныя части убѣжавшія съ фронта.

Кромѣ того, паника и отсутствіе власти дастъ поводъ, какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ организаціямъ попытаться захватить власть въ свои руки ради цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ интересами всего города въ цѣломъ.

Нѣкоторыя организаціи, части флота и войскъ, а также отдѣльныя лица покинутъ Севастополь и трудно угадать, каково будетъ отношеніе уходящихъ къ остающимся и всему городу.

Въ худшемъ случаѣ городъ можетъ подвергнуться разграбленію, бомбардировкѣ и т. п., крѣпость тоже, а флотъ въ какой то части поврежденіямъ или даже гибели. Въ руки непріятеля можетъ попасть то, что безусловно должно быть увезено, а вывезено будетъ то, что могло бы оставаться.

Дѣлаю еще одно предположеніе, справедливость котораго, конечно, можетъ быть провѣрена только въ будущемъ. Непріятель можетъ занять Севастополь только временно и можетъ быть вынужденнымъ въ дальнѣйшемъ его очистить. Случиться это можетъ или подъ вліяніемъ неудачъ на западномъ фронтѣ, или подъ вліяніемъ внутреннихъ перемѣнъ на Украинѣ, или подъ давленіемъ армій Правительства Народныхъ Комиссаровъ, казачества, Кавказа и пр. Въ этомъ случаѣ Черноморскій флотъ, захваченный въ Севастополѣ, будетъ уничтоженъ. Если же флотъ смогъ бы на время захвата Севастополя непріятелемъ продержаться, базируясь на Новороссійскъ, то роль его въ моментъ наступленія на нѣмцевъ съ сѣвера и востока была бы громадна. Кромѣ того, такъ какъ неизвѣстно, кто именно можетъ захватить Севастополь и съ какими цѣлями, не исключена возможность соглашенія между захватившими Севастополь и находящимся внѣ его боевымъ флотомъ.

Изъ всего вышесказаннаго дѣлаю выводы о томъ, что по моему мнѣнію должны дѣлать тѣ, кто стоитъ сейчасъ у власти и на кого падаетъ отвѣтственность за будущую судьбу города и флота.

Полная эвакуація города и флота невозможна 1) технически, 2) по причинамъ политическимъ, въ частности вслѣдствіе нежеланія флота, порта и города эвакуироваться. Мало признать это. Слѣдуетъ поставить весь городъ въ извѣстность, что полной эвакуаціи флота, города и порта не будетъ, такъ какъ въ городѣ распространяются волнующіе всѣхъ слухи.

Слѣдуетъ точно опредѣлить, что подлежитъ эвакуаціи (казначейс. банки, организаціи, Совѣты, комитеты и т. п.) и предназначить для этой цѣли опредѣленные транспорта, поставить объ этомъ въ извѣстность кого слѣдуетъ.

Въ виду того, что Севастополь, по всей вѣроятности, перейдетъ къ Украинѣ, которая ведетъ переговоры съ Великороссіей о заключеніи мира, и миръ этотъ, если не сразу, то въ недалекомъ будущемъ долженъ быть благопріятнымъ болѣе для Великороссіи, чѣмъ для Германіи, подвергать уничтоженію все то, что будетъ оставлено въ Севастополѣ, не слѣдуетъ. Слѣдуетъ лишь привести все въ такое состояніе, чтобы ничто не могло бы быть использовано противъ находящагося внѣ Севастополя флота по крайней мѣрѣ въ теченіе ближайшихъ двухъ—трехъ мѣсяцевъ.

Всѣ транспорта и военныя суда, способныя самостоятельно передвигаться, должны быть готовыми къ выходу, имѣя полные запасы по всѣмъ частямъ.

Слѣдуетъ точно установить, какое имущество Морского Вѣдомства ни въ какомъ случаѣ не должно достаться въ руки непріятеля (архивы, секретные документы и т. п.). Все это должно быть приготовлено или къ вывозу, или къ уничтоженію.

Боевой флотъ, а именно дредноуты, миноносцы и подводныя лодки, должны, напрягая всѣ усилія, привести себя въ состояніе, обезпечивающее безопасное плаваніе въ открытомъ морѣ въ условіяхъ военнаго времени. Въ виду того, что въ Новороссійскѣ никакихъ запасовъ нѣтъ, немедленно должна начаться погрузка боевого запаса, угля и провіанта хотя бы на три транспорта.

Необходимо совершенно опредѣленно выяснить, къ кому перейдетъ въ городѣ власть, если флоту потребуется выйти, а въ особенности если Совѣтъ предполагаетъ по примѣру другихъ городовъ эвакуироваться. Съ этой властью нужно договориться о томъ, чтобы по заранѣе составленному расписанію опредѣленныя организаціи заняли караулы въ Сухарной балкѣ, Порту и въ городѣ, дабы дать отпоръ всякимъ злонамѣреннымъ попыткамъ использовать панику въ чьихъ либо личныхъ интересахъ. Подчеркиваю, что дѣйствующій флотъ, гдѣ сейчасъ сосредоточены всѣ военные моряки, не долженъ въ этомъ участвовать, т. к. онъ долженъ на всякій случай быть въ первомъ положеніи.

Для того, чтобы въ этотъ чрезвычайно опасный для флота моментъ Центрофлотъ дѣйствительно отражалъ правильно настроеніе той силы, на которую онъ опирается, необходимо его переизбрать, пополнивъ его, по указанію делегатскаго собранія, главнымъ образомъ, представителями съ ВОЛИ, СВОБОДНОЙ РОССІИ, МИННОЙ БРИГАДЫ И ПОДВОДНОЙ БРИГАДЫ, очистивъ отъ представителей несуществующихъ частей или мѣстностей занятыхъ непріятелемъ.

Въ послѣдніе дни приходится чаще и чаще слышать въ городѣ и на судахъ разговоры о томъ, что Черноморскій флотъ можетъ поднять украинскіе флаги, причемъ, говорится это такъ, какъ будто поднятіе украинскаго флага сразу рѣшитъ наболѣвшіе вопросы, всѣмъ укажетъ, что нужно дѣлать, и всѣхъ успокоитъ. Я полагаю, что эти обывательскіе разговоры слѣдуетъ исключить изъ дѣловыхъ разсужденій, ибо поднятіе украинскаго флага нисколько не исключаетъ необходимости принятія указанныхъ мѣръ потому, что: 1) на Украинѣ два Правительства и ни одно изъ нихъ не проявило себя настолько опредѣленно, чтобы Черноморскій флотъ могъ бы сознательно подчиниться одному изъ нихъ, 2) кому бы мы ни изъявили сейчасъ покорности и въ какой бы формѣ это ни произошло, нѣмцы будутъ продолжать выполненіе своего плана, который можетъ заключаться совсѣмъ не въ томъ, чтобы заставить насъ признать одно изъ Украинскихъ Правительствъ.

Въ нужномъ мѣстѣ забылъ еще добавить, что по моему мнѣнію слѣдовало бы на всякій случай немедленно приступить къ траленію канала и продолжать траленіе все время до полнаго выясненія обстановки. Такъ же необходимо постоянное наблюденіе за прилегающими къ Севастополю водными пространствами.

О настоящемъ докладѣ прошу доложить Командующему Флотомъ.

[V]

РАЗГОВОРЪ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ СЪ АЛЬТФАТЕРОМЪ 27 МАРТА 20 ЧАСОВЪ

Я*. Мѣстомъ эвакуаціи флота можетъ служить только Новороссійскъ точка Портъ не оборудованъ, не имѣетъ складовъ, не имѣетъ доковъ и мастерскихъ, не въ состояніи вмѣстить всего нашего флота точка Условія стоянки въ смыслѣ погоды въ высшей степени неблагопріятны точка Эвакуаціи подлежатъ: суда первой категоріи уйдутъ самостоятельно, суда второй категоріи потребуютъ около трехъ недѣль для приведенія въ состояніе возможности выйти и доукомплектованія до трехсотъ человѣкъ каждое, суда третьей категоріи въ томъ же положеніи, «Прутъ» на буксирѣ, суда утратившія боевое значеніе и не могущія двигаться самостоятельно остануться въ Севастополѣ точка Эвакуація боевого запаса потребуетъ въ первую очередь самаго необходимаго 10 дней при тысячѣ человѣкъ работающихъ и не менѣе 7 большихъ транспортовъ точка Остальной боевой запасъ потребуетъ до 15 дней при томъ же числѣ рабочихъ рукъ и не менѣе 10 транспортовъ точка Матерьяльная часть Артиллеріи около 15 дней, на что потребуется дополнительно до 2-хъ—3-хъ транспортовъ точка Уголь около 4-хъ милліоновъ пудовъ составляетъ весь запасъ Чернаго моря, необходимо вывезти полностью, на что потребуется не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ интенсивной работы и до 15 транспортовъ Точка Продовольствіе представляетъ большую цѣнность и потребуетъ не менѣе 4-хъ транспортовъ точка Матерьялы для снабженія флота на 4 мѣсяца по всѣмъ частямъ потребуютъ срокъ до 3-хъ недѣль и 400 человѣкъ рабочихъ Потребуется 2—3 транспорта точка Севастопольскія мастерскія оборудованіе порта придется оставить ввиду крайней сложности продолжительности эвакуаціи точка Въ распоряженіе флота можетъ быть сосредоточено для эвакуаціи въ Севастополѣ не ранѣе какъ черезъ недѣлю около 20 транспортовъ и затѣмъ число ихъ можетъ быть постепенно увеличено при условіи прекращенія всѣхъ грузовыхъ операцій на Черномъ морѣ точка Въ Севастополѣ наблюдается большой недостатокъ рабочихъ рукъ кои могутъ быть привлечены для работъ по погрузкѣ точка Такова въ общихъ чертахъ техническая сторона эвакуаціи точка Приступить же къ эвакуаціи если на таковую все же послѣдуетъ распоряженіе центральнаго правительства не представляется возможнымъ до выясненія Вами вопроса со Спиро и мѣстнымъ Совдепомъ (къ аппарату подошли Нищенковъ и членъ Центрофлота Тихомировъ).

Альтфатеръ. Прошу по приказанію Коллегіи Морского Комиссаріата принять слѣдующую телеграмму. Секретно. Севастополь. Центрофлотъ копія Саблину. Захватъ Австро-Германцами Николаева и Херсона и дальнѣйшее ихъ продвиженіе на востокъ допускаетъ возможность движенія ихъ къ Перекопу для захвата Крыма, значитъ и Севастополя съ сухого пути точка Слабость вооруженныхъ силъ Украинской Совѣтской Республики находящихся подъ командой Антонова и сосредоточенныхъ въ районѣ Полтавы и Екатеринослава, не позволяетъ разсчитывать на удержаніе наступленія Австро-Германцевъ, если послѣднее будетъ поведено планомѣрно точка Во всякомъ случаѣ слабость нашихъ силъ не можетъ обезпечить Крыма отъ захвата его Австро-Германскими войсками точка Исходя изъ этихъ данныхъ обстановки, въ цѣляхъ сохраненія Черноморскаго флота и его запасовъ отъ захвата съ сухого пути, Высшій Военный Совѣтъ согласно представленія Коллегіи Морского Комиссаріата постановилъ: 1) немедленно приступить къ вывозу запасовъ и имущества Флота въ Новороссійскъ запятая перевозя въ первую голову все необходимое для обезпеченія базированія Черноморскаго флота на Новороссійскій Портъ точка 2) Немедленно приготовить всѣ суда Чернофлота къ переходу въ Новороссійскъ по первому къ тому требованію точка 3) Теперь же приступить къ переводу въ Ново-

* Вѣроятно, предсѣдатель Центрофлота Кнорусъ.

россійскъ всѣхъ ремонтирующихся и неисправныхъ судовъ и плавучихъ средствъ Чернофлота точка 4) Немедленно донести Коллегіи Морского Комиссаріата о необходимыхъ для исполненія всего средствахъ, а равно планъ и срокъ выполненія указанныхъ задачъ точка 5) Переходъ исправныхъ судовъ Флота въ Новороссійскъ выполнить въ случаѣ явной угрозы Севастополю точка 6) Все имущество и запасы Флота, которые не смогутъ быть вывезены въ Новороссійскъ изъ Севастополя — надлежитъ подготовить къ уничтоженію точка 7) Отвѣтственность за успѣшное и своевременное выполненіе настоящихъ директивъ возлагается на Центрофлотъ точка 27 марта № 14-м За Народнаго Комиссара по Морскимъ дѣламъ Раскольниковъ Нагенморъ Беренсъ Все ли поняли, а то повторимъ?

Я. Все.

Альтфатеръ. Комиссаръ Раскольниковъ проситъ передать Предсѣдателю Центрофлота, Главному Комиссару Спиро, товарищу Роменцу, что онъ приглашаетъ завтра къ аппарату къ 11 часамъ утра для переговоровъ и сообщенія обще-политической обстановки. Не имѣете ли какихъ вопросовъ?

Я. Василій Михайловичъ! скажите, не можете ли Вы дать какія либо указанія по вопросамъ затронутымъ вчера Саблинымъ?

Альтфатеръ. Будутъ вѣроятно [даны] завтра Раскольниковымъ который сейчасъ въ засѣданіи Совѣта Народныхъ Комиссаровъ точка Часть вопросовъ будетъ внесена въ экстренномъ порядкѣ на разсмотрѣніе Высшаго Военнаго Совѣта и въ зависимости отъ его рѣшенія будетъ данъ отвѣтъ на нихъ Черноморскому Флоту.

[VI]

РАЗГОВОРЪ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ 28 МАРТА

У аппарата Кнорусъ, Роменецъ, Нищенковъ.

У аппарата Раскольниковъ.

Р. Прошу разъяснить, какъ слѣдуетъ понимать резолюцію Центрофлота отъ 23-го марта, она формулирована не совсѣмъ ясно?

Мы. Въ чемъ именно неясности и какіе именно вопросы требуютъ разъясненія?

Р. Что означаютъ слова о томъ, что Черноморскій Флотъ дѣйствуетъ самостоятельно? Не слѣдуетъ ли это понимать въ смыслѣ нежеланія считаться съ распоряженіями Совѣта народныхъ комиссаровъ и Коллегіи морского Комиссаріата?

Далѣе мы считаемъ, что Черноморскій Флотъ есть достояніе всей Россійской Республики Совѣтовъ за исключеніемъ Украины, т. к. Украина представляетъ независимое Государство. Согласно мирнаго договора военныя дѣйствія войскъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ прекращены, а поэтому и Черноморскому Флоту надлежитъ принять къ свѣдѣнію и исполненію ратифицированный совѣтомъ мирный договоръ.

Не слѣдуетъ ли понимать резолюціи Центрофлота какъ непризнаніе мирнаго договора?

Затѣмъ требую поясненія слѣдующей фразы: «Центрофлотъ есть высшій демократическій органъ управленія всѣмъ Черноморскимъ Флотомъ». Затѣмъ туманно формулирована фраза: «окончательную судьбу Черноморскаго Флота рѣшитъ только конгрессъ республикъ Федераціи Совѣтовъ». Что это за конгрессъ? Мы знаемъ лишь Всероссійскій федеративный съѣздъ совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, передъ которымъ и несетъ отвѣтственность Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, распоряжающійся судьбами всѣхъ флотовъ. Жду отвѣта.

Мы. Вопросъ первый. Черноморскій Флотъ впредь какъ и никогда не отказывался отъ выполненія распоряженій отъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ и Коллегіи, но ихъ не было, точнаго текста мирнаго договора не было, а поползновенія завладѣть Флотомъ цѣликомъ и его частями со стороны отдѣльныхъ республикъ

какъ Украины, Закавказской и Таврической были, потому Центрофлотъ счелъ необходимымъ заявить, что Черн. флотъ дѣйствуетъ самостоятельно, независимо отъ правительствъ мѣстныхъ республикъ. Часть резолюціи, говорящая о поддержкѣ Кавказа въ его борьбѣ съ Турціей, явилась результатомъ полнаго отсутствія запасовъ нефти и бензина въ Севастополѣ результатъ угрозы полной остановки всѣхъ боевыхъ судовъ. Масса народившихся организацій пытаясь распоряжаться флотомъ помимо Центрофлота заставила насъ заявить, что таковой является высшимъ органомъ управленія. Объ окончательной судьбѣ флота говорили въ отвѣтъ на тѣ же притязанія отдѣльныхъ республикъ. Подъ конгрессомъ не подразумѣвали ничего новаго и имъ могли назвать и съѣздъ совѣтовъ.

Раск. Благодарю, Вашъ отвѣтъ меня вполнѣ удовлетворяетъ.

Мы. Будете ли отвѣчать на запросъ Командующаго Флотомъ въ отношеніи политической и военной обстановки и руководящихъ указаній?

Р. Я уже отвѣтилъ что Черноморскій Флотъ составляетъ достояніе всей федеративной Россійской Республики за исключеніемъ Украины, которая составляетъ самостоятельное государство и ни одинъ корабль не можетъ ходить подъ украинскимъ флагомъ.

Мы. Укажете ли точно безъ возможности толкованій позицію Черноморскаго Флота въ отношеніи Тавриды, Кавказа и его столкновеній съ Германо-Турками; какъ смотрите на возможность морскихъ операцій у Одессы и Анатолійскихъ береговъ?

Р. Вчера въ Совнаркомѣ мнѣ было указано, что разъ миръ подписанъ и мирный договоръ ратифицированъ, то нужно принять и всѣ вытекающіе отсюда выводы. Въ силу прекращенія военныхъ дѣйствій Черноморскій Флотъ, входящій въ составъ вооруженныхъ силъ государства, подписавшаго мирный договоръ, также не долженъ принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Неосмотрительныя дѣйствія въ данномъ случаѣ могли бы повлечь за собой срывъ мира и объявленіе намъ новой войны. Очередная задача Черноморскаго Флота сводится къ тому, чтобы немедленно приступить къ эвакуаціи Флота изъ Севастополя въ Новороссійскъ. Въ какой срокъ находите возможнымъ выполненіе этой операціи?

Мы. Надлежитъ ли спѣшить съ эвакуаціей потому, что Севастополь отходитъ по договору къ Украинѣ, или потому, что Тавридѣ грозитъ наступленіе германо-австрійцевъ? О технической возможности эвакуаціи сообщено вчера Альтфатеру.

Р. Эвакуацію нужно производить исключительно потому, что Тавридѣ грозитъ опасность наступленія австро-германскихъ войскъ. Мирнымъ договоромъ это не предусмотрѣно, но нѣмцы могутъ сдѣлать поползновеніе разсматривать Севастополь какъ городъ Украины и, т. к. у высшаго военнаго совѣта нѣтъ гарантій, что наши войска не допустятъ овладѣть городомъ, то предусмотрительно приходится уводить Флотъ изъ Севастополя.

Мы. Почему германцы могутъ разсматривать Севастополь какъ принадлежащій Украинѣ, если этого нѣтъ въ договорѣ.

Р. Объ Одессѣ въ мирномъ договорѣ тоже ничего не говорилось, однако германцы его разъяснили украинскимъ городомъ. Конечно, можетъ быть эвакуація будетъ впустую и Севастополь занятъ не будетъ, но все же разъ такая возможность имѣется,—необходимо принять всѣ мѣры для спасенія флота. Все, нѣтъ ли вопросовъ?

Мы. Нѣтъ, но многое неясно. Всего лучшаго.

[VII]

Оперативная часть
ЦЕНТРОФЛОТА.
Марта 29 дня 1918 г.
№ 36257.
Рейдъ Севастопольскій.

Секретно.

Начальнику Распорядительной части Центрофлота.

Препровождая копію приказа отъ 28-го марта с. г. № 29, Оперативная часть сообщаетъ, что, впредь до

окончательнаго выясненія вопроса объ эвакуаціи, на кр. «П. Меркурія» должно остаться число команды, достаточное лишь для перехода. Остальная же команда должна быть распредѣлена на другія суда. —

Начальникъ Оперативной части (подпись неразборчива)

Начальникъ Организаціон. отд. Краснощековъ.

Тов. Предсѣдателя
И. Шульга.

Копія. Секретно.

ПРИКАЗЪ

ЦЕНТРАЛЬНАГО КОМИТЕТА ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА.

Рейдъ Севастопольскій, марта 28-го дня 1918 г.
№ 29.

Крейсеръ «Память Меркурія» сдать для временнаго храненія при портѣ (2-я категорія), съ прикомандированіемъ его ко 2-й бригадѣ линейныхъ кораблей.

Подлинн. подпис. Начальникъ Военно-Морского Отдѣла М. Саблинъ
и Тов. Предсѣдателя Ребизовъ.

Вѣрно: Начальникъ Организаціоннаго отдѣленія Краснощековъ.

Начальнику Распорядительной части Центрофлота.

[VIII]

[РАЗГОВОРЪ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ 30 МАРТА]

Передано по прямому проводу

30 марта 1918 г. Передавали Ковенко и Завадинъ принялъ Домерщиковъ Срочно. Секретно. Коллегія Морского Комиссаріата копія Нагенморъ.

Послѣ заключенія мирнаго договора находится ли Совнаркомъ въ сношеніяхъ съ Германскимъ Правительствомъ по вопросамъ взаимнаго выполненія условій ратифицированнаго договора и, въ частности, относительно положенія Севастополя. Если таковой не входитъ въ составъ Украины и отдѣленъ отъ нея Крымскимъ полуостровомъ, то согласно имѣемымъ у насъ свѣдѣніямъ относительно мирнаго договора Австро-германцы не имѣютъ никакихъ основаній къ его занятію. Послѣднее должно быть точно установлено дополнительными переговорами съ центральными государствами, ибо уходъ флота изъ Севастополя лишитъ его единственной оборудованной базы на Черномъ морѣ, а неимѣніе таковой приведетъ флотъ къ полному разрушенію. Какъ уже докладывалось по прямому проводу 27 марта, Новороссійскій портъ малъ и совершенно не оборудованъ. Тамъ нѣтъ доковъ; а безъ нихъ флотъ существовать не можетъ. Постройка же доковъ будетъ весьма продолжительна и стоитъ громадныхъ денегъ. Одесса, если о ней не было оговорено въ мирномъ договорѣ, не можетъ служить примѣромъ, такъ какъ она находится на территоріи Херсонской губерніи, входящей въ составъ Украины. Вопросъ о Севастополѣ слишкомъ тѣсно связанъ съ флотомъ и долженъ быть рѣшенъ вполнѣ ясно и опредѣленно въ наикратчайшій срокъ. Центрофлотъ ожидаетъ отвѣта.

Предсѣдатель Кнорусъ.

Кромѣ того просимъ отвѣта на слѣдующее: Совнаркомъ требуетъ отъ Центрофлота:

1) Соблюденіе договора, 2) Эвакуаціи Флота.

Центрофлоту необходимо знать, приняты ли Совнаркомомъ мѣры къ тому чтобы эвакуація не нарушающая мирнаго договора совершилась въ условіяхъ мирнаго времени.

Предсѣдатель Кнорусъ.

Передаемъ слѣдующія постановленія Центрофлота:

1) Резолюція пленарнаго засѣданія Центрофлота 29-го марта: «Немедленно готовить базу для флота въ Новороссійскѣ. Флотъ же привести въ боевую готовность такъ скоро, какъ это возможно.

2) Необходимъ отпускъ денегъ на эвакуацію не менѣе 200 милліоновъ рублей. Можетъ ли это быть исполнено въ кратчайшее время.

3) Заключенъ ли миръ съ Украиной, согласно Брестскаго договора, и каковы его условія. Если не заключенъ, то ведутся ли мирные переговоры съ Украиной.

Кнорусъ.

Такъ какъ Комиссаръ Раскольниковъ въ своемъ разговорѣ по прямому проводу сказалъ, что флотъ долженъ избѣгать всякихъ дѣйствій, кои могутъ быть истолкованы Австро-Германцами въ цѣляхъ срыва мира и начала новой войны, то желательно получить слѣдующія разъясненія двѣ точки По имѣемымъ у насъ свѣдѣніямъ въ мирномъ договорѣ есть условія чтобы ни одинъ военный корабль до окончанія войны не долженъ выходить изъ своихъ портовъ точка Если Севастополь считается Совнаркомомъ русскимъ портомъ то не явится ли выходъ нашего флота изъ Севастополя для перехода въ Новороссійскъ нарушеніемъ мирнаго договора и не послужитъ ли это причиной срыва мира, или же Совнаркомъ считаетъ единственнымъ русскимъ портомъ на Черномъ морѣ Новороссійскъ и переводитъ туда флотъ во исполненіе мирнаго договора. Намъ необходимо знать все это вполнѣ опредѣленно.

Просимъ Комиссара Раскольникова или же помощника Нагенмора Альтфатера подойти сегодня 30-го марта къ указанному имъ часу къ прямому проводу и дать намъ опредѣленные отвѣты на всѣ поставленные нами вопросы.

[IX]

Копія.

ДОКЛАДЪ

ОПЕРАТИВНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНАГО КОМИТЕТА ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА ПО ОРГАНИЗАЦІОННОМУ ОТДѢЛЕНІЮ.

Рейдъ Севастопольскій, марта 30 дня 1918 года.
№ 36270.

Во исполненіе резолюціи Пленарнаго засѣданія Центральнаго Комитета Черном. Флота отъ 29-го сего марта, Оперативная часть полагаетъ необходимымъ въ срочномъ порядкѣ выполнить слѣдующія мѣропріятія:

1) По пункту 1-му: назначить срочно комиссію въ составѣ: Предсѣдателя съ правами Главнаго Командира, Товарища Предсѣдателя съ правами Капитана надъ портомъ и членовъ: механика, корабельнаго инженера, штурмана, 2-хъ артиллеристовъ (морского и сухопутнаго), членовъ Центральнаго Комитета отъ технической и интендантской частей и представителя Начальника Тыла при Дѣлопроизводителѣ изъ военныхъ моряковъ команднаго состава. Указанной комиссіи срочно выбыть въ Новороссійскъ и на мѣстѣ установить: 1) какое количество военныхъ и торговыхъ судовъ можетъ вмѣстить Новороссійскій портъ, и 2) какія необходимо принять

мѣры къ приведенію Новороссійскаго порта въ состояніе, которое позволитъ ему служить базой для Черноморскаго Флота. Комиссіи необходимо обратить вниманіе на слѣдующіе важные вопросы:

1) Точно установить мѣсто для стоянки судовъ,
2) Пріискать помѣщенія для храненія боевого запаса,
3) Пріискать помѣщеніе для береговыхъ частей,
4) Пріискать помѣщеніе для портовыхъ складовъ,
5) Точно установить мѣсто стоянки плавучаго дока,
6) Выяснить вопросъ о мѣстныхъ ремонтныхъ средствахъ и насколько они могутъ быть пополнены севастопольскими,
7) Выяснить вопросъ о водѣ,
8) Выяснить вопросъ о возможности полученія свѣжей провизіи и
9) Выяснить вопросъ объ оборонѣ съ суши и съ моря (установка батарей, минныхъ и сѣтовыхъ загражденій и т. д.).

По пункту второму уже неоднократно докладывалось, и какъ это доказали на опытѣ послѣдніе походы миноносцевъ и постановленіе подводной лодки «Тюлень», необходимо приступить къ провѣркѣ знаній и опыта личнаго состава, обученію его, къ производству практическихъ стрѣльбъ и тактическихъ упражненій и т. д., на что потребуется срокъ при интенсивной работѣ отъ 2-хъ до 3-хъ мѣсяцевъ.

Съ вопросомъ объ эвакуаціи флота изъ Севастополя тѣсно связано рѣшеніе, принятое относительно судовъ 2-й и 3-й категоріи:

Въ настоящее время, ввиду отсутствія острой необходимости имѣть ихъ въ строю для развитія нашихъ операцій, для сокращенія расходовъ по личному составу и вмѣстѣ съ тѣмъ для сохраненія этихъ судовъ отъ разрушенія, приступлено къ приведенію этихъ судовъ въ состояніе для временнаго храненія при портѣ. Если вопросъ будетъ рѣшенъ въ смыслѣ необходимости эвакуировать эти суда въ Новороссійскъ, то немедленно надо отдать распоряженіе о прекращеніи приведенія ихъ въ состояніе временнаго храненія и, наоборотъ, сейчасъ же приступить къ приведенію ихъ въ годное для похода состояніе для перехода въ Новороссійскъ и доукомплектовать ихъ необходимой для этого перехода командой, на что потребуется не менѣе ‹до› 4-хъ недѣль.

Если же будетъ признано необходимымъ подготовить Новороссійскій портъ, какъ базу, лишь на случай могущей возникнуть при наступленіи австро-германцевъ необходимости дѣйствующему флоту уйти изъ Севастополя, при чемъ суда 2-й и 3-й категоріи рѣшено будетъ оставить въ Севастополѣ, необходимо продолжать работы по приведенію судовъ 2-й категоріи къ временному храненію, а судовъ 3-й категоріи къ сдачѣ къ порту, какъ это указывалось въ докладѣ отъ 14-го марта с. г. за № 36137.

При рѣшеніи этихъ вопросовъ необходимо имѣть въ виду, что Новороссійскъ долженъ вмѣстить весь военный и транспортный флотъ, такъ какъ онъ остается единственнымъ портомъ, на который мы можемъ разсчитывать. Въ настоящее время для нашего противника захватъ коммерческаго флота имѣетъ столь же важное значеніе, если даже не большее, что и захватъ военнаго флота.

Считая, что противникъ заинтересованъ не столько въ занятіи Севастополя, сколько въ захватѣ нашего флота, должна быть организована болѣе или менѣе надежная оборона Новороссійска съ сухого пути, такъ какъ, въ случаѣ паденія Новороссійска, нашему флоту больше уже никуда не представляется возможнымъ уйти.

Для возможности выполненія шаговъ по эвакуаціи, въ смыслѣ подготовки къ переходу флота для базированія въ Новороссійскъ, необходимо срочно потребовать отъ Севастопольскаго Отдѣла Союза моряковъ и рѣчниковъ Торговаго флота (Совѣтъ Семи):

1) сосредоточить всѣ свободные транспорты для пріемки угля, находяшагося на складахъ въ Севастополѣ,

2) всѣ дальнѣйшія грузовыя операціи вести съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ любой моментъ по первому требованію всѣ транспорта могли бы быть сосредоточены въ Севастополѣ для вывоза всего необходимаго въ Новороссійскій портъ.

Теперь же отпустить въ распоряженіе Начальника Тыла необходимые кредиты для найма рабочихъ для погрузокъ.

Подлин. подпис.: Начальникъ Оперативной части Протасовъ и Начальникъ Организаціоннаго Отдѣленія Краснощековъ.

Президіумъ Центрофлота постановилъ:

1) На назначеніе комиссіи для обслѣдованія порта Новороссійскъ согласиться; 2) по вопросу о приведеніи судовъ въ боевую готовность — изъ судовъ 2 и 3 категоріи приготовить л. к. «Іоаннъ Златоустъ», «Евстафій», «Борецъ за Свободу»; 3) по вопросу о транспортахъ — согласиться съ Оперативной част.; 4) по вопросу о финансированіи эвакуаціи — необходимыя средства изыскать.

Подпис.: Предсѣдатель Кнорусъ и Секретарь

Вѣрно: Помощникъ Начальника Организаціоннаго отдѣленія С. Сащенко.

[X]

ОБСТАНОВКА*

[въ Севастополѣ]

I) Воевать флотъ при настоящемъ состояніи не можетъ.

II) Базироваться на Новороссійскъ нельзя ввиду полной непригодности и необорудованности порта.

III) Слухи объ уходѣ флота для базированія изъ Севастополя въ Новороссійскъ порождаютъ въ городѣ и среди рабочихъ большія волненія.

IV) Въ настоящее время наблюдается на ряду съ общей разрухой стремленіе къ созданію на судахъ извѣстнаго порядка и организаціи. Съ переходомъ въ неорганизованный и необорудованный портъ, въ которомъ флотъ обреченъ на умираніе, можетъ въ корнѣ заглушить это стремленіе.

V) Изъ Москвы передано свѣдѣніе о томъ, что турки имѣютъ поползновеніе на Крымъ точка у насъ имѣются данныя предполагать усиленное движеніе германо-турецкихъ транспортовъ.

Просимъ намъ дать вполнѣ опредѣленные, категорическіе и точные отвѣты на нижеслѣдующіе вопросы:

I) Кому по мирному договору принадлежитъ Севастополь?

II) Какъ рѣшенъ вопросъ о Черноморскомъ флотѣ? Этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ дипломатическимъ путемъ. Переходъ флота въ Новороссійскъ его гибель.

III) Какъ идутъ мирные переговоры съ Украиной.

IV) Съ кѣмъ ведутся переговоры съ Центральной Радой или Народной Совѣтской Республикой? Ст. 6 договора.

V) Вопросъ о флотѣ есть вопросъ общегосударственный и не временнаго характера. Его нельзя разсматривать на два-три дня впередъ. До сихъ поръ мы не имѣли отъ Совнаркома никакихъ руководящихъ директивъ и въ настоящее время находимся благодаря неожиданному распоряженію объ эвакуаціи въ тупикѣ. Переходъ флота въ Новороссійскъ — его гибель. Новороссійскъ по своему стратегическому положенію, климатическимъ условіямъ и полной необорудованности не можетъ слу-

* Настоящая записка является повидимому черновой записью для предстоящаго разговора по прямому проводу.

жить базой для флота. Настоящее нелѣпое положеніе всецѣло лежитъ на отвѣтственности Совнаркома и этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ имъ въ наиболѣе безболѣзненной формѣ для общероссійскихъ интересовъ. Ждемъ отвѣта.*

VI) Эвакуація потребуетъ немедленно 200 милліоновъ кромѣ обычнаго бюджета. Просимъ сообщить когда будутъ присланы?

VII) Необходимость быть въ готовности къ продолженію военныхъ дѣйствій заставляетъ прекратить демобилизацію и даже частично развертывать уже демобилизованныя части, что вызываетъ требованіе денегъ. Изъ всѣхъ штабовъ также поступаютъ требованія объ отпускѣ денегъ.

VIII) Мирный договоръ въ Брестѣ предусматриваетъ немедленное возобновленіе торговыхъ сношеній на Черномъ морѣ и очищеніе моря отъ минъ. Турецкій Главнокомандующій уже предлагалъ Центрофлоту назначить делегатовъ для выработки условій плаванія по Черному морю.

Просимъ дать намъ указанія по этому вопросу.

Изъ Констанцы по радіо германское морское отдѣленіе также предлагаетъ начать торговыя сношенія, указывая подходы для судовъ къ Констанцѣ.

Принадлежность флота федераціи безъ Украины для флота непріемлема. На чьей территоріи Новороссійскъ (на рус. или кавказс.) разстояніе до Украинской границы и средства защиты берегового фронта Эвакуація нарушеніе договора или соблюденіе Ведутся ли переговоры съ Центральной Радой и нѣтъ ли въ договорѣ обязательствъ Совѣтс. правительства по отношенію къ Центр. Радѣ.

[XI]

ТЕЛЕГРАММА

Копія.

Севастополь Центрофлотъ

30089/П. Согласно мирнаго договора съ Турціей торговое мореплаваніе по Черному морю разрѣшается. Въ виду изложеннаго Коллегія Морского Комиссаріата предлагаетъ назначить делегатовъ въ комиссію по выработкѣ условій мирнаго плаванія изъ состава Черноморскаго флота, о чемъ по радіо Вами получено предложеніе отъ турецкаго главнокомандующаго. Лицамъ, назначаемымъ Вами въ указанную комиссію, надлежитъ всемѣрно стремиться обезпечить интересы Россіи. Детальныя выясненія мѣста и времени комиссіи надлежитъ узнать по непосредственному сношенію съ турецкимъ главнокомандованіемъ. Одновременно вопросъ этотъ вносится въ Комиссаріатъ Иностранныхъ Дѣлъ для соотвѣтствующаго сношенія съ турецкимъ правительствомъ. Результаты переговоровъ Вашихъ съ турецкимъ главнокомандованіемъ, а равно кто назначается Вами делегатами въ комиссію донести Коллегіи. 30-го марта № 19/м.

Коллегія Морского Комиссаріата: Вахрамѣевъ Раскольниковъ.

Вѣрно: За Начальника Морского
Генеральнаго Штаба В. Альтфатеръ.

[XII]

ПРИБЛИЖЕННЫЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ДАННЫЯ ДЛЯ РАСЧЕТОВЪ ПО ЭВАКУАЦИИ СЕВАСТОПОЛЯ

Флотъ 1-ой категоріи — по укомплектованію можетъ выйти.

Л. к. «Евстафій», «Іоаннъ Златоустъ» и «Борецъ за Свободу» по приведеніи механизмовъ и по укомплектованіи [–] на что потребуется до 3—4 недѣль. До полученія приказанія объ эвакуаціи суда эти согласно общаго плана демобилизаціи приводи-

* Пунктъ V въ подлинникѣ перечеркнутъ.

лись въ состояніе для временнаго храненія при портѣ; личный составъ на нихъ былъ сведенъ до минимума. Теперь пришлось эту работу прекратить и суда готовить къ выходу. Ввиду временнаго характера назначенія командъ на эти корабли не будетъ отвѣтственныхъ хозяевъ имущества и оно можетъ подвергнуться разграбленію.

Остальныя суда придется оставить въ Севастополѣ.

Портъ Новороссійскъ: По стратегическимъ условіямъ не удаченъ. Граница Украины (по имѣемымъ у насъ свѣдѣніямъ) проходитъ въ непосредственной близости при чемъ въ ея рукахъ командующія высоты. Необходимо будетъ создавать серіозную сухопутную оборону. По климатическимъ условіямъ тамъ свирѣпствуетъ бора при чемъ судамъ нерѣдко приходится во избѣжаніе аварій уходить изъ порта въ море. Портъ совершенно не оборудованъ. Главный недостатокъ отсутствіе доковъ, складовъ для боевыхъ запасовъ и трудность полученія свѣжей провизіи и воды.

Эвакуація запасовъ.

1) Боевой запасъ: Запасъ судовъ 1-ой категоріи подлежащій погрузкѣ на транспорты — потребуется около 16 дней при 500 рабочихъ. Запасъ судовъ 2-ой категоріи около 11 дней при 500 рабочихъ. Остальной запасъ потребуетъ около 28 дней при 500 рабочихъ. Итакъ погрузка всего боевого запаса потребуетъ 55 дней при 500 рабочихъ и 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ. Запасная матеріальная часть артиллеріи потребуетъ еще 15 дней.

2) Минный боевой запасъ — для подачи минъ загражденія на пристани потребуется до 560 дней при 100 рабочихъ. Подходящихъ для этой цѣли транспортовъ очень мало. Остальное минное имущество потребуетъ для доставки къ пристанямъ приблизительно 260 дней при 100 рабочихъ.

3) Средства отрядовъ борьбы съ подводными лодками. Минный запасъ потребуетъ около 2 недѣль при 100 рабочихъ. Боновое дѣло потребуетъ до 19 транспортовъ при 37,000 дней-людей.

4) Уголь — въ Севастополѣ сосредоточенъ весь запасъ Чернаго моря около 4,000,000 пудовъ. Для его вывоза потребуется около 20 транспортовъ и около 2½—3 мѣсяцевъ.

5) Расходные матеріалы на 2 мѣсяца потребуютъ около 2-хъ недѣль при 100 рабочихъ.

6) Провизія — приблизительно то же.

7) Мундирные запасы — приблизительно то же.

8) Ремонтные матеріалы для функціонированія транспорта Кронштадтъ — потребуютъ около 15 дней при 25 рабочихъ.

9) Ремонтныя средства для ремонта судовъ 1-ой категоріи и снабженія ихъ по кораблестроительной части около 15 дней при трехъ транспортахъ.

Единственный имѣемый въ Севастополѣ малый докъ не можетъ быть выведенъ изъ Севастополя изъ за неисправности.

Резюмируя изложенное видно, что суда безъ средствъ могутъ выйти въ море въ зависимости отъ укомплектованія. Въ Новороссійскѣ они ничего не найдутъ и принуждены будутъ въ концѣ концовъ стремиться обратно въ Севастополь какъ единственную базу на Черномъ морѣ.

Самый продолжительный срокъ требуется для важнѣйшихъ запасовъ на что потребуются громадные сроки до года.

Остальные запасы могутъ быть перевезены приблизительно въ 2—4 недѣли.

Всѣ эти расчеты сдѣланы при условіи нормальной работы и нормальнаго исполненія приказаній, при условіи достаточнаго числа рабочихъ рукъ, послѣднее связано съ отношеніемъ населенія къ эвакуаціи.

Придется сосредоточить въ Севастополѣ всѣ транспорты, а для этого придется прекратить всѣ грузовыя операціи на Черномъ морѣ на время продолжительности всей операціи, т. е. на нѣсколько мѣсяцевъ. При чемъ даже при сосредоточеніи всѣхъ транспортовъ ихъ не хватитъ для выполненія всей операціи по каждому пункту отдѣльно.

2 апрѣля 1918 г. Н—къ Оперативн. Части Протасовъ.

[XIII]

СВѢДѢНІЯ

О ЧИСЛѢ ВОЕННЫХЪ МОРЯКОВЪ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА, ЗАКЛЮЧИВШИХЪ ДОГОВОРЫ НА СЛУЖБУ ПО ВОЛЬНОМУ НАЙМУ:

Состоитъ по списку	6677	чел.
изъ нихъ:		
Управленіе Центрофлота и кадръ лин. кор. «Георгій Побѣдон.»	474	„
На судахъ 1-й линіи: Лин. кор. «Воля»	1010	„
„ „ «Свободная Россія»	894	„
Минная Бригада	1650	„
Подводная бригада	332	„
Крейсерская бригада	570	„
Служба связи	346	„
Охрана рейдовъ	167	„
Воздушная дивизія	257	„
На судахъ 2-й линіи	210	„
Караульная рота Сухарной балки	200	„
Остальные на разныхъ судахъ, подлежащихъ сдачѣ къ порту, въ береговыхъ частяхъ и учрежденіяхъ	566	„

Начальникъ отдѣленія по укомплектованію Левговдъ.
Членъ Центрофлота Черноусъ.

[XIV]

Копія № 5275.

Чер[Ген]мор. Москва для Черноморской делегаціи изъ Симферополя
Телеграмма.

Эвакуація Трапезунда не была выполнена до конца масса цѣннаго имущества осталась въ рукахъ турокъ точка Подробности неизвѣстны точка Результаты и подробности переговоровъ Турецкаго Командованія съ Трапезундскимъ Комитетомъ и мирной делегаціей намъ неизвѣстны 2 — Что касается крѣпостной артиллеріи матеріальная часть въ удовлетворительномъ состояніи точка Комплектованіе заклю-[ан]ч[ив]ается 3 — наш[м]и принято радіо № 946 отъ 28 марта ковычки пароходъ Бѣлороссія 7000 тоннъ водоизмѣщенія вышедшій изъ Одессы на буксирѣ Буксирнаго судна Николаевъ послѣ 12 дневнаго блужданія по морю вопречены [захвачены?] Турецкими миноносцами близъ Эмино поврежденной машиной на Якорѣ точка Люди всѣ здоровы [приняты] радушно и послѣ установленнаго карантина будутъ пущены на свободу точка Если находите нужнымъ отбуксировать судно въ Севастополь можете послать другой пароходъ, нагруженный хлѣбнымъ зерномъ для обмѣна на табакъ или деньги точка Начальникъ штаба Болгарскаго флота Купоръ ковычки 4 [–] радіо изъ Констанцы отъ 1 апрѣля[:] въ Констанцѣ находятся уголь земледѣльческія орудія которыя бы вамъ можно отдать[,] портъ Констанца для торговыхъ сношеній открытъ точка Пароходы могутъ войти и выходить точка держитесь востока красный сигналъ въ 4 градусахъ 35 мин. широта и 29 градусовъ восточной долготы откуда прямо на портовый входъ оставьте красные сигналы изъ за опасности минъ сѣвернѣе и привезите зерно пищевые припасы машинную мазь все что хотите отдать точка Зовите ВМС на 600 метровъ и укажите кто идетъ когда будетъ[е] передъ нашимъ портомъ [чтобы] лоцманъ вышелъ навстрѣчу Германское морское отдѣленіе Констанцы № 2100 5 п. 1 [–] Эвакуація безъ денегъ невозможна точка Когда и сколько будетъ прислано денегъ 2 [–] могутъ ли суда переходить послѣ заключенія мирнаго договора изъ одного

нашего порта въ другой 3 [–] обезпечена ли нашему флоту мирная эвакуація и не будетъ [ли] она происходить подъ угрозой Австро-Германцевъ 4 [–] Въ виду непригодности Новороссійска для продолжительной стоянки флота можно ли разчитывать на возвращеніе флота въ Севастополь и когда [;] выяснено ли дипломатическимъ путемъ ясно и опредѣленно неприкосновенность Крыма Севастополя флотъ[а] точка не является ли необходимымъ подтвердить это невозможность[ю] оборудовать Новороссійскъ какъ базу флота постоянной стоянки, невозможность[ю] доставить туда достаточное количество [....] флотъ окажется въ ближайшемъ времени въ бездѣйствіи [, что] заставляетъ просить Совнаркомъ пересмотрѣть вопросъ объ эвакуаціи [;] не будетъ ли считаться военноморская подготовка Новороссійскъ[а] съ суши и съ моря поводомъ къ нарушенію мирнаго договора [, а не] обезпечить флотъ поползновеній Австро-Германцевъ ‹Новороссійска чѣмъ и›не можетъ ли самочинное выступленіе Тавриды повліять на захватъ флота просимъ отвѣта на всѣ вопросы переданные Шульгѣ и Левговду.

Предсѣдатель Кнорусъ.

[XV] Копія.

М. М.
МОРСКОЙ
Генеральный Штабъ.
3 апрѣля 1918 г.
№ 53/м.
гор. Москва.

Резолюція Высшаго Военнаго Совѣта:

«Высшій Военный Совѣтъ находитъ необходимымъ представить этотъ вопросъ Совѣту Народныхъ Комиссаровъ съ просьбой поддержать ходатайство Морского Генеральнаго Штаба.

Предсѣдатель Высшаго Военнаго Совѣта Троцкій.

Военный руководитель М. Бончъ-Бруевичъ.»

4 апрѣля 1918 г.

ДОКЛАДЪ.

Австро-германскія войска совмѣстно съ войсками Украинской рады захватили Николаевъ, въ которомъ остались строющіяся и ремонтирующіяся суда Черноморскаго флота.

Такъ какъ по существу Брестскаго мирнаго договора, Черноморскій флотъ не является флотомъ Украинскимъ, то, по мнѣнію Коллегіи Морского Комиссаріата, является необходимымъ теперь же вступить въ переговоры съ центральными державами объ освобожденіи захваченныхъ въ Николаевѣ нашихъ судовъ.

Представляя изложенныя соображенія, Коллегія Морского Комиссаріата испрашиваетъ одобренія Высшаго Военнаго Совѣта на предполагаемое мѣропріятіе.

Подписали:

За Народный Комиссаръ по Морскимъ дѣламъ:
Раскольниковъ.
За Начальника Морского Генеральнаго Штаба:
В. Альтфатеръ.
Въ Высшій Военный Совѣтъ.
Вѣрно:
За Начальника Морского Генеральнаго Штаба:
В. Альтфатеръ.

[XVI]

[ЧЕРНОВИКЪ ТЕЛЕГРАММЫ ВЪ СЕВАСТОПОЛЬ]

Телеграмма

Севастополь Центрофлотъ.]

Сообщаемъ постановленіе Совнаркома:

Совнаркомъ постановилъ: Арестовать Чрезвычайнаго Комиссара на Румынскомъ фронтѣ Спиро за преступленіе по должности выразившееся въ прямомъ противо-

дѣйствіи постановленіямъ Совѣтской Власти и распоряженіямъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, слѣдствіе производится. Требуемъ немедленнаго отвѣта на наши телеграммы.
Шульга Левговдъ.

[XVII]

[ЧЕРНОВИКЪ ЗАЯВЛЕНІЯ ВЪ КОЛЛЕГІЮ М. КОМИССАРІАТА]

Въ Коллегію Морского Комиссаріата.

[15 апрѣля]

Заявленіе делегаціи Черноморск. флота.

6 апрѣля, прибывъ изъ Севастополя съ чрезвычайно срочнымъ важнымъ порученіемъ, мы сообщили Коллегіи вопросы, немедленное разрѣшеніе которыхъ было крайне необходимо Центрофлоту для принятія ряда практическихъ мѣръ и для освѣдомленія флота о взглядахъ правительства на вопросы, разнообразное толкованіе которыхъ порождало броженіе въ умахъ города и флота и грозило разрушеніемъ остатковъ его боеспособности. 6 же апрѣля Морской Комиссаріатъ препроводилъ Комиссару по Иностр. дѣламъ письмо съ изложеніемъ всѣхъ интересующихъ насъ вопросовъ. Не получая отвѣта до 9 апрѣля, мы сдѣлали новое заявленіе, въ которомъ напоминали о необходимости для насъ скораго отвѣта. Т. Троцкій положилъ на заявленіи резолюцію, которой просилъ Комиссара по Иностраннымъ дѣламъ дать намъ отвѣтъ незамедлительно. Резолюція эта въ тотъ же день была вручена Пом. Нач. М. Г. Штаба Альтфатеру для передачи Комиссаріату по иностраннымъ дѣламъ, что и было сдѣлано. 12 апрѣля мы получили и передали Коллегіи телеграмму изъ Севастополя о тревожномъ положеніи въ городѣ, о забастовкѣ, борьбѣ стараго и новаго совѣта, и съ просьбой ускорить исполненіемъ данныхъ намъ порученій.

13 апрѣля получена были и передана Коллегіи телеграмма о введеніи въ Севастополѣ военнаго положенія.

Грозные признаки возможности кровавыхъ столкновеній въ Севастополѣ между матросами и рабочими, которые во всякомъ случаѣ пагубно отзовутся на зачаткахъ порядка и боеспособности флота, которые замѣчались въ послѣднее время, а также появленіе у Севастополя активн. дѣйствій непріятеля, вынуждаютъ насъ еще разъ самымъ энергичнымъ образомъ настаивать на скорѣйшемъ отвѣтѣ на всѣ затронутые нами вопросы. Теперь больше чѣмъ когда либо Центрофлотъ нуждается въ совершенно ясныхъ и опредѣленныхъ директивахъ и въ поддержкѣ своего авторитета со стороны Совѣтскаго Правительства.

Если бы Совѣт. Прав. сочло для себя въ данный моментъ невозможнымъ давать опредѣл. указанія, то мы полагаемъ, что въ соотвѣтствующихъ областяхъ слѣдовало бы предоставить Центрофлоту дѣйствовать самостоятельно, сообразуясь съ мѣстными условіями.

7 апрѣля нами было сдѣлано заявленіе Комиссар. по Морскимъ дѣламъ по поводу ареста Комисс. Черн. флота Спиро, въ которомъ настаивали на немедленномъ его освобожденіи или сообщеніи причинъ ареста. Не получая письменнаго отвѣта за исключеніемъ копіи постановленія Совнаркома отъ 6 апрѣля, не разъясняющаго сущности дѣла, мы сдѣлали новое заявленіе 9 апрѣля, которое лично вручили т. Троцкому. Т. Троцкій при насъ сдѣлалъ распоряженіе т. Раскольникову о выдачѣ намъ письменнаго документа съ изложеніемъ причинъ ареста Спиро. Со дня ареста прошло 8 сутокъ. Несмотря на то, что, какъ намъ заявлено, слѣдствіе должно было производиться въ срочномъ порядкѣ, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, до сихъ поръ еще не законченъ первый допросъ обвиняемаго и не приступлено къ составленію обвинительнаго акта. Кромѣ того намъ до сего дня не было разрѣшено свиданія съ т. Спиро, даже въ присутствіи стражи и члена слѣдственной комиссіи, а между тѣмъ свиданіе это намъ крайне необходимо для выясненія ряда вопросовъ не имѣющихъ ничего общаго съ обвиненіями, къ нему предъявленными: Мы еще разъ настаиваемъ на подробномъ сообщеніи намъ въ письменной формѣ причинъ ареста т. Спиро для доклада Черн. флоту, а также просимъ разрѣшенія переговорить съ нимъ по нашимъ дѣламъ.

Въ виду того, что наше присутствіе здѣсь не можетъ ускорить полученія отвѣтовъ отъ Комиссаріата по Иностр. дѣламъ и не можетъ повліять на движеніе дѣла т. Спиро, мы считаемъ, что возложенная на насъ Центрофлотомъ задача выполнена и предполагаемъ выѣхать въ Севастополь не позже 16 апрѣля, т. к. угрожающее положеніе въ Севастополѣ требуетъ нашего присутствія на мѣстѣ.

[XVIII]

М. М.

ДОКЛАДЪ

по

Морскому Генеральному Штабу.

Высшій Военный Совѣтъ одобряетъ въ общемъ директиву, но считаетъ необходимымъ, ранѣе принятія рѣшенія о переводѣ не готовыхъ судовъ въ Новороссійскъ, потребовать представленія плана перевода, почему п. 6-ой директивы нынѣ подлежитъ исключенію, а окончательное рѣшеніе по пункту 6-ому будетъ принято по представленіи и разсмотрѣніи плана.

За Предсѣдателя Высшаго Военнаго Совѣта

Н. Подвойскій.

Н. Потаповъ.

М. Бончъ-Бруевичъ.

16 апрѣля 1918 г.

Въ высшій военный совѣтъ.

Секретно.

Копія.

Центрофлотъ копія Саблину.

Обстановка, сложившаяся въ настоящее время на Черномъ морѣ, требуетъ преподанія Черноморскому флоту опредѣленной директивы, которую флотъ этотъ долженъ положить въ основу всей своей ближайшей дѣятельности.

Въ этомъ отношеніи, принимая во вниманіе новыя условія службы на флотѣ, а равно и затрудненія, испытываемыя государствомъ въ отношеніи финансовъ и техническихъ рессурсовъ, Коллегія Морского Комиссаріата полагаетъ практически невозможнымъ содержаніе всего судового состава Черноморскаго флота въ полной боевой готовности и находитъ необходимымъ содержать въ полной боевой готовности въ настоящее время лишь всѣ боевыя суда этого флота съ необходимымъ обслуживаніемъ ихъ въ видѣ минимально необходимаго количества вспомогательныхъ и спеціальныхъ судовъ.

Исходя изъ этого положенія, Коллегія Морского Комиссаріата намѣчаетъ содержать въ боевой готовности слѣдующія суда:

- линейные корабли (дредноуты) «Воля» и «Свободная Россія»,
- одинъ крейсеръ — «Очаковъ» или «Память Меркурія» въ зависимости отъ того, который изъ нихъ находится въ лучшемъ техническомъ состояніи,
- всѣ новые эскадренные миноносцы — 11,
- всѣ новѣйшія подводныя лодки — 6—8 (въ зависимости отъ состоянія механизмовъ).

Указанный судовой составъ, принимая во вниманіе, что наши вѣроятные противники на Черномъ морѣ фактически не имѣютъ флотовъ, исключая небольшого числа германскихъ подводныхъ лодокъ и старыхъ турецкихъ и болгарскихъ миноносцевъ, является совершенно достаточнымъ, чтобы, въ случаѣ возникновенія боевыхъ дѣйствій, обезпечить за нами въ первый же моментъ боевого столкновенія, господство на морѣ.

Что касается остальныхъ боевыхъ судовъ Черноморскаго флота, то въ этомъ отношеніи, имѣя въ виду опытъ минувшей войны и особыя условія Черноморскаго театра, Коллегія Морского Комиссаріата по-

лагаетъ желательнымъ оставить ихъ во флотѣ и къ порту не сдавать, но содержать, въ силу затрудненій по укомплектованію и финансово-техническаго характера, въ положеніи, требующемъ извѣстнаго времени для приведенія ихъ въ полную боевую готовность и вступленія въ строй.

Въ этомъ смыслѣ, Коллегія Морского Комиссаріата полагаетъ желательнымъ: линейные корабли — «Евстафій» и «Іоаннъ Златоустъ», являющіеся судами переходнаго типа и вооруженные достаточно сильной артиллеріей (4—12'', 4—8'' и 12—6'') содержать въ полной технической готовности, но съ малымъ числомъ личнаго состава (кадромъ); такое состояніе этихъ судовъ позволитъ готовность ихъ считать въ предѣлахъ отъ одной до двухъ недѣль въ зависимости отъ пополненія личнымъ составомъ.

Прочія суда флота, какъ то: линейный корабль «Борецъ за Свободу», «Три Святителя», «Ростиславъ», одинъ изъ крейсеровъ, легкій крейсеръ «Прутъ» и всѣ старые миноносцы, кромѣ оставляемыхъ при флотѣ въ качествѣ минимально необходимаго для обслуживанія, содержать въ положеніи долговременнаго храненія, т. е. съ незначительнымъ числомъ личнаго состава и съ механизмами въ исправности, но поставленными на храненіе; срокъ готовности этихъ судовъ опредѣляется отъ 1 до 2 мѣсяцевъ.

Имѣя въ виду, что база флота Севастополь является не вполнѣ обезпеченной съ сухого пути, то, согласно указанія Высшаго Военнаго Совѣта, Коллегія Морского Комиссаріата уже преподала Черноморскому флоту директиву о безотлагательной подготовкѣ, въ мѣрѣ возможности, маневренной базы въ Новороссійскѣ; задача эта и нынѣ остается въ полной силѣ, причемъ командованію флотомъ, за его полной отвѣтственностью, предоставляется или немедленно перевести туда всѣ суда, не находящіяся въ полной боевой готовности, или же оставить пока въ Севастополѣ, съ тѣмъ, чтобы при первыхъ тревожныхъ признакахъ осуществить этотъ переводъ, для чего разработать соотвѣтствующій планъ. Необходимость предоставленія такой иниціативы командованію флотомъ объясняется тѣми трудностями, кои испытываютъ указанныя суда въ случаѣ перевода ихъ теперь же въ Новороссійскъ, не подготовленный еще для этой цѣли.

Слѣдующей задачей, возлагаемой на Черноморскій флотъ, является приведеніе въ готовность всѣхъ современно-вооруженныхъ батарей приморскаго фронта Севастопольской крѣпости и постепенное разоруженіе послѣдней отъ старыхъ орудій, нынѣ находящихся на ея вооруженіи и не имѣющихъ совершенно никакого боевого значенія въ борьбѣ съ судами противника.

Исходя изъ требованій, возложенныхъ на Россію Брестскимъ мирнымъ договоромъ по очисткѣ моря

отъ минныхъ загражденій, Коллегія Морского Комиссаріата считаетъ необходимымъ поставить Черноморскому флоту задачу разработки плана этой работы на началахъ аналогичныхъ принятымъ въ Балтійскомъ морѣ.

Наконецъ, имѣя въ виду возможность захвата Крыма германцами и украинцами и исходя изъ того, что въ этомъ случаѣ Черноморскому флоту придется перейти въ Новороссійскъ, Коллегія Морского Комиссаріата считаетъ нужнымъ преподать Черноморскому флоту указанія о разработкѣ плана обороны Керченскаго пролива, а равно увода изъ Азовскаго моря всѣхъ, находящихся тамъ плавучихъ и транспортныхъ средствъ.

На основаніи изложенныхъ соображеній, Коллегія Морского Комиссаріата представляетъ ‹у сего› на утвержденіе Высшаго Военнаго Совѣта проектъ директивы* Черноморскому флоту, коей ему надлежитъ руководствоваться въ настоящее время.

Подписали:

За Народнаго Комиссара по Морскимъ Дѣламъ
Раскольниковъ

За Начальника Морского Генеральнаго Штаба
В. Альтфатеръ.

16 апрѣля 1918 г.
№ 100/м.

Вѣрно: В. Альтфатеръ.

[XIX]

Копія.

ТЕЛЕГРАММА

Севастополь Центрофлотъ копія Саблину.

Одобрена Высшимъ Военнымъ Совѣтомъ съ исключеніемъ п. 6-го и первой части п. 10-го.

За Предсѣдателя Высшаго Военнаго Совѣта
Н. Подвойскій
М. Бончъ-Бруевичъ
Н. Потаповъ. 16 апрѣля 1918 года.

Согласно указаній, преподанныхъ Высшимъ Военнымъ Совѣтомъ, Коллегія Морского Комиссаріата сообщаетъ слѣдующую основную директиву Черноморскому флоту, коей онъ долженъ руководствоваться:

Тяжелая политическая обстановка, сложившаяся въ настоящее время въ связи съ разстройствомъ вооруженныхъ силъ и транспорта, а равно сложность обстановки на югѣ Россіи выдвигаютъ въ первую очередь вопросъ о скорѣйшемъ и планомѣрномъ возсозданіи вооруженныхъ силъ страны, организуя ихъ на новыхъ началахъ, соотвѣтствующихъ современному общегосударственному положенію. Имѣя въ виду, что политическая обстановка въ любое время можетъ потребовать дѣйствительной

* См. № XIX.

защиты Россійской республики, вопросъ о возсозданіи вооруженныхъ силъ пріобрѣтаетъ характеръ срочнаго, для достиженія котораго необходимо приложить всѣ усилія и принять всѣ надлежащія мѣры. Вслѣдствіе сего основной задачей Черноморскаго флота въ настоящее время является организація и приведеніе въ полную боевую готовность необходимыхъ силъ и средствъ, дабы, въ случаѣ если это потребуется общей политической обстановкой, имѣть возможность выполнить тѣ боевыя задачи, кои въ этомъ случаѣ будутъ поставлены Черноморскому флоту. Имѣя въ виду переходъ флота на вольный наемъ, а равно и состояніе рессурсовъ государства, Коллегія Морского Комиссаріата приказываетъ:

1) Опредѣлить составъ Черноморскаго флота, подлежащій приведенію въ полную боевую готовность слѣдующими судами: линкоры* Воля и Свободная Россія, одинъ изъ крейсеровъ, всѣ нефтяные миноносцы, всѣ современныя подлодки, а равно нужное минимальное число спеціальныхъ и вспомогательныхъ судовъ, необходимыхъ для обслуживанія этого судового состава флота, опредѣленіе необходимаго минимума судовъ обслуживанія предоставляется командованію флотомъ, донеся о томъ Коллегіи.

2) Всѣ указанныя въ пунктѣ первомъ суда укомплектовать полностью.

3) Привести въ боевую готовность всѣ приморскія батареи Севастопольской крѣпости, вооруженныя современными орудіями, укомплектовавъ ихъ необходимымъ личнымъ составомъ, прочія приморскія батареи постепенно разоружать, организовавъ охрану имущества.

4) Продолжать подготовку второй базы Черноморскаго флота въ Новороссійскѣ, образовавъ тамъ въ первую голову необходимые запасы топлива и матеріаловъ по разсчету на 4 мѣсяца плаванія, руководствуясь данными на сей предметъ указаніями.

5) Содержать прочія суда Черноморскаго флота въ слѣдующемъ состояніи: линкоры Евстафій и Іоаннъ Златоустъ въ полной технической исправности, но съ минимальнымъ числомъ личнаго состава, съ такимъ расчетомъ, чтобы готовность этихъ судовъ опредѣлялась полученіемъ личнаго состава, прочія суда содержать на положеніи долговременнаго храненія со срокомъ готовности опредѣляемымъ примѣрно въ срокъ до одного мѣсяца. Если по условіямъ состоянія судовъ линкоръ Іоаннъ Златоустъ не соотвѣтствуетъ зачисленію въ состояніе технической исправности, то командованію флотомъ предоставляется право замѣнить его линкоромъ Три Святителя или Борецъ за Свободу по усмотрѣнію, но съ донесеніемъ о семъ Коллегіи.

6) По отношенію къ судамъ, указаннымъ въ пунктѣ 5-омъ въ смыслѣ сохраненія ихъ въ нашихъ рукахъ на случай необходимости покинуть Севастополь и перейти въ Новороссійскъ или оставить пока въ Севастополѣ съ тѣмъ однако, чтобы разработать планъ ихъ перевода, который обезпечивалъ бы своевременный переводъ ихъ въ Новороссійскъ, какъ только къ тому явится по обстановкѣ необходимость. Сохраненіе этихъ кораблей за нами въ случаѣ обнаруженія явныхъ признаковъ угрозы Севастополю возлагается на полную отвѣтственность командованія флотомъ.

7) При наймѣ личнаго состава флота руководствоваться особой директивой, высылаемой одновременно.

8) Принять немедленно мѣры къ окончательной ликвидаціи транспортной флотиліи Чернаго моря, оставивъ при флотѣ лишь самыя необходимыя суда и отдавъ всѣ остальныя въ распоряженіе мѣстной организаціи, которой уже передана большая часть транспортовъ.

9) Безотлагательно разработать планъ очистки моря отъ минъ для чего разрѣшается организовать Тралартель по образцу Балтморя.

10) Въ случаѣ занятія германцами или силами Кіевской рады Крыма, организовать оборону Керченскаго пролива, имѣя основной задачей не допускать проникновеніе противника на Кавказское побережье.

11) Разработать планъ сбора всѣхъ плавающихъ средствъ Азовскаго моря въ восточные порта этого моря, дабы быстро осуществить эту мѣру въ случаѣ занятія германцами или силами Кіевской рады Крыма.

---

* Линейные корабли.

12) Поддерживать всѣми способами полную связь съ Коллегіей Морского Комиссаріата, донося о всемъ происходящемъ равно какъ и о принятыхъ мѣрахъ.

Въ виду предоставленія Коллегіи Морского Комиссаріата по отношенію къ флотамъ правъ Главнокомандующаго флотомъ, права, указанныя въ ст. 25 и 25[1] книги X Свода Морскихъ Постановленій и предоставленныя ранѣе командованію Черноморскимъ флотомъ, переходятъ исключительно къ Коллегіи Морского Комиссаріата.

Вѣрно: За Начальника Морского Генеральнаго Штаба
В. Альтфатеръ.

[XX]

ТЕЛЕГРАММА,

принятая по телефону изъ Центральн. Московской Радіостанціи.

Москва. Верховная Морская Коллегія.

Делегація Черноморскаго флота Мухину.

Въ связи съ переходомъ временно всей власти Севастополя <Севастополя> Центрофлота[у] намъ необходимо въ своихъ дѣйствіяхъ базироваться на результатахъ Вашего ходатайства передъ Совнаркомомъ и Коллегіей. Сегодня безрезультатно вызывалъ по прямому проводу. Въ среду 17 апрѣля будемъ въ 12 ч. ждать Вашего вызова по прямому проводу.

101—919. Копотъ Перпаловъ.

[XXI]

[ЧЕРНОВИКЪ ЗАПИСКИ ВЪ СЪѢЗДЪ ЛѢВЫХЪ С. Р. 19 АПРѢЛЯ 1918г.]

6 апр. Комисс. Чер. Спиро былъ по постановленію Совнаркома арестован. Тринадцать дней делегація Черн. флота добивается черезъ Морской Комиссаріатъ или освобожденія т. Спиро или выдачи оффиціальной бумаги съ изложеніемъ причинъ ареста для доклада Черн. флоту. Въ виду того, что наши старанія до сей поры не достигли цѣли, а также въ виду того, что мы предполагаемъ сегодня отбыть въ Севастополь просимъ Съѣздъ оказать намъ въ данномъ дѣлѣ возможное содѣйствіе.

Левговдъ Шульга.

[XXII-XXIII]

Срочно. Копія.

[ПРИКАЗЫ О ЗАГОТОВКѢ МАЗУТА ВЪ НОВОРОССІЙСКѢ]

Временно И. Обяз. Помощника Завѣдывающаго складами казеннаго жидкаго топлива 2 разряда въ г. Царицынѣ Георгію Георгіевичу Бекеръ.

Съ полученіемъ сего отправьтесь немедленно въ Новороссійскъ въ Управленіе желѣзныхъ дорогъ и согласно телеграфнаго распоряженія Н—ка Главнаго Морского Хозяйственнаго Управленія отъ 16 апрѣля с. г. за № 7121 узнайте есть ли тамъ резервуары для пріемки двухсотъ тысячъ пудовъ морского мазута.

Ес<ть>ли у желѣзныхъ дорогъ такихъ резервуаровъ не окажется, то не найдется ли ихъ у частныхъ лицъ; у послѣднихъ резервуары могутъ быть центрофлотомъ реквизированы.

Если же таковыхъ резервуаровъ для указанной цѣли въ Новороссійскѣ не окажется, то попросите Центрофлотъ о подготовкѣ наливныхъ пароходовъ.

Во всякомъ случаѣ Вамъ надлежитъ строго руководствоваться прилагаемой при семъ копіей телеграммы.

По прибытіи въ Новороссійскъ Вы можете имѣть связь съ Центрофлотомъ посредствомъ безпроволочнаго телеграфа, который имѣется на каждомъ военномъ кораблѣ. Копію для свѣдѣнія по прибытіи на мѣсто сообщите Центрофлоту.

М. П.

№ 42. Предсѣдатель Д. Миллеръ.

18 апрѣля.

Копія.

Царицынъ К—ра Брал[н]обель Завѣдывающему складомъ жидкаго топлива Морского вѣдомства подпоручику Миллеру.

Изъ Москвы № 7211.

Принята 8.45 — 17/IV 1918 г. Подана 16/IV — 18 час. 30 м. военная.

Въ виду переноса базы Черноморскаго флота въ Новороссійскъ приготовьте все къ отправкѣ двухсотъ тысячъ морского мазута въ Новороссійскъ Управленію желѣзныхъ дорогъ. Дѣлаемъ соотвѣтствующее распоряженіе, постарайтесь приготовить свободныя цистерны, имѣющіяся на станціи, войдя въ соглашеніе съ желѣзной дорогой и нефтянымъ комитетомъ попробуйте войти въ сношеніе съ флотомъ такъ какъ отсюда переговорить нѣтъ возможности, надо узнать есть ли тамъ баки или ямы для пріема мазута и кстати если имѣются частные резервуары пусть реквизируютъ; для провѣрки возможности отправки мазута отъ Царицына до Новороссійска командируйте лицо съ соотвѣтствующими мандатами и поручите ему войти въ связь съ Центрофлотомъ по подготовкѣ наливныхъ пароходовъ подъ мазутъ въ случаѣ отсутствія баковъ, пароходы должны прійти изъ Севастополя по распоряженію Центрофлота о послѣдующемъ немедленно телеграфируйте.

Подписали: Начальникъ Гламорхота* Сѣдовъ и Комиссаръ Гусихинъ

Съ подлиннымъ вѣрно: подпоручикъ Д. Миллеръ.

Телеграмма получена: 17/IV въ 15 час. 45 мин.

[XXIII]

Копія.

Апрѣля 25 дня 1918 г.

Контора Брал[н]обель.

Завѣдывающему складомъ жидкаго топлива Морского Вѣдомства Подпоручику Миллеру.

Согласно телеграммы Начальника Главморхота Сѣдова и Комиссара Гусина и личныхъ переговоровъ съ помощникомъ завѣдывающаго складами казеннаго жидкаго топлива въ г. Царицынѣ Георгіемъ Георгіевичемъ Бекеромъ просимъ о весьма срочной погрузкѣ и отправкѣ 200 тысячъ пудовъ морского мазута въ г. Новороссійскъ въ распоряженіе Центрофлота (Черноморскаго флота). Примите всѣ возможныя необходимыя мѣры для самой срочной отправки и безпрепятственнаго срочнаго слѣдованія поѣздомъ въ Новороссійскъ съ вышеуказаннымъ грузомъ. Срочное подтвержденіе сего будетъ отъ президіума Центрофлота черезъ Временный военный портъ г. Новороссійска по прибытіи нашемъ въ Севастополь, куда разсчитываемъ прибыть не позже 28 сего мѣсяца.

Члены Центрофлота:

[XXIV]

[КОПІЯ РАДІО, СЪ ПРОСЬБОЙ ОТПРАВИТЬ ФЛОТЪ ВЪ РОСТОВЪ н/д.]

102071 25/IV. 15а. Радіо

Срочно. Центрофлотъ.

⟨Радіо⟩ прошу дать помощь Въ Ростовъ Донъ военныхъ судовъ въ полномъ вооруженіи мелко сидящихъ отъ 3 до 5 футовъ. Черном. флотомъ было постановлено на 3-ю очередь дать поддержку Ростову, но въ виду создавшагося положенія въ Ростовѣ необходимо поддержать внѣ всякой очереди прошу немедленный отвѣт. Уполномоченный рѣчнымъ флотомъ Донской Республики В. Ивановъ.

№ 1535 пер. Мельникъ

р. ст.** Таганрогъ.

---

* Главное Морское Хозяйственное Управленіе.

** Радіо-станція.

[XXV]

ПРОТОКОЛЪ № 1

ЗАСѢДАНІЯ ЧЛЕНОВЪ ЦЕНТРОФЛОТА НА БОРТУ КРЕЙСЕРА «ИМПЕРАТОРЪ ТРАЯНЪ» (СОЦІАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ) ВЪ НОВОРОССІЙСКОМЪ ПОРТУ

28 АПРѢЛЯ 1918 г.

1. О способѣ храненія 15 милліоновъ денегъ привезенныхъ изъ Москвы и расходованіи.

Въ виду ненадежности защиты Новороссійска, а также ненадежности охраны Государственнаго Банка, деньги временно хранить на кораблѣ, разсматривая его въ этомъ случаѣ какъ кладовую банка.

Временно никакихъ выдачъ не дѣлать, кромѣ уплаты жалованья личному составу стоящихъ въ Новороссійскѣ военныхъ судовъ.

Предложить командиру и Судовому Комитету поставивши корабль у мола удалить съ корабля всѣхъ пассажировъ, у трапа поставить караулъ давши инструкцію временно никого изъ постороннихъ лицъ на корабль не допускать.

2. Учрежденіе Коллегіи Центрофлота.

Временно, до прибытія изъ Севастополя Центрофлота, суда военнаго флота, стоящія въ Новороссійскѣ, подчиняются Коллегіи, состоящей изъ Товарища Предсѣдателя Центрофлота Шульги и членовъ Центрофлота Шейко, Козенцовъ и Стрѣлковскій.

Портовыя дѣля остаются въ вѣдѣніи Командира Порта и Военно-Морского Комитета, дѣйствующихъ въ согласіи съ Коллегіей Центрофлота.

Объ ускореніи присылки нефти изъ Царицына.

Телеграмма въ Царицынъ Нобелю:

Подтверждаемъ сношеніе членовъ Центрофлота о срочной отправкѣ мазута въ Новороссійскъ въ распоряженіе Центрофлота. Въ виду крайней необходимости сообщите сдѣлана ли первая отправка. Въ случаѣ невозможности снарядить въ ближайшіе дни спеціальные поѣзда прицѣпляйте къ первымъ отходящимъ изъ Царицына поѣздамъ столько цистернъ, сколько возможно.

О миноносцѣ «Лейтенантъ Шестаковъ».

Считая самостоятельный заходъ миноносца въ Новороссійскъ недопустимымъ, т. к. онъ можетъ потребоваться для охраны выходящихъ дреднаутовъ, миноносцу «Лейтенантъ Шестаковъ» предлагается сегодня же выйти въ Севастополь, вступивъ по пути въ связь съ Севастополемъ и миноносцемъ Живой, стоящимъ въ Ялтѣ.

Предсѣдатель Коллегіи Центрофлота
Секретарь Р. Левговдъ.

[XXVI]

В. Спѣшно.

Главный Кубанско-Черноморскій Военно-Революціонный Комитетъ
29 апрѣля 1918 г.
№ 1565.
Г. Новороссійскъ.

Судовому Комитету Крейсера «Императоръ Троянъ».

Изъ Феодосіи направляется въ гор. Новороссійскъ транспортъ «Евфратъ»; № 25 на немъ находится семьсотъ вооруженныхъ красноармейцевъ которые бѣжали изъ Феодосіи, послѣ того, какъ они разгромили городъ. Военно-Революціонный Комитетъ проситъ привести судно «Императоръ Троянъ» въ боевую готовность — на случай если придется открыть огонь по Евфрату. — О готовности сообщите.

Предсѣдатель
Секретарь [Подписи неразборчивы]

[XXVII]

СОЕДИНЕННОЕ ЗАСѢДАНІЕ 29 АПРѢЛЯ 1918 г. НА КРЕЙСЕРѢ «И. ТРАЯНЪ» НА НОВОРОССІЙСКОМЪ РЕЙДѢ

Участвовали:

Командиръ Порта Амброжесъ
Предсѣдатель Воен. Морского Ком. Малиновскій
Предсѣдатель Совдепа Лучинъ
Отъ финанс. отд. Ц. И. К. Рубинъ
Отъ финанс. отд. Ц. И. К. Ляхно
Отъ Военн.-Револ. К—та Отроблянка
Отъ Военн.-Револ. К—та Рондо
Отъ Военн.-Револ. К—та Губернскій
Отъ Военн.-Револ. К—та Толмачевъ
Отъ Военн.-Револ. К—та Дихтеревъ.

Повѣстка.

1. Оборона Новороссійска.
2. Финансовое положеніе Новороссійска въ связи съ возможной эвакуаціей Флота.

Засѣданіе открылось въ 6 час. вечера.

Отроблянка. Если будутъ деньги, то можно мобилизовать до 18.000 штыковъ. За апрѣль еще никому не уплачено. Керчь постановлено сдать безъ боя. Часть города Бердянска разрушена отступающими изъ Керчи войсками. Недостаетъ снарядовъ и патроновъ. Корниловцы могутъ прійти въ Новороссійскъ не раньше какъ черезъ 2 недѣли, а нѣмцы, переправившись черезъ проливъ, могутъ быть черезъ 3 дня.

Толмачевъ. На Кубани говорятъ, что съ Корниловцами воевать можно, а съ нѣмцами нѣтъ.

Губернскій. Положеніе Новороссійска на 50 % лучше, чѣмъ было въ Портъ-Артурѣ, а поэтому слѣдуетъ защищаться.

Рубинъ. На внутреннемъ фронтѣ мы побѣждаемъ только тогда, когда насъ въ десять разъ больше, чѣмъ непріятеля.

Финансовое положеніе критическое. Ежемѣсячно тратится на цементные заводы 1 милліонъ. Выпущено на 5 милліоновъ чековъ, обезпеченныхъ виномъ и табакомъ. Прекратили платежи больнымъ, бѣженцамъ и пенсіонерамъ.

Шульга. Перекопъ показалъ, что ни деньги, ни люди не препятствуютъ нѣмцамъ двигаться по нашей территоріи.

Отроблянка. Защищаетъ боеспособность совѣтскихъ войскъ.

Рондо. На Кубани много денегъ, но чтобы ихъ добыть нужно двинуть изъ Екатеринодара нужные деревнѣ товары.

Шульга. Освѣщаетъ взгляды правительства на способы соблюденія мирнаго договора.

Левговдъ. Спрашиваетъ предсѣдателя Ц. И. К. нужно ли разсматривать походъ нѣмцевъ на Донъ и Кубань какъ нарушеніе мирнаго договора.

Лучинъ. Уклоняется отъ отвѣта и считаетъ, что въ данный моментъ возможна только война партизанская.

Левговдъ. Не было ли попытокъ со стороны Украинцевъ претендовать на Донскую и Кубанскую области.

Отвѣтъ — были.

Въ 8 час. засѣданіе спѣшно закрывается, т. к. получена радіо отъ Саблина, что весь флотъ поднялъ Украинскіе флаги.

[XXVIII]

ПРИКАЗЪ

НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХЪ СИЛЪ ЧЕРНАГО МОРЯ

Рейдъ Новороссійскій, мая 4 дня 1918 г.

№ 1.

Двѣ недѣли тому назадъ совѣтъ народныхъ комиссаровъ назначилъ меня Начальникомъ Морскихъ Силъ Чернаго моря съ чрезвычайными полномочіями, а всеобщимъ голосованіемъ Черноморскаго флота 3 мая на Новороссійскомъ рейдѣ я избранъ на должность Командующаго флотомъ съ предоставленіемъ мнѣ въ соотвѣтствіи съ исключительными обстоятельствами, всей полноты власти. Въ согласіи же съ всеобщимъ голосованіемъ флота я поднялъ сегодня Андреевскій флагъ.

Съ сегодняшняго дня никто не покусится на присвоеніе нашихъ судовъ, какъ плавающихъ подъ флагомъ, не признаннымъ иностранными державами.

Пусть знаютъ всѣ, что Андреевскій флагъ есть символъ нераздѣльности нашей родины и обязанность каждаго русскаго гражданина, къ какой бы національности, религіи и партіи онъ не принадлежалъ, защищать его такъ, какъ онъ защищаетъ честь и достоинство Россійской Федеративной Республики.

Я призываю флотъ, казачество и весь трудовой народъ забыть всѣ распри, прекратить междоусобную войну и вспомнить, что всѣ мы, добывающіе себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ, потомъ и кровью, сыны единой, нынѣ растерзанной родины.

Намъ не нужны земли чужіе и воды, мы первые отказались отъ политики захватовъ и грабежей, но потомство проклянетъ насъ, если мы отдадимъ на потокъ и разграбленіе то, что даже по позорному и не бывалому въ исторіи мирному договору безспорно принадлежитъ намъ.

Высшій Военный Совѣтъ при Совѣтѣ Народныхъ Комиссаровъ призналъ, что Черноморскій флотъ, для котораго обязательно соблюденіе мирнаго договора, долженъ быть неприкосновеннымъ для центральныхъ державъ и наша обязанность сохранить его для Россіи.

М. Саблинъ.

ПРИКАЗЪ

НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХЪ СИЛЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Рейдъ Новороссійскій, мая 5 дня 1918 г.

№ 2.

Объявляется составъ моего Штаба:

Начальникъ Штаба — Лебединскій.
Начальникъ Оперативной части — Паруцкій
Помощникъ Начальника Оперативной части — Потемкинъ
Помощники Начальника Распорядительной части — Манфановскій и Гуловичъ
Дѣлопроизводитель Распорядительной части — Бѣлявцевъ
Флагманскій Механикъ — Бергъ
Флагманскій Артиллеристъ — Дмитріевъ
Флагманскій Корабельный Инженеръ — Гренъ
Флагманскій Докторъ — Козинцевъ
Въ моемъ распоряженіи Левговдъ и Гурскій.

М. Саблинъ.

№ 3.

Назначаются:

Начальникомъ Новороссійскаго укрѣпленнаго района — Тарачковъ
Начальникомъ его Штаба и Комендантомъ гор. Новороссійска — Отроблянко
Начальникомъ артиллеріи Приморскаго фронта Новороссійскаго укрѣпленнаго района и Начальникомъ охраны рейдовъ — Марковъ
Начальникомъ Службы Связи Новороссійскаго укрѣпленнаго района — Пилларъ
Помощникомъ его — Шейко
Помощникомъ Коменданта гор. Новороссійска — Парсадановъ.

М. Саблинъ.

№ 5.

Для совмѣстной работы съ Флагманскимъ Интендантомъ, Механикомъ и Начальникомъ Распорядительной части моего Штаба избрать отъ л. к. «Воля», и «Своб. Россія» и Минной бригады по 1-му комиссару по интендантской части, 1-му комиссару по механической части и 1-му комиссару по Распорядительной части.

Докладчиками по Интендантской, механической и распорядительской частямъ являются Флагмангскій Интендантъ, Механикъ и Начальникъ Распорядительной части, которые за работы своей части несутъ полную отвѣтственность.

№ 6.

Для провѣрки денегъ и цѣнностей, сосредоточенныхъ на л. к. «Воля» по постановленію делегатскаго собранія Черноморскаго флота отъ 2-го мая с. г., а равно опредѣленія порядка дальнѣйшаго ихъ храненія и для производства денежныхъ выдачъ по безспорнымъ документамъ, назначается комиссія въ составѣ выборныхъ представителей: двухъ отъ л. к. «Воля», 2-хъ отъ л. к. «Свободная Россія», 2-хъ отъ Минной бригады, 1-го отъ сторожевыхъ катеровъ, 2-хъ отъ исполнительнаго комитета Кубанско-Черноморской Совѣтской Республики и 1-го отъ Новороссійскаго отдѣленія Народнаго Банка.

Выборы произвести немедленно и немедленно комиссіи приступить къ работѣ.

Лицамъ, имѣющимъ на рукахъ документы, относящіеся къ указаннымъ здѣсь деньгамъ и цѣнностямъ, надлежитъ теперь же представить ихъ въ комиссію.

Комиссіи предоставляется право изъ принятыхъ на храненіе денегъ производить выдачи по безспорнымъ документамъ, представляемыми заинтересованными лицами. Постановленіе-же комиссіи объ измѣненіи мѣста храненія денегъ и цѣнностей, а равно и объ отсылкѣ ихъ въ другіе города, приводятся въ исполненіе не иначе, какъ съ моего утвержденія.

Комиссія отвѣтственна за свою работу и обязывается періодической отчетностью передо мною и делегатскимъ собраніемъ Черноморскаго флота.

Списокъ лицъ избранныхъ въ комиссію представить въ мой штабъ для объявленія въ приказѣ.

№ 7.

Красная армія и прочіе отряды, эвакуированные изъ Крыма, демобилизованы и распущены. Имущество, оставленное послѣ этихъ частей, было имъ дано флотомъ и Севастополемъ. Это имущество не составляетъ собственности отдѣльныхъ лицъ или группъ, а является достояніемъ народнымъ. Въ настоящее время оно необходимо флоту для организаціи обороны Новороссійска, являющагося базой для флота, а потому предписываю все имущество, провіантъ, обмундированіе и все прочее, оставшееся отъ красной арміи и отрядовъ, принять во флотъ. На наличный составъ транспортовъ возлагаю обязанность охранять это имущество отъ расхищенія, всѣ замѣченные въ расхищеніи будутъ преданы суду.

М. Саблинъ.

ПРИКАЗЪ

НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХЪ СИЛЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Рейдъ Новороссійскъ, мая 6-го дня 1918 г.

№ 8.

Какъ въ плаваніи, такъ равно и при стоянкѣ въ портахъ всѣ суда, какъ военнаго флота, такъ и торговыя должны въ точности соблюдать законы Международнаго права. Несоблюденіе ихъ какимъ либо судномъ ставится въ вину не только личному составу этого судна, но также и мнѣ, какъ представителю военно-морской власти на Черномъ морѣ, и, кромѣ того, незаконныя дѣйствія отдѣльныхъ судовъ ложатся обвиненіемъ на весь флотъ.

На основаніи этого предлагаю Совѣту Девяти наблюдать, чтобы законы Международнаго права строго соблюдались судами, находящимися въ ихъ вѣдѣніи, и напоминаю, что послѣ этого приказа и они также являются отвѣтственными въ случаѣ нарушенія торговыми судами законовъ Международнаго права.

М. Саблинъ.

ПРИКАЗЪ

НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХЪ СИЛЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Рейдъ Новороссійскъ, Мая 7-го дня 1918 г.

№ 9.

Назначаются:

Флагманскимъ радіотелеграфистомъ — Воен. мор. Давыдовъ съ оставленіемъ въ занимаемой должности (л. к. «Воля»).

Помощникомъ Главнаго Интенданта флота Владиміръ Ериванціанцъ, съ временнымъ исполненіемъ обязанностей Главнаго Интенданта флота. —

№ 10.

Вр. И. Об. Главнаго Интенданта флота В. Ереванціанцъ назначается участвующимъ въ комиссіи по провѣркѣ денегъ и цѣнностей, назначенной моимъ приказомъ № 6.

М. Саблинъ.

ПРИКАЗАНІЕ

НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХЪ СИЛЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

№ 11.

Объявляется составъ выборной комиссіи, образованной приказомъ Начальника Морскихъ Силъ Чернаго моря отъ 4 мая за № 6 для опредѣленія способовъ храненія цѣнностей, сосредоточенныхъ на л. к. «Воля».

Предсѣдатель комиссіи Бахматьевъ (Минная Бригада). Товарищъ Предсѣдателя Краутъ (Новороссійскій Совдепъ). Секретарь Комиссіи Наумовъ (Новорос. Народный банкъ). Члены комиссіи: Архангельскій (л. к. «Воля»).

Ериско (л. к. «Воля»)
Голевня (л. к. «Свободная Россія»)
Гибаловъ (л. к. «Свободная Россія»)
Таранъ («Минная Бригада»)
Губернскій (Новороссійскій Совдепъ)
Рубинъ (Черноморскій Центральный Исп. К.).

Начальникъ штаба Лебединскій.

[XXIX]

ПРИКАЗЫ

НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХЪ СИЛЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Рейдъ Новороссiйскiй, Мая 9 дня 1918 г.

№ 12.

При семъ объявляются штаты временнаго военнаго Туапсинскаго порта.

Наименованiе должностей	Содержанiе въ мѣсяцъ		ИТОГО
	Жалованье	регуляторъ	
Командиръ порта 1	590.–	247.33	837.33
Адъютантъ...............................1	315.–	220.–	535.–
Дѣлопроизвод. казначей 1	315.–	220.–	535.–
Баталеръ 1	240.–	160.–	400.–
Сигнальщиковъ 1	220.–	160.–	380.–
Телефонистовъ...........................3	230.–	160.–	1170.–
На наемъ трехъ писцовъ и на канцелярскiя принадлежности	1260.–	–	1260.–
На наемъ помѣщенiя, ремонтъ мебели и мелочные расходы и освѣщенiе............	1500.–	–	1500.–
Портовый надзиратель....................1	225.–	–	225.–
Старшина 1	202.50	–	202.50
Сторожей у водныхъ воротъ...............4	180.–	–	720.–
Младшiй лѣкарскiй помощн 1	200.–	175.–	375.–
Инж. Мех. Начальникъ ремонтнаго завода порта 1	405.–	233.50	638.50
Плавучiя средства			
Катеръ «Генералъ Рузскiй»...............1	–	–	2180.–
Катеръ «Шелковая нитка» 1	–	–	2795.–

Примѣчанiе:

1) Казенное обмундированiе полагается Надзирателю Порта, Старшинѣ и Сторожамъ водныхъ воротъ, (кромѣ жалованья) пальто (бушлатъ на урсовой подкладкѣ) на два года одинъ, шинель на два года одна, форменная фуражка съ козырькомъ и двумя бѣлыми чехлами — одна, одинъ башлыкъ на четыре года, черныхъ брюкъ двое, фланелевыхъ рубахъ двое, кожанныхъ ремней одинъ на два года, лѣтнихъ коломянковыхъ брюкъ двое, тоже рубахъ двѣ, сапогъ одна пара на одинъ годъ. Все обмундированiе, кромѣ сапогъ, въ собственность не переходитъ и при увольненiи удерживается деньгами, если не сдается обмундированiемъ.

2) Надзиратель, Старшина и сторожа получаютъ квартиру натурой или за неимѣнiемъ ея квартирныя деньги 600 рублей въ годъ и на поддержанiе въ исправности Экипировки ежегодно по 50-ти рублей по полугодiямъ.

М. Саблинъ.

Рейдъ Новороссiйскiй, Мая 10-го дня 1918 г.

№ 13.

Въ дополненiе моего приказа отъ 4-го мая сего года за № 5, для совмѣстной работы съ Флагманскимъ Артиллеристомъ моего Штаба избрать по одному комиссару

отъ лин. кор. «Воля» и «Свободная Россія» и одного комиссара отъ Минной Бригады, хорошо знающихъ матеріальную часть артиллеріи.

Докладчикомъ по артиллеріи является Флагманскій артиллеристъ, который за работу своей части несетъ полную отвѣтственность.

М. Саблинъ.

Рейдъ Новороссійскій, мая 11-го дня 1918 г.

№ 14.

Предлагаю командирамъ всѣхъ судовъ представлять черезъ Начальниковъ бригадъ еженедѣльно по субботамъ строго провѣренныя свѣдѣнія въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

I) О состояніи командъ и команднаго состава:
Положено по табели комплектаціи . . .
Состоитъ по списку . . .
Имѣется на лицо . . .
Находится по разнымъ причинамъ внѣ Новороссійска . . .

II) О количествѣ топлива
Полный запасъ
Наличіе.

№ 15.

Для разбора претензій, заявляемыхъ командами вслѣдствіе эвакуаціи флота изъ Севастополя, назначается комиссія изъ выборныхъ отъ лин. кор. «Воля», «Свободная Россія» и Минной Бригады по два человѣка отъ каждой изъ этихъ частей, подъ предсѣдательствомъ Командира эскадреннаго миноносца «Пронзительный» Военнаго моряка Безсмертнаго.

Выборы произвести не позже 12 сего мая. Комиссіи собираться по утрамъ на Кр. «Соціальная Революція»

№ 16.

Въ дополненіе къ секретному приказу отъ 30 марта с. г. за № 36, назначается въ комиссію по подготовкѣ Новороссійскаго порта, какъ базы Черноморскаго флота дѣлопроизводитель Иванъ Бѣлявцевъ съ выдачей ему суточныхъ, согласно приказа за № 36, съ 31-го марта по 4-ое апрѣля с. г.

М. Саблинъ.

Рейдъ Новороссійскій, мая 12-го дня 1918 г.

№ 17.

Посыльное судно № 11 и яхта «Креста» (тр. 134) зачисляются въ составъ дивизіона сторожевыхъ судовъ съ 1-го мая 1918 г.

№ 18.

Съ 15-го мая разрѣшается ношеніе на фуражкахъ бѣлыхъ чехловъ.

№ 19.

Ввиду возможной необходимости въ немедленномъ сборѣ уволенныхъ на берегъ командъ на свои суда, объявляется нижеслѣдующій сигналъ: три холостыхъ орудійныхъ выстрѣла съ промежуткомъ въ 30 секундъ.

№ 20.

Съ настоящаго числа учреждается дежурство кораблей и минной бригады по очереди: «Воля», «Свободная Россія» и Минная Бригада.

На дежурную часть возлагаются всѣ наряды по карауламъ и кромѣ того въ ней должны быть готовы на случай внезапнаго требованія для посылки на берегъ два взвода по двѣнадцати рядовъ каждый съ пулеметами.

№ 21.

На всѣхъ судахъ приступить къ выщелачиванію и чисткѣ котловъ, а также къ приведенію механизмовъ въ полную исправность.

Энергично приступить къ ученіямъ и занятіямъ, т. к. настоящій моментъ требуетъ, чтобы каждый военный морякъ приложилъ всѣ свои усилія для поднятія боеспособности флота въ кратчайшій срокъ.

Призываю къ работѣ, порядку и дисциплинѣ, безъ чего флотъ существовать не можетъ.

№ 22.

Въ случаѣ появленія надъ городомъ аэроплановъ стрѣльбу съ судовъ безъ особаго распоряженія по нимъ не открывать.

Флагманскому артиллеристу срочно выработать инструкцію для отраженія воздушныхъ аттакъ примѣнительно къ имѣющемуся во флотѣ вооруженію.

М. Саблинъ.

Рейдъ Новороссійскій, мая 13-го дня 1918 г.

№ 23.

Предлагаю Комиссіи, образованной приказомъ моимъ отъ 4-го мая сего года за № 6, цѣнности эвакуированныхъ мѣстностей, принятыя на храненіе комиссіей, незамедлительно отправить въ Московскую Контору Народнаго Банка, руководствуясь въ отношеніи изысканія наиболѣе безопаснаго пути указаніями чрезвычайнаго Штаба Обороны въ городѣ Екатеринодарѣ, испросивъ въ случаѣ необходимости у этого же Штаба дополнительную охрану.

Деньги же въ суммѣ 850.205 рублей сдать въ Новороссійскую контору Народнаго банка на текущій счетъ Новороссійскаго Совѣта Солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ.

Документы по исполненіи настоящаго приказа представить мнѣ.

Основаніе: Протоколъ Общаго Собранія представителей отъ Судовыхъ Командъ Черноморскаго флота отъ 9-го мая 1918 года.

№ 24.

Военный морякъ Владиславъ Ласкій (кр. Траянъ) прикомандировывается къ Начальнику Новороссійскаго укрѣпленнаго района съ исполненіемъ должности флагъ-офицера.

№ 25.

Военный морякъ Бобырь назначается Начальникомъ Артиллеріи сухопутнаго фронта.

№ 26.

Военный морякъ Федоровъ (эск. мин. «Фидониси») назначается Помощникомъ Начальника Минной Бригады по распорядительной части.

№ 27.

Помощникъ Коменданта Парседановъ и военный летчикъ Киселевичъ командируются въ Екатеринодаръ въ Штабъ Главнокомандующаго съ выдачей имъ суточныхъ денегъ по 10 рублей въ сутки съ 8-го мая.

№ 28.

Военный морякъ Басовъ командируется въ Тамань по дѣламъ Службы Связи съ выдачей ему суточныхъ денегъ по 10 рублей въ сутки съ 10-го мая.

№ 29.

Военно-морской летчикъ Киселевичъ назначается Помощникомъ Флагманскаго Корабельнаго Инженера.

№ 30.

Въ дополненіе приказа № 2 Военный морякъ Гавріилъ Онуфріевъ назначается Помощникомъ Начальника Распорядительной части моего штаба.

№ 31.

Въ дополненіе приказовъ №№ 5 и 13 для совмѣстной работы съ Командиромъ временнаго Новороссійскаго порта избрать на ближайшемъ делегатскомъ Собраніи одного представителя для исполненія обязанностей Комиссара порта.

Докладчикомъ по портовымъ дѣламъ является Командиръ порта, который несетъ полную отвѣтственность за работу ввѣренной ему части.

№ 32.

Военный морякъ врачъ Кедринъ (2-го див. тральщ.) назначается флагманскимъ врачемъ минной бригады съ исполненіемъ обязанностей врача 1-го и 2-го дивизіона эскадренныхъ миноносцевъ.

М. Саблинъ.

Рейдъ Новороссійскій, мая 14-го дня 1918 г.

№ 33.

Объявляю при семъ къ свѣдѣнію и исполненію утвержденную мной «Инструкцію для отраженія воздушныхъ аттакъ судамъ флота».

М. Саблинъ.

ПРИКАЗАНІЕ

НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХЪ СИЛЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Рейдъ Новороссійскій, мая 14-го дня 1918 г.

№ 34.

Нижепоименованные моряки назначаются:

На вспомогательный крейсеръ «Императоръ Траянъ» сигнальщикъ Михаилъ Куликовъ, съ 11-го сего мая, кочегары Андрей Снѣжко, Алексѣй Бучъ и Василій Кирносенко съ 12-го мая; на эск. мин. «Фидониси» электрикъ Михаилъ Костинъ и кочегаръ Александръ Гаврилюкъ съ 10-го мая; на эск. мин. «Жаркій» кочегаръ Иванъ Лапуденко, матросъ Семенъ Юшкевичъ съ 11-го мая; на эск. мин. «Гаджибей», матросъ Павелъ Хорошунъ съ 10-го мая; на эск. мин. «Пылкій» матросъ Евстафій Хорошунъ съ 10-го мая; на эск. минъ. «Поспѣшный» кочегары Федоренко, Евстратьевъ и Шевченко съ 10-го мая с. г.; на дивизіонъ сторожевыхъ судовъ рулевой старшина Андрей Нестеровъ.

Основаніе: ходатайство судовыхъ комитетовъ названныхъ кораблей.

Начальникъ Штаба — Лебединскій.

ПРИКАЗЪ

НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХЪ СИЛЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Рейдъ Новороссійскій, мая 14-й дня 1818 г. [sic]

№ 35.

Лекарскій помощникъ Макушенко (эск. мин. «Лейтен. Барановъ») назначается на эск. мин. «Безпокойный».

№ 36.

Помощникъ командира эск. мин. «Пылкій» военный морякъ Степановъ назначается флагманскимъ штурманомъ моего штаба.

№ 37.

Комиссіи, назначенной приказомъ моимъ отъ 11-го мая с. г. поручается наблюденіе и контроль за разгрузкой транспортовъ, на которыхъ находятся грузы Морского Вѣдомства, и болѣе точное выясненіе количества ихъ.

Транспорта выгружать по очереди не болѣе двухъ, остальные неразгруженные — должны оставаться на рейдѣ.

Погрузку вести подъ непосредственнымъ наблюденіемъ членовъ комиссіи, коей надлежитъ заранѣе требовать отъ дежурнаго корабля караулъ для охраны имущества, какъ во время выгрузки транспортовъ, такъ и въ обыкновенное время.

Членамъ комиссіи и предсѣдателю назначаются суточныя деньги въ размѣрѣ 5-ти рублей въ сутки по дѣйствительному разсчету рабочихъ дней выгрузки.

М. Саблинъ.

[XXX]

Не подлежитъ оглашенію.

СВОДКА

ВОЕННЫХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ ШТАБА НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХЪ СИЛЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Рейдъ Новороссійскъ, мая 22 дня 1918 г. № 1.

Москва. Наркому Троцкому. 12 мая 1918 г. № 113.

Сегодня я получилъ отъ Главнокомандующаго Германскими силами на Востокѣ слѣдующую радіо: «Главнокомандующему Русскими морскими силами въ Новороссійскѣ Господину Саблину. Радіотелеграммой съ Москвы отъ 5 мая 1918 года, Предсѣдатель Народнаго Комиссаріата В. Ульяновъ и Предсѣдатель Высшаго Военнаго Совѣта Троцкій потребовали пріостановить военныя дѣйствія на Украинскомъ фронтѣ. Такъ какъ германскія войска во исполненіе Брестскаго договора очистили территорію Украины отъ отрядовъ красной гвардіи, то это является вездѣ возможнымъ вдоль Украинской границы. Что же касается пріостановленій военныхъ дѣйствій противъ состава бывшаго Черноморскаго флота, то Главнокомандующій восточнымъ фронтомъ можетъ на это согласиться, лишь въ томъ случаѣ, если всѣ суда Черноморскаго флота, находящіяся внѣ Севастополя вернутся въ Севастопольскій портъ, гдѣ они подлежатъ задержанію, и гавань города Новороссійска будетъ снова открыта для свободнаго плаванія. Эти требованія необходимы потому, что лежащія въ Новороссійскѣ суда Черноморскаго флота неоднократно принимали участіе въ бояхъ противъ Германскихъ войскъ на Украинѣ и доказали, что они не стоятъ на почвѣ Брестскаго договора и не желаютъ исполнять приказы Русскаго правительства. Если эти требованія не могутъ быть исполнены, то Главнокомандующій Восточнымъ фронтомъ будетъ вынужденъ продолжать наступательныя дѣйствія по побережью Чернаго моря противъ судовъ Черноморскаго флота, вышедшихъ изъ Севастополя. Главнокомандующій Германскими войсками на Востокѣ. Николаевъ 12-го мая 1918 года.»

Я отвѣтилъ на нее: «Николаевъ Главнокомандующему Германскими войсками на востокѣ. Суда Черноморскаго флота, стоящаго нынѣ въ Новороссійскѣ, и находящіяся подъ моимъ командованіемъ, исполняли, какъ раньше, такъ и теперь, въ точности условія мирнаго договора въ Брестѣ и до сего времени не принимали участія въ бояхъ противъ Германскихъ войскъ на Украинѣ. Исполняли и продолжаютъ

исполнять только приказанія Русскаго Правительства. По приказанію Русскаго правительства я перешелъ изъ Севастополя въ Новороссійскъ и въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ я долженъ руководствоваться приказаніями Русскаго правительства. На основаніи этого прошу Германское командованіе обратиться къ Русскому правительству для того, что бы оно дало мнѣ соотвѣтствующія приказанія. Не имѣя съ Москвой надежной телеграфной связи, прошу передать мою радіотелеграмму № 114. Начальникъ морскихъ силъ Чернаго моря.

Москва. Наркому Троцкому. 12 мая 1918 г. № 114.

Прошу срочно вполнѣ опредѣленныхъ приказаній для флота, стоящаго въ Новороссійскѣ. Наморси*.

Николаевъ. Главнокомандующему Германскими войсками на Востокѣ. Мая 12 дня 1918 г. № 115.

Довожу до свѣдѣнія, что Русскій Черноморскій флотъ, стоящій въ Новороссійскѣ подъ русскимъ военнымъ флагомъ, находится подъ моимъ единоличнымъ командованіемъ. Суда, составляющія его, какъ я уже сообщалъ, участія въ бояхъ съ германскими войсками не принимали, а потому прошу сообщить, когда, гдѣ и какіе именно суда по даннымъ Германскаго командованія принимали участія въ бояхъ на Украинѣ, а также прошу сообщить, какія изъ нихъ не исполняли приказанія Русскаго Правительства. До сообщенія фактическихъ данныхъ по этому вопросу, обвиненія, выставленныя противъ судовъ, находящихся въ Новороссійскѣ подъ моимъ командованіемъ, являются голословными. Портъ Новороссійскъ по заключенію мирнаго договора съ Украиной станетъ такимъ же открытымъ портомъ какъ и другіе порта и нахожденіе тамъ флота въ единственномъ теперь русскомъ порту согласуется полностью съ постановленіями Брестскаго мирнаго договора. Для болѣе обстоятельнаго выясненія вопроса нахожу желательнымъ отправить своего представителя для переговоровъ, если Германское командованіе согласно съ этимъ, то прошу указать портъ и время, куда мой представитель могъ бы прибыть на миноносцѣ. Начальникъ морскихъ силъ Чернаго моря.

Москва. Наркомамъ Троцкому и Чичерину. 14 мая 1918 года. № 122.
Новороссійскъ блокируютъ Германскія подводныя лодки. Наморси.

Москва. Наркомамъ Троцкому и Чичерину. 14 мая 1918 года. № 123.

Германское командованіе опредѣленно заявило, что оно считаетъ кормовой красный флагъ никѣмъ не признаннымъ и что кромѣ того суда, плавающія подъ краснымъ флагомъ, нѣсколько разъ выступали противъ германцевъ. Между тѣмъ наши нѣкоторыя суда настойчиво поднимаютъ красный флагъ на кормѣ, чѣмъ ставятъ меня въ очень тяжелое положеніе, а себя подвергаютъ риску быть захваченными германцами. Почему необходимо категорическое приказаніе отъ Центральной власти носить торговымъ судамъ кормовой флагъ Русскій «бѣлый — синій — красный» до установленія какого либо другого. Это приказаніе должно быть сообщено мнѣ въ срочномъ порядкѣ. Наморси.

Новороссійскъ. Наморси. Копія Главкому Глѣбову. 15 мая 1918 года. № 195. (Выдержка изъ радіо.)

. . . посылка судовъ къ Сухуму и вообще къ портамъ Кавказскаго побережья — отмѣняется. Предписываю флоту оставаться въ Новороссійскѣ . . .

* Начальникъ морскихъ силъ.

Безотлагательно обратиться по радіо флагману къ Германскому командованію, [что флотъ Чернаго моря, сосредоточенный въ Новороссійскѣ, будетъ строжайшимъ образомъ соблюдать условія Брестскаго договора,] почему не будетъ выходить изъ Новороссійска, вслѣдствіе этого обязательства отнимаются и у противной стороны какія бы то ни было основанія для враждебныхъ дѣйствій, какъ противъ флота, такъ противъ Черноморскаго побережья. Въ этомъ же имъ и надлежитъ сообщить, что одновременно Правительство ведетъ переговоры о полномъ разрѣшеніи всевозможныхъ вопросовъ, въ томъ числѣ относительно флота Чернаго моря . . . Наркомъ по военнымъ дѣламъ Троцкій.

Николаев. Главнокомандующему Германскими силами на востокѣ. Мая 15 дня 1918 года. Новороссійск. № 125.

Русское Правительство поручило мнѣ сообщить Германскому Командованію, что флот Чернаго моря, сосредоточенный в Новороссійскѣ, будет строжайшим образом соблюдать условія Брестскаго договора, почему не будет выходить из Новороссійска; вслѣдствіе этого обязательства отнимаются и у противной стороны какія бы то ни было основанія для враждебных дѣйствій, как против флота, так и Черноморскаго побережья — и что одновременно с этим Русское Правительство ведет переговоры с Германским Правительством о полном разрѣшеніи всевозможных вопросов, в том числѣ и относительно флота Чернаго моря. Начальник Морских Сил Чернаго Моря Саблин.

Москва. Наркомам Троцкому и Чичерину. 16 мая 1918 года. № 129.

Четырнадцатаго тральщик под германским флагом с десантом подошел к Тамани и взял пришедшій туда из Керчи пароход точка Между тральщиком и войсками на берегу произошла перестрѣлка точка Пятнадцатаго наш быстроходный катер, шедшій под военным флагом в Анапу с больными, был обстрѣлян германской подводной лодкой точка На огонь не отвѣчал. Наморси.

Николаев. Главнокомандующему Германскими силами на востокѣ. 16 мая 1918 года. № 129. [sic!]

Сухум бомбардируют два катера и тральщик бывшаго Кавказскаго отряда, нѣсколько мѣсяцев тому назад отколовшіеся от Черноморскаго флота. Условіем соблюденія Брестскаго договора о невыходѣ из порта я лишен возможности пресѣчь такого рода отдѣльныя выступленія. Считаю подобное положеніе ненормальным и нахожу необходимым срочно выработать условія, дабы я мог принять соотвѣтствующія мѣры в подобных случаях. Начальник Морских сил Чернаго моря.

Николаев. Главнокомандующему Германскими силами на востокѣ. 19 мая 1918 года. № 136.

Суда Черноморскаго флота, находящіяся в Новороссійскѣ под моим командованіем, как я уже сообщал Вам, соблюдали и продолжают соблюдать условія Брестскаго мирнаго договора и исполняют в точности приказанія Русскаго Правительства. До сего времени каких либо фактических данных в обвиненіи какого-либо из судов, находящихся в Новороссійскѣ, в несоблюденіи приведенных мною выше условій от Германскаго Командованія не поступало. На мое предложеніе прислать представителя для переговоров я отвѣта до сего времени не получил. Между тѣм Германо-Турецкія подводныя лодки вплотную подходят к берегу и гавани Новороссійск.

Германскіе аэропланы почти ежедневно совершают полеты над Новороссійской гаванью и городом. Полагаю, что подобныя недопустимыя, явно вызывающія дѣйствія отдѣльных лиц германскаго командного состава, дѣлаются не по приказанію германскаго высшаго командованія.

С своей стороны считаю нужным заявить, что если в подобных случаях подводныя лодки или аэропланы будут обстрѣляны с берега, что вполнѣ возможно в цѣлях самообороны, то я в подобных случаях слагаю с себя отвѣтственность и предупреждаю, что отвѣт с берега на явно вызывающія, ничѣм не оправдываемыя дѣйствія лодок и аэропланов, никоим образом не должен ставиться обвиненіем флоту в несоблюденіи мирнаго договора. Кромѣ того считаю необходимым предупредить, что флот также не может считать себя отвѣтственным, до совмѣстнаго рѣшенія вопроса о плаваніи у берегов Чернаго моря, если одно из германо-турецких судов взорвется на минах загражденія. Почему рекомендую при плаваніи у Кавказских берегов не ходить у берега ближе 10 миль без особых лоцманов, имѣемых у меня в Штабѣ.

Начальник Морских сил Чернаго моря.

Москва. Наркомам Троцкому и Чичерину. 22/V. 18. № 40.

19 мая сигнальным выстрѣлом из орудія с Тузлинской косы в Керченском проливѣ была остановлена шхуна, идущая в пролив. 20 мая из Керчи пришел за нею германо-турецкій миноносец, но взять ея не смог. Послѣ этого вышел из «Керчи» турецкій крейсер «Гамидіе» и обстрѣлял из орудій наше побережье Керченскаго пролива. Наши батареи не отвѣчали. Прошу принять мѣры к прекращенію подобных недопустимых дѣйствій германо-турецкаго флота, против котораго никаких враждебных дѣйствій не производится. Германская подводная лодка продолжает непрерывно дежурить у входа в Новороссійскую гавань в надводном положеніи на виду у всѣх судов, стоящих в гавани и в непосредственной близости к батареѣ. Германскій гидро-аэроплан летает почти ежедневно над кораблями снижаясь до 500 метров.

За Наморси Наштаморен Лебединскій.

Всѣмъ. Военная, внѣ всякой очереди. Москва Совнаркому. Копія Троцкому.

Высшимъ Военнымъ Совѣтомъ, предсѣдателемъ котораго состоитъ т. Троцкій, назначенъ военнымъ руководителемъ всѣми революціонными войсками Сѣвернаго Кавказа тов. Снѣсаревъ, который въ ближайшее время прибудетъ и приметъ на себя командованіе. Главнокомандующій Автономовъ, постановленіемъ Центральнаго Комитета и Чрезвычайнаго Штаба обороны Кубанско-Черноморской совѣтской республики, освобожденъ отъ исполненія своихъ обязанностей. Временно высшее командованіе беретъ на себя Чрезвычайный Штабъ. Всѣ Командующіе и Начальники отрядовъ должны оставаться на своихъ мѣстахъ и исполнять всѣ распоряженія Чрезвычайнаго Штаба. Призываемъ не вѣрить провокаціоннымъ слухамъ, имѣющимъ цѣлью посѣять раздоръ въ арміи и командномъ составѣ и этимъ погубить дѣло революціи. Чрезвычайнный Штабъ продолжаетъ стоять на стражѣ революціи и интересовъ арміи и прилагаетъ всѣ усилія къ организаціи новыхъ кадровъ и къ упорядоченію снабженія. Армія должна удержать и удержитъ напоръ германскихъ бандъ. Революція побѣдитъ. Чрезвычайный Штабъ обороны Кубанско-Черноморской Совѣтской Республики. Предсѣдатель Ивановъ и Секретарь Ивановъ.

Новороссійск. Наморси Саблину. 14 мая 1918 г. № 193.

Морской Комиссаріат постановил возложить на товарища Глѣбова-Авилова секретное временное исполненіе обязанностей Главнаго Комиссара Черноморскаго флота, а на тов. Баранова — его помощника. Если эти лица в Новороссійскѣ, то передайте им это приказаніе, а равно передайте им всѣ приказанія ... Троцкій.

Выписка из протокола засѣданія делегатскаго собранія 19 мая под предсѣдательством т. Ефремова при секретарѣ Борзинцѣ-Зацунайском.

... Дается внѣочередное слово т. Глѣбову—Авилову, как Комиссару по политической части флота, вся рѣчь котораго сводилась к тому, чтобы матросы в настоящее время остались на кораблях, при чем указывал на то, что в дальнѣйшей своей работѣ будет бороться с теченіем, способствующим разложенію флота, откуда бы таковое не исходило.

... Вопрос о кончающемся трехмѣсячном срокѣ передать на референдум команды и на втором делегатском собраніи рѣшить окончательно. Требованіе Совѣта Народных Комиссаров держать флот в боевой готовности, об'явленіе Кубанской и Черноморской республик на военном положеніи и об'явленіе мобилизаціи, возможность нарушенія Брестскаго договора в нападеніи на флот и наши берега со стороны непріятеля, все это не возможности воспользоваться окончаніем срока контрактов и раз'ѣхаться по домам. Имѣя в виду, что в самом непродолжительном времени разъяснится, как военная, так и политическая обстановка, делегатское собраніе передает на всеобщее голосованіе предложеніе: продолжить срок контрактов до 1-го іюля.

... Послѣ того, как собраніе было посвящено в то, при каких обстоятельствах происходили хищенія казеннаго обмундированія с транспорта «Херсон», и были прочитаны протокол и акты от 16 мая, постановили: выдѣлить из своей среды 5 товарищей для разслѣдованія этого дѣла, уполномочив их на арест лиц, замѣченных в кражѣ, весь матеріал слѣдственный передать мѣстным судебным властям для преданія виновных суду. Эта слѣдственная комиссія по окончаніи своей миссіи должна сложить свои полномочія. Большинством голосов оказались избранными: Ефремов, Шипулин, Борзенец, Рябоконь.

... Поставленный дополнительно вопрос о назначеніи комиссара над временным Новороссійским портом, постановили отложить до слѣдующаго засѣданія, при чем избрать по одному кандидату на должность комиссара от л. к. «Воля», «Свободная Россія» и Минной Бригады, которые с соотвѣтствующими мандатами должны явиться на слѣдующее засѣданіе делегатов.

Выписка из протокола засѣданія делегатскаго собранія

мая 22 дня 1918 г. под предсѣдательством т. Сосюкалова при секретарѣ Зеленском.

... Военные и торговые моряки за кражу обмундированія на тр. «Херсон» подлежат аресту до окончанія суда над ними. Отвѣтственным организаціям (судовым комитетам и профессіональным союзам) предоставляется право брать их на поруки...

Для совмѣстной работы с уголовной милиціей избраны военные моряки: Рябоконь и Борзенец ...

Всѣм военным морякам получить в своих частях новыя удостовѣренія личности. Удостовѣренія, выданныя до 25 мая, будут считаться недѣйствительными ...

Для производства дознаній по различным злоупотребленіям во флотѣ постановлено избрать постоянную комиссію, состоящую из одного представители с л. к. «Воля», одного с л. к. «Свободная Россія» и одного от Минной Бригады с предоставленіем права привлечь к работѣ в комиссіи опытнаго юриста ...

Для работы по пріему лиц, желающих поступить на службу во флот, избираются: минер Боярскій (Минная Бригада), комендор Пращенко (Воля) и машинист Билько (Свободная Россія) . . .

Продажа всякаго рода билетов (театральных, благотворительных и т. п.) на судах воспрещается.

Новороссійск. Адмиралу Саблину. 21 мая. № 1565.

Ростовскій фронт. Ружейным огнем сбит нѣмецкій аэроплан. Другой непріятельскій аэроплан снизился у ст. Гуляй—Борисовской. Два летчика офицера взяты в плѣн. На побережьи Азовскаго моря без перемѣн.

Главком Автономов.

[XXXI]

СВОДКА

ВОЕННЫХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ ШТАБА НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХЪ СИЛЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Рейдъ Новороссійскъ, мая 24 дня 1918 г. № 2.

Москва. Наркомамъ Троцкому и Чичерину. 14 мая 1918 г. № 123.
[Повторена телеграмма, отпечатанная выше на стр. 188]

Новороссійскъ. Наморси. 20 мая 1918 г. № 241.

Народный Комиссаріатъ по иностраннымъ дѣламъ увѣдомилъ: «Германское Правительство было своевременно увѣдомлено о томъ, что флагомъ Россійской Республики является красный флагъ съ надписью золотыми буквами «Россійская Соціалистическая Совѣтская Федеративная Республика». Народный Комиссаріатъ уже просилъ Германское Правительство принять мѣры къ устраненію происходящихъ по вопросу о Россійскомъ флагѣ на Черномъ морѣ недоразумѣній».

Нагенморъ Беренсъ (Начальникъ Морского Генеральнаго Штаба).

Москва. Наркомамъ Троцкому и Чичерину. 23 мая 1918 г. № 136.

Радіо № 241 относительно флаговъ для торговыхъ судовъ меня не удовлетворяетъ. Необходимо категорическое приказаніе о томъ, какой имъ носить флагъ. Между тѣмъ въ радіо № 241 говорится только о переговорахъ по этому поводу съ германцами. Практически же до сего времени германцы брали наши суда подъ краснымъ флагомъ и поднимали на нихъ свой флагъ, считая ихъ бунтовщиками. Срочно жду болѣе опредѣленнаго отвѣта. Наморси Саблинъ.

Тихорѣцкая. Всѣмъ командирамъ отрядовъ, команд. армій и ст. Тихорѣцкой, Новороссійска, Царицына, Батайска, М.-Водъ, Ейска и Екатеринодара, чрезвычайный штабъ обороны, Исполнительный комитетъ. 18 мая 1918 г. (Черноморская газета 23 мая. № 2.)

Раскрытъ заговоръ противъ Главкома Автономова. Саботажъ велся давно. Продуктомъ его были наши неудачи. Саботажниками называются лица кадетскихъ и другихъ . . . и нѣмецкіе шпіоны, готовые предать Совѣтскую власть. Призываю бойцовъ фронтовиковъ не поддаваться вліянію саботажниковъ и твердо стоять за народное право. Заслуженную кару понесутъ всѣ виновники въ измѣнѣ. Призываю всѣхъ исполнять приказанія только Автономова, какъ назначеннаго высшей Совѣтской властью. (К. П.)

Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ (Извѣстія Новороссійскаго Совѣта. 24 мая. № 125).

Въ виду того, что Высшимъ Военнымъ Совѣтомъ во главѣ съ товарищемъ Троцкимъ, на постъ Главнокомандующаго войсками Сѣвернаго Кавказа назначенъ товарищъ Снѣсаревъ и политическимъ комиссаромъ къ нему товарищъ Трифоновъ, и что по постановленію Центральнаго Исполнительнаго Комитета Кубанско-Черноморской Республики товарищъ Автономовъ, какъ несправляющійся съ трудными и сложными обязанностями главнокомандующаго, съ этого поста устраненъ, предписываемъ не исполнять никакихъ приказаній, исходящихъ отъ Автономова и его Штаба. Всѣ неподчинившіеся этому предписанію будутъ объявлены контръ-революціонерами и врагами Совѣтской власти.

Центральный Исполнительный Комитетъ Кубанско-Черноморской Совѣтской Республики.

Всѣмъ Совдепамъ Кубанско-Черноморской Республики, командирамъ частей, броневикамъ, всѣмъ, всѣмъ, по всѣмъ почтово-телеграфнымъ Учрежденіямъ Кубанско-Черноморской Республики. 23 мая 1918 г. № 793.

Въ виду отстраненія Автономова отъ занимаемой имъ должности Главнокомандующаго войсками Сѣвернаго Кавказа и назначенія надъ нимъ слѣдствія по поводу его предательства и неподчиненія Совѣтской власти, предписывается никакихъ телеграммъ, распоряженій и приказовъ за подписью Автономова не принимать и не отсылать, всѣ мандаты, выданные имъ, считать недѣйствительными, приказамъ и распоряженіямъ не подчиняться, въ виду невыполненія Автономовымъ требованія Областного Комитета и Екатеринодарскаго гарнизона явиться въ городъ Екатеринодаръ для дачи объясненія. Автономовъ является предателемъ и врагомъ революціи и предписывается немедленно принять всѣ мѣры къ его задержанію и доставленію въ г. Екатеринодаръ въ распоряженіе Областного Исполнительнаго Комитета. Неподчинившіеся этому приказу будутъ объявлены предателями революціи и преданы военно-революціонному суду.

Предсѣдатель Куб. Черн. Центр. Исп. К. Борисенко, Секретарь Онипко, члены Коробкинъ, Ивницкій, Акуловъ, Катеневъ.

Изъ Екатеринодара. Всѣмъ. 24 мая 1918 г. № 857.

Во исполненіе декрета Совѣта Народныхъ Комиссаровъ отъ 7 апрѣля за подписями Свердлова, Ленина и Троцкаго, Областной Исполнительный Комитетъ Кубанско-Черноморской Совѣтской Республики, на засѣданіи своемъ 23 мая постановилъ: Чрезвычайный Штаба Обороны Республики упразднить, передавъ функціи его избранному же на этомъ засѣданіи Военному Комиссаріату, составленному согласно декрета изъ трехъ лицъ: Марочкина, Озерова и Гайчинецъ, отвѣтственныхъ передъ Центральнымъ Комитетомъ Кубанско-Черноморской Совѣтской Республики. Всѣ приказы и распоряженія военнаго комиссаріата за подписью означенныхъ лицъ подлежатъ немедленному и безпрекословному исполненію.

Т. Предсѣдателя Центральнаго Исполнительнаго Комитета Борисенко, секретарь Онипко.

Отъ оперативной части.

За 23 и 24 мая о положеніи на Ростовскомъ фронтѣ, въ Ейскѣ и Тамани Штабу получить свѣдѣнія изъ Екатеринодара не удалось. Изъ Темрюка сообщили, что послѣ появленія «Гамидіе» (21 мая) непріятель себя не обнаруживалъ.

Наморси Саблину. 23 мая 1918 г. № 260.

Сообщаю, что отправленное Вами цѣнное имущество прибыло въ Москву и сдано въ Главное Морское Хозяйственное Управленіе.

Помощникъ Начальника Морского Генеральнаго Штаба Альтфатеръ.

Состоящій въ распоряженіи Начальника Морскихъ Силъ Р. Левговдъ.

[XXXII]

Не подлежитъ оглашенію.

СВОДКА

ВОЕННЫХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ ШТАБА НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХЪ СИЛЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Рейдъ Новороссійскій, мая 25 дня 1918 г. № 3.

Москва. Наркомам Троцкому и Чичерину. Копія въ Екатеринодаръ — Военному Комиссаріату Черноморско-Кубанской Совѣтской республики — Марочкину. 24/V. № 44.

Несмотря на вполнѣ опредѣленныя указанія Центральнаго Правительства о необходимости флоту точно соблюдать условія брестскаго договора и не выходить изъ Новороссійска, Чрезвычайный революціонный Штабъ обороны Черноморско-Кубанской республики, а теперь вновь образовавшаяся вмѣсто него организація ввидѣ военнаго комиссаріата, хотя имъ уже неоднократно сообщалось объ этихъ распоряженіях правительства, безпрерывно обращаются съ требованіями посылки военныхъ судовъ въ разныя мѣста съ боевыми цѣлями. Какъ образчикъ привожу ниже телеграмму, полученную мною сегодня и прошу впредь оградить флотъ отъ подобныхъ требованій, которыя дѣлаются или благодаря полному непониманію обстановки, или съ цѣлью натравить казачество и населеніе на флотъ и провоцировать нарушеніе флотомъ условій Брестъ-Литовскаго мирнаго договора.

Получена мною сегодня слѣдующая телеграмма:

Новороссійскъ. Командующему Черноморскимъ флотомъ Саблину и главному [комиссару] Глѣбову-Авилову. Въ интересахъ защиты русской революціи и спасенія отчества требуемъ немедленной посылки вооруженныхъ судовъ къ Гаграмъ на поддержку войскъ, сражающихся на Гудаутскомъ фронтѣ. Въ противномъ случаѣ слагаемъ всякую отвѣтственность за могущія произойти послѣдствія. Весь фронтъ отъ Ростова до Тамани возмущенъ отношеніемъ Черноморскаго флота къ дѣлу защиты революціи и соціалистическаго отечества. Заявляемъ, что всякое промедленіе будетъ заклеймлено какъ предательство и измѣна русской революціи.

Военный Комиссаріатъ Черноморско-Кубанской Совѣтской Республики: Марочкинъ.

Начальникъ Морскихъ силъ Чернаго моря: Саблинъ.

(«Красная газета» отъ 26 мая 1918 г. № 11.) На требованіе Екатеринодарскаго Штаба обороны о выводѣ судовъ флота на поддержку Гудаутскаго фронта главный комиссаръ Черноморскаго флота отвѣтилъ, что флотъ есть достояніе всей Россійской Соціалистической Совѣтской Республики, а не отдѣльной ея части. Поэтому всѣ требованія, исходящія отъ совѣтскихъ учрежденій, главнымъ комиссаромъ могутъ выполняться въ томъ случаѣ, если они не расходятся съ распоряженіями Центральной власти.

Внѣ всякой очереди военная. По всѣмъ телеграфамъ Кубанско-Черноморской Совѣтской Республики, всѣмъ Совдепамъ, всѣмъ революціоннымъ войскамъ, всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ. Комиссару телеграфа. 24 мая г. Екатеринодаръ.

Кубанскій Областной Центральный Исполнительный Комитетъ постановилъ созвать къ двадцать седьмому мая сего года третій экстренный чрезвычайный съѣздъ Кубанско-Черноморской Совѣтской Республики, съ представительствомъ отъ войсковыхъ частей. Норма представительства отъ Совѣтовъ прежняя; отъ каждой воинской части по одному на триста человѣкъ.

Товарищъ предсѣдателя Центральнаго Исполнительнаго Комитета Балисъ,
Секретарь Онипко.

Выдержка изъ радіо. № 76. Мая 26 дня.
Новороссійскъ. Главному Комиссару Авилову — Глѣбову.

... Спиро находится въ Петроградѣ. Надъ нимъ ведется слѣдствіе ... Злостные слухи о его пребываніи въ Севастополѣ. Относительно судовъ, оставшихся въ Севастополѣ Морской Комиссаріатъ полагаетъ, что этотъ вопросъ долженъ получить разрѣшеніе дипломатическимъ путемъ. Въ этомъ направленіи предприняты шаги.

Раскольниковъ.

Р. Левговдъ.

[XXXIII]

Не подлежитъ оглашенію.

СВОДКА

ВОЕННЫХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ ШТАБА НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХЪ СИЛЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Рейдъ Новороссійскъ, мая 26 дня 1918 г. № 4.

Изъ агентскихъ телеграммъ отъ 17-го мая 1918 г.

Одинъ видный общественный дѣятель, принадлежащій къ умѣренной партіи, сообщаетъ интересныя подробности положенія дѣлъ на Украинѣ и дѣятельности тамъ нѣмцевъ. Въ комиссіи по товарообмѣну выяснилось, что нѣмцы обязались дать Украинѣ предметы, перечисленные въ 52-хъ пунктахъ, изъ нихъ свыше 20-ти относятся къ частямъ разныхъ машинъ. На вопросъ, почему дадутъ только части машинъ, а не машины, нѣмцы отвѣтили, что машинъ у нихъ нѣтъ, а имѣются только части. Нѣтъ у нѣмцевъ также мануфактуры, т. к. прибывъ въ Кіевъ они по бѣшенымъ цѣнамъ скупили всю мануфактуру и отправили ее къ себѣ. Занимая Украину нѣмцы принялись усиленно вывозить хлѣбъ, закупая его по твердымъ цѣнамъ. На вопросъ, когда послѣдуетъ платежъ за хлѣбъ, нѣмцы отвѣтили, что первая треть будетъ уплачена черезъ полгода, послѣ заключенія всеобщаго мира. Пока же нѣмцы за хлѣбъ и продукты открываютъ украинскому правительству текущій счетъ, съ котораго будутъ списывать стоимость отпускаемыхъ Украинѣ товаровъ, а также стоимость содержанія оккупаціонныхъ австро-германскихъ войскъ изъ разсчета по двѣсти рублей въ мѣсяцъ за каждаго солдата и 20 руб. [за] каждаго офицера въ сутки.

Внѣ всякой очереди военная. Всѣмъ изъ Екатеринодара. 26 мая 1918 г. № 246.

Объединенное засѣданіе Ц. И. К. и Сов. Нар. Комиссаровъ Кубанско-Черноморской Республики, представителей юго-восточной арміи, штаба и мѣстнаго гарнизона постановили: 1) созвать на 27 мая с. г. третій экстренный чрезвычайный съѣздъ

Совѣтовъ Куб. Черн. Совѣтской Республики съ представительствомъ отъ фронтовыхъ частей. 2) Совмѣстно съ делегируемыми членами Ц. И. К. выѣхать на фронтъ для выясненія товарищамъ фронтовикамъ истиннаго военно-политическаго положенія Кубан.-Черн. Совѣт. Республики въ связи съ провокаціоннымъ выступленіемъ бывшаго главнокомандующаго Автономова. 3) Немедленно доставить Автономова. 4) Назначить товарища Кальнина временно главнымъ военнымъ руководителемъ революціонныхъ войскъ сѣвернаго Кавказа до пріѣзда тов. Снѣсарева.

Тов. Предсѣдателя Ц. И. К. Борисенко, за Предсѣдателя Совнаркома Куб. Черн. Республики Полуяновъ, Секретарь Онипко.

Екатеринодаръ. Военный Комиссаріатъ. Новороссійскъ Начальнику Укрѣпленія Адмиралу Саблину для свѣдѣнія.

26 мая 1918 года. № 421.

Въ Тамани возстали казаки. Обезоружили отрядъ на фронтѣ, взяли орудія, пулеметы и фронтъ брошенъ. По словамъ бѣженцевъ думаютъ идти на Темрюкъ и разбить. Требуется реальная сила. Немедленно высылайте.

Помощникъ военнаго комиссара Лудникъ.

Отъ Штаба.

Завтра 27 мая въ 14 часовъ на «Траянѣ» состоится делегатское собраніе. Норма отъ 70 — одинъ.

Повѣстка дня:

1) Докладъ Главнаго Комиссара.

2) Докладъ представителя отъ флота въ Чрезвычайномъ Комитетѣ тов. Руснака.

3) Обсужденіе способа участія флота на чрезвычайномъ съѣздѣ въ Екатеринодарѣ.

Р. Левговдъ.

[XXXIV]

Не подлежитъ оглашенію.

СВОДКА

ВОЕННЫХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ ШТАБА НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХЪ СИЛЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Рейдъ Новороссійскій, 27 мая 1918 г. № 5.

Отъ оперативной части штаба.

По прямому проводу изъ Темрюка 27 мая 1918 г. въ 9 ч. утра. У аппарата Дивишнюкъ. Положеніе у Темрюка отчаянное. Фронтъ обнажился. Идутъ бои между казаками и отрядами, которые стояли на фронтѣ, такъ что если нѣмцы нажмутъ, могутъ быть сегодня въ Тамани и Темрюкѣ. Казаки отняли десять орудій у отрядовъ, которые стояли на позиціи и все время идетъ бой съ солдатами у казаковъ. Если такъ будетъ продолжаться дня три, то будетъ взятъ Екатеринодаръ и такъ далѣе. Войска просятъ для виду прислать миноносцы, которые могли бы требовать и даже можетъ быть орудійнымъ огнемъ прекратить эту междуусобицу. Казаки не хотятъ идти на фронтъ, симпатіи ихъ на сторонѣ нѣмцевъ. Необходимо послать на Тамань, если возможно, миноносцы и истребители для подавленія безпорядковъ и спасенія фронта. У казаковъ мятежниковъ около 30 тысячъ человѣкъ. Они плохо вооружены и не имѣютъ патроновъ. Они взяли на косѣ, что противъ Керчи всѣ орудія и увезли ихъ въ станицы. Въ результатѣ оголили весь фронтъ. Нашихъ силъ, которыя стоятъ за оборону — около 6 тысячъ. Они хорошо вооружены, имѣютъ избытокъ патроновъ, 9 орудій и 6000 снарядовъ и еще ожидается подкрѣпленіе изъ

Екатеринодара. Здѣсь можно скоро ждать нѣмцевъ. Со дня на день ожидается въ Темрюкѣ самая ужасная рѣзня. Спасеніе было бы, если бы прислали пару миноносцевъ для обстрѣла Тамани. Принимайте рѣшительныя мѣры, а то нѣмцы могутъ безпрепятственно высадить тысячи человѣкъ въ Тамани. Положеніе ужасное. Съ часу на часъ ожидается кровавая баня. Примите какія возможно мѣры для предотвращенія высадки дессанта и прекращенія междуусобицы. Фронтъ абсолютно открытъ. Вечеромъ сообщу новыя свѣдѣнія. Буду оставаться до послѣдняго момента, хотя и рисковано.

Сообщающій эти свѣдѣнія — военный морякъ съ л. к. «Воля» Дивишнюкъ. Передъ отъѣздомъ на фронтъ онъ былъ подробно посвященъ въ военную и политическую обстановку. Ему было разъяснено, что Совѣтъ Нар. Комиссаровъ категорически запретилъ нашимъ судамъ выходъ съ Новороссійскаго рейда, дабы не срывать начавшіеся переговоры между Совѣтскимъ Правительствомъ, Германіей и Украиной. Кромѣ того ему было объяснено по картѣ, что подходъ къ Тамани и Темрюку для нашихъ судовъ сейчасъ не возможенъ изъ за минныхъ загражденій и нѣмецкихъ батарей, мимо которыхъ пришлось бы нашимъ судамъ проходить вплотную, имѣя очень мало шансовъ дойти до мѣста назначенія. Кромѣ того ясно, что къ Тамани и Темрюку до сихъ поръ двинуто очень мало сухопутныхъ силъ. Если они не могутъ справиться съ возставшими плохо вооруженными отрядами, то какое же они оказали бы сопротивленіе нѣмцамъ? Ясно, что никакими посылками миноносцевъ дѣлу помочь нельзя, если изъ Екатеринодара немедленно не будутъ двинуты большія хорошо вооруженныя и дисциплинированныя части.

Изъ Новороссійска. Москва. Царицынъ. Изъ Екатеринодара.
24 мая 1918 года. № 882.

Военная внѣ очереди. Москва Совнаркому. Копія Ленину Троцкому. Царицынъ Орженикидзе Трифонову.

Въ интересахъ революціи и защиты соціалистическаго отечества требуемъ немедленно отправки въ Екатеринодаръ затребованнаго Центральнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ: денежныхъ средствъ, оружія, патроновъ, снарядовъ и обмундированія. Иначе фронтъ, лишенный, благодаря вашей медлительности или попустительству, необходимыхъ припасовъ, снимаетъ всякую отвѣтственность за могущія произойти печальныя послѣдствія, граничащія съ гибелью русской революціи. Отъ имени фронта, доблестно сдерживающаго напоръ сыщиковъ и контръ революціонныхъ бандъ, заявляемъ, что клеймо предателей и могильщиковъ русской революціи падаетъ на тѣхъ, кто совершенно не внялъ голосу вопіющихъ и въ наиболѣе критическій моментъ русской революціи оставилъ заботы о немъ.

Члены военнаго Комиссаріата Черн. Куб. Совѣт. Республики: Марочкинъ, Озеровъ, Гайчинцъ.

Отъ Штаба. Вчера вечеромъ (26 мая) въ Екатеринодаръ прибылъ тов. Автономовъ и участвовалъ въ засѣданіи бывшаго Чрезвычайнаго Штаба.
[. . . . .]
отдѣльной его части и флота будетъ выполнять волю Центральной власти во всѣхъ вопросахъ, касающихся обороны Кубанско-Черноморской Республики и восточнаго побережья Чернаго моря. Вмѣстѣ съ тѣмъ делегатское собраніе полагаетъ, что въ случаѣ возникновенія специальныхъ вопросовъ, касающихся флота, делегація обязана предварительно снестись съ флотомъ.

Р. Левговдъ.

[XXXV]

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СВОДКѢ СВѢДѢНІЙ ВОЕННЫХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ШТАБА НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХЪ СИЛЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Рейдъ Новороссійскій, мая 29 дня 1918 г. № 1.

Матеріалы по Дѣлу Бывшаго Главнаго Комиссара Черноморскаго Флота Вилліама Спиро.

По постановленію пленарнаго засѣданія Центрофлота от 1 апрѣля с. г. (протокол № 38) в Москву выѣхали 2-го апрѣля тов. предсѣдателя Центрофлота Шульга и Начальник отд. укомплектованія Левговд, имѣя мандаты слѣдующаго содержанія: предъявитель сего . . . делегирован в Совѣт Народных Комиссаров Россійской Совѣтской Федеративной Республики по особо важным дѣлам Черноморскаго флота.

Товарищу . . . поручается выяснить вопросы о флотѣ.

Вмѣстѣ съ делегатами выѣхал в Москву Вилліам Спиро, как Главный Комиссар Черноморскаго флота, с тѣми же задачами.

5-го апрѣля делегація прибыла в Москву и имѣла первое засѣданіе в Морской Коллегіи.

6-го апрѣля, утромъ, состоялось совмѣстное засѣданіе делегаціи и Помощника Начальника Морского Генеральнаго Штаба Альтфатера; того же вечером Спиро был арестован по ордеру Предсѣдателя Совнаркома Ленина.

Копія протокола засѣданія 6-го апрѣля 1918 года. № 90. Слушали внѣ очередное заявленіе товарища Ленина об отданном распоряженіи об арестѣ Спиро и о разслѣдованіи его дѣйствій.

Постановили: Мѣру, примѣненную к Спиро, утвердить (единог). Дѣло передать в комиссію Дзержинскаго. Опубликовать в печати: Совѣт Народных Комиссаров постановил, арестовать Чрезвычайнаго комиссара на Румынском фронтѣ Спиро за преступленіе по должности, выразившееся в прямом противодѣйствіи постановленіям Совѣтской власти и распоряженіям Совѣта Народных Комиссаров.

Слѣдствіе производится.

Подписали: С подлинным вѣрно: За Народн. Комис. по морск. дѣлам
Вахрамѣев.
Секретарь: Галкин.

7 апрѣля въ 11 часов утра делегаціей было сдѣлано письменное заявленіе слѣдующаго содержанія: в Верховно-Морскую коллегію. Вчера, 6-го апрѣля, в 11 часов вечера в вагон, находящійся на Курском вокзалѣ и принадлежащій Комиссару Черноморскаго флота, явилось нѣсколько лиц и, предъявив ордер за подписью, кажется, тов. Ленина, произвели обыск, выемку всех документов и предложили тов. Спиро слѣдовать за ними, дав обѣщаніе не позже, как через 24 часа, дать формальное объясненіе происшедшаго, гарантировав полную неприкосновенность и безопасность товарища Спиро.

На наш запрос, арестовывается ли тов. Спиро, как частное лицо, как член партіи или как Главный Комиссар Черноморскаго флота, прибывшія лица отвѣтили незнаніемъ; и всѣ они, вмѣстѣ с тов. Спиро, считая происшедшее плодом какого то недоразумѣнія, просили не давать дѣлу оффиціальнаго хода до утра; так как до настоящаго времени тов. Спиро не освобожден, мы сочли своим долгом сдѣлать настоящее оффиціальное заявленіе Коллегіи Морского Комиссаріата и с своей стороны, от имени Черноморскаго флота, требуем немедленнаго освобожденія Главнаго Комиссара Черноморскаго флота тов. Спиро или же – немедленнаго сообщенія нам причин ареста, который мы разсматриваем как недопустимое насиліе над поли-

тическим представителем Черноморскаго флота, тѣм болѣе, что все происшедшее имѣло мѣсто без участія и увѣдомленія Коллегіи Морского Комиссаріата.

Не получая отвѣта делегація 9-го апрѣля вручила лично Народному Комиссару по Военным и Морским дѣлам Троцкому заявленіе слѣдующаго содержанія: «в коллегію Морского Комиссаріата. Неожиданный арест Главнаго Комиссара Черноморскаго флота Спиро, отказ в его освобожденіи, а также несообщеніе нам причин его ареста, все это ставит делегацію в крайне затруднительное и тяжелое положеніе, которое осложняется, кромѣ того, цѣлым рядом обстоятельств; и нам до сих пор не удается найти выход из создавшагося положенія.

1) Если тов. Спиро арестован постановленіем Совнаркома и, ввиду серіозности обвиненій, не может быть освобожден до разбора дѣла, мы вторично настаиваем на оффиціальном сообщеніи нам причин ареста для немедленнаго сообщенія их Черноморскому флоту . . .

5. Ввиду того, что нам было предложено дать подписку о невыѣздѣ из Москвы, каковую дать мы не нашли для себя возможным, мы просим оффиціально сообщить нам об отношеніи к нам Совнаркома в связи с арестом т. Спиро и – какое мы имѣем отношеніе к этому дѣлу.

6. Не ограничены ли мы, в силу каких либо неизвѣстных нам соображеній, в правѣ покинуть Москву тогда, когда мы сочтем свою миссію исполненной. 9-го апр.»

Прочитав заявленіе, Троцкій отвѣтил:

1) мы совершенно не причастны к дѣлу Спиро,

2) мы не имѣем права отказываться от дачи подписки о невыѣздѣ, а должны были спросить указаній у своего высшаго «начальства» – Морской Коллегіи и

3) приказал члену Коллегіи Раскольникову выдать делегаціи оффиціальную бумагу по дѣлу Спиро.

15-го апрѣля делегація сдѣлала новое заявленіе слѣдующаго содержанія*:

«. . . 7 апрѣля нами было сдѣлано заявленіе Коллегіи Морского Комиссаріата по поводу ареста Главнаго Комиссара Черноморскаго флота Спиро, в котором настаивали на немедленном его освобожденіи или сообщеніи нам причин ареста. Не получая письменнаго отвѣта, за исключеніем копіи постановленія Совѣта Народных Комиссаров от 6 апрѣля, не разъясняющаго сущности дѣла, мы сдѣлали новое заявленіе 9 апрѣля, которое лично вручили тов. Троцкому. Т. Троцкій при нас сдѣлал распоряженіе Раскольникову о выдачѣ нам письменнаго документа с изложеніем причин ареста Спиро. Со дня ареста прошло 8 суток. Несмотря на то, что, как нам заявлено, слѣдствіе ведется в срочном порядкѣ, по имѣющимся у нас свѣдѣніям, до сих пор не закончено предварительное слѣдствіе и не приступлено к формулировкѣ обвиненія. Кромѣ того, нам до сего дня не разрѣшено свиданіе с т. Спиро даже в присутствіи стражи и члена слѣдственной Комиссіи, а между тѣмъ свиданіе это нам крайне необходимо для выясненія ряда вопросов, не имѣющих ничего общаго с обвиненіями, к нему предъявленными. Мы еще раз настаиваем на подробном сообщеніи нам в письменной формѣ причин ареста Спиро для доклада Черноморскому флоту, а также просим разрѣшенія переговорить с ним по нашим дѣлам.»

15 апрѣля были разрѣшены свиданія со Спиро. 16-го он был выпущен из под ареста с обязательством не выѣзжать из Москвы.

19 апрѣля Вилліаму Спиро было вручено заключеніе слѣдователя Галкина слѣдующаго содержанія:

«Разсмотрѣв, по порученію Президіума Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета и Чрезвычайной Комиссіи по борьбѣ с контр-революціей, дѣло гражданина Вилліама Бернардовича Спиро, подозрѣваемаго в преступленіях по должности Главнаго Комиссара Черноморскаго флота, я нашел достаточно основаній для предъявленія к нему нижеслѣдующих обвиненій в преступных дѣйствіях по должности:

---

* Черновикъ полнаго заявленія приведенъ на стр. 171, № XVII.

1. Бездѣйствіе власти по должности Главнаго Комиссара Черноморскаго флота, каковую должность он отправлял сначала без утвержденія от Центральной власти, на что указывают дѣловыя сношенія с ним, как Главным Комиссаром, со стороны разных отвѣтственных организацій и лиц, а с 20 марта – утвержденный в этой должности приказом по Морскому Вѣдомству. Бездѣйствіе выразилось в том, что он, Спиро, долженствующій наблюдать за политическими дѣйствіями Центрофлота, допустил со стороны послѣдняго принятіе резолюціи, противорѣчащей планам и постановленіям Центральной власти, с признаками явнаго сепаратизма, а именно: в протоколѣ № 34 засѣданія Центрофлота 23 марта в пунктѣ „б" сказано: „Черноморскій флотъ есть достояніе Россійской Федеративной Республики Совѣтов в составѣ Великороссіи, Украины, Тавриды, Кавказа и всѣх остальных частей" и далѣе в пунктѣ „д" – „окончательную судьбу флота может рѣшить только свободный Конгресс Республик". Мнѣніе же центральнаго Правительства по сему предмету таково, что флот есть достояніе Россійской Федеративной Республики безъ Украины и Кавказа (телеграммы Шульги, Левговда и Спиро из Москвы в Севастополь 6 апрѣля). Расхожденіе очевидно и усугубляется тѣм обстоятельством, что в резолюціи Центрофлота включены республики не Совѣтской власти, с коими Россійская Республика находится во враждебных отношеніях, напр. Кавказ.

2. Публичныя выступленія против Центральной власти, имѣвшія мѣсто на публичном многочисленном собраніи (около 4000 ч.) в Севастополѣ, в серединѣ марта, с присутствованіем на нем до 1000 чел. полномочных делегатов от Совѣта, флота, войск, пролетаріата и пр., и устроенном по иниціативѣ Севастопольскаго Исполнительнаго Комитета для обсужденія вопроса об оборонѣ Крыма. Здѣсь Спиро произнес рѣчь против ратификаціи мирнаго договора, называя подписаніе этого договора предательством со стороны Правительства и призывая не подчиняться ему, отвернуться от „гнилого сѣвера" (показанія Иванова и Кленикова, а также и Спиро).

Курс политики, взятой Вилліамом Спиро во флотѣ в Севастополѣ, гдѣ он был членом Комитета Южнаго защиты революціи и распоряжался сухопутными силами, привел к нежелательным для русскаго правительства и печальным для флота послѣдствіям, как напримѣр: крейсер „Король Карл", будучи командирован Центрофлотом с разрѣшенія Спиро в Новороссійск, а потом в Батум, не был предупрежден, что в Батумѣ не россійская, а враждебная ей власть Кавказскаго сейма, не были приняты мѣры к охранѣ корабля от возможнаго нападенія в недружеском порту, а потому этот крейсер был захвачен в Батумѣ ночью ничтожной кучкой вооруженных людей. Признаніе Кавказа дружеской страной, имѣющей право на наш флот, указанное в резолюціи 23 марта, повлекло за собой потерю корабля.

Полагая, что намѣченных улик достаточно для предъявленія гражданину Спиро вышеозначенных обвиненій, я постановляю считать предварительное слѣдствіе законченным и передать дѣло на разсмотрѣніе Революціоннаго Трибунала, а ему, Спиро, объявить настоящее заключеніе под расписку.

19/IV Слѣдователь А. Галкин.

Печать Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи по борьбѣ с контр-революціей и саботажем при Совѣтѣ Народных Комиссаров.»

Делегація выѣхала из Москвы 21 апрѣля, при чем Спиро просил передать Центрофлоту письмо слѣд. содержанія: «Дорогіе товарищи по причинам, от меня независящим, я не мог выполнить Вашего порученія, а теперь не могу временно вернуться в Севастополь. Вслѣдствіе сего, я к моему глубокому сожалѣнію, вынужден отказаться от того почетнаго званія, каковым меня удостоил 2-ой общечерноморскій съѣзд и Вы. Хочу вѣрить, что мое чувство глубокой печали, каковое меня наполняет сейчас, ввиду вынужденной нашей разлуки, раздѣляется хотя бы и отчасти,

Вами также. Еще раз благодарю за оказанное мнѣ довѣріе и остаюсь с товарищеским привѣтом.

В. Спиро. Москва, 21 апрѣля 1918 года.»*

В послѣднее время в Новороссійскѣ распространился слух, что Спиро находится в Севастополѣ и что теперь уже достовѣрно извѣстно, что он нѣмецкій шпіон.

По этому вопросу Главным Комис. Черном. флота Глѣбовым-Авиловым был сдѣлан запрос в Москву, на который член Морской Коллегіи Раскольников отвѣтил; «. . . Спиро находится в Петроградѣ. Над ним ведется слѣдствіе . . . Злостные слухи о его пребываніи в Севастополѣ . . .» Раскольников.

[XXXVI]

Секретно.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СВОДКѢ ВОЕННЫХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ ШТАБА НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХЪ СИЛЪ ЧЕРНАГО МОРЯ. № 2.

2-го апрѣля 1918 года по постановленію пленарнаго засѣданія Центр. Ком. Чернаго флота изъ Севастополя въ Москву выѣхала делегація въ составѣ Тов. Предсѣдателя Ц. К. Ч. ф. Ивана Шульги и отвѣтственнаго члена Центрофлота, Начальника отдѣла Укомплектованія Романа Левговда. Одновременно вмѣстѣ съ делегаціей выѣхалъ въ Москву Главный Комиссаръ Черн. флота Спиро.

Делегаціи было дано порученіе выяснить въ Совѣтѣ Народныхъ Комиссаровъ и Морской Коллегіи рядъ политическихъ и военныхъ вопросовъ, разъясненіе которыхъ было необходимо Центрофлоту, дабы имѣть возможность сознательно и съ полнымъ пониманіемъ обстановки управлять флотомъ и защищать русскіе интересы на Черномъ морѣ. Съ 5-го по 21 апрѣля делегація имѣла рядъ совѣщаній въ Морской Коллегіи и съ отдѣльными Народными Комиссарами (Ленинъ, Троцкій) и съ членами Высшаго Военнаго Совѣта.

Всѣ существенныя свѣдѣнія, которыя удавалось делегаціи добыть, сообщались

---

* Среди бумагъ сохранились еще два слѣдующихъ письма В. Спиро:

Товарищу Шерстневу, Комитетъ Лѣв. с. р.

Дорогой товарищъ,

Моя роль въ Крыму сыграна, занавѣсъ опущенъ, свѣтъ погасъ и актеры пошли спать.

Подробности сего Вы узнаете у т. т. Левговда и Шульги.

Не помѣшаетъ, если Вы соотвѣтствующую резолюцію по телеграфу въ нашъ ЦК. л. с. р. и Совнаркому пошлете.

Знайте, что все это работа Миллера и Ко, если хотите меня увидѣть въ Крыму, дѣйствуйте. Пару дней тому назадъ начался съѣздъ нашей партіи. Пока отъ Васъ никто не прибылъ, отчего Вы телеграфно черезъ нашъ ЦК (Леонтьевскій пер. № 18) не уполномочили меня Васъ представлять.

Привѣтъ всѣмъ товарищамъ, жму Вашу руку

Вашъ В. Спиро.

Москва, 21/IV. 18.

Товарищу Михаилу Михайловичу Богданову.

Уважаемый Михаилъ Михайловичъ,

Не довелось какъ Вы вѣроятно уже знаете мнѣ вернуться обратно и съ Вами вмѣстѣ поработать.

Не судьба видно. Все-же окончательно еще надежды не потерялъ и если Вы можете ковырнуть Москву въ смыслѣ того, что я В/ молъ нуженъ и т. д., ковырните. Не Вамъ лично, а для организаціи и сухопутной арміи. Если рѣшите послать, то съ копіей мнѣ по адресу ЦК лѣв. с. р. (Леонтьевскій пер. № 18).

Теперь моя просьба: составить отчеты какъ я просилъ (5 раздѣловъ):

1. — Татарскій
2. — Румынскій
3. — Антонова
4. — Одесскій
5. — Оборона Крыма и мнѣ ихъ обязательно прислать.

Желаю Вамъ всего хорошаго, жму Вашу руку

Вашъ В. Спиро.

Москва, 21 апрѣля 1918 года.

P. S. Не откажите пристроить т. Макарова у себя до моего пріѣзда.

В. Спиро.

въ Севастополь по прямому проводу. Съ другой стороны, всѣ телеграммы, освѣщающія обстановку въ Севастополѣ, передавались Морской Коллегіи. Делегаціи было поручено закончить свои работы въ кратчайшій срокъ, и делегація со своей стороны принимала въ этомъ отношеніи рѣшительно всѣ доступныя ей мѣры, но раньше 21 апрѣля ей выѣхать не удалось.

Въ печатаемомъ ниже письмѣ отъ Коллегіи Народнаго Комиссаріата по Морскимъ дѣламъ на имя Народнаго Комиссара по иностраннымъ дѣламъ отъ 6 апрѣля заключены были вопросы, безъ разрѣшенія которыхъ делегація не могла считать данное ей порученіе выполненнымъ. Поэтому делегація постановила не выѣзжать раньше полученія отвѣтовъ на указанные вопросы. И только критическая обстановка, сложившаяся въ Севастополѣ, вынудила делегацію, повинуясь своей совѣсти, спѣшить въ Севастополь, гдѣ по ея мнѣнію присутствіе всѣхъ Черноморскихъ моряковъ было необходимо. Нужно отмѣтить, что къ 20 апрѣля въ Москвѣ было извѣстно, что Севастополь переживаетъ тяжелый внутренній кризисъ въ связи съ перевыборами Совѣта и эвакуацией.

Возможность столь быстраго паденія Севастополя, какъ это оказалось въ дѣйствительности, въ Москвѣ никому не была извѣстна 1) потому что никто опредѣленно не зналъ намѣреній австро-германскаго командованія и 2) по заявленію Главн. Комиссара Черн. флота Спиро, принимавшаго дѣятельное участіе въ организаціи сухопутной обороны Крыма, Перекопъ укрѣпленъ настолько хорошо, что на немъ можно держаться, не пуская нѣмцевъ въ Крымъ, значительное время. Не зная дѣйствительнаго положенія вещей, делегація 21 апрѣля выѣхала изъ Москвы, торопясь доставить флоту деньги и документы и принять участіе въ эвакуаціи флота, какъ мѣры предосторожности на случай возможнаго нападенія нѣмцевъ на Крымъ и Севастополь. Какъ извѣстно, событія развернулись съ неожиданной для всѣхъ быстротой, делегаціи проникнуть въ Севастополь не удалось и пришлось встрѣтить часть флота въ Новороссійскѣ.

Вся мѣсячная работа делегаціи не принесла флоту никакой пользы и печатаемые ниже документы представляютъ собой въ данный моментъ исключительно историческій интересъ.

Въ отвѣтъ на радіо 26-го марта императорское германское правительство сообщаетъ: 1) что оно не сомнѣвается въ искреннемъ желаніи мира со стороны русскаго народа. Но заявленіе американскаго посла есть совсѣмъ не призывъ къ миру, а призывъ къ войнѣ, противъ чего и возражало германское правительство въ своей послѣдней радіо. 2) Окончательное установленіе русско-украинской границы должно быть опредѣленно въ русско-украинскомъ мирномъ договорѣ, къ безотлагательному заключенію котораго русское правительство обязалось по трактату съ нами и нашими союзниками.

Императорское германское правительство, согласно заявленію Центральной Украинской Рады, признало входящимъ въ предѣлъ собственно Украины слѣдующія 9 губерній: Волынь, Подолія, Херсонская, Таврическая безъ Крыма, Кіевская, Полтавская, Черниговская, Екатеринославская, Харьковская. Къ нимъ согласно мирнаго договора союзниковъ съ Украиной присоединяются, отходящія къ Украинѣ, части Холмской губерніи. Министерство иностранныхъ дѣлъ: Буше.

За Начальника Морского Генеральнаго Штаба: В. Альтфатеръ.

Докладъ Высшему Военному Совѣту. 30 марта 1918 года.

Обстановка, сложившаяся на Черномъ морѣ, въ связи съ захватомъ австро-германцами въ Николаевѣ нашихъ строящихся судовъ, побуждаетъ Коллегію Морского Комиссаріата возбудить вопросъ въ какой мѣрѣ признается возможнымъ, принимая во вниманіе заключенный въ Брестѣ мирный договоръ, начать на Черномъ морѣ военныя дѣйствія со стороны Черноморскаго флота противъ австро-германцевъ.

Хотя фактическая возможность планомѣрныхъ операцій со стороны Черноморскаго флота требуетъ времени для надлежащей подготовки для сего личнаго состава и отчасти судовъ, однако, могутъ произойти обстоятельства, которыя потребуютъ на мѣстѣ незамедлительнаго и опредѣленнаго рѣшенія — открывать военныя дѣйствія на морѣ, или же нѣтъ. Такъ, напримѣръ, если бы германцы попытались увезти моремъ изъ Николаева захваченныя въ послѣднемъ наши суда, слѣдуетъ ли судамъ Черноморскаго флота произвести нападеніе съ цѣлью отбитія этихъ судовъ отъ германцевъ или уничтоженія ихъ. Или въ другомъ случаѣ, возможно ли, подготовившись, произвести нападеніе съ моря на Очаковъ, Одессу и Николаевъ.

Эти обстоятельства могутъ случиться въ любое время и на мѣстѣ необходимо будетъ рѣшать, что именно слѣдуетъ въ томъ или иномъ случаѣ предпринять Черноморскому флоту, но всѣ эти рѣшенія, однако, возможно принять правильно и цѣлесообразно, лишь если разрѣшенъ будетъ основной вопросъ военно-политическаго характера, а именно: возможно ли Черноморскому флоту, имѣя въ виду заключенный съ Германіей и Австріей миръ, производить военныя дѣйствія на морѣ противъ австро-германцевъ.

Не имѣя возможности самостоятельно разрѣшить этотъ вопросъ, при условіи общегосударственнаго масштаба и въ связи со всей обстановкой, въ которой нынѣ находится Россія, Комиссія Морского Комиссаріата представляетъ настоящій вопросъ на усмотрѣніе Высшаго Военнаго Совѣта, испрашивая соотвѣтствующихъ указаній для преподанія ихъ Черноморскому флоту.

Подписали: За Народнаго Комиссара по Морскимъ дѣламъ Раскольниковъ и за Начальника Морского Генеральнаго Штаба В. Альтфатеръ.

Резолюція Высшаго Военнаго Совѣта на докладѣ Морского Генеральнаго Штаба от 30/III. 18. № 31/м.:

«Высшій Военный Совѣт считает, что для Черноморскаго флота, как и для всѣх вооруженных сил Россіи, обязательно соблюденіе заключеннаго мирнаго договора.»

Предсѣдатель Высшаго Военнаго Совѣта Л. Троцкій. Военный руководитель М. Бончъ-Бруевичъ. 4/IV.

Вѣрно: За Начальника Морского Генеральнаго Штаба В. Альтфатеръ.

Докладъ морского генеральнаго штаба
2 апрѣля 1918 года. № 33/м. Высшему военному совѣту.

Постановленіемъ Высшаго Военнаго Совѣта от 25 марта сего года предусмотрѣн немедленный приступ к организаціи базы для Черноморскаго флота в Новороссійскѣ, подготовка судов флота к переходу и перевозу из Севастополя в Новороссійск, а равно незамедлительная эвакуація в послѣдній запасов и имущества флота. Во исполненіе этого постановленія Коллегія Морского Комиссаріата преподала Центрофлоту соотвѣтствующую директиву. С своей стороны Центрофлот донес, что незамедлительно приступят к исполненію преподанных ему директивой указаній, но вмѣстѣ с ним просит Коллегію Морского Комиссаріата сообщить слѣдующія данныя политическаго характера, имѣющія, несомнѣнно, прямое отношеніе къ самой эвакуаціи:

1) Входитъ ли Севастополь, находящійся на Крымскомъ полуостровѣ, въ составъ Украины или нѣтъ и если нѣтъ, то не представляется ли правильнымъ путемъ дополнительныхъ переговоровъ съ Германіей и Австро-Венгріей добиться признанія со стороны этихъ государствъ, что Севастополь не входитъ въ составъ Украины и что, поэтому, возможно не производить эвакуаціи флота въ Новороссійскъ, что, конечно, требуетъ значительныхъ расходовъ казны.

2) Можетъ ли эвакуація флота изъ Севастополя въ Новороссійскъ быть расцѣнена Германіей и Австро-Венгріей, какъ актъ, нарушающій со стороны Россіи условія Брестскаго мирнаго договора, а потому, не вызоветъ ли самый фактъ эвакуаціи какихъ либо дѣйствій со стороны этихъ государствъ, кои поведутъ къ тому, что эвакуація будетъ протекать не въ условіяхъ мирнаго плаванія.

Независимо отъ сего, 30-го марта Коллегія Морского Комиссаріата получила отъ Комиссаріата Иностранныхъ дѣлъ копію радіотелеграммы германскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, являющейся отвѣтомъ на нашъ телеграфный запросъ отъ 26-го марта с. г., согласно которой выходитъ, что германское правительство признало въ своемъ заявленіи Центральной Украинской Радѣ, что Крымъ, а значитъ Севастополь, не входитъ въ составъ Украины, почему, казалось бы, возможность захвата Севастополя съ суши германцами отпадаетъ.

Однако, указанный отвѣтъ германскаго правительства возбуждаетъ два основныхъ вопроса: 1) признаетъ ли германское правительство, что Крымъ, а значитъ и Севастополь, входитъ въ составъ Россійской республики, или только оно признаетъ, что Крымъ, а значитъ и Севастополь, не входятъ въ составъ Украинской республики и 2) признаетъ ли Австро-Венгрія тѣ же положенія относительно Крыма, кои выражены германскимъ правительствомъ въ помянутой выше радіотелеграммѣ.

Опредѣленное разрѣшеніе этихъ вопросовъ имѣетъ слишкомъ большое значеніе для Черноморскаго флота, ибо, если центральныя державы считаютъ опредѣленно, что Крымъ и Севастополь входятъ въ составъ Россійской Республики, то, казалось бы, при условіи соблюденія обѣими сторонами Брестскаго мирнаго договора, эвакуаціи флота въ Новороссійскъ можно и не производить, а значитъ и не тратить на эту операцію значительныхъ денежныхъ средствъ.

Съ другой стороны, если такого опредѣленнаго рѣшенія выяснено быть не можетъ, или если, несмотря на заявленіе германскаго правительства о признаніи Крыма и Севастополя не входящими въ составъ Украины, все же можно предполагать возможность захвата Севастополя съ суши, то не представляется ли правильнымъ вступить съ правительствами центральныхъ державъ въ соотвѣтствующіе переговоры.

Изложенныя соображенія и сомнѣнія, не могущія быть разрѣшены Коллегіей Морского Комиссаріата, заставляютъ послѣднюю представить настоящее дѣло на разсмотрѣніе Высшаго Военнаго Совѣта, прося соотвѣтствующихъ указаній, а равно и выясненія — въ какой мѣрѣ и при какихъ условіяхъ признано бы было возможнымъ переводъ Черноморскаго флота и эвакуацію его запасовъ и имущества изъ Севастополя въ Новороссійскъ не производить.

Начальникъ Морск. Генеральн. Штаба Ев. Беренсъ
и Коллегія Морск. Комиссаріата Вахрамѣевъ и Раскольниковъ.

Резолюція Высшаго Военнаго Совѣта. 4 апрѣля 1918 года.

Высшій Военный Совѣтъ постановилъ: 1) Согласно Брестъ-Литовскаго мирнаго договора съ одной стороны и 4-го универсала Украинской Рады съ другой стороны Крымскій полуостровъ, а значитъ Севастополь, составляютъ часть Россійской республики, а слѣдовательно и флотъ Чернаго моря является неприкосновеннымъ для Германіи, Австро-Венгріи, Турціи и Украины. 2) Принимая во вниманіе, что опытъ показалъ, съ какой легкостью нарушаются нормы международнаго права и собственныя обязательства, переносъ базы въ Новороссійскъ продолжать. 3) Войти въ переговоры съ Комиссаріатомъ по Иностраннымъ Дѣламъ для подробнаго выясненія политической стороны затронутыхъ вопросовъ.

Предсѣдатель Высшаго Военнаго Совѣта Л. Троцкій.
Военный руководитель Бончъ-Бруевичъ.
За Начальника Морского Генеральнаго Штаба В. Альтфатеръ.

Доклад Морского Генеральнаго Штаба Совѣту Народных Комиссаров от 5 апрѣля 1918 г. за № 54/м.

Въ Николаевѣ, захваченном австро-германцами на расположенных там судостроительных заводах остались строющіяся для Черноморскаго флота суда, а именно: лин. кор. «Демократія», 4 крейсера типа «Нахимов»; 4 эскадренных миноносца, 2 подводныя лодки, нефтеналивной транспорт «Баку», плавучій 30.000 тонный док и другія плавучія и портовыя средства. Так как по существу мирнаго договора Черноморскій флот должен разсматриваться, как флот, принадлежащій Россійской Республикѣ, а слѣдовательно и строющіяся суда, зачисленныя в состав этого флота, также являются собственностью Россійской республики, то захват их австро-германцами, по мнѣнію Коллегіи Морского Комиссаріата, является нарушеніем Брестскаго договора со стороны центральных держав. С другой стороны, если даже разсматривать захват Николаева, как акт помощи Германіи Украинской Радѣ по возвращеніи послѣдней города, находящагося на территоріи Украины, то, несомнѣнно, суда Россійской республики должны быть возвращены послѣдней и захвату ни коим образом не подлежат. Ввиду изложеннаго, Коллегія Морского Комиссаріата полагает крайне необходимым, чтобы Комиссаріат по иностранным дѣлам вошел в переговоры с правительствами центральных держав об освобожденіи захваченных в Николаевѣ наших судов. Высшій Военный Совѣт, на разсмотрѣніе коего этот вопрос был предварительно внесен Коллегіей Морского Комиссаріата, сдѣлал слѣдующее постановленіе: «Высшій Военный Совѣт находит необходимым представить этот вопрос Совѣту Народных Комиссаров, с просьбой поддержать ходатайство М. Г. Шт. Во исполненіе этого постановленія, Коллегія Морского Комиссаріата настоящее дѣло представляетъ на уваженіе Совѣта Народных Комиссаров».

Подписали: Коллегія Морского Комиссаріата: Вахрамѣев Раскольников и за Начальника Морского Генеральнаго Штаба Альтфатер.

Вѣрно: За Нач. Мор. Ген. Штаба В. Альтфатер.

Резолюція Совѣта Народных Комиссаров на докладѣ Морского Генеральнаго Штаба от 5 апрѣля 1918 г. за № 54/м.

«Совѣт Народных Комиссаров изъявил согласіе и поручил Комиссаріату по иностранным дѣлам войти в переговоры».

Письмо Коллегіи Народнаго Комиссаріата по морским дѣлам Комиссару по иностранным дѣлам Чичерину от 6 апрѣля 1918 г. за № 63/м.

Нѣкоторая неясность в ст. 5 Брестскаго мирнаго договора касательно вопросов, относящихся к нашему военному флоту, а равно послѣднія событія в Финляндіи побуждают Коллегію Морского Комиссаріата, с одобренія Высшаго Военнаго Совѣта, просить Комиссаріат Иностранных дѣл сообщить опредѣленные отвѣты на слѣдующіе вопросы и дать соотвѣтствующія разъясненія:

1) Могут ли наши военныя суда плавать между своими портами, выходя в состояніи полной готовности.

2) Могут ли наши военныя суда производить практическое плаваніе и обученіе у своих берегов.

3) Когда и в каких случаях наши суда (в частности Черноморскій флот) обязаны начать враждебныя дѣйствія против вооруженных сил центральных держав.

4) Если наш флот получит точныя свѣдѣнія, что центральныя державы готовят в своих портах и базах экспедицію против нас, и для принятія соотвѣтственнаго рѣшенія командованіе флотом не будет имѣть времени, чтобы запросить указаній пра-

вительства, то может ли наш флот предупредить нападеніе в открытом морѣ или же может сдѣлать лишь в предѣлах своих территоріальных вод.

5) В теченіе какого срока возможно производить эвакуацію имущества и запасов нашего флота из Батума.

6) Считают ли правительства центральных держав и Украинской Рады Севастополь входящим в состав Крыма, как составной части Россійской Республики.

7) Раздѣлают ли мнѣніе германскаго правительства относительно границ Украины, выраженное в радіотелеграммѣ германскаго министерства иностранных дѣл, и другія правительства центральных держав.

Необходимость срочнаго полученія отзывов по этим вопросам, разсматривая их в обще-государственном масштабѣ, а равно и на основаніи Брестскаго мирнаго договора, дабы, исходя из них, можно было бы Коллегіи Морского Комиссаріата преподать соотвѣтствующія руководящія директивы флота. С своей стороны, Коллегія Морского Комиссаріата полагает, что плаваніе наших судов у своих берегов, а равно и практическое обученіе ни коим образом не может быть запрещено, хотя редакція ст. 5-ой Брестскаго мирнаго договора в этом отношеніи позволяет различныя толкованія. Сообщая вышеизложенное, Коллегія Морского Комиссаріата просит не отказать в возможно скорѣйшем отвѣтѣ на затронутые вопросы.

Прошу принять увѣренія в совершенном уваженіи.
Подписал: За Народнаго Комиссара Раскольников.
Вѣрно: За Начальника Морского Генерального Штаба Альтфатер.

Телеграмма Шульгѣ и Левговду в Москву. 12 апрѣля 1918 г.

Телеграмму об арестѣ Спиро получили. Вам необходимо довести до конца порученіе, добившись ясныхъ отвѣтов на всѣ данные и возникшіе у вас вопросы. Новых готовых вопросов нѣт. Сообщаем обстановку дня. Избран новый совѣт. Большинство — безпартійные и правые с.-р. Новый и старый совѣты борются за власть. Новый совѣт поддерживается рабочими, старый — матросами. Возбужденіе масс большое. В городѣ забастовка. Подготовка к эвакуаціи под давленіем рабочих пріостановлена. Делегатское собраніе матросов постановило подготовку продолжать. Военная обстановка. 11 апр. у Таркинкута пароход обстрѣлян миноносцем и уведен по направленію Одессы. У Фіаленто обнаружена подлодка. Здѣсь деньги нужны в количествѣ до 200 милліонов. Сколько сможете привезите. В настоящее время уже наступил денежный кризис. Состояніе путей на Севастополь мы не знаем. Мухин поѣхал на Москву через Ростов. Придется и Вам, слѣдовательно, ѣхать кружным путем. Не можете ли сообщить хоть какіе либо отвѣты, полученные от Наркома. От вашей миссіи ждем полных и рѣшительных результатов, ибо обстановка с появленіем непріятельской подводной лодки, с уводом парохода, с отсутствіем подачи нефти, так как с Кавказом не удается сговориться, политической жизнью и положеніем в городѣ еще болѣе усложняется, и вопросы, данные Вам, стали еще болѣе важными и экстренными.

Подписал: Предсѣдатель Центрофлота К. Кнорус.

Общія указанія от Морского Генеральнаго Штаба Центральному Исполнительному Комитету Черноморскаго флота и Саблину, коими надлежит руководствоваться при наймѣ личнаго состава во флот. 16 апрѣля 1918 года. № 98/м.

«Во измѣненіе приказа по флоту и Морскому Вѣдомству и впредь, до установленія общих правил найма личнаго состава в военный флот Россійской Республики, Коллегія Морского Комиссаріата предоставляет право широкой иниціативы в этом

дѣлѣ Центральному Исполнительному Комитету Черноморскаго флота совмѣстно с Начальником Морских сил Чернаго моря, руководствуясь при этом слѣдующими общими указаніями:

1) Надлежит нанимать лиц, обладающих соотвѣтствующими нравственными качествами, подтверждаемыми общественными организаціями, профессіональными союзами или рекомендаціей извѣстных лиц.

2) Надлежит по возможности нанимать лиц, обладающих спеціальными знаніями, из числа спеціальностей, состоящих во флотѣ, при чем желательно установленіе повѣрки этих знаній пред пріемом этого лица.

3) Наем простых матросов (не спеціалистов) или тѣм болѣе лиц, не обладающих никакими нужными для флота спеціальными знаніями, надлежит по возможности ограничить.

4) Договор с нанимаемым лицом надлежит заключать на срок не менѣе 6-ти мѣсяцев.

5) В самом договорѣ, текст коего представляется в видѣ временной мѣры, выработать по своему усмотрѣнію, необходимо однако точно указать не только права лица на службѣ, но также и его обязанности и отвѣтственность за неисполненіе послѣдних.

Выработанныя правила найма и договора имѣют быть представленными в Коллегію Морского Комиссаріата.

За Начальника Морского Генеральнаго Штаба Альтфатер.
Коллегія Морского Комиссаріата: Раскольниковъ, Вахрамѣев.

Примѣчаніе: В ближайшее время особой комиссіи будет поручено детально разработать условія прохожденія службы во флотѣ, руководствуясь настоящим предписаніем.

[XXXVII]

[КОПІЯ ТЕЛЕГРАММЫ РАСКОЛЬНИКОВА]

Новороссійскъ Наморси Главкому Глѣбову.

Сообщите обстоятельно обстановку у Новороссійска, а также что происходитъ у Керчи и Ростова. Наблюдается ли продвиженіе нѣмцевъ. 29/V. № 288.

За Наркома Раскольниковъ.

[XXXVIII]

Не подлежитъ оглашенію.

СВОДКА

СВѢДѢНІЙ ВОЕННЫХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ШТАБА НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХЪ СИЛЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Рейдъ Новороссійскій, мая 30 дня 1918 г. № 6.

Приказъ народнаго Комиссаріата по Военнымъ дѣламъ.
(«Приморскій Край» отъ 29 мая 1918 г.)

Во избѣжаніе оглашенія такихъ свѣдѣній, распространеніе коихъ можетъ нанести вредъ военнымъ интересамъ государства, всѣмъ штабамъ, управленіямъ, учрежденіямъ и подлежащимъ должностнымъ лицамъ военнаго вѣдомства принять самыя дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы всѣ распоряженія и всякаго рода сношенія, содержащія данныя секретнаго характера, становились извѣстными только

ограниченному числу лицъ, непосредственно отвѣтственныхъ за исполненіе указанныхъ распоряженій и обязанныхъ быть освѣдомленными о нихъ въ объемѣ соотвѣтствующемъ занимаемому этими лицами служебному положенію. Народный Комиссаріатъ по военнымъ дѣламъ Л. Троцкій, К. Мехоношинъ, Н. Подвойскій и Э. Склянскій.

Берлинъ. Россійскому Полномочному Представителю Іоффе.
29 мая 1918 г. № 256.

Графъ Мирбахъ сообщилъ намъ отвѣтную ноту барона Кюльмана на Вашу ноту о возвращеніи Черноморскаго флота въ Севастополь. Отъ васъ мы этой отвѣтной ноты не получали. Какъ мы уже указывали Ваше предложеніе не совпадаетъ съ принятымъ правительствомъ рѣшеніемъ. Русское Правительство поставило условіемъ возвращенія флота въ Севастополь между прочимъ, то, что Севастополь не остается въ предѣлахъ оккупаціи Германіи или ея союзниковъ. Нота барона Кюльмана есть для насъ новое предложеніе, которое мы будемъ обсуждать. Могу сейчасъ указать три пункта, навѣрно выдѣляемыхъ Русскимъ Правительствомъ: 1) Батайскъ есть важнѣйшій стратегическій пунктъ, отдать его значило бы отдать Сѣверный Кавказъ и послѣднюю продовольственную артерію. Это совершенно непріемлемо. 2) Въ нотѣ Кюльмана нѣтъ опредѣленнаго обязательства, что Германія не будетъ пользоваться нашими судами для какихъ либо цѣлей до возвращенія ихъ на . . . 3) Когда мы говорили о соглашеніи на всѣхъ фронтахъ, мы имѣли въ виду и Турецкій фронтъ, гдѣ Закавказское Правительство нами не признано и фактически значительная часть территоріи всецѣло поддерживаетъ нашу власть. Тамъ турецкія войска движутся по направленію къ Баку. Соглашеніе на всѣхъ фронтахъ невозможно безъ соглашенія на этомъ. Возможно скоро сообщу Вамъ дальнѣйшее.

Чичеринъ.

Берлинъ. Россійскому Полномочному Представителю Іоффе.
(Царицынская газета «Борьба» отъ 25 мая 1918 г.)

Ваша радіо непонятна, повторяющая неточное обозрѣніе о Черноморскомъ флотѣ. Наше предложеніе таково: разоруженіе его въ Новороссійскѣ и общая гарантія, что не будетъ нападенія нѣмцевъ и ихъ союзниковъ. Только въ крайнемъ случаѣ мы согласны на его возвращеніе въ Севастополь подъ слѣдующими условіями 1) повсемѣстное замѣненіе соглашенія на сѣверѣ и югѣ, 2) чтобы при такомъ соглашеніи Севастополь не былъ въ рукахъ германцевъ или ихъ союзниковъ – это непремѣнное условіе. Наркомъ по иностранн. д. Чичеринъ.

Берлинъ. Россійскому Полномочному Представителю Іоффе.
29 мая 1918 года. № 261.

Въ связи съ переговорами о Черноморскомъ флотѣ особенно подчеркиваю, что необходимо соглашеніе на всѣхъ фронтахъ, включая и Турецкій фронтъ, гдѣ необходимо пріостановить дальнѣйшее продвиженіе турокъ. Чичеринъ.

Новороссійскъ. Екатеринодаръ. Изъ Темрюка.
29 мая, 8 час. 20 мин.

Темрюкъ гибнетъ отъ нашествія казаковъ, но боремся, стоимъ, ожидаемъ помощи, какъ Бога. Отвѣчайте. Высылайте подкрѣпленіе.

Командующій совѣтскими войсками Романенко.

Тоже, 8 час. 30 минутъ.

Прошу сообщить точно о положенiи Новороссiйска. Что предпринимаетъ флотъ. Положенiе Таманскаго полуострова крайне серiозно. Темрюкъ казаки обошли кругомъ. Прошу сдѣлать демонстрацiю обстрѣла прилегающихъ къ Черноморскому побережью [станицъ], чѣмъ можно отвлечь силы, наступающiя на Темрюкъ.

Романенко.

Тоже, 8 час. 35 минутъ. № 75.

Прошу сдѣлать немедленно распоряженнiе въ Ейскъ о высылкѣ какого либо военнаго судна для обстрѣла станицъ въ помощь г. Темрюку. Положенiе серiозное.

Романенко.

Новороссiйскъ изъ Темрюка. Командующему Ч. Ф. Саблину.
29 мая, 8 час. 40 мин.

Прошу немедленно приступить къ обстрѣлу станицъ Вышестебмовской, Старотитаровской, Госточаевской и Таманской. Романенко.

Примѣчанiе отъ Штаба Нач. М. Силъ.

Если бы даже и было разрѣшенiе отъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ флоту выходить изъ гавани, требованiе Романенко невыполнимо, т. к. станицы расположены отъ мелкаго берега въ разстоянiи: первая 14-ти, вторая 19, третья 18-ти и четвертая 11-ти верстъ.

Новороссiйскъ. Командующему Черн. фл. 29 мая. № 25, 9 ч. 15 м.

Прошу сообщить, что вы предпринимаете для ликвидацiи возставшаго казачества. Будутъ ли обстрѣливаться станицы Черноморскаго побережья. Срочно прошу отвѣтить. [Романенко].

Темрюкъ. Команд. Совѣт. войсками Романенко.
30 мая 1918 г. № 730.

По этимъ вопросамъ обращайтесь къ Главкому флота Авилову-Глѣбову. Обстрѣливать судами станицы, находящiяся отъ берега на разстоянiи 15–20 верстъ, технически невыполнимо. Командующiй флотомъ Саблинъ.

Темрюкъ. Ком. Сов. В. Романенко. 29 мая 18 г. № 16.

Высланы 1 полкъ кавалерiи, 1 полкъ пѣхоты и 1 батарея. Отрядъ Рогачева уже выступилъ изъ Славянской. Члены военнаго комиссарiата Гайченко и Озеровъ.

По телефону. Начальнику Морскихъ Силъ.
30 мая 1918 г. въ 2 ч. 30 мин.

На станцiи Тоннельная готовится выступленiе казаковъ. Около 200 человѣкъ нашихъ рабочихъ просятъ помощи.

2 час. 45 мин. У казаковъ 1 рота подъ командой Павленко и 3 станицы. Сегодня ночью выѣзжаютъ изъ Новороссійска 200 хорошо вооруженныхъ рабочихъ. Утромъ выходитъ броневикъ. Утромъ изъ Екатеринодара выступитъ пѣхота. Находящіеся на ст. «Тоннельная» наши рабочіе вооружены плохо. Дежурный по Штабу Нач. М. Силъ.

Отъ Штаба Начальника Морскихъ Силъ.

29 мая у Помощника Главнаго Комиссара Черноморскаго флота Баранова состоялось частное совѣщаніе предсѣдателей судовыхъ комитетовъ. Обсуждался вопросъ о возможности формированія и посылки на ст. «Крымская» сухопутныхъ морскихъ отрядовъ для защиты отъ возможнаго нападенія казаковъ. Собраніе высказалось противъ такихъ формированій, т. к. флотъ сейчасъ переживаетъ кризисъ, возможенъ уходъ со службы части команды и формированіе сухопутныхъ частей при данныхъ условіяхъ лишило бы суда необходимаго количества спеціалистовъ и разстроило въ конецъ едва налаживающуюся службу.

«Траянъ», «Свободная Россія», Минная Бригада.

Въ 10 часовъ 31 мая поставить часовую стрѣлку на часъ впередъ. Точное время будетъ дано завтра въ 12 час. дня. Флагманскій Штурманъ.

Р. Левговдъ.

[XXXIX]

[КОПІЯ ТЕЛЕГРАММЫ ТРОЦКАГО]

Новороссійскъ Саблину.

Въ Новороссійскъ выѣхалъ черезъ Царицынъ, Тихорѣцкую членъ Морской Коллегіи Вахрамѣевъ съ особыми чрезвычайно важными порученіями ему. Вамъ надлежитъ немедленно выѣхать Москву для доклада, но ‹если› съ Вахрамѣевымъ ‹, чтобы Вамъ› встрѣтиться и переговорить въ пути. Сегодня 31 мая Вахрамѣевъ со своимъ поѣздомъ находится вѣроятно у Царицына.

Наркомъ Троцкій. 31/V. № 316.

[XL]

Не подлежитъ оглашенію.

СВОДКА

ВОЕННЫХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ ШТАБА НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХЪ СИЛЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Рейдъ Новороссійскій, іюня 1 дня 1918 г. № 7.

Изъ Екатеринодара. Москва. Кремль. Наркомамъ Ленину и Троцкому.

29 мая. № 1147.

Задержанъ третьимъ чрезвычайнымъ съѣздомъ Совѣтовъ. Сдѣлавъ докладъ выѣзжаю немедленно въ интересахъ дѣла прошу разрѣшить выѣхать вмѣстѣ со мною моему политическому комиссару отъ Центральнаго Исполнительнаго Комитета Гуменному.

Автономовъ.

Резолюція, принятая третьимъ Чрезвычайнымъ Съѣздомъ Совѣтовъ Кубанско-Черноморской Совѣтской Республики по текущему моменту и оборонѣ края, 29 мая 1918 г.

Чрезвычайный Съѣздъ представителей Совѣтовъ и Войсковыхъ частей въ Кубанско-Черноморской Республикѣ въ вопросахъ войны и мира признаетъ единственно правильной политику Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Россійской Соціалистической Совѣтской Республики.

Чрезвычайный Съѣздъ констатируетъ, что Кубанско-Черноморская Республика находится въ исключительныхъ условіяхъ борьбы съ контръ-революціей и поэтому должна напрячь всѣ свои силы для подавленія возставшихъ бандъ и предотвращенія вмѣшательства нѣмецкихъ и турецкихъ бѣлогвардейцевъ въ нашу внутреннюю жизнь.

Отсутствіе хорошо организованной дисциплинированной арміи, недостаточная налаженность снабженія боевыми запасами, болѣзненная деморализація отдѣльныхъ отрядовъ, а также еще недостаточное закрѣпленіе власти на мѣстахъ ставитъ очередной задачей совѣтской власти безотлагательно принять всѣ мѣры для устраненія вышеозначенныхъ недостатковъ.

Съѣздъ постановляетъ немедленно начать и усилить подготовку централизованной хорошо вооруженной и дисциплинированной красной арміи, вмѣняетъ въ обязанность каждому солдату и каждому командиру Совѣтской арміи стать сознательно на защиту Совѣтской Республики. Всякое разложеніе и упадокъ дисциплины будетъ разсматриваться какъ наше общее пораженіе, виновники котораго мы будемъ сами.

Съѣздъ полагаетъ, что необходимо прежде всего и главнымъ образомъ сохранить устойчивость и положеніе власти въ Центрѣ и, зная, что тамъ на сѣверѣ положеніе совѣтской власти можетъ пошатнуться только благодаря отсутствію хлѣба, постановляетъ принять всѣ мѣры для оказанія нашей помощи товарищамъ на сѣверѣ усиленной доставкой хлѣба.

Съ другой стороны не возможна побѣда надъ контръ-революціей здѣсь и укрѣпленіе власти Кубанско-Черноморской Республики безъ усиленной поддержки сѣвера и Центральной власти финансами, оружіемъ, обмундированіемъ и планомѣрнымъ снабженіемъ Кубанско-Черноморской Совѣтской Республики необходимыми предметами производства сѣвера.

Съѣздъ выражаетъ увѣренность, что плодородная Кубань снабдитъ сѣверъ по возможности достаточнымъ количествомъ хлѣба, а Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ и трудовыя коммуны сѣвера сдѣлаютъ все, что могутъ для помощи своимъ южнымъ товарищамъ, и такимъ образомъ Россійская Совѣтская Федеративная Республика окажется побѣдительницей въ этой тяжелой борьбѣ съ врагами соціализма.

Предсѣдатель 3-го Чрезвычайнаго съѣзда Совѣтовъ Кубанско-Черноморской Совѣтской Республики Рубинъ и Секретарь Онипко.

Берлинъ. Господину Германскому Дипломатическому представителю, императорскому посланнику Графу Мирбаху.

Нѣмецкое командованіе заявило, что считаетъ кормовые красные флаги никѣмъ непризнанными. Между тѣмъ нами было оффиціально заявлено Германскому правительству, что нашимъ флагомъ является красный флагъ съ надписью «Р. С. Ф. С. Р.» Народный Комиссаріатъ по иностраннымъ дѣламъ будетъ глубоко благодаренъ германскому дипломатическому представительству за разъясненіе этого недоразумѣнія и устраненіе всѣхъ вытекающихъ изъ этого тяжелыхъ послѣдствій.

Чичеринъ.

Изъ Москвы. 19 мая. Приговоръ Революцiоннаго Трибунала по дѣлу бывшаго Народнаго Комиссара по Морскимъ дѣламъ Дыбенко.

«Признать обвиненiя, предъявленныя къ гражданину Дыбенко недоказательными и считать его по суду оправданнымъ.»

Новороссiйскъ. Главному Комиссару, копiя Саблину. 30/V. № 301.
26-го въ Москвѣ былъ арестованъ Наморъ Балтфлота Щастный за преступленiе по должности и контръ-революцiонныя дѣйствiя для преданiя суду.

За Наркома Раскольниковъ.

Новороссiйскъ Главкому, копiя Центрофлоту. 30 мая 1918 г. № 300.
27-го въ четыре часа дня членъ коллегiи Вахрамѣевъ выѣхалъ въ Новороссiйскъ.

Раскольниковъ.

Выписка изъ протокола делегатскаго собранiя «И. Траянъ», 31 мая 1918 года. Предсѣдатель Тихменевъ (Ком-ръ л. к. «Воля»), Тов. предсѣдателя Гроза (Предсѣдатель суд. ком. лин. к. «Воля») и Секретарь Гутанъ (Ком-ръ эск. м. «Поспѣшный»). . . . Ознакомившись съ результатами всеобщаго голосованiя по вопросу о продленiи срока договора, обсудивъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и выслушавъ оффицiальное заявленiе Главнаго Комиссара Черноморскаго флота о томъ, что будущее военныхъ моряковъ въ случаѣ ликвидацiи флота обезпечивается Государствомъ наравнѣ съ рабочими заводовъ, делегатское собранiе постановляетъ: призвать къ революцiонному долгу всѣхъ воинскихъ моряковъ и напомнить имъ, что покидая флотъ въ такое трудное время, они являются пособниками германо-украинскихъ контръ-революцiонныхъ бандъ и тѣмъ самымъ губятъ собственную свободу и свое благополучiе, а потому всѣ военные моряки должны оставаться на своихъ мѣстахъ до выясненiя положенiя флота, которое должно опредѣлиться въ ближайшее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманiе, что многiе лучшiе работники во флотѣ желаютъ уѣхать только потому, что приходится работать за другихъ, делегатское собранiе предлагаетъ судовымъ комитетамъ принять самыя рѣшительныя мѣры для поднятiя работоспособности личнаго состава. Кромѣ того, делегатское собранiе образовало изъ своей среды комиссiю, которая обсудитъ условiя дальнѣйшей службы военныхъ моряковъ по вопросамъ: 1) объ окладахъ содержанiя, 2) о пенсiи на случай увѣчья, 3) о пенсiи роднымъ на случай гибели, 4) пенсiи или вознагражденiи за долговременную службу, 5) о вознагражденiи при увольненiи, 6) объ обезпеченiи служащихъ флота при его ликвидацiи.

Результаты работы комиссiи должны быть объявлены въ ближайшее время.

Делегатское собранiе избираетъ комиссiю изъ пяти человѣкъ съ правомъ кооптацiи нужныхъ лицъ и пяти кандидатовъ. Большинствомъ голосовъ избираются военные моряки, Цвѣтковъ, Алексѣевъ, Рыбалка, Зеленскiй и Кухель. Въ кандидаты Медвѣдевъ, Золотаревъ, Григоръ, Дмистриченко и Барцевичъ. . . . Комплектованiе корабля лежитъ всецѣло на кораблѣ, для каковой цѣли составляется на каждомъ кораблѣ комиссiя, въ составъ которой входятъ: Командиръ, Предсѣдатель Судового Комитета, старшiй спецiалистъ той спецiальности, на которую нанимаются, и врачъ. Не могутъ приниматься лица иностраннаго подданства и лица моложе 18 лѣтъ. Судовой комиссiи по прiему надлежитъ принимать преимущественно бывшихъ моряковъ военнаго флота, дѣлая исключенiя въ случаяхъ недохвата для моряковъ торговаго флота и лицъ соотвѣтствующихъ спецiальностей не моряковъ. Отвѣтственность за комплектованiе корабля лицами, несоотвѣтствующими данной вакансiи, лежитъ исключительно на судовой комиссiи. Комиссiя же по прiему во флотъ при Штабѣ Командующаго флотомъ служитъ регистрацiоннымъ и освѣдомительнымъ бюро по укомплектованiю судовъ флота и служитъ контролемъ документовъ поступающихъ во флотъ лицъ.

Р. Левговдъ.

[XLI]

СВОДКА

ВОЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СВѢДѢНІЙ ШТАБА НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХ СИЛ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Рейд Новороссійск, іюня 4 дня 1918 года. № 8.

Протокол делегатскаго собранія военных моряков 4 іюня 1918 года на вспомог. крейсерѣ «Имп. Траян».

Предсѣдатель собранія Заленскій (Свободная Россія),
Товарищ предсѣдателя Гутан (Поспѣшный),
Секретарь Сосюкалов.

Рѣчь Командующаго флотом.

Я собрал настоящее делегатское собраніе для того, чтобы поговорить с Вами о моем отъѣздѣ в Москву.

Нѣсколько дней тому назад я получил от Совѣта Народных Комиссаров предписаніе выѣхать в Москву. Этот вызов явился слѣдствіем того, что я, вскорѣ по приходѣ в Новороссійск, начал писать Совѣту Народных Комиссаров, что мнѣ необходимо самому выѣхать в Москву, чтобы там подробно освѣтить положеніе Черноморскаго флота и постараться лично приложить всѣ усилія для снабженія с сѣвера флота всѣм тѣм, без чего не можем существовать. Кромѣ того, здоровье мое за послѣднее время до того расшаталось, что я чувствую необходимость хоть немного отдохнуть, и думаю, что поѣздка и новая обстановка мнѣ помогут. Я ѣду с тѣм, чтобы вернуться и продолжать службу с вами, как только мнѣ удастся добиться всего того, что нам так необходимо. Я не теряю надежды, что мнѣ удастся это сдѣлать и добиться результата. Прошу передать командам, что я благодарю их за службу. Переходом в Новороссійск флот наш написал свѣтлую страницу исторіи. Я прошу флот довести начатое дѣло до конца. Для этого надо с величайшей серіозностью относиться к своему долгу и службѣ. Я передаю командованіе всѣм вам извѣстному и уважаемому Александру Ивановичу Тихменеву. Наши взгляды на службу и флот совершенно одинаковы. Много и много мы плавали с ним на миноносцах в то время, когда нѣмцы боялись выходить из своих портов. Простите, Александр Иванович, меня, если я чѣм нибудь Вас обидѣл. Я не сомнѣваюсь, что вы с честью для флота и себя справитесь с возложенной на вас задачей. Я надѣюсь, что обстановка для флота в будущем измѣнится к лучшему. Я, закончив свои дѣла в Москвѣ, вернусь, если только это будет возможно. Я уѣзжаю, но сердце мое остается с флотом и вами. Поддерживайте его до послѣдней возможности и защищайте до послѣдней минуты.

Рѣчь Главнаго Комиссара Черноморскаго флота.

Временный уход Командующаго флотом связан с необходимостью разрѣшить ряд задач и выяснить полностью всю обстановку в Центрѣ. Ѣдет он по собственной иниціативѣ, как и заявил только что об этом. Сейчас разрѣшается участь Черноморскаго флота. Быть может, не доѣдет Саблин до Москвы, как вопрос о дальнѣйшем существованіи флота рѣшится окончательно. За послѣднее время Германское Командованіе говорит с нами все болѣе и болѣе наглым тоном и не желает входить ни в какія разсужденія. Я тоже считаю, что поѣздка Командующаго флотом для выясненія всего этого необходима. Я и Вахрамѣев присоединяемся к тому, чтобы командованіе флотом было передано Тихменеву, ибо мы, в полном согласіи с политикой Нашего Правительства, считаем, что на таких мѣстах должны находиться спеціалисты, так как нѣмцы, главным образом, сильны техникой. На запрос делегатскаго собранія о цѣляхъ пріѣзда Вахрамѣева могу сообщить, что он пріѣхал для

того, чтобы здѣсь на мѣстѣ детально ознакомиться с положеніем флота и выяснить, чѣм может помочь ему Наше Правительство.

Послѣ заслушанія доклада флагманскаго Интенданта постановлено избрать Комиссію из трех членов (по 1 от «Воли», «Свободной Россіи» и Минной Бригады) для совмѣстной работы с фл. Интендантом по заключенію контрактов с поставщиками мяса. Избраны: от «Воли» – Крамаренко, от «Свободной Россіи» – Василенко и от Минной Бригады – Олейников.

Перед закрытіем засѣданія делегатское собраніе поручает президіуму передать Командующему флотом, что флот не забудет той работы, которую он выполнил. Флот разстается, хоть и временно, с глубоким сожалѣніем со своим Командующим, желает ему полнаго успѣха во всем и надѣется, что он, благополучно окончив дѣла, вернется скоро и снова вступит в Командованіе флотом.

Р. Левговд.*

---

* Среди бумагъ имѣются еще слѣдующіе документы, которые командующій флотомъ долженъ былъ взять для доклада въ Москву.

[а]

Выписка изъ протокола № 1 комиссіи, избранной делегатским собраніем.
31 мая 1918 года.

Комиссія проситъ Командующаго флотомъ извѣстить Центральную Власть, что комиссія разсматриваетъ нижеслѣдующіе вопросы, сообразно тѣхъ жизненныхъ условій, которыя создались на мѣстѣ пребыванія Черноморскаго флота:

1) Объ окладахъ содержанія, 2) о пенсіи на случай увѣчья, 3) о пенсіи или вознагражденіи за долговременную службу, 4) о вознагражденіи при увольненіи, 5) объ обезпеченіи служащихъ флота при его ликвидаціи, а также просить Центральную Власть въ срочномъ порядкѣ по телеграфу или если есть гарантія въ скоромъ полученіи то письменно, сообщить матеріалы по затронутымъ вопросамъ, если таковые имѣются, а также каковы гарантіи по тѣмъ же вопросамъ.
Вх. № 328. 5/VI. 18. Штаморси.

Члены: Заленскій
Военн. морякъ В. Алексѣевъ
Мат. (подпись неразборчива)

Предсѣдатель М. Цвѣтковъ
Секретарь Кулдеевъ.

Новороссійскій рейдъ
4 іюня 1918 года.
Представляется Начальнику Морскихъ Силъ Чернаго моря съ просьбою о выясненіи вышеуказанныхъ вопросовъ въ Москвѣ.
Рейдъ Новороссійскій іюня 5 дня 1918 г. № 495.
А. Лебединскій.

[б]

Представляется съ просьбою о выясненіи въ Москвѣ вопроса о всѣхъ контролерахъ въ оставшихся портахъ Чернаго моря Новороссійскѣ и Туапсе.

Приложеніе: отношеніе Контролера временнаго военнаго порта «Туапсе» отъ 31-го мая с/г. № 45.
Рейдъ Нов-скій іюня 5-го дня 1918 г. № 499.
Начальникъ Штаба А. Лебединскій

Начальнику Морскихъ Силъ Чернаго моря.

Г. К.
Контролеръ
временнаго военнаго порта
«Туапсе».
18/31 мая 1918 г.
№ 45.

Командующему Черноморскимъ флотомъ.

Командиръ вр. военнаго Туапсинскаго порта, основываясь на Вашихъ словахъ, сообщилъ мнѣ о расформированіи учрежденій Полевого Контроля, установленныхъ при главнѣйшихъ портахъ Чернаго моря.

Еще того ранѣе мнѣ стало извѣстно, что, по тѣмъ или инымъ причинамъ и, главное, вслѣдствіе занятія непріятелемъ соотвѣтствующихъ мѣстностей, Контроли портовъ Трапезунда, Батума и др. сами вынуждены были ликвидироваться.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ бывшихъ ранѣе портовыхъ Контролеровъ нынѣ остался только я одинъ, да и то, если дѣйствительно портовые Контроли упразднены, мое нахожденіе на мѣстѣ является результатомъ неосвѣдомленности.

Однако, согласно устава о службѣ, я не могу оставить свой постъ, не имѣя къ тому опредѣленныхъ закономъ основаній или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ уважительныхъ причинъ. Поэтому я обращаюсь къ Вамъ съ покорной просьбой освѣтить

[XLII]

СВОДКА Секретно.

ВОЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СВѢДѢНІЙ ШТАБА НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХ СИЛ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Рейдъ Новороссійскій. Іюня 14 дня 1918 г. № 12.

Новороссійск. Наморси Тихменеву. Іюня 12, 18 г.

Прибыл 10-го. Внести по международной обстановкѣ измѣненіе в принятых рѣшеніях не представляется возможным.

Наморси Саблин.

Подписал: М. Поруцкій.
Вѣрно: А. Руднев.

[XLIII]

Секретно. Срочно.

СВОДКА

ВОЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СВѢДѢНІЙ ШТАБА НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХ СИЛ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Рейдъ Новороссійскій, іюня 15 дня 1918 года. № 13.

Шифрованная телеграмма, полученная 14 іюня 1918 г.:

Новороссійск. Наморси Тихменеву.

Прибыл десятаго. Внести по международной обстановкѣ измѣненія в принятых рѣшеніях не представляется возможным. Наморси Саблин.

мнѣ мое положеніе, сообщивъ мнѣ имѣющіяся у Васъ свѣдѣнія о судьбѣ портовыхъ Контролей. Другихъ источниковъ, гдѣ бы я могъ почерпнуть эти свѣдѣнія, у меня нѣтъ.

Очень прошу исполнить мою просьбу въ возможно непродолжительномъ времени, такъ какъ, вслѣдствіе того, что между Одессой (гдѣ находилось мое Главное Управленіе) и Туапсе все время были прерваны почтовыя сношенія, я получилъ жалованье только за декабрь. Въ такомъ же положеніи были контролеры портовъ Батума и Трапезунда, но они были зачислены на денежное довольствіе Командирами портовъ. Мнѣ же было отказано въ этомъ. Естественно, что при теперешней невѣроятной дороговизнѣ жизни мое матеріальное положеніе съ каждымъ часомъ становится все болѣе тягостнымъ, и мнѣ необходимо скорѣйшее разрѣшеніе этого вопроса въ ту или другую сторону, дабы я могъ что-нибудь предпринять.

Контролеръ вр. воен. порта «Туапсе»
Прокоповичъ.

Представить Нач. морск. силъ съ просьбой о выясненіи вопроса о всѣхъ Контролерахъ въ оставшихся портахъ Чернаго моря Новороссійска и Туапсе.

А. Лебединскій. 5/VI. 18.

Среди бумагъ сохранилось еще слѣдующее донесеніе Комиссара Путей Сообщенія по вопросу о предоставленіи вагона для поѣздки Саблина:

Мною было отдано распоряженіе о высылкѣ вагона Саблину. Таковаго не оказалось, т. к. штабъ каждаго отряда имѣетъ у себя вагоны 1-го и 2 класса и ни съ кѣмъ не считается. Самое лучшее, пусть Авиловъ-Глѣбовъ обратится въ Штабъ Главнокомандующаго Кал‹ь›нина, который можетъ оказать воздѣйствіе на начальниковъ отрядовъ. Я же сейчасъ опять срочно запрошу всѣ станціи и отвѣтъ сообщу вамъ. Вагонъ Авилову-Глѣбову мнѣ удалось добыть и онъ сейчасъ въ Новороссійскѣ. Сообщеніе съ Тихорѣцкой и дальше есть для оффиціальныхъ лицъ. Саблинъ можетъ свободно проѣхать.

Комиссаръ Пут. Сообщенія Соркинъ.

Шифрованная радіо, принятая на л. к. «Воля» 14 іюня 1918 г.:

Предсѣдателю Делегатскаго Собранія Миткевичу.

Радіо № 13 подтверждается к немедленному исполненію. По приказанію наркома Ленина. Нарком Троцкій. № 47/м.

Эта радіо была получена в отвѣт на слѣдующую радіо:

Москва. Совѣту Народных Комиссаров. Военному Комиссару Троцкому.

Ваши радіо №№ 13, 14 и 23 получены. Остается ли в силѣ Ваша инструкція, переданная флоту Вахрамѣевым? Прошу немедленнаго подтвержденія вновь.

Предсѣдатель делегатскаго собранія Миткевич.

Товарищ предсѣдателя Алексѣев. Секретарь Зеленскій.

12 іюня 1918 года. № 2.

Радіо № 13 гласит: (получена по проводу 10 іюня).

Новороссійск. Вахрамѣеву. Копія Авилову-Глѣбову.

Совершенно секретно. Германское Правительство заявило Комиссаріату Иностранных Дѣл, что оно ожидает отвѣта по вопросу о возвращеніи наших судов из Новороссійска в теченіе шести дней, т. е. до 14 сего іюня. Это ультимативное заявленіе германцев вновь подсказывает ту необходимость безусловно начать исполненіе возложеннаго на вас порученія, так как всякое промедленіе означало бы передачу флота Германіи. Разъясните страшную отвѣтственность, которую берут на себя сопротивляющіеся. 8 іюня 1918 года. № 13/м. Троцкій. Раскольников.

Радіо, принятая на л. к. «Воля» 14 іюня 1918 года:

Берлин. Россійскому Полномочному Представителю Іоффе.

9 іюня германцы перешли в наступленіе на всем фронтѣ от ст. Валуйки до ст. Шуновка, захватив в нейтральной полосѣ селенія Селиваново, Рождественское и Шахоновое. Наши войска отошли. На 10-ое іюня обнаружилось концентрическое наступленіе на станціи Евстратовку и Коницы. Такое явное нарушеніе договора и демаркаціонной линіи . . . на 10 іюня сопротивленіе наших войск. Мост через рѣку Калитву у станціи Евстратовка нами взорван. Для связи с отходящими частями нами выдвинута конница. В настоящее время наши части в нарушенной нѣмцами нейтральной зонѣ занимают линію Грушевка, Мондрово, Шелякино, Подгорное, Катинка. Попытки эти явно указывают на их стремленіе путем созданія пограничнаго инциндента занять не только установленную германским же командованіем демаркаціонную линію, но и линію, пред'явленную германским правительством, при чем главным объектом являются особенно важные желѣзнодорожные узлы Лиски и Поворино.

Примѣчаніе оперативной части:

Желѣзнодорожные узлы Лиски и Поворино находятся на желѣзнодорожных линіях, соединяющих Царицын с Москвой. С потерей названных станцій прекращается всякое желѣзнодорожное сообщеніе между Москвой и Царицыном, а слѣдовательно и Новороссійском.

Радіо, принятая на л. к. «Воля» 15 іюня 1918 года:

Новороссійск. Наморси Тихменеву. Копія предсѣдателю делегатскаго собранія Миткевичу.

Разъясняем и подтверждаем в послѣдній раз отданное распоряженіе немедленно перевести флот из Новороссійска в Севастополь, гдѣ он должен оставаться до конца войны, как неприкосновенная собственность Россійской республики. Противодѣй-

ствовать прямому приказу совѣтской власти, избранной многими милліонами рабочих и крестьян, могут только безумцы или преступники. 15 іюня есть послѣдній срок. Приказываем Наморси, Главкому и делегатскому собранію принять мѣры к немедленному выполненію приказа.

13 іюня 1918 года. № 48.

Предсѣдатель Центр. Исполн. Ком. Свердлов.
Предсѣдатель Совнаркома Ленин.
Нарком Троцкій.

[XLIV]

СЛОВО

НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХ СИЛ ЧЕРНАГО МОРЯ К ЛИЧНОМУ СОСТАВУ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА.

Рейд Новороссійскій, іюня 15 дня 1918 года.

Сознавая тяжелую отвѣтственность, лежащую на мнѣ в рѣшеніи о судьбѣ Черноморскаго флота в связи с переживаемым моментом, по долгу совѣсти считаю необходимым объявить нижеслѣдующее.

Германское правительство пред'явило Совѣту Народных Комиссаров ультиматум в категорической формѣ, по которому Черноморскій флот должен возвратиться в Севастополь в срок 19 іюня 1918 г., при чем в нотѣ от 23 мая на имя русскаго представителя в Берлинѣ Іоффе и барона Кюльмана говорится, что

I-х – Германское правительство признает право собственности Россійской Республики на суда Черноморскаго флота,

в II-х – Германія не будет пользоваться судами Черноморскаго флота, вернувшимися в Севастополь из Новороссійска,

в III-х – Германія возвращает эти суда Россіи послѣ заключенія всеобщаго мира,

в IV-х – Германскія войска на всем Украинском фронтѣ не будут переступать демаркаціонной линіи, если наши суда вернутся в срок, и

в V-х – Возвращеніе наших судов из Новороссійска в Севастополь есть непремѣнное условіе всяких дальнѣйших соглашеній с Германіей, пріостановленія военных дѣйствій и веденія каких бы то ни было переговоров.

Стратегическая Обстановка.

Суда Черноморскаго флота перешли в Новороссійск в самом спѣшном порядкѣ, под непосредственным давленіем Германской вооруженной силы. При этих условіях они не могли захватить всего необходимаго для них оборудованія и запасов для долговременной стоянки в неприспособленном для этого порту. Новороссійск не предназначался ранѣе быть базой флота и в нем нѣт ни средств защиты, ни снабженія, ни необходимых для дѣйствій флота оборудованій. Израсходовавши скудныя мѣстныя средства и привезенныя с собой, суда окажутся в критическом положеніи. Разсчитывать на защиту Новороссійска с суши не приходится по той причинѣ, что организованных сухопутных частей для веденія войны при современных условіях нѣт, снабженія нѣт.

Необходимых вспомогательных факторов для веденія войны тоже нѣт, а есть полное разстройство желѣзнодорожнаго и воднаго транспортов, катастрофическій недостаток топлива, отсюда – закрытіе цѣлаго ряда фабрик и заводов, работающих

на оборону, голод в сѣверных губ, полное разстройство во всѣх частях государственнаго и общественнаго управленія и кромѣ всего – дѣйствительная угроза со стороны германцев отрѣзать юг от сѣвера, гдѣ главным образом сосредоточены фабрики и заводы, работающіе на флот и армію.

Вот та неприглядная обстановка, в которую попал флот. Вопрос: как из нея выдти?

По моему мнѣнію могут быть двѣ комбинаціи.

1) Немедленное уничтоженіе флота, т. е. – до срока 19 іюня.

2) Возвращеніе судов в Севастополь в срок, т. е. выход из Новороссійска не позже 18 іюня.

Третьей и четвертой комбинаціи быть не должно и не может.

Если же выжидать событій послѣ срока 19 іюня, то, на основаніи предъявленнаго Германіей и принятаго Народными Комиссарами ультиматума, флот берет на себя страшную отвѣтственность в неисполненіи условій ультиматума и навлечет на Россію неисчислимыя бѣдствія. То же произойдет, если флот, хотя бы совмѣстно с Кубанско-Черноморской республикой, станет в состояніе войны с Германіей. Кромѣ того, флот ставит себя в положеніе – «внѣ закона», как по отношенію Россіи, так и Германіи.

Прошу личный состав ввѣреннаго мнѣ флота внимательно отнестись к моим словам и принять совершенно опредѣленное рѣшеніе – 1-ое или 2 – на основаніи тайнаго поименнаго голосованія, путем подачи записок и предоставленія права единоличнаго командованія.

Принятіе других выходов из создавшагося тяжелаго положенія, кромѣ упомянутых – 1 и 2, заставит меня уйти с флота, снявши с себя полномочія Начальника Морских Сил Чернаго моря. Вести флот на авантюру и в конечном результатѣ – на гибель, навлечь на Россію новыя, незаслуженныя бѣдствія за неисполненіе флотом условій ультиматума – я на себя взять не могу, о чем открыто заявляю. Я до сих пор нес свой крест по чести и совѣсти, как понимал, готов нести и дальше, но опять подчеркиваю – только при непремѣнном принятіи 1-го или 2-го условія, т. е. – уничтоженія флота или возвращенія в Севастополь в срок – 19 іюня. Так как время не ждет, то подсчет записок должен быть закончен к 12 часам 16 іюня.

Наморси Тихменев.
Вѣрно: М. Паруцкій.

[XLV]

РАЗГОВОРЪ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ СЪ НАЧАЛЬНИКОМЪ ШТАБА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО КАЛНИНА ВЪ ТИХОРѢЦКОЙ, 26 іюня 1918 г.

У аппарата Начальникъ Штаба Балабинъ.

Левговдъ. Согласно даннаго мною Вамъ обѣщанія, сообщаю военно-морскую обстановку и прошу Васъ самое существенное передать теперь же Снѣсареву. Съ утопленіемъ флота Новороссійскій районъ брошенъ на произволъ судьбы. Независимо отъ операцій подъ Батайскомъ и на Тамани, непріятель въ этомъ районѣ можетъ дѣлать все, что ему захочется, и нѣтъ возможности чѣмъ либо ему воспрепятствовать. Наиболѣе вѣроятны слѣдующія комбинаціи:

1) высадка обыкновеннаго десанта,

2) приходъ военнаго судна и уводъ всѣхъ транспортовъ съ грузами,

3) малый дессантъ для захвата имущества, паровозовъ и вагоновъ.

Наши силы – мѣстные конные и пѣшіе отряды, красная армія, гвардія, Екатеринодарскіе полки и карательно-эвакуаціонный отрядъ Худина – значенія не имѣютъ, т. к. нѣтъ самаго главнаго, а именно нѣтъ лица, которое могло бы авторитетно приказать, а начальники отрядовъ не знаютъ кому подчиняться. Роль Романенко сведется практически къ тому, что всѣ силы, присылаемыя сюда, онъ вѣроятно будетъ

подтягивать къ Темрюку, а относительно нашего района онъ не можетъ дать никакихъ указаній, т. к. при полномъ отсутствіи развѣдки, связи и защиты Романенко будетъ узнавать все съ роковымъ опозданіемъ. Морской обороны нѣтъ, батареи брошены, команды разошлись. Оборону можно создать не ранѣе какъ черезъ полтора мѣсяца и то при непремѣнномъ условіи присылки изъ Петрограда необходимаго оборудованія. Такъ какъ никогда не слѣдуетъ разсчитывать на лучшее, то полагалъ бы необходимымъ не позже какъ въ три дня вывезти отсюда всѣ военные и продовольственные грузы и принять мѣры, чтобы внезапно не были захвачены паровозы и вагоны. У меня такое впечатлѣніе, что въ городѣ началась обычная провокаціонно-шпіонская работа спеціально для созданія паники. Многовластіе этому конечно способствуетъ. Такъ какъ въ короткій срокъ серіозной обороны создать нельзя, то считаю, что съ вывозомъ имущества остается пока одна задача – создать такую развѣдку, чтобы Романенко и Калнинъ все своевременно узнавали, но, кто этимъ займется и можно ли это сдѣлать, сказать трудно. Считая, что мѣстная обстановка мною изучена достаточно, предполагаю въ субботу выѣхать на Тихорѣцкую, Царицынъ и Москву. Не можете ли сообщить мнѣ новости о раіонахъ Вашемъ, Паворина и Чехо-Словацкомъ. Здѣсь всѣ живутъ самыми нелѣпыми слухами, привозимыми всякой подозрительной шантропой изъ Керчи. У васъ ли еще Александръ Исидоровичъ* и Павелъ Степановичъ. Не можете ли такъ же сообщить – устанавливается ли демаркаціонная линія согласно телеграммы Раковскаго.

Балабинъ. Путь отъ Царицына отрѣзанъ, телеграфнаго сообщенія нѣтъ. Радіо тоже не хватаетъ. Поэтому съ Царицыномъ мы связи никакой не имѣемъ, точно такъ же, какъ и они съ нами. Подъ огнемъ артиллеріи пытаемся возстановить желѣзнодорожный путь. Александръ Исидоровичъ съѣздилъ въ Екатеринодаръ и сейчасъ у меня. Павелъ Степановичъ изъявилъ желаніе и уѣхалъ въ Таганрогъ послушать мирные переговоры. Результатъ этихъ переговоровъ еще неизвѣстенъ. Ваша поѣздка въ субботу будетъ пожалуй ранней, ибо удастся ли возстановить связь съ Центромъ – это довольно растяжимо при томъ хаосѣ, который еще царитъ вокругъ, а поэтому я какъ временно исполняющій должность Главкома прошу принять васъ руководительство надъ всѣмъ тѣмъ раіономъ, про который вы говорили, начать планомѣрную эвакуацію, созданіе и упорядоченіе охраны. Если же, какъ вы говорите, эти силы трудно привести въ извѣстный порядокъ, то сейчасъ же изыщу средства выслать къ вамъ организованную силу, вмѣстѣ съ которой пойдутъ и тѣ, которые находятся у васъ и, такимъ образомъ, наладится можетъ быть планомѣрность работы, а это возможно, какъ я заключилъ изъ вашихъ словъ, если будетъ руководить опредѣленное лицо. Что же касается дальнѣйшаго плана, то его въ утвердительной формѣ сказать сейчасъ не могу потому, что думаю сейчасъ же провѣрить извѣстное положеніе здѣсь, которое лишь сейчасъ открылось, а затѣмъ уже скажу въ опредѣленной формѣ.

Достаточно ли у Васъ паровозовъ и вагоновъ для эвакуаціи Новороссійска.

Левговдъ. Прежде, чѣмъ что бы то ни было предпринимать, считаю необходимымъ переговорить лично со всѣми вами въ Тихорѣцкой, безъ чего я не считаю возможнымъ ни распоряжаться, ни совѣтовать. Поэтому прошу меня вызвать сегодня же оффиціальной телеграммой на Тихорѣцкую. Отвѣта на вопросъ о вагонахъ дать не могу, такъ какъ еще никто толкомъ не опредѣлилъ того, что подлежитъ эвакуаціи. Временно считаю нужнымъ, чтобы Хуринъ продолжалъ скорѣйшую вывозку снарядовъ и всѣхъ боевыхъ припасовъ, а тамъ дальше видно будетъ что дѣлать.

Балабинъ. Сейчасъ я иду къ себѣ и общими силами разрѣшимъ вопросъ, который вы предлагаете, а именно съ Александромъ Исидоровичемъ Сорокинымъ и еще кое-кѣмъ.

---

* Сорокинъ.

[XLVI]

Приложенiе къ № 84 «Извѣстiй».

ПОСЛѢДНЕЕ СООБЩЕНIЕ

ПЕРЕГОВОРЫ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ СЪ НОВОРОССIЙСКОМЪ

29 iюня сего года. Говоритъ товарищъ Соркинъ, представитель Ц. И. К. Куб.-Чер Республики.

– Сейчасъ вернулись съ Гебена, гдѣ находились въ теченiе пяти часовъ и вели переговоры съ адмираломъ Пуршаномъ. Прежде всего мы запросили ихъ – считаетъ ли Германiя себя по отношенiю къ Россiи въ положенiи войны или мира?

– «Безусловно въ состоянiи мира.»

Тогда мы заявили, что приходъ вооруженной эскадры въ моментъ, когда ведутся переговоры о перемирiи, создавая угрозу занятiя города и порта, является нарушенiемъ самыхъ элементарныхъ правилъ международныхъ законовъ.

На это получили отвѣтъ, что они имѣютъ право заходить въ мирныя гавани, тѣмъ болѣе, что переговоры о мирѣ ведутся только между Украиной и Россiей, Германiя же находится въ состоянiи мира.

На вопросъ о цѣляхъ прихода эскадры въ Новороссiйскъ получили отвѣтъ:

«Цѣль самая мирная а именно: разрѣшенiе вопросовъ 1) обмѣнъ военно-плѣнными, 2) выдача имъ Германскихъ и Австрiйскихъ судовъ, захваченныхъ во время объявленiя войны, 3) охраны интересовъ иностранныхъ подданныхъ, 4) скорѣйшее начатiе торговаго мореплаванiя и 5) снабженiе ихъ топливомъ и провiантомъ. По вопросу первому было отвѣчено:

Обмѣнъ военно-плѣнными имѣетъ общее Государственное значенiе; на основанiи Брестскаго договора, – этотъ вопросъ разрѣшается всероссiйской комиссiей, безъ директивъ которой мы разрѣшить не можемъ; о военно-плѣнныхъ, находящихся на сѣверномъ Кавказѣ, мы запросимъ эту комиссiю; что же касается военно-плѣнныхъ, находящихся въ Новороссiйскѣ, то мы находимъ возможнымъ передать ихъ сейчасъ при непремѣнномъ условiи, что такое же количество нашихъ плѣнныхъ будетъ возвращено изъ Германiи въ Новороссiйскъ.»

По вопросу о судахъ отвѣтили:

«По точному смыслу Брестскаго договора, мы передадимъ эти суда при условiи – обмѣна ихъ на наши.

Объ открытiи свободнаго плаванiя на основанiи Брестскаго договора считаемъ возможнымъ и желательнымъ открытiе плаванiя, практически же мы можемъ открыть его только тогда, когда у насъ будетъ гарантiя, что суда, отправленныя отсюда, не будутъ захвачены нѣмцами или украинцами. Вопросъ о принадлежности судовъ намъ или Украинцамъ будетъ разрѣшенъ на мирной конференцiи въ Кiевѣ.»

Наиболѣе нѣмцевъ занимаетъ вопросъ объ охранѣ безопасности иностранцевъ. По этому вопросу они заявили, что они имѣютъ свѣдѣнiя, что наши Совѣтскiя власти не могутъ гарантировать безопасность иностранцевъ, которые, по ихъ словамъ, подвергаются постоянно обыскамъ, арестамъ и даже покушенiямъ на жизнь, поэтому они считаютъ необходимымъ установленiе своихъ патрулей для огражденiя иностранцевъ.

На это отвѣтили, что Совѣтская власть безусловно гарантируетъ безопасность иностранцевъ и что Совѣтская власть достаточно авторитетна среди населенiя, что же касается тѣхъ грабежей, которые были въ послѣднiе дни въ Новороссiйскѣ, то они объясняются тѣмъ, что нѣмцы намѣрены оккупировать Новороссiйскъ; это положенiе создало психологическую атмосферу, при которой отдѣльныя шайки грабителей расширяютъ свою дѣятельность, что всегда происходитъ передъ занятiемъ

городовъ; но теперь, зная о мирныхъ цѣляхъ нѣмцевъ, мы безусловно имѣемъ возможность сохранить порядокъ; что же касается снабженія ихъ топливомъ и провіантомъ, то на основаніи международныхъ законовъ считаемъ возможнымъ, какъ представителямъ дружескихъ съ нами державъ, предоставить просимое для Севастополя.

На вопросъ о причинахъ передвиженія нѣмцевъ въ глубь Кубанско-Черноморской Республики:

«Мы только помогаемъ Украинѣ.»

Между прочимъ одинъ изъ нѣмецкихъ делегатовъ спросилъ: «Можетъ ли онъ проѣхать въ Екатеринодаръ, посмотрѣть положеніе военно-плѣнныхъ». Мы отвѣтили, что пропустить представителя нѣмецкихъ командъ въ моментъ, когда фактически нѣмецкіе отряды ведутъ войну противъ Совѣтской власти, мы не находимъ возможнымъ. Положеніе считаемъ прочнымъ и мы увѣрены, что нѣмцы строго соблюдая Брестскій договоръ, на который они постоянно ссылаются, не займутъ Новороссійска, если къ этому не будетъ дано формальной прицѣпки.

Въ городѣ полный порядокъ; охраны несутъ организованные рабочіе и батареи.

[Приложеніе]

[ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ БАЛТІЙСКОМУ ФОТУ]

[XLVII]

Копія.

Утверждено въ засѣданіи совѣта народныхъ комиссаровъ,
29-го марта 1918 года.
Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ В. Ульяновъ (Ленинъ).
Высшимъ Военнымъ Совѣтомъ одобрено.
Предсѣдатель Высшаго Военнаго Совѣта Л. Троцкій. 29-го марта 1918 года.

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ОБЪ УПРАВЛЕНІИ БАЛТІЙСКИМЪ ФЛОТОМЪ.

I. Управленіе Балтійскимъ флотомъ ввѣряется Начальнику Морскихъ Силъ Балтійскаго моря и Главному Комиссару Балтійскаго флота.

II. Начальникъ Морскихъ Силъ Балтійскаго моря избирается Коллегіей Морского Комиссаріата изъ лицъ команднаго состава флота съ одобренія Высшаго Военнаго Совѣта и назначается на должность декретомъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

III. Главный Комиссаръ Балтійскаго флота избирается Коллегіей Морского Комиссаріата и назначается на должность декретомъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

IV. Взаимоотношенія Начальника Морскихъ Силъ и Главнаго Комиссара флота, сверхъ указанныхъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ, опредѣляются особой инструкціей.

V. Подчиняясь Коллегіи Морского Комиссаріата, пользующейся по отношенію къ Балтійскому флоту правами Главнокомандующаго флотомъ, Начальникъ Морскихъ Силъ есть старшій военно-морской начальникъ на Балтійскомъ флотѣ.

VI. Въ отношеніи оперативной дѣятельности и боевой подготовки флота и входящихъ въ его составъ частей и приморскихъ крѣпостей, Начальникъ Морскихъ Силъ исполняетъ обязанности и пользуется правами Командующаго флотомъ, неся за руководство этой дѣятельности флота полную отвѣтственность.

VII. Въ отношеніи прочихъ отраслей службы флота и входящихъ въ его составъ частей и приморскихъ крѣпостей, Начальникъ Морскихъ Силъ является старшимъ военно-морскимъ руководителемъ, согласуя свою дѣятельность въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣятельностью Главнаго Комиссара флота и неся отвѣтственность наравнѣ съ послѣднимъ.

VIII. Въ отношенiи хозяйственномъ, Начальникъ Морскихъ Силъ, согласуя свою дѣятельность съ дѣятельностью Главнаго Комиссара флота, исполняетъ обязанности и пользуется правами Командующаго флотомъ и сверхъ того имѣетъ право утверждать, въ случаяхъ нетерпящихъ отлагательства, хозяйственныя мѣропрiятiя на сумму, до одного миллiона рублей, донеся о принятомъ рѣшенiи Коллегiи Морского Комиссарiата.

IX. Начальникъ Морскихъ Силъ имѣетъ право единоличнаго выбора и смѣны своихъ помощниковъ.

X. Начальникъ Морскихъ Силъ, въ случаѣ необходимости, имѣетъ право, по соглашенiю съ Главнымъ Комиссаромъ, по вопросамъ связаннымъ съ интересомъ флота и вытекающимъ изъ сложившейся на Балтiйскомъ морѣ особой обстановки, вступать въ переговоры съ германскимъ военнымъ командованiемъ и Финляндскимъ правительствомъ, руководствуясь при этомъ особой инструкцiей и донося о переговорахъ Коллегiи Морского Комиссарiата. Въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, онъ имѣетъ право, совмѣстно съ Главнымъ Комиссаромъ флота, принимать рѣшенiя за своей и Главнаго Комиссара флота отвѣтственностью, донося о семъ немедленно Коллегiи Морского Комиссарiата.

XI. Подчиняясь Коллегiи Морского Комиссарiата, Главный Комиссаръ флота есть старшiй представитель Совѣтской власти на флотѣ.

XII. Въ отношенiи политической и общественной дѣятельности флота и входящихъ въ его составъ частей и приморскихъ крѣпостей, Главный Комиссаръ флота является полноправнымъ отвѣтственнымъ руководителемъ.

XIII. Въ отношенiи прочихъ отраслей службы флота и входящихъ въ его составъ частей и приморскихъ крѣпостей, Главный Комиссаръ флота является старшимъ политическимъ руководителемъ, согласуя свою дѣятельность въ полномъ соотвѣтствiи съ дѣятельностью Начальника Морскихъ Силъ и неся отвѣтственность наравнѣ съ послѣднимъ.

XIV. Въ отношенiяхъ хозяйственныхъ, Главный Комиссаръ флота, согласуя свою дѣятельность съ дѣятельностью Начальника Морскихъ Силъ, исполняетъ обязанности, пользуется правами Командующаго флотомъ и сверхъ того имѣетъ право утверждать, въ случаяхъ нетерпящихъ отлагательства, хозяйственныя мѣропрiятiя на сумму до одного миллiона рублей, донося о принятомъ рѣшенiи Коллегiи Морского Комиссарiата.

XV. Въ случаяхъ разногласiя между Начальникомъ Морскихъ Силъ и Главнымъ Комиссаромъ флота въ вопросахъ совмѣстной ихъ дѣятельности (ст. ст. VII, VIII, XIII и XIV) они представляютъ мотивированныя донесенiя, заключающiя сущность разногласiя, въ Коллегiю Морского Комиссарiата.

XVI. Совѣщательными органами при Начальникѣ Морскихъ Силъ и Главномъ Комиссарѣ флота являются – Совѣтъ Флагмановъ Балтiйскаго флота и Совѣтъ Комиссаровъ Балтiйскаго флота, составъ и кругъ вѣдѣнiя которыхъ опредѣляются особымъ положенiемъ.

XVII. Исполнительнымъ органомъ распоряженiй Начальника Морскихъ Силъ является Штабъ Балтiйскаго флота, во главѣ котораго стоитъ Начальникъ Штаба флота. Права и обязанности Начальника и чиновъ Штаба флота опредѣляются соотвѣтствующими статьями положенiя о Штабѣ командующаго флотомъ Балтiйскаго моря.

Подписали: За Начальника Морского Генеральнаго Штаба В. Альтфатеръ. Коллегiя Морского Комиссарiата: Раскольниковъ, Вахрамѣевъ и Управляющiй Дѣлами Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.

Вѣрно: За Начальника Морского Генеральнаго Штаба.

[XLVIII]

Копія.

Высшимъ военнымъ совѣтомъ одобрено.
29-го марта 1918 года.

Предсѣдатель Высшаго Военнаго Совѣта Л. Троцкій.

Приложеніе къ ст. X Положенія объ управленіи Балтійскимъ флотомъ.

ИНСТРУКЦІЯ НАЧАЛЬНИКУ МОРСКИХЪ СИЛЪ БАЛТІЙСКАГО МОРЯ.

Въ случаѣ, если условія обстановки, слагающіяся нынѣ на Балтійскомъ морѣ вообще и въ Финляндіи (въ Гельсингфорсѣ) въ частности, потребуютъ вступленія въ переговоры по вопросамъ, касающимся Балтійскаго флота, или съ германскимъ военнымъ командованіемъ, или съ финляндскимъ правительствомъ, надлежитъ руководствоваться слѣдующими общими положеніями:

1) Въ отношеніи германскаго военнаго командованія – соотвѣтствующими статьями Брестскаго мирнаго договора, всемѣрно стремясь къ обезпеченію интересовъ Балтійскаго флота и особенно къ сохраненію судовъ и имущества.

2) Въ отношеніи финляндскаго рабочаго правительства – соотвѣтствующими статьями договора съ финляндскимъ рабочимъ правительствомъ, имѣя въ виду необходимость обезпечить за нами не только безопасность судовъ, но и вывозъ всего имущества флота и морского вѣдомства, считая въ томъ числѣ и орудія, приборы и имущество всѣхъ приморскихъ батарей Финляндіи.

3) Въ отношеніи вообще финляндскаго правительства и особенно въ случаѣ появленія въ Гельсингфорсѣ германскихъ войскъ – надлежитъ всемѣрно обезпечить интересы нашего флота, сохраненіе судовъ и имущества, базируясь на соотвѣтствующихъ статьяхъ Брестскаго мирнаго договора.

4) Принятіе того или иного окончательнаго рѣшенія по указаннымъ вопросамъ допускается лишь въ случаяхъ нетерпящихъ отлагательства, во всѣхъ же остальныхъ надлежитъ предварительно снестись съ Коллегіей Морского Комиссаріата.

Подписали: За Начальника Морского Генеральнаго Штаба: В. Альтфатеръ.
Коллегія Морского Комиссаріата: Раскольниковъ и Вахрамѣевъ.
28-го марта 1918 года.

Вѣрно: За Начальника Морского Ген. Штаба.

[XLIX]

Копія.

Одобрено высшимъ военнымъ совѣтомъ.
29-го марта 1918 года.

Предсѣдатель Высшаго Военнаго Совѣта Л. Троцкій.

ИНСТРУКЦІЯ О ВЗАИМООТНОШЕНІЯХЪ НАЧАЛЬНИКА МОРСКИХЪ СИЛЪ БАЛТІЙСКАГО МОРЯ И ГЛАВНАГО КОМИССАРА БАТЛІЙСКАГО МОРЯ.

Невозможность предусмотрѣть, а слѣдовательно совершенно точно регламентировать и разграничить права и обязанности Начальника Морскихъ Силъ и Главнаго Комиссара флота, вынуждаетъ въ основу взаимоотношеній этихъ лицъ поставить, прежде всего, пользу дѣла, къ всемѣрному достиженію которой во всѣхъ случаяхъ совмѣстной дѣятельности Начальникъ Морскихъ Силъ и Главный Комиссаръ флота должны взаимно стремиться, рѣшительно устраняя при этомъ всѣ тренія, споры и разногласія, которые могутъ встрѣтиться въ жизни.

Исходя изъ этого основного положенія, достиженіе котораго является безусловно обязанностью Начальника Морскихъ Силъ и Главнаго Комиссара флота, у каждаго изъ нихъ имѣется своя служебная область, въ которой они являются полномочными начальниками, неся отвѣтственность за ихъ успѣшныя веденія.

Такими областями служебной дѣятельности являются: а) оперативная часть и боевая подготовка – область единоличнаго распоряженія Начальника Морскихъ Силъ, отвѣчающаго въ полной мѣрѣ за успѣшныя ея выполненія. Главный Комиссаръ флота въ этой области дѣятельности флота является непосредственнымъ и ближайшимъ помощникомъ Начальника Морскихъ Силъ по проведенію въ жизнь его распоряженій, если только таковыя не несутъ явныхъ признаковъ преступности; въ этомъ послѣднемъ случаѣ Главный Комиссаръ флота немедленно доноситъ о семъ Коллегіи Морского Комиссаріата, а въ случаяхъ нетерпящихъ отлагательства имѣетъ право отстранить Начальника Морскихъ Силъ отъ должности, памятуя однако при этомъ, что несетъ полную отвѣтственность въ случаѣ, если дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ будетъ обнаружена неосновательность донесенія или принятаго имъ рѣшенія. б) Политическая и общественная жизнь флота и его личнаго состава составляетъ область единоличнаго распоряженія Главнаго Комиссара флота, отвѣчающаго въ полной мѣрѣ за правильное и согласное съ общей политикой Совѣтской власти ея направленіе. Начальникъ Морскихъ Силъ, не касаясь этой области, долженъ однако согласоваться въ своей дѣятельности съ направленіемъ политической и общественной жизнію флота, для чего долженъ быть вполнѣ освѣдомленъ о ней Главнымъ Комиссаромъ флота. в) Прочія отрасли службы и дѣятельности флота, какъ то: распорядительная, внутренней службы, техническая, инспекторская и другія составляютъ область совмѣстной дѣятельности Начальника Морскихъ Силъ и Главнаго Комиссара, причемъ первый является въ этихъ дѣлахъ спеціалистомъ-руководителемъ, считаясь въ своей дѣятельности съ политической обстановкой и условіями общественной жизни личнаго состава, а второй – политическимъ руководителемъ, главною обязанностью котораго является проведеніе въ жизнь всѣхъ указаній Начальника Морскихъ Силъ и соотвѣтствующая подготовка личнаго состава флота къ принятію этихъ указаній къ исполненію. Начальникъ Морскихъ Силъ и Главный Комиссаръ флота въ этихъ областяхъ должны проводить дѣятельность по возможности совмѣстно, всемѣрно помогая другъ другу и стремясь единственно къ достиженію пользы дѣла. г) Хозяйственная часть управленія флотомъ составляетъ область совмѣстной равноправной дѣятельности Начальника Морскихъ Силъ и Главнаго Комиссара флота, которые въ этой области принимаютъ рѣшенія по взаимному соглашенію, руководствуясь пользой дѣла и интересами казны. д) Вытекающая изъ особой обстановки на Балтійскомъ морѣ возможная необходимость вступленія въ международные переговоры составляетъ область совмѣстной работы Начальника Морскихъ Силъ и Главнаго Комиссара флота, гдѣ оба должны руководствоваться особой на то инструцкіей. е) Начальникъ Морскихъ Силъ и Главный Комиссаръ флота обязаны въ своей дѣятельности всемѣрно стремиться къ достиженію взаимнаго уваженія и довѣрія между команднымъ составомъ и командами, являя своимъ собственнымъ взаимоотношеніемъ этому надлежащій примѣръ.

Подписали: За Начальника Морского Генеральнаго Штаба: В. Альтфатеръ.

Коллегія Морского Комиссаріата: Раскольниковъ и Вахрамѣевъ.

Вѣрно: За Начальника Морского Генеральнаго Штаба.

Дневникъ*

Барона А. Будберга

1919 годъ

29 Апрѣля. Прибылъ въ Омскъ; еле нашелъ какой-нибудь пріютъ. Жара здѣсь совсѣмъ лѣтняя, а пылища по самому первому разряду. Уличное освѣщеніе совершенно отсутствуетъ и для него нѣтъ никакихъ приспособленій, даже керосиновыхъ. Весь день мыкался по Ставкѣ и разнымъ лицамъ, пытаясь ознакомиться съ обстановкой.

Выяснилось, что управленія снабженій здѣсь нѣтъ, обязанности его даже не выяснены и все надо выдумывать и создавать заново при полномъ отсутствіи кадровъ личнаго состава; все, сколько-нибудь годное, разобрано и сидитъ на мѣстахъ.

Въ Ставкѣ невѣроятная толчея, свойственная неналаженному учрежденію; въ работѣ не видно системы и порядка; старшія должности заняты молодежью, очень старательной, но не имѣющей ни профессіональныхъ знаній, ни служебнаго опыта, но зато очень гоноровой и обидчивой. На одинъ тактъ вѣрный приходится девять невѣрныхъ или поспѣшныхъ; все думаютъ, что юношескій задоръ и рѣшительность достаточны, чтобы двигать крайне сложную и деликатную машину центральнаго Управленія.

Обстановка работы срочная, почему большинство невольныхъ, по неопытности и поспѣшности происходящихъ ошибокъ приноситъ скверные и непоправимые результаты; кромѣ того по быстротечности и измѣнчивости распоряженій ошибки эти самими верхами почти не учитываются, и поэтому даже и опыта путемъ ошибокъ не накопляется. Низы же больно чувствуютъ разлаженность, неопытность и ошибки старшаго Управленія, что порождаетъ злобу, недовѣріе, насмѣшки, а, что еще хуже, привычку обходить нелѣпыя и непріятныя распоряженія и атаманничать.

Говорятъ, что на фронтѣ по военной части благополучно, но плохо по части снабженій, особенно по вещевому довольствію (бѣлье и обувь). Взгляды на внутреннее состояніе арміи здѣсь очень оптимистическое; въ полную противоположность тому, что приходилось до сихъ поръ слышать. Боюсь, что это нездоровый оптимизмъ, столь свойственный высокимъ сферамъ, далекимъ отъ дѣйствительности и питающимся прикрашенной информаціей; старшіе войсковые начальники тѣмъ же миромъ мазаны, тоже скрываютъ правду и замазываютъ свои грѣхи. Молодая, задорная, честолюбивая и безконечно далекая отъ войскъ Ставка сама не въ состояніи разобраться и узнать истину.

30 Апрѣля. Всю ночь работалъ надъ идеей и организаціей моего рождающагося управленія. Идея родилась въ Ставкѣ внѣ времени и пространства; Ставка недовольна снабжательной дѣятельностью Военнаго Министерства и хочетъ создать свой органъ снабженій, но при данной обстановкѣ это почти неосуществимо, такъ какъ фронтовыя арміи считаются отдѣльными и имѣютъ свои органы снабженій; Военное же Министерство заготовками не вѣдаетъ, ибо это почему-то отдано Министерству Снабженій.

---

* Продолженіе. См. Архивъ Рус. Рев. т. XIII

При такихъ условіяхъ управленіе снабженій при Ставкѣ будетъ только лишнимъ этажемъ статистически контрольнаго характера и ничего кромѣ путаницы и увеличенія переписки не принесетъ. Надо въ первую голову уничтожить отдѣльныя арміи и образовать управленіе снабженій фронта, какъ-то полагается по «Положенію объ Управленіи въ военное время»; сейчасъ не время заниматься новшествами и вырабатывать новыя положенія. Насколько узналъ, борьба съ арміями будетъ очень трудная, ибо командующіе тамъ совсѣмъ обатаманились и автономію въ дѣлѣ снабженій съ сепаратными заготовками считаютъ незыблемымъ основаніемъ своего существованія; власть Омска признается на фронтѣ тоже «постольку-поскольку» и будетъ очень нелегко перевести всю эту атаманщину на государственный меридіанъ.

Познакомился съ своими помощниками по артиллерійской и технической части; артиллеристъ генералъ Прибыловичъ произвелъ превосходное впечатлѣніе своими знаніями, энергіей, отсутствіемъ шаблона, идейностью взглядовъ, рыцарской преданностью своему дѣлу и влюбленностью въ свою работу.

Являлся Верховному Правителю; въ Харбинѣ его я ни разу не видалъ, зналъ о немъ только по разсказамъ и внутренно былъ противъ него предубѣжденъ. Вынесъ симпатичное впечатлѣніе: несомнѣнно очень нервный, порывистый, но искренній человѣкъ; острые и неглупые глаза, въ губахъ что-то горькое и странное; важности никакой; напротивъ — озабоченность, подавленность отвѣтственностью и иногда бурный протестъ противъ происходящаго — вотъ то, что дало мнѣ наше первое свиданіе для его характеристики.

По просьбѣ адмирала разсказалъ ему свои впечатлѣнія о Харбинской и Владивостокской военной, политической и общественной жизни; высказалъ свое credo, что атаманы и атаманщина это самые опасные подводные камни на нашемъ пути къ возстановленію государственности, и что необходимо напречь всѣ силы, но добиться того, чтобы, или заставить атамановъ перейти на законное положеніе и искренно лечь на курсъ общей государственной работы, или сломать ихъ безпощадно, не останавливаясь ни передъ чѣмъ.

Адмиралъ отвѣтилъ, что онъ давно уже началъ эту борьбу, но онъ безсиленъ что-либо сдѣлать съ Семеновымъ, ибо послѣдняго поддерживаютъ японцы, а союзники рѣшительно отказались вмѣшаться въ это дѣло и помочь адмиралу; при этомъ Колчакъ подчеркнулъ, что за Семенова заступаются не только японскіе военные представители, но и Японское Правительство.

Боюсь, что по этой части адмирала обманываютъ его докладчики, а особенно Ивановъ-Риновъ и другіе спасители Семенова; общее впечатлѣніе моихъ дальневосточныхъ впечатлѣній, что дальневосточную атаманщину поддерживаютъ опредѣленныя лица японской военной партіи и дѣлаютъ это ловко, придавая всему видъ тайной правительственной поддержки.

Адмиралъ сообщилъ, что только что получилъ отъ Иванова-Ринова двѣ листовыхъ телеграммы о томъ, что все спасеніе Дальняго Востока въ назначеніи Семенова командующимъ дальневосточной арміей; очевидно, читинскіе фиміамы такъ вскружили голову бывшей полицейской ярыжкѣ, что онъ возомнилъ, что въ союзѣ съ Семеновымъ, ему легко будетъ забраться и повыше второго мѣста на Дальнемъ Востокѣ.

Я вновь доложилъ адмиралу свое убѣжденіе въ необходимости разъ навсегда разрѣшить атаманскій вопросъ и высказалъ свой взглядъ, что единственнымъ исходомъ будетъ оффиціальное обращеніе ко всѣмъ союзникамъ съ протестомъ противъ поведенія Японіи, поддерживающей явнаго бунтовщика, не признающаго власти Омскаго Правительства, подрывающаго ея авторитетъ и насаждающаго своими насиліями и безобразіями ненависть къ правительству и сочувствіе къ большевикамъ. Разъ союзники заявляютъ, что не желаютъ вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла, то зачѣмъ же они допускаютъ японцевъ поддерживать антиправительственную организацію и вмѣшиваться въ отношенія адмирала къ взбунтовавшемуся и забывшемуся подчиненному.

Если же это не поможетъ, то самому адмиралу надо принять командованіе надъ отрядомъ и идти на Читу; пусть японцы устраиваютъ всесвѣтный скандалъ и разоружаютъ

самого Верховнаго Главнокомандующаго. Читинскій нарывъ надо ликвидировать, иначе онъ все сгноитъ и задушитъ.

Радикальность предлагаемыхъ мной мѣръ смутила даже адмирала и онъ перешелъ на отчаянное положеніе дѣла снабженій арміи. На мой докладъ о необходимости коренныхъ реформъ въ организаціи армій, уничтоженіи сепаратизма и эгоистическихъ автономій, адмиралъ просилъ изложить это его начальнику штаба, такъ какъ это вопросъ очень щекотливый и связанный съ самолюбіемъ старшихъ фронтовыхъ начальниковъ, уже привыкшихъ къ большой самостоятельности.

Очевидно, что желѣзный законъ о томъ, что тотъ, кто хочетъ командовать, долженъ прежде всего умѣть повиноваться, у насъ основательно позабытъ.

1 Мая. Весь день бьюсь въ попыткахъ родить какую-нибудь идею и систему для общаго Управленія снабженіями съ возможно меньшей ломкой существующей организаціи. И адмиралъ, и Ставка хотятъ вылѣчить тяжелую болѣзнь какими-то четвертьмѣрами.

Развѣдка съ Дальняго Востока подтверждаетъ, что тамъ организовался тайный союзъ изъ Иванова-Ринова, атамановъ и кандидатовъ въ мѣстные украинскіе гетманы (сначала Хрещатицкій, а затѣмъ Вериго), работающій во всю, чтобы сдѣлаться хозяиномъ автономнаго Дальняго Востока съ Риновымъ вмѣсто Хорвата; существовавшія ранѣе предположенія о заключеніи атаманскаго союза для установленія казачьей гегемоніи подтверждены опросомъ бѣжавшаго отъ Семенова ротмистра Н., служившаго въ семеновской развѣдкѣ. Получены свѣдѣнія, что Риновъ началъ формированіе украинскихъ куреней, при чемъ агенты-вербовщики сманиваютъ молодыхъ солдатъ изъ войсковыхъ частей Приамурья.

2 Мая. Читалъ пространное донесеніе полевого контроля при отрядѣ атамана Анненкова, работающаго къ югу отъ Семипалатинска на границахъ Семирѣчья; порядки тѣ-же, что и у насъ въ Приамурьѣ; тѣ же беззаконія, тотъ же произволъ, то-же нежеланіе перейти на легальныя условія существованія и хозяйства.

Я отлично понимаю, что сейчасъ недопустимы всѣ крючкотворства прежней бюрократіи, но между ними и тѣмъ, что сейчасъ всюду творится, есть разумная середина, достаточно законная и разумно цѣлесообразная, безобразій не допускающая и дѣлу не вредящая.

На запросъ контроля объ оплатѣ произведенныхъ реквизицій, Анненковъ отвѣтилъ «я реквизирую, а кто будетъ платить — не мое дѣло».

Къ дѣлу поставокъ въ этомъ отрядѣ примазались разные проходимцы и мошенники, выгнанные со службы и судимые за подлоги и растраты; всюду для грязныхъ операцій нужны грязные люди.

Переводъ на легальный путь, конечно, очень нелегокъ и съ этимъ надо считаться; надо расширить разные денежные отпуски, а, главное, надо дать всѣмъ начальствующимъ лицамъ крупныя экстраординарныя суммы въ ихъ распоряженіе на непредвидѣнные расходы, съ самой простой, только расписками, по ней отчетностью. Это уменьшитъ стремленіе къ добыванію такихъ суммъ сомнительными и нелегальными путями и сразу проведетъ рѣзкую черту между тѣмъ, что законно и что нѣтъ. Эту идею сообщилъ дежурному Генералу Ставки для осуществленія.

Вернулся съ фронта начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ Лебедевъ, выдвинутый ноябрьскимъ переворотомъ на эту исключительно важную должность. Что побудило адмирала взять себѣ въ помощники этого случайнаго юнца, безъ всякаго стажа и опыта? одни говорятъ, что таково было желаніе устроителей переворота; другіе объясняютъ желаніемъ адмирала подчеркнуть связь съ Деникинымъ, который прислалъ сюда Лебедева для связи.

Впечатлѣніе отъ первой встрѣчи съ наштаверхомъ неважное: черезчуръ онъ надутъ и категориченъ, и по этой части очень напоминаетъ всѣхъ революціонныхъ вундеркиндовъ, знающихъ, какъ пишется, но не знающихъ, какъ выговаривается. На очередномъ оперативномъ докладѣ онъ поразилъ меня своимъ апломбомъ и быстротой рѣшеній; я это уже не разъ видѣлъ во время Великой войны, въ штабахъ армій, гдѣ стратегическіе мальчики,

сидя за сотни верстъ отъ фронта, во все мѣшались и всѣхъ цукали. Здѣсь то же самое: такая же надменная властность, скоропалительность чисто эмоціональныхъ рѣшеній, отмѣны отдаваемыхъ арміями распоряженій, дерзкіе окрики и обидныя замѣчанія по адресу фронтовыхъ начальниковъ, и все это на пустомъ соусѣ военной безграмотности, отсутствія настоящаго военнаго опыта, непониманія психологіи арміи, незнанія условій жизни войскъ и ихъ состоянія. Все это неминуемыя послѣдствія отсутствія должнаго служебнаго стажа, непрохожденія строевой службы и войсковой боевой страды, полнаго незнанія, какъ на самомъ дѣлѣ осуществляются отдаваемыя распоряженія и какъ все это отзывается на войскахъ. Отъ этого мы стонали и скрежетали зубами на большой войнѣ, и опять все это вылѣзло, обло и стозѣвно, и грозитъ тѣми же скверными послѣдствіями.

Большинство ставочныхъ стратеговъ командовали только ротами; умѣютъ «командовать», но управлять не умѣютъ и являются настоящими стратегическими младенцами. На общее горе они очень рѣшительны, считаютъ себя геніями, очень обидчивы и быстро научились злоупотреблять находящейся въ ихъ рукахъ властью для того, чтобы гнуть и ломать все, что не по ихнему и имъ не нравится. Понятно, почему такъ ненавидятъ на фронтѣ Ставку; всѣ ея распоряженія отдаются безграмотными въ военномъ дѣлѣ фантазерами и диллетантами, не зная ни настоящей, неприкрашенной обстановки, ни дѣйствительнаго физическаго и моральнаго состоянія войскъ, т. е. тѣхъ рѣшительныхъ коэффиціентовъ, которые въ своей суммѣ опредѣляютъ боевую эффективность армій, ихъ способность выполненія операціи. Все дѣлается безъ плана, безъ разсчетовъ, подъ вліяніемъ минутныхъ импульсовъ, навѣваемыхъ злой критикой, раздраженіемъ, личными неудачами и привычкой цукать. Забыто все, чему учила военная наука и академія по части разработки плана операцій; плывутъ по теченію совершающихся событій, не способные ими управлять.

Изъ ознакомленія съ донесеніями съ фронта убѣдился, что дѣла тамъ совсѣмъ не важны и что оптимизмъ Ставки ни на чемъ не основанъ. Достаточно разобраться по картѣ и прослѣдить послѣднія событія, чтобы убѣдиться, что наше наступленіе уже захлебнулось и подкрѣпить его уже нечѣмъ. Здѣсь этого не хотятъ понять и злятся, когда это говоришь: слишкомъ всѣ честолюбивы, жаждутъ успѣховъ и ими избалованы.

Въ районѣ Бугуруслана насъ прорвали въ очень опасномъ мѣстѣ; этотъ прорывъ уже третьяго дня намѣчался группировкой красныхъ войскъ и ихъ передвиженіями и мало-мальски грамотный штабъ, конечно, въ этомъ разобрался бы и принялъ бы необходимыя мѣры. У насъ же этого не расчухали, или прозѣвали, или не сумѣли распорядиться. Сейчасъ зато злятся, ищутъ виновныхъ и разсылаютъ обидные цуки.

Я считаю положеніе очень тревожнымъ; для меня ясно, что войска вымотались и растрепались за время непрерывнаго наступленія — полета къ Волгѣ, потеряли устойчивость и способность упорнаго сопротивленія (вообще очень слабую въ импровизированныхъ войскахъ). При такихъ обстоятельствахъ обозначавшійся уже на лѣвомъ флангѣ переходъ красныхъ къ активнымъ дѣйствіямъ очень непріятенъ, такъ какъ готовыхъ и боеспособныхъ резервовъ у Ставки нѣтъ; имѣются совершенно сырыя части генерала Каппеля, но для нихъ нужно еще 2—3 мѣсяца для того, чтобы онѣ стали годными для упорныхъ операцій.

Ставка упорно закрываетъ глаза на то, что сброшенные какъ бы съ боевыхъ счетовъ красные вновь обозначились и не только затормозили наше продвиженіе, но уже сами начали насъ кое гдѣ толкать.

Плана дѣйствій у Ставки нѣтъ; летѣли къ Волгѣ, ждали занятія Казани, Самары и Царицына, а о томъ, что надо будетъ дѣлать на случай иныхъ перспективъ, не думали. Не хотятъ думать и сейчасъ; и сейчасъ нѣтъ подробно разработаннаго, систематически проводимаго, надежно гарантированнаго отъ случайностей плана текущей операціи. Не было красныхъ — гнались за ними; появились красные–начинаемъ отмахиваться отъ нихъ, какъ отъ докучливой мухи, совсѣмъ такъ же, какъ отмахивались отъ нѣмцевъ въ 1914—1917 годахъ.

Такая стратегія всегда вела къ неуспѣху и катастрофѣ; теперь же она сугубо опасна, ибо фронтъ страшно, непомѣрно растянутъ, войска выдохлись, резервовъ нѣтъ, а войска и ихъ начальники тактически очень плохо подготовлены, умѣютъ только драться и преслѣдовать, къ маневрированію неспособны и по этой части совсѣмъ безграмотны; кромѣ того жестокія условія гражданской войны дѣлаютъ войска чувствительными къ обходамъ и окруженію, ибо за этимъ стоятъ муки и позорная смерть отъ красныхъ звѣрей.

Красные по военной части тоже безграмотны; ихъ планы очень наивны и сразу видны; при мало-мальски грамотныхъ начальникахъ и обученныхъ маневрированію войскахъ всякую операцію красныхъ можно обратить въ ихъ разгромъ. Но у нихъ есть планы, а у насъ таковыхъ нѣтъ, и въ этомъ ихъ преимущество.

Былъ у военнаго министра генерала Степанова; знаю его по Артиллерійскому училищу; порядочный человѣкъ; старательный, но безцвѣтный работникъ; знакомство съ адмираломъ въ Японіи выдвинуло его на тяжелый постъ Военнаго Министра.

Сейчасъ подъ него подкапывается Ставка, сваливая на него всѣ недостатки по снабженію арміи. Вообще, отношенія между Ставкой и Военнымъ Министерствомъ самыя враждебныя; обѣ стороны зорко шпіонятъ одна за другой и искренно торжествуютъ и радуются, если супротивникъ дѣлаетъ промахи и ошибки; оказывается, что въ общемъ моральномъ разложеніи можно было докатиться и до такой гадости. Вотъ къ чему приводитъ борьба за власть, за первенство; честолюбіе, корыстолюбіе, женолюбіе слѣпятъ многихъ и заставляютъ забывать главное — спасеніе родины и борьбу съ страшнымъ краснымъ звѣремъ. Въ угарѣ этой борьбы въ средствахъ не стѣсняются, а поэтому сплетня, провокація, ругань, возведеніе самыхъ гнусныхъ обвиненій и распространеніе самыхъ подлыхъ слуховъ въ полномъ ходу.

Степановъ разсказалъ, что Риновъ прислалъ адмиралу ультимативную телеграмму о назначеніи Семенова командующимъ войсками, но получилъ рѣшительный отказъ съ рекомендаціей не пускаться въ застращиванія. Семеновъ остается командиромъ 6-го Сибирскаго корпуса (не отдѣльнаго), а все остальное предается забвенію. По словамъ Семенова представители японской военной миссіи очень недовольны рѣшительностью адмирала.

3 Мая. Мое служебное положеніе запутывается; я никакъ не могу выработать сносную идею и сущность новаго управленія, а на меня свалили еще разработку вопроса о снабженіи товарами и продовольствіемъ населенія мѣстностей, освобождаемыхъ отъ совѣтской власти. Несомнѣнно, это вопросъ огромной важности, ибо наша армія, приходя въ мѣста, гдѣ господствовали красные, должна приносить законъ вмѣсто беззаконія, порядокъ вмѣсто насилія, хлѣбъ вмѣсто голода и предметы первой необходимости вмѣсто безтоварья. Безъ этого безполезны всѣ военные успѣхи; но самый вопросъ такъ великъ и сложенъ, что на него одного надо посадить нѣсколькихъ работниковъ, а не поручать это мнѣ вдобавокъ къ снабженію армій, когда имѣется на лицо цѣлое министерство Продовольствія и Снабженія съ колоссальными штатами и цѣлой сѣтью агентовъ. Одновременно меня хотятъ назначить предсѣдателемъ совѣщанія по фабрично-заводской промышленности. Все это очень интересно, но не могу же я разорваться?

Утромъ поѣхалъ къ члену мѣстной японской военной миссіи маіору Мике, который въ 1914—1915 годахъ состоялъ при штабѣ X арміи, когда я былъ начальникомъ штаба арміи; приказа о моемъ назначеніи еще нѣтъ и я рѣшилъ воспользоваться своимъ неоффиціальнымъ положеніемъ и прежнимъ знакомствомъ съ Мике, чтобы рѣзко, опредѣленно и безъ всякихъ экивоковъ высказать ему свое удивленіе по поводу того, что своимъ вмѣшательствомъ въ наши дѣла съ Семеновымъ, они не даютъ намъ возможности справиться съ опасной смутой и утвердить невыблемый авторитетъ новой государственной власти. Какими фиговыми листами ни прикрывай они дерзости и бунтарства Семенова, истина для всѣхъ ясна и дерзость есть дерзость, бунтъ есть бунтъ. Копаться въ этой исторіи поздно и ее надо прикончить, но такъ, чтобы при этомъ не пострадалъ престижъ власти и чтобы впредь уже никому не было повадно выкидывать такіе фокусы.

Если Семеновъ дѣйствительно любитъ Россію, то обязанъ понять, что сейчасъ долгъ каждаго поддерживать Омскъ, помогать ему, ослаблять его промахи и всячески поднимать

авторитетъ власти; будь онъ даже правъ во всей этой исторіи, онъ обязанъ пожертвовать своимъ личнымъ на общее благо, проявить полнѣйшее, безпрекословное, сугубо подчеркнутое повиновеніе и, забывъ все, работать изо всѣхъ силъ на общее русское дѣло, а не ради интересовъ читинскаго болота и его вздорныхъ лягушекъ. Сейчасъ это его священный долгъ, дабы залечить ту глубокую и опасную рану, которую онъ по заносчивости нанесъ общегосударственной власти.

Все это я высказалъ Мике, при чемъ подчеркнулъ, что сейчасъ главная задача Правительства возможно скорѣе возстановить законность, порядокъ, уваженіе къ власти и внушить населенію увѣренность, что народившаяся власть это власть крѣпкая, честная, законная и сильная, способная заставить себя слушаться; нельзя позволять населенію края продолжать жить въ атмосферѣ произвола и насилій, ибо это дѣлаетъ его анархическимъ и толкаетъ въ объятія большевиковъ и злостныхъ агитаторовъ. На Дальнемъ Востокѣ однимъ изъ крупнѣйшихъ препятствій къ водворенію порядка и законности являются атаманы и окружающія ихъ банды насильниковъ, интригановъ и темныхъ жуликовъ, прикрывающихъ высокими и святыми лозунгами всю разводимую ими грязь и преслѣдованіе личныхъ, шкурныхъ, честолюбивыхъ, корыстолюбивыхъ, чрево и плотоугодныхъ интересовъ. Для этихъ гадинъ возстановленіе порядка и закона все равно, что появленіе солнца для ночныхъ пресмыкающихся, ибо съ возстановленіемъ закона приходитъ конецъ ихъ вольному, разгульному и развратному житью и кончается притокъ въ ихъ бездонные карманы безотчетныхъ суммъ, добываемыхъ самыми темными путями.

Психологія этихъ бѣлыхъ товарищей самая комиссарская, но у нихъ не хватаетъ откровенности и они драпируются въ ризы любви къ отечеству и ненависти къ большевизму. Каторжный Калмыковъ двухъ словъ не скажетъ, чтобы не заявить, что онъ идейный и активный борецъ противъ большевиковъ, а японцамъ должно быть лучше всѣхъ извѣстно, съ кѣмъ и какими средствами борется и расправляется этотъ хабаровскій подголосокъ Семенова.

Намъ нужно кончить съ этими гнойными нарывами, но намъ мѣшаютъ японцы; становишься втупикъ, какимъ образомъ рыцарскій народъ, обѣщавшій намъ помощь, можетъ поддерживать столь грязныя и антигосударственныя организаціи и ставить въ такія невозможныя условія центральное правительство, несущее такой тяжелый крестъ. Если Семеновъ нуженъ Японіи для ея монгольскихъ плановъ и для полученія какихъ-либо концессій и другихъ реальныхъ выгодъ, то все это можно осуществить иными лойяльными путями, не вызывая у насъ такихъ опасныхъ внутреннихъ воспаленій, которыя хуже всякихъ большевиковъ, ибо точатъ власть внутри, губятъ ее авторитетъ и хуже всякой красной пропаганды валятъ и дискредитируютъ и безъ того шаткій и неокрѣпшій престижъ Омска. Неужели же наши друзья японцы руководствуются девизомъ «divide et impera». Я указалъ Мике, что у нихъ достаточно агентовъ при Семеновѣ и Калмыковѣ, чтобы знать что дѣлается въ Читѣ, Дауріи и Хабаровскѣ, въ атаманскихъ юридическихъ отдѣлахъ и чрезвычайкахъ; какъ грабится казенное добро, какъ продаются вагоны и какого сорта люди окружаютъ Семенова и являются его совѣтниками, представителями и уполномоченными.

Было тяжело говорить это иностранцамъ, но я считалъ, что это мой тягостный долгъ. Мике и пришедшій затѣмъ Полковникъ Фукуда хакали и изображали на своихъ лицахъ удивленіе, какъ будто бы я сообщалъ имъ что нибудь новое и чрезвычайно странное; оба заявили, что ничего подобнаго имъ неизвѣстно, на что я порекомендовалъ затребовать отъ своихъ агентовъ необходимыя свѣдѣнія и выразилъ надежду, что, разобравшись, японцы помогутъ намъ обратить Семенова въ законное русло и сумѣютъ очистить его отъ облѣпившихъ его гадовъ, ибо по всему, что извѣстно о Семеновѣ, опасенъ не онъ, а окружающая и плѣнившая его клика, о которой выражаются, что въ ней никого и заподозрѣть въ порядочности нельзя.

Разъ японцы видятъ въ Семеновѣ какую-то силу, то они, какъ его друзья и опекуны, должны немедленно и начисто избавить его отъ накопившейся вокругъ него слякоти и мерзости, и тогда, если онъ не дутый пузырь и не голый король, а реальная и нравственная сила, то должны помочь проявить эти качества въ здоровомъ государственномъ направленіи.

Говорилъ я по военному, рѣзко, не стѣсняясь въ выраженіяхъ; съ половины рѣчи я уже чувствовалъ, что мои собесѣдники сжались и очень изумлены, что все это имъ такъ откровенно высказывается; но я считалъ своимъ долгомъ заставить японцевъ хоть разъ выслушать всю горькую правду и квалификацію ихъ поведенія.

Свой разговоръ съ японцами я передалъ Бурлину и Лебедеву; доложилъ о немъ и адмиралу; всѣ были какъ-то удивлены и ничего не сказали.

Вредъ атаманщины это мое credo; я считаю, что она работаетъ на большевизмъ лучше всѣхъ проповѣдей и пропаганды товарищей Ленина и Троцкаго. На это явленіе надо смотрѣть въ широкомъ масштабѣ, безпристрастно, объективно и аналитически. Мальчики думаютъ, что изъ-за того, что они убили и замучили нѣсколько сотенъ и тысячъ большевиковъ и замордовали нѣкоторое количество комиссаровъ, то сдѣлали этимъ великое дѣло, нанесли большевизму рѣшительный ударъ и приблизили возстановленіе стараго порядка вещей. Обычная психологія каждаго честолюбиваго взводнаго, который считаетъ, что онъ рѣшилъ исходъ боя и всей войны. Но за то мальчики не понимаютъ, что если они безъ разбора и удержа насильничаютъ, порютъ, грабятъ, мучаютъ и убиваютъ, то этимъ они насаждаютъ такую ненависть къ представляемой ими власти, что московскіе хамодержцы могутъ только радоваться наличію столь старательныхъ, цѣнныхъ и благодѣтельныхъ для нихъ сотрудниковъ.

Многіе изъ нихъ прямо мстятъ за потерянное, за поруганное, за перенесенное. Тогда надо быть откровеннымъ и не рядиться въ иныя ризы; таковъ, какъ говорятъ, баронъ Унгернъ и въ этомъ онъ симпатиченъ.

4 Мая. Уперся въ стѣну по вопросу о системѣ своего управленія; перепробовалъ десятки варіантовъ и все безъ успѣха. Кругомъ безсистемная, поспѣшная и малопродуктивная работа Ставки; работаютъ усидчиво, старательно, но пользы отъ этого никакой.

Причина въ томъ, что при автономности армій роль Ставки какая-то никудышная и вся она что-то въ родѣ колоссальнаго апендикса, занятаго сводками, регистраціями, статистикой и путаніемъ во всѣ фронтовыя и тыловыя дѣла.

Рѣшилъ, что въ такой обстановкѣ я безсиленъ что-либо сдѣлать, такъ какъ своей дѣятельности у меня нѣтъ, слушать моего совѣта никто не хочетъ (кромѣ одного Бурлина, который усердно работаетъ, но тоже безсиленъ что-либо измѣнить). Мои откровенные отзывы о ставочной стратегіи и порядкахъ уже вызвали кое-гдѣ ворчанія на тему о безцѣльности выписки сюда такого мрачнаго пессимиста и озлобленнаго старорежимника, какъ генералъ Баронъ Будбергъ, извѣстный де своей неуживчивостью.

Попросилъ освободить меня отъ Ставочной должности и дать мнѣ или строевое назначеніе, или примѣнить меня въ качествѣ инспектора для ознакомленія съ фронтомъ, выясненія его нуждъ и недостатковъ и вырѣшенія всѣхъ вытекающихъ изъ этого вопросовъ.

Я быстро все объѣду, всюду загляну и всюду суну свой носъ; опредѣлю, что и почему происходитъ, и укажу способы ослабленія, исцѣленія; опытъ по этой части у меня колоссальный, охватывающій всѣ отдѣлы и отрасли военнаго дѣла и войсковой службы. Сидѣть же на явно нелѣпой и безопасной должности ради синекуры не въ моихъ правилахъ.

Ѣздилъ къ министру снабженія и продовольствія К. Н. Неклютину (изъ модернизированнаго купечества).

Это министерство играетъ теперь рѣшающую роль въ снабженіи арміи, такъ какъ, за исключеніемъ спеціально боевого снабженія, всѣ остальныя заготовки возложены на это вновь созданное вѣдомство. Военный министръ вѣдаетъ только боевымъ снабженіемъ (вооруженіе, огнестрѣльные припасы и спеціальное техническое имущество), а по остальной части является только сверхъ-каптенармусомъ, принимающимъ заготовленное, хранящимъ его послѣ сдачи и распредѣляющимъ. Что-то совсѣмъ новое и, какъ большинство Омскихъ экспериментовъ, совсѣмъ не сообразное. Сваливъ Имперію, мы зѣло возлюбили разныя реформы и ломки и во время величайшей войны подъ дудку штатскихъ военныхъ министровъ занялись самыми чудовищными экспериментами надъ арміей и военнымъ укладомъ; доморощенные Карно корявыми пальцами стали копаться въ самыхъ деликатныхъ тканяхъ войсковой организаціи и уничтожать все, что было не по сердцу

разной тыловой сволочи изъ писарей, обозныхъ и дезертировъ, сдѣлавшихся вдругъ властью.

Въ результатѣ въ полгода ликвидировали старую русскую армію, обративъ ее въ распущенныя орды насильниковъ и грабителей, способныхъ продавать врагу свое вооруженіе.

Но этотъ ужасный опытъ ничему не научилъ; Омскъ вмѣсто того, чтобы взять испытанное старое, — конечно весьма не идеальное, но практически достаточно удовлетворительное, — и на немъ продолжать работу, сталъ развивать серію шалыхъ экспериментовъ и вводить самыя радикальныя новшества и реформы. Одной изъ самыхъ крупныхъ и самыхъ неудачныхъ явилось созданіе Министерства Снабженія и Продовольствія въ его современномъ видѣ. Заготовляетъ все это министерство, а отдувается за него военное министерство, на которое вѣшаютъ всѣхъ собакъ за недостатки снабженія арміи.

Никто на фронтѣ и въ тылу не знаетъ сути новой реформы и за всѣ недостачи проклинаетъ военнаго министра, который ни въ чемъ тутъ не виноватъ; нѣтъ, впрочемъ, виноватъ, но только въ томъ, что потерялъ время и связь съ Правителемъ, катаясь неизвѣстно для чего въ Харбинъ и Владивостокъ, и не сумѣлъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ добиться уничтоженія этого нелѣпаго порядка.

Впечатлѣніе отъ бесѣды съ Неклютинымъ довольно пестрое; онъ видимо увлеченъ новостью своего министерскаго положенія; наполненъ благими намѣреніями улучшеній; говоритъ, что знаетъ и осуждаетъ ошибки своего предшественника; многоглаголивъ, щеголяетъ кстати и некстати специфически торговыми словечками, желая придать себѣ дѣловую форму; излишне оптимистиченъ; высказалъ, что считаетъ необходимымъ круто свернуть съ пути своихъ предшественниковъ, которые хотѣли кипучее дѣло снабженій быстро растущей и импровизируемой арміи вогнать въ заплѣсневѣлыя рамки старыхъ бюрократическихъ порядковъ; высказалъ также, что полагаетъ необходимымъ привлечь къ дѣлу поставокъ крупныя торговыя фирмы и биржевые комитеты.

Дай Богъ, чтобы его благія и, повидимому, искренния намѣренія осуществились и чтобы его неопытныя руки сумѣли сломать старые порядки, удалить всю наросшую на дѣло снабженій грязь и нечисть и справиться со всѣми прорѣхами и язвами его министерства.

Я ему откровенно высказалъ свое убѣжденіе въ нецѣлесообразности существованія двухъ вѣдающихъ снабженіемъ министерствъ, но добавилъ, что теперь не до новыхъ ломокъ и преобразованій, и что надо недостатки организаціи пополнить дружной и согласованной работой и частичными, неторопливыми поправками.

Получилъ отъ Неклютина копію доклада Главнаго Начальника Уральскаго Края Постникова о состояніи ввѣреннаго ему края; ужаснулся аналогіи со всѣмъ тѣмъ, что происходитъ у насъ на Дальнемъ Востокѣ: полное паденіе авторитета власти, вызванное нечистоплотностью ея представителей; то же засилье распущенныхъ военныхъ начальниковъ; то же полѣвѣніе народныхъ массъ, неудовлетворенныхъ безполезностью и гнилостью власти. При всемъ своемъ пессимизмѣ я не ожидалъ, что и здѣсь такъ же плохо и что и тутъ, много ближе къ власти и къ аренѣ ожесточенной борьбы, развертывается такая же безнадежная, гнетущая и грозная по своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ картина.

На фронтѣ неважно. На Уфимскомъ направленіи одинъ изъ украинскихъ куреней (здѣсь тоже допустили эту нелѣпицу) перебилъ офицеровъ и перешелъ къ краснымъ. Несмотря на то, что въ Западной арміи дѣла совсѣмъ плохи, Сибирская армія продолжаетъ наступленіе на Западъ. Ставка на все это взираетъ и повидимому не вмѣшивается, очевидно, не способная понять, что неуспѣхи на фронтѣ Западной Арміи глубже и опаснѣе, чѣмъ это имъ кажется, и что надо очень и очень объ этомъ подумать, подобрать вожжи и выработать планъ дѣйствій сообразно слагающейся обстановкѣ

На оперативномъ докладѣ 27—30 лѣтніе генералы, не видѣвшіе фронта, очень рѣшительно ругаютъ неумѣнье и нераспорядительность фронтовыхъ начальниковъ. Пока что, вмѣсто того, чтобы остановить Сибирскую армію и сообразить, что же дальше дѣлать, сорвали съ мѣста и экстренно гонятъ на фронтъ, на затычку разныхъ дыръ и слабинъ

совершенно не готовыя къ бою части ген. Каппеля и бывшія въ тылу конныя части. Этимъ сырьемъ дѣла поправить нельзя, затычки и заплатки не помогутъ, но зато части быстро истреплются и сдѣлаются неспособными къ бою; вѣдь, опять таки недавній еще опытъ германской войны далъ намъ десятки печальныхъ примѣровъ такой стратегіи.

Ясно, что наше наступленіе выдохлось, а красное началось; нужно это учесть и принять сильныя мѣры, а не отмахиваться и затыкать пробиваемыя во фронтѣ дыры. На мои замѣчанія ставочные вундеркинды удивленно косятся и небрежно замѣчаютъ, что побѣды подъ Пермью, Уфой и въ другихъ мѣстахъ одержаны еще болѣе сырыми частями; они не способны понять разницы въ обстановкѣ, и разницы боевого качества милиціонныхъ частей при успѣшномъ наступленіи отъ такового же — при начавшихся неудачахъ, отступленіи и необходимости упорной и стойкой обороны; къ послѣдней не были годны красные; не годны къ ней и мы; значитъ, надо отходить, вытянуть резервы, дать имъ отдохнуть, дойти до выработаннаго исходнаго положенія для новаго наступленія и тогда уже перейти въ таковое.

При милиціонныхъ арміяхъ теперешняго состава иной стратегіи быть не можетъ.

Собранныя мной свѣдѣнія даютъ самую безотрадную картину снабженія арміи вообще, и по части лѣтней одежды, бѣлья и обуви въ особенности.

5 Мая. По приказанію адмирала дѣлалъ докладъ Совѣту Министровъ о положеніи дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ; предупредилъ членовъ Совѣта, что докладываю разрозненныя наблюденія обывателя; изложилъ свой взглядъ на атаманщину и на ея гибельное значеніе для Омска и для всего дѣла возстановленія разрушенной государственности. Указалъ на извѣстныя мнѣ ошибки представителей дальневосточной власти, которые сдѣлали слишкомъ много для того, чтобы подорвать въ корнѣ нравственный престижъ и реальный авторитетъ возстанавливаемой государственности, сдѣлать ее одіозной въ глазахъ мѣстнаго населенія и бросить его въ объятія большевиковъ. Разсказалъ про порядки заготовки снабженія, про развалъ транспорта и пр.

Обвѣянный старымъ чувствомъ уваженія къ «Совѣту Министровъ», т. е. къ ареопагу государственной мудрости и опыта, я въ началѣ чувствовалъ себя очень смущенно, какъ будто бы на экзаменѣ, и не успѣлъ даже разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ, своихъ слушателей.

Полученныя отъ армій свѣдѣнія о состояніи снабженій даютъ самую отчаянную картину; самое скверное въ томъ, что нѣтъ надежды на скорое улучшеніе, ибо всѣ заказы съ большими опозданіями размѣщены на востокѣ, срочность исполненія не обезпечена, а транзитный транспортъ сократился почти вдвое, такъ какъ возстанія въ Енисейской губерніи остановили ночное движеніе на всемъ Красноярскомъ участкѣ и Иркутскій узелъ все болѣе и болѣе забивается непропускаемыми на западъ поѣздами.

Считаю, что и Ставка и Военное Министерство виноваты въ томъ, что допустили передачу вещевого снабженія въ постороннее министерство, не связанное ничѣмъ съ арміей, не понимающее ея нуждъ, работающее вялымъ, бюрократическимъ темпомъ. Военные должны были соображать, что нельзя имѣть голую армію, что и обязывало ихъ не довольствоваться разговорами и обѣщаніями снабжательныхъ штатскихъ, и принять такія мѣры, чтобы недостатка въ вещевомъ снабженіи не было; тутъ уже можно было ломить во всю, не считаясь ни съ расходами, ни съ контролемъ, ни съ какими препятствіями.

6 Мая. Привезли офицеровъ штаба 21 красной дивизіи, сдавшихся около Ижевскаго завода; по ихъ показаніямъ у красныхъ служатъ Шейдеманъ, Мартыновъ, Морозовъ, Суворовъ, Раттель, Парскій, Надежный, Величко и др., — большинство по принужденію.

Верховный Правитель ѣдетъ въ Екатеринбургъ на съѣздъ представителей фабричнозаводской промышленности Уральскаго района, на которомъ думаютъ разобраться въ положеніи этого края и разрѣшить вопросы по возстановленію разрушенной Уральской промышленности.

Поздновато спохватились, такъ какъ положеніе на фронтѣ Западной арміи дѣлается тревожнымъ; къ сожалѣнію, Ставка смотритъ на все это очень легкомысленно, какъ на временный неуспѣхъ, и увѣрена, что съ вводомъ въ дѣло отправляемыхъ туда резервовъ все будетъ исправлено. Оптимизмъ такой, что дѣлаются всѣ приготовленія по переѣзду Ставки въ Екатеринбургъ.

Адмиралъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ на Екатеринбургскій съѣздъ, чему я очень обрадовался, такъ какъ это даетъ возможность близко познакомиться съ положеніемъ Урала, съ видными представителями мѣстной промышленности и общественности, а въ Екатеринбургѣ увижу прославленныя резервныя формированія Сибирской арміи.

Возстановленіе Урала имѣетъ несомнѣнно колоссальнѣйшее значеніе и военное и государственное, ибо, если съ Божьей помощью дойдемъ до Волги и перекатимся за нее, то при помощи Уральскихъ заводовъ избавимся отъ иностранной помощи по части снабженій, дадимъ населенію работу и возродимъ къ жизни огромный промышленный районъ, который долгое время, впредь до возстановленія южныхъ и среднерусскихъ районовъ, долженъ будетъ питать всю Россію и всю Сибирь. Перспективы тутъ открываются грандіозныя, и реставрація Урала должна быть начертана и осуществлена въ огромномъ масштабѣ, не жалѣя средствъ. Уралъ долженъ стать новымъ сердцемъ новой Россіи.

7 Мая. Ѣду въ поѣздѣ Верховнаго Правителя въ Екатеринбургъ. Адмиралъ мраченъ и утомленъ; молчитъ и только сверкаетъ глазами. Вся свита почтительно молчитъ; я пытался разговорить адмирала, желая узнать отъ него планы по дѣйствіямъ на фронтѣ, познакомиться съ общей политической обстановкой и, вообще, разобраться въ томъ, что такое представляетъ изъ себя нашъ Верховный Правитель и Главнокомандующій. Однако, всѣ мои попытки оказались тщетными, что меня очень огорчило, такъ какъ я очень разсчитывалъ на дни переѣзда, свободные отъ назойливой текущей работы и очень удобные для обсужденія вопросовъ, плановъ и задачъ будущаго и провѣрки работы прошлаго.

Дорога Омскъ-Тюмень-Екатеринбургъ въ порядкѣ, на станціяхъ чисто.

8 Мая. Утромъ прибыли въ Екатеринбургъ; на вокзалѣ встрѣчены командующимъ сибирской арміей генераломъ Гайда; почетный караулъ отъ ударнаго имени Гайды полка съ его вензелями на погонахъ, безсмертными нашивками и прочей бутафоріей; тутъ же стоялъ конвой Гайды въ формѣ прежняго Императорскаго конвоя.

Все это очень печальные признаки фронтового атаманства; противно видѣть всѣ эти безсмертныя бутафоріи, достаточно опозоренныя въ послѣдніе дни агоніи старой русской арміи; еще противнѣе вмѣсто старыхъ заслуженныхъ вензелей видѣть на плечахъ русскихъ офицеровъ и солдатъ вензеля какого-то чешскаго авантюриста, быть можетъ и храбраго, но все же ничѣмъ не заслужившаго чести командовать русскими войсками въ ихъ святой борьбѣ за спасеніе родины.

Самъ Гайда, нынѣ уже русскій генералъ-лейтенантъ, съ двумя Георгіями, здоровый жеребецъ очень вульгарнаго типа, по нашей дряблости и привычкѣ повиноваться иноземцамъ, влѣзшій на наши плечи; держится очень важно, плохо говоритъ по-русски. Мнѣ — не изъ зависти, а какъ русскому человѣку безконечно больно видѣть, что новая русская военная сила подчинена случайному выкидышу революціоннаго омута, вылетѣвшему изъ австрійскихъ фельдшеровъ въ русскіе герои и военачальники. Говорятъ, онъ храбръ, но я увѣренъ, что въ рядахъ арміи есть сотни нашихъ офицеровъ, еще болѣе храбрыхъ; говорятъ, что онъ принесъ много пользы при выступленіи чеховъ, но вѣдь это онъ дѣлалъ для себя, а не для насъ; вознаградите его по заслугамъ и пусть грядетъ съ миромъ по своему чешскому пути; что онъ намъ и что мы ему, онъ показываетъ это достаточно своимъ исключительно чешскимъ антуражемъ, тѣмъ чешскимъ флагомъ, который развѣвается у него на автомобилѣ, тѣми симпатіями, которыя онъ во всемъ проявляетъ къ чехамъ, всячески ихъ поддерживая. Не могу дознаться, кто подтолкнулъ Омскъ на такое назначеніе, которое обидно, безцѣльно, а можетъ быть и вреднымъ; то, что я слышалъ про Гайду въ Ставкѣ убѣждаетъ, что это тоже крупный атаманъ, сумѣвшій поблажками, наградами, подачками и возвышеніями пріобрѣсти извѣстныя симпатіи и образовать обширные кадры преданныхъ ему лицъ; такія революціонныя случайности понимаютъ, что онѣ случайны, и обыкновенно запасаются обязанными людьми для борьбы съ разными теченіями и деградаціями. Вырастаютъ эти бурьяны легко, а вырываются съ великимъ трудомъ.

Начальникомъ штаба у Гайды состоитъ генералъ Богословскій, цыганистый брюнетъ, видъ энергичный, глаза неглупые; говорятъ, что по части боевого управленія все лежитъ на немъ и что распоряжается онъ толково.

Отпустивъ почетный караулъ, адмиралъ съ Гайдой и встрѣчавшими генералами ушелъ въ свой вагонъ; меня туда не пригласили, что меня удивило, потому что все же я одинъ изъ старшихъ здѣсь генераловъ Генеральнаго Штаба, съ извѣстнымъ именемъ и съ очень обширнымъ военнымъ стажемъ, пройденнымъ достаточно почетно и замѣтно; вызванъ на вторую по значенію должность въ Ставкѣ, и по всему этому не могу быть лишнимъ ни при какомъ докладѣ или разговорѣ, если даже не для совѣта, то для личной оріентировки. Получается впечатлѣніе, что фронтъ это личное дѣло адмирала, Гайды и другихъ.

Спустя нѣкоторое время поѣхали въ штабы арміи; ѣхали на автомобилѣ, а за нами довольно расхлястанно неслись и по скверной мостовой портили лошадей гайдовскіе конвойцы. Адмиралу это претило и онъ два раза останавливалъ автомобиль и приказывалъ Гайдѣ отправить конвой домой, но Гайда очень развязно и съ видомъ хозяина заявилъ, что это у него такъ принято, и безумная скачка продолжалась.

Только на третій разъ, когда адмиралъ остановилъ автомобиль и, поблагодаривъ конвой, приказалъ прямо начальнику конвоя ѣхать домой, его приказаніе было исполнено, но сопровождалось усмѣшками и пожиманіями плечъ чешскихъ адъютантовъ Гайды.

Тутъ я понялъ, что мы въ центрѣ своеобразной атаманщины.

Въ Штабѣ арміи былъ сдѣланъ оперативный докладъ и прочитаны сводки о ходѣ дѣйствій въ Западной арміи. Я былъ ошеломленъ и подавленъ тѣмъ, что въ тонѣ докладывавшихъ (какой-то полковникъ, ген. Богословскій и самъ Гайда) сквозило несдерживаемое удовольствіе по поводу неудачъ въ Западной арміи и усердно подчеркивались свои, довольно проблематичные при общемъ положеніи фронта, успѣхи. Я зналъ, что между штабами армій раздоръ и нелады, но никогда не думалъ, что дѣло зашло такъ далеко.

Въ Ставкѣ я сразу замѣтилъ, читая донесенія штабовъ армій, что между ними существуетъ антагонизмъ, вызванный, несомнѣнно, соперничествомъ по части успѣховъ и ссорами по вопросу о распредѣленіи сообщеній; кромѣ того, какъ мнѣ объяснили въ Ставкѣ, сибиряки — представители возставшихъ противъ большевиковъ офицерскихъ организацій, относились вообще очень пренебрежительно къ Западной арміи, какъ преемницѣ народной арміи Комуча.

За оперативной сводкой послѣдовалъ совершенно абсурдный докладъ о развитіи наступленія безостановочнымъ движеніемъ на Москву, куда генералъ Пепеляевъ обѣщается и обязуется вступить не позже, чѣмъ черезъ полтора мѣсяца. И всѣ слушали и радовались. Я хотѣлъ доложить свой взглядъ на невозможность этого проекта, но адмиралъ, подъ давленіемъ Гайды, не далъ мнѣ слова, сославшись на то, что надо торопиться, чтобы не опоздать на парадъ всѣхъ войскъ гарнизона.

Трудно было ожидать полководческихъ талантовъ и приличнаго пониманія широкаго военнаго дѣла отъ бывшаго австрійскаго фельдшера и подчиненныхъ ему 28—30-лѣтнихъ генераловъ, видѣвшихъ настоящую войну въ роли взводныхъ командировъ; но можно было ожидать въ нихъ хоть сколько-нибудь практической сметки и здраваго смысла. Пришлось увидѣть, что руководство операціями цѣлыхъ армій находится въ рукахъ младенцевъ, очень дерзкихъ и рѣшительныхъ, но смотрящихъ на дѣло со ступеньки ротнаго командира и думающихъ только о своемъ приходѣ и о своихъ фантазіяхъ. Имъ совершенно все равно, что фронтъ Западной арміи трещитъ; они забываютъ даже свою собственную невысокую оцѣнку боевыхъ качествъ этой арміи, разстроенной, раздѣтой, истомленной длительнымъ зимнимъ походомъ и неспособной остановить наступленіе красныхъ; имъ и въ голову не приходитъ, что при такомъ стратегическомъ положеніи невозможно и мечтать о продолженіи фантастическаго полета черезъ Вятку на Москву.

Нечего и говорить уже (это выше ихъ пониманія) о невозможности наступленія при печальномъ, частично даже катастрофическомъ состояніи снабженія, при разстройствѣ транспорта, при неблагополучіи въ тылахъ, при необходимости ввести наши войска въ изнывающія отъ голода губерніи, гдѣ не только ничего нельзя достать, но надо всѣхъ подкармливать . . . Для всей этой молодежи этихъ препятствій не существуетъ; она

привыкла имѣть дѣло съ ротами и отрядами и всѣ ея мышленія и расчеты стоятъ на этой зарубкѣ.

Было обидно, что адмиралъ всему этому вѣрилъ и радостно улыбался, когда ему повѣствовали, какъ Пепеляевъ подъ громъ колоколовъ будетъ вступать въ Москву; вѣдь, если мы будемъ строить все на такихъ проектахъ, то легко добраться и до возможности потерять самую возможность когда-либо увидѣть эту Москву.

Поѣхали на парадъ; по дорогѣ я пытался вкратцѣ доложить свой взглядъ на невозможность пока Московскаго похода, но радостно настроенный адмиралъ разсмѣялся и сказалъ, что, когда я ближе познакомлюсь съ арміями, то увѣрую въ эту возможность.

Моего возраженія, что тутъ дѣло не въ арміяхъ, а въ непреодолимыхъ условіяхъ того, что въ военной наукѣ называется общимъ именемъ «обстановки», адмиралъ даже не выслушалъ.

Проѣхали мимо проклятаго Ипатьевскаго дома, гдѣ мученически погибла Царская Семья; едва могъ его разсмотрѣть чрезъ застлавшія глаза слезы, слезы горя и сознанія нашей общей отвѣтственности за эту русскую Голгоѳу, ужасъ которой не забудется многіе вѣка, ибо равнаго ему нѣтъ въ исторіи міра.

Войскъ на парадъ вытащили много, говорили чуть ли не до 25—30 тысячъ, но я предпочелъ бы видѣть одинъ настоящій полкъ стараго порядка; среди разнообразныхъ формъ непріятно поражали чешскіе колпачки ударныхъ полковъ, замѣнившіе наши фуражки (увѣряютъ, что колпачки легче шить).

Нѣкоторыя части одѣты въ англійское обмундированіе, доставленное генераломъ Ноксомъ, и въ массѣ выглядятъ аккуратно и для неопытнаго глаза даже внушительно; остальныя части одѣты порядочными оборванцами. Самое скверное то, что все направлено на то, чтобы сколотить части по внѣшнему виду, а на отдѣльныхъ солдатъ не обращено должнаго вниманія. Это всегда было скверно, ну, а теперь это основаніе вѣрнаго неуспѣха, ибо теперь нужны не боевые квадраты изъ дрессированныхъ единицъ, а подготовленныя къ бою отдѣльныя единицы.

Выреденныя сегодня части готовы для строевыхъ ученій, для церемоніала, ну, а для боя это только толпа неготовыхъ совершенно людей со всѣми ея недостатками. Нужно еще 2—3 мѣсяца усиленной полевой работы со взводами и ротами, чтобы эти части были готовы для боя. Я обошелъ всѣ части сзади: все лучшее поставлено въ головы колоннъ, а въ серединѣ и въ хвостахъ стоятъ какіе-то михрютки, одѣтые въ только-что имъ выданную и плохопригнанную одежду; снаряженіе нацѣплено кое какъ, безъ всякой пригонки — доказательство отсутствія внутренняго порядка и работы взводныхъ командировъ.

Церемоніальнымъ маршемъ, на который видимо части долго натаскивались, прошли гладко и вызвали этимъ общій восторгъ; адмиралъ улыбался, а свита охала и восхищалась. Я же повергъ адмирала въ изумленіе, когда на обратномъ пути къ вагону высказалъ ему свое сомнѣніе въ боевой пригодности этихъ частей, такъ какъ онѣ пока что хороши только для массовыхъ построеній и церемоніальнаго марша; онъ ничего мнѣ не сказалъ, потемнѣлъ и началъ нервно курить. Опять доказательство моего пессимизма!

Когда въ вагонѣ я высказалъ такое же мнѣніе начальнику охраны Верховнаго Правителя генералу Попову, восхищавшемуся парадомъ, то онъ мнѣ сказалъ «ну, вѣдь вы извѣстный пессимистъ, вамъ ничѣмъ не угодить». Я ему посовѣтовалъ повліять на адмирала, чтобы онъ смотрѣлъ части на маневрѣ, а не на церемоніальномъ маршѣ, и добавилъ, что во мнѣ говоритъ не пессимизмъ, а большой навыкъ разбираться въ качествѣ войскъ и способность по мелочамъ видѣть многое существенное и не обманываться наружнымъ лоскомъ и дрессировкой; я ему разсказалъ свои наблюденія при обходѣ войскъ, когда, между прочимъ, мнѣ пришлось видѣть два случая битья солдатъ офицерами за то, что при проходѣ адмирала они не поворачивали, какъ полагается, головы, — уже одно это даетъ мнѣ право на многіе печальные выводы.

За завтракомъ Гайда жаловался на недостатокъ опытныхъ старшихъ начальниковъ, но промолчалъ, когда я замѣтилъ, что фронтъ все время возвращаетъ назадъ посылаемыхъ Ставкой старыхъ командировъ полковъ, дивизіоновъ и батарей, ссылаясь на то, что всѣ

освобождающіяся ваканціи есть законное достояніе самихъ частей для выдвиженія тѣхъ, кто съ самаго начала борется съ большевиками. Ввиду такой позиціи фронта я уже предложилъ въ Ставкѣ провести приказъ о томъ, чтобы всѣ фронтовые начальники, деградируемые присылкой старшихъ, продолжали получать все содержаніе по оставляемой должности.

Послѣ обѣда Гайда возилъ адмирала въ чешскую мастерскую-фотографію, великолѣпно обставленную; судя по тому, что показывали адмиралу, фотографія работаетъ главнымъ образомъ для Гайды, уготовляя ему великолѣпные по исполненію альбомы Урала и военныхъ дѣйствій, съ крышками изъ разныхъ уральскихъ породъ, украшенныхъ уральскими самоцвѣтами; всюду гербы Гайды поверхъ опрокинутыхъ внизъ головами императорскихъ и королевскихъ орловъ и съ надписью «ex libris P. Gaidae». Исполненіе высокоартистическое и несомнѣнно на русскій казенный счетъ, ибо жалованья не хватитъ, чтобы все это оплатить.

Главнымъ начальникомъ снабженій у Гайды состоитъ бывшій командиръ 27 корпуса генералъ Рычковъ; по его словамъ, чрезвычайно трудно наладить дѣло снабженія при наличномъ командномъ составѣ и при установившихся на фронтѣ привычкахъ; ибо всѣ доморощенные полководцы ничего не понимаютъ въ устройствѣ тыла и въ необходимости правильной его работы; не понимаютъ, не знаютъ и не хотятъ понять или узнать. Они думаютъ, что достаточно приказать, а еще лучше пригрозить, и все сдѣлается, какъ по щучьему велѣнію.

О тылѣ и снабженіи они вспоминаютъ только тогда, когда отъ забвенія о нихъ становится совсѣмъ плохо и тогда начинаютъ искать виноватыхъ; обыкновенно все кончается сваливаніемъ вины на тылъ и Военное Министерство.

Законы, нормы, необходимость экономіи и удержа отъ безцѣльныхъ расходовъ забыты совершенно, для большинства распоряженій основаніемъ служитъ преимущественно собственное усмотрѣніе и размашистый атаманскій произволъ. Неудержимо продолжаютъ жить привычкою перваго періода возстанія противъ красной власти, когда все добывалось съ бою или бралось изъ мѣстныхъ средствъ по праву сильнаго. Переходить на законныя формы военнаго хозяйства и отчетности не хотятъ прежде всего армейскіе верхи, а за ними тянется и все остальное; люди распустились и привыкли жить внѣ всякихъ нормъ, руководствуясь только собственнымъ хотѣніемъ; такіе порядки быстро и глубоко въѣдаются и искоренить ихъ можно только силой. Силы же на лицо нѣтъ, ибо Омскъ импотентенъ, а командующіе арміями ни малѣйшимъ образомъ не намѣрены самообуздываться и обуздывать подчиненныхъ. Внутренней, идейной дисциплины, способной заставить подчинить общему свое личное, — нѣтъ. Гайдѣ, напримѣръ, вздумалось имѣть конвой въ старой Императорской конвойной формѣ, и на это, по его приказу, истрачено свыше трехъ милліоновъ рублей.

Та же распущенность царитъ и дальше. Пепеляевъ захватилъ всѣ запасы, найденные въ Перми, и не хочетъ ни съ кѣмъ дѣлиться; онъ же заставилъ всѣ мѣстные заводы работать только на свой корпусъ; Гривинъ, Вержбицкій, Казагранди дѣлаютъ то же самое и не исполняютъ ничьихъ приказаній; благодаря этому въ однѣхъ частяхъ архи-избытокъ, а у другихъ голодъ и нищенство.

Всѣ попытки учесть военную добычу и обратить ее на общее снабженіе безрезультатны и вызываютъ самые острые протесты и даже вооруженное сопротивленіе; чиновъ полевого контроля гонятъ вонъ, грозятъ поркой и даже разстрѣломъ. Гайда захватилъ единственную на всю Сибирь суконную фабрику, обозныя мастерскія — все то, чего нѣтъ въ Западной арміи и не даетъ послѣдней ни одной шинели, ни одной повозки или походной кухни; въ отвѣтъ на это Западная армія прижимаетъ Сибирскую, не давая ей фуража и гречневой крупы. Всѣ распоряженія Главнаго и Полевого Интендантовъ арміями игнорируются и не исполняются.

Очевидно, что при такихъ условіяхъ организація правильнаго, основаннаго на законѣ и на опытѣ военной науки, снабженія совершенно невозможна. Доморощенные Бонапарты изъ недавнихъ ротныхъ командировъ никогда не видали Положенія о по-

левомъ управленіи войскъ, считаютъ его пережиткомъ, а самое знакомство съ нимъ совершенно ненужнымъ.

Всѣ должности хозяйственныя и интендантскія заняты полными невѣждами своего дѣла.

9 Мая. День отдыха; адмирала уговорили отдохнуть и нашъ поѣздъ передвинули на ближайшую станцію Исеть, гдѣ предполагали организовать охоту и рыбную ловлю, но скверная погода нарушила всѣ эти планы.

Разбирался во вчерашнихъ впечатлѣніяхъ и пришелъ въ мрачное настроеніе: вражда между арміями, легкомысленность и легковѣсность основныхъ распоряженій, втираніе очковъ начальству показной стороной резервныхъ частей, совершенно не готовыхъ къ бою, но на которыхъ основываются серьезные планы очень рискованныхъ операцій; невѣроятный хаосъ въ дѣлѣ снабженій и почти никакой надежды на возможность улучшенія, и, наконецъ, несомнѣнность атаманщины разныхъ калибровъ и отсутствіе настоящей дисциплины — вотъ печальный выводъ впечатлѣній вчерашняго дня. Скверно и то, что Верховный Правитель едва-ли въ состояніи сломать все это и навести настоящій порядокъ: очень онъ уже довѣрчивъ, легковѣренъ, не свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ, податливъ на пріятные доклады и завороженъ тѣми, кто говоритъ ему пріятное и въ оптимистическомъ тонѣ.

Вечеръ провелъ въ обществѣ управляющаго пароходствомъ Богословскаго Горнаго Округа Федотова, который познакомилъ меня съ современнымъ положеніемъ Урала, далъ дѣловую характеристику наиболѣе видныхъ уральскихъ дѣятелей; разсказалъ про возмутительную дѣятельность Омскаго Военно-Промышленнаго Комитета, про мерзости и беззаконія, творимыя мѣстными агентами министерства Продовольствія и Снабженія.

10 Мая. Вернулись въ Екатеринбургъ; вечеромъ состоялось открытіе съѣзда представителей фабрично-заводской промышленности Урала и Приуралья; собралось свыше 500 человѣкъ; пріѣхали званые и незваные, такъ какъ съѣздъ несомнѣнно возбудилъ огромный интересъ и породилъ надежды на то, что новая власть постарается справиться со всѣми бѣдами и язвами разъѣдающими и добивающими мѣстную промышленность.

Надежда на новаго барина, который пріѣдетъ и разсудитъ, одна изъ основныхъ въ обиходѣ русскаго человѣка. Жалко только, что съѣздъ созванъ наспѣхъ; программы работы до сихъ поръ нѣтъ. Адмиралъ очень заинтересованъ съѣздомъ и надѣется, что при его помощи можно будетъ многое сдѣлать. Задача предстоитъ грандіозная; надо возстановить разрушенную Уральскую промышленность и поставить ее въ здоровыя и прочныя условія работы, подвоза, снабженій и сбыта; это придаетъ съѣзду не только всероссійское, но даже и міровое значеніе, ибо только здѣсь, на Уралѣ и возможно быстрое и срочное возстановленіе и начало новой, по внѣшности и по духу центральной для всей Россіи промышленности. Центры Россіи разгромлены и осуждены на длительное болтаніе по мертвой зыби революціи; многіе изъ нихъ погибли, ибо были созданы искусственно нагнетательной политикой московскаго центра, обиравшей окраины и насильственно — тарифами, кредитами, казенными заказами — гнавшей сырье и топливо въ искусственно созданные фабричные и заводскіе районы. Такой политикѣ теперь уже не вернуться, ибо часть окраинъ отпала, а оставшіяся будутъ жить впредь собственной промышленной жизнью.

При такой обстановкѣ Уралъ и Приуральскій районъ при ихъ неисчерпаемыхъ богатствахъ, при центральномъ положеніи, при выполненныхъ за время войны огромныхъ техническихъ улучшеніяхъ, при наличіи собственнаго, поколѣніями связаннаго съ заводами и промыслами населенія, имѣетъ передъ собой ослѣпительное будущее. Нужно твердо, талантливо, даже вдохновенно намѣтить новые, нешаблонные пути реставраціи, перерожденія и новой жизни.

Первое засѣданіе открылъ адмиралъ; старались, чтобы вышло торжественно, но спѣшка и отсутствіе организаціи обратили все въ смятку. Рѣчь Верховнаго Правителя была имъ прочитана; составлялъ ее, кажется, назначенный предсѣдателемъ съѣзда членъ совѣта министровъ Г. К. Гинсъ. Рѣчь не яркая, не выпуклая, видимо, наспѣхъ набросанная; голосъ у адмирала глухой, невыигрышный еще болѣе терялъ въ огромномъ

сыромъ залѣ съ желѣзобетоннымъ потолкомъ. Рѣчь привѣтствовали оваціями, вызванными несомнѣнно большими надеждами, связанными со съѣздомъ.

Съѣздъ начался очень чинно и дѣловито; Гинсъ предсѣдательствуетъ мастерски; засѣданіе мало напоминало наши бурливыя, бранчливыя говорилки. Несомнѣнно серьезность задачи, тяжести пережитаго воодушевляли дѣловыхъ людей, а военное положеніе и общее настроеніе сдерживали столь обычныхъ у насъ ораторей, дѣлающихъ такіе съѣзды ареной для своего краснорѣчія и для выявленія своей оппозиціонности и демократическихъ чувствъ. Видно было, что всѣ заявленія и разъясненія были поручены двумъ главнымъ ораторамъ — бывшему главному начальнику Уральскаго края С. С. Посникову и предсѣдателю бюро горнопромышленниковъ Европеусу.

Обѣдали у Гайды въ шикарномъ особнякѣ суконнаго фабриканта Злоказова. Я сидѣлъ рядомъ съ шибко лѣзущимъ вверхъ генераломъ Сахаровымъ, сотрудникомъ Нокса по устройству Владивостокской офицерской школы, авторомъ проекта создавать молодыхъ офицеровъ краткосрочнымъ обученіемъ. Судя по его дѣятельности, онъ по идеологіи недалеко ушелъ отъ блаженной памяти графа Аракчеева; по словамъ профессора Николаевскаго Инженернаго Училища Генерала Ипатовича-Горанскаго — Сахарова въ училищѣ звали бетонной головой; внѣшній видъ его подходитъ къ этому названію, внутреннее содержаніе, повидимому, тоже. Онъ влюбленъ въ Иванова-Ринова и заявилъ мнѣ, что тотъ представляетъ крупнаго государственнаго человѣка. Оба они держиморды аракчеевскаго типа и оба были бы хорошими командирами дисциплинарнаго батальона, гдѣ ихъ «государственныя» качества нашли бы отличное примѣненіе. Въ Омскѣ на эти типы спросъ; неспособная разсуждать стремительность нравится и въ ней видятъ залогъ твердости и успѣха.

Глубоко печально, что главные персонажи Омскаго градоначальства одурѣли отъ своего высокаго положенія и думаютъ, что курсъ на непреклонность и на держимордъ можетъ привести къ успѣху; твердость власти — не значитъ угрюмъ-бурчеевщина.

11 Мая. Весь день ушелъ на посѣщеніе многочисленныхъ секцій съѣзда; всюду бросается въ глаза плохая приспособленность къ продуктивной дѣловой работѣ; ни въ одной изъ секцій не видѣлъ опытнаго и дѣлового предсѣдателя, умѣющаго руководить собраніемъ; масса времени уходитъ на жеваніе разныхъ пустяковъ, на неидущіе къ дѣлу разговоры и на препирательства по частнымъ стычкамъ; отовсюду лѣзетъ личное и давитъ общее, и въ результатѣ изъ-за деревьевъ лѣса не видно.

Вечеромъ отправился на засѣданіе бюро горнопромышленниковъ, объединяющаго всѣ крупные заводы и горные округа Урала; здѣсь обстановка дѣловая; видно, что люди умѣютъ цѣнить время; выступавшіе докладчики обрисовали невозможность работать при той обстановкѣ, которая сейчасъ здѣсь создалась; точекъ на і не ставили, но было ясно, что главное препятствіе это порядки, установленные мѣстными военными властями, и что, если бы заводы и Уралъ освободить отъ этой опеки, то они сами бы даже справились съ своими бѣдами.

Я уже утромъ имѣлъ всѣ данныя о томъ, что нужно въ первую очередь, чтобы помочь Уральской промышленности и на совѣщаніи съ Главнымъ начальникомъ военныхъ сообщеній генераломъ Касаткинымъ и товарищемъ министра Пр. и Сн. Мельниковымъ выработалъ рядъ мѣръ, кои могли оказать необходимую помощь. Утромъ же были отданы всѣ распоряженія по осуществленію этихъ мѣръ, такъ что на засѣданіе бюро мы поѣхали не только съ уже готовыми, но уже исполняемыми рѣшеніями; я зналъ, что это должно произвести сильное впечатлѣніе и сразу поднять авторитетъ власти.

Я доложилъ бюро, что армія и страна ждутъ отъ Урала и его промышленности и что рѣшили сдѣлать и уже сдѣлали для того, чтобы помочь краю выполнить предъявляемыя къ нему задачи и освободиться отъ угнетающихъ его золъ и бѣдствій; я просилъ бюро коротко и опредѣленно сказать, что имъ еще надо, а мы отвѣтимъ, что изъ этого возможно и осуществимо, и тогда изъ сопоставленія вопросовъ и отвѣтовъ выяснится скелетъ плана дѣловой работы. Пока же освѣдомилъ бюро, что вопросы по подачѣ на заводы продовольствія, по предоставленію горнымъ округомъ маршрутныхъ поѣздовъ въ Сибирь и на Дальній Востокъ и по праву горныхъ округовъ имѣть свои вагонные парки и ремон-

тированные локомотивы для мѣстныхъ заводскихъ перевозокъ уже разрѣшены такъ, какъ того хотѣли представители Урала.

Что касается упрековъ правительству въ безсистемности, а подчасъ и абсурдности распредѣленія казенныхъ заказовъ, то это уже учтено, сознано и для устраненія сего на будущее время рѣшено учредить должность особоуполномоченнаго по Уральской промышленности, который объединитъ всѣ заказы, всѣ наряды и получитъ огромныя полномочія по снабженію заводовъ и фабрикъ продовольствіемъ, сырьемъ, топливомъ, рабочими руками и средствами транспорта.

Рѣчь моя закрыла всѣ фонтаны критическаго по адресу правительства краснорѣчія и вызвала отвѣтную рѣчь предсѣдателя съ выраженіемъ радости и удовлетворенія, что правительство стало сразу на такой дѣловой и разумный путь.

Заявленія эти я сдѣлалъ, но очень боюсь, что наши благія намѣренія при исполненіи будутъ очень пощипаны, когда столкнутся на фронтѣ съ атаманскими замашками и пріемами Гайды, Пепеляева и Ко., а въ тылу съ порядками Омскихъ канцелярій и Министерства Удовольствій и Самоснабженій. На наше несчастье главные заводы лежатъ въ районѣ Сибирской арміи и придется выдержать серьезную борьбу прежде чѣмъ добиться установленія должнаго порядка въ распредѣленіи заказовъ, сырья, топлива и вагоновъ такъ, чтобы удовлетворить и автономныя требованія армій, и Министерство Продовольствія и Снабженій, и Министерство Путей Сообщенія, и тылъ, и населеніе; попробуйте сейчасъ достать вагоны въ районѣ заводовъ, захваченныхъ Пепеляевымъ, или уголь въ районѣ господства Гайды и направить ихъ въ нуждающійся въ вагонахъ и углѣ районъ Бѣлорѣцкихъ заводовъ Западной Арміи! Ставка нѣсколько разъ пробовала брать въ свои руки распредѣленіе запасовъ и рессурсовъ общей потребности, но каждый разъ терпѣла полное фіаско — открытаго сопротивленія, конечно, не было (по внѣшности у насъ утрированная дисциплина), но приказы забывались и не исполнялись. Я попробовалъ другой способъ, а именно, переговорилъ съ Рычковымъ, начальникомъ сообщеній арміи и разными инспекторами на тему о необходимости солидарной между арміями работы и взаимныхъ уступокъ, конечно, не безъ профита въ сторону того, кто является территоріальнымъ хозяиномъ мѣстныхъ запасовъ; разъ нѣтъ силы — приходится улещивать и торговаться.

Вечеромъ узналъ отъ генерала Касаткина причины, побудившія Ставку выбрать сѣверное направленіе для развитія рѣшительнаго наступленія противъ красныхъ. Для насъ, сидѣвшихъ въ тылу, выборъ этого направленія былъ всегда непонятенъ, такъ какъ казалось, что по всей обстановкѣ слѣдовало двигаться черезъ Уфу и Оренбургъ на Самару и Царицынъ на скорѣйшее соединеніе съ Уральцами и Деникинымъ.

Касаткинъ далъ мнѣ докладъ Ставки, составленный согласно рѣшенія совѣщанія высшихъ чиновъ Ставки, на которомъ всѣ высказались за преимущества сѣвернаго Направленія. Оказалось, что въ Ставкѣ (какъ говорятъ, со словъ Лебедева) не вѣрятъ въ силу и устойчивость арміи Деникина и считаютъ ее ненадежной; если правда, что таково заявленіе Лебедева, прибывшаго отъ Деникина, то выходитъ, что послѣдній выбралъ довольно плохого довѣреннаго; я лично никогда не повѣрю, чтобы южныя формированія были хуже нашихъ сибирскихъ.

Затѣмъ въ докладѣ указывается, что населеніе южныхъ губерній по нижнему теченію Волги тоже малонадежно для производства тамъ прорыва и мобилизацій, такъ какъ тамъ много рабочихъ и бродячей вольницы; желѣзныя дороги Юга считаются также очень потрепанными и лишенными подвижного состава, что дѣлаетъ невозможнымъ базированіе на нихъ при общемъ наступленіи къ Москвѣ.

Казанско-Вятскій фронтъ ставочными стратегами оцѣнивается по той же схемѣ несравненно болѣе благопріятнымъ; считаютъ, что населеніе здѣсь крестьянское, болѣе спокойное и, какъ увѣряютъ, чуть ли не монархическое; желѣзныя дороги считаются менѣе потрепанными, а самое наступленіе прикрыто съ сѣвера малодоступными лѣсами и болотами.

Оцѣнка Ставки однобока, искажена и могла убѣдить только очень малограмотныхъ людей. Очевидно, кому-то надо было доказать выгодность сѣвернаго направленія, а по-

тому и разукрасили этотъ варіантъ и всячески опорочили его конкурента. Прежде всего южное направленіе создавало, по соединеніи съ Деникинымъ, общій фронтъ, усиливало обѣ нынѣ разъединенныя стороны, давало возможность распредѣлить болѣе цѣлесообразно личный составъ обоихъ фронтовъ. Наступленіе въ этомъ направленіи прикрывало вѣрные намъ районы Уральскихъ и Оренбургскихъ казаковъ, создавало спокойный тылъ, давало возможность использованія богатствъ Троицко-Орскаго района (зерно, фуражъ и скотъ), открывало возможность навигаціи по Каспійскому морю и подвоза черезъ Кавказъ. Страхи по поводу населенія южныхъ приволжскихъ губерній преувеличены, ибо куда бы мы ни пришли, принеся съ собой хлѣбъ, порядокъ и отсутствіе опасности возстановленія прежняго, то насъ вездѣ встрѣтятъ съ ликованіемъ.

Дороги юга разстроены не меньше сѣверныхъ, но на нихъ нѣтъ такихъ мостовъ, какъ на сѣверномъ направленіи, гдѣ разрушеніе нѣскольких изъ нихъ выводитъ изъ строя всю магистраль; наконецъ, починка дорогъ при владѣніи Новороссійскомъ и Ростовомъ значительно легче для южнаго направленія.

Маленькіе люди въ Ставкѣ говорятъ, что сѣверное направленіе избрано подъ вліяніемъ настойчивыхъ совѣтовъ генерала Нокса, мечтавшаго о возможно скорой подачѣ англійской помощи и снабженіи черезъ Котласъ, гдѣ существовало прямое водное сообщеніе съ Архангельскомъ, куда уже прибыли значительные англійскіе запасы.

Все это было очень заманчиво, но не могло быть поставлено въ главу угла, ибо въ концѣ концовъ имѣло за собой больше «нѣтъ», чѣмъ «да»; все это пришло бы само собой при хорошихъ успѣхахъ у Самары и при соединеніи съ Деникинымъ къ Западу отъ Царицына.

Все горе въ томъ, что у насъ нѣтъ ни настоящаго Главнокомандующаго, ни настоящей Ставки, ни сколько нибудь грамотныхъ старшихъ начальниковъ. Адмиралъ ничего не понимаетъ въ сухопутномъ дѣлѣ и легко поддается совѣтамъ и уговорамъ; Лебедевъ безграмотный въ военномъ дѣлѣ и практически, случайный выскочка; во всей ставкѣ нѣтъ ни одного человѣка съ мало мальски серьезнымъ боевымъ и штабнымъ опытомъ; все это замѣнено молодой рѣшительностью, легкомысленностью, поспѣшностью, незнаніемъ войсковой жизни и боевой службы войскъ, презрѣніемъ къ противнику и бахвальствомъ.

Ноксъ очень хорошо къ намъ настроенъ, но онъ очень мало понимаетъ въ стратегіи, да еще въ русской обстановкѣ; онъ искренно хочетъ намъ блага, но надо же умѣть корректировать проявленія этого хотѣнія. Онъ, напримѣръ, упрямо стоитъ на томъ, чтобы самому распредѣлять приходящіе къ нему запасы англійскаго снабженія и дѣлаетъ при этомъ много ошибокъ, даетъ не тому, кому это въ данное время надо; появились любимыя части въ родѣ Каппелевскаго корпуса, отлично до послѣдней нитки и съ запасомъ снабженнаго, въ то время, когда имѣются голыя и босыя части, на которыя эта неравномѣрность дѣйствуетъ очень скверно. Методичному и привыкшему къ системѣ англичанину хочется сразу все наладить, не считаясь совершенно съ той обстановкой, въ которой все это приходится дѣлать.

Я говорилъ съ Ноксомъ и просилъ его передать снабженіе намъ, обѣщаясь выполнять всѣ его желанія. Ноксъ горячился и указывалъ, что русскія власти не умѣютъ распредѣлять свои запасы, и онъ не желаетъ чтобы доставляемое Англіей снабженіе распылялось безъ толка и безъ пользы.

Моихъ доводовъ, основанныхъ на исключительной обстановкѣ и отчаянной бѣдности, онъ, какъ систематическій англичанинъ, не понялъ.

Мнѣ ясно, что проектъ Нокса о сѣверномъ наступленіи не былъ проанализированъ; за него схватилась Ставка, такъ какъ это давало наиболѣе близкій путь къ завѣтнымъ стѣнамъ Кремля; его поддержала Сибирская армія и ея импульсивные и честолюбивые начальники, ибо это давало имъ блистательныя перспективы къ отличіямъ и славѣ; если уже Пермь такъ превознесла и украсила многихъ, то какія надежды могли связываться съ занятіемъ остальныхъ рубежей и самой Москвы; его поддержали и морскіе круги, родившіе проектъ организаціи вооруженной Волжско-Камской флотиліи. Злые же языки Ставки шопотомъ, чтобы не услышала контръ-развѣдка, шипятъ, что главнымъ

козыремъ сѣвернаго направленія была возможность избѣжать соединенія съ Деникинымъ, ибо младенцы, засѣвшіе на всѣ верхи, очень боятся, что тогда они всѣ полетятъ и будутъ замѣнены старыми опытными спеціалистами. Въ возможность такой гадости я не вѣрю, но смѣну верховъ привѣтствовалъ бы самымъ радостнымъ образомъ, ибо всѣ эти стратегическіе, организаціонные, политическіе и государственные младенцы, овладѣвшіе довѣріемъ адмирала, могутъ довести все дѣло до краха. Его, напримѣръ, увѣрили въ томъ, что современные командующіе арміями и командиры корпусовъ, да чуть ли и не онъ самъ, должны сами ходить въ аттаку, и что въ этомъ залогъ довѣрія къ нимъ войскъ и боевого успѣха. Эту ересь стали проповѣдывать при мнѣ два весьма юныхъ генерала; я ожесточенно на нихъ набросился, указывая, что это вреднѣйшіе остатки психологіи временъ возстанія и дѣйствія маленькими отрядами, когда вождь-атаманъ долженъ показывать примѣромъ, какъ надо поступать; теперь же, когда мы перешли на цѣлыя арміи и корпуса, то эти мелкія привычки надо оставить отдѣленнымъ, взводнымъ и ротнымъ командирамъ, а самимъ подняться въ высшіе разряды лицъ, не командующихъ, а управляющихъ боемъ, и дѣйствующихъ уже не руками, а головой, берущихъ не мускулами и физической храбростью, а знаніемъ дѣла, боевымъ опытомъ, предусмотрительностью и умѣньемъ распоряжаться, маневрировать и бить врага не на пятачкѣ, а на широкомъ фронтѣ.

Командующій арміей не имѣетъ права размѣниваться въ взводные командиры, ибо тогда останется безъ исполнителя огромная и важная сфера управленія арміей. Конечно, войска должны знать и вѣрить въ то, что, когда обстановка прикажетъ, то всѣ ихъ начальники до самыхъ верховъ явятся къ нимъ и раздѣлятъ съ ними и бой, и ночлегъ, и побѣду, и неудачу, и сытость, и голодъ. Тѣ, кто говорятъ, что видъ командующаго арміей, идущаго съ винтовкой въ рукахъ въ аттаку, одушевляетъ войска, говорятъ неправду, ибо въ современномъ бою это увидятъ нѣсколько десятковъ людей, не болѣе, да и тѣ едва ли разберутъ, кто это бѣжитъ среди нихъ. Ореолъ начальника создается не этимъ; онъ создается довѣріемъ къ знаніямъ и опыту начальника, уваженіемъ къ его доблести, чести и высокимъ нравственнымъ достоинствамъ и любовью къ нему за его заботу о подчиненныхъ.

Адмиралъ все это прослушалъ, но ничего не сказалъ; одинъ изъ генераловъ, сидѣвшій черезъ два столика, довольно громко пробурчалъ: «ну, съ этимъ тыловымъ старьемъ спорить не стоитъ».

Другой случай печальнаго воздѣйствія старшихъ военныхъ начальниковъ на адмирала — это принятіе имъ отъ Гайды и Ко. ордена Георгія 3 степени за побѣдносный зимній походъ и взятіе Перми. Я не зналъ этого пожалованія и, видя на адмиралѣ шейнаго Георгія, думалъ, что онъ получилъ его во флотѣ въ прошлую войну; поэтому, когда Лебедевъ, въ вагонѣ у адмирала, заговорилъ о пожалованіи георгіевскихъ крестовъ за какой-то бой, то я, не стѣсняясь въ выраженіяхъ высказалъ, свой взглядъ на позорность такого награжденія во время гражданской войны. Только послѣ, когда мнѣ объяснили въ чемъ дѣло, я понялъ ошалѣвшіе взгляды и отчаянные жесты присутствовавшихъ, дѣлаемые мнѣ съ сосѣдняго съ адмиральскимъ стола.

Какъ невысока должна быть идеологія тѣхъ, которые додумались до того, чтобы поднести Верховному Правителю и уговорить его принять высочайшую военную награду за успѣхи въ междоусобной войнѣ.

12 Мая. Продолжаю болтаться по секціямъ и наблюдать россійскую болтливость и недѣловитость; меня оставили сидѣть здѣсь до конца съѣзда; знакомлюсь съ людьми, съ настроеніемъ разныхъ классовъ и съ состояніемъ и нуждами разныхъ отраслей промышленности. Утромъ былъ на засѣданіи многочисленной кожевенной секціи (Тюменьскій, Курганскій и Красноуфимскій районы): типичное россійское засѣданіе, предсѣдатель демократическаго эсеровскаго вида, но очень деспотическаго характера всѣхъ перебиваетъ, полемизируетъ съ докладчиками и пользуется всякимъ случаемъ, чтобы подпустить рѣзкость по адресу правительства и представителей власти; а случаевъ много, ибо несуразныя мѣры разныхъ агентовъ Министерства Снабженія довели кожевенниковъ до того, что имъ выгоднѣе гноить кожу въ бучилахъ, чѣмъ сдавать ее въ казну. Распоряжаются такъ, что и солдаты босы и честныя кожевенныя предпріятія трещатъ; наживаются же одни только жулики и спекулянты.

Послѣ обѣда былъ въ горной секціи; тамъ много пустоголовой и многоглаголивой интеллигентщины, а посему говорилось еще больше пустяковъ, разводилось еще больше критики ради критики и усердно упражнялись въ любимомъ россійскомъ обывательскомъ занятіи — начальству въ носъ гусара запускать. Будь моя власть, я собралъ бы всѣхъ этихъ ораторей, разводящихъ критику ради краснаго словца и ради возможности повеличаться радикализмомъ, посадилъ бы въ вагонъ I класса и отправилъ на фронтъ для препровожденія при парламентерѣ на сторону красныхъ — пусть попробуютъ тамъ побрехать.

Вечеромъ затащили меня въ театръ, въ которомъ не былъ больше 4 лѣтъ; шла «Пиковая Дама»; въ сценѣ появленія Екатерины подъ звуки «Громъ побѣды раздавайся» я расплакался и убѣжалъ изъ театра.

13 Мая. Утромъ разбирался съ заказами распредѣленными здѣсь уполномоченными Министерства Снабженія, послѣ чего высказалъ товарищу министра Мельникову, что въ этомъ дѣлѣ нужны прокуроръ, сенаторская ревизія и военно-полевой судъ, ибо несомнѣнно что многіе заказы распредѣлены или сумасшедшими идіотами или заинтересованными въ заказахъ мошенниками. Контракты составлены такъ, что всѣ выгоды и преимущества даны подрядчикамъ, а за казной оставлены обязанности платить и отвѣчать за всѣ случайности, безъ обезпеченной даже надежды и на срочность исполненія, и на самое исполненіе. Въ общемъ, то же самое, что и во Владивостокѣ. Крупные заказы розданы демократически по мелкимъ, маломочнымъ, неизвѣстнымъ и совершенно безнадежнымъ подрядчикамъ безъ залоговъ, штрафовъ и съ выдачей впередъ авансовъ, ничѣмъ абсолютно не обезпеченныхъ; эти подрядчики брались выполнить заказы въ любое время, ибо, очевидно, никогда и не собирались выполнять принимаемыя на себя обязательства. Большіе заводы отказались отъ этихъ поставокъ, такъ какъ ихъ невозможно было выполнить въ указанные въ условіяхъ сроки, особенно по новымъ для Урала видамъ производства, по которымъ надо было ставить новые отдѣлы.

Въ результатѣ ни одинъ заказъ къ сроку не выполненъ и армія сидитъ безъ обоза и безъ походныхъ кухонь, а подрядчикамъ розданы многіе десятки милліоновъ казенныхъ авансовъ подъ фиговое обезпеченіе.

Отъ какихъ-либо наскоковъ казны подрядчики надежно обезпечены параграфомъ 6-мъ всѣхъ договоровъ, по коему казна должна доставлять сырье и матерьялы, а если это не будетъ исполнено, то всякая отвѣтственность съ подрядчика спадаетъ.

Когда я спросилъ одного изъ уполномоченныхъ Министерства, какимъ образомъ все это могло быть допущено, то тотъ сталъ отговариваться, что на иныхъ условіяхъ никто не соглашался брать подряды и пришлось пойти на всѣ уступки. Когда же я его спросилъ, понималъ ли онъ, что повозки и кухни нужны были для арміи, а не для того только, чтобы распихать заказы на нихъ, согласиться на завѣдомо невыполнимые сроки и донести начальству завѣдомую неправду, что заказы заподряжены и поставка обезпечена, — то сей субъектъ отвѣта не даде.

Не отъ бѣдности, выходитъ, мы страдаемъ, а отъ внутренней гнили; даже и честность у насъ была принужденная изъ подъ палки, даже и по этой части мы были гробами повапленными.

Мѣстные обыватели говорятъ, что эти подряды были предметомъ беззастѣнчивой спекуляціи и продавались ихъ рукъ въ руки; былъ заключенъ договоръ на поставку пяти тысячъ повозокъ стоимостью свыше 12 милліоновъ рублей съ какимъ-то кондукторомъ подводнаго плаванья, весь капиталъ котораго состоялъ изъ знакомствъ съ уполномоченными министерства и носильномъ платьѣ, а все техническое оборудованіе въ карманномъ ножѣ.

По словамъ Федотова, полученные отъ казны многомилліонные авансы пущены въ спекуляцію по покупкѣ и продажѣ разныхъ товаровъ, объ исполненіи заказовъ думаютъ только немногіе, и въ результатѣ армія останется безъ необходимѣйшихъ предметовъ снабженія.

Сообщилъ все это въ Ставку для принятія какихъ-либо мѣръ ея распоряженіемъ и просилъ Товарища Министра Пр. и Сн. Мельникова доложить своему принципалу; но у Министерства есть отговорка, что это дѣлалось при старомъ Министрѣ, а теперь они за-

водятъ новые порядки; пока, я прошу немедленно отобрать подряды у безнадежныхъ лицъ и размѣстить ихъ между солидными заводскими предпріятіями, обезпечивъ срочность поставки. Хороши порядки, когда представителямъ арміи, ведущей отчаянную. борьбу со смертельнымъ врагомъ приходится просить о такихъ вещахъ, а сами они безсильны что-либо сдѣлать.

Въ три часа состоялось общее засѣданіе и закрытіе съѣзда; все это проведено Гинсомъ мастерски, очень тактично, но достаточно властно; съѣздъ принялъ всѣ резолюціи президіума, достаточно дѣловыя и направленныя къ рѣшительному улучшенію положенія уральской фабрично-заводской промышленности.

Теперь весь вопросъ въ томъ, чтобы всѣ эти хорошія пожеланія были бы безъ малѣйшей задержки претворены въ дѣйствительность и чтобы всему промышленному и рабочему населенію Урала было показано, что власть умѣетъ быстро и плодотворно распоряжаться; это будетъ имѣть огромное значеніе для поднятія авторитета туманной, пока, для населенія власти. Очень боюсь я Омскихъ канцелярій и тайныхъ теченій; представитель Министерства Торговли Минкевичъ, прегнусно противный и зудящій господинъ, проявилъ на съѣздѣ такіе взгляды, изъ которыхъ видно, что ему приказано стараться во всю, чтобы не выпустить Уралъ изъ подъ ферулы ихъ Министерства, — что равносильно похоронамъ по первому разряду. Мы-же, представители Ставки, арміи и министерства путей сообщенія стоимъ на такой точкѣ зрѣнія, чтобы исполнительная часть рѣшеній носила бы исключительный, междувѣдомственный характеръ внѣ вліянія Омскихъ канцелярій и закоулковъ. Принимая во вниманіе, что министромъ торговли числится всесильный въ Совѣтѣ Министровъ И. А. Михайловъ, приходится зѣло тревожиться за благополучное будущее сегодняшнихъ резолюцій и пожеланій.

По поведенію на съѣздѣ нѣкоторыхъ министерскихъ представителей ясно видно, что этимъ карикатурамъ на бюрократовъ ихъ вѣдомственныя самолюбія безконечно важнѣе и дороже пользы самого дѣла. Между тѣмъ, положеніе настолько серьезно и дѣло настолько запущено, что только единоличное, властное и рѣшительное дѣйствіе способно наверстать упущенное и исправить всѣ недостатки.

Вечеромъ выѣхали обратно въ Омскъ. Проведеннаго въ Екатеринбургѣ времени не жалѣю, ибо здѣсь получилъ много цѣнныхъ наблюденій и пришелъ, къ сожалѣнію, — къ грустнымъ и тяжелымъ выводамъ. Повидалъ Гайду и его антуражъ, убѣдился въ ихъ ничтожной боевой цѣнности при огромной самонадѣянности, бахвальствѣ и склонности къ атаманщинѣ. Ихъ стратегическіе разговоры и военныя умозаключенія очень напомнили мнѣ такіе-же разговоры членовъ разныхъ армискомовъ и комиссаровъ, сдѣлавшихся сразу великими стратегами, вождями и политиками. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что эти скороспѣлые генералы сами ходятъ въ штыковыя атаки (если послѣднія только бываютъ, въ чемъ я, грѣшный человѣкъ, не увѣренъ), но это приводитъ къ тому, что настоящаго управленія войсками ни на боевомъ фронтѣ, ни въ тылу нѣтъ; нѣтъ и не будетъ, ибо учиться эти вундеркинды не желаютъ.

Увидалъ Сибирскіе резервы и съ горечью убѣдился въ томъ, что, несмотря на всю серьезность положенія, у насъ сохранились старыя привычки готовить войска для парада, а не для войны и втирать очки внѣшностью и подмазаннымъ показомъ; съ ужасомъ думаю о томъ, что сидящіе въ Екатеринбургѣ стратеги способны на то, чтобы отправить эти совершенно сырыя толпы на фронтъ и поставить ихъ въ условія, требующія продолжительнаго напряженія и умѣнья маневрировать; тогда все это несомнѣнно побѣжитъ; будь успѣшное наступленіе, то, конечно, пригодились бы и такія части, которыя постепенно бы втянулись и выровнялись, но сейчасъ ихъ пускъ въ бой будетъ равносиленъ тому, чтобы тушить костеръ, заваливая его вязанками соломы.

Обманываютъ Верховнаго, убѣжденнаго теперь, что у него есть нетронутые резервы и поэтому всѣ неудачи на фронтѣ Западной Арміи скоро будутъ поправлены; обманываютъ и тѣшатъ свое распухнувшее самолюбіе: поглядите-ка, какіе мы великіе организаторы, маги и волшебники, рождающіе полки, дивизіи и десятки тысячъ укомплектованій. И нѣтъ средствъ бороться съ этимъ обманомъ, ибо Ставка тоже ничего не понимаетъ и думаетъ только объ успѣхахъ, побѣдахъ и трофеяхъ.

Познакомился съ состояніемъ Уральской промышленности, съ наиболѣе видными ея представителями. Подтвердилъ всѣ свои апріорныя предположенія о состояніи снабженій, о причинахъ хаоса и недостатковъ въ этомъ дѣлѣ; убѣдился въ глупости, непрактичности и нечистоплотности агентовъ Министерства Сн. и Пр., на каждомъ контрактѣ которыхъ надо дѣлать надпись: «что это — безмѣрная глупость или беззастѣнчивое злоупотребленіе?»

И здѣсь къ дѣлу поставокъ и министерскихъ и войсковыхъ присосались сотни самыхъ грязныхъ дѣльцовъ, которые обратили дѣло снабженій въ собственную дойную корову; они отлично учли всю выгодность для нихъ той мутной и грязной среды, которую породило нравственное разложеніе послѣднихъ двухъ лѣтъ.

Увѣряютъ, что надо было создать особое министерство снабженій, такъ какъ не было налаженнаго интендантства, да и кромѣ того хотѣли де избѣжать этого стараго института, нелюбимаго войсками и всегда плохо себя рекомендовавшаго.

Объясненіе это очень слабо, ибо разъ нашлись люди, которые подъ флагомъ Министерства Снабженій взялись за это дѣло, то почему же нельзя было сдѣлать ихъ интендантами и заставить работать по привычной и испытанной системѣ. Главное было сохранить единство власти по заготовкѣ, передвиженію, храненію и распредѣленію всѣхъ средствъ снабженія, и не нарушать основного правила не разбивать недѣлимое; тогда сохранилось бы единство заботы и единство отвѣтственности и притомъ въ рукахъ военной власти, единственно способной оцѣнивать положеніе арміи, ея нужды и способы ихъ удовлетворенія.

Неужели же это случилось потому, что кому-то (весьма собирательному) было выгодно выдѣлиться въ самостоятельное Царство, связанное съ военнопромышленнымъ комитетомъ и разными пронырливыми дѣльцами, и тамъ обдѣлывать свои личныя выгоды, себѣ и Ко. на пользу, а странѣ, арміи и населенію въ великій ущербъ.

Что же смотрятъ Совѣтъ Министровъ и Ставка, что думаютъ господинъ предсѣдатель совѣта и начальникъ штаба Верховнаго? Послѣдній все больше катается по району фронта и ему, очевидно, не до такихъ пустяковъ.

Интенданты наши, конечно, тоже не золото, но во время германской войны они были очень удовлетворительны, а главное, они намъ подчинены и у насъ есть средства заставить ихъ работать, какъ слѣдуетъ, чего мы лишены по отношенію къ агентамъ Министерства Продовольствія и Снабженія.

14 Мая. Отдохнулъ отъ сутолоки шумныхъ собраній предыдущихъ дней; совмѣстно съ Гинсомъ, Касаткинымъ и представителями Министерства Путей Сообщенія выработали общую схему положенія объ особоуполномоченномъ по Уральской промышленности, коему, по нашему мнѣнію, надо дать почти диктаторскія права, такъ какъ иначе ему не справиться съ той грандіозной задачей, которая на него возлагается; иначе, не стоитъ огородъ городить и создавать новыя, безполезныя для живого дѣла должности.

Одновременно я поднялъ вопросъ о созданіи особоуполномоченнаго по снабженію продовольствіемъ и предметами первой необходимости населенія освобождаемыхъ отъ большевиковъ мѣстностей. Надо приносить съ собой порядокъ и хлѣбъ, сапоги, чай, сахаръ, ситецъ и т. п.; надо, чтобы «при насъ» было лучше, чѣмъ было «при нихъ», и эта разница должна быть рѣзкая, реальная и чувствительная. Не принеся ничего реально полезнаго, а главное не принеся того, что сейчасъ является остро нужнымъ, мы явимся для населенія въ лучшемъ случаѣ безразличными, если не постылыми. Вѣдь мы не можемъ придти безъ мобилизацій, реквизицій, подводной повинности, безъ мелкихъ насилій и грабежей; надо, чтобы это все забыли и все простили за то, что одновременно съ этимъ появятся хлѣбъ тамъ, гдѣ его нѣтъ, соль, сахаръ, чай, хоть какая-нибудь обувь и мануфактура и пр. и пр.

Все это важно не менѣе, чѣмъ снабженіе самой арміи, ибо въ этомъ залогъ спокойнаго и доброжелательнаго къ намъ отношенія населенія, безъ чего успѣхъ наступленія и окончательный выигрышъ нашего дѣла едва ли достижимы.

Дѣло это чрезвычайной трудности и должно быть тщательно обдумано и разработано; для осуществленія его должны быть свои особые только этимъ и занятые органы, свои

запасы, свои средства перевозки, свои планы. Задача предстоитъ грандіозная, а средства исполненія ничтожны, но это не можетъ остановить желанія добиться чего-либо, — дѣло живое, творческое и должно попасть въ живыя творческія и чистыя руки; если попадетъ къ чиновникамъ самоснабженій, то лучше и не начинать.

Надо поручить это матерьяльно заинтересованнымъ въ его успѣхѣ крупнымъ предпріятіямъ и крупнымъ коммерческимъ и промышленнымъ людямъ; разсчитывать на самоотверженность и безкорыстіе теперь уже не приходится; на Уралѣ, Поволжьѣ и въ Сибири найдется не мало старыхъ, кондовыхъ фирмъ, имѣющихъ за собой сотни лѣтъ торговой репутаціи и сохранившихъ свой аппаратъ прежнихъ торговыхъ сношеній и кадры опытныхъ служащихъ.

Оба положенія надо провести немедленно указами Верховнаго Правителя, ибо, если они попадутъ въ нормальную колею исполненія черезъ разные канцеляріи и совѣты, то все на Уралѣ развалится много раньше, чѣмъ положенія пройдутъ часть этого медлительнаго пути.

Наиболѣе заинтересованныя въ судьбѣ Урала лица очень опасаются Омскихъ Сциллъ и Харибдъ и очень просятъ, чтобы положеніе объ Уралѣ было проведено помимо Совѣта Министровъ непосредственнымъ докладомъ Гинса Верховному Правителю; въ противномъ случаѣ они увѣрены, что настоящій проектъ погребется въ той же огромной могилѣ, въ которой покоятся непробуднымъ сномъ десятки его предшественниковъ.

Это такъ понятно въ той обстановкѣ, въ которой работаетъ теперь Омскъ, ибо довлѣетъ дневи злоба его! Является какая-нибудь мысль, нравится, дѣлается модной; за нее съ жаромъ хватаются, начинаются разговоры и совѣщанія, собираются комиссіи; наконецъ, рѣшаютъ осуществить, передаютъ на разработку . . . и немедленно остываютъ, забываютъ и начинаютъ ту-же процедуру съ чѣмъ-нибудь новенькимъ и злободневнымъ, за это время народившимся.

Исполненіе передается въ разные департаменты и канцеляріи, сохранившіе старыя названія, развернувшіеся въ двойные штаты, но совершенно забывшіе старые порядки работы, старую точность и четкость исполненія.

Работаютъ въ Омскѣ по послѣреволюціонному; признали восьмичасовой рабочій день (даже въ Военномъ Министерствѣ), но свято чтутъ разные праздники и субботы; приходятъ поздно, уходятъ рано, съ текущей работой справляются плохо, ну, а для творчества и детальной разработки совсѣмъ не остается времени.

Такъ и застряваютъ, какъ въ гнилыхъ зубахъ, проектъ за проектомъ, начинаніе за начинаніемъ, а что выполняется, то наспѣхъ, безъ продуманности, анализа, контроля и критики, только для того, чтобы исполнить номеръ.

Оба вышеуказанныя «Положенія» совершенно неотложны, ибо изъ Сибирскаго рабочаго времени май уже потерянъ; особенно надо торопиться съ продовольствіемъ и поскорѣе передать его въ дѣловыя надежныя руки.

По дорогѣ встрѣтили поѣздъ междусоюзнаго контроля — десять brand new пульмановскихъ вагоновъ К. В. желѣзной дороги подъ двумя паровозами. Этимъ у фронта отнимается минимумъ два поѣздныхъ состава и въ такое время, когда каждый вагонъ остро нуженъ.

Ѣдутъ якобы знакомиться съ состояніемъ фронтовыхъ дорогъ, а на самомъ дѣлѣ катаются.

Вѣдь это все старые, опытные желѣзнодорожники для которыхъ достаточно донесеній сотенъ сидящихъ всюду агентовъ и инспекторовъ для того, чтобы знать дѣйствительное состояніе дорогъ.

Ѣдутъ подъ флагомъ важнаго дѣла, а въ дѣйствительности преслѣдуютъ только интересы собственнаго любопытства и развлеченія; очень пріятно проѣхаться по незнакомой Сибири, въ чудное весеннее время, повидать близко разныя событія, заглянуть «на фронтъ» . . .

Вагоны великолѣпны; буфетъ, повара и вина первоклассные, удобства путешествія исключительныя, до вагона съ машинистками manches-courtes включительно; ѣдутъ, какъ избавители и благодѣтели. Ну, а остановка и безъ того хромающаго движенія, и

задержка движенія на фронтъ продовольствія, снаряженія и одежды — это такіе «пустяки» сравнительно съ тѣми великими благодѣяніями, которыя принесетъ пробѣгъ этого великолѣпнаго поѣзда! Я искренно пожалѣлъ, что красные не спустили его около Тайшета подъ откосъ — вагоны блиндированные и членовредительства не было-бы.

Вѣдь, и безъ того наши несчастныя дороги стонутъ отъ экстренныхъ поѣздовъ Верховнаго, Лебедева, Гайды, разныхъ чешскихъ начальниковъ, высокихъ комиссаровъ и прочихъ спасителей.

Всѣ эти междусоюзные господа не въ состояніи сообразить, что ихъ ослѣпительный пробѣгъ взадъ и впередъ нуженъ только имъ самимъ. Выдумали, что насъ надо учить, какъ распоряжаться своими дорогами; намъ нужны не ихъ совѣты, не ихъ вмѣшательство, не ихъ поѣздки, а присылка намъ паровозовъ, запасныхъ частей и масла; тогда и мы справимся по своему, не на первый, быть можетъ, сортъ, но не хуже иностранцевъ; насколько я успѣлъ познакомиться съ работой министерства путей сообщенія, то, кажется, это единственное, работа коего заслуживаетъ полнаго одобренія, и въ которомъ рули управленія въ надежныхъ и знающихъ рукахъ.

Вмѣсто совѣтовъ, лучше бы помогли реально поддержанію порядка на желѣзныхъ дорогахъ, понимая подъ этимъ не станціи и рельсы, а всю полосу дороги. Если бы въ полосѣ желѣзныхъ дорогъ былъ порядокъ, то тогда было бы легко имѣть полный порядокъ и въ эксплуатаціи. Что толку въ томъ, что американскіе диспатчеры прибавятъ ¼ поѣзда въ сутки, когда красноярскіе и тасѣевскіе большевики спустятъ подъ откосы въ десять разъ большія количества вагоновъ.

Нужна моральная и матерьяльная поддержка въ самыхъ широкихъ и искреннихъ размѣрахъ, а не совѣты, руководства, назойливые опекуны и прочія прелести наличной интервенціи, навалившіяся на насъ, какъ какія-то новыя египетскія казни.

Прочиталъ условія мира предъявленныя союзниками Центральнымъ державамъ; условія безпощадныя, укладываютъ Германію въ гробъ. О такихъ условіяхъ мечталось во время войны; думалось, что чѣмъ сильнѣе и живучѣе проявляла себя Германія, тѣмъ рѣшительнѣе должна была быть наша побѣда и тѣмъ безпощаднѣе должны быть мирныя условія, долженствующія обезпечить міръ отъ повторенія такой бойни. Но все же кажется, что союзники черезчуръ уже закрутили гайки; при разваленной Россіи, при расползающемся всюду большевизмѣ такія исключительныя по своей суровости условія едва ли принесутъ пользу міру. 76 милліоновъ нѣмцевъ нельзя выкинуть изъ міровой игры; времена же измѣнчивы, могутъ перессориться и союзники; никто не гарантируетъ отъ того, что черезъ четверть столѣтія явятся иныя союзныя комбинаціи, изъ которыхъ и можетъ вспыхнуть идея реванша, реванша нѣмецкаго, быть можетъ, во много разъ злѣйшаго и остраго, чѣмъ былъ французскій.

Нужна невѣроятная солидарность союзниковъ, чтобы осуществить эти условія; выдержитъ ли того Entente'а, да еще каждую изъ союзныхъ странъ начнутъ грызть внутреннія болѣзни и старыя, и войной рожденныя, и грядущія.

15 Мая. Вернулись въ пыльный и душный Омскъ. Былъ на оперативномъ докладѣ въ Ставкѣ; послѣднія сводки мнѣ очень не нравятся, такъ какъ несомнѣнно на фронтѣ Западной Арміи иниціатива перешла въ руки красныхъ, наше наступленіе выдохлось и армія катится назадъ, неспособная уже за что-нибудь зацѣпиться. Наступленіе красныхъ обозначилось уже опредѣленно по двумъ направленіемъ: вдоль Самаро-Златоустовской желѣзной дороги и въ разрѣзъ между Сибирской и Западными арміями. Ставка не понимаетъ положенія и позволяетъ Сибирской арміи наступать на Глазовскомъ направленіи. Одна лошадь въ парѣ пятится назадъ, другая претъ впередъ. Направленіе въ разрѣзъ армій ничѣмъ не прикрыто и, по мѣрѣ продвиженія сибиряковъ впередъ, ихъ положеніе дѣлается все опаснѣе. Когда я указалъ это генералъ-квартирмейстеру Ставки, то тотъ сослался на наличіе въ Екатеринбургѣ большихъ резервовъ, и добавилъ, что, съ введеніемъ въ дѣло резерва Каппеля, на фронтѣ Западной арміи все перевернется опять въ нашу выгоду.

Такимъ образомъ, вся судьба Зауральской кампаніи виситъ на двухъ кучахъ совершенно не готоваго къ бою сырья, безъ артиллеріи, безъ средствъ связи, необстрѣляннаго,

не умѣющаго маневрировать; я не видѣлъ войскъ группы Каппеля, но и безъ того понимаю, что за нѣсколько зимнихъ сибирскихъ мѣсяцевъ и при условіяхъ современной стоянки было абсолютно невозможно сформировать годныя для боя части. Какъ подкрѣпленіе успѣха такія части могли еще пригодиться, но, вдвинутыя въ расшатанный и катящійся назадъ фронтъ Западной арміи, онѣ не въ состояніи помочь дѣлу; фронтъ же Западной арміи и расшатанъ и катится неудержимо назадъ, что ясно чувствуется изъ туманныхъ, загримированныхъ и старающихся сохранить лицо донесеній штаба этой арміи; не подлежитъ сомнѣнію, что потеряна способность сопротивленія, что хуже крупнаго пораженія.

Въ 15 году при тяжеломъ отступленіи отъ Варшавы за Полѣсье насъ спасли старые кадры офицеровъ и солдатъ, а теперь у насъ нѣтъ ни того, ни другого, и въ этомъ очень тревожное будущее.

Ставка ничего не понимаетъ и не хочетъ понять; когда я высказываю свои опасенія, то на меня глядятъ снисходительно насмѣшливо, какъ на выжившаго изъ ума или безнадежнаго идіота, и даже не удостаиваютъ спорить; иногда только какой-нибудь превосходительный вундеркиндъ отхлестнется презрительной ссылкой на то, что и красные должны скоро выдохнуться или указаніемъ на наличіе у насъ огромныхъ резервовъ. Продолжается то же, что было и на германской войнѣ: штабы распоряжаются номерами, не зная, что такое представляютъ изъ себя эти номера и не зная ихъ боевыхъ коэффиціентовъ; и тогда это было очень скверно, ибо боевая цѣнность разныхъ частей была разная, но все же не въ такой степени, какъ это имѣетъ мѣсто сейчасъ.

Временами пытаюсь поймать себя въ ошибочности своихъ мрачныхъ расчетовъ, но дѣйствительность не даетъ мнѣ по этой части никакой лазейки; вижу передъ собой непомѣрно растянутый фронтъ; растрепанныя, полуголыя и босыя, истомленныя и вымотанныя въ конецъ части; молодое, очень храброе, но неопытное и неискусное въ управленіи войсками и въ маневрированіи начальство; самоувѣренные, враждующіе между собой и не особенно грамотные по полководческой части штабы армій, автономные, завистливые, не способные другъ другу помочь; самонадѣянную, бездарную, безграмотную по стратегіи и организаціи Ставку, далекую отъ арміи и неспособную разобраться въ происходящемъ; никакихъ рессурсовъ по части готовыхъ для боя резервовъ; никакихъ плановъ текущей операціи кромѣ задорнаго желанія измѣнить неуспѣхъ въ успѣхъ . . . и очень мало надежды на то, что все сіе преходяще и можетъ измѣниться въ лучшую сторону.

Утромъ отдано спѣшное распоряженіе о посадкѣ и отправкѣ на фронтъ всѣхъ частей группы генерала Каппеля; этому придаютъ рѣшающее значеніе и увѣрены, что Каппель остановитъ ставшее уже угрожающимъ движеніе красныхъ въ направленіи на Бугульму и Уфу.

При этой увѣренности забыты элементы времени, не подсчитано, сколько нужно для перевозки, сколько для сосредоточенія, сколько для развертыванія, и вообще, совершенно не разработанъ планъ операціи. Гонятъ прямо войска на затычку дыръ и прорѣхъ.

Какъ на несчастье, при осмотрѣ кѣмъ-то войскъ Каппеля, они оказались въ очень нарядномъ внѣшнемъ видѣ, благодаря англійскому, съ иголочки, обмундированію и снаряженію, и отлично ходили церемоніальнымъ маршемъ, чѣмъ и обманули полководцевъ Омской кунсткамеры.

Не нравится мнѣ и то, что въ составѣ этихъ частей много плѣнныхъ красноармейцевъ, изъ которыхъ, увѣряютъ, Каппель сдѣлалъ хорошихъ и надежныхъ солдатъ; не вѣрю въ такія чудеса; не сомнѣваюсь, что взятые въ ежевыя рукавицы красноармейцы прикинулись паиньками и будутъ таковыми . . . до перваго подходящаго случая. Кто разъ хватилъ хмѣльного, всегда можетъ опять напиться.

Положеніе на фронтѣ сейчасъ таково, что надо сознаться, что начатая операція не удалась, а затѣмъ, не теряя ни секунды, принять новое и сильное рѣшеніе, думая только о томъ, чтобы побѣдить и отбрасывая все побочное и мелкое.

Надо сознаться, что возстановить наступленіе на фронтѣ Западной арміи нельзя, а потому немедленно, большими переходами увести эту армію за Уралъ и тамъ дать ей

отдохнуть и устроиться. Мѣстныя условія этому очень благопріятствуютъ, ибо черезъ Уралъ идетъ мало дорогъ, а мѣстность благопріятствуетъ оборонѣ аррьергардовъ.

Аррьергарды должны выиграть время, чтобы дать арміи отдохнуть, отоспаться, поѣсть, какъ слѣдуетъ; въ это же время армія должна занять исходное положеніе для контръ-наступленія, выдѣлить резервы и ждать, когда истомленный борьбой съ аррьергардами врагъ начнетъ дебушировать на восточные склоны Урала.

То-же, что дѣлаетъ сейчасъ Ставка, есть безнадежное цѣплянье за возможность какого-то чудеснаго переворота въ нашу пользу; идетъ игра на авоську: а, вдругъ, красные выдохнутся или подброшенные резервы сразу измѣнятъ положеніе.

Все это пріемы недостойные крупной игры, показывающіе, что, вмѣсто мастеровъ, игру ведутъ авоськи да небоськи самаго мизернаго калибра.

Въ тылахъ тоже неблагополучно; серьезное возстаніе расползается въ Кустанайскомъ уѣздѣ; туда посланъ казачій генералъ Волковъ, извѣстный своей рѣшительностью; сегодня онъ уже доноситъ, что двѣ главныя банды имъ настигнуты и истреблены. Вообще же, на возстанія въ тылу Ставка обращаетъ слишкомъ мало вниманія и начинаетъ тревожиться только, если это отзывается на подвозѣ или вызываетъ посылку войскъ; посмотрѣть поглубже и повнимательнѣе на это движеніе не хотятъ и только отъ него отмахиваются. Говорилъ по этому поводу съ Бурлинымъ и Кондрашевымъ, настаивая на необходимости обратить вниманіе на тыловыя возстанія, отыскать вызывающія ихъ причины и принять мѣры по устраненію этихъ причинъ, каковыми въ большей половинѣ является не большевизмъ.

Ставка увѣрена, что если на фронтѣ будетъ успѣхъ, то тылы смирятся и успокоятся; я же смотрю на это иначе и считаю, что никакіе успѣхи на фронтѣ намъ не помогутъ, если мѣстные агенты власти въ тылу будутъ вести себя такъ, чтобы вызывать ненависть населенія. Сейчасъ, напримѣръ, идетъ формированіе отрядовъ особаго назначенія, поступающихъ въ распоряженіе управляющихъ губерніями; казалось бы, что въ эти отряды надо назначить отборный составъ, обезпечить его матерьяльно самымъ широкимъ образомъ, а у насъ все дѣлается какъ разъ наоборотъ: въ отряды идутъ отбросы арміи и чиновничества, очевидно, въ надеждѣ нажиться; оклады въ отрядахъ нищенскіе, одѣты они оборванцами и даже не всѣ имѣютъ вооруженіе. Никакой реальной силы они не представляютъ, являясь по сущности полуразбойничьими бандами, годными на карательныя экзекуціи и на расправу съ крестьянами, но неспособными бороться съ красными шайками.

Омскъ не понимаетъ, что по этимъ «войскамъ» населеніе судитъ о представляемой ими власти.

Желѣзнодорожныя части, формируемыя для службы и охраны желѣзныхъ дорогъ и имѣющія огромное значеніе для установленія тамъ порядка, обставлены также самымъ жалкимъ образомъ.

Ставочные вундеркинды не желаютъ обращать вниманія на тылъ, не желаютъ учитывать великаго значенія порядка и спокойствія въ тылу, ничего туда не даютъ, вытягиваютъ оттуда все годное, а затѣмъ злятся, что въ тылу что-то безпокойно жужжитъ и все чаще и чаще мѣшаетъ ихъ боевымъ операціямъ.

Пока всю вину сваливаютъ на эсеровъ, организующихъ всѣ эти возстанія.

Забываютъ, что въ гражданской войнѣ тылъ важенъ не менѣе фронта, и что мелкіе уколы въ тылу могутъ въ концѣ концовъ сокрушить и фронтъ. Если тылъ грызутъ эсеры, то ихъ надо раздавить, или же, буде возможно, придти къ какому-нибудь соглашенію. Скверно то, что въ контръ-развѣдкѣ есть данныя, что эсеры находятся въ какой-то связи съ вліятельными чехословацкими сферами.

Вечеромъ Бурлинъ отъ имени Верховнаго Правителя предложилъ мнѣ занять должность Военнаго Министра, такъ какъ Степановъ оставляетъ свой постъ; оказывается, что онъ очень неудачно уѣхалъ на Дальній Востокъ, оставивъ здѣсь цѣлую свору враждебно настроенныхъ противъ него лицъ.

Попросилъ дать нѣсколько часовъ на размышленіе; слишкомъ тяжелый это крестъ и слишкомъ дрябла вся Омская обстановка; тѣ двѣ недѣли, что я здѣсь проболтался, убѣдили меня, что я человѣкъ совсѣмъ иныхъ взглядовъ; сломать все старое и органи-

зовать вновь можно только при опредѣленной, твердой и неизмѣнной поддержкѣ Ставки, Совѣта Министровъ и самого адмирала. Для этого же надо, чтобы всѣ эти учрежденія и лица поняли, сознали и учли ошибки въ томъ же направленіи, какъ то дѣлаю я, и дружно, искренно начали работать надъ исправленіемъ.

То, что я здѣсь вижу, слышу, чувствую и испытываю, опредѣленно указываетъ, что, кромѣ личнаго, очень эфемернаго, шаткаго и способнаго мѣняться по нѣсколько разъ въ день сочувствія адмирала и, быть можетъ, нѣкоторой поддержки Совѣта Министровъ, я ни на что разсчитывать не могу. Главная борьба предстоитъ со Ставкой; разъ я взлѣзаю на столь высокій постъ, то мои взгляды на веденіе операцій на фронтѣ, на атаманщину, на порядки въ тылу и на общую политику должны быть принимаемы во вниманіе и на нихъ должна быть построена будущая работа Военнаго Министерства.

Все это я сообщилъ Бурлину и просилъ доложить Верховному Правителю, что я не считаю себя въ правѣ отказываться отъ работы, но прошу провѣрить мои взгляды на основныя задачи фронта и военнаго вѣдомства, дабы потомъ не происходило уже никакихъ недоразумѣній.

16 Мая. Весь день просидѣлъ въ Ставкѣ на совѣщаніяхъ по поводу новой конструкціи военнаго управленія; съ недоумѣніемъ узналъ, что, повидимому, рѣшено сосредоточить въ лицѣ Лебедева должности Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго и Военнаго и Морского Министровъ, давъ ему помощниковъ по всѣмъ тремъ должностямъ. Честолюбію этого бездарнаго выскочки, видимо, нѣтъ предѣловъ.

Я заявилъ, что подобное совмѣщеніе совершенно не возможно, ибо нельзя совмѣщать полевую должность съ званіемъ министра, члена совѣта министровъ; пытался разъяснить совѣщанію, что, если дѣйствительно армія и фронтъ страдаютъ вслѣдствіе отношеній, установившихся между Ставкой и Военнымъ Министерствомъ и ихъ верхами, то сама система управленія тутъ не причемъ.

Надо или заставить верхи работать дружно и въ одну струю, или же ихъ смѣнить и поставить такіе, которые работали бы, какъ хорошо съѣзженная пара; ломать же систему въ такое горячее время невозможно.

Мое мнѣніе осталось единоличнымъ и никто его не поддержалъ. Было ясно, что реформа основана на желаніи во что-бы то ни стало свалить неугодныхъ Лебедеву и Ко. военнаго министра генерала Степанова и начальника главнаго штаба генерала Марковскаго. На Степанова валятъ всю отвѣтственность за плохое снабженіе арміи; на Марковскаго сугубо злятся за то, что онъ позволилъ себѣ протестовать противъ производства въ генералы ставочной молодежи — Лебедева, Леонова, Касаткина и Ко., такъ какъ къ этому, кромѣ ихъ желанія, не имѣлось никакихъ законныхъ основаній.

Бурлинъ мнѣ сказалъ, что основанія реформы уже одобрены адмираломъ и къ возвращенію Лебедева (опять умчавшагося неизвѣстно для чего на фронтъ) вся реформа должна быть выработана. На это я просилъ избавить меня отъ назначенія помощникомъ Лебедева, такъ какъ наши взгляды слишкомъ не сходятся.

Основанія реформы сводятся къ тому, чтобы почти уничтожить военное министерство и всѣ отдѣлы военнаго управленія на фронтѣ и въ тылу подчинить одному лицу и Ставкѣ; въ этомъ видятъ какую-то панацею для чудеснаго избавленія отъ всѣхъ золъ и болѣзней и на фронтѣ и въ тылу.

Соусы и доводы самые разнообразные; особенно старается министерская молодежь во главѣ съ полковниками Клерже и Оберихтинымъ, ненавидящая Степанова и Марковскаго (насколько можно судить, за требованія работы и порядка).

Идетъ борьба задорныхъ молокососовъ противъ стараго опыта и служебнаго стажа. Ради этого валятъ старую вѣковую систему, связанную со всѣми вопросами организаціи, довольствія, управленія и военнаго законодательства; въ реформаціонномъ, на личномъ соусѣ разведенномъ ражѣ забываютъ, что фронтъ есть фронтъ, а тылъ есть тылъ; первый воюетъ, а послѣдній готовитъ и подаетъ первому все нужное для войны и убираетъ все ненужное; первый живетъ по особымъ законамъ Полевого Управленія, отмѣняющимъ всѣ гарантіи, а второй живетъ по общегосударственнымъ законамъ и по конституціи.

Кому могла придти въ голову безумная мысль заниматься такими рискованными и коренными реформами въ такое тяжелое время. Надо возстанавливать, а мы вмѣсто этого рушимъ послѣдніе остатки сохранившагося.

А на фронтѣ нехорошо и нехорошо; красные на Уфимскомъ направленіи упрямо наступаютъ и не даютъ намъ передышки. Нервность молодыхъ частей и жестокія условія гражданской войны влекутъ за собой малую стойкость и большую чувствительность къ обходамъ и прорывамъ, почти что неизбѣжнымъ, такъ какъ весь фронтъ одна сплошная дыра. Всѣ это чувствуютъ и все время зорко смотрятъ за тѣмъ, не ушелъ ли сосѣдъ; прислушиваются, нѣтъ ли выстрѣловъ въ тылу, и въ результатѣ получается равненіе по худшимъ и наименѣе стойкимъ, которые при первомъ признакѣ реальной или даже воображаемой опасности быстро сдаютъ, обнажаютъ сосѣдей; тѣ въ свою очередь начинаютъ пятиться и, въ концѣ концовъ, весь фронтъ катится назадъ. Положеніе очень серьезное, такъ какъ развѣдка показываетъ, что красные стянули противъ насъ всѣ резервы внутреннихъ округовъ; надъ сформированіемъ этихъ резервовъ они работали всю осень и всю зиму.

Докладывалъ адмиралу и все время убѣждаю Ставку, что надо во что бы то ни стало остановить ростъ армій и всякія самочинныя формированія, ибо давно уже у насъ нѣтъ во что ихъ одѣвать и кое-гдѣ нѣтъ чѣмъ кормить. Вѣдь, по сводкамъ Ставки у насъ на довольствіи состоитъ около 800 тысячъ человѣкъ; наладить снабженіе въ такихъ размѣрахъ мы совершенно безсильны.

Надо положить предѣлъ самоуправству армій и отдѣльныхъ группъ, не видящихъ ничего дальше своего носа, преслѣдующихъ свои личные интересы и не желающихъ ничего слушать и ни съ чѣмъ считаться. Достаточно того, что эта анархія и самоопредѣленія привели уже къ ряду непріятныхъ неудачъ и заставляютъ опасаться за прочность всего нашего военнаго положенія. Ставкѣ уже пришлось «отложить» свое перемѣщеніе въ Екатеринбургъ; приходится приготовляться къ расплатѣ за преступную легкомысленность въ управленіи арміями; вмѣсто методическаго, строго разсчитаннаго и прочно назади закрѣпляемаго наступленія, наши арміи неудержимо неслись впередъ, растянулись, не въ мѣру распухли (только числомъ, но не качествомъ и боеспособностью) и оказываются безсильными сдерживать переходъ красныхъ въ наступленіе.

На наше горе красные оказались умнѣе насъ; когда у нихъ обозначилась невозможность сдержать нашъ стихійный порывъ, они отдали намъ Уралъ, ушли за Волгу, подтянули подготовленные резервы, намѣтили очень нехитрый и бѣлыми нитками шитый планъ операціи, и тремя группами ударили по нашему растянутому фронту.

Ставка была обязана задержать арміи на Уралѣ, дать имъ устроиться и отдохнуть, обезпечить снабженіе и тогда идти къ Волгѣ; вмѣсто этого, всѣ понеслись впередъ такъ, какъ будто бы красныхъ не было.

Скверно то, что, судя по разсказамъ безпристрастныхъ наблюдателей, импульсомъ этого безудержнаго наступленія было честолюбіе фронтовыхъ начальниковъ и погоня за намѣченными впереди призами и связанными съ ихъ достиженіемъ наградами.

Лавры Пермской побѣды вскружили всѣмъ головы; посыпались награды, на фронтѣ имѣется уже нѣсколько кавалеровъ ордена Георгія 3 степени; бывшіе штабсъ-капитаны сдѣлались генералъ-лейтенантами; немудрено, что отъ этого даже у болѣе уравновѣшенныхъ честолюбцевъ глаза и зубы разгорѣлись. Въ наградномъ чаду дошли до того, что высоко залѣзшіе георгіевскіе кавалеры повторили кіевскую комедію съ георгіевскимъ крестомъ Государю, и на пасху поднесли адмиралу Георгія 3 степени за освобожденіе Урала. Слабохарактерный адмиралъ не нашелъ въ себѣ силы воли и широты взгляда приказать забыть даже о такихъ подношеніяхъ, — и принялъ крестъ.

Послѣ взятія Перми и Уфы юные полководцы стремительно полетѣли впередъ. Пепеляевъ на Вятку, Вержбицкій на Казань, Ханжинъ на Самару; красные почти не сопротивлялись. При этомъ полетѣ, сопровождаемомъ мелкими, но раздуваемыми во всю успѣхами, перестали думать и соображать; хотѣлось только первыми придти къ поставленной цѣли и прославиться.

Получившееся при этомъ непомѣрное растяженіе фронта создало благопріятную почву для многочисленныхъ новыхъ формированій и развертываній; была пущена въ ходъ система мѣстныхъ мобилизацій, объявляемыхъ самостоятельно начальниками разныхъ войсковыхъ комбинацій. Эти шалые, безсистемные призывы ничего, кромѣ вреда, не принесли и силы арміи не прибавили; голодное населеніе не особенно противъ нихъ реагировало, такъ какъ поступленіе въ войска давало одежду и кормежку.

Для этихъ спазматическихъ формированій не было ни кадровъ, ни учителей, ни снаряженія; они только обманывали верхи своимъ наличіемъ и своей численностью (это я видѣлъ уже въ Екатеринбургѣ; они давали миражи армій и реальной силы тамъ, гдѣ ни настоящихъ войскъ, ни реальной силы не было. При успѣшномъ наступленіи все это не сказывалось, ибо серьезныхъ боевъ не было, особенной опасности тоже, а всякій успѣхъ давалъ наступающему богатую добычу. Но съ тѣхъ поръ, какъ на фронтѣ Западной арміи фортуна повернулась къ намъ задомъ и понадобились стойкость и подвигъ, не слѣпленныя ничѣмъ прочнымъ части, случайныя сборища деревенскихъ и городскихъ парней, оказываются уже неспособными выдерживать выпавшія на ихъ долю боевыя и походныя испытанія. Такъ говорятъ пріѣзжающіе съ фронта офицеры, преимущественно старые артиллеристы, которыхъ я встрѣчаю ежедневно въ управленіи Полевого Инспектора Артиллеріи; многіе прямо сознаются, что при отходѣ мѣстные мобилизованные расходятся по своимъ деревнямъ, унося одежду, снаряженіе, а иногда и вооруженіе.

Съ подготовкой резервовъ въ чаду успѣха не торопились; сейчасъ съ огромнымъ уже опозданіемъ всюду идетъ лихорадочная работа по выброскѣ впередъ этого сырья; спѣшкой уже не покрыть такіе серьезные органическіе недостатки всей системы. Отсутствіе самоанализа и служебнаго опыта позволяетъ и Ставкѣ и штабамъ арміи забывать, что кучи людей, одѣтыхъ въ военную форму и имѣющихъ, — да и то не всегда — въ рукахъ ружья, представляютъ только весьма малую часть совокупности тѣхъ данныхъ и качествъ, которыя необходимы для того, чтобы имѣть право называть эти кучи воинскими частями, годными для войны и для боя.

Неудержимо гонятъ на фронтъ части группы генерала Каппеля; я пересталъ уже говорить объ опасности отправки туда этого сырья, такъ какъ это безсильно кого-нибудь здѣсь вразумить. Закрывъ глаза и заткнувъ уши, видятъ въ этомъ спасеніе положенія на фронтѣ Западной арміи и не желаютъ разумно оцѣнить все положеніе, хладнокровно подсчитать всѣ шансы и принять рѣшеніе, не считаясь ни съ чѣмъ, кромѣ пользы. Мнѣ уже надоѣло быть какой-то каркающей Кассандрой среди этихъ оптимистовъ, убѣжденныхъ, что сейчасъ войну надо вести по особеннымъ, имъ извѣстнымъ и уже провѣреннымъ на опытѣ правиламъ. Юнцы не способны разглядѣть тотъ рубецъ, на которомъ кончилось іюньское возстаніе прошлаго года и началась настоящая война, имѣющая, конечно, свои специфическія особенности, но все же настоящая, управляемая незыблемыми законами война. Они не разбираются въ томъ, что армія въ сотни тысячъ ртовъ (къ сожалѣнію, не штыковъ) это не партизанскіе отряды и офицерскія организаціи перваго періода войны, и что для существованія и управленія армій необходимо держаться основъ того, что выработала военная наука и что далъ боевой опытъ прошлаго.

Вмѣсто управленія арміями, корпусами и дивизіями рождена и укрѣпилась идея старшихъ начальниковъ, самихъ водящихъ свои войска въ аттаку (своего рода опрощеніе начальника, опусканіе его на дно, микрокефалія своего рода); хотятъ повторять картины Бородина, Ваграма, Ватерлоо, гдѣ маршалы со шпагами въ рукахъ шли впереди многотысячныхъ колоннъ. Не учуяли до сихъ поръ, что боевая популярность старшихъ начальниковъ создается не тѣмъ, чтобы съ шашкой или винтовкой бѣгать впереди солдатъ, ведущихъ наступленіе.

Старшій начальникъ долженъ умѣть почувствовать, гдѣ и когда нужно его личное появленіе, и долженъ умѣть во время и безъ ущерба для управленія своими войсками это осуществить, умѣло распорядиться и быть при этомъ все тѣмъ же большимъ начальникомъ, а не рядовымъ бойцомъ.

Старшій начальникъ долженъ иногда щегольнуть эпизодомъ личной храбрости и презрѣнія къ опасности и сдѣлать это такъ, чтобы молва разукрасила и придала всему

этому героическій характеръ, но все это такъ далеко отъ того, чтобы размѣниваться въ рядового носителя винтовки.

Скверно то, что адмирала убѣдили въ томъ, что ихъ взглядъ на современнаго старшаго начальника совершенно вѣренъ; того же убѣжденія и начальникъ штаба Верховнаго Лебедевъ, который уже разъ, въ отвѣтъ на мои доводы о невозможности отправлять на фронтъ неготовые резервы, отчетливо отчеканилъ самымъ менторскимъ тономъ, что «теперь не 1915—1916 года, и нѣтъ времени отдѣлывать укомплектованія; война при данныхъ условіяхъ даетъ возможность обходиться и съ сырыми укомплектованіями, что можно-де видѣть по блестящимъ успѣхамъ, одержаннымъ молодыми сибирскими войсками подъ предводительствомъ ихъ храбрыхъ начальниковъ, съ винтовкой въ рукѣ ходящими въ аттаку».

17 Мая. Рано утромъ въ Ставкѣ состоялось секретное совѣщаніе по вопросу о реорганизаціи военнаго Управленія; объявлено окончательно, что Лебедевъ будетъ Наштаверхомъ и Военнымъ Министромъ (добавленіе Морского Министра встрѣтило сильное сопротивленіе морскихъ круговъ и, повидимому, не пройдетъ). Ставочная и антистепановская молодежь въ восторгѣ и уже готовы плясать побѣдный танецъ на костяхъ поверженныхъ враговъ.

Я пытался убѣдить совѣщаніе въ несвоевременности реформы, предлагалъ два компромиссныхъ проекта, удовлетворяющихъ законнымъ требованіямъ обстановки, но ничего не разрушающихъ, но все это было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Лебедевъ и Ко. уже успѣли прочно убѣдить адмирала и всякими софизмами, и натяжками доказали ему, что вся военная власть и на фронтѣ, и въ тылу должна быть въ однѣхъ рукахъ и что Военное Министерство должно быть подчинено Ставкѣ.

Напрасно было доказывать, что объединеніе власти уже имѣется въ лицѣ адмирала — одновременно Верховнаго Правителя (коему подчинено Военное Министерство) и Верховнаго Главнокомандующаго (коему подчинена Ставка), а что дальше внизъ требуется уже спеціализація по фронту и тылу, каждый изъ коихъ имѣетъ свои особыя задачи и живетъ по особымъ, не подходящимъ для другого законамъ.

Если Лебедевъ поссорился со Степановымъ, а Ставка и Главный Штабъ живутъ, какъ собака съ кошкой, то не можетъ же это служить основаніемъ для того, чтобы сломать вѣками существующую систему военнаго Управленія, да еще въ такое время, когда всякій рабочій часъ, всякое напряженіе ума надо обратить на пользу и созданіе, а не на разрушеніе и шалые эксперименты. Поставьте во главѣ отдѣловъ военнаго управленія людей, способныхъ забыть личное ради общаго, и тогда никакихъ реформъ не потребуется.

Я не понимаю создаваемой для Лебедева должности, гдѣ одна половина живетъ по положенію о полевомъ управленіи, а другая — по обычному своду законовъ; я не понимаю такой должности, гдѣ первая половина въ предѣлахъ театра военныхъ дѣйствій независима, почти неограничена во власти, а вторая входитъ въ совѣтъ министровъ, отвѣтственна передъ соединеннымъ комитетомъ и связана въ своихъ дѣйствіяхъ конституціонными ограниченіями.

Ради личныхъ счетовъ и пустозвоннаго самолюбія совершается коренная реформа; неужели же не нашли болѣе важныхъ дѣлъ для творчества, работы и реформъ. Всѣ мои симпатіи на сторонѣ Военнаго Министерства; я не знаю, какъ оно работаетъ, но чувствую, что оно стоитъ на сторонѣ порядка, планомѣрности и говоритъ Ставкѣ непріятную правду. Ставка же полна ядомъ по отношенію къ Главному Штабу — непокоряющемуся подъ нози и держащему свою линію, — настрочила ему смертный приговоръ и уже торжествуетъ по поводу предстоящаго униженія и уничтоженія ненавистнаго соперника.

Старыя и тревожныя картины: честолюбцы тянутся къ власти, забираютъ ее полными руками, готовы стать неограниченными самодержцами, но хватитъ ли знаній, умишка, опыта, чести, любви къ родинѣ и жертвеннаго безкорыстія, чтобы со всѣмъ захваченнымъ справиться! Вѣдь военное дѣло то-же ремесло, а чтобы быть хорошимъ ремесленникомъ надо практически изучить дѣло, начавъ съ мелочей и пройдя всѣ стадіи мастерства. Надо знать не только, какъ пишется, но и какъ выговаривается.

На фронтѣ западной арміи продолжается отходъ; сибирская же по прежнему претъ правымъ флангомъ на Глазовъ и общій фронтъ все время перекатывается съ сѣвера на югъ, дѣлая положеніе Сибирской арміи все болѣе и болѣе опаснымъ. Между тѣмъ, уже обозначилось, что красные ведутъ ударъ въ разрѣзъ армій въ направленіи на Воткинскій и Ижевскій заводы. Камская рѣчная флотилія, забравшая подъ себя всѣ пароходы и лучшую артиллерію, тоже пятится на востокъ по мѣрѣ того, какъ красные подвигаются вдоль береговъ.

Ставка швыряетъ на фронтъ всѣ сырые резервы, гонитъ туда послѣдніе скудные запасы винтовокъ для того, чтобы раздать ихъ еще не стрѣлявшимъ никогда парнямъ и бросить ихъ въ наступленіе.

Эшелоны съ резервами и со снаряженіемъ несутся на западъ на встрѣчу катящимся назадъ тыламъ западной арміи; ясно, что эшелоны съ вооруженіемъ и снаряженіемъ будутъ забиты въ этой кашѣ и нѣтъ никакихъ гарантій на то, что они будутъ надлежаще использованы. Пытался говорить по этому поводу съ Бурлинымъ, но тотъ считаетъ, что все боевое управленіе принадлежитъ Лебедеву, находящемуся на фронтѣ, и которому положеніе тамъ яснѣе.

На дѣлѣ же какъ разъ наоборотъ; будь даже Лебедевъ грамотнѣе въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ онъ есть, то и тогда правильный взглядъ на общее стратегическое положеніе вырабатывался бы сидя въ Ставкѣ, а не гоняя безъ системы и толку по тыламъ армій и комкая и безъ того сумбурное желѣзнодорожное движеніе.

Настаиваю на томъ, чтобы обязали арміи присылать сюда своихъ пріемщиковъ и конвой, ибо иначе прямо преступно вышвыривать послѣдніе наши запасы въ какую-то бездонную и неизвѣстную прорву.

Вездѣ въ тылу спѣшно одѣваютъ въ форму новобранческія толпы, наученныя ходить съ пѣснями и въ ногу, даютъ имъ первый разъ въ жизни винтовки, и воображаютъ, что это солдаты, затѣмъ все это спѣшно набивается въ вагоны и гонится на востокъ для закупориванія образовавшихся всюду на фронтѣ дыръ (онъ давно уже дырявый, но замѣтили это только теперь, когда во всѣ дыры полѣзла наступающая краснота).

Говорилъ съ адмираломъ; ничего не вышло; по этой части онъ завороженъ фронтовыми докладами, считаетъ меня, повидимому, годнымъ только для тыла, а мои слова только преувеличеніемъ и ворчаніемъ. Просилъ освободить меня отъ всякихъ Омскихъ назначеній и дать назначеніе на фронтъ, но получилъ отказъ.

Посылая неготовые для боя резервы, оправдываются тѣмъ, что до сихъ поръ побѣждали съ неготовыми войсками, и что у красныхъ тоже такія же войска; это совершенно невѣрно, такъ какъ по сводкамъ контръ-развѣдки ясно, что красные резервы готовились внутри Россіи съ осени; кромѣ того, у красныхъ огромное преимущество въ томъ, что они не боятся брать на пополненіе старыхъ солдатъ, не нуждающихся въ обученіи, а мы боимся этого, какъ чорта, и принуждены призывать только зеленую 18—19-лѣтнюю молодежь, совсѣмъ сырой матерьялъ, требующій тщательной обработки и хорошихъ кадровъ.

Свѣдѣнія изъ Владивостока подтверждаютъ, что Ивановъ-Риновъ всячески дискредитируетъ Хорвата и пытается вылѣзть въ полуавтономные правители Дальняго Востока.

На внутреннихъ фронтахъ по мѣрѣ наступленія теплаго времени число очаговъ возстанія все увеличивается; на Тайшетскомъ участкѣ идетъ настоящая война; возставшія банды громятъ волостныя правленія, убиваютъ священниковъ, лѣсничихъ и мелкую интеллигенцію.

Вернулся съ фронта Верховный Правитель; его убѣдили, что ему надо возможно чаще ѣздить по фронту; на вокзалѣ полная встрѣча, съ почетнымъ карауломъ и прочими аксессуарами; въ первый разъ видѣлъ днемъ весь составъ совѣта Министровъ; былъ нѣсколько удивленъ одѣяніями господъ министровъ, напоминавшихъ своимъ видомъ довольно полупочтенную компанію; конечно, теперь не до блестящихъ формъ, но все же представителямъ правительства слѣдовало бы одѣваться приличнѣе. На вокзалѣ встрѣтился съ командующимъ войсками Омскаго Округа генераломъ Матковскимъ; въ разговорѣ съ нимъ передалъ ему свою харбинскую идею привлеченія городской буржуазіи

къ несенію нарядовъ караульной и внутренней гарнизонной службы при помощи сформированія изъ нихъ командъ — типа національной гвардіи; это облегчитъ войска, дастъ имъ больше времени для занятій и боевой подготовки, сорганизуетъ буржуевъ и, быть можетъ, научитъ ихъ защищать самимъ свои интересы противъ красной проказы. Матковскому эта идея очень понравилась и онъ хочетъ провести ее въ предѣлахъ округа.

18 Мая. Лебедевъ и его молодежь разработали, наконецъ, окончательный проектъ системы военнаго управленія, причемъ, главная цѣль — истребленіе Степанова и Марковскаго съ подчиненіемъ всего Лебедеву — достигнута. Результатомъ реформы является созданіе невѣроятно громоздкой Ставки, вбирающей въ себя часть отдѣловъ военнаго министерства; берутъ себѣ часть дежурнаго генерала, чтобы царить по части наградъ и назначеній (но пенсіонный, очень безпокойный и невыигрышный отдѣлъ оставили въ Военномъ Министерствѣ); затѣмъ взяли себѣ всю развѣдку и освѣдомленіе — отдѣлы очень жирные и вкусные, съ богатыми темными суммами и большой властью; да кромѣ того и спокойнѣе по части разныхъ темныхъ секретовъ, если въ Военномъ Министерствѣ не будетъ своей самостоятельной контръ-развѣдки, которая, какъ и ставочная, занимается больше всего слѣжкой за начальствомъ и своими конкуррентами.

Всю Ставку сваливаютъ на Бурлина, все министерство хотятъ нагрузить на меня, а Лебедевъ принимаетъ двойной вѣнецъ фронта и тыла и право все время кататься, во все путаться и ничего не дѣлать.

Я опредѣленно отказался отъ назначенія; былъ вызванъ къ адмиралу, который, какъ хорошо заученный урокъ, повторилъ всѣ доводы Лебедева и Ко. о необходимости реорганизаціи военнаго управленія и объявилъ, что моего отказа не принимаетъ и приказываетъ мнѣ принять рѣшенное имъ назначеніе; я пытался доложить свои доводы, но съ адмираломъ начался штормъ, онъ сталъ кромсать ножомъ ручку своего кресла и заявилъ, что онъ желаетъ этой реформы, признаетъ ее необходимой и приказываетъ ее осуществить. Пришлось замолчать.

Затѣмъ адмиралъ приказалъ Бурлину и мнѣ отправиться къ Военному Министру и объявить ему о состоявшемся его рѣшеніи. Это меня очень удивило, т. к. я считалъ, что это дѣло самого адмирала объявить такое серьезное рѣшеніе одному изъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ; вижу въ этомъ неискренность; нехорошо, если у такого лица не хватаетъ прямоты и характера, чтобы самому произвести эту операцію. Начинаю понимать, почему все это велось такъ тайно и поспѣшно; начинаю догадываться, что всѣ разговоры Ставки о томъ, что реформа разрабатывается съ вѣдѣнія Военнаго Министерства были ложью.

На Тайшетскомъ участкѣ красные свалили подъ откосъ двѣнадцать новыхъ паровозовъ, шедшихъ на усиленіе западно-сибирскаго Участка.

Возстанія и мѣстная анархія расползаются по всей Сибири; говорятъ, что главными районами возстаній являются поселенія столыпинскихъ аграрниковъ, неприспособившихся къ сибирской жизни, и охочихъ на то, чтобы поживиться за счетъ богатыхъ старожиловъ.

Плохо все это кончится; Ставка упрямо все тащитъ на фронтъ и не желаетъ понимать огромной важности образованія въ тылу прочныхъ и надежныхъ гарнизоновъ; посылаемые спорадически карательные отряды только бунтуютъ населеніе, такъ какъ не разбираютъ правыхъ отъ виноватыхъ, жгутъ деревни, вѣшаютъ и, гдѣ можно, безобразничаютъ. Такими мѣрами этихъ возстаній не успокоить; для ихъ исцѣленія нужны иныя мѣры. Прежде всего глупо охранять желѣзную дорогу, сидя на станціяхъ, ходя по рельсамъ и не имѣя ничего въ сторонѣ отъ дороги, въ районѣ наиболѣе опасныхъ селеній и важнѣйшихъ колесныхъ дорогъ. Говорилъ объ этомъ генералъ-квартирмейстеру и оперативной части, но получилъ отвѣтъ, что это дѣло начальника Красноярскаго района генерала Розанова, которому на мѣстѣ виднѣе, что надо сдѣлать для того, чтобы прикрыть желѣзную дорогу отъ нападенія возставшихъ жителей. Такъ же легкомысленно смотрятъ въ Ставкѣ на всѣ нужды тыла. Думаю, что сейчасъ насъ можетъ выручить только дружеская окупація нашихъ тыловъ союзными войсками; возложить охрану порядка и власти на части, наспѣхъ и неумѣло формируемыя изъ зеленой крестьянской и городской молодежи, неустой-

чивой и больной всѣми пріобрѣтеніями революціи, — немыслимо. Не вѣрю вообще въ возможность скоро сформировать новыя надежныя части русской арміи, даже при самыхъ совершенныхъ методахъ исполненія; то же, что дѣлается въ Приамурьѣ и здѣсь въ Сибири, грозитъ подарить насъ такими воинскими частями, которыя въ тяжелыя минуты испытаній могутъ сдѣлаться причиной нашей гибели; вѣдь, уже и сейчасъ въ шифрованныхъ донесеніяхъ съ фронта все чаще попадаются зловѣщія для настоящаго и грозныя для будущаго слова «перебивъ своихъ офицеровъ, такая-то часть передалась краснымъ». И не потому, что она склонна къ идеаламъ большевизма, а только потому, что не хотѣла служить, не хотѣла рисковать въ бою своей жизнью, и въ перемѣнѣ положенія, создаваемаго измѣной, думала избавиться отъ всего непріятнаго.

Познакомился съ управляющимъ мѣстной работой Краснаго Креста Киндяковымъ; высказалъ ему необходимость избѣжать тѣхъ печальныхъ сторонъ института сестеръ милосердія, которыя мы видѣли въ 1914—1917 гг.; нужно дать сестеръ-санитарокъ, а не тѣхъ сестеръ увеселительницъ штабовъ, начальства и молодежи, которыя своей дѣятельностью замарали чистую и самоотверженную работу настоящихъ общинныхъ сестеръ и немногочисленныхъ идейныхъ сестеръ-волонтерокъ.

Вечеромъ въ Ставкѣ состоялось послѣднее совѣщаніе по исполнительной части реорганизаціи военнаго управленія; въ совѣщаніе привлекли, безъ вѣдома и разрѣшенія Военнаго Министра, часть подвѣдомственныхъ ему чиновъ.

Послѣдній разъ пытался ввести нѣкоторыя поправки; предложилъ смѣшанную систему, которая, удовлетворяя честолюбивые и властолюбивые апетиты Ставки, возможно меньше коверкала бы весь механизмъ управленія и причиняла бы меньше вреда, но преуспѣлъ въ очень незначительной дозѣ, да и то въ несущественномъ.

Борьба безнадежная, ибо реформа совершается не для дѣла, а для лицъ; ея основанія прочно укоренились въ лигѣ создавшихъ и проводящихъ ее элементовъ; многіе создаютъ на этомъ свою карьеру и лѣзутъ на проломъ съ той наглой рѣшительностью и циничной безпринципностью, кои пышно расцвѣли у насъ въ послѣреволюціонное безвременье.

Хотѣлъ устроить бурный скандалъ и, несмотря на приказъ адмирала, отказаться отъ всякой работы при такихъ порядкахъ, но Бурлинъ и Кондрашевъ уговорили этого не дѣлать, доказавъ, что никакой пользы отъ этого не получится, но вредъ для общаго положенія будетъ большой, такъ какъ многіе питаютъ большія надежды на мою будущую работу и мой отказъ произведетъ и въ Омскѣ, и въ разумныхъ военныхъ кругахъ самое тяжелое впечатлѣніе.

19 Мая. Пришлось быть безмолвнымъ свидѣтелемъ объявленія Степанову уже совершившагося факта его отставки и утвержденія адмираломъ новой реформы военнаго управленія. Пришлось пережить очень непріятныя минуты нравственной неловкости за вынужденное участіе въ этой церемоніи и чувства стыда за адмирала, въ которомъ не нашлось достаточно характера, чтобы сдѣлать это самому и въ болѣе приличной для своего сотрудника формѣ; неискренность адмирала очень напоминаетъ въ этомъ несчастнаго Николая II.

То изумленіе, съ которымъ Степановъ встрѣтилъ слова генерала Бурлина, передавшаго ему рѣшеніе адмирала, показало, что Ставка умѣло сохранила секретъ и что Степановъ былъ мало подготовленъ къ этому coup d'état, что сдѣлало мое и Бурлина положеніе еще болѣе тяжелымъ.

Степановъ выдержалъ себя съ большимъ достоинствомъ и на предложеніе Бурлина приступить къ осуществленію проекта, отвѣтилъ, что «предоставляетъ эту честь авторамъ реформы».

Въ Министерствѣ увидѣлъ телеграмму Хорвата съ просьбой о назначеніи Иванова-Ринова его помощникомъ по военной части и параллельную шифрованную телеграмму начальника Хорватовской военной канцеляріи генерала Колобова съ мольбой этого назначенія не допустить, такъ какъ Ивановъ-Риновъ занятъ только тѣмъ, чтобы всячески подорвать авторитетъ Хорвата, свалить Хорвата и самому вылѣзти на его мѣсто.

Ясно, что первая телеграмма послана въ открытую, чтобы отдѣлаться отъ назойливаго и опаснаго своими атаманскими связями подчиненнаго, а вторая послана секретно для

того, чтобы аннулировать первую. Какъ это характерно для харбинскаго хамелеона и его дипломатическихъ повадокъ.

Тутъ же Степановъ показалъ мнѣ телеграммы того же Хорвата: одну — съ ходатайствомъ удовлетворить просьбу предсѣдателя междусоюзнаго комитета инженера Стивенса объ освобожденіи отъ призыва на службу 61 русскаго переводчика комитета, и другую — съ просьбой этого ходатайства не удовлетворить, такъ какъ изъ этого числа 52 еврея.

Читалъ донесеніе нашего военнаго представителя при иностранномъ командованіи во Владивостокѣ, генерала Романовскаго, о томъ, что всѣ осложненія на Дальнемъ Востокѣ покоятся на честолюбіи и интриганствѣ Ринова, и что, по мнѣнію Романовскаго, удаленіе оттуда этого честолюбиваго авантюриста все успокоитъ и принесетъ огромную пользу и арміи, и адмиралу.

Мнѣніе Романовскаго ликвидировано какими-то Омскими вліяніями, боящимися появленія Иванова-Ринова на мѣстномъ политическомъ горизонтѣ, и, очевидно, равнодушными къ тому, что этотъ честолюбецъ будетъ разваливать Дальній Востокъ, — главное основаніе матерьяльнаго благополучія арміи и всего нашего положенія.

Лебедевъ на время операціи усѣкновенія своего противника укатилъ на фронтъ, предоставивъ исполнительному и старательному Бурлину раздѣлаться съ Военнымъ Министерствомъ и вытащить изъ огня всѣ каштаны.

Просилъ Бурлина доложить адмиралу мою просьбу дать мнѣ мѣсто командующаго войсками Приамурскаго округа, гдѣ, внѣ всякихъ Омскихъ интригъ и комбинацій, я занялся бы приведеніемъ въ порядокъ тамошнихъ войскъ, но получилъ отказъ, т. к. адмиралъ заявилъ, что я нуженъ ему для намѣченной реформы по реорганизаціи Военнаго Министерства.

20 Мая. Полковникъ Акинтіевскій разсказалъ мнѣ, что одной изъ причинъ особо острой вражды Ставки къ Главному Штабу и его начальнику генералу Марковскому является возбужденіе послѣднимъ вопроса о поведеніи многихъ представителей нашей военной академіи во время нахожденія ея подъ властью большевиковъ и выпуска ею офицеровъ Генеральнаго Штаба для красной арміи; нѣкоторые изъ этихъ представителей являются сейчасъ старшими чинами въ нѣсколькихъ отдѣлахъ Ставки и возбужденіе столь щекотливаго дѣла для нихъ очень нежелательно и непріятно.

Сегодня изъ японской миссіи сообщили, что Японія признала правительство адмирала; говорятъ, что одновременно рѣшенъ вопросъ и о ликвидаціи Семеновскаго инцидента, но въ какой формѣ — еще не извѣстно.

Очень хочется, чтобы извѣстіе о признаніи не оказалось одной изъ тѣхъ утокъ, на которыя такъ богатъ Омскъ и его сплетнепроизводящія сферы. Сейчасъ признаніе намъ особенно необходимо и сразу разрѣшитъ цѣлую кучу острыхъ вопросовъ и запутанныхъ узловъ.

21 Мая. Ставка сообщила, что я назначаюсь помощникомъ начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго и Управляющимъ Военнымъ Министерствомъ; на такой редакціи я настоялъ на послѣднемъ засѣданіи для того, чтобы власть лица, стоящаго во главѣ Военнаго Министерства, признавалась бы и на фронтѣ, что существенно необходимо при сношеніяхъ съ арміями и при продвиженіи туда разныхъ запасовъ; безъ этого, тотъ кургузый обрубокъ, которымъ реформа сдѣлала Военное Министерство, будетъ не нужнымъ аппендиксомъ, и его лучше сдѣлать простымъ отдѣломъ Ставки.

До часа ночи сидѣлъ въ Совѣтѣ Министровъ въ качествѣ представителя Ставки. Впечатлѣніе сѣрое и тягучее, какъ то и полагается свѣжему человѣку въ обстановкѣ россійской говорилки; мало дѣловитости и бережливости ко времени, много уходитъ на дискуссіи и на обсужденіе разныхъ пустяковъ; не видно строго опредѣленнаго русла дебатовъ и необходимаго руководства предсѣдателя. Изумленно слушалъ дебаты, очень продолжительные по времени и очень колючіе по содержанію и пикировкѣ, по поводу того — въ IV или въ V классѣ должности долженъ быть предсѣдатель контрольной палаты; такіе разговоры въ 1919 году кажутся очень странными.

Въ концѣ засѣданія въ экстренномъ порядкѣ, безъ малѣйшаго предувѣдомленія, внесли на обсужденіе проектъ положенія объ Особоуполномоченномъ на Уралѣ; ока-

залось, что заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ омскія вліянія успѣли убѣдить адмирала въ необходимости придержаться нормальнаго порядка и провести это положеніе черезъ Совѣтъ Министровъ по представленію Министерства Торговли и Промышленности. Всѣ наши Екатеринбургскіе проекты провалились; Министерство Торговли и Промышленности, все время отстаивавшее свой пріоритетъ въ данномъ вопросѣ, быстро наляпало свой проектъ Положенія, по внѣшности очень благообразный, но по содержанію вытравившій всю сущность той реформы, которую мы и промышленные круги Урала хотѣли провести. Омскія канцеляріи и тайныя вліянія побѣдили; вмѣсто диктатуры власти получили новый департаментъ министерства Торговли и Промышленности; вмѣсто необходимой быстроты исполненія залѣзли въ обычную волокиту. Несомнѣнно, что это дѣло рукъ всесильнаго Иванъ Андріановича, который является не только Министромъ Финансовъ, но и временно Управляющимъ Министерствомъ Торговли и Промышленности, и за которымъ, какъ говорятъ, стоитъ квалифицированное большинство въ Совѣтѣ Министровъ.

Я присутствовалъ въ засѣданіи, какъ замѣститель Лебедева, и по положенію не имѣлъ даже права голоса. Гинсъ, такъ раздѣлявшій всѣ наши взгляды въ Екатеринбургѣ, молчалъ, и проектъ серьезнѣйшаго значенія пролетѣлъ на подобіе какой-то вермишели и получилъ санкцію высокаго собранія.

Утромъ хотѣлъ попасть къ адмиралу, но не попалъ въ очередь пріема; просилъ Бурлина еще разъ доложить Верховному Правителю, что я рѣшительно отказываюсь отъ назначенія Управляющимъ Военнымъ Министерствомъ, такъ какъ не въ состояніи засѣдать въ разныхъ совѣтахъ, гдѣ приходится находиться въ зависимости отъ результата голосованій лицъ, очень часто некомпетентныхъ въ рѣшаемыхъ ими вопросахъ, и быть безсильной пѣшкой въ сферѣ внутреннихъ интригъ и комбинацій. Въ такой обстановкѣ я работать не въ состояніи; я могу до срыва работать на чемъ нибудь реальномъ, опредѣленномъ, мнѣ всецѣло порученномъ и на мою отвѣтственность отданномъ; если нужны офицеры генеральнаго штаба, то прошу дать мнѣ должность 3-го генералъ-квартирмейстера Ставки, вѣдающаго всѣми вопросами организаціи и мобилизаціи, въ чемъ у меня большой служебный, мирный и военный опытъ и гдѣ я могу быть полезенъ.

Вечеръ пришлось просидѣть въ засѣданіи финансово-экономическаго совѣщанія; слушался докладъ помощника Военнаго Министра генерала Сурина о положеніи снабженія арміи, докладъ очень обстоятельный и изложенный со свойственной Сурину педантичностью. Положеніе очень мрачное и тревожное, но отъ Военнаго Министерства независящее; докладъ ярко обрисовалъ, въ какомъ ужасномъ положеніи находится распорядительная часть заготовляющихъ и снабжающихъ органовъ; всѣ сроки очередныхъ заготовокъ упущены, все дѣло заказовъ хаотично и безсистемно; осуществленіе заказовъ находится въ рукахъ Самостоятельнаго Министерства Продовольствія и Снабженія, невыполняющаго наряды и сроки Военнаго Министра, которому приходится крутиться, какъ бѣсъ, среди все растущихъ требованій фронта и полупустыхъ складовъ и магазиновъ интендантства, не пополняемыхъ во время агентами Министерства Продовольствія и Снабженія.

Докладъ произвелъ на Совѣтъ Министровъ очень сильное впечатлѣніе; много говорили, много горячились, но основной вопросъ о передачѣ всего дѣла снабженія въ Военное Министерство и въ соотвѣтствующіе органы интендантства былъ снятъ предсѣдателемъ съ обсужденія ввиду отсутствія изъ Омска министра снабженій Неклютина.

Такія отсрочки въ разрѣшеніи остро кричащаго вопроса сейчасъ недопустимы.

22 Мая. Сижу въ ожиданіи отвѣта на мою просьбу объ избавленіи отъ назначенія меня управляющимъ военнымъ министерствомъ. Пусть сажаютъ въ Совѣтъ Министровъ болѣе спокойнаго и покладистаго человѣка, способнаго мириться съ тѣмъ, что его проекты будутъ проваливаться большинствомъ голосовъ въ коллегіи 12—14, быть можетъ, очень умныхъ и порядочныхъ людей, но ни аза не понимающихъ въ военномъ дѣлѣ и дергаемыхъ какими-то таинственными нитями; весьма естественно, что многихъ изъ нихъ искренно тревожатъ вопросы снабженія арміи, но все же они безсильны ей чѣмъ нибудь помочь.

Я не въ состоянiи спокойно сидѣть въ такихъ голосовальныхъ совѣщанiяхъ; это напоминаетъ мнѣ ужасные дни 1917 года, когда руки были связаны разными говорилками и резолюцiями. Творческая работа и распоряжающiяся совѣщанiя не совмѣстимы; совѣщанiя еще годны для того, чтобы вырабатывать общiе планы, но затѣмъ все исполненiе должно быть отдано на полную мочь довѣренныхъ на то лицъ. Вчера, напр., Министръ Путей Сообщенiя при общей поддержкѣ требовалъ сокращенiя числа лошадей въ армiи только потому, что цифра показалась ему очень большой. Пришлось ввязаться въ дебаты и объяснить, что число лошадей, изъ коихъ болѣе половины подъ казаками и конными командами, опредѣляется боевыми задачами и можетъ быть измѣнено только послѣ тщательнаго обслѣдованiя.

Было бы много лучше, если бы, вмѣсто совѣщанiй и болтовни, было бы больше творческой работы.

23 Мая. Получилъ приказанiе Верховнаго Правителя вступить въ Управленiе Военнымъ Министерствомъ; во всѣхъ другихъ назначенiяхъ мнѣ отказано, при чемъ адмиралъ приказалъ мнѣ передать, что будетъ поддерживать меня во всѣхъ начинанiяхъ.

На фронтѣ продолжается та же неустойчивая неопредѣленность. Къ счастью, дѣла Деникина зато сильно поправились и даже у Юденича кое какiе успѣхи, тогда можно помириться съ нашими волжскоуральскими неудачами, ибо ихъ цѣной были привлечены сюда почти всѣ красные резервы, а это создало возможность южнымъ организацiямъ оправиться и начать наступленiе.

Ставка и Военное Министерство пребываютъ уже два дня въ состоянiи полнаго хаоса; смѣлые реформаторы, начавъ свою перекройку, залѣзли въ такiя безысходныя практическiя трущобы и встрѣтились съ такими неожиданностями, что совершенно растерялись. Они знаютъ, какъ пишется, но не знаютъ, какъ выговаривается.

Ихъ легкомыслiе дошло до того, что рѣшили выполнить всю реформу въ три дня, послѣ чего сразу зажить по новому. Только полное профанство въ дѣлѣ и мальчишеская задорность способны родить столь нелѣпое распоряженiе. Думаютъ, — и въ этомъ отношенiи очень недалеко ушли отъ комиссаровъ, — что стремительность и категоричность приказа, подкрѣпленныя угрозами разныхъ каръ и жупеловъ, достаточны для того, чтобы заставить осуществить любой бредъ, любой капризъ.

Я увѣренъ, что и черезъ три недѣли реформа эта будетъ еще продолжаться и чѣмъ больше ее будутъ торопить, тѣмъ она пройдетъ хуже и тѣмъ дольше затянется; въ глубинѣ же тыла и въ обиходѣ армiи она будетъ жить еще многiе мѣсяцы.

24 Мая. Сегодня долженъ выйти указъ о новыхъ (въ томъ числѣ и моемъ) назначенiяхъ, но этого почему-то не случилось. Работа военнаго министерства стала въ мертвую; часть служащихъ перешла къ новому хозяину и устраивается тамъ, стараясь унести съ собой лучшую мебель, лучшiя пишущiя машинки и переманить лучшихъ писарей; остальная часть служащихъ сидитъ въ ожиданiи рѣшенiя своей судьбы и трепещетъ, боясь попасть за штатъ; очевидно, что при такомъ настроенiи большинству не до работы.

Въ Ставкѣ тоже каша; работа тамъ и раньше хромала по части практической налаженности и продуктивности; теперь же большинство отдѣловъ распухло, вобравъ въ себя уничтоженныя части Военнаго Министерства, и еле перевариваетъ проглоченное.

Фронтъ трещитъ и катится назадъ; приходится уже подумывать о томъ, удастся ли намъ сохранить за собой Уралъ, а въ это время центры военнаго Управленiя оторваны отъ прямого дѣла и обращены въ какiе-то сапоги въ смятку; не могли найти болѣе неподходящаго времени для своихъ скороспѣлыхъ реформъ!

Особенно досадно то, что большинству отдѣловъ Ставки и Министерства нельзя отказать въ томъ, что съ внѣшней стороны они работаютъ очень усердно и по первому взгляду можно подумать, что работа кипитъ; въ дѣйствительности же, благодаря отсутствiю опытныхъ верховъ, вся работа сводится къ пустопорожней перепискѣ, къ сбору запоздалыхъ и никому ненужныхъ статистическихъ и справочныхъ данныхъ и къ ущемленiямъ и пререканiямъ. Съ одной стороны наталкиваешься на самую закорузлую канцелярщину и сухой, не желающiй ни съ чѣмъ считаться, бюрократизмъ, съ другой

стороны царитъ самая неприкрашенная внутренняя атаманщина и царство личнаго произвола и усмотрѣнія.

При желаніи отказать — пускаются въ ходъ законы, а при желаніи сдѣлать по своему — все исполняется внѣ всякихъ нормъ и законовъ, ссылаясь на исключительность обстановки и на неотложность исполненія по надобностямъ военнаго времени.

Отсутствіе дѣльныхъ людей, способныхъ понять и учесть особыя условія переживаемаго времени и дать работѣ энергичное, не шаблонное, но и не атаманствующее направленіе, отзывается на работѣ самымъ тяжелымъ образомъ.

Мальчики, попавшіе къ власти и къ незнакомымъ для нихъ колесамъ и рычагамъ управленія, или блуждаютъ въ безконечномъ лабиринтѣ непонятной имъ сухой канцелярщины, или перебрасываются въ область самаго безшабашнаго усмотрѣнія.

Въ результатѣ необходимый служебный опытъ накопляется чрезвычайно медленно и цѣной такихъ ошибокъ и такихъ горькихъ испытаній, которыя сводятъ часто на нѣтъ результаты всей работы; идетъ не созиданіе, а внутреннее разрушеніе.

Мои настоянія возможно скорѣе расширить путемъ приказа административныя и хозяйственныя права разныхъ степеней фронтоваго начальства и этимъ уменьшить перехватъ ими за предѣлы власти, связанной рамками положенія 1914 года, — остаются до сихъ поръ безрезультатными, не смотря на сочувствіе и Бурлина, и дежурнаго генерала Кондрашева; дежурство погружено въ наградное дѣлопроизводство, ставочные юристы заняты политикой и собственной карьерой, такъ что некому заняться разработкой соотвѣтственнаго приказа.

А пока, гибельные результаты революціи и разноцвѣтнаго большевизма продолжаютъ разъѣдать послѣдніе остатки порядочности, совѣстливости и добросовѣстности; ѣдкая гниль пробирается во всѣ ячейки и во многія сердца и совѣсти, нравственность стремительно летитъ внизъ, рождаются, разрастаются и укрѣпляются всевозможные компромиссы съ совѣстью; слабость закона, отсутствіе контроля, общая спѣшка и общая разруха разсасываютъ послѣдніе задерживающіе центры морали и законности; большинство съ легкостью отметаетъ отъ себя многое, что считалось прежде святымъ, неприкосновеннымъ и недопустимымъ для честнаго и порядочнаго человѣка.

25 Мая. Былъ на богослуженіи въ мѣстномъ казачьемъ соборѣ, очень понравившемся мнѣ какъ стильностью своей внутренности, такъ и благолѣпіемъ и четкостью службы.

Создалъ себѣ внушительный кругъ враговъ среди сильныхъ представительницъ слабаго пола, проведя черезъ Ставку приказъ о воспрещеніи пользоваться казенными автомобилями для частныхъ надобностей; надо положить конецъ тѣмъ безобразіямъ, которыя мы видѣли на большой войнѣ и которыя продолжаются и нынѣ, приводя къ тому, что число автомобилей тѣмъ меньше, чѣмъ ближе къ фронту; тылы переполнены автомобилями, а на фронтѣ начальники корпусныхъ группъ и дивизій ихъ не имѣютъ; здѣсь вся адъютантщина и прихлебательская челядь высокихъ лицъ раскатываетъ по магазинамъ, ресторанамъ и визитамъ въ казенныхъ автомобиляхъ, тратя скудные запасы горючей смѣси и масла и разбивая шины, — все, что мы достаемъ съ великими усиліями и на золотую валюту; по вечерамъ вся дорога у загороднаго сада покрыта казенными машинами съ высокими военными и гражданскими дамами, пріѣзжающими сюда отдохнуть отъ ужасной Омской пыли. О томъ, во что обходятся казнѣ эти прогулки, головки милыхъ дамъ не думаютъ.

По ночамъ казенные автомобили торчатъ у крылецъ разныхъ увеселительныхъ и злачныхъ мѣстъ, ожидая иногда высокихъ сановниковъ, освѣжающихся тамъ отъ великихъ государственныхъ трудовъ, а чаще всего ихъ адъютантовъ, чиновниковъ для порученій и прочаго чиновнаго лакейства.

Я настаиваю на необходимости оставить машины только у тѣхъ лицъ, служба которыхъ требуетъ быстроты передвиженія, а всѣ освободившіеся автомобили отправить немедленно на фронтъ; это облегчитъ передвиженіе строевыхъ начальниковъ и покажетъ арміи, что о ней думаютъ не только на словахъ, а способны кое чѣмъ для нея и поступиться.

Вечеромъ получилъ нѣкоторый сюрпризъ, такъ какъ оказалось, что Лебедевъ назначенъ все же Военнымъ Министромъ, а я попалъ къ нему въ помощники и, такимъ обра-

зомъ, дѣлаюсь подначальнымъ лицомъ у такого человѣка, съ которымъ никогда не смогу сойтись во взглядахъ; кромѣ того, выходитъ, что вся работа и отвѣтственность будетъ лежать на мнѣ, а права и общій тонъ будутъ принадлежать Лебедеву; съ послѣднимъ я расхожусь во взглядахъ на управленіе фронтомъ и тыломъ настолько, что не могу разсчитывать на поддержку проведенія моихъ плановъ и коренныхъ реформъ.

Чудо-дѣти очень честолюбивы и эгоистичны и мало способны къ тому, чтобы прислушиваться къ голосу старыхъ спеціалистовъ. Въ послѣдній разъ рѣшилъ выполнить свою обязанность и послалъ наштаверху подробный докладъ съ изложеніемъ всѣхъ недостатковъ предстоящей реформы и проистекающихъ изъ нихъ опасностей. Знаю заранѣе, что ничего изъ этого не выйдетъ, но не могу спокойно все это переварить.

26 Мая. Приказа о новыхъ назначеніяхъ до сихъ поръ нѣтъ; временами появляется смутная надежда, что все это полностью еще и не состоится, но самая реформа производится частично, какимъ-то явочнымъ порядкомъ. Въ Министерствѣ полный разгромъ и работа еле ползетъ; служащіе, набранные на свои мѣста уходящими богами Степановымъ и Марковскимъ, ждутъ увольненія и бѣгаютъ въ поискахъ новыхъ мѣстъ и устройствъ; теперь вѣдь принято, что съ назначеніемъ новаго владыки, онъ первымъ дѣломъ разгоняетъ старый штатъ и замѣщаетъ всѣ хорошія должности людьми своего клана; теперь нормы и законные порядки существуютъ «постолько — поскольку» и замѣнены произволеніемъ; въ этомъ отношеніи у насъ сейчасъ самые опредѣленные обычаи чистой сатрапіи или нашего русскаго воеводскаго кормленія.

На фронтѣ никакой надежды на улучшеніе; какъ не загриммированы фронтовыя донесенія, изъ нихъ все же всюду лѣзетъ, что дѣла не важны; несомнѣнно, что способность сопротивленія многихъ частей потеряна и что офицеры и солдаты выбились изъ силъ; при такомъ положеніи нужна или смѣна, или отдыхъ, а мы не въ состояніи ни сдѣлать первой, ни дать второго.

Помню 1915 годъ, когда при отходѣ отъ Бѣлостока къ Полѣсью, когда я безсмѣнно шелъ въ арьергардѣ первой арміи, люди дошли до того, что валились на землю и засыпали въ состояніи полнаго безразличія; они хотѣли только отдыха и отдыха, все равно цѣной смерти или плѣна, но только отдыха. Но тогда были иные люди; теперь качества ихъ уже не тѣ, а потому тѣмъ опаснѣе было держать ихъ такъ долго въ гнойной и подлой по настроенію атмосферѣ длительнаго отступленія, неудачъ и постояннаго страха обхода, окруженія, плѣна и мученической смерти. Вѣдь, это своего рода нравственная дезинтерія, а этого не хотятъ видѣть и не желаютъ понять тѣ малограмотные верхи, которые нами заправляютъ.

Я все время пытаюсь найти какое-либо лицо, близкое къ адмиралу, чтобы хоть черезъ него попытаться разъяснить тому правду; говорилъ по этому поводу съ Федотовымъ, имѣющимъ съ адмираломъ старыя морскія связи, но по его словамъ послѣдній совсѣмъ въ плѣну у своихъ совѣтниковъ.

То, что дѣлаетъ Ставка, для меня непонятно, это или полная военная безграмотность, или же отсутствіе мужества сознаться въ своей ошибкѣ, въ плохомъ разсчетѣ всей операціи; видимо, Лебедевъ и Ко. или безнадежно слѣпы, или неспособны на сильное мужественное рѣшеніе; они безмѣрно честолюбивы, имъ хочется только успѣха и славы; имъ, какъ капризнымъ дѣтямъ, хочется, чтобы Боженька помогъ, чтобы съ ихъ горизонта исчезли противные красные бяки и чтобы наступили опять побѣдные и столь пріятные для нихъ дни.

Сейчасъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что мы потеряли всѣ успѣхи этой зимы; красные умѣло учли всѣ наши ошибки и всѣ невыгоды нашего безмѣрно растянутаго, жидкаго и разстроеннаго положенія; ярко очевидно, что на насъ ведется рѣшительный ударъ и что противъ насъ введены въ дѣло свѣжіе резервы. Все это дѣлаетъ борьбу очень неравной и въ этомъ надо честно сознаться, трезво оцѣнить создавшееся положеніе и принять героическія рѣшенія.

Ударъ ведется по двумъ направленіямъ: на Уфу и на Красноуфимскъ; шалый и хаотичный выбросъ на треснувшій по всѣмъ швамъ фронтъ послѣднихъ, совершенно неготовыхъ къ бою резервовъ не привелъ ни къ чему; нѣтъ, вѣрнѣе сказать, привелъ къ

безцѣльной тратѣ этихъ рессурсовъ, которые, при болѣе хладнокровномъ управленіи, очень пригодились бы, скажемъ, черезъ мѣсяцъ или полтора.

Гайда выбросилъ на фронтъ свои екатеринбургскіе резервы; идутъ какіе-то смутные слухи о происшедшей у него неудачѣ.

Никто не желаетъ сообразить, что наступленіе и встрѣчные бои требуютъ маневровъ и стойкости войскъ, и что нельзя маневрировать съ войсками и начальниками совершенно не умѣющими этого дѣлать. Залѣзшимъ на стратегическіе верхи случайнымъ полководцамъ не дано понимать, что встрѣчный бой операція крайне деликатная и что для этого нужны начальники, умѣющіе оріентироваться, разбираться и распоряжаться, и стойкія, испытанныя, втянутыя въ самыя опасныя положенія войска, способныя къ маневру, къ точному исполненію приказовъ, къ отчаянному наступленію и къ врѣзанію въ непріятеля, не боясь обходовъ и окруженій. И эти качества нужны для всего фронта, ибо мало пользы, если на $^{1}/_{100}$ фронта будетъ успѣхъ, а на остальныхъ $^{99}/_{100}$ все будетъ безудержно катиться назадъ.

То, что я слышу отъ пріѣзжающихъ съ фронта, убѣждаетъ въ томъ, что тамъ очень слаба, а часто даже совершенно отсутствуетъ связь по фронту и въ тылъ; это было нашимъ крупнымъ недостаткомъ всегда; теперь же успѣшное наступленіе, плохая подготовка штабовъ, бѣдность техническаго снабженія и общая распущенность довели это зло до катастрофическихъ размѣровъ. Вѣдь арміи и корпуса у насъ только по названію; составъ частей пестрый, онѣ очень разнородны и разностойки; за первый годъ войны привыкли надѣяться каждая только на себя, думать и заботиться только о себѣ; честолюбіе начальниковъ родило острый боевой эгоизмъ.

Вредъ этого недостатка усугубляется тѣмъ, что фронтъ занятъ участками съ огромными между ними разрывами и что сзади нѣтъ достаточныхъ резервовъ.

Послѣ обѣда произошло, повидимому, что-то чрезвычайное, такъ какъ совѣщаніе старшихъ чиновъ Ставки было внезапно прервано и Лебедева и Бурлина экстренно вызвали къ адмиралу, гдѣ они просидѣли болѣе четырехъ часовъ, послѣ чего шли какіе-то переговоры по прямому проводу съ Пермью, гдѣ сейчасъ находится штабъ Сибирской арміи.

Порядки Омска настолько своеобразны, что я уже не удивляюсь, что на совѣщаніе, повидимому, какой-то исключительной важности, меня не приглашаютъ, несмотря на то, что силой тащутъ управлять военнымъ Министерствомъ, и что за мной служебный, боевой и штабной опытъ такого масштаба, равнаго которому нѣтъ во всей Сибири.

27 Мая. Въ Ставкѣ и по всему городу ползаютъ слухи о предъявленіи адмиралу Гайдой какого-то ультиматума, въ которомъ, обвиняя Лебедева и Ко. въ бездѣйствіи и въ глупыхъ и вредныхъ распоряженіяхъ, онъ требуетъ немедленно убрать Лебедева и передать всю оперативную часть генералу Богословскому.

Ставка пытается сохранить все это въ секретѣ, но секретъ дырявый и сквозь его дыры лѣзутъ и расползаются самые нелѣпые слухи и зловредные комментаріи.

Такой взрывъ со стороны Гайды былъ, по моему мнѣнію, неизбѣженъ по двумъ причинамъ: прежде всего, несомнѣнно, что распоряженія Ставки — нелѣпыя, несоображенныя съ обстановкой, возлагающія на войска невыполнимыя задачи и принимающія очень часто дерзкія и обидныя для войскъ формы, — не могли не вызвать остраго раздраженія штабовъ армій противъ Ставки и ея главы Лебедева; особенно недоволенъ былъ штабъ Сибирской арміи, всегда почти автономной, гордой своими побѣдами. Фронтъ всегда и безъ того ненавидитъ свои тыловые верхи, зло и придирчиво разбираетъ всѣ ихъ распоряженія и въ нихъ видитъ причины всѣхъ своихъ бѣдствій и неудачъ; нужно очень умѣлое и тактичное руководство и большая забота верховъ объ арміи для того, чтобы побѣдить это органическое нерасположеніе, подчасъ даже ненависть. Ставка же, наоборотъ, дѣлала все, чтобы стать на фронтѣ сугубо постылой и остро ненавистной, ну, а штабы армій, группъ и дивизій съ своей стороны постарались, чтобы это усугубить. Частыя поѣздки на фронтъ Лебедева, очень надменнаго, самовлюбленнаго, рѣзко и безтактно путавшагося въ армейскія распоряженія, конечно, не могли способствовать укрѣпленію авторитета Ставки.

Сама атмосфера Ставки, съ неналаженностью и суетливостью работы, важностью молодыхъ сановниковъ и малымъ вниманіемъ къ нуждамъ и просьбамъ армій, также не могла прибавить уваженія и довѣрія.

Несомнѣнно, что и штабы армій страдали тѣми же недостатками, но кто же способенъ видѣть даже бревна въ собственномъ глазу?

Съ другой стороны было совершенно естественно, что начатая съ весны реорганизаціонная работа и постепенныя попытки привести арміи къ законному порядку существованія, не могли быть встрѣчены спокойно и благожелательно фронтовыми владыками, атаманами и атаманчиками, которые не могли понять, что все это жизненно необходимо для пользы дѣла и смотрѣли на всѣ такія мѣры, какъ на личную обиду и на посягательство на ихъ законныя права.

Они привыкли жить по своему, стѣсненій не любили, тылу и верхамъ не вѣрили, новыхъ порядковъ и ограниченій ихъ воли и самодурства не желали; хотѣли продолжать распоряжаться самостоятельно, внѣ какого-либо удержа и контроля. Будучи дѣтьми бурныхъ временъ, они были неспособны перейти къ болѣе спокойнымъ условіямъ и болѣе ограниченнымъ рамкамъ существованія, а потому поднимались противъ всего, что хотѣло положить предѣлъ тому, что они считали своими неотъемлемыми и на войнѣ пріобрѣтенными правами.

Затѣянныя Ставкой реформы и проявляемая ею, хотя пока еще только бумажная, дѣятельность и настойчивость въ желаніи ихъ осуществленія, должны были вызвать и вызвали рѣзкій протестъ и отпоръ со стороны фронта, но, конечно, не въ формѣ открытаго неповиновенія, а подъ какимъ либо благовиднымъ предлогомъ, каковой и нашелся въ общей ненависти къ главѣ нашей Ставки и къ самой Ставкѣ и въ недовольствѣ шалыми, безталанными и гибельными по своимъ послѣдствіямъ распоряженіями очень молодого наштаверха.

Я совершенно понимаю Гайду и руководящія имъ побужденія; вспоминаю всю тяжесть и всю горечь переживаній при полученіи сверху нелѣпыхъ, безцѣльныхъ, рожденныхъ вдали отъ фронта и съ попраніемъ всѣхъ его нуждъ и интересовъ, но припирающихъ къ стѣнѣ приказовъ и поэтому не могу не раздѣлять того негодованія и той ненависти, которыя должны производить въ штабахъ армій и группъ хлестнія, императивныя распоряженія этого случайнаго мальчишки и его Ставки, не знающихъ обстановки, желающихъ во все путаться и требующихъ успѣховъ и побѣдъ ради собственныхъ отличій и славы.

Я смотрю на дикую выходку Гайды, какъ на послѣднюю попытку обратить вниманіе адмирала и Правительства на все происходящее и на невозможность имѣть во главѣ высшаго оперативнаго управленія бездѣльнаго и безцвѣтнаго наштаверха. Это то же самое, что пытался сдѣлать въ 1905 году Гриппенбергъ въ отношеніи Куропаткина. Вижу, что былъ правъ, когда во время поѣздки въ Екатеринбургъ при разговорѣ съ адмираломъ по поводу капризности и неисполнительности Гайды и подъ впечатлѣніемъ той враждебности къ западной арміи, которая чувствовалась въ атмосферѣ Екатеринбурга, я совѣтовалъ адмиралу подчинить Гайдѣ обѣ арміи, видя въ этомъ единственный выходъ изъ создавшагося положенія; я считалъ, что разъ верховное командованіе не въ силахъ заставить Гайду думать не только о своей арміи, если оно не въ силахъ его убрать или принудить его дать часть резервовъ на усиленіе Ханжина, то надо сдѣлать его отвѣтственнымъ за общее положеніе фронта; я считалъ, что разъ у адмирала нѣтъ средствъ заставить Гайду исполнять его, Верховнаго Главнокомандующаго, распоряженія, то надо, скрѣпя сердце, найти иной исходъ и использовать чудовищное честолюбіе этого чешскаго авантюриста, подчинить ему обѣ арміи и, не дергая его за больныя мѣста, дать ему возможность сдѣлать все, что надо для улучшенія положенія на фронтѣ, но его, Гайды, распоряженіями и за его, Гайды, счетъ и отличіе. Я былъ увѣренъ, что тогда Гайда вылѣзъ бы изъ себя, но сдѣлалъ бы все, чтобы доказать, что его геній способенъ всякій неуспѣхъ обратить въ побѣду и далъ бы все необходимое для помощи западной арміи; наличіе достаточно организованнаго штаба и, повидимому, энергичнаго и дѣльнаго Богословскаго гарантировало техническую сторону дѣла; одновременно, этотъ исходъ разрѣшалъ вопросъ

и реорганизаціи Управленія арміями, уничтожалъ ихъ автономію, приближалъ оперативное управленіе къ фронту и ставилъ Ставку въ надлежащее ей положеніе. Адмиралъ тогда задумался и обѣщалъ поговорить съ Лебедевымъ, что было равносильно похоронамъ по первому разряду.

Очень жалко, что Гайда, по экспансивности и распущенности, облекъ свое заявленіе въ такую антидисциплинарную и рѣзкую форму; вѣдь, все то, что вызвало настоящій дерзкій ультиматумъ накоплялось уже давно, такъ что онъ имѣлъ полную возможность лично доложить все адмиралу въ Екатеринбургѣ, могъ, наконецъ, пріѣхать въ Омскъ и съ фактами и съ документами въ рукахъ обосновать свое заявленіе и сдѣлать это въ формѣ доклада и настойчивой просьбы, а не ультиматума. Гайда долженъ знать, что такое адмиралъ и подъ какими вліяніями онъ здѣсь находится; онъ не могъ не знать какимъ авторитетомъ пользуется Лебедевъ, за которымъ, кромѣ личнаго вліянія на мягкую натуру адмирала, стоятъ разныя специфически омскія организаціи кадетско-спекулятивнаго характера.

Тогда положеніе Гайды было бы иное и за него навѣрное стали бы всѣ, кому дѣйствительно дороги интересы фронта и арміи; я увѣренъ, что тогда его поддержали бы и Ханжинъ, и старшіе генералы фронта; я самъ первый присоединился бы къ такому заявленію.

Форма же ультиматума и, какъ передаютъ, еще и съ угрозами, является повтореніемъ Семеновской телеграммы прошлаго года и преступнымъ дѣяніемъ, гибельнымъ для и безъ того призрачнаго и жалкаго авторитета нашей «всероссійской власти»; преступность заявленія отнимаетъ у него все значеніе и аннулируетъ всю внутреннюю цѣну и основательность самаго протеста. Сказывается отсутствіе внутренней дисциплины, распущенность, мелкій эгоизмъ и узкость пониманія честолюбиваго выскочки, обиженнаго отдаваемыми ему распоряженіями, неправильность которыхъ онъ едва ли способенъ широко и правильно оцѣнить и на которыя онъ смотритъ съ эгоистической точки зрѣнія командующаго Сибирской арміей, полнаго проектами и честолюбивыми мечтами похода на Москву. Случайному баловню фортуны, феерично выброшенному на такую высоту, на которой закружилась голова (вспоминаю Гайдовскіе гербы съ тремя поверженными императорскими и королевскими орлами), несомнѣнно тяжело разстаться съ заманчивыми картинами торжественнаго въѣзда въ Москву героемъ-освободителемъ гиганта Россіи, подъ звонъ сорока-сороковъ, въ окруженіи конвоя въ Императорскихъ черкескахъ, среди ликованій колѣнопреклоненнаго народа.

Безконечно печально все это. Развѣ при такомъ развалѣ вверху могутъ быть крѣпки низы? Еще нѣсколько такихъ ударовъ по власти и она неминуемо разсыпется; мы это уже испытали въ 1917 году, когда монархія рухнула не подъ напоромъ революціонеровъ, а подъ ударами фрондирующей аристократіи, игравшей въ революцію буржуазіи и плутократіи; мы это пережили и потомъ, когда развалъ начался съ казавшихся неважными требованій убирать неугодныхъ массѣ артельщиковъ, кашеваровъ и взводныхъ, а кончился неслыханной катастрофой гибели цѣлой вооруженной силы великой страны.

Весь день у Правителя шли какія-то совѣщанія; Лебедевъ и Бурлинъ носятся все время къ адмиралу и обратно; радіо и прямой проводъ все время заняты разговорами съ Пермью; говорятъ, что рѣшено отправить къ Гайдѣ Бурлина для переговоровъ и уговоровъ.

Омскъ напоминаетъ встревоженный улей и полонъ самыхъ невѣроятныхъ слуховъ; вся реакція и средостѣніе поднялись за Лебедева, понимая, что съ его крушеніемъ можетъ начаться новая эра, невыгодная для Омскаго болота и его лягушекъ. Реформа военнаго управленія забыта и разворошенные отдѣлы Военнаго Министерства и Ставки похожи на какіе-то погорѣвшіе кварталы.

Найдетъ ли адмиралъ въ себѣ достаточно силы воли, чтобы съ одной стороны разсчитаться съ Гайдой, а съ другой понять всю грозность положенія и убрать своего, подсунутаго откуда-то наштаверха; вѣдь, убралъ же онъ Степанова, за которымъ не было никакихъ провинностей; путь для заграничныхъ командировокъ съ позолоченными отступными уже открытъ.

Боюсь, что дѣйствительность отвѣтитъ на мой вопросъ отрицательно, такъ какъ поддерживающіе Лебедева круги очень близки къ адмиралу и напираютъ все время только на внѣшнюю сторону Гайдовскаго выступленія, какъ открытаго бунта, и всячески затираютъ основательность предъявляемыхъ Гайдой обвиненій.

Стоя въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ волненій, продолжаю свою черную работу; пытаюсь возможно скорѣе привести въ какой-нибудь порядокъ остатки разгромленнаго министерства и полнымъ ходомъ наверстать все потерянное время. Прежде всего, счелъ обязательнымъ поставить арміи въ полную извѣстность о нашемъ положеніи по части снабженій, раскрыть всю правду; послалъ пространныя телеграммы съ изложеніемъ всѣхъ плановъ, надеждъ и рессурсовъ, разъясняя всѣ невѣроятныя трудности удовлетворенія ихъ нуждъ; умоляю принять во вниманіе необходимость сокращенія раздутыхъ штатовъ, всемѣрной экономіи, правильнаго учета эшелонированія и расходованія всѣхъ запасовъ. Приходится повторять самыя избитыя, прописныя истины, къ сожалѣнію, совершенно не извѣстныя нашимъ малограмотнымъ (особенно по части тыла) верхамъ. Пришлось просить генерала Касаткина составить и разослать въ арміи, корпуса и дивизіи брошюру о желѣзныхъ дорогахъ съ изложеніемъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній о работѣ желѣзныхъ дорогъ, о данныхъ, обусловливающихъ ихъ провозоспособность и о зависимости послѣдней отъ профиля, водоснабженія, расположенія депо и запасовъ топлива и пр. и пр. А то наши фронтовые полководцы думаютъ, что желѣзная дорога это все равно что улица и что достаточно пригрозить разстрѣломъ или поркой личнаго состава или поставить всюду зубодробительныхъ комендантовъ, чтобы по линіи побѣжало столько поѣздовъ и такого состава, сколько заблагоразсудится какому нибудь скоропалительному Превосходительству. Позабылъ фамилію какого-то очень молодого, но и очень рѣшительнаго генерала въ Екатеринбургѣ, который на заявленіе начальника дороги о томъ, что техническія условія не позволяютъ станціи пропустить больше извѣстнаго числа вагоновъ, заявилъ, что пришлетъ на вокзалъ своего есаула съ казаками и тогда станція пропуститъ вдвое и втрое больше.

Онъ былъ очень пораженъ, но понялъ свое заблужденіе (въ чемъ искренно сознался), когда я ему объяснилъ вліяніе профиля, величины перегоновъ, длины путей и остальныхъ техническихъ данныхъ на пропускную и пріемную способность станцій. Жалко, что раньше не начали учить нашъ командный составъ; большевики учли это лучше насъ, посадивъ всюду прикованныхъ на цѣпочки спецовъ, восполняющихъ неграмотность старшаго комунистическаго начальства.

На первомъ по министерству докладѣ у адмирала развернулъ передъ нимъ всю картину хаоса и безсистемности снабженія, расхищенія запасовъ, отсутствія контроля и учета, изобилія въ любимыхъ войсковыхъ частяхъ и нищеты въ частяхъ-пасынкахъ и доказалъ, что главное зло по части снабженій не въ тылу, а на самомъ фронтѣ. Адмиралъ совсѣмъ разстроился, просилъ поскорѣе все устроить и его именемъ дѣлать нужныя распоряженія.

Доложилъ, что и безъ того заваливаю телеграфъ и почту, но, къ сожалѣнію, приказы исполняются очень слабо, неохотно, или только для отбытія номера; фронтовые начальники очень уже привыкли смотрѣть на все, имъ ненравящееся и исходящее изъ Омска, съ точки зрѣнія «собака лаетъ, а вѣтеръ носитъ». Нужны какія-то исключительныя мѣры, быть можетъ, нравственнаго воздѣйствія, чтобы возстановить дѣйственную силу нашихъ приказовъ. Усиленіемъ переписки этого не достичь, ибо частые и длинные приказы притупляютъ ихъ эфективное значеніе; знаю это по опыту, такіе приказы и прежде читались только обреченными на сіе адъютантами, а теперь и подавно.

Распустить все было очень легко; подобрать же все опять къ рукамъ, ухъ, какъ трудно; для этого нужно много времени, умѣнья и такта, нужна непреклонная система, настойчивость и педантичность въ проведеніи необходимыхъ мѣръ.

Жалко адмирала, когда ему приходится докладывать тяжелую и грозную правду; онъ то вспыхиваетъ негодованіемъ, гремитъ и требуетъ дѣйствія, то какъ-то сѣрѣетъ и тухнетъ; то закипаетъ и грозитъ всѣхъ разстрѣлять, то никнетъ и жалуется на отсутствіе дѣльныхъ людей, честныхъ помощниковъ.

28 Мая. Сегодня, во исполненіе указа Верховнаго Правителя, вступилъ въ Управленіе Военнымъ Министерствомъ; сказалъ собраннымъ чинамъ министерства нѣсколько словъ о предстоящей работѣ, напомнилъ о нашей великой отвѣтственности передъ фронтомъ. Первымъ дѣломъ отмѣнилъ дѣйствовавшее еще со временъ директоріи постановленіе о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ для служащихъ министерства; нелѣпо и преступно считать работу по часамъ въ такое исключительно горячее время, когда фронтъ, живущій въ несравненно болѣе тяжелыхъ условіяхъ, работаетъ день и ночь, иногда не зная отдыха по много сутокъ подрядъ.

Поставилъ начальникамъ главныхъ управленій ихъ очередныя задачи, назначивъ постепенность и сроки исполненія; подчеркнулъ имъ всю величину значенія ихъ работы и ея успѣха или неуспѣха; просилъ умомъ и сердцемъ понять, что наша работа должна возможно скорѣе и реальнѣе показать арміи и фронту, что мы знаемъ ихъ нужды, оцѣниваемъ ихъ по всей ихъ важности, и что мы умѣемъ и способны имъ помочь и справиться со всѣми трудностями положенія. Намъ надо пробить, а затѣмъ и сломать ту стѣну недовѣрія, подозрительности, упрековъ и ненависти, которая выросла между министерствомъ и фронтомъ; сдѣлавъ это, мы совершимъ великое дѣло, ибо ничего нѣтъ хуже того положенія, которое установилось въ отношеніяхъ между фронтомъ и тыломъ; сдѣлавъ это, мы окажемся въ состояніи приступить къ той коренной, реформаціонной работѣ, которая властно требуется обстановкой, и возстановить нормальную дѣятельность министерства и органовъ снабженія; времени у насъ немного, и къ началу зимы мы должны справиться со всѣми язвами прошлаго, чтобы въ свободной и здоровой обстановкѣ начать возстановительную работу въ общегосударственномъ масштабѣ.

Просилъ проявленія самой кипучей дѣятельности, развитія инициативы; просилъ не бояться самимъ «безпокоиться» и меня «безпокоить» и помнить, что, чѣмъ выше положеніе, тѣмъ тяжелѣе обязанности и тѣмъ напряженнѣе работа; просилъ проникнуться убѣжденіемъ, что, ставъ къ работѣ въ такое время, мы обрекли себя на великій подвигъ, быть можетъ, на жертву, и обязаны своимъ примѣромъ показать подчиненнымъ, какъ надо сейчасъ служить. Указалъ, что, одновременно съ разумнымъ исполненіемъ закона и съ соблюденіемъ должной экономіи, надо рѣшительно отмежеваться отъ въѣвшагося въ насъ мертваго, удушающаго внѣшняго канцеляризма, помня, что дѣловитость и продуктивность работы возможны при самыхъ простыхъ, но зато практичныхъ формахъ производства. Просилъ принять всѣ мѣры, срочно наладить главныя отрасли фронтового снабженія, не останавливаясь передъ расходами, ибо сейчасъ самые лучшіе и дешевые способы исполненія это тѣ, которые осуществлены во время, въ умномъ предвидѣніи и въ умѣньѣ заблаговременно разсчитать и распорядиться; опозданія всегда вредны, а нынѣ они могутъ быть катастрофичны, ибо мы живемъ средствами дня, — регулирующихъ и обезпечивающихъ запасовъ у насъ нѣтъ.

Въ проклятомъ вопросѣ о «бездѣйствіи» и «превышеніи» власти, этой гибельной гайкѣ, душившей всегда и вездѣ всякую самостоятельность, просилъ придерживаться, конечно разумно, послѣдней части, т. е. превышенія съ немедленнымъ мнѣ докладомъ для покрытія этого дѣйствія моими санкціями.

Началъ тяжелое дѣло. Чѣмъ-то оно кончится? удастся ли направить адмирала въ надлежащее русло? Настроеніе тревожное, но бодрое и приподнятое; чѣмъ труднѣе задача, тѣмъ больше хочется ее успѣшно выполнить. Жена называетъ это привычкой постояннаго перваго ученика.

Весь вопросъ въ томъ, насколько глубоко и прочно поддержитъ меня адмиралъ, въ особенности тогда, когда дѣло коснется Ставки и основныхъ принциповъ; очень уже онъ неустойчивъ; въ началѣ каждаго доклада я чувствую, что онъ предубѣжденъ противъ моего пессимизма, но затѣмъ вижу, какъ, доводы и факты его побѣждаютъ; къ концу доклада онъ уже на моей сторонѣ, но только до тѣхъ поръ, пока не придетъ и не опрокинетъ кто-либо другой.

Въ наличной Омской обстановкѣ я совсѣмъ одинокъ; принимать участіе въ интригахъ, въ партійныхъ и кружковыхъ минахъ и контръ-минахъ абсолютно не умѣю и не способенъ,

и въ этомъ самое слабое мѣсто моего положенія и моей работы, — придется тянуть одному «противъ теченія».

Черныя точки впереди это колеблющееся и, по моему, почти безнадежное по части сохраненія за нами Урала положеніе фронта, а затѣмъ Семеновщина въ тылу и атаманщина въ самыхъ разнообразныхъ ея формахъ и проявленіяхъ, все глубже вгрызающаяся въ наше хилое тѣло. Если Верховный не приметъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ (возможныхъ только при содѣйствіи союзниковъ) и не свернетъ шеи Читинскому Гришкѣ съ его японскими друзьями и всѣмъ его плодящимся послѣдователямъ, то перспективы на будущее у меня самыя мрачныя.

29 Мая. Утонулъ въ морѣ новой работы; нужно вести новый курсъ и одновременно познакомиться и съ наличнымъ положеніемъ, и съ прошлымъ. Еще разъ просилъ начальниковъ управленій, чтобы все исполнялось, не какъ бумажный номеръ, а какъ детали живого, кровью пахнущаго и жизнями оплачиваемаго дѣла, за которымъ стоитъ спасеніе родины и избавленіе отъ краснаго ужаса.

Работать тяжело; министерство совершенно разгромлено произведенной реформой и изъ него извлечены лучшіе работники. Ставка упоена положеніемъ побѣдителя и пляшетъ на нашихъ костяхъ, отбирая имущество, писарей, машинки и пр. и пр. Просилъ Бурлина положить этому предѣлъ, но симпатичный Гаврилычъ не въ силахъ мнѣ помочь; его запрягли, навалили на него всю Ставку и онъ еле выгребаетъ.

Болѣе честные и искренніе изъ авторовъ новой реформы, ожесточенно содѣйствовавшіе ея проведенію, теперь открыто сожалѣютъ о содѣянномъ и сознаются, что сами ошалѣли отъ той неразберихи, которую породила всюду эта скороспѣлка.

Какъ объяснить и фронту, и тылу, что нынѣ уже нѣтъ Главнаго Штаба, инстанціи, существовавшей больше ста лѣтъ съ вылившимися въ строго опредѣленныя и для всѣхъ привычныя рамки функціями; какъ объяснить, что Военный Министръ это не то, къ чему привыкъ каждый военный, а что-то въ родѣ старшаго каптенармуса, вѣдающаго развозкой и распредѣленіемъ даже не имъ заготавливаемаго снабженія.

Инцидентъ съ Гайдой затянулся; положеніе создается самое печальное; вмѣсто Бурлина въ Пермь отправился генералъ Ноксъ; туда же изволилъ отбыть и оренбургскій казачій атаманъ генералъ Дутовъ, якобы обѣщавшій уговорить Гайду и уладить весь инцидентъ.

Зато окончился длительный Семеновскій инцидентъ, окончился компромиссным соглашеніемъ, мало утѣшительнымъ для будущаго, ибо мало надежды, что японизированная Семеновщина перестала быть таковой.

По этому соглашенію, — факультативной стряпнѣ Иванова-Ринова и разныхъ иностранныхъ и доморощенныхъ пассификаторовъ, — все бывшее считается небывшимъ; выходка Семенова объясняется излишне горячею любовью къ родинѣ и онъ признается командиромъ 6 Сибирскаго Корпуса съ подчиненіемъ командующему войсками Приамурскаго военнаго округа.

Стараго не вернуть; приходится примириться и съ этимъ кургузымъ рѣшеніемъ; хочется только, чтобы читинскій атаманъ хоть теперь опомнился, понялъ, какое зло онъ причинялъ нашему общему дѣлу и искренно, безкорыстно сталъ тянуть общую лямку, отойдя безповоротно и отъ своихъ японскихъ друзей и отъ своихъ разбойно-преступныхъ сотрудниковъ. Очень жаль, что адмиралъ не нашелъ рѣшимости настоять на отправленіи Семенова и Калмыкова на фронтъ, хотя бы въ подчиненіе къ Пепеляеву, который бы живо съ ними справился. При теперешнемъ рѣшеніи очень сомнительно обращеніе Семенова въ законную вѣру, а тогда, оставаясь въ Забайкальѣ, въ средѣ своихъ сотрудниковъ и совѣтниковъ, опредѣленно и ядовито анти-Омскаго направленія, онъ всегда можетъ дать рецидивъ, и это будетъ висѣть постоянной угрозой надъ нашимъ тыломъ. Недаромъ мой начальникъ канцеляріи, глубокій кладезь всѣхъ омскихъ разговоровъ, слуховъ, сплетенъ и фактовъ, докладываетъ, что среди просеменовскихъ круговъ говорятъ, что атаманъ исполнитъ обязательства этого соглашенія «постолько-посколько это будетъ «имъ» удобно».

Возстанія въ близкомъ и глубокомъ тылу разрастаются; весна и листва даютъ огромныя преимущества повстанческимъ бандамъ; средствъ противодѣйствія у насъ нѣтъ, такъ какъ все годное притянулъ фронтъ, а тѣ импровизированныя части, которыя посылаются въ тылъ, способны только на то, чтобы поднимать новыя возстанія. Обобравъ тылъ, Ставка учинила огромный и, быть можетъ, непоправимый промахъ, ибо безъ спокойнаго тыла намъ никогда не выгресть.

Мой «пессимизмъ» считаетъ, что сейчасъ военными средствами намъ уже не справиться съ тыловыми возстаніями, и что для этого надо или какое нибудь чудесное измѣненіе настроенія населенія, созданное экстреннѣйшими и шкурнополезными мѣрами, или же немедленная окупація тыла союзными войсками и введеніе тамъ смѣшаннаго русско-союзнаго управленія, въ которомъ союзная его часть должна гарантировать населенію безопасность отъ атаманщины и беззаконій.

Къ сожалѣнію, оккупація en masse возможна только за счетъ Японіи и ея войсками, а между тѣмъ то покровительство, которое оказывается японскими начальниками Семенову и Калмыкову, не даетъ никакой возможности надѣяться на нужную для насъ политику японской окупаціи.

Желая дать вооруженную силу начальникамъ губерній и областей, министерство внутреннихъ дѣлъ стало формировать отряды особаго назначенія; забыли, что служба такихъ отрядовъ требуетъ отборныхъ людей строго законнаго порядка и получилось нѣчто очень мрачное и нелѣпое, ничтожное по своему военному значенію, неспособное справляться съ крупными возстаніями, но зѣло вредоносное по своей распущенности, жаждѣ стяжанія и легкости по части насилій.

Въ отряды попало не мало старыхъ, опытныхъ полицейскихъ и жандармскихъ ярыжекъ, которые по старой привычкѣ надувать начальство заливаютъ его донесеніями объ успѣхахъ, разгромѣ повстанцевъ и покореніи подъ-нози, а сами бѣгаютъ отъ повстанцевъ и отводятъ душу надъ беззащитнымъ населеніемъ. Лучше бы бросили всѣ эти усмиренія и ограничились охраной желѣзной дороги; быть можетъ, безъ усмиреній все усмирилось бы само собой, особенно, когда подошло бы время полевыхъ работъ.

Мои разговоры на эту тему вызываютъ только недоумѣвающіе взгляды; думаю, что нѣкоторые собесѣдники не прочь отправить меня въ госпиталь, а кое кто не прочь и рекомендовать контръ-развѣдкѣ пощупать мою переписку на счетъ красной опасности.

Лунные человѣки, живущіе въ туманѣ громкихъ фразъ и воздушныхъ замковъ, продолжаютъ разсчитывать на чеховъ, увѣряя, что тѣ готовы водворить въ нашемъ тылу порядокъ, даже съ примѣненіемъ вооруженной силы.

Это чрезвычайно опасное заблужденіе, отвлекающее наше вниманіе отъ грозной серьезности положенія и задерживающее, до нѣкоторой степени, и безъ того слабый импульсъ по принятію срочныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Большинство чеховъ — это бывшіе плѣнные, въ свое время предпочитвшіе плѣнъ всѣмъ непріятностямъ войны; сейчасъ они живутъ въ довольствѣ и спокойствіи и не имѣютъ ни малѣйшаго желанія подвергать свою жизнь опасности насильственнаго ея прекращенія, да еще не ради своего, а чужого для нихъ интереса; они флегматично прикрываютъ — да и то весьма относительно, — имъ самимъ нужную дорогу, и, если изрѣдка и огрызаются на большевиковъ, то только, если тѣ ихъ случайно задѣнутъ.

Лунные человѣчки продолжаютъ смѣшивать тѣхъ чеховъ, которые дрались у насъ на фронтѣ противъ австрійцевъ, съ тѣми чехами, которые сидѣли въ плѣну и ушли въ чешскія части ради выгоды и выхода изъ положенія плѣнныхъ; эти человѣчки продолжаютъ воображать, что всѣ чехи en masse подняли оружіе противъ большевиковъ ради нашего освобожденія, а не ради собственной безопасности и освобожденія себѣ пути на востокъ, какъ-то было въ дѣйствительности; лучшіе представители чешскихъ фронтовыхъ бригадъ легли на Уралѣ, лежатъ искалѣченными въ госпиталяхъ, а немногіе оставшіеся — безсильны измѣнить общее пассивное и эгоистическое настроеніе всей массы.

Здѣсь, въ Омскѣ сидитъ кучка чешскихъ пріятелей, которые стараются создать себѣ на этой дружбѣ видное положеніе; они сами или кто-то втираетъ имъ очки радужными перспективами активной чешской помощи, и эти миражи они подносятъ адмиралу, Воло-

родскому, Ставкѣ и всѣмъ вліятельнымъ лицамъ Омска. То, что я видѣлъ и узналъ про чеховъ въ Харбинѣ и Владивостокѣ и что видѣлъ на линіи, а также тѣ свѣдѣнія, что доходятъ черезъ контръ-развѣдку изъ Иркутскаго района, заставляютъ меня желать, чтобы чехи поскорѣе продвинулись на востокъ, ибо никакой пользы намъ отъ нихъ нѣтъ, и они насъ только объѣдаютъ и критикуютъ; имъ хочется домой и меньше всего хочется воевать, а отъ такихъ настроеній лучше быть подальше.

Положеніе на желѣзныхъ дорогахъ заставляетъ обратить серьезное вниманіе на еле ползущее формированіе батальоновъ желѣзнодорожной службы и охраны. Поздно за это взялись, а, между тѣмъ, это дѣло первой очереди; сюда можно было привлечь небоевые и боящіеся полевой службы элементы и заинтересовать ихъ спокойной, относительно, службой и хорошимъ снабженіемъ; порядокъ на желѣзныхъ дорогахъ очень скоро отразится на порядкѣ во всей тяготѣющей къ дорогамъ полосѣ; красноярскій комендантъ говорилъ мнѣ, что, если бы у него была сотня хорошей и надежной охраны, то онъ привелъ бы вокзалъ и весь обиходъ на немъ въ отличный порядокъ; такое мнѣніе вполнѣ подтверждается тѣмъ приличнымъ состояніемъ и внѣшнимъ порядкомъ, въ которыхъ пребываютъ районы, находящіеся въ вѣдѣніи чеховъ и ихъ комендантовъ.

Охрана дороги чехами почти ничего намъ не даетъ, такъ какъ они стоятъ на станціяхъ, линію только наблюдаютъ и идти въ сторону отъ дороги не хотятъ; такая охрана равноцѣнна дырявому мѣшку и объ этомъ надо заявить союзникамъ.

30 Мая. Ночью адмиралъ лично отправился въ Пермь на уговоры Гайды. Скверная вещь это разные уговоры, сіе блестяще доказано два года тому назадъ нашимъ неудачнымъ главноуговаривающимъ Керенскимъ и его вольными и невольными послѣдователями; я самъ это пережилъ въ теченіе шести мѣсяцевъ состоянія въ роли корпусноуговаривающаго. Компромиссъ это не рѣшеніе, а только временная отсрочка, спѣшный ремонтъ опасной трещины, поверхностное, но не радикальное леченіе.

Адмиралу надо отцукать Гайду, заставить его понять весь вредъ его дерзкой эскапады, но надо также и самому разобраться въ доводахъ Гайды и убрать безталаннаго и вреднаго наштаверха; вѣдь Гайда совершенно правъ, обвиняя Лебедева и Ставку въ неумѣлыхъ и вредныхъ для фронта распоряженіяхъ и требуя направленія всей работы Ставки на болѣе дѣльную дорогу; вѣдь очевидно, что Ставка ничего до сихъ поръ не дала ни по части оперативнаго управленія, ни по части организаціи.

Сегодня по картѣ я подсчиталъ, что отсутствіе руководства арміями во время шалаго военнаго полета къ Волгѣ и нелѣпое выбрасываніе впередъ отдѣльныхъ частей въ стремленіи первыми и поскорѣй захватить извѣстные пункты привело къ удлиненію фронта на 260 верстъ, разбросало арміи и группы и лишило ихъ всякихъ резервовъ.

Въ Ставкѣ сваливаютъ все на экспансивность отдѣльныхъ начальниковъ — Пепеляева, Гривина, Вержбицкаго и другихъ, летѣвшихъ овладѣть Вяткой, Казанью, Симбирскомъ, Самарой и пр. и пр., но сама Ставка была обязана сдержать такіе нелѣпые порывы и заставить вести наступленіе должнымъ темпомъ и твердой рукой, разсчетливо, а не на авоську. И я увѣренъ, что, при спокойномъ, здравомъ, незаносчивомъ, но тактичномъ вразумленіи старшихъ начальниковъ фронта, можно было этого добиться.

Вечеръ просидѣлъ въ Совѣтѣ Министровъ — впервые, какъ законный замѣститель Военнаго Министра. Новое для меня дѣло эти засѣданія, но все же какъ то странно, что въ такое бурное и стремительное время министры и ихъ помощники принуждены по два, а иногда и по четыре раза въ недѣлю проводить по 5 и по 6 часовъ вечерняго времени въ обсужденіи и разрѣшеніи разныхъ мелкихъ проектовъ самаго обыденнаго характера.

Все дѣлается на старо-петербургскій манеръ и очень задерживаетъ удовлетвореніе насущныхъ, кричащихъ потребностей жизни; думается, что обстановка требуетъ огромной децентрализаціи власти и предоставленія большихъ полномочій старшимъ руководителямъ главныхъ сторонъ государственной жизни и управленія страной; нужно только, чтобы каждому изъ нихъ была дана исполнительная программа его работы съ правомъ самой широкой иниціативы въ ея осуществленіи.

31 Мая. Чтобы подчеркнуть доброе желаніе Омска забыть, ради общаго блага, всѣ старыя недоразумѣнія съ Читинскимъ атаманомъ и чтобы дать Семенову всѣ способы не-

медленно перейти на строго законныя нормы существованія, приказалъ внѣ всякихъ правилъ перевести ему авансъ въ шесть милліоновъ рублей на содержаніе его корпуса. Если только Семеновъ покажетъ искреннее желаніе отречься отъ старыхъ пріемовъ, перейти на новыя формы и работать вмѣстѣ на общую пользу, то я сдѣлаю все возможное, чтобы это ему облегчить и этому внѣ всякихъ условностей и придирокъ помочь, ибо твердо вѣрю, что только въ эволюціи атаманщины въ сторону закона наше спасеніе. Боюсь и очень боюсь, что гнусный антуражъ Семенова не допуститъ этой эволюціи, ибо тогда для нихъ исчезнутъ всѣ побочные доходы и темные расходы, а безъ этого эти господа не могутъ жить.

Я заручился даже согласіемъ государственнаго контролера провести ассигнованіе особыхъ экстраординарныхъ суммъ на личные расходы старшихъ начальниковъ, дабы дать такимъ типамъ, какъ Семеновъ, законные способы удовлетворять такія расходныя потребности, къ которымъ они уже привыкли и которыя неизбѣжны въ переживаемое сейчасъ время.

Имѣлъ по этому поводу разговоръ съ мѣстнымъ представителемъ Семенова полковникомъ Сыробоярскимъ, высказалъ ему свою точку зрѣнія на способы ликвидаціи всего стараго и изложилъ то, что мы ожидаемъ отъ Читы.

Однимъ изъ срочныхъ вопросовъ по министерству поставилъ разработку плана снабженія предметами первой необходимости населенія освобождаемыхъ отъ большевиковъ губерній, ибо въ этомъ единственное и вѣрное средство привлечь на свою сторону мелкое городское и деревенское населеніе, изголодавшееся и истосковавшееся по этимъ предметамъ.

Къ сожалѣнію, исполнительная часть не въ моихъ рукахъ, и мнѣ приходится быть только идейнымъ возбудителемъ и безпокойнымъ подталкивателемъ этого проекта; министерство снабженій и продовольствія относится къ идеѣ сочувственно, но я мало вѣрю въ энергію и дѣловитость его органовъ.

Съ своей стороны гарантировалъ, что для этой цѣли готовъ дать право внѣочередной перевозки и необходимое количество вагоновъ въ предѣлахъ тыла и заручился согласіемъ начальника военныхъ сообщеній сдѣлать то же и въ армейскихъ районахъ. Чтобы немедленно перейти отъ словъ къ дѣлу, сегодня же распорядился, чтобы Владивостокская комиссія давала ежедневно по пяти вагоновъ для отправки въ Сибирь предметовъ первой необходимости, заготовляемыхъ тамъ для населенія органами министерства снабженій; при этомъ былъ огорченъ той оторопью, съ которой это министерство отнеслось къ бурности и скоропалительности моего рѣшенія, заявивъ, что на налаживаніе дѣла нужно еще время и пр. и пр. Едва ли можно что сдѣлать при такомъ темпѣ исполненія! Вѣдь, предоставляемая мной цифра въ 150 вагоновъ въ мѣсяцъ при умѣломъ использованіи сможетъ дать населенію Сибири все, въ чемъ оно долго и остро нуждается въ своемъ ближайшемъ обиходѣ.

Нужно работать стремительно, ибо слишкомъ много времени уже упущено даромъ, нужно отбросить рутину; на дняхъ, по соглашенію съ Касаткинымъ, я выхлопоталъ первый внѣочередной нарядъ въ шестьдесятъ вагоновъ старинной сибирской фирмѣ братьевъ Колокольниковыхъ для подвоза муки на Уралъ, остро страдающій отъ недостатка довольствія; при этомъ фирма обязалась продавать муку втрое дешевле существующихъ на Уралѣ цѣнъ. Сдѣлалъ это потому, что на Екатеринбургскомъ съѣздѣ опредѣленно выяснилось, что тревожное настроеніе рабочихъ въ значительной степени зависитъ отъ неувѣренности ихъ въ снабженіи и въ боязни голода; некогда ждать, пока явится главноуполномоченный и начнетъ все это налаживать и надо немедленно показать населенію, что власть и начальство о нихъ заботятся.

Нужда на Уралѣ такая, что зерно возятъ на средній и сѣверный Уралъ гужомъ изъ Троицкаго района за многія сотни верстъ. Пока Министерство снабженій витаетъ въ области обѣщаній, мука въ районѣ Екатеринбурга и Перми дошла до 200 руб. пудъ, въ то время когда въ Барнаульскомъ и Бійскомъ районѣ имѣются милліонные запасы зерна и мука тамъ стоитъ не дороже 28—30 рублей.

Воображаю, сколько пересудовъ и сплетенъ будетъ примазано къ этой льготѣ тѣми, кого она задѣнетъ по карману и чьи спекулятивные барыши уменьшитъ; будутъ высчитывать, сколько я и Касаткинъ получили съ Колокольниковыхъ за этотъ нарядъ.

Но я рѣшился не останавливаться ни передъ чѣмъ, тѣмъ болѣе, что адмиралъ вполнѣ одобрилъ мой взглядъ и обѣщалъ, что всегда покроетъ своимъ утвержденіемъ все, что я найду нужнымъ выполнить ради блага дѣла; положеніе не терпитъ проволочки и нельзя ждать, пока Министерство Продовольствія раскачается и привезетъ муку; при порядкахъ этого черепашьяго министерства можно пропустить всѣ сроки, — что оно уже доказало на снабженіи арміи.

Я еще разъ пробовалъ поставить на повѣстку очередного засѣданія Совѣта министровъ вопросъ о возвращеніи Военному Министру всѣхъ правъ по производству необходимыхъ для арміи заготовокъ всѣхъ видовъ снабженія, но получилъ отказъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ военномъ министерствѣ идутъ коренныя реформы и что этотъ вопросъ надо будетъ разсмотрѣть не отдѣльно, а въ общемъ. Приходится думать, что кто-то боится передачи намъ дѣла заготовокъ и всячески тормозитъ этотъ вопросъ; и, повидимому, это даже не самъ продовольственно-снабжательный министръ Неклютинъ, а какіе-то близкіе къ дѣлу снабженій круги и лица.

Вечеромъ начальникъ канцеляріи далъ мнѣ для прочтенія письмо, полученное съ фронта проживающимъ здѣсь извѣстнымъ епископомъ Андреемъ Уфимскимъ; пишетъ мой бывшій подчиненный по штабу 70 дивизіи подполковникъ Кронковскій, только что прибывшій въ штабъ западной арміи; онъ въ очень мрачныхъ краскахъ описываетъ настроеніе отходящаго фронта, причемъ указываетъ, что кучки героевъ затираются подавляющимъ числомъ самыхъ отъявленныхъ шкурниковъ, больше всего боящихся опасности и смерти. Неосвѣдомленность войскъ въ происходящемъ на фронтѣ и въ тылу поражающая; какъ примѣръ приводится письмо одного солдата о томъ, что къ нимъ пріѣзжалъ «какой-то аглицкій адмиралъ Кильчакъ, должно быть изъ новыхъ ораторей и раздавалъ папиросы . . .» Вотъ къ чему сводится неприкрашенное ничѣмъ впечатлѣніе отъ посѣщенія адмирала, который придаетъ имъ такое значеніе. Вижу, что былъ правъ, когда посовѣтовалъ адмиралу ѣздить на фронтъ въ общегенеральской формѣ, и не защитной, а съ лампасами и красными отворотами; надо понимать привычки нашихъ солдатъ и рядового офицерства, считающихъ, что на большомъ начальникѣ должно быть много краснаго.

Въ концѣ письма, авторъ письма проситъ епископа Андрея организовать разумную пропаганду и освѣдомленіе въ тылу — мысль совершенно вѣрная, такъ какъ на фронтѣ почти нѣтъ времени, чтобы просвѣщать и наставлять; это надо дѣлать раньше, работая въ самой гущѣ населенія и въ запасныхъ частяхъ, которыя должны давать фронту здоровыя и понимающія обстановку пополненія, разумно настроенныя, хорошо освѣдомленныя и пріученныя интересоваться всѣмъ происходящимъ дальше ихъ собственнаго носа.

У меня было свободныхъ полчаса и я поѣхалъ къ епископу Андрею, извѣстному мнѣ по его литературной дѣятельности и по его борьбѣ за приходъ и за выборность духовенства. Впечатлѣніе отъ встрѣчи не въ его пользу; это изъ тѣхъ типовъ модернизованнаго монашества, которые мнѣ не по душѣ; внѣшній видъ у него духовный и благообразный, но внутреннее содержаніе мало духовное и мало монашеское; слишкомъ много въ этой по сущности мірской душѣ и политики, и бурной житейской борьбы; не понравились также и разговоры со мной, въ первый разъ въ жизни встрѣченнымъ человѣкомъ, на темы рѣзкаго порицанія дѣятельности Высшаго Духовнаго Правленія (въ своемъ родѣ временнаго Омскаго Синода), про членовъ котораго Епископъ отозвался «эти — изъ кутейниковъ . . .»

Епископъ считаетъ, что коренное оздоровленіе деревни надо начать при помощи совершенно нейтральной организаціи призрѣнія вдовъ, сиротъ и увѣчныхъ, а затѣмъ использовать всю эту систему въ цѣляхъ здороваго освѣдомленія.

При разговорѣ объ общемъ нашемъ положеніи Епископъ высказалъ свой страхъ за будущее, вслѣдствіе того, что «адмиралъ попалъ въ плѣнъ къ кадетамъ».

Наступательные эксперименты съ неготовыми для боя войсками окончились очень печально; лѣвый флангъ Сибирской арміи разбитъ и, какъ доноситъ Гайда, «дезоргани-

зованныя части генерала Вержбицкаго бѣгутъ». Впервые встрѣчаю въ оперативной сводкѣ такое откровенное донесеніе; въ Ставкѣ считаютъ, что сейчасъ Гайда желаетъ возможно сильнѣе сгустить краски о положеніи на фронтѣ для того, чтобы рѣзче подчеркнуть, къ чему привели распоряженія Лебедева; мнѣ же думается, что, подъ общимъ приподнятымъ настроеніемъ, прямо сорвалось слово правды, которую прежде такъ усердно гримировали.

Несомнѣнно только, что и въ Сибирской арміи перешли за коэффиціентъ упругости боевого сопротивленія и что ей грозитъ тотъ же оборонительный параличъ, который уже разбилъ западную армію.

Судьба блестящаго по внѣшнему виду корпуса Каппеля, брошеннаго на фронтъ по частямъ и не въ готовомъ для боя состояніи, ничего тамъ не сдѣлавшаго и потерявшаго часть состава ушедшими на сторону красныхъ, — и судьба резервовъ Сибирской арміи, тоже не готовыхъ къ бою, брошенныхъ запоздало въ прорывъ между арміями и разбѣжавшихся при первомъ ударѣ, должны, наконецъ, дать Ставкѣ и штабамъ армій самое грозное предостереженіе, къ чему приводятъ такія нецѣлесообразныя и неграмотныя распоряженія. Черезъ полтора—два мѣсяца это были бы сносныя, а для теперешнихъ условій — даже и хорошія войска; сейчасъ же — это жалкіе остатки съ такимъ трудомъ сколоченныхъ резервовъ, потерявшіе почти все, что было дано имъ изъ снаряженія, обмундированія и разныхъ техническихъ средствъ.

Вообще, положеніе на фронтѣ сдѣлалось такимъ, что недавніе оптимисты примолкли и въ Омскѣ наступило довольно тревожное настроеніе.

Я смотрю на будущее еще мрачнѣе, такъ какъ наши послѣдніе резервы — 11, 12 и 13-я дивизіи, формируемыя въ тылу въ Омскѣ и Томскѣ, къ бою еще не готовы, не имѣютъ артиллеріи, пулеметовъ, средствъ связи, обоза и пр. и пр.

А между тѣмъ, очевидно, что намъ на Уралѣ уже не удержаться, а это грозитъ Екатеринбургу, Перми и Челябинску, въ которыхъ сосредоточены большіе запасы разнаго снабженія. Поэтому приказалъ пріостановить продвиженіе за Омскъ новыхъ запасовъ и просилъ начальниковъ снабженій армій расходовать все то, что накоплено въ ихъ тылахъ. Просилъ генералъ-квартирмейстера Ставки дать заключеніе о томъ, не своевременно ли начать частичную эвакуацію Екатеринбурга, но получилъ громоносный отвѣтъ на тему, что подобные проекты могутъ отразиться на «настроеніи войскъ».

Вотъ до чего доводитъ кабинетное управленіе при помощи несвѣдущихъ по своей спеціальности юнцовъ; они живутъ утопіями и миражами, мечтаютъ о сохраненіи настроенія, которое такъ опредѣленно обрисовано въ сегодняшнемъ письмѣ Конковскаго.

Больше всего тяготитъ меня неминуемая потеря уральскихъ заводовъ и всѣхъ размѣщенныхъ тамъ заказовъ, запоздавшихъ сдачей вслѣдствіи бездѣятельности (если не хуже) органовъ министерства снабженія; это грозитъ тѣмъ, что арміи останутся безъ обоза, походныхъ кухонь и что мы лишимся всѣхъ техническихъ заведеній, снабжавшихъ насъ новыми орудіями, запасными частями, рельсами, желѣзомъ и металлами.

Ставка не сумѣла все это эшелонировать, такъ какъ мечтала только о побѣдахъ и не застраховалась на случай возможныхъ неудачъ. Подлая развѣдка все время морочила голову вымышленными росказнями о полномъ разложеніи и уничтоженіи красной арміи, и теперь приходится готовиться къ искупленію за всѣ эти ошибки.

Настроенъ такъ мрачно, что даже и умный Прибыловичъ, обычно мнѣ сочувствовавшій, начинаетъ упрекать меня въ излишнемъ пессимизмѣ. Всѣ надежды на то, что красные должны выдохнуться, не имѣютъ за собой никакихъ основаній, ибо вообще при наступленіи выдыхаются медленнѣе, а затѣмъ, отсутствіе съ нашей стороны упорнаго сопротивленія и маневренныхъ контръ-ударовъ (по неспособности на то и на другое) не даетъ данныхъ для истощенія красныхъ, двигающихся при томъ почти исключительно на подводахъ.

1 Іюня. Тянемъ нелѣпую реорганизацію Ставки и Министерства по рецептамъ ставочныхъ вундеркиндовъ; пока что добились невѣроятной путаницы и остановки всей работы; поступающіе со всѣхъ сторонъ вопросы, телеграммы, требованія, переписка перебрасываются между Ставкой и отдѣлами Министерства, причемъ многіе стараются изыскать всякіе предлоги, чтобы отпихнуть отъ себя побольше работы и свалить ее на чужія плечи.

Своимъ отдѣламъ я приказалъ исполнять все поступающее къ намъ по нашей прежней компетенціи, не считаясь пока съ новостями реформы, а, по исполненіи, передавать въ Ставку. Но такими порядками можно продержаться только нѣсколько дней.

Верхніе этажи нащего помѣщенія заняты освѣдомительными органами Ставки; народу толчется тамъ тьма, а результаты ихъ дѣятельности видны по вчерашнему письму Кронковскаго и по тому, что я самъ испыталъ, сидя въ глубокомъ Харбинскомъ тылу. Въ освѣдомленіе набились всякіе шкурники, безработные писаки, и все это очень усердно освѣдомляетъ Омскъ, заклеивая глупыми плакатами и бюллетенями всѣ омскіе заборы, но не умѣетъ и безсильно распространить свою дѣятельность туда, гдѣ въ ней самая острая нужда.

Я полонъ самой острой злобы на это очковтирательное учрежденіе, поглощающее огромныя суммы, и, будь моя власть, я разогналъ бы его въ 24 часа.

Въ Ставкѣ нахмуренное настроеніе; Лебедеву приказано считаться больнымъ и онъ занимается въ своемъ вагонѣ, передавъ фактическое исполненіе наштаверха Бурлину; говорятъ, что это сдѣлано, чтобы не дать повода бурному Гайдѣ осуществить какую-нибудь выходку и не дразнить его полученіемъ распоряженій за подписью Лебедева.

Въ городѣ масса разныхъ слуховъ; щепчутся о предстоящихъ, якобы, перемѣнахъ въ составѣ Совѣта Министровъ; пробовали и меня вовлечь въ политику и въ разныя комбинаціи, но я рѣшительно отказался, заявивъ, что у меня столько дѣла по своей спеціальности, что заниматься посторонними вещами мнѣ некогда; на желаніе же узнать, къ какой политической партіи я принадлежу или хочу примкнуть, я отвѣтилъ «къ партіи здраваго смысла и добросовѣстной работы».

Произошло рѣшительное столкновеніе съ моимъ призрачнымъ начальствомъ въ лицѣ самого Лебедева по вопросу о судьбѣ выпускныхъ кадетъ изъ шести сохранившихся у насъ кадетскихъ корпусовъ; Лебедевъ и Ко. рѣшили отправить ихъ въ инструкторскія школы, созданныя современнымъ варіантомъ Аракчеева генераломъ Сахаровымъ и штампующія не офицеровъ, а почти негодный для войскъ ихъ суррогатъ; эти школы пользуются особымъ вниманіемъ Нокса, быть можетъ, и отлично къ намъ расположеннаго, но не понимающаго нашихъ нуждъ по части офицерскаго состава, не знающаго нашей молодежи и мѣряющаго насъ на англійскій аршинъ; онъ воображаетъ, что можно въ срокъ 6—8 недѣль сдѣлать офицеровъ изъ русскихъ подростковъ современнаго развальнаго періода; на этомъ мы уже осѣклись во время большой войны, заливъ ряды арміи совершенно негоднымъ суррогатомъ офицерства изъ краткосрочныхъ школъ.

Я настаиваю, чтобы кадеты были направлены въ имѣющіяся у насъ военныя училища и провели бы тамъ не менѣе года въ самой напряженной работѣ по пріобрѣтенію знаній, необходимыхъ для офицера, и полученію этической закалки настоящаго офицерства; это единственный способъ положить начало настоящему русскому офицерству, достойному принять и сохранить лучшія, здоровыя традиціи ихъ отцовъ и предковъ. Глупо и безжалостно будетъ погубить эти послѣдніе остатки нашей молодежи, особо цѣнные тѣмъ, что большинство принадлежатъ къ военной средѣ, получили сносное семейное воспитаніе, прошли шесть лѣтъ корпусной тренировки и по всему этому представляютъ лучшій контингентъ для начала созданія нормальныхъ офицерскихъ кадровъ. Ихъ всего двѣсти человѣкъ, и они своимъ прибытіемъ на фронтъ не въ состояніи разрѣшить общаго офицерскаго кризиса; несравненно лучше немедленно же перейти къ массовому производству въ офицеры старыхъ и надежныхъ унтеръ-офицеровъ; я держался этого взгляда во время большой войны, и считаю, что сейчасъ это повелительно необходимо.

Лебедевъ уперся какъ быкъ на своемъ.

2 Іюня. Былъ у генерала Жанена; веселый, жизнерадостный французъ; считается главнокомандующимъ союзными войсками, но чехи его слушаются только, когда это имъ удобно. По просьбѣ Жанена высказалъ ему свои взгляды на современное положеніе Россіи и Сибири и на тѣ виды союзнической помощи, которые намъ сейчасъ неотложно необходимы. Пытался ему растолковать, что прежде всего нужно, чтобы союзники признали образовавшуюся въ Омскѣ власть и поддержали ее морально и матерьяльно; сейчасъ мы находимся въ невѣроятно тяжеломъ и сложномъ положеніи какого-то bâtard'а, и

это даетъ возможность разражаться разными выпадами Семенову, Гайдѣ и другимъ атаманамъ, допускаетъ двусмысленное поведеніе японцевъ, давитъ насъ по финансовой части, вноситъ ужасную путаницу въ дѣло снабженія, выдаваемаго намъ какъ-то изъ подъ полы и въ родѣ какихъ-то подачекъ. Очевидно, что намъ хотятъ помочь, а если такъ, то надо дѣлать это скоро, откровенно и полнымъ махомъ, понимая, что затяжка только истощаетъ Россію и усиливаетъ положеніе большевиковъ. Затѣмъ, намъ нужна прочная, планомѣрная помощь вооруженной силой, но никоимъ образомъ не для войны на фронтѣ, а для окупаціи важнѣйшихъ населенныхъ пунктовъ и для установленія тамъ законнаго порядка и нормальныхъ условій жизни; сдѣлать сами мы этого не въ состояніи, какъ по недостатку людей и вооруженной силы, такъ и по причинамъ чисто моральнаго порядка, свойственнымъ атмосферѣ гражданской войны, остротѣ классовой борьбы, горечи испытаннаго и трудно подавляемой жаждѣ реванша и реакціи.

Это намъ надо временно до тѣхъ поръ, пока не окрѣпнетъ законъ и государственность и не установятся новые административные органы (центральные и по самоуправленію въ самомъ широкомъ значеніи этого слова).

Для этой цѣли намъ нужны совершенно нейтральныя, безпристрастныя и спокойныя войска, способныя сдержать всякія антигосударственныя покушенія, какъ слѣва, такъ и справа. Только подъ прикрытіемъ сѣти союзныхъ гарнизоновъ, не позволяющихъ никому насильничать и нарушать законъ, поддерживающихъ открыто и опредѣленно признанную союзниками власть возможно будетъ приняться за грандіозную работу возсозданія всего разрушеннаго въ странѣ, возстановленія и укрѣпленія мѣстныхъ органовъ управленія и за еще болѣе сложную и щекотливую задачу постепеннаго пріученія населенія къ исполненію государственныхъ и общественныхъ повинностей, къ платежу налоговъ, однимъ словомъ, къ многому, отъ чего населеніе отвыкло; это неизбѣжное ярмо надо надѣть умѣючи, а главное, безъ помощи нашихъ карательныхъ и иныхъ отрядовъ.

Размѣръ матерьяльной помощи надо точно выяснить — по количеству и срокамъ и обезпечить намъ порядокъ и срочность полученія, не держа насъ въ положеніи Персіи или Турціи, или расточительнаго племянника, получающаго случайныя подачки отъ тароватыхъ дядюшекъ. Все приходящее во Владивостокъ надо сдавать намъ, а не распоряжаться каждому союзнику по его усмотрѣнію и по его симпатіямъ.

Одновременно надо выяснить, сколько и какъ надо за все это заплатить или засчитать, ибо только тогда возможно равноправіе сторонъ.

Особенно я подчеркнулъ, что союзники дѣлаютъ большую ошибку, затягивая вопросъ о признаніи нашего правительства; если оно почему либо не нравится или ненадежно, то тогда надо объ этомъ сказать, указавъ, что и какъ надо измѣнить, или же тогда уже признавать за власть большевиковъ; половинчатое рѣшеніе тутъ невозможно.

Признаніе нужно не для честолюбія правительства, а для его укрѣпленія; оно нужно для психологіи народныхъ массъ, главнаго дѣятеля въ будущемъ устройствѣ Россіи.

Я очень увлекался, излагая все это; къ сожалѣнію, мой собесѣдникъ не особенно внимательно меня слушалъ, стараясь перейти на иныя нейтральныя матеріи; но я видѣлъ въ Жаненѣ главнокомандующаго союзными войсками и поэтому рѣшилъ использовать случай и сказать все.

Въ Ставкѣ и Министерствѣ все тотъ же развалъ; слава Богу, что еще главныя управленія не пострадали отъ этой реформы. Начали носиться даже слухи о томъ, что въ связи съ колебаніемъ положенія Лебедева возможна отмѣна всей этой ерунды; говорятъ, что и совѣтъ министровъ обиженъ тѣмъ, что все это проведено не только безъ его согласія, но даже безъ его вѣдома, чѣмъ въ отношеніи установленій Военнаго Министерства нарушенъ законъ, не позволяющій проводить такихъ реформъ безъ разсмотрѣнія и утвержденія совѣтомъ министровъ.

3 Іюня. Приступилъ къ организаціонной работѣ по приведенію всего дѣла снабженія въ приличный видъ; всюду наталкиваешся на нелѣпость всей системы, рутину и канцелярщину. Несомнѣнно, напримѣръ, что почти всѣ главныя управленія (за исключеніемъ санитарнаго и медицинскаго) организованы весьма сносно и тамъ довольно много старыхъ и опытныхъ работниковъ, но все это работаетъ по заводу и по указкѣ чисто мирнаго,

нормальнаго времени и поэтому не въ состоянiи поспѣть за стремительно летящими нуждами и требованiями.

Самое тяжелое положенiе по интендантской части, гдѣ мы являемся послѣднимъ этапомъ медленной, плохо организованной и хромающей на всѣ ноги дѣятельности Министерства Продовольствiя и Снабженiя; выполненiе нашихъ нарядовъ идетъ очень неаккуратно, а что еще хуже, это то, что отъ распорядительныхъ органовъ этого Министерства невозможно добиться правды, и на всѣ запросы они юлятъ, врутъ или отмалчиваются.

Скверно и то, что главные начальники управленiй (за исключенiемъ одного только генерала Каханова) настолько инертны, шаблонны и неспособны къ творческой инициативной дѣятельности, что нѣтъ никакой надежды на ихъ починъ и самодѣятельность; они привыкли танцовать отъ печки и не утруждать себя особенно новыми мыслями и лишней работой. На всѣ мои подталкиванiя и указанiя сталъ получать доклады съ изложенiемъ преимущественно причинъ, почему мои распоряженiя невыполнимы или невѣроятно трудны. Пришлось потребовать, чтобы вмѣсто сто одной причины, почему исполненiе невозможно, докладывали бы хоть одну стопервую долю способа, коимъ это можно осуществить. Приказалъ начальнику главнаго артиллерiйскаго управленiя разработать срочно проектъ о постройкѣ оружейнаго и патроннаго заводовъ; вопросъ огромной важности, ибо сразу поставитъ насъ на свои ноги по части основного боевого снабженiя, избавитъ отъ выклянчиванiя у союзниковъ и остановитъ утечку заграницу золота за дѣлаемые тамъ заказы.

Сегодня получаю докладъ, что исполненiе очень трудно и осуществимо только черезъ три года; таково де компетентное мнѣнiе десятка самыхъ опытныхъ специалистовъ; наговорилъ по этому поводу много кислыхъ словъ начальнику Гау и приказалъ узнать, какимъ образомъ сумѣли справиться съ этимъ дѣломъ въ теченiе нѣсколькихъ мѣсяцевъ японцы, принявъ наши заказы во время войны, а затѣмъ и американцы.

Наше главное артиллерiйское управленiе всегда было оплотомъ и разсадникомъ самой закоренѣлой рутины и старовѣрческаго техническаго мракобѣсiя; такъ что нечего удивляться полученному мной отвѣту.

На фронтѣ Сибирская армiя покатилась назадъ и покатилась совсѣмъ скверно, повидимому, въ положенiи близкомъ къ катастрофическому; разгромъ ея лѣваго фланга поставилъ въ почти безвыходное положенiе ея правофланговыя части, которыя все время гнали впередъ, въ направленiе на Глазовъ.

Фронтъ сломленъ, а тутъ еще инцидентъ съ Гайдой и перекраиванiе омскими портными дырявой и безъ того хламиды высшаго военнаго управленiя; въ тылу же все шире и шире разгорается возстанiе. Одна Тайшетская пробка уже два мѣсяца остановила ночное движенiе поѣздовъ на этомъ участкѣ и самымъ тяжелымъ образомъ отзывается на нашемъ подвозѣ, сокративъ вдвое число приходящихъ съ востока вагоновъ и не давая возможности отправлять назадъ освобождающiйся порожнякъ; скудость подвоза усугубляется обращенiемъ на линiи союзныхъ эшелоновъ и союзныхъ поѣздовъ, причемъ своего подвоза союзники ни въ коемъ случаѣ сократить не желаютъ, свою порцiю графика выдѣляютъ въ первую очередь, а намъ оставляютъ огрызки; ясно, что при такихъ условiяхъ совершенно невозможно образованiе какихъ-либо запасовъ и мы живемъ за счетъ ежедневнаго подвоза или сокращенiя дачъ.

Теперь для меня совершенно ясно къ чему привело армiи руководство Ставки стратегическое и организацiонное. Тѣша свое раздутое зимними успѣхами честолюбiе и надѣясь все время, что наступившiя къ веснѣ неудачи пройдутъ, наши стратеги не пощадили истрепанныя зимнимъ и военнымъ походомъ войска и не сумѣли во время отойти за Уралъ, на подступахъ къ которому можно было арьергардами изъ отборныхъ частей очень надолго задержать красное наступленiе; имъ нужны были громкiе успѣхи и обильныя наградными послѣдствiями побѣды и въ этомъ эгоистическомъ чаду не нашлось мѣста для того, чтобы понять, что войскамъ надо было дать пополниться, отдохнуть, отоспаться, отъѣсться и что по части и организацiи и снабженiй нужны были рѣшительныя, молнiеносныя реформы. Вмѣсто всего этого, цѣплялись за авоську и на этомъ растрепали и погубили для будущаго тыловые резервы — группу Каппеля и резервы Сибирской армiи,

а съ ними массу винтовокъ и драгоцѣнныхъ по нашей бѣдности запасовъ обмундированія и снабженій. То, что сейчасъ дѣлается на фронтѣ, является неизбѣжнымъ результатомъ безграмотнаго и шалаго руководительства Ставки и ея горе наштаверха.

Вечеромъ въ Совѣтѣ Министровъ слушали докладъ прибывшаго отъ Деникина Генерала Сычева, докладъ по сути безцвѣтный и несодержательный, по формѣ бахвалистый и черезчуръ сдобренный пафосомъ и слезой. Чувствуется, что правды не сказано и что, въ погонѣ за красочностью описаній, истина сильно пострадала. Совѣту же министровъ надо знать настоящее положеніе, какъ бы оно тяжело ни было. Изъ всего слышаннаго, меня очень огорчилъ фактъ ссоры Деникина и Краснова, происшедшей, по словамъ Сычева, отъ нежеланія Краснова подчиниться Деникину. Неужели же нельзя даже передъ лицомъ смертной опасности для родины забыть мѣстничество; стремленіе къ власти и борьба за нее уже третій годъ грызутъ лишенную законной власти Россію и грозятъ самыми тяжелыми послѣдствіями.

4 Іюня. Утромъ вернулся изъ Перми адмиралъ; одновременно пріѣхали Гайда и Дутовъ, а съ востока прикатилъ смѣненный съ должности командующаго войсками Приамурскаго округа казачій держиморда Ивановъ-Риновъ; надо весьма опасаться, что эта политиканствующая троица устроитъ здѣсь какой нибудь кавардакъ.

Акинтіевскій, ѣздившій съ Адмираломъ на ликвидацію Гайдовской исторіи, разсказалъ мнѣ подробности всего инцидента. 26 Мая Предсѣдатель Совѣта Министровъ получилъ телеграмму Гайды съ просьбой, чтобы Совѣтъ Министровъ поддержалъ тѣ требованія, съ которыми Гайда обратился къ Верховному Правителю.

Но требованій этихъ къ Адмиралу не поступило — видимо, въ послѣднюю минуту не хватило духа послать.

Когда Вологодскій доложилъ Верховному Правителю о полученной телеграммѣ, то Адмиралъ вызвалъ Гайду по безпроволочному телеграфу и, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, спросилъ Гайду: «намѣренъ ли онъ исполнять его, Верховнаго Главнокомандующаго, приказанія?»

Гайда на это отвѣтилъ: «да, но поскольку они не будутъ мѣшать его, какъ командующаго Сибирской арміей, оперативнымъ распоряженіямъ». Отсюда и завязалась вся исторія, обостренная требованіемъ убрать Лебедева.

Послѣ совѣщанія съ Ноксомъ и Жаненомъ, адмиралъ рѣшилъ самъ ѣхать къ Гайдѣ, такъ какъ иныхъ средствъ для разрѣшенія инцидента не было; трагическое безсиліе Верховной, по названію, власти и Верховнаго, по званію, командованія, вынужденныхъ совѣтоваться съ иностранцами и не имѣющихъ реальныхъ средствъ заставить выполнить свою волю . . .

Было рѣшено идти напроломъ; взяли съ собой весь конвой Верховнаго Правителя, приказали изготовиться находящемуся въ Екатеринбургѣ батальону охраны Ставки и двинулись на западъ усмирять непокорнаго Сибирскаго командарма изъ перебѣжавшихъ къ намъ фельдшеровъ австрійской арміи. Осуществились предсказанія тѣхъ, которые предупреждали Адмирала, когда онъ пригласилъ Гайду на русскую службу.

При отправленіи было рѣшено, что, если Гайда будетъ продолжать оказывать неповиновеніе, то его арестовать и отправить немедленно въ Омскъ. Подъѣзжая къ Перми, не знали даже встрѣтитъ ли Гайда Верховнаго Главнокомандующаго или нѣтъ; уже въ самой возможности такого сомнѣнія кроются грозныя для будущаго перспективы. Но Гайда оказался вполнѣ по внѣшности корректнымъ и встрѣтилъ Адмирала съ обычной помпой и по уставу. Послѣ встрѣчи и ухода съ платформы почетнаго караула, вокзалъ былъ занятъ частями адмиральскаго конвоя, изготовившимися противъ всякихъ случайностей, а Адмиралъ пригласилъ Гайду въ свой вагонъ и объявилъ ему, что, такъ какъ онъ позволилъ себѣ отказаться отъ исполненія приказаній Верховнаго Главнокомандующаго и пытался поднимать Совѣтъ Министровъ противъ Верховнаго Командованія, то Адмиралъ не считаетъ возможнымъ долѣе оставлять его въ должности командующаго Сибирской арміей и предлагаетъ сдать командованіе начальнику штаба арміи, а затѣмъ ждать рѣшенія дальнѣйшей своей судьбы въ Омскѣ.

Гайда горячо оправдывался, доказывая, что онъ былъ обязанъ довести до свѣдѣнія Совѣта Министровъ о томъ, что распоряженія Ставки губятъ арміи.

Тогда Адмиралъ спросилъ Гайду, почему же онъ раньше ему этого не донесъ, не доложилъ, не сдѣлалъ никогда ни одного намека о такой оцѣнкѣ распоряженій Ставки, а, между тѣмъ, это была его прямая, какъ командарма, обязанность. Эти слова Адмирала очень знаменательны, ибо даютъ всему выступленію Гайды настоящую оцѣнку, подтверждая, что интересы арміи были только внѣшнимъ предлогомъ, а внутренней причиной были обиженное честолюбіе и шалая несдержанность. Все это очень характерно для нашей арміи, и въ этомъ отношеніи вспоминаются исторіи портъ-артурскаго коменданта Смирнова съ Стесселемъ, Гриппенберга съ Куропаткинымъ, Субботича съ адмираломъ Алексѣевымъ, начальника заамурскаго округа Мартынова съ генераломъ Хорватомъ и масса разныхъ мелкихъ случаевъ, гдѣ, вмѣсто откровеннаго и правдиваго доклада, шли разные подвохи, молчаливое собираніе невыгодныхъ для противной стороны фактовъ, злорадство надъ чужими ошибками, а потомъ сразу все выливалось въ рѣзкія столкновенія, пронунціаменто, ультиматумы и пр. и пр.

Сейчасъ отношенія старшихъ начальниковъ очень портятся, благодаря гнусной и чисто провокаціонной дѣятельности многихъ видныхъ представителей контръ-развѣдки, которая ядовитой грибной плѣсенью обволокла верхи управленія и многихъ высокихъ начальниковъ, незамѣтно для нихъ втянувъ ихъ въ свою атмосферу сыска, влѣзанія въ чужія души и мысли, и размазавъ эту нравственную грязь по всей духовной сторонѣ военнаго Управленія. Это я видѣлъ въ Харбинѣ, Владивостокѣ и вижу теперь и въ Омскѣ; сейчасъ у каждаго большого, политиканствующаго начальника имѣется отдѣлъ (неоффиціальный, конечно) контръ-развѣдки, занятый исключительно шпіонствомъ и наблюденіемъ за другими, больше всего, конечно, инакомыслящими и противными ихъ господину лицами.

Одинъ только Адмиралъ безукоризненно чистъ по этой части и брезгливо выслушиваетъ, когда ему преподносятъ стряпню этихъ гнойныхъ нарывовъ нашей развѣдывательной организаціи. Работаютъ тутъ матерые спеціалисты по части фабрикаціи разныхъ донесеній, и очень умѣло потрафляютъ на вкусъ своихъ господъ, еще болѣе умѣло ссоря ихъ съ не угодными для нихъ лицами, собирая матерьялъ для погубленія противниковъ, конкуррентовъ по власти и вліянію и т. п.

Такой органъ существовалъ до меня и въ военномъ министерствѣ, но я его уничтожилъ въ первый же часъ моего вступленія въ должность, совершенно такъ же, какъ упразднилъ должности адъютантовъ и оберъ-офицеровъ для порученій при Военномъ Министрѣ.

При дальнѣйшемъ разговорѣ, Адмиралъ, на заносчивое заявленіе Гайды о томъ, что, въ случаѣ его ухода съ поста командующаго арміей, войска сейчасъ же побѣгутъ, отвѣтилъ, что за послѣдствія отвѣчаетъ онъ самъ, какъ Верховный Главнокомандующій.

Послѣ довольно длительныхъ пререканій и обмѣна колкостями, Адмиралъ поставилъ Гайдѣ ультиматумъ выѣхать изъ Перми въ теченіе двухъ часовъ, причемъ, въ случаѣ согласія, ему будетъ разрѣшено уѣхать самому и еще въ званіи командующаго арміей; въ противномъ же случаѣ — будутъ приняты иныя мѣры. Гайда долго молчалъ, но затѣмъ съ усиліемъ проговорилъ, что онъ солдатъ и полученное приказаніе исполнитъ, и проситъ только разрѣшенія съѣздить домой и собраться въ дорогу, обѣщая честнымъ словомъ выѣхать въ теченіе назначеннаго срока. На это адмиралъ отвѣтилъ, что, хотя Гайда уже два раза давалъ ему честное слово и оба раза его нарушилъ, онъ все же еще разъ попробуетъ испытать прочность Гайдовскихъ обѣщаній и поэтому даетъ просимое разрѣшеніе.

Гайда сначала промолчалъ, но затѣмъ повышеннымъ тономъ заявилъ, что онъ согласился на предъявленное ему требованіе и обязался честнымъ словомъ его исполнить только потому, что этого требовалъ самъ Адмиралъ, а не изъ страха или по принужденію; въ противномъ бы случаѣ дѣло окончилось бы совсѣмъ иначе.

Черезъ два часа Гайда экстреннымъ поѣздомъ выѣхалъ въ Омскъ, сдавъ командованіе арміей генералу Богословскому; передъ отъѣздомъ онъ былъ у Адмирала, который успѣлъ за это время совсѣмъ отойти и даже безпокоился не былъ ли онъ «слишкомъ жестокъ къ Гайдѣ». Тутъ же появился всюду сующій свой носъ атаманъ Дутовъ, сталъ просить

за Гайду и Адмиралъ совсѣмъ смягчился. Вотъ сущность того, что разсказалъ мнѣ Акинтіевскій.

Гайда явился въ Омскъ съ отборнымъ конвоемъ въ 356 человѣкъ и сейчасъ онъ самая реальная сила во всемъ Омскѣ.

Въ результатѣ, какъ будто бы Адмиралъ и побѣдилъ, но нехорошая эта побѣда; ядовита та обстановка, въ которой возможны такія коллизіи; непрочна и гнила та система Управленія, при которой возможны такія отношенія; преступенъ Гайда, не нашедшій въ своей мелкой честолюбивой душѣ смѣлости во время заявить свой взглядъ на дѣйствія Ставки, послѣдовавшій, собственно говоря, примѣру Семенова и нанесшій новый тяжелый ударъ авторитету власти и верховнаго командованія. Гайда обязанъ былъ давно возвысить голосъ противъ шалаго и безграмотнаго Лебедевскаго управленія, но долженъ былъ сдѣлать это открыто, обоснованнымъ личнымъ докладомъ въ установленномъ для этого порядкѣ; мнѣ думается, что при Омскомъ плѣненіи Адмирала одинъ только Гайда и могъ поднять голосъ противъ дѣйствій Ставки и заставить Омское болото съ этимъ считаться; но способъ осуществленія все изгадилъ: прежде всего, заявленіе было сдѣлано слишкомъ поздно, затѣмъ оно сдѣлано въ недопустимо дерзкой формѣ, съ явнымъ оттѣнкомъ угрозы и удара по Верховному Командованію. Между тѣмъ, при частыхъ поѣздкахъ Адмирала на фронтъ, у Гайды были многочисленные случаи возможности переговорить съ Адмираломъ въ нейтральной обстановкѣ, выяснить ему детально все, что дѣлается его именемъ и убѣдить его въ необходимости измѣнить составъ Ставки и ея режимъ; данныхъ для доказательности предъявляемыхъ обвиненій было болѣе чѣмъ достаточно, и, если бы при этомъ Гайда сумѣлъ бы избѣжать излишне острой и субъективной окраски, то несомнѣнно, что можно было бы убѣдить Колчака и послѣдній, при присущей ему прямотѣ, честности и пламенномъ желаніи лучшаго и полезнаго, самъ пошелъ бы на рѣшеніе, которое подсказывалось интересами Россіи и армій.

Вмѣсто этого, Гайда далъ всѣ козыри въ руки своихъ противниковъ, которымъ ничего не стоило вздыбить Адмирала противъ бунтовщической по формѣ выходки командующаго сибирской арміей.

Неправъ во многомъ и Адмиралъ, или, вѣрнѣе сказать, порывистость его натуры и его податливость совѣтамъ людей, которымъ онъ почему либо вѣритъ; Адмиралу слѣдовало бы спокойнѣе взглянуть на этотъ инцидентъ, сознать значеніе этого выступленія и поглубже заглянуть въ причины, его вызвавшія.

На все это надо было взглянуть широко, объективно, внѣ личныхъ отношеній къ Гайдѣ и Лебедеву, и внѣ квалификаціи выпада зазнавшагося нахала; надо было рѣшать исходя изъ всестороннихъ и широкихъ выводовъ и заключеній, а не базируясь только на подускиваніяхъ испуганной и заинтересованной Ставки и тѣхъ Омскихъ круговъ, которымъ надо было выгородить своего Ставочнаго патрона. По моему, у адмирала было два рѣшенія: или — никуда не ѣздить и отрѣшить Гайду, какъ бунтовщика, отъ должности и предать его суду; или же — поѣхать на фронтъ, поговорить съ обоими командармами и достойными довѣрія начальниками, все выяснить, все узнать и тогда уже рѣшаться. Вмѣсто этого, весь инцидентъ проведенъ въ атмосферѣ сгущеннаго личнаго раздраженія, взаимныхъ подозрѣній и затушеванной безпристрастности; не государственно все это, мелко очень и пахнетъ лавочкой. Еще разъ, — и который уже разъ, — въ сумбурной исторіи нашихъ дней рѣшающее значеніе получили субъективные импульсы отдѣльныхъ личностей, неспособныхъ возвыситься до государственнаго спокойствія и героическаго отрѣшенія отъ эгоистическихъ, самолюбивыхъ и честолюбивыхъ побужденій.

Старая восточная пословица о томъ, что «семейное счастье состоитъ въ умѣньи супруговъ во время по пустякамъ уступить», конечно, широко понимаемая, опять не нашла примѣненія. Всю ссору свели на скорлупу, а объ ядрѣ позабыли. Въ результатѣ пострадали и Гайда, и Адмиралъ, и авторитетъ власти, а выиграли только красные.

По возвращеніи Адмирала въ Омскъ, онъ вызвалъ къ себѣ Лебедева и Бурлина и передалъ Лебедеву просьбу Гайды пріѣхать къ тому объясниться. Лебедевъ отказался, чѣмъ сдѣлалъ огромную ошибку, доказывающую только мелочность его натуры и величину его самомнѣнія, неспособнаго пожертвовать пустяками ради пользы большого дѣла;

случайному выкидышу омскаго политическаго водоворота, — если только онъ не боялся физическаго насилія со стороны Гайды, — слѣдовало забыть на время личную обиду и выручить своего заступника Адмирала изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ тотъ находился.

Вѣдь, Адмиралъ не такъ силенъ, чтобы не считаться съ положеніемъ Гайды, за которымъ стоитъ ореолъ освободителя Сибири отъ власти большевиковъ и на сторонѣ котораго сильныя симпатіи сибирской арміи, за интересы которой онъ заступился.

Пока что, остановились на дрябломъ рѣшеніи назначить комиссію изъ генераловъ Дитерихса, Матковскаго и Иностранцева для разсмотрѣнія основательности обвиненій, предъявленныхъ Гайдой къ Ставкѣ и къ Лебедеву. Не люблю я комиссій вообще, а въ такомъ дѣлѣ и въ такомъ составѣ — сугубо; родится изъ нея какое-нибудь половинчатое постановленіе компромисснаго характера на тему «нельзя не сознаться, но нельзя и не признаться».

Пока что, обстановка въ Омскѣ самая напряженная; шепчутся о перемѣнахъ и переворотахъ; наличіе здѣсь Дутова и Иванова-Ринова, въ связи съ острымъ подъемомъ казачьяго значенія даютъ благодатную почву для разныхъ слуховъ и предположеній. Политиканство и интриги глушатъ здѣсь, какъ бурьянъ, всю созидательную работу; всѣ рвутся къ власти; бѣдный Адмиралъ дѣйствительно находится въ какомъ-то плѣненіи; какъ бы хотѣлось, чтобы онъ нашелъ въ себѣ рѣшимость собрать въ одну кучу всѣхъ мѣстныхъ политикановъ и выслать ихъ изъ предѣловъ Сибири подобно тому, какъ то было сдѣлано съ членами Директоріи. Я даже говорилъ съ Акинтіевскимъ, бывающимъ у Адмирала ежедневно съ оперативнымъ докладомъ, чтобы забросить Адмиралу идею о полезности и необходимости забрать Гайду, Дутова, Иванова-Ринова и полдюжины наиболѣе честолюбивыхъ политикановъ и отправить ихъ заграницу черезъ Семипалатинскъ и далѣе, черезъ предѣлы Китая; это сразу освѣжитъ Омскую атмосферу и дастъ возможность работать спокойно, избавивъ насъ отъ всякихъ аспирантовъ, переворотчиковъ и жадныхъ авантюристовъ, работа которыхъ, по видимости какъ будто бы и въ нашу пользу, вредитъ общему дѣлу хуже всякихъ красныхъ наступленій.

Сегодня стало извѣстно, что Адмиралъ получилъ изъ Парижа запросъ пяти державъ съ просьбой сообщить политическую программу Омскаго Правительства, — при удачномъ разрѣшеніи ожидается признаніе правительства и власти Адмирала.

Адмиралъ далъ отвѣтъ, который считается вполнѣ удовлетворяющимъ союзниковъ, но отказался дать согласіе на привлеченіе къ власти членовъ Комитета Учредительнаго собранія, такъ какъ главари ихъ перекинулись на сторону большевиковъ и съ ними невозможно никакое соглашеніе.

Странно, однако, что такіе серьезные вопросы рѣшаются помимо Совѣта Министровъ, какимъ-то келейнымъ способомъ; по конституціи Совѣту Министровъ принадлежитъ огромная власть, но все это сведено на нѣтъ созданіемъ Совѣта Верховнаго Правителя, гдѣ все вершится такъ, какъ того хотятъ Михайловъ и его подголосокъ дипломатическій вундеркиндъ Сукинъ, выскочившій неизвѣстно въ силу какихъ достоинствъ на постъ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и пытающійся разыгрывать изъ себя великаго дипломата. Какой-то злой рокъ преслѣдуетъ Адмирала въ составѣ его главнѣйшихъ помощниковъ.

5 Іюня. Лебедевъ дипломатически боленъ и будетъ считаться таковымъ до окончанія работъ комиссіи генерала Дитерихса; если послѣдній дѣйствительно то, какъ о немъ говорятъ, то онъ долженъ сказать Адмиралу правду и настоять на немедленномъ удаленіи Лебедева и на коренной реорганизаціи Ставки. Пока же — все стоитъ; вмѣсто работы идетъ шушуканіе, созданіе и распространеніе всевозможныхъ сплетенъ. Вся мѣстная грязь заколыхалась и издаетъ сильное зловоніе. Дутовъ, Ивановъ-Риновъ и иже съ ними носятся по городу и что-то махлюютъ. Безконечно тяжело все это, противно и навѣваетъ самыя грустныя мысли; какъ я ни погруженъ въ свою работу, но не могу совершенно отгородиться отъ шумовъ и запаховъ окружающей сутолоки и отъ міазмовъ Омскаго болота.

Жалко смотрѣть на несчастнаго Адмирала, помыкаемаго разными совѣтчиками и докладчиками; онъ жадно ищетъ лучшаго рѣшенія, но своего у него нѣтъ, и онъ болтается по волѣ тѣхъ, кто сумѣли пріобрѣсти его довѣріе.

Эти дни идутъ засѣданія съѣзда Уполномоченныхъ Министерства Снабженій и Продовольствія, собраннаго по иниціативѣ К. Н. Неклютина; мысль благая (какъ благи многія намѣренія), а исполненіе обычное, россійское и большая часть времени уходитъ на словопренія, на размазываніе мелочей и на личныя пререканія.

Съѣздами и рѣчами едва ли удастся вытащить дѣло снабженій изъ того болота, куда его засунули.

Все рѣзче и рѣзче выясняется нелѣпость раздѣленія дѣла снабженій между двумя министерствами; самъ Неклютинъ это понимаетъ и даже высказалъ мнѣ, что готовъ пойти на подчиненіе Военному Министерству, но на дѣлѣ всѣ мои попытки провести этотъ вопросъ черезъ Совѣтъ Министровъ остаются безрезультатными. Адмиралъ вполнѣ со мной согласенъ, но и онъ безсиленъ осуществить эту остро неотложную реформу. Мнѣ безразлично, какъ это будетъ осуществлено; я готовъ даже на то, чтобы все было отъ насъ взято; необходимо только, чтобы заготовка и распредѣленіе были въ однѣхъ рукахъ и чтобы отвѣтственность лежала на одномъ лицѣ.

Семеновское представительство въ Омскѣ, въ лицѣ полковника Сыробоярскаго, держитъ себя здѣсь очень важно, на правахъ какого-то посланника; пользуется особымъ шифромъ и нюхается съ остальными казачьими организаціями; очень стараются вызволить какого-то есаула, захваченнаго на фронтѣ при попыткѣ созданія тайной организаціи, направленной спеціально противъ Адмирала.

6 Іюня. Спѣшно провожу законъ о новыхъ пенсіонныхъ окладахъ пострадавшимъ въ борьбѣ съ большевиками и ихъ семьямъ. Этотъ жгучій вопросъ уже давно таскается по разнымъ комиссіямъ, которыя его перещупываютъ, пережевываютъ и переваливаютъ; пострадавшіе же и ихъ семьи почти что умираютъ съ голода, такъ какъ старыхъ окладовъ не хватаетъ и на три дня полуголоднаго существованія; комиссіи эти составлены изъ всякаго бюрократическаго старья, заматорѣвшаго въ прежнихъ взглядахъ государственной, якобы, экономіи, сводившейся преимущественно къ тому, чтобы всячески обобрать и обсчитать пенсіонеровъ и подвести всякіе юридическіе, контрольные и кляузные крючки, чтобы дать возможно меньше.

Я не сталъ даже читать всѣхъ докладовъ этой комиссіи и разработалъ новый проектъ, положивъ въ основаніе, что полная пенсія должна быть равна полному окладу содержанія по должности, занимаемой пострадавшимъ или погибшимъ, и что дальнѣйшая градація пенсій должна идти въ зависимости отъ увѣчности и семейнаго положенія. Надо понимать, что мы боремся за спасеніе Россіи отъ краснаго ужаса и что наши борцы должны знать, что и они и ихъ семьи будутъ прочно обезпечены, если съ ними что-либо случится.

Законъ этотъ временный, но неотложный; прежде всего, онъ долженъ быть простъ и кристально ясенъ, свободенъ отъ всякихъ заковыкъ и закорючекъ, созданныхъ былыми петроградскими департаментами; нужно, чтобы онъ началъ дѣйствовать немедленно и по всей Сибири и показалъ арміи, что правительство понимаетъ ея нужды, хочетъ и умѣетъ ихъ удовлетворить.

Вечеромъ провелъ въ Совѣтѣ Министровъ вопросъ объ образованіи комиссіи по выработкѣ всероссійскаго плана снабженія продовольствіемъ и предметами первой необходимости населенія освобождаемыхъ отъ большевиковъ мѣстностей. Хотя неуспѣхи на фронтѣ и гонятъ насъ на востокъ, но надо надѣяться, что къ осени мы оправимся, а къ этому времени надо имѣть готовый планъ исполненія и организаціи, дабы не прибѣгать тогда къ спѣшкѣ и импровизаціямъ. Лично я — противъ комиссіи и считалъ, что разработку надо поручить особо избранному лицу, но пришлось уступить большинству, стоявшему за комиссію. Совѣтъ Министровъ согласился съ моимъ докладомъ о томъ, что опытъ Урало-Волжскаго наступленія убѣдительно и ярко показалъ, что, вслѣдъ за продвиженіемъ фронта, должны слѣдовать запасы особаго снабженія для мѣстнаго населенія, но что съ востока это возможно только до меридіана Волги, и что поэтому надо разработать планы снабженія остальной Россіи со стороны морей Чернаго, Балтійскаго и Бѣлаго, поручивъ это главнокомандующимъ соотвѣтствующихъ фронтовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Министровъ Земледѣлія и Торговли оказать самую широкую поддержку развитію въ Сибири льноводства, овцеводства и кустарныхъ промысловъ

(особенно по сукну, холсту и мелкимъ металлическимъ издѣліямъ), дабы поскорѣй освободиться отъ рабской зависимости передъ заграничными снабженіями и стать на свои собственныя сибирскія ножки; зачатки всего этого въ Сибири есть, и для ихъ развитія нуженъ только кредитъ, обезпеченіе отъ реквизицій и увѣренность въ хорошемъ сбытѣ. Жаль, что для этого потерянъ весь 1919 годъ; вѣдь наши холсты и наша деревенская армячина внѣ всякаго сравненія съ той дрянью и гнилью, которыя подъ видомъ сукна, дрели и разныхъ поддѣлокъ самаго отвратительнаго качества валятъ къ намъ заграницы и которыя оплачиваются золотымъ рублемъ; сейчасъ, вмѣсто сукна, мы получаемъ отвратительный японскій суррогатъ, состоящій изъ разныхъ отбросовъ, накатанныхъ на бумажную основу, и расползающіеся черезъ три недѣли носки; наши же шинели, отбывшія всю германскую войну, держатся до сихъ поръ.

Знакомясь походя съ дѣятельностью разныхъ министерствъ, прихожу къ заключенію, что, за исключеніемъ министерства путей сообщенія, нигдѣ не видно творческой работы въ томъ масштабѣ, который требуется современной обстановкой. Черезчуръ много здѣсь политики, политиканства, борьбы за власть, личнаго честолюбія и корыстолюбія; острая, пряная, напряженная атмосфера политической борьбы, партійныхъ и личныхъ интересовъ, стяжательства и политической, торговой и подрядной спекуляціи окутала смраднымъ туманомъ случайную голову страны; и въ этомъ туманѣ голова не видитъ ногъ, живетъ своими мелкими интересами, забыла о своей странѣ и не понимаетъ, что надо скорѣй и прочнѣй крѣпить эти самыя ноги.

Оба министра обѣщали все сдѣлать; дай Богъ, чтобы это не осталось однимъ сотрясеніемъ воздуха, ибо, помимо экономіи и перехода на снабженіе собственными источниками, сейчасъ очень важно пріучить населеніе къ производительному и полезному для него труду, чѣмъ внести въ его среду успокоеніе и отучить его отъ разныхъ послѣреволюціонныхъ пустобреховъ.

Гайда уѣхалъ на фронтъ, какъ говорятъ, помирившись съ Адмираломъ; еще одно печальное проявленіе нашей дряблости, ибо все происшедшее не было личнымъ дѣломъ Гайды или Лебедева: это было серьезное, русское, кровью брызжущее государственное дѣло, требовавшее желѣзнаго и оглушительнаго рѣшенія, внѣ личной слабости или твердости, внѣ личныхъ симпатій и антипатій. Лебедевъ продолжаетъ болѣть.

7 Іюня. Сегодня Омскъ праздновалъ годовщину дня освобожденія отъ большевиковъ; на площади Судебныхъ Установленій былъ парадъ 6 чешскаго полка и нашего гарнизона, по внѣшности весьма приличный.

Послѣ парада пришлось принять участіе въ комиссіи по ордену Освобожденія Сибири; весьма нелѣпая идея заниматься въ такое время созданіемъ какихъ-то орденовъ; я высказалъ свое мнѣніе о несвоевременности такихъ проектовъ, но меня остановили указаніемъ, что проектъ одобренъ и утвержденъ и Совѣтомъ Министровъ, и Верховнымъ Правителемъ, а комиссіи указано обсудить только детали и разсмотрѣть представленные образцы уже утвержденнаго проекта. Орденъ установленъ, какъ единовременный, но имѣетъ почему-то четыре степени; первоначальная идея дать простую эмблему сибирскихъ элементовъ бѣлаго снѣга и зеленой тайги исковеркана совершенно какимъ-то мѣстнымъ художникомъ, родившимъ что-то весьма персидское и котильонное. Читинскій Гришка и его есаулы оказались художественнѣе въ созданіи своего собственнаго Георгіевскаго креста: они взяли обыкновенный бѣлый Георгій и добавили къ нему только черныя каймы.

Послѣ обѣда былъ съ очереднымъ докладомъ у Адмирала. Тяжело смотрѣть на его безхарактерность и на отсутствіе у него собственнаго мнѣнія по незнакомымъ для него вопросамъ; судя по тому, что слышалъ о немъ въ Харбинѣ, думалъ, что это самовластный и шалый самодуръ, и совершенно ошибся. И въ этомъ вся тяжесть положенія, ибо лучше, если бы онъ былъ самымъ жестокимъ диктаторомъ, чѣмъ тѣмъ мечущимся въ поискахъ за общимъ благомъ мечтателемъ, какой онъ есть на самомъ дѣлѣ. Въ довершеніе всего, судьба сразу обидѣла его въ составѣ его довѣреннаго антуража; сейчасъ даже трудно что-либо сдѣлать, такъ какъ по многимъ вопросамъ его успѣли начинить завѣдомо невѣрными взглядами и рѣшеніями и, при его слабоволіи, очень трудно все это повернуть на новую дорогу, т. е. «прочно» повернуть, ибо вырвать у него рѣшеніе очень легко, но нѣтъ ни-

какой увѣренности въ томъ, что оно не будетъ измѣнено черезъ полчаса докладомъ кого-либо изъ ближайшаго антуража. Особенно трудно мое положеніе, такъ какъ мнѣ нужно рѣзко идти противъ Ставки и противъ многихъ теченій Омскаго болота, давно уже захватившихъ въ плѣнъ этого полярнаго идеалиста, еще труднѣе и потому, что по закону я считаюсь помощникомъ Лебедева и, въ силу военной дисциплины, обязанъ сдерживаться въ своей оцѣнкѣ его дѣятельности.

Адмиралъ, повидимому, очень далекъ отъ жизни и, — какъ типичный морякъ, — мало знаетъ наше военно-сухопутное дѣло; даже хуже того — онъ напичканъ и, какъ добросовѣстный человѣкъ, очень усердно напичкался тѣмъ матерьяломъ, который ему всучили Лебедевъ и Ко.; сразу видно, что многое напѣто ему съ чужого голоса.

Между тѣмъ, по всему чувствуешь, что этотъ человѣкъ остро и болѣзненно жаждетъ всего хорошаго и готовъ на все, чтобы этому содѣйствовать, но отсутствіе знанія, критики и анализа не даетъ ему возможности выбиться на настоящую дорогу; личнаго и эгоистическаго у Адмирала, повидимому, ничего нѣтъ—это ярко сквозитъ во всемъ его разговорѣ, въ его мысляхъ и рѣшеніяхъ. По внутренней сущности, по незнанію дѣйствительности и по слабости характера онъ очень напоминаетъ покойнаго Императора. И обстановка кругомъ почти такая-же: то же прятаніе правды, та же угодливость, тѣ же честолюбивые и корыстолюбивые интересы кучки людей, овладѣвшихъ довѣріемъ этого большого ребенка. Скверно то, что этотъ ребенокъ уже избалованъ, и, несомнѣнно, уже начинаетъ отвыкать слушать непріятныя вещи, въ чемъ тоже сказывается привычка стараго морского начальника, поставляемаго нашимъ морскимъ уставомъ въ какое-то полубожеское положеніе.

Страшно становится за будущее, за исходъ той борьбы, ставкой въ которой является спасеніе родины и выводъ ея на новую дорогу; медовые дни Омской власти несомнѣнно прошли и надвигаются грозныя времена, а чѣмъ ихъ встрѣтить?

Цѣлый годъ ушелъ на внутренніе нелады и очень мало сдѣлано для настоящаго строительства.

Все, что тревожило меня въ Харбинѣ, получило здѣсь полное подтвержденіе: съ ужасомъ зрю, что власть дрябла, тягуча, лишена реальности и дѣловитости, фронтъ трещитъ, арміи разваливаются, въ тылу возстанія, а на Дальнемъ Востокѣ неразрѣшенная атаманщина. Власть потеряла цѣлый годъ, не сумѣла пріобрѣсти довѣрія, не сумѣла сдѣлаться нужной и полезной, а поэтому нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что ея авторитетъ неудержимо, почти что кувыркомъ летитъ внизъ. Сейчасъ нужны гиганты наверху и у главныхъ рулей и плеяда добросовѣстныхъ и знающихъ исполнителей имъ въ помощь, чтобы вывести государственное дѣло изъ того мрачно-печальнаго положенія, куда оно забрело; вмѣсто этого вижу кругомъ только кучи надутыхъ лягушекъ Омскаго болота, пигмеевъ, хамелеонистыхъ пустобреховъ, пустопорожнихъ выскочекъ разныхъ переворотовъ, комплотовъ и политически-коммерческихъ комбинацій; вижу гниль, плѣсень, лѣнь, недобросовѣстность, интриги, взяточничество, грызню и торжество эгоизма, безстыдно прикрытыя великими и святыми лозунгами. Среди этого смрада, какъ рѣдкіе зубры, мочалятся малочисленные могикане старой, честной добросовѣстной Россіи, рыцари долга, подвига и самопожертвованія.

Толпа, — большинство, дряблое, запуганное, полуголодное и трясущееся за свое настоящее и будущее, — идетъ за тѣми, кто ухватился за главные рули.

8 Іюня. Во всей попыткѣ провести возможно скорѣе законъ о пенсіяхъ стукнулся лбомъ о стѣнку самаго закорузлаго бюрократизма. Контроль и Министерство Финансовъ отказались разсматривать проектъ и давать по нему заключеніе, такъ какъ сегодня Троица и неприсутственный день. Получивъ такой отвѣтъ, очень хотѣлось сдѣлаться на полчаса атаманомъ и возстановить на это время тѣлесныя наказанія, ибо для господъ, способныхъ дать такой отвѣтъ, единственнымъ средствомъ внушенія можетъ быть только казачья нагайка.

Члены Военнаго Совѣщанія (прежній Военный Совѣтъ, — у насъ такъ боятся жупельнаго слова «совѣтъ», что не примѣнили его даже къ такому старому учрежденію) говорятъ, что въ самыя чернильныя времена не было такой канцелярской, сухой и часто безмозглой

придирчивости, какую приходится встрѣчать теперь со стороны представителей Контроля и Министерства Финансовъ; благодаря этому, самые неотложные кричащіе проекты цѣлыми мѣсяцами не получаютъ разрѣшенія; особенно свирѣпствуетъ членъ отъ Государственнаго Контроля, старый, проѣденный молью канцелярскій брюзга, разными крючками заработавшій себѣ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и репутацію великаго знатока и защитника казеннаго интереса; но его заплесневѣлые мозги уже не въ состояніи разобрать, что есть интересъ, а что есть преступленіе и ущербъ этому самому интересу, да еще и въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ.

На фронтѣ накакого просвѣта и арміи безудержно катятся на востокъ, потерявъ, очевидно, способность остановиться, задержаться и начать оказывать сопротивленіе. Я, по опыту отступленія 1915 года, отлично понимаю это состояніе, но Ставка упорно не желаетъ понять всю грозность положенія и продолжаетъ цѣпляться за надежду какого-то чудеснаго поворота въ нашу пользу.

Красные, вопреки всѣмъ оптимистическимъ донесеніямъ контръ-развѣдки, не выдыхаются и энергично насъ преслѣдуютъ. Скверно на душѣ; кругомъ болото, нравственное разложеніе и разжиженіе и грязное политиканство; вѣдомства грызутся другъ съ другомъ и занимаются взаимнымъ ущемленіемъ и подковыркой, а въ предѣлахъ каждаго вѣдомства идетъ своя внутренняя борьба, кипятъ свои домашніе водовороты. Конечно, все это было и раньше, но сейчасъ стало слишкомъ остро, рѣзко, откровенно, а, главное, несвоевременно.

9 Іюня. Всѣми силами стараюсь поднять духъ и настроеніе чиновъ Министерства, и безъ того не особенно высокіе, а теперь придавленные учиненнымъ надъ министерствомъ разгромомъ; всячески шевелю ихъ гордость, самолюбіе и пытаюсь раздуть вѣру въ нихъ самихъ, въ ихъ силы и въ ихъ значеніе; измышляю всевозможныя матерьяльныя улучшенія и поощренія, чтобы хоть этими путями поднять упавшій паръ.

Лебедевъ успѣшно вылѣзъ изъ поднятой Гайдой исторіи и опять прочно укрѣпился; комиссія Дитерихса не нашла основаній къ подтвержденію предъявленныхъ къ наштаверху и Ставкѣ упрековъ и обвиненій; трудно было и ожидать иного рѣшенія отъ этой специфически Омской комиссіи, посмотрѣвшей на все это съ внѣшней точки зрѣнія и неспособной возвыситься до глубокаго анализа всего, эту исторію создавшаго.

Глубоко тревожно и печально, что во главѣ военнаго и оперативнаго Управленія остался никчемушній случайный выкидышъ ноябрьскаго переворота, абсолютно неграмотный въ томъ великомъ дѣлѣ, за которое самоувѣренно взялся, и остро ненавидимый старшими войсковыми штабами, а за ними и всѣмъ фронтомъ; еще хуже, что это еще болѣе усугубляетъ разрывъ между фронтомъ и тыломъ, между арміей и Адмираломъ.

Безпристрастный анализъ всѣхъ распоряженій Ставки показываетъ, что во главѣ ея стоитъ совсѣмъ неподходящее для этой роли лицо, а, между тѣмъ, нравственный отвѣтъ за все ложится на имя Адмирала, какъ Верховнаго Главнокомандующаго. Злая судьба принесла сюда этого гастролера изъ добровольческой арміи и она же сдѣлала его полновластнымъ руководителемъ операціи Сибирскаго фронта, ибо воздѣйствіе самого Адмирала на направленіе вообще всѣхъ дѣлъ очень невелико, ну, а въ отношеніи военныхъ операцій сводится къ выслушиванію срочныхъ докладовъ о положеніи фронта и къ утвержденію всего въ готовомъ видѣ ему подносимаго, при этомъ докладчики умѣютъ такъ зарядить Адмирала, что онъ думаетъ затѣмъ, что многое — это его личные проекты и идеи; нашъ братъ, офицеръ Генеральнаго штаба, всей своей службой подготовлялся къ тому, чтобы формировать умѣло приготовленнымъ матерьяломъ головы того начальства, при которомъ состоялъ, и формировать такъ, чтобы головы этого не замѣчали и были убѣждены, что все сіе ихъ личное произведеніе; по моей старой математической формулѣ офицеръ Генеральнаго штаба это есть сумма вліянія разныхъ производныхъ въ предѣлахъ между старшимъ писаремъ и великимъ визиремъ (первое рѣже, второе много чаще).

На наше несчастіе и весь остальной составъ Ставки такая же неопытная въ большомъ военномъ дѣлѣ, но очень важная и съ самомнѣніемъ молодежь, головы которой распухли отъ величія и уже не способны къ самоанализу и выслушиванію непріятныхъ для нихъ чужихъ мнѣній; на верхи управленія залѣзли даже не подмастерья, а начинающіе сапожные ученики, весьма безцвѣтные, за все берущіеся, но дѣла не знающіе и съ дѣломъ

не справляющіеся. Ихъ нельзя обвинить въ лѣни или нерадивости, ибо огромное большинство ихъ работаетъ очень старательно, даже съ надрывомъ, но работаетъ часто въ пустую, а иногда и во вредъ. Наше дѣло — ремесло, и чтобы замѣнять мастера, нужны опытъ, знаніе и долгая практика.

Существующая сейчасъ Ставка это огромная, непомѣрно раздутая внѣшняя форма безъ должнаго внутренняго содержанія. Большого дѣла настоящаго Верховнаго Командованія Ставка не дѣлаетъ, а усердно занимается сводками донесеній и внѣшнимъ дѣлопроизводствомъ; она очень любопытна, хочетъ все знать, во все путаться и всѣмъ до мелочей управлять. И все это и понятно, и неизбѣжно; мнѣ особенно понятно потому, что я самъ прошелъ такія же стадіи, былъ боленъ такими же недостатками и болѣзнями, но, къ счастью, былъ удачливъ на начальство и товарищей и во время отъ этого излечивался, а затѣмъ выносилъ необходимыя поученія и пріобрѣталъ опытъ.

Въ Ставкѣ рѣзко сказывается отсутствіе служебнаго стажа и недостатокъ дѣлового опыта, т. е. какъ разъ того, что постепенно пріучаетъ при подъемѣ по іерархической лѣстницѣ отрѣшаться отъ мелочей, отдавать ихъ на исполненіе низамъ, а самому подниматься въ высшія степени мастерства. Только путемъ опыта отрѣшаются отъ привычки все тащить на свое разсмотрѣніе и рѣщеніе; только опытъ даетъ умѣнье распредѣлять работу, налаживать исполненіе деталей помощниками; только отойдя отъ пустяковъ и черной работы и наладивъ систему подготовительной работы всего подчиненнаго персонала, можно уйти въ свой спеціальный этажъ работъ, къ своимъ распредѣлительнымъ, регулирующимъ и управляющимъ машинамъ.

Большая шестерня не можетъ вертѣть сама и сразу всѣ валики.

Молодость, горячность, задоръ, любопытство, переоцѣнка своихъ силъ и увѣренность въ возможность все обнять, все разрѣшить и всему помочь увлекаютъ на путь всекомандованія и этимъ задерживаютъ очень многихъ на нижнихъ этажахъ и на ступеняхъ второсортнаго подмастерья и не даютъ затѣмъ уже подняться до настоящаго мастерства; неоторвавшіеся во время отъ земли и не воспарившіе вверхъ, земными и остаются.

Вся цѣнность насъ, людей длиннаго и многосторонняго опыта, и заключается въ томъ, что всѣ эти параграфы нами уже пройдены и что многія ошибки усмотрѣны, усвоены; всѣ эти горшки уже разбились о наши головы; мы знаемъ, — болѣе или менѣе хорошо, — какъ что дѣлается, какъ распредѣляется работа, каковы задерживающіе и рабочіе коэффиціенты реальнаго исполненія.

Я увѣренъ, что и мою критику и мою тревогу за будущее считаютъ результатомъ профессіональной зависти, личнаго желанія сѣсть на верхи и злобы отживающаго свой вѣкъ человѣка. И какъ далеко это все отъ дѣйствительности, какъ по отношенію ко мнѣ, такъ и многимъ старымъ работникамъ прежняго режима — Сурину, Рычкову, Прибыловичу, Яшерову и другимъ.

10 Іюня. На фронтѣ плохо; въ 6 дивизіи 21 полкъ перебилъ офицеровъ и перешелъ къ краснымъ; представляю себѣ положеніе офицерства, ведущаго въ бой подчиненныхъ при постоянномъ ожиданіи возможности повторенія надъ собой такой же операціи; истребленіе офицерства стало обычнымъ финаломъ импровизированныхъ и форсированныхъ, подъ сгущеннымъ давленіемъ производимыхъ формированій; вся отвѣтственность за насильственный призывъ на постылую военную службу, за лишенія, за муштру и личныя ограниченія, за опасности и недостатки снабженія, однимъ словомъ, вся концентрированная ненависть солдатчины обращается на начальство и на офицеровъ; пропаганда и агитація это усугубляютъ, и при первой возможности безнаказаннаго выявленія все это бурно вспыхиваетъ; кромѣ того, шкурные инстинкты и боязнь попасть въ бой весьма способствуютъ успѣху тѣхъ зачинщиковъ, которые натравливаютъ солдатскую массу на офицеровъ и въ истребленіи послѣднихъ видятъ избавленіе отъ войны и великую заслугу передъ будущимъ краснымъ начальствомъ.

То же самое происходило раньше и въ красной арміи, но сейчасъ такіе случаи стали тамъ рѣдки, ибо комиссары не такіе россомахи, какъ мы, и такъ наладили внутреннюю контръ-развѣдку, что какой-нибудь комплотъ или сговоръ внутри войсковыхъ частей сталъ почти невозможенъ.

Подражать комиссарамъ намъ не резонъ; надо бороться съ этимъ зломъ особо тщательнымъ выборомъ начальниковъ, поднятіемъ нравственнаго уровня всѣхъ офицеровъ, установленіемъ законности, удовлетвореніемъ всѣхъ солдатскихъ нуждъ и справедливостью обращенія. Нужно все вздернуть на дыбы, поднять общую нравственность, пробудить духъ чести и подвига; и это вполнѣ возможно, ибо не все еще сгнило, не у всѣхъ заглохли чувства долга и чести.

Ставка не понимаетъ зловѣщей грозности происшедшаго; она сбросила съ лицевыхъ счетовъ злополучный двадцать первый полкъ, и въ спокойной безопасности своего Омскаго благополучія успокоилась; ея главари не испытали ужаса положенія офицеровъ, не вѣрящихъ своимъ солдатамъ; они учитываютъ только номера и числа, двигаютъ и распоряжаются отвлеченностями, не зная тѣхъ реальныхъ нравственныхъ и матерьяльныхъ коэффиціентовъ, которыми только и опредѣляется боевое значеніе всякой части, ея устойчивость, надежность и эффективность.

Они не сознаютъ, что эти коэффиціенты опредѣляются суммой качествъ начальниковъ и кадровъ (во всѣхъ, конечно, отношеніяхъ) и условіями службы части, ея усталостью, недостатками снабженія и пр. и пр.

До революціи эти коэффиціенты были въ среднемъ ровнѣе и менѣе подвергались разнымъ колебаніямъ; теперь же абсолютно — они ушли глубоко внизъ, а относительно — стали очень разнообразны и капризны.

Познаніе всего этого дается только опытомъ и практикой, а этого то и нѣтъ у главныхъ руководителей Ставки, недавно сорвавшихся съ академической скамьи, привыкшихъ отдавать распоряженія номерамъ, пѣшкамъ и булавкамъ, замѣнявшимъ войска при рѣшеніи задачъ и темъ, и на военныхъ играхъ.

Практическихъ коэффиціентовъ боя, похода и основныхъ явленій войскъ они не знаютъ; причинъ на нихъ вліяющихъ и ихъ колеблющихъ не знаютъ также и, занимая ставочные кабинеты и сидя у главныхъ рулей управленія, продолжаютъ очень самоувѣренно и рѣшительно играть войсками такъ же, какъ дѣлали это когда-то съ бездушными шашками. И все это совершается въ неимовѣрно тяжелой, сложной и отвѣтственной обстановкѣ гражданской войны!

Доносятъ, что фронтъ прорванъ у Сарапула и Бирска; неизбѣжность Бирскаго прорыва была ясна уже нѣсколько дней тому назадъ, особенно здѣсь, со стороны, но Ставка ничего не сдѣлала, чтобы обратить на это вниманіе штаба арміи.

Я поднималъ этотъ вопросъ, присутствуя, какъ слушатель, на оперативномъ докладѣ въ управленіи генквара, но генкваръ отвѣтилъ мнѣ, что штабу арміи на мѣстѣ виднѣе и Ставка не желаетъ вмѣшиваться въ распоряженія фронта. Мѣшаются въ самыя мелочи и утираютъ руки въ важномъ.

Въ отвѣтъ на мои осторожныя (дабы не задѣть очень чувствительнаго у вундеркиндовъ самолюбія) указанія о тревожности фронтоваго положенія Ставка продолжаетъ хвастаться десятками тысячъ резервовъ и развивать самыя нелѣпыя фантазіи на темы о маневрированіи этими резервами. При этомъ и думать не желаютъ о томъ, что половина этихъ «резервовъ» еще не держала въ рукахъ винтовокъ и что винтовки для нихъ только что раздаются или находятся еще въ пути; она продолжаетъ именовать дивизіями и бригадами толпы одѣтыхъ въ военное платье парней, насильно согнанныхъ на военную службу, ничѣмъ не спаянныхъ и думающихъ преимущественно о томъ, какъ бы удрать домой или перебѣжать на ту сторону. Ставка продолжаетъ вписывать въ число батальоновъ эти совершенно не дисциплинированныя, принужденіемъ собранныя и принужденіемъ держащіяся части, собственно говоря, даже отрицательнаго боевого значенія.

Я глубоко встревоженъ совершающимся, все время кричу о своей тревогѣ, но гласъ мой воистину гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Если этотъ розовый оптимизмъ Ставки будетъ продолжаться, то все должно кончиться самымъ сквернымъ образомъ.

Адмиралъ во всемъ, что касается фронта, слушается только Ставки, и очень сухо отклонилъ мои попытки доложить ему мой взглядъ на все происходящее на фронтѣ, подчеркнувъ, что личныя его поѣздки, доклады постоянно бывающаго на фронтѣ Лебедева

и свѣдѣнія, получаемыя отъ старшихъ начальниковъ, рисуютъ ему все совершенно иначе, чѣмъ то кажется мнѣ.

11 Іюня. Бесѣдовалъ съ Федотовымъ, отлично понимающимъ всю грозность положенія; просилъ его использовать его личную близость къ Адмиралу и убѣдить того въ необходимости сугубо во всемъ разобраться и принять необходимыя мѣры. Федотовъ принесъ мнѣ для прочтенія докладъ профессора Лебедева, предсѣдателя комиссіи по дѣлу Омскаго военно-промышленнаго комитета, обвиняемаго въ цѣломъ рядѣ разныхъ преступныхъ дѣяній; въ докладѣ приведены факты, достойные немедленнаго преданія военно-полевому суду, но у комитета масса вліятельныхъ друзей до самого наштаверха включительно, и все дѣло застопорено подъ предлогомъ того, что комитетъ привлекъ комиссію Лебедева къ суду по обвиненію въ клеветѣ.

Обвиненій въ докладѣ масса и разобраться въ нихъ безъ подробнаго ознакомленія, конечно, очень трудно, но такой фактъ, какъ раздача членамъ комитета реквизированнаго для нуждъ обороны желѣза и продажа ими этого желѣза на сторону по четверной цѣнѣ, достаточно ярко показываетъ, какіе гуси сидѣли въ этомъ комитетѣ. Указываютъ и на то, что нѣкоторые члены комитета успѣли сдѣлаться въ очень короткое время весьма состоятельными людьми.

Вообще же, считаютъ, что высокія связи комитета вполнѣ гарантируютъ его отъ какихъ-либо посягательствъ судебной власти. Такъ грязнится идея возстановленія Россіи «бѣлыми» руками, ибо нейтральное, но лояльное населеніе видитъ, какъ подъ прикрытіемъ высокихъ бѣлыхъ лозунговъ тысячи грязныхъ рукъ и тысячи жадныхъ рылъ тянутся къ самымъ верхамъ власти, въ звѣриной похоти поскорѣе къ ней добраться и тамъ нажраться всласть; кому же охота поддерживать это жадное стадо и доставать ему жирную кормежку; одни только идеалисты офицеры, сами босые и голодные, на это способны.

Лебедевъ окончательно укрѣпился и опять мчится на фронтъ, отлынивая отъ настоящей работы и взваливая все на покорнаго и добросовѣстнаго Бурлина.

Вышелъ приказъ о подчиненіи Западной арміи Гайдѣ; ровно черезъ мѣсяцъ сдѣлали то, что надо было сдѣлать, когда Адмиралъ былъ въ Екатеринбургѣ и когда выяснилось, что верховное командованіе не въ силахъ заставить Гайду помогать Западной арміи и что обѣ арміи представляютъ изъ себя пару упряжныхъ лошадей въ коляскѣ со сломаннымъ дышломъ, растаскивающихъ эту коляску по разнымъ направленіямъ. Теперь же это запоздало, такъ какъ шалое продолженіе сѣвернаго наступленія добило и сибирскую армію, обратило ее въ кучи поспѣшно уходящихъ на востокъ остатковъ прежнихъ частей и израсходовало всѣ ея резервы; сейчасъ сибирская армія растрепана не меньше западной, и обѣ потеряли всякую способность сопротивленія. Теперь ни Гайда, ни кто другой уже не выправитъ нашего почти катастрофическаго положенія; единственный шансъ только въ томъ, что у красныхъ выдохнется энергія преслѣдованія и намъ удастся получить нѣсколько недѣль передышки, чтобы подправить разстроенныя части, дать имъ отдохнуть и отоспаться и подготовить совершенно сырые еще резервы Омскаго и Иркутскаго военныхъ округовъ.

12 Іюня. Происходящее на фронтѣ, происходящее въ Омскѣ и очевидное безсиліе принести какую-нибудь пользу на посту управляющаго военнымъ министерствомъ при полномъ плѣненіи Адмирала ставочной и Омской камарильей, заставили меня подать рапортъ о назначеніи меня на фронтъ командиромъ корпуса или начальникомъ дивизіи, т. к., быть можетъ, тамъ я буду въ состояніи приносить хоть какую-нибудь реальную пользу.

Здѣсь я безполезенъ: я колесо совсѣмъ иного діаметра и къ Омску совершенно не подхожу; три недѣли безплодныхъ усилій убѣдили меня въ томъ, что даже самыми рѣзкими указаніями на недостатки и на грозность положенія нельзя сломить мѣстнаго оптимизма, а, главное, нельзя проломить ту стѣну, которой окружили и плѣнили Адмирала. Смотрѣть спокойно, какъ глупость, честолюбіе и эгоизмъ губятъ великое дѣло, я по характеру не съ состояніи — это меня душитъ. Думаю, что мой опытъ пригодится гдѣ-нибудь на фронтѣ, а здѣсь пусть подбираютъ скрипку въ тонъ къ общему оркестру изъ

Лебедевыхъ, Ивановыхъ-Риновыхъ, Жардецкихъ, Михайловыхъ, Сукиныхъ, дѣятелей промышленнаго комитета и Ко.

Особенно тяжело смотрѣть, какъ Ставка и командармы, въ попыткахъ спасти свое стратегическое и боевое реноме, губили и губятъ всѣ наши резервы, т. е. то, что черезъ $1^1/_2$—2 мѣсяца дастъ намъ возможность продѣлать съ выдохнувшимися красными то же самое, что они сейчасъ дѣлаютъ съ нами. Продолжаютъ гнать въ бой «штыки», а это только парни, одѣтые въ ноксовское обмундированіе и совершенно не хотящіе воевать. Сколько кричали про корпусъ Каппеля, какія надежды на него возлагали, а чѣмъ все кончилось?

Ставочная оппозиція разсказываетъ, что Лебедевъ, при разборѣ своего дѣла, очень ловко свалилъ всю вину за неуспѣхи на фронтѣ на Степанова и на военное Министерство, которое де не успѣло подготовить во время резервы и укомплектованія и не наладило снабженія. Вѣроятно, для того, чтобы сохранить всю крѣпость букета этого обвиненія комиссія Дитерихса не спросила ни меня, ни помощника военнаго министра по снабженію генерала Сурина; намъ ничего не стоило доказать всю ложность такого обвиненія, но тогда я поставилъ бы тотъ самый вопросъ, который поднималъ и Гайда: «а что сдѣлала Ставка и ея руководители въ кругѣ своего вѣдѣнія», и доказалъ бы, что полезнаго сдѣлали очень мало, но зато вреда натворили несосвѣтимое множество.

Конечно, и за Военнымъ Министерствомъ есть свои вины, но совершенно не тѣ, которыя на него сейчасъ валятъ.

По части снабженій дѣльный, энергичный и педантичный Суринъ, несмотря на всѣ трудности исполненія, все же добился, что поставленное ему заданіе заготовить снабженіе на 500 тысячъ человѣкъ выполнено довольно сносно; не можетъ же отвѣчать Военное Министерство за то, что въ это время никѣмъ не сдерживаемыя на фронтѣ мобилизаціи и новыя формированія раздули фронтъ до восьмисотъ тысячъ ртовъ, и что, благодаря невѣроятному хаосу и безпорядкамъ во всемъ дѣлѣ распредѣленія, подаваемые на фронтъ запасы расхищались и распредѣлялись самымъ неравномѣрнымъ образомъ; любимыя части и расторопные командиры образовывали у себя десятерные запасы, а въ это время многія части сидѣли голодными и оборванными.

13 Іюня. Весь день болтался по разнымъ комиссіямъ и совѣщаніямъ; тяжелая это для меня марка, ибо не понимаю возможности продуктивной работы и созидательнаго творчества путемъ случайнаго винегрета изъ кучки людей. Вечеромъ докладывалъ Совѣту Министровъ проектъ закона о пенсіяхъ пострадавшимъ въ борьбѣ съ большевиками и ихъ семьямъ. Представители Контроля и Министерства Финансовъ представили такія нелѣпыя, а, по обстановкѣ, непристойныя возраженія, что, будь моя власть, я немедленно выслалъ бы ихъ къ большевикамъ для освѣженія отъ проѣвшей ихъ насквозь плѣсени; эти кунсткамерные сухари не понимаютъ, что уже и безъ того упущено слишкомъ много времени и что пора забыть старые порядки и предоставлять нищенствовать и умирать съ голода семьямъ тѣхъ, которые тамъ на Уралѣ кладутъ свои головы и терпятъ великія муки.

Докладъ мой, однако, сняли съ обсужденія вслѣдствіе того, что господа министры за краткостью времени не успѣли съ нимъ познакомиться; мнѣ невозможно бороться противъ квалифицированнаго большинства неофиціальнаго повелителя Совѣта Министровъ Михайлова; когда нѣсколько дней тому назадъ надо было провести угодный ему проектъ положенія о Главноуполномоченномъ по Уралу, то законъ пошелъ на обсужденіе, несмотря на то, что проектъ его былъ розданъ только передъ началомъ засѣданія и никто его не читалъ.

Сегодня же внесли на обсужденіе тутъ же розданный и никѣмъ не читанный проектъ объ отмѣнѣ земельныхъ законовъ и признали его спѣшнымъ, наспѣхъ прочитали и большинствомъ утвердили.

Отсрочка меня такъ возмутила, что я не выдержалъ и самымъ рѣзкимъ образомъ отчиталъ министра финансовъ. Отстаивая срочность законопроекта, въ числѣ доводовъ я указалъ на необходимость думать о настроеніи фронта и въ настоящія тяжелыя минуты возможно скорѣе и опредѣленнѣе показать арміямъ, что правительство о нихъ помнитъ

и заботится; я добавилъ, что это очень важно именно теперь, когда длительныя неудачи и тяжелыя лишенія несомнѣнно понизили настроеніе фронта.

Въ отвѣтъ на мой докладъ Михайловъ очень хлестко и развязно заявилъ, что сначала онъ хотѣлъ голосовать за проектъ, но послѣ моихъ словъ голосуетъ противъ и возражаетъ противъ навязыванія Совѣту Министровъ такихъ паническихъ проектовъ, подслаиваемыхъ такими паническими доводами.

Я едва сдержался, далъ высказаться Министру Внутреннихъ Дѣлъ, согласился съ его доводами, а затѣмъ обратился къ Совѣту Министровъ съ самымъ рѣзкимъ протестомъ по поводу глубоко безтактнаго и, по сущности, совершенно невѣрнаго заявленія министра финансовъ, въ благополучіи и безопасности сидящаго, какъ и мы всѣ, въ Омскѣ и ничего кромѣ большой работы не испытывающаго, только потому, что тѣ, за обезпеченіе которыхъ я стараюсь, цѣлый годъ льютъ свою кровь, кладутъ свои головы и терпятъ лишенія и муки.

Сказавъ это очень рѣзко и не думая о мягкости выраженій, я ушелъ изъ Совѣта. Невыносимо тяжело переносить всѣ эти офиціальныя потѣнія, на которыхъ въ достаточно корявой, спѣшной и не всегда достаточно продуманной формѣ рѣшаются серьезнѣйшіе и животрепещущіе вопросы государственнаго бытія, при чемъ къ рѣшенію привлечены лица, большинство которыхъ очень слабо подготовлены къ этому ихъ жизнью, опытомъ и знаніями; у меня нѣтъ основаній сомнѣваться въ ихъ добросовѣстности и въ ихъ желаніи пользы общему дѣлу, но я ясно вижу, что это диллетанты, и на грѣхъ еще очень горячіе и задорные. Сейчасъ намъ нужно, чтобы у рулей правленія стояли не ученики приготовительнаго класса, а уже готовые мастера своего дѣла. Нельзя смотрѣть на высшіе государственные аппараты, какъ на подготовительные пансіоны для медленной выработки кандидатовъ въ большіе люди, или какъ на парикмахерскую, гдѣ на дешевыхъ посѣтителяхъ учатъ мальчиковъ стричь и брить. Вѣдь роль дешевыхъ посѣтителей играетъ Россія, а отъ мальчишескихъ неловкостей и наносимыхъ ими порѣзовъ льются драгоцѣнные и послѣдніе запасы бѣлой крови.

При слагающейся обстановкѣ я не могу работать; я не въ состояніи выносить, чтобы судьба работы, коей отданы долгіе часы труда, которая пропущена черезъ мое сердце и отшлифована моими мозгами и нервами, рѣшалась затѣмъ голосованіемъ и зависѣла отъ каприза, настроенія, расположенія или нерасположенія такихъ профановъ, какъ Михайловъ, Сукинъ и т. п.

Я становлюсь смѣшнымъ своими просьбами уволить меня отъ Управленія министерствомъ, но рѣшилъ завтра же настоять на назначеніи меня на фронтъ. Здѣсь я задыхаюсь.

14 Іюня. Послалъ просьбу объ освобожденіи меня отъ должности, откровенно изложивъ причины невозможности работать. Вечеромъ не безъ труда протащилъ черезъ согласительную комиссію свой проектъ о пенсіяхъ; не безъ труда втолковалъ архаическимъ представителямъ Контроля и Финансовъ, что въ настоящей гражданской войнѣ раненія, плѣнъ и всѣ послѣдствія боя совсѣмъ иные, чѣмъ въ войнѣ съ цивилизованными и признающими извѣстные международные законы врагами, когда вы навѣрно обезпечены отъ варварскихъ истязаній и мученической смерти; сейчасъ же вы навѣрно обречены и на тѣ и на другую; въ силу этого обезпеченіе пенсіями семей погибшихъ и инвалидовъ борьбы съ большевизмомъ должно быть совершенно особенное, и та государственность, за которую они бьются и мученически гибнутъ, не можетъ и не должна останавливаться ни передъ какими расходами по обезпеченію инвалидовъ и осиротѣвшихъ семей.

И я, какъ представитель этой государственности, поэтому такъ горячо и отстаиваю этотъ законопроектъ; тѣ же, на пользу кого онъ направленъ, молчатъ и ничего не просятъ; они, какъ и всегда, тихо дѣлаютъ свое трудное дѣло и думаютъ только о Россіи; было бы ужасно, если бы мы ихъ забыли.

Получено извѣстіе, что въ Иркутскѣ чехословаки арестовали часть своихъ офицеровъ и образовали комитеты. Опять намъ придется расхлебывать всю эту ерунду, созданную союзниками, посадившими намъ въ тылъ эту разжирѣвшую и облѣнившуюся

шкурятину, занятую торговлей и скапливаніемъ денегъ и имущества и совершенно не желающую рисковать не только что жизнью, а даже спокойствіемъ и удобствами своей жизни.

На послѣднемъ докладѣ у Адмирала я видѣлъ донесеніе развѣдки о томъ, что среди чеховъ идетъ какое-то броженіе и возможны неожиданности съ участіемъ мѣстныхъ эсеровъ; я сталъ доказывать, что для насъ выгоднѣе и безопаснѣе всего увезти чеховъ на востокъ въ Приморскую Область и полосу отчужденія К. В. жел. дороги и освободить нашъ тылъ отъ этой тревожной quasi-охраны, которая ничего не охраняетъ, но много ѣстъ, беретъ много поѣздовъ и любитъ мѣшаться не въ свое дѣло.

Я сравнилъ чеховъ съ холоднымъ нарывомъ, способнымъ дать когда-нибудь острое и опасное для насъ воспаленіе. Чехи, проживъ съ нами годъ, отъ насъ отошли; ничего не дѣлая, относясь критически къ нашимъ порядкамъ, не умѣя и не желая понять всей сложности обстановки, они сейчасъ ближе къ нашимъ лѣвымъ партіямъ и скрыто враждебны существующему правительству.

Своимъ сочувствіемъ они даютъ этимъ партіямъ право на разныя дерзанія, ибо тѣ чувствуютъ, что ихъ поддержатъ или, по крайней мѣрѣ, выручатъ.

Чехи считаютъ Омскъ реакціонерами, относятся къ наличной власти снисходительно вѣжливо, они отлично учитываютъ свою силу и нашу слабость и всячески этимъ пользуются, конечно, подъ соусомъ видимой помощи. На Уралѣ и въ Сибири они набрали огромнѣйшіе запасы всякаго добра и болѣе всего озабочены его сохраненіемъ и вывозомъ; вѣдь требовали они съ насъ три милліона рублей за переданную намъ Императорскую гранильную фабрику подъ предлогомъ, что они развили ее новыми станками и машинами; когда же начальникъ инженеровъ Тюменьскаго округа полковникъ Грековъ сталъ принимать эти «новыя» машины, то среди нихъ оказались снятыя съ фортовъ Владивостока, и въ томъ числѣ дизель-моторы съ форта № 6, строителемъ котораго былъ когда то этотъ самый Грековъ; очевидно, что и остальныя машины были пріобрѣтены въ томъ же магазинѣ безъ хозяина, который именуется Россіей.

Сейчасъ чехи таскаютъ за собой около 600 груженныхъ вагоновъ, очень тщательно охраняемыхъ; они заявляютъ, что это ихъ продовольственные запасы, но когда при ихъ движеніи на востокъ мы, во избѣжаніе пробѣга вагоновъ, предложили имъ сдать это продовольствіе и получить эквивалентъ въ Иркутскѣ и Красноярскѣ, то они категорически отказались; по даннымъ контръ-развѣдки эти вагоны наполнены машинами, станками, цѣнными металлами, картинами, разной цѣнной мебелью и утварью и прочимъ добромъ, собранномъ на Уралѣ и въ Сибири.

Убѣжденный въ безполезности чешскаго стоянія въ нашемъ тылу, я высказалъ Адмиралу, что намъ выгоднѣе поступиться частью золотого запаса и самимъ нанять суда для ихъ отправки на родину, передавъ охрану дороги японцамъ къ западу отъ Байкала и американцамъ къ востоку; этимъ можно будетъ убить двухъ зайцевъ, такъ какъ при американскомъ содѣйствіи легче будетъ справиться съ семеновщиной и калмыковщиной.

Адмиралъ посмѣялся надъ моей горячностью и высказалъ, что охрана дороги возложена на чеховъ всѣми союзниками и что обстановка вовсе не такъ тревожна, какъ то мнѣ кажется; что у него есть твердыя и опредѣленныя гарантіи генерала Жанена о томъ, что чехи не будутъ мѣшаться въ наши внутреннія дѣла и будутъ сохранять на Сибирской магистрали полный порядокъ, — онъ, адмиралъ, глубоко убѣжденъ, что чехи не могутъ принести намъ вреда; они-де отлично охраняютъ дорогу и помогаютъ генералу Розанову въ усмиреніи Тайшетскаго района. Я доложилъ Адмиралу, что не имѣю основаній опредѣленно сомнѣваться въ лояльности чеховъ, но я пережилъ во Владивостокѣ 1905 годъ и знаю, какъ ненадежно настроеніе и на что способны люди, истосковавшіеся по родинѣ и стихійно туда стремящіеся; я помню, какъ старики бородачи Владивостокской бригады, побросавъ винтовки, ползали передъ комендантомъ крѣпости, хватали его за ноги и молили отпустить ихъ домой, хотя бы пѣшкомъ. На уговоры, что немыслимо идти домой многія тысячи верстъ зимой и черезъ пустынную Маньчжурію и Сибирь и что они такъ всѣ помрутъ, они отвѣчали: «ну и умремъ, да за то ближе къ дому».

Тогда мы не могли ихъ отправить; стихійная тоска накопилась, была умѣло использована вожаками тогдашней революціонной попытки, прорвалась, затопила Владивостокъ кровью и разгромила городъ.

Я очень боюсь, что настроеніе чеховъ пухнетъ и когда-нибудь разразится не въ нашу пользу; мы становимся для нихъ все болѣе и болѣе ненавистными, ибо изъ за насъ ихъ держатъ здѣсь; вѣдь, и ихъ выступленіе, и ихъ задержка здѣсь не являются результатами опредѣленной идеи поддержки нашего движенія и борьбы съ большевизмомъ; они напали на большевиковъ и стали черезъ нихъ пробиваться только потому, что Троцкій приказалъ ихъ задержать; они остались здѣсь только потому, что союзники не даютъ имъ пароходовъ и потому, что они зависятъ отъ союзниковъ по части денегъ и снабженія; рисковать и особенно трудиться ради насъ они не желаютъ, изъ за насъ воевать не будутъ; они только изображаютъ изъ себя охрану и насъ объѣдаютъ; мы не въ состояніи конкурировать съ ихъ интендантствомъ, ибо то пріобрѣтаетъ все необходимое путемъ обмѣна на привозимые изъ Владивостока товары на особыхъ поѣздахъ, получаемыхъ въ первую очередь.

То холодно вѣжливое и брезгливо высокомѣрное отношеніе, которое я вижу съ ихъ стороны во всемъ, что насъ касается, мнѣ очень не нравится; я не вѣрю ни въ ихъ активную, ни въ ихъ пассивную помощь и думаю, что чѣмъ скорѣе они уѣдутъ домой, тѣмъ для насъ будетъ легче.

Адмиралъ еще разъ посмѣялся надъ моей горячностью и сказалъ, что не надо быть такимъ пессимистомъ «и чехоѣдомъ».

15 Іюня. Генералъ Жаненъ умчался въ Иркутскъ уговаривать чеховъ; на мою просьбу уступить намъ за деньги новый обозъ (нашъ собственный), которымъ нагружены сотни платформъ въ чешскихъ эшелонахъ, я не получилъ даже отвѣта.

Весь день просидѣлъ въ двухъ комиссіяхъ; вынесъ удручающее впечатлѣніе отъ того равнодушія, съ которымъ большинство членовъ относится къ дѣлу; засѣдаютъ по обязанности; на большинствѣ физіономій чувство скуки и скорѣйшаго желанія поскорѣй все скомкать и удрать къ своему прямому дѣлу или иному болѣе веселому занятію; оживляются только изрѣдка, да и то чаще на почвѣ личныхъ или вѣдомственныхъ пререканій; стараются обыкновенно только предсѣдатель, которому хочется поскорѣе привести комиссію къ какимъ-нибудь результатамъ, да секретарь, распластывающійся въ стремленіи уловить какую-нибудь среднюю въ винегретѣ пестрыхъ, мелкихъ и очень часто съ кондачка выпаливаемыхъ сентенцій и мнѣній.

Два раза уже докладывалъ Адмиралу о невозможности комиссіоннаго и голосовальнаго творчества въ такое горячее время; онъ вполнѣ со мной согласенъ, но результатовъ пока никакихъ; у себя въ министерствѣ я уничтожилъ всѣ комиссіи; остался только военный совѣтъ, но этотъ работаетъ относительно хорошо, ибо состоитъ изъ старыхъ и опытныхъ работниковъ, спеціально занятыхъ своимъ дѣломъ и посвящающихъ ему все свое время.

Безпорядки въ тылу подбираются ближе къ Омску; вчера подъ Петропавловскомъ спустили подъ откосъ пассажирскій поѣздъ.

Невеселое впечатлѣніе производятъ Омскія улицы, кишащія праздной, веселящейся толпой; бродитъ масса офицеровъ, масса здоровеннѣйшей молодежи, укрывающейся отъ фронта по разнымъ министерствамъ, управленіямъ и учрежденіямъ, работающимъ якобы на оборону; цѣлыя толпы такихъ жеребцовъ примазались къ разнымъ развѣдкамъ и освѣдомленіямъ. Съ этимъ гнуснымъ явленіемъ надо бороться совершенно исключительными мѣрами, но на это мы, къ сожалѣнію, неспособны.

Ясно, какія тяжелыя и острыя впечатлѣнія должны вывозить изъ Омска случайно попадающіе сюда съ фронта чернорабочіе офицеры и какая зависть, злоба и негодованіе накопляется въ ихъ душѣ по адресу тыла. Какъ жаль, что правительство не обосновалось въ Томскѣ, гдѣ по всѣмъ условіямъ можно было спасти столицу отъ того, чтобы она сдѣлалась сточной клоакой всякой нечисти на подобіе Харбина въ 1904—1905 гг.

До сихъ поръ не подумали даже, чтобы обезпечить пріѣзжающихъ съ фронта офицеровъ и солдатъ хоть какимъ-нибудь пріютомъ. Существующіе здѣсь такъ называемые

офицерскія гостинницы — это какіе-то грязные притоны самаго послѣдняго сорта; въ одной изъ нихъ офицеры спятъ на полкахъ бывшаго магазина, солдатамъ же предоставлена свобода устраиваться какъ угодно на свѣжемъ воздухѣ.

Для Омскихъ Олимповъ все это мелочи; здѣсь заняты политикой, переворотами, спекуляціями и имъ не до такихъ пустяковъ.

Приказалъ въ недѣльный срокъ открыть на продовольственномъ пунктѣ приличное общежитіе на сто офицеровъ и 500 солдатъ; приказалъ осмотрѣть всѣ наличныя общежитія и отпустилъ средства, чтобы привести ихъ въ порядокъ; распоряжаюсь заочно именемъ Адмирала, ибо знаю, что онъ меня поддержитъ, и ибо уже нѣтъ времени, чтобы раскачать разныя инстанціи, на обязанности которыхъ лежатъ такія заботы. Одновременно прошу командующихъ арміями сдѣлать то же на всѣхъ узловыхъ станціяхъ; этого требуютъ и человѣколюбіе, и санитарія, и обязанность заботиться о подчиненныхъ; кромѣ того, это имѣетъ и огромное моральное значеніе, давая обстановку порядка и умной заботливой власти.

На грѣхъ мѣстная обстановка очень сложна, такъ какъ изъ боязни военной гегемоніи Омскъ исключенъ изъ сферы компетенціи военнаго начальства и находится въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ, что очень затрудняетъ всѣ вопросы, связанные съ использованіемъ квартиръ и помѣщеній; кромѣ того лучшія помѣщенія заняты чехами, Гэмпширскимъ полкомъ и многочисленными миссіями.

По мысли Лебедева организовали офицерское экономическое общество, но дали ему неподходящее по нынѣшнимъ временамъ названіе «офицерскаго».

Пора бы забыть дѣленіе на касты; кромѣ того, много нареканій вызываетъ данная обществу привиллегія на конфискацію и использованіе такъ называемыхъ спекулятивныхъ грузовъ; грузы настоящихъ спекулянтовъ подъ конфискацію попадаютъ очень рѣдко, и занесенная административная палка бьетъ не по тѣмъ, для кого она назначена. Частная публика и безъ того точитъ языки на тему какой-то грандіозной конфискаціи партіи рѣдкихъ винъ и коньяковъ, перешедшей въ распоряженіе коменданта Ставки и раздаваемой великимъ міра сего; отъ величія люди одурѣли и не понимаютъ, что, если они согрѣшатъ на А, то сплетня и пересуды раздуютъ все это въ 100 и болѣе А, а разсчитываться за все придется не имъ, а той власти, именемъ которой они орудуютъ и авторитетъ которой подрываютъ, наглядно изображая Крыловскую свинью подъ дубомъ.

16 Іюня. Не получаю никакого отвѣта на свою просьбу объ освобожденіи отъ должности и назначеніи на фронтъ; зато являются разные уговариватели и посланцы, коимъ я отвѣчаю, что причинами отказа является невозможность работать продуктивно при данной обстановкѣ и условіяхъ; это мое глубокое убѣжденіе, а занимать такіе посты для самоуслажденія, не принося maximum'а пользы, я считаю подлостью; приспособиться же къ наличной обстановкѣ — я не умѣю.

Въ Омскъ вызванъ бывшій начальникъ военной Академіи генералъ Андогскій, сосланный зимой въ Томскъ, какъ говорятъ, за то, что хотѣлъ сковырнуть Лебедева и сѣсть на его мѣсто; онъ сталъ пользоваться уже извѣстнымъ вліяніемъ на Адмирала, но на чемъ то поскользнулся; тогда вытащили на разслѣдованіе то, что онъ былъ начальникомъ академіи у красныхъ, назначили слѣдственную комиссію, а самого Андогскаго отправили въ почетную ссылку въ Томскъ.

Очень надѣюсь, что его назначатъ на мое мѣсто, а меня освободятъ и отпустятъ на фронтъ.

Утромъ приходилъ американскій майоръ Слоттеръ узнать, какая намъ нужна матерьяльная помощь въ дѣлѣ снабженія арміи; далъ ему длинный и многостатейный списокъ нашихъ нуждъ.

Стало какъ-то легче на душѣ, ибо если американцы поймутъ, что мы боремся не ради реакціи, не ради своихъ эгоистическихъ или классовыхъ интересовъ, а пытаемся сокрушить общаго міроваго врага, и если они захотятъ намъ помочь, то помощь будетъ скорая и основательная; ибо у нихъ остались огромные запасы разнаго снабженія, приготовленные для войны.

Главное же, это даетъ надежду вылѣзти изъ той топи, въ которую мы залѣзли съ нашими заказами на Дальнемъ Востокѣ, къ которымъ присосались орды всякихъ авантюристовъ и спекулянтовъ. Справиться съ этимъ зломъ будетъ очень трудно, такъ какъ у него много вліятельныхъ друзей и здѣсь, и на Дальнемъ Востокѣ; надежды на предсѣдателя Владивостокской комиссіи генерала Роопа у меня мало, такъ какъ все это не его спеціальности.

17 Іюня. Вернулся поздно ночью, но въ отличномъ настроеніи, такъ какъ провелъ черезъ Совѣтъ Министровъ свой законъ о пенсіяхъ; считаю, что сдѣлалъ этимъ большое дѣло, такъ какъ инвалиды и семьи погибшихъ обезпечены теперь весьма удовлетворительно и будутъ получать тѣ же оклады, которые причитались главѣ семьи или инвалиду въ день смерти, раненія или полученія инвалидности; кромѣ того, при неожиданной поддержкѣ Михайлова, удалось даже провести распространеніе закона на годъ назадъ, такъ что нѣкоторыя лица и семьи получатъ за старое время такую сумму, которая дастъ имъ возможность устроиться и залатать старыя дыры.

Изъ залы засѣданія послалъ телеграммы на фронтъ и командующимъ войсками въ округахъ съ извѣщеніемъ о новомъ законѣ; теперь остается добиться отмѣны многихъ дѣлопроизводственныхъ формальностей по назначенію пенсій, невыносимыхъ теперь, т. к. половина ихъ фактически невыполнима и сводится къ невозможности назначать пенсіи, если только ихъ держаться; пока, далъ инструкціи разрѣшать выдачу пенсій авансомъ за моей отвѣтственностью.

Послѣ обѣда имѣлъ длинный разговоръ съ Лебедевымъ; высказалъ ему свои взгляды на положеніе и свои опасенія за будущее; нарисовалъ ему грозность слагающейся обстановки и надвигающуюся со всѣхъ сторонъ катастрофу; указалъ на тотъ общій развалъ, который на моихъ уже глазахъ прогрессируетъ съ ужасающей быстротой и грозитъ погубить все наше дѣло. Высказалъ, что для авторитета власти нужно, чтобы она была кристально чиста и честна; въ наличной обстановкѣ легкомыслія, нерадивости и паденія нравственнаго уровня, въ вакханаліи наживы и эгоизма естественно рожденіе и процвѣтаніе всякихъ гадовъ и пресмыкающихся, которые облѣпили органы власти и своей грязью грязнятъ и порочатъ эту самую власть.

Указалъ на прогрессирующій развалъ фронта, на распухшіе штабы; разсказалъ, что по свѣдѣніямъ пріѣзжающихъ съ фронта строевыхъ офицеровъ высшіе и низшіе штабы переполнены законными и незаконными женами, племянницами и дѣтьми, о которыхъ начальники заботятся больше, чѣмъ о подвѣдомственныхъ имъ частяхъ; что солдатъ заброшенъ; что штабы доносятъ завѣдуемую неправду; что при эвакуаціи Уфы раненыхъ бросили на красныя муки, а штабы уходили, увозя обстановку, мебель, ковры, причемъ нѣкоторыя лица торговали вагонами и продавали ихъ за большія деньги богатымъ уфимскимъ купцамъ; что за послѣднее время грабежъ населенія вошелъ въ обычай и вызываетъ глухую ненависть самыхъ спокойныхъ круговъ населенія; что общая апатія и чувство безнаказанности родили и развили чисто формальное исполненіе своихъ обязанностей, лишь бы не попасть подъ отвѣтъ; что постепенно гибнутъ послѣдніе остатки того самопожертвованія и великаго подвижническаго служенія идеѣ, съ коими было начато сибирское бѣлое движеніе и безъ которыхъ невозможно торжество того, за что мы боремся.

Указалъ на дряблость и безсиліе власти, признаваемой фиктивно «постольку-поскольку», но реально безпомощной и убиваемой атаманщиной; указалъ на разбродъ, вялость, безцвѣтность, безсистемность и никчемность правительственной программы, на отсутствіе какихъ-либо основныхъ и твердыхъ идей въ строительной и созидательной работѣ правительства, пытающагося взгромоздиться на всероссійскія ходули и неспособнаго удовлетворить примитивныя нужды населенія; высказалъ, что въ такой обстановкѣ я не въ состояніи нести обязанности его помощника, ибо я привыкъ работать, а не кипятиться въ соусѣ подозрительной по качеству Омской политики, совѣщаній, комиссій и быть рабомъ какихъ-то голосованій, компромиссовъ и таинственныхъ комбинацій глубоко противныхъ мнѣ, по ихъ внутреннему содержанію, лицъ.

Видимо, разговоръ произвелъ на Лебедева большое впечатлѣніе; онъ какъ-то осунулся и потерялъ свой лоскъ и самоувѣренность; обѣщалъ разобраться въ сообщенномъ мной матерьялѣ и припять нужныя мѣры.

18 Іюня. Утромъ былъ вызванъ къ Верховному Правителю, который высказалъ свое удивленіе по поводу того, что я хочу уйти отъ работы въ такое тяжелое время и объявилъ, что именемъ Родины онъ приказываетъ мнѣ остаться.

Я высказалъ Адмиралу все, что говорилъ вчера Лебедеву; боясь нареканій, что веду какіе-нибудь подкопы, я никого лично не критиковалъ и именъ не называлъ, но ясно и рѣзко изложилъ свои взгляды на современное положеніе и на его неизбѣжныя послѣдствія.

Высказалъ, что по моему глубокому убѣжденію сейчасъ невозможно творить, возсоздавать и управлять, работая совѣщаніями, комиссіями и коллегіями; для этого способа управленія уже нѣтъ времени, почему мы всегда и опаздываемъ исполненіемъ сравнительно съ требованіями дѣйствительности. Особенно подчеркнулъ грозность положенія создаваемаго половинчатой политикой союзниковъ, слабостью и паденіемъ авторитета власти, атаманщиной и разрастающимися въ тылу возстаніями. Убѣдительно просилъ провѣрить мои заключенія и выводы и не считать ихъ только порожденіями моего остраго пессимизма, въ которомъ меня всѣ обвиняютъ.

Бѣдный Адмиралъ горѣлъ во время моего доклада, вскакивалъ, хватался за голову, кромсалъ ножомъ ручку своего кресла, требовалъ добыть виповныхъ, чтобы онъ могъ ихъ покарать . . .

Да развѣ въ этомъ дѣло? развѣ однѣми карами можно выправить нашъ опасный кренъ? Для злыхъ и подлыхъ кары необходимы, но много больше нужно творчество, а для творчества нужны иные люди въ помощь этому бѣдному и безпомощному идеалисту, а кромѣ того нужна общая встряска, общій подъемъ.

Мой докладъ былъ прерванъ прибывшимъ съ фронта Гайдой, явившимся съ важными дѣлами. Адмиралъ горячо поблагодарилъ меня за докладъ и обѣщалъ обдумать, что надо будетъ по нему сдѣлать. Черезъ 2 часа меня вновь вызвали къ Адмиралу, такъ какъ Гайда привезъ съ собой цѣлый рядъ докладовъ, касавшихся снабженія фронта.

Пріѣхалъ я, какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ, подъ давленіемъ доводовъ Гайды, Адмиралъ уже далъ свое согласіе на немедленное отправленіе на фронтъ 11, 12 и 13 дивизій, которыми Гайда хотѣлъ выполнить какой-то сложный маневръ на Красноуфимскомъ направленіи. Къ Адмиралу уже былъ вызванъ генералъ Матковскій, въ округѣ котораго формировались эти дивизіи, для немедленныхъ распоряженій по посадкѣ частей и отправкѣ ихъ на фронтъ; доводы Матковскаго о полной неготовности этихъ частей ни къ чему не привели и онъ съ отчаяніемъ бросился ко мнѣ, прося моей помощи. Я вмѣшался въ дѣло очень бурно и заявилъ Адмиралу, что отправка на фронтъ совершенно неготовыхъ и послѣднихъ нашихъ резервовъ будетъ оперативнымъ и государственнымъ преступленіемъ и что безконечно лучше потерять еще нѣсколько сотъ верстъ глубины пространства, чѣмъ швырять на авось и на несомнѣнную авантюру то, на чемъ единственно мы въ состояніи черезъ $1^1/_2$—2 мѣсяца измѣнить положеніе въ нашу пользу. Я напомнилъ Адмиралу, къ чему привели отправки на фронтъ неготовыхъ для маневровъ и для боя частей группы Каппеля и ударныхъ частей Екатеринбургской группы.

Какъ ни тяжело намъ потерять Пермско-Кунгурскій районъ со всѣми запасами и заготовками, но надо съ этимъ помириться и думать о широкомъ будущемъ, а не о мелочахъ даннаго времени, какъ бы непріятны онѣ и ни были.

Не надо обманывать себя; надо сказать совершенно откровенно, что эти отлично ходящіе церемоніальнымъ маршемъ полки для боя представляютъ только боевой мусоръ; черезъ $1^1/_2$—2 мѣсяца они будутъ весьма приличными боевыми частями и тѣмъ рычагомъ, на которомъ можно будетъ перевернуть въ нашу пользу все положеніе на фронтѣ.

Адмиралъ былъ пораженъ моими доводами и горячностью моего доклада; Гайда сначала возражалъ, пытался ослѣпить выгодами спроектированной имъ и очень корявой операціи перехода въ наступленіе, но я ему доказалъ, что для такого маневра нужны

прочныя, обстрѣлянныя и втянутыя части, а не роты новобранцевъ, пріученныхъ ходить въ ногу, пѣть военныя пѣсни, но еще не стрѣлявшихъ изъ винтовокъ.

Въ результатѣ отправка этихъ дивизій на фронтъ была отмѣнена; я уѣхалъ довольный, что случайно мнѣ удалось предотвратить своего рода катастрофу, и вмѣстѣ съ тѣмъ печальный, что возможны такіе порядки оперативнаго управленія.

Имѣлъ краткій разговоръ съ Гайдой, разсказалъ ему про наши рессурсы и про принятыя по части снабженій мѣры; просилъ его инструктировать его подчиненныхъ, дабы они поняли, что система подвоза и снабженія основана на разсчетѣ и на дисциплинѣ исполненія всѣхъ распоряженій и что мелкій эгоизмъ здѣсь недопустимъ.

Угрозы, возмездія и репрессіи, коими нѣкоторые рѣшительные начальники думаютъ справиться съ затрудненіями, дѣйственны только для даннаго случая, небольшого района и краткаго времени; ими можно устранить случайныя задержки, удовлетворить мѣстныя потребности, но надо понимать и помнить, что всякая такая экстра не пройдетъ даромъ для всей системы и всегда тяжело гдѣ-нибудь на комъ-нибудь и когда-нибудь отзовется. Если же такую экстру будутъ чинить всѣ начальники до начальниковъ эшелоновъ и маленькихъ отрядовъ включительно, то получится тотъ хаосъ, результаты котораго уже испытываетъ весь фронтъ, и справиться съ которымъ безсильна и система, и богатство запасовъ, и самыя благія пожеланія довольствующаго тыла.

Уродлива та обстановка, въ которой приходится вкладывать въ голову «Главнокомандующаго» такія азбучныя вещи, но что же дѣлать, если сей Главкомъ изъ бывшихъ фельдшеровъ весьма безграмотенъ по военной части вообще, а по части организаціи тыла и снабженій сугубо.

19 Іюня. Разъ меня привязали къ моему мѣсту именемъ Родины, надо сдѣлать все возможное, чтобы работой своей и своихъ подчиненныхъ покрыть часть недостатковъ существующей системы.

Надо заставить всѣхъ «безпокоиться»; подъ этимъ терминомъ понимаю чувство постоянной и святой тревоги за прочность и за успѣхъ порученнаго дѣла или работы, которое и заставляетъ отдавать ему всѣ силы и все время, не думая о числѣ часовъ и о напряженности работы.

Тамъ, гдѣ нѣтъ этого «безпокойства», царитъ мертвечина, шаблонъ и гнусное, приниженно рабское отбываніе постылой поденщины, т. е. то, на чемъ теперь далеко не уѣдешь.

Въ полдень попалъ въ комиссію по устраненію безпорядковъ въ транспортѣ; и здѣсь вмѣсто работы идутъ междувѣдомственныя уязвленія съ вытаскиваніемъ на пропятіе взаимныхъ ошибокъ и недостатковъ, причемъ большая часть этого матерьяла тащится спеціально для уязвленія. Я пришелъ въ комиссію до начала засѣданія и нашелъ очередныхъ дуэлянтовъ — товарища министра путей сообщенія Ларіонова и начальника военныхъ сообщеній Ставки генерала Касаткина, окруженныхъ бастіонами дѣлъ, телеграммъ и справокъ, содержащихъ доказательство того, что данная сторона права и во всемъ виноватъ противникъ. Ларіоновъ по этой части большой дока и Касаткинъ собралъ всѣ свои силы для генеральнаго боя.

Но я лишилъ ихъ этого удовольствія, заявивъ сразу, что мы не имѣемъ права безцѣльно тратить драгоцѣнное рабочее время на междувѣдомственныя уязвленія и старыя раскопки нашихъ общихъ, вольныхъ и невольныхъ ошибокъ. Виноваты въ общемъ безпорядкѣ мы всѣ понемногу; обѣщаемся лучше быть другъ къ другу благожелательными и употребимъ все время на дружную и въ полномъ единеніи работу, поставивъ себѣ цѣлью возможно полнѣе и скорѣе устранить на будущее время всѣ существующіе и угнетающіе насъ недочеты и научиться меньше ошибаться и лучше дѣлать свое дѣло.

Меня горячо поддержалъ Уструговъ и многіе члены комиссіи; бастіоны съ доказательствами были убраны, и за $2^1/_2$ часа напряженной и съ большимъ подъемомъ работы былъ разрѣшенъ (и не на словахъ только, а на реальномъ осуществленіи) рядъ капитальнѣйшихъ вопросовъ по улучшенію желѣзно-дорожнаго и воднаго транспорта.

Вечеромъ состоялось торжественное засѣданіе государственнаго экономическаго совѣщанія, зародыша будущаго представительнаго органа, имѣющаго нынѣ задачу при-

близить власть къ населенію. Какъ жаль, что все это не сдѣлано мѣсяца на четыре раньше!

Адмиралъ относится къ идеѣ совѣщанія искренно и благожелательно; нельзя того же сказать о нѣкоторыхъ членахъ Совѣта Министровъ и вліятельныхъ представителяхъ Омской реакціи, которые смотрятъ на это совѣщаніе какъ на ширму и громоотводъ, назойливые и непріятные, но по обстановкѣ необходимые.

Засѣданіе торжественное, въ залѣ Сената, подъ большимъ въ ростъ портретомъ Императора Александра II. Хорошую и содержательную рѣчь сказалъ предсѣдатель совѣщанія Гинсъ; слабо и безцвѣтно промямлилъ что-то нашъ слабый и безцвѣтный предсѣдатель Вологодскій. Представители всѣхъ политическихъ партій выступили съ краткими, но тактичными и благожелательными привѣтствіями; говорили не ярко, но въ строго государственныхъ тонахъ; отличился представитель сибирскихъ казаковъ полковникъ Березовскій, назвавшій Адмирала «гражданинъ Верховный Правитель».

Очень хотѣлось, чтобы это совѣщаніе внесло новую живую и живительную струю въ дряблую работу нашей государственной власти и сблизило бы эту власть съ землей, установило взаимопониманіе и дружескія дѣловыя отношенія. Удастся ли это, вотъ въ чемъ вопросъ?

Настроеніе большинства Совѣта Министровъ къ новому сотруднику недовѣрчивое, снисходительно небрежное, напоминающее отношеніе къ Думѣ; пусть де болтаютъ, а мы будемъ дѣлать по своему; съ другой стороны вполнѣ возможно, что и члены совѣщанія не сохранятъ должнаго равновѣсія и дѣловитости, а тогда все совѣщаніе выльется въ обычную россійскую говорилку, обязательно ярко и крикливо опозиціонную, занятую преимущественно тѣмъ, чтобы изыскивать вины Правительства и власти, вытаскивать все это на общее позорище и утопать въ критикѣ ради критики. Тогда изъ всей этой затѣи ничего кромѣ новыхъ дрязгъ, взаимнаго озлобленія и сугубаго вреда не выйдетъ. Такъ хочется, чтобы серьезность положенія и ужасное состояніе несчастной родины опредѣлили общую, дружескую, дѣловую линію поведенія, искреннюю, безъ экивоковъ, подозрѣній, уловленій и уязвленій.

Поднялъ вопросъ о снабженіи жителей Омска предметами первой необходимости; считаю это крайне важнымъ, ибо политическое настроеніе россійскаго гражданина находится въ серьезной зависимости отъ настроенія его брюха, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущихъ перспективахъ; полагаю, что рядовому Омичу, попавшему случайно въ высокое положеніе столичнаго обывателя, надлежитъ быть настроеннымъ благодушно и чувствовать, что сіе происходитъ отъ извѣстной заботливости предержащей власти; тогда столичное благодушіе, какъ своего рода эманація, распространяется на многочисленныхъ прі- и проѣзжающихъ и развозится ими по всей странѣ.

Прошу М-ра Вн. Дѣлъ сообщить, что нужно для этого Омску по части запасовъ и транспорта, дабы можно было обезпечить его немедленно и тѣмъ, и другимъ; обѣщаю помочь всѣми своими средствами, ибо вѣрю, что если бы въ Февралѣ 1917 года Правительство дало населенію Петрограда хлѣбъ и уголь, то никакой революціи у насъ не было-бы.

20 Іюня. Подъ вліяніемъ Омскихъ круговъ, настроенныхъ въ послѣдніе дни очень рѣшительно, Адмиралъ рѣшилъ покончить съ Гайдой и уволилъ его отъ командованія, разрѣшивъ отправиться въ заграничный отпускъ. По словамъ Бурлина, адмирала подвинула на это рѣшеніе полученная имъ отъ Деникина телеграмма о признаніи послѣднимъ власти Адмирала, какъ Верховнаго Правителя и Главнокомандующаго. Получивъ эту телеграмму, Адмиралъ, до тѣхъ поръ еще колебавшійся, послалъ за Гайдой, показалъ ему телеграмму и въ присутствіи Вологодскаго и Сукина спросилъ, будетъ ли Гайда исполнять приказанія назначеннаго Главнокомандующимъ фронтомъ генерала Дитерихса. На это Гайда отвѣтилъ, что будетъ исполнять только приказы Адмирала, но не чьи-либо иные; тогда Адмиралъ объявилъ, что увольняетъ его отъ командованія Сибирской арміей и разрѣшаетъ уѣхать за границу.

Въ Ставкѣ говорятъ, что передъ свиданіемъ съ Верховнымъ Правителемъ Гайда былъ у сэра Элліота и другихъ иностранныхъ представителей и жаловался имъ на то,

что вчера Лебедевъ и Андогскій продали Россію японцамъ и уже вызвали въ Омскъ японскія войска.

Какъ ни какъ, а Гайдѣ везетъ; онъ уходитъ въ самое скверное для фронта время, но сохраняетъ право валить потомъ неудачи прошлаго и послѣдующаго на то, что его удалили отъ командованія.

Разрѣшивъ Гайдѣ съѣздить еще разъ въ Екатеринбургъ, Адмиралъ сдѣлалъ большой промахъ, такъ какъ несомнѣнно эта поѣздка будетъ использована во вредъ власти и верховному командованію. Раздачей продуктовъ, матерьяловъ и пособій Гайда снискалъ себѣ не малую популярность въ населеніи Екатеринбурга, среди котораго довольно сильно эсерство, и гдѣ общественный блокъ, пытавшійся когда-то создать собственное Уральское правительство, остро враждебенъ Омску и сидящей въ немъ власти; извѣстно, что тамъ происходили тайныя совѣщанія, осудившія весь Омскій курсъ и постановившія, что надо срочно вызвать изъ за границы князя Львова, Керенскаго и Некрасова и поручить имъ образовать новое правительство.

Неудачно также разрѣшеніе ѣхать черезъ Иркутскъ, гдѣ стоятъ чехи, которые не особенно благорасположены къ самому Гайдѣ, но несомнѣнно будутъ его поддерживать, потому что онъ чехъ и потому что имъ было лестно, что ихъ собратъ главнокомандуетъ русскими войсками. Есть возможность отправить Гайду черезъ Монголію, что ликвидировало бы сразу весь этотъ инцидентъ и гарантировало бы отъ возможности дальнѣйшихъ хлопотъ и обостреній.

На фронтѣ идутъ затяжные бои въ районѣ Уфы съ отрицательными для насъ результатами; сказывается безпечность Ставки и штабовъ армій по обезпеченію стыка между арміями, который безуспѣшно пытаются заткнуть спѣшно выброшенными туда конными частями. Потеря Уфимскаго района для насъ особенно чувствительна, такъ какъ здѣсь заготовлены огромные запасы зерна и крупы; кромѣ того масса запасовъ брошена войсками при отступленіи, такъ какъ дивизіи и полки вытащили впередъ многомѣсячные запасы разнообразнаго довольствія и при поспѣшномъ отходѣ не смогли ихъ вывезти. Посланные мною на фронтъ штабъ-офицеры удостовѣрили, что моя просьба, обращенная мѣсяцъ тому назадъ къ начальникамъ снабженій арміи, расходовать въ первую голову перволинейные запасы и беречь тыловые магазины, исполнена не была. Одинъ изъ полковъ сибирской арміи бросилъ при отходѣ бывшіе при немъ запасы продовольствія на сто-тридцать дней.

Вечеромъ въ Совѣтѣ Министровъ пришлось слушать противные дебаты, отвѣчать ли на благородную телеграмму Деникина; нѣкоторые министры развели высокую канитель по поводу того, что по формальнымъ причинамъ Совѣтъ Министровъ не можетъ этого сдѣлать, не получивъ предварительно разрѣшенія и одобренія Верховнаго Правителя.

Я разозлился и заявилъ, что на такія телеграммы отвѣчаютъ сердцемъ, а не головой, послѣ чего рѣшили послать сочувственный отвѣтъ.

Провелъ законопроектъ о прибавкахъ къ жалованью, причемъ на фронтѣ прибавка составитъ 85 процентовъ; обидно только, что для спасенія всего законопроекта пришлось идти на разныя уступки, которыя его осложнили и запутали.

21 Іюня. Купаюсь въ морѣ чернилъ и бумаги; спасаетъ только двадцатилѣтній штабной опытъ и умѣнье быстро читать. Удовлетворенъ тѣмъ, что начальники главныхъ управленій зашевелились и нѣкоторые изъ нихъ сами начали выдвигать на очередь и разрѣшеніе разные насущные вопросы.

Труднѣе всего съ подвозомъ, такъ какъ возстанія въ Красноярско-Тайшетскомъ районѣ остановили почти на 2 мѣсяца ночное движеніе поѣздовъ и восточнѣе Красноярска скопилось около 140 груженныхъ товарныхъ составовъ съ интендантскимъ и артиллерійскимъ снабженіемъ; большія станціи забиты чешскими эшелонами, что еще болѣе затрудняетъ транспортъ и не позволяетъ разсортировать задержанные составы и пропустить впередъ наиболѣе для насъ нужные; нашъ нищенскій графикъ сильно страдаетъ еще и отъ того, что хозяевами дороги являемся не мы, а многочисленные союзные опекуны, и въ первую голову идутъ поѣзда чешскіе, польскіе, междусоюзные, а восточнѣе Байкала — японскіе и семеновскіе; намъ же достаются одни только объѣдки.

Предложилъ продвинуть всю пробку задержанныхъ составовъ пачками, прикрывъ дорогу выдвиженіемъ въ сторону отъ нея отдѣльныхъ отрядовъ изъ группы генерала Розанова и изъ союзныхъ войскъ. Вмѣсто этого сегодня отправили туда многочисленную комиссію.

Написалъ Министру финансовъ письмо, въ коемъ оріентирую его въ настроеніяхъ фронта, крайне враждебныхъ всему, что дѣлается въ тылу, и особенно острыхъ къ состоятельной буржуазіи и спекулятивнымъ кругамъ, жирѣющимъ отъ доходовъ и барышей, но не желающихъ ничѣмъ жертвовать и реально помочь арміи; указалъ, что въ теперешнее больное время такое настроеніе можетъ привести къ очень печальнымъ результатамъ, и что необходимы какія-нибудь особыя мѣры, чтобы заставить состоятельные классы понять, что фронтъ спасаетъ ихъ жизнь, достояніе и привиллегіи и имѣетъ право разсчитывать, чтобы подумали объ его нуждахъ и ему помогли.

Но такъ какъ горькій опытъ показываетъ, что нѣтъ никакой надежды на то, что богатые буржуи раскачаются и откроютъ свои туго затянутые жадностью и узкомысліемъ кошели, то я очень прошу обсудить мое предложеніе о принудительномъ обложеніи богатыхъ классовъ и крупныхъ доходовъ большимъ прогрессивнымъ налогомъ въ пользу инвалидовъ и семей убитыхъ и умершихъ на службѣ государству и на устройство инвалидныхъ домовъ, фермъ, учебныхъ заведеній для сиротъ и пр. и пр. Я полагаю, что въ распоряженіи министра финансовъ имѣются данныя для опредѣленія суммы, которую можно будетъ назначить; эту сумму надо разложить затѣмъ между биржевыми комитетами всей Сибири и Дальняго Востока, а тѣ пускай уже разбираются сколько съ кого взять. Печально идти по этой части по стопамъ комиссаровъ, но нѣтъ иныхъ способовъ расшевелить нашу богатую буржуазію, не испытавшую еще, какъ слѣдуетъ, всѣхъ прелестей большевистской выѣздки.

Я помню такъ называемые «дни арміи» въ Харбинѣ, когда путемъ благотворительнаго выжиманія собрали около полутораста тысячъ рублей, а, между тѣмъ, въ Харбинѣ имѣлись сотни обывателей, сдѣлавшихся во время войны милліонерами и многія сотни богачей, нажившихъ за то же время десятки милліоновъ; люди, близкіе торговлѣ, говорили мнѣ, что прибыль Владивостока и Харбина за время войны и смуты можно подвести къ милліарду рублей.

Такой же жалкій сборъ былъ произведенъ и во Владивостокѣ; когда же полтора года тому назадъ тамъ установилась большевистская власть и ей понадобились деньги, то она ихъ получила немедленно и въ количествѣ нѣсколькихъ милліоновъ, причемъ, давшіе эти деньги сейчасъ же объ этомъ забыли и никогда болѣе не вспоминали.

22 Іюня. Радъ, что удалось быстро наладить дѣло съ открытіемъ въ Иркутскѣ перваго инвалиднаго дома; нашелъ помѣщеніе и людей, желающихъ работать, выпросилъ у Ставки заимообразно 400 тысячъ рублей и имѣю увѣренность, что черезъ двѣ недѣли этотъ домъ будетъ въ состояніи принять первую партію инвалидовъ. Прошу также Хорвата и его жену и тыловыхъ атамановъ казачьихъ войскъ наладить возможно скорѣе устройство такихъ же домовъ въ ихъ районахъ.

Началъ кампанію по подготовкѣ къ зимѣ, дабы не повторился печальный опытъ прошлаго года; исполненіе теперь такъ запаздываетъ, что для безопасности надо имѣть все очень и очень заблаговременно. Еще во время поѣздки въ Екатеринбургъ просилъ министерство снабженій распорядить всю заготовку теплой одежды съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ концу Августа послѣднія партіи были бы уже сданы въ вещевые магазины. Все это обѣщано и министерство снабженій увѣряетъ, что все будетъ исполнено, но пока, кромѣ многообѣщающихъ вѣдомостей, я отъ него ничего не имѣю и это меня тревожитъ, особенно въ виду того, что мы потеряли уже западноуральскія заготовки и близки къ тому, чтобы потерять уральскія и восточно-уральскія.

Нельзя же допустить повтореніе прошлой зимы, когда для спасенія арміи пришлось раздѣвать мирное населеніе.

Обратился ко всѣмъ вѣдомствамъ съ просьбой строить возможно больше жилыхъ помѣщеній, ибо Сибирь сейчасъ набита такъ, что къ зимѣ намъ вновь грозитъ тяжелый жилищный кризисъ, особенно же, если арміи и ихъ тылы откатятся къ востоку отъ Урала;

такія постройки не будутъ даже излишнимъ расходомъ, такъ какъ пригодятся и для будущихъ мирныхъ временъ.

Въ военныхъ округахъ приказалъ напречь всѣ средства для максимальнаго развитія строительныхъ работъ; приказалъ пріобрѣтать, нанимать и реквизировать всѣ недостроенныя и брошенныя частныя зданія, ремонтировать казармы, заготовлять топливо.

Въ отвѣтъ получилъ изъ округовъ донесенія о великихъ трудностяхъ и даже невозможности исполненія подъ самыми разноцвѣтными предлогами. Весьма всѣхъ поругалъ; хотѣлъ даже смѣнить командующихъ войсками и ихъ инженеровъ, но былъ остановленъ зловѣщимъ по своей сущности вопросомъ: «а кѣмъ же ихъ замѣнить?»; наша бѣдность въ людяхъ и въ добросовѣстныхъ работникахъ ужасающая.

23 Іюня. Изъятіе изъ моего вѣдѣнія всѣхъ перевозокъ, перешедшихъ въ одно общее для фронта и тыла управленіе военныхъ сообщеній Ставки, сказалось сразу очень печальнымъ образомъ. Просматривая вѣдомости о движеніи грузовыхъ эшелоновъ, обратилъ вниманіе на рѣзкое паденіе числа прибывающихъ на станціи Иркутскъ и Омскъ. Несомнѣнно, что отчасти тутъ сказывается вліяніе Тайшетской пробки, но была, очевидно, и другая причина. Произведенное по телеграфу разслѣдованіе причинъ этого явленія выяснило, что Китайская дорога перестала подавать порожнякъ къ Владивостоку и это остановило погрузку Владивостокскихъ срочныхъ нарядовъ.

Всѣмъ мѣстнымъ органамъ военныхъ сообщеній, мнѣ не подчиненнымъ, это извѣстно, но они молчатъ; молчатъ и генералъ Роопъ, и начальникъ военныхъ сообщеній Дальняго Востока, и многочисленные представители и уполномоченные главныхъ управленій, какъ будто бы это ихъ не касается.

Оказывается, что все это подстроено дальневосточными спекулянтами для того, чтобы получить побольше вагоновъ для мѣстныхъ перевозокъ и спасти рыбные грузы, Харбинскихъ и Благовѣщенскихъ купцовъ продвиженіемъ ихъ за Байкалъ цѣной сокращенія воинскихъ перевозокъ. Дѣло было обляпано мастерски; заявили междусоюзному комитету, что Забайкалье умираетъ безъ рыбы, но зато ея много въ Харбинѣ, почему для спасенія Забайкалья надо разрѣшить подвинуть ее на западъ въ мѣстномъ сообщеніи, гдѣ въ графикѣ есть свободный запасъ. Разрѣшеніе было дано и спекулятивная рыбешка поползла на ст. Маньчжурія, гдѣ таинственно переползла границу и попала на Забайкальскую дорогу; тамъ тоже воспользовалась преимуществами мѣстнаго сообщенія и добралась до Иркутска и т. д. Вагоны для этого брались изъ того порожняка, который мы усиленно гнали съ запада и который фатально заболѣвалъ въ предѣлахъ Китайской дороги.

Лица, обязанныя блюсти интересы боевого транзита, оглохли и ослѣпли; всего у насъ слизнули свыше 400 вагоновъ, которые пошли подъ рыбу и другіе спекулятивные грузы, подсосавшіе наше сквозное движеніе. Наши вагоны идутъ безъ «подмазки», побочныхъ доходовъ съ нихъ никому не очищается, а поэтому они и подвержены постояннымъ «заболѣваніямъ»; семеновскіе же и спекулянтскіе вагоны болѣютъ очень рѣдко, ибо съ ними ѣдутъ «доктора», обращающіеся своевременно за помощью къ сцѣпщикамъ, составителямъ и инымъ свѣдущимъ по вагоннымъ болѣзнямъ лицамъ. Обходится это леченіе недешево: одинъ Харбинскій коммерсантъ истратилъ на леченіе двухъ вагоновъ въ пути отъ Харбина до Омска около ста тысячъ рублей, и на послѣдней остановкѣ отдалъ за пропускъ ихъ дальше послѣднее, что у него оставалось — золотые часы.

Сообщилъ это Ставкѣ, но та ограничилась приказаніемъ выбросить боченки съ рыбой изъ вагоновъ и отправить вагоны во Владивостокъ; въ просьбѣ же разгромить всѣхъ виновныхъ лицъ мнѣ отказали, потому что при этомъ придется затронуть междусоюзный контроль и его служащихъ, а это очень некстати, ввиду происходящихъ теперь серьезныхъ переговоровъ по поводу признанія и матерьяльной помощи.

Единственное удовлетвореніе получилъ отъ Министра Путей Сообщенія, который, во избѣжаніе повторенія такихъ кунштюковъ, согласился воспретить совершенно мѣстныя перевозки въ западномъ направленіи; непріятно прибѣгать къ такимъ исключительнымъ ограниченіямъ, но что же дѣлать при томъ развалѣ, который воцарился на желѣзныхъ дорогахъ по части взяточничества.

Взамѣнъ, я увѣдомилъ довольствующія министерства, что я готовъ предоставить въ распоряженіе крупныхъ биржевыхъ комитетовъ нѣкоторое количество нашихъ вагоновъ, въ которыхъ по нарядамъ этихъ комитетовъ могли провозиться неспекулятивные грузы, необходимые для населенія и здоровой торговли.

Былъ съ докладомъ у Верховнаго Правителя; высказалъ ему еще разъ мои сомнѣнія и тревоги; доложилъ о необходимости обратить сугубое вниманіе на расползающуюся повсюду мерзость, такъ какъ это самымъ гибельнымъ образомъ отражается на чистотѣ авторитета власти; получается повтореніе послѣднихъ лѣтъ стараго режима, по сущности невиновнаго въ большинствѣ мерзостей, совершаемыхъ его именемъ, но понесшаго на себѣ весь отвѣтъ за прошлое.

Рядовой обыватель, смотря на все подозрительнымъ и предубѣжденнымъ противъ всякой власти окомъ, сугубо все размазываетъ, много добавляетъ и приходитъ къ непреложному выводу, что рука руку моетъ, и что во всѣхъ злоупотребленіяхъ заинтересованы лично представители самой власти, которые поэтому все замазываютъ и не преслѣдуютъ виновныхъ.

Адмиралъ страшно разнервничался; онъ, повидимому, не понимаетъ, что для устраненія надо измѣнить всю систему управленія; самъ онъ всѣмъ сердцемъ хочетъ улучшенія и очищенія и готовъ на самыя порывистыя, но одиночныя и безсистемныя дѣйствія и кары, но безсиленъ справиться съ разъѣдающимъ насъ зломъ во всей его совокупности, ибо для этого нужна желѣзная система, длительное ея примѣненіе и энергичные, добросовѣстные исполнители.

Во время доклада Адмиралъ сообщилъ мнѣ, что ночью арестованы шесть военныхъ летчиковъ и начальникъ воздушнаго флота за провозъ частныхъ грузовъ подъ видомъ военнаго снабженія, и что онъ хочетъ, чтобы надъ ними разразилась вся строгость правосудія, но не увѣренъ въ осуществленіи своего желанія и боится вмѣшательства юристовъ и адвокатовъ.

И жалко Адмирала, и больно, что власть находится въ такихъ безпомощныхъ рукахъ. Я ему доложилъ, что едва ли можно опасаться какихъ-либо затрудненій въ осуществленіи его желанія, такъ какъ такія подлыя преступленія должны быть подведены подъ понятіе государственной измѣны и сознательнаго, изъ корысти, воспомоществованія непріятелю, ибо невозможна иная квалификація для дѣяній, когда изъ жажды наживы воруютъ вагоны и этимъ наносятъ ущербъ дѣлу боевого снабженія фронта; нельзя смотрѣть на такія дѣянія, какъ на простой подлогъ и мошенничество, ибо у арміи украдено пять вагоновъ и она потеряла пять тысячъ пудовъ снабженія.

Вечеръ провелъ въ первомъ дѣловомъ засѣданіи Гос. Эк. совѣщанія; слушался докладъ министра земледѣлія Петрова. Обидно было, что правительство выступило съ такимъ неудачнымъ дебютантомъ, напомнившимъ мнѣ очень старательнаго, но безталаннаго ученика, выпущеннаго съ рѣчью на выпускномъ актѣ; непонятно затѣмъ это скоропалительное и совершенно не продуманное выступленіе; казалось бы, что ранѣе слѣдовало пропустить програму доклада черезъ совѣтъ министровъ, дабы она явилась докладомъ правительства, а не растрепаннымъ и бѣднымъ по содержанію изліяніемъ очень симпатичнаго и лохматаго Петрова, горячаго и искренняго человѣка, но министра, очевидно, только по недоразумѣнію или по чьей-либо рекомендаціи.

Скверно и то, что докладчикъ выкладывалъ весь свой легковѣсный матерьялъ очень горячо и несомнѣнно хотѣлъ поразить слушателей шириной и прогрессивностью своихъ плановъ; сказывалось отсутствіе одержки, привычка говорить много и путанно, не заботясь много о сущности и полагаясь только на горячность и надрывъ, т. е. то, что даетъ обыкновенно ораторскій успѣхъ на митингахъ и случайныхъ сборищахъ случайныхъ слушателей.

Въ результатѣ первое выступленіе правительства вышло очень слабымъ; я думалъ, что первымъ выступитъ Вологодскій и доложитъ полную и выпуклую программу текущей и предстоящей дѣятельности правительства во всей ея совокупности и ошибся. Прислушиваясь къ разговорамъ среди членовъ совѣщанія послѣ доклада, убѣдился, что всѣ промахи и lapsus'ы докладчика подхвачены, учтены и уже раздѣланы подъ орѣхъ;

самое скверное то, что говорили, что изъ доклада ясно, что у правительства нѣтъ твердой и опредѣленной программы по основному земельному вопросу. Обсужденіе доклада отложено на слѣдующее засѣданіе.

24 Іюня. Рѣдкій по горячности работы день. Получилъ отъ американцевъ сто тысячъ аршинъ сукна и 600 тысячъ комплектовъ бѣлья при единственномъ условіи, что представители дающаго все это американскаго краснаго креста будутъ допущены присутствовать при распредѣленіи. Это имущество на мѣстахъ; я съ полной готовностью далъ согласіе на это допущеніе, такъ какъ это лучшій способъ бороться съ распространяемыми слухами, что изъ отправляемаго на фронтъ до солдатъ доходитъ относительно немного.

Подарокъ Ам. Кр. Креста меня очень порадовалъ, такъ какъ Тайшетская пробка и Харбинская рыбка создали тяжелый кризисъ въ дѣлѣ удовлетворенія неотложныхъ нуждъ арміи по лѣтнему и бѣльевому снабженію; во Владивостокѣ и въ пути у насъ очень много, а на мѣстѣ раздаемъ послѣдніе скудные запасы.

Вечеромъ въ Совѣтѣ Министровъ большіе и горячіе дебаты по поводу законопроекта о легализаціи союза городовъ и земствъ; спорили въ температурѣ самаго остраго напряженія, причемъ для меня выяснилась полная разноголосица мнѣній и основныхъ политическихъ взглядовъ, какъ то невяжущаяся съ солидарностью Совѣта Министровъ.

Мнѣ, новому и случайному человѣку, было чрезвычайно непріятно убѣдиться до чего рѣзко расходятся во взглядахъ на внутреннюю политику члены кабинета, именуемаго объединеннымъ правительствомъ. Вина въ этомъ лежитъ несомнѣнно на самомъ Предсѣдателѣ Совѣта Министровъ, котораго держатъ на столь отвѣтственномъ посту, какъ какую-то драгоцѣнную реликвію (неизвѣстно только, какой секты и толка), увѣряя, что въ его имени и личности кроется прочный залогъ демократическаго правительства и увѣренности союзниковъ и общественнаго мнѣнія всего Запада въ демократичности Омской власти.

Очевидно, что весь этотъ миѳъ создается тѣми, кому выгодно возглавленіе правительства этой сношенной и безвольной тряпкой, совершенно потухшимъ человѣкомъ, негоднымъ и неспособнымъ уже на руководство дѣломъ самаго мелкаго масштаба; очевидно, что и тутъ главную роль играетъ боязнь наиболѣе честолюбивыхъ членовъ настоящаго кабинета потерять власть и уйти въ политическое небытіе, разъ только будетъ смѣненъ этотъ дряблый папаша временъ ноябрьскаго переворота, и новый предсѣдатель станетъ подбирать себѣ сотрудниковъ по своему вкусу.

Между тѣмъ, теперь, какъ никогда, предсѣдателемъ Совѣта Министровъ долженъ быть человѣкъ желѣзной воли, огромнаго жизненнаго и дѣлового опыта, кипучей творческой энергіи, чуждый шаблона и предвзятости, свободный отъ партійныхъ классовыхъ и коммерческихъ вліяній, способный охватить, а затѣмъ и руководить всѣми сторонами государственной жизни и строительства, властно направляя всѣ отдѣльныя струи и струйки въ одно русло. Теперь предсѣдатель Совѣта Министровъ долженъ быть Государственнымъ Канцлеромъ въ самомъ широкомъ значеніи этого понятія, долженъ приближаться къ лучшимъ типамъ великаго визиріата.

Чѣмъ менѣе подготовлена и способна къ верховному управленію Государствомъ наличная верховная власть, тѣмъ талантливѣе, крупнѣе и содержательнѣе долженъ быть ея сѣрый кардиналъ — предсѣдатель Совѣта Министровъ.

Горько то, что несчастная судьба Россіи подсунула, совершенно неподготовленному къ возглавленію верховной власти Адмиралу, какой-то обмылокъ, повидимому, даже мало интересующійся и часто незнающій, что дѣлаютъ подчиненные ему правительственныя министерства и возглавляющіе ихъ министры.

Въ сегодняшнемъ засѣданіи, министрамъ пришлось высказать свои политическіе взгляды и меня поразила реакціонность, неискренность и умышленная недоговоренность нѣкоторыхъ рѣчей; общее заключеніе изъ того, что я сегодня услышалъ, сводится къ выводу, что большинство совѣта настроено враждебно противъ всякихъ общественныхъ организацій и боится ихъ критики, контроля и агитаціи, но въ то же время боится поставить точки на і и получить упреки въ недемократичности. Видно было, что про-

тивники легализаціи союзовъ боятся создать въ ихъ лицѣ опаснаго для власти крокодила и были бы рады, если бы сей крокодилъ благополучно подохъ, но только такъ, чтобы ихъ участія въ его удачной смерти не было.

Искреннѣе и прямѣе другихъ былъ демократичный по внѣшности и по репутаціи министръ земледѣлія Петровъ, который очень рѣзко высказался противъ легализаціи союзовъ, какъ учрежденій опасныхъ для государственнаго строя и органически созданныхъ для того, чтобы его подрывать.

Опредѣленъ, точенъ и искрененъ былъ и министръ вн. дѣлъ Пепеляевъ, высказавшійся самымъ рѣзкимъ образомъ противъ союзовъ, какъ фиктивной по названію, но антиправительственной по сущности организаціи. Остальные виляли, старались и демократическую невинность соблюсти, и упрека въ реакціонности избѣжать.

Вернулся раздраженнымъ и настроеннымъ, такъ сказать, «антиправительственно», ибо убѣдился, что съ даннымъ составомъ министерскихъ упряжекъ намъ не выѣхать на хорошую и широкую дорогу; слишкомъ уже мелки, эгоистичны и неспособны на творчество и подвигъ всѣ эти персонажи, случайные выкидыши Омскаго переворота.

Въ Ставкѣ увѣряютъ, что контръ-развѣдка раскрыла огромный заговоръ и имѣетъ опредѣленныя указанія на то, что въ самомъ Омскѣ должно произойти на дняхъ вооруженное возстаніе; главные дѣятели контръ-развѣдки приняли вдохновенный и озабоченный видъ и на всѣ разспросы таинственно помахиваютъ своими провокаторскими главами.

Глубоко убѣжденъ, что это очередная фабрикація этихъ потомственныхъ и почетныхъ провокаторовъ, которымъ надо усугубить важность своего охранительнаго значенія и получить еще нѣсколько милліоновъ на темные расходы.

Полупочтенное, всегда, учрежденіе контръ-развѣдки, впитавшей въ себя функціи охраннаго отдѣленія, распухло теперь до чрезвычайности и создало себѣ прочное и жирное положеніе, искусно использовавъ для сего атмосферу гражданской войны, политическихъ заговоровъ и переворотовъ, и боязни многихъ представителей предержащей власти за свою драгоцѣнную жизнь и за удержаніе власти.

Все это сдѣлало главарей контръ-развѣдки большими и нужными людьми, тѣлохранителями многихъ сильныхъ міра сего и открыло самые широкіе и безконтрольные горизонты для ихъ темной, грязной и глубоко вредной дѣятельности.

Здѣсь мнѣ нѣтъ времени углубляться въ дѣятельность этихъ господъ, но въ Харбинѣ я видѣлъ достаточно, какъ распухло это гнусное учрежденіе и какъ крѣпко оно опутало верхи власти, грязня ихъ своей грязью. Здѣсь контръ-развѣдка это огромнѣйшее учрежденіе, пригрѣвающее цѣлыя толпы шкурниковъ, авантюристовъ и отбросовъ покойной охранки, ничтожное по производительной работѣ, но насквозь пропитанное худшими традиціями прежнихъ охранниковъ, сыщиковъ и жандармовъ.

Все это прикрывается самыми высокими лозунгами борьбы за спасеніе родины, и подъ этимъ покровомъ царитъ развратъ, насиліе, растраты казенныхъ суммъ и самый дикій произволъ. И во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо довлѣетъ дневи злоба его; контръ-развѣдка и охранка всегда требовали особаго контроля и умѣлаго наблюденія, ибо при малѣйшемъ ослабленіи надзора онѣ дѣлались скопищемъ всякой грязи и преступленій. Кто-то сказалъ, что во всей охранной дѣятельности нужно, чтобы чистыя головы руководили грязными руками и сдерживали преступныя похоти этихъ грязныхъ рукъ. Теперь чистыхъ головъ уже не осталось и на верхи контръ-развѣдки залѣзли выскочки или разные авантюристы, развращенные тѣми возможностями, которыя имъ даетъ современная неурядица.

Если мое краткое соприкосновеніе съ чинами прежней охранки дало мнѣ такіе случаи, какъ подполковникъ Заварицкій и ротмистръ Фіотинъ, посылавшіе людей на висѣлицу и на каторгу ради отличія и полученія внѣочередной награды, то что же должно быть теперь, когда ослабъ до нельзя контроль и наблюденіе?

Въ данномъ случаѣ надо быть недалекими дѣтьми или довѣрчивыми трусами, чтобы повѣрить въ возможность возстанія въ городѣ, наполненномъ иностранными войсками и отборными, вполнѣ надежными конвоями старшихъ начальниковъ.

25 Іюня. Надъ городомъ непрерывно летаютъ военные аэропланы; весьма негодовалъ, когда узналъ, что сіе дѣлается по приказанію ставочной контръ-развѣдки, дабы усмотрѣть заблаговременно сборище замышляющихъ возстаніе.

Утромъ пріѣхалъ ко мнѣ Ивановъ-Риновъ, плакался на то, что Омскъ совершенно не понялъ значенія и характера его дѣятельности на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ онъ проводилъ замѣчательный планъ успокоенія края, но все это рухнуло, благодаря зловредному противодѣйствію американцевъ и жидо-массоновъ.

Сей хитрый мужъ успѣлъ добиться переноса на августъ уже давно назначенныхъ выборовъ войскового атамана Сибирскаго каз. войска, т. к. его шансы на перевыборъ были ничтожны, и сейчасъ всѣ его намѣренія направлены къ тому, чтобы привлечь къ себѣ вновь симпатіи казаковъ; посему онъ задумалъ объѣздъ всѣхъ станицъ и раздачу привезенныхъ съ востока товаровъ, для чего и проситъ наряда ему парохода и автомобилей.

Большая ошибка, что ему позволили вернуться въ Омскъ до выборовъ и позволили отложить выборы; по своимъ Омскимъ связямъ этотъ честолюбивый авантюристъ очень опасенъ для здоровой политики, а, при все возрастающемъ здѣсь казачьемъ засиліи, онъ сможетъ принести огромный и ничѣмъ уже не парализуемый вредъ.

Получивъ отъ меня отказъ, онъ отправился въ Ставку, гдѣ, какъ мнѣ говорили, получилъ все просимое.

Вечеръ промучился въ комитетѣ экономической политики, одномъ изъ мертворожденныхъ дѣтищъ Омскаго кабинетскаго мышленія; ну развѣ сейчасъ до того, чтобы заниматься дискуссіями на разныя экономическія темы, да еще въ всероссійскомъ масштабѣ, отвлекая на нѣсколько часовъ и безъ того переобремененныхъ работой и засѣданіями министровъ и ихъ товарищей.

Радіо сообщаетъ, что, передъ передачей своего флота союзникамъ, нѣмцы затопили большую часть своихъ кораблей; можно только рукоплескать такому патріотическому подвигу, хотя онъ сдѣланъ бывшимъ врагомъ, погубившимъ Россію.

Поражаюсь обширностью помѣщеній и обиліемъ состава моего сосѣда — освѣдомительнаго отдѣла Ставки, съ цѣлой арміей служащихъ, среди которыхъ много южныхъ физіономій и порядочные табунки привиллегированной молодежи, несомнѣнно скрывающейся здѣсь отъ всякихъ непріятностей фронта; та же картина, что и во Владивостокѣ; тѣ же сыновья, зятья, племянники и родственники мѣстныхъ олимпійцевъ, обслуживающіе разныя переднія, пишущія машинки, телефонные аппараты и особыя порученія.

При видѣ ихъ у меня поднимается чувство горячей ненависти къ тѣмъ, кто покровительствуетъ этой мерзости и прикрываетъ эту жалкую и ничтожную мразь, недостаточно рѣшительную, чтобы сдѣлаться большевиками, но достаточно подлую, чтобы спасаться подъ бѣлымъ знаменемъ и въ Омской безопасности гордо изображать изъ себя «борцовъ противъ большевизма».

Этотъ отдѣлъ тратитъ массу денегъ на такъ называемое «освѣдомленіе», внѣшне очень эффектенъ, обклеиваетъ всѣ Омскіе заборы очень занозистыми плакатами и при помощи наемныхъ перьевъ и оплаченныхъ глотокъ распространяетъ самые лестные слухи о своей дѣятельности.

Между тѣмъ, на фронтѣ и въ тылу царитъ полная неосвѣдомленность; получается, какъ и во всемъ Омскомъ творчествѣ, огромная голова безъ туловища и конечностей. Вся работа сводится къ Омску и къ втиранію очковъ Омской власти; весь аппаратъ жмется къ Омску, поближе къ главной кассѣ, къ сенсаціи, къ безопасности, къ возможности хорошо устроиться и звучно шумѣть. Освѣдомленіе только предлогъ для кормежки и укрытія отъ фронтовыхъ непріятностей; исполненіе все поставлено на рекламу и на дутую статистику о числѣ выброшенныхъ на освѣдомленіе экземпляровъ и изданій. Этимъ же миромъ мазаны и остальныя учрежденія, присосавшіяся къ военному и общему освѣдомленію.

Мнѣ по должности пришлось войти въ составъ комитета по дѣламъ печати и видѣть, какъ все это налаживается, причемъ выдумываются все новые и новые методы кормленія; заправляетъ комитетомъ очень юркій и пронырливый Т. В. Бутовъ. Я вошелъ въ комитетъ очень рѣзкимъ диссонансомъ и очень опредѣленно высказалъ свой отрицательный

взглядъ на всѣ покупаемыя и субсидируемыя газеты, на разные плакаты и иные способы освѣдомленія, заявивъ, что, кромѣ кормежки разныхъ паразитовъ, ничего путнаго изъ всѣхъ этихъ затѣй не выходитъ, ибо мы покупаемъ всякую дрянь, неспособную своей работой намъ помочь.

Кромѣ того, вся работа идетъ не по тому направленію, и главное — деревня остается такой же темной и ничего не понимающей, какъ и тогда, когда на освѣдомленіе не тратили теперешнихъ милліоновъ.

26 Іюня. Вечеромъ, въ засѣданіи Гос. Экон. Совѣщанія слушалъ, какъ зло, детально и по заслугамъ раздѣлывали прошлый докладъ министра земледѣлія и выявили всю его безсистемность и легковѣсность.

Вполнѣ понятно, почему наши юные министры изъ бывшаго революціоннаго подполья такъ боятся неподчиненныхъ и необязанныхъ только славословить учрежденій и общественнаго независимаго контроля; тутъ уже очень опасно выступать съ кондачка, а надо предъявлять свое внутреннее и дѣловое содержаніе на строгій, придирчивый и предубѣжденный контроль.

Старые работники типа Устругова, Краснова, Ларіонова, Сурина не побоятся, конечно, идти съ докладомъ въ любое совѣщаніе, сумѣютъ собрать и подать необходимый матерьялъ, выслушаютъ съ удовольствіемъ разумный совѣтъ и дѣльное замѣчаніе; съ такими докладчиками будутъ спорить, но должны будутъ считаться съ ихъ докладами, какъ съ чѣмъ-то серьезнымъ.

Такіе же доклады, какъ прошлый Петрова, ставятъ Совѣтъ Министровъ въ смѣшное положеніе; намъ безмолвно пришлось слушать, какъ четыре оратора отъ четырехъ разныхъ партійныхъ группировокъ раздѣлывали докладъ такъ, что только клочья летѣли; и всѣ замѣчанія были правдой и противъ нихъ нельзя было возражать.

Справедливый упрекъ по адресу Правительства высказалъ представитель земской группы, указавшій, что правительству временнаго значенія не пристало задаваться широкими и долгосрочными задачами всероссійскаго масштаба, а надо напречь всѣ силы и направить всѣ наличныя средства на скорѣйшее удовлетвореніе самыхъ неотложныхъ нуждъ страны и населенія въ предѣлахъ сегодняшняго и завтрашняго дня.

Это болѣе чѣмъ справедливо, ибо наши министерства уткнули носы въ долгосрочныя работы, часто всероссійскаго масштаба и забыли про дѣйствительность.

Въ результатѣ первыхъ двухъ засѣданій Г. Э. Совѣщанія Правительство получило единогласную резолюцію всѣхъ членовъ, отмѣтившую отсутствіе какой-либо программы по земельному вопросу, безсистемность и отсутствіе какого-либо содержанія въ сдѣланномъ ему министромъ земледѣлія сообщеніи. Я очень боюсь, что это сразу испортитъ отношенія между Совѣтомъ Министровъ и Совѣщаніемъ, а, между тѣмъ, намъ до зарѣза необходима дружная и совмѣстная работа.

27 Іюня. Скучать не приходится: утромъ двѣ комиссіи, а вечеромъ Совѣтъ Министровъ, очень продолжительный и скучный, съ тягучими пустяковыми разговорами и пререканіями; такія засѣданія способны высушить мозги, вызвать разлитіе желчи и постепенно подорвать даже незаурядную работоспособность; временами мнѣ страшно хочется всѣхъ обругать, послать всѣхъ къ чорту и уѣхать домой.

Просидѣвъ въ такой «уморилкѣ» съ 7 ч. вечера и до 1—2 часовъ ночи, нелегко встать опять утромъ такъ, чтобы съ 8 ч. утра начать работу слѣдующаго дня, поглотить массу почты и докладовъ, дать сотни рѣшеній и принять и выслушать сотни докладчиковъ, посѣтителей и просителей плюсъ сидѣніе въ комиссіяхъ и засѣданіяхъ, безъ которыхъ не обходится ни одинъ день.

Приходилъ какой-то баронъ, состоящій при Министрѣ Финансовъ, по поводу моего письма о принудительномъ сборѣ съ биржевыхъ комитетовъ и имущихъ классовъ; передалъ, что Михайловъ со мной согласенъ, но проситъ указать ту цифру, которую надо назначить для раскладки; я отвѣтилъ, что думалъ, что Министерство Финансовъ должно знать это лучше моего, но разъ меня спрашиваютъ, то мое мнѣніе, что надо потребовать не менѣе 100—150 милліоновъ рублей, что будетъ очень ничтожнымъ процентомъ, считая

тѣ огромные барыши, которые торговые и спекулятивные круги нажили на войнѣ и на казенныхъ поставкахъ.

Вечеромъ въ своемъ вагонѣ подвергся дружескому, но яростному нападенію Щербакова, Кондрашева и Яшерова, обвинявшихъ меня въ обостренномъ пессимизмѣ и несправедливой оцѣнкѣ событій.

Просилъ подтвердить эти обвиненія фактами и указывалъ, что я не пессимистъ, а только внимательный наблюдатель и привычный къ анализу выжиматель выводовъ и заключеній изъ того, что попадаетъ въ кругъ моего зрѣнія, вѣдѣнія и пониманія. Мнѣ до боли хочется иныхъ, свѣтлыхъ выводовъ, но для нихъ у меня нѣтъ никакихъ данныхъ и потому то «мой лобъ мрачнѣе угрюмаго Казбека, не ровенъ шагъ . . .»

28 Іюня. Видѣлъ прибывшаго съ фронта командующаго Западной Арміей генерала Ханжина, замѣняемаго генераломъ Сахаровымъ; говорятъ, что это назначеніе проводится Лебедевымъ и поддерживается генераломъ Ноксомъ, которые въ рѣшительности Сахарова видятъ исходъ изъ того положенія, въ которомъ находится сейчасъ западная армія. По тому, что я слышалъ о Сахаровѣ, онъ подходитъ больше всего къ начальнику карательной экспедиціи или командиру дисциплинарнаго батальона.

Ханжинъ подтвердилъ мнѣ, что число ртовъ, показываемое въ войсковой отчетности, превосходитъ приблизительно вдвое дѣйствительное ихъ наличіе; подтвердилъ также и отсутствіе разумнаго эшелонированія запасовъ и накапливаніе огромныхъ складовъ при частяхъ войскъ; какъ примѣръ, онъ указалъ, что въ одномъ полку, выдвинувшемся при наступленіи далеко впередъ, было разныхъ запасовъ свыше 150 груженныхъ вагоновъ.

По полученнымъ мной отъ контроля свѣдѣніямъ, въ Сибирской арміи были части, имѣвшія всегда при себѣ не менѣе $2^1/_2$ мѣсячнаго запаса продовольствія всѣхъ видовъ. Пепеляевъ слалъ съ фронта угрожающія телеграммы о недостаткѣ довольствія, а при повѣркѣ на его базѣ оказалось свыше 300 вагоновъ, груженныхъ всѣми видами довольствія.

Та же сибирская армія вопила о недостаткѣ медикаментовъ и перевязки и обвиняла тылъ въ гибели раненыхъ, а при повѣркѣ оказалось, что рядомъ съ полевой аптекой арміи стояло шестнадцать вагоновъ съ нужными медикаментами и перевязочными матерьялами и что штабъ арміи былъ своевременно объ этомъ извѣщенъ.

Все посылаемое на фронтъ въ скромныхъ, но все же достаточныхъ при разумномъ использованіи количествахъ тонетъ въ морѣ хаоса, своеволія и безудержной атаманщины. Вотъ уже два мѣсяца я заваливаю штабы армій телеграммами, прося установить порядокъ въ эшелонированіи и расходѣ снабженія, но все это гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

Конечно, было бы нелѣпо требовать, чтобы все это шло какъ по маслу, въ порядкѣ, установленномъ разными положеніями и инструкціями, ибо въ импровизированной и на спѣхъ сколоченной арміи огромный недостатокъ опытныхъ по этой части начальниковъ.

При должномъ и умѣломъ руководствѣ, нажимѣ и встряскѣ сверху, этотъ недостатокъ могъ быть до извѣстной степени устраненъ усиленной добросовѣстностью работы, ея систематичностью и желаніемъ всѣхъ исполнителей учиться и совершенствоваться. Къ сожалѣнію, этого-то желанія нѣтъ и слѣда; вмѣсто этого царитъ вѣра въ свою непогрѣшимость, убѣжденіе въ силѣ рѣшительности и нагайки и самый узкій, приходской эгоизмъ. Всякій думаетъ только о своей части, тащитъ побольше въ свою норку, добывая запасы всѣми законными и незаконными средствами; бѣдные смотрители интендантскихъ складовъ и пикнуть не смѣютъ и выдаютъ все, что отъ нихъ требуется.

При такихъ условіяхъ расходованія и при нашихъ нищенскихъ средствахъ заготовки и подвоза, регулярное снабженіе распухшихъ численно армій становится невѣроятно труднымъ дѣломъ.

Всѣ попытки внести въ это дѣло систему, порядокъ и контроль, вызываютъ и глухое, и открытое сопротивленіе, причемъ двигающіе этимъ эгоизмъ и распущенность прикрываются интересами дѣла. Государственный контролеръ показалъ мнѣ донесеніе контролера при рѣчной флотиліи о томъ, что, когда онъ опротестовалъ какой-то шалый расходъ на постановку особыхъ вентиляторовъ въ каютѣ начальника флотиліи контръ-адмирала Смирнова (онъ же опереточный морской министръ), то ему пригрозили поркой.

При помощи Акинтіевскаго провелъ свои проекты приказовъ о междувѣдомственной сварѣ и уязвленіяхъ и объ обязанностяхъ офицеровъ.

Я мало вѣрю въ общую эффективность такихъ приказовъ, но не теряю надежды, что высказываемые въ нихъ взгляды затронутъ хоть нѣкоторыя начальническія головы и сердца, а тогда несомнѣнно получатся практическіе положительные результаты; на общее впечатлѣніе разсчитывать трудно: очень уже у многихъ выдублены шкуры и вылужены совѣсти; для нѣкоторыхъ гипопотамовъ нужны особо ѣдкія кислоты, чтобы ихъ пронять.

29 Іюня. Пытаюсь провести обязательную квартирную повинность для семействъ всѣхъ бойцовъ, находящихся на фронтѣ; заручился согласіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, безъ котораго трудно это осуществить.

Вечеромъ, по просьбѣ Лебедева, устроилъ обѣдъ для японской миссіи генерала Иде. Самъ Лебедевъ боится обвиненій въ японофильствѣ; министръ иностранныхъ дѣлъ отказался отъ приглашенія на обѣдъ, а управляющій морскимъ министерствомъ дипломатически заболѣлъ.

Уѣхалъ обратно къ Деникину присланный отъ него генералъ Сычевъ; не понимаю этихъ командировокъ; мы бѣдны, какъ церковныя мыши, а тратимъ дорогую валюту на разъѣзды взадъ и впередъ такихъ никчемушнихъ гастролеровъ, которые ѣдутъ сюда 2—3 мѣсяца, набрешутъ здѣсь съ три короба и великодушно отбываютъ назадъ.

Я былъ правъ, утверждая что Семеновское смиреніе это только одна комедія, и что этотъ нарывъ попрежнему сидитъ у насъ въ горлѣ; не проходитъ и нѣсколькихъ дней, чтобы не было какихъ-нибудь донесеній съ востока о безобразіяхъ и насиліяхъ Семеновской опричнины; мнѣ, какъ представителю военнаго вѣдомства приходится хлопать глазами, когда другіе министры обращаются ко мнѣ съ требованіемъ прекратить эти безобразія; каждый разъ заявляю, что военное вѣдомство безсильно справиться съ читинской вольницей, умышленно укрываемой японцами, и что я могу только просить предсѣдателя совѣта и министра ин-хъ дѣлъ устранить это покровительство дипломатическимъ путемъ.

30 Іюня. Скверныя извѣстія съ фронта, достовѣрныя, но неофиціальныя, ибо штабы армій не любятъ доносить о скверныхъ вещахъ. Несомнѣнно только, что по моей снабжательской части при стремительномъ отходѣ потеряны огромные запасы продовольствія и снабженія, неразсчетливо и безумно выброшенные впередъ, несмотря на грозную неустойчивость положенія фронта. Въ одномъ Уфимскомъ районѣ мы потеряли до 2 милліоновъ пудовъ зерна и до 200 тысячъ пудовъ крайне необходимой намъ гречневой крупы. Эвакуація фронта производилась возмутительно преступно; было время многое спасти, но сначала шли многочисленные штабные и хозяйственные эшелоны съ бабами, нянками, дѣтьми и прочими бебехами; затѣмъ уѣзжали въ купленныхъ вагонахъ богатые обыватели. Прибывшіе съ фронта офицеры трясутся отъ негодованія, разсказывая, какъ производилась эта эвакуація. Надо еще удивляться прочности нашей дисциплины, которая позволила офицерамъ и солдатамъ спокойно смотрѣть на эти мерзости и не разорвать въ клочья тѣхъ, кто это дѣлалъ или допускалъ дѣлать. Многотерпѣлива еще армія и молчитъ, но сколько невидимыхъ трещинъ оставляютъ такія картины, и сколько злобы и ненависти накопляется въ этомъ молчаніи; и какъ преступны тѣ, кто все это дѣлаетъ. Занесшіеся въ своемъ случайномъ величіи выкидышные юпитерчики и юпитеришки ничему не научились изъ прошлаго и готовятъ намъ тяжелое будущее, когда все это и припомнится, и воздастся.

Полученныя съ фронта свѣдѣнія передалъ въ Ставку; обѣщались произвести разслѣдованіе и покарать виновныхъ.

Тѣ гадости, которыя творятся кругомъ, и полная безнадежность истребить ихъ обычнымъ путемъ побудили меня подать офиціальный докладъ объ установленіи административной высылки въ находящіеся подъ красной властью предѣлы Россіи наиболѣе злостныхъ политикановъ и сплетниковъ, зловреднѣйшихъ спекулянтовъ, подкапывающихся подъ насъ эсеровъ и прочей будирующей нечисти, которыхъ очень трудно достать по закону, въ извилинахъ котораго они искусно скрываются.

Надо стать на ту точку зрѣнія, что, по своей сугубо вредоносной дѣятельности, вся эта крикливая публика является явными и очень опасными для насъ сотрудниками большевиковъ, почему ихъ и надо отправить къ тѣмъ, кому они вольно или невольно, умышленно или неумышленно помогаютъ; отправлять надо по особымъ постановленіямъ, утверждаемымъ министромъ юстиціи, чинно, безъ малѣйшихъ насилій, и даже со всѣми удобствами. Увѣренъ, что нѣсколько случаевъ примѣненія такой административной высылки основательно очиститъ нашу отравленную атмосферу и продезинфецируетъ прогнившіе нравы.

1 Іюля. Первымъ Генералъ-Квартирмейстеромъ Ставки назначенъ генералъ Андогскій, возстановленный во всѣхъ прежнихъ правахъ и званіяхъ; увѣряютъ, что онъ будетъ потомъ наштаверхомъ.

Назначеніе, по моему, очень рискованное и бьющее по настроенію фронтовой части офицерства, т. к. до занятія Урала лѣтомъ 1918 года, Андогскій былъ начальникомъ Красной военной академіи и выпустилъ одинъ выпускъ красныхъ офицеровъ генеральнаго штаба; конечно, это сдѣлано въ обстановкѣ неизбѣжной необходимости и ради сохраненія академіи, въ надеждѣ на близкую гибель большевизма, но фронтъ этого не понимаетъ и этому никогда не повѣритъ.

Лебедевъ совершенно не понимаетъ, что надо щадить душу арміи и не увеличивать разрывъ между Ставкой и фронтомъ такими непопулярными назначеніями. Верхи наши очень зазнались и основательнѣйшимъ образомъ забыли, когда они были низами; въ этомъ отношеніи они напоминаютъ мнѣ помѣщицъ былыхъ временъ, которыя раздѣвались передъ крѣпостными лакеями и казачками, не считая ихъ за мущинъ.

Говорятъ, что Андогскій оперативный талантъ; чѣмъ сіе доказано, данныхъ ни у кого нѣтъ, но, если это вѣрно, то возьмите его для исполненія работы, но не колите всѣмъ глазъ такими назначеніями.

Приходится готовиться къ тяжелой и обильной послѣдствіями потерѣ Урала, Перми, драгоцѣннаго для насъ Мотовилихинскаго завода, изготовлявшаго для насъ артиллерію, и всѣхъ заказовъ, распоряженныхъ въ Пріуральскомъ районѣ; особенно тяжело потерять заказы на обозъ, походныя кухни и разнообразный инструментъ.

Зато сильно проясняется на югѣ; красные не оцѣнили значенія Деникина, неосторожно стянули противъ насъ всѣ резервы, что и дало, повидимому, возможность Деникину развернуться и начать громить красныхъ; если это разовьется такъ же успѣшно и дальше, то можно будетъ примириться съ нашими уральскими неудачами и надѣяться, что судьба большевиковъ будетъ рѣшена не у насъ, а на югѣ и въ центрѣ Россіи.

2 Іюля. Получилъ отъ Американскаго Краснаго Креста 13 тысячъ фланелевыхъ рубахъ и 50 тысячъ паръ бѣлья.

Главнокомандующимъ фронта назначенъ генералъ Дитерихсъ; это даетъ надежду на то, что и въ организаціи арміи, и въ системѣ снабженій будутъ произведены необходимыя реформы; скверно только то, что осуществлять ихъ придется въ крайне тяжелой обстановкѣ вынужденнаго и становящагося все болѣе и болѣе безпорядочнымъ отхода, военныхъ неудачъ и массовой эвакуаціи.

Дитерихсъ прислалъ телеграмму съ жалобами на тылъ и снабженія, съ рѣзкой тенденціей свалить всю отвѣтственность на Военное Министерство. Я отвѣтилъ полнымъ и откровеннымъ изложеніемъ всего нашего положенія, съ указаніемъ наличныхъ средствъ и ближайшихъ надеждъ; просилъ обратить вниманіе на дефекты по работѣ снабженій въ самихъ арміяхъ и принять мѣры по прекращенію хищническаго расходованія посылаемыхъ на фронтъ запасовъ. Просилъ обратить вниманіе на числительность армій, распухнувшихъ по отчетности до 700—800 тысячъ ртовъ, но не дающихъ и одной десятой этого числа штыковъ; прошу самымъ безпощаднымъ образомъ выжать арміи, сократить всѣ штабы и тыловыя учрежденія, а тогда съ вопросами снабженій, при правильномъ ихъ расходѣ и учетѣ, можно будетъ справиться.

Но надо это осуществить властно, рѣшительно и въ кратчайшій срокъ, сломавъ всякія сопротивленія.

Уже и такъ опоздали. Если немедленно сократить весь небоевой составъ и установить планомѣрное эшелонированіе запасовъ съ экономнымъ и контролируемымъ ихъ расходомъ, то, при наличныхъ и ожидаемыхъ рессурсахъ, наше положеніе по снабженію достаточно удовлетворительно; если же остаться при старыхъ порядкахъ, то положеніе совершенно безнадежно, о чемъ я заявляю и требую принятія рѣшительныхъ мѣръ; до сихъ поръ насъ кормили обѣщаніями и отдавали приказы, которыхъ никто не слушался. По моему мнѣнію весь фронтъ надо свести максимумъ къ 12 дивизіямъ полнаго состава и сдѣлать это немедленно, не считаясь ни съ какими вліяніями и самолюбіями; это число дивизій и при нашей бѣдности можно снабдить очень прилично во всѣхъ отношеніяхъ. Вѣдь, и сейчасъ всѣ пріѣзжающіе съ фронта свидѣтельствуютъ, что армейскіе тылы и облѣпившія ихъ команды и части небоевого назначенія снабжены весьма прилично.

Въ дѣлѣ организаціи и распредѣленія снабженія нужны система, твердость и контроль; при такихъ условіяхъ, даже при общей системѣ безпорядка, можно было и раньше получать положительные результаты, доказательствомъ чего служитъ весьма успѣшная организаціонная и распредѣлительная работа полевого инспектора артиллеріи.

Наши порядки, вообще, такъ неудовлетворительны, что переходящіе къ намъ съ краснаго фронта офицеры говорятъ, что у красныхъ больше порядка и офицерамъ легче служить.

Секретныя донесенія съ фронта сообщаютъ нѣчто, что съ перваго взгляда можетъ показаться совершенно невѣроятнымъ, а именно, что одной изъ причинъ поворота военнаго счастья въ пользу красныхъ была девальвація керенокъ, такъ какъ однимъ изъ импульсовъ наступленія была возможность добывать при успѣхѣ керенки пудами по вѣсу и сотнями тысячъ по цѣнности; съ ихъ девальваціей исчезла возможность получить реальное дополненіе къ невѣсомому успѣху, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезъ и наступательный порывъ.

Мнѣ думается, что это басня, рожденная острымъ неудовольствіемъ противъ этой идіотской реформы, кѣмъ-то выдуманная и быстро подхваченная, всюду расползшаяся и сдѣлавшаяся какъ бы несомнѣнной; все, что выдумывается въ пику и въ ущемленіе сидящаго сзади тыла, этого стозѣвнаго, лающаго и доставляющаго столько непріятностей чудовища, воспринимается и усвояется очень быстро и охотно.

Инспекторъ ремонтовъ показалъ мнѣ свидѣтельство на освобожденіе отъ конской повинности, на правахъ кровнаго и незамѣнимаго производителя, лошади одного Омскаго богача; при повѣркѣ лошадь оказалась мериномъ. Порекомендовалъ убѣдить Ставку доложить этотъ случай Адмиралу для примѣненія моего проекта высылки въ красную Россію всѣхъ причастныхъ къ этой мелкой, но характерной гадости, лицъ.

3 Іюля. Утромъ выѣхалъ на востокъ до ст. Тайга, чтобы осмотрѣть нѣкоторые склады и провѣрить движеніе эшелоновъ; главное же, хочу немного поспать и то, что называется, продуть котлы, т.е. дать отдохнуть мозгу и нервамъ; ничто такъ не помогаетъ, какъ такіе краткіе перерывы, даже если они заполнены весьма напряженной работой, но только иного характера и въ иной области; я называю это «перемѣнить на время валики».

Передъ отъѣздомъ былъ въ Ставкѣ на оперативномъ докладѣ; выслушалъ сильно загримированное, но грозное по своей сущности изложеніе положенія армій; еще разъ изумился той небрежности, благодаря которой у насъ до сихъ поръ нѣтъ обезпеченнаго и прямого сообщенія телеграфомъ съ Уральской арміей; если по части установки связи съ Деникинымъ еще допустимы какія-нибудь техническія оправданія, то въ отношеніи Уральской арміи такихъ оправданій быть не можетъ.

То же самое и по части подвоза Уральцамъ — была возможность съ весны послать въ Омскъ колонну грузовиковъ и установить правильное снабженіе.

Сейчасъ же свѣдѣнія изъ Уральской арміи приходятъ случайно, урывками, какъ съ какого-то полюса; только на дняхъ, по иниціативѣ свѣжаго начальника общаго отдѣленія Ставки, вѣдающаго устройствомъ связи, стали достраивать и ремонтировать какую-то старую телеграфную линію для связи съ Уральскими казаками.

Отъ полковника Рудченко узналъ, что дальневосточный инспекторъ формированій генералъ Хрещатицкій послалъ часть офицеровъ Раздольнинскаго гарнизона «учиться

военному дѣлу» въ Японіи; пришлось дожить и до такого позора, непонятнаго этому превосходительному спиртовозу, пресмыкающемуся передъ японцами и подбирающему, гдѣ можно, японскія іены.

Получилъ случайное письмо изъ Читы; живутъ тамъ весело, банкетируютъ, ублажаютъ во всю японскихъ друзей и защитниковъ. Временное измѣненіе общаго курса въ сторону оздоровленія, о которомъ много кричали защитники Читы, оказалось одной фикціей и, яко-бы, удаленные прежніе совѣтники и поводыри атамана, отдохнувъ въ заграничныхъ экскурсіяхъ, возвращаются обратно въ прежней славѣ.

4 Іюля. На одной изъ станцій съ горечью на сердцѣ пришлось видѣть воочію, насколько русской толпѣ нужна палка и притомъ, къ сожалѣнію, иностраннаго происхожденія. Нашъ поѣздъ стоялъ, ожидая прохода экстреннаго поѣзда генерала Жанена; всѣ усилія желѣзнодорожныхъ милиціонеровъ удалить съ рельсъ сидѣвшую на нихъ толпу крестьянъ и пассажировъ успѣха не имѣли; но, когда явились три чеха и съ криками «айда» стали дубасить русскихъ гражданъ прикладами, то платформа и рельсы опустѣли, а «хозяева русской земли» чинно выстроились за отведенной имъ чехами линіей.

Печальная картина, причины возможности которой заложены глубоко въ нашей исторіи; грустный варіантъ привычки быть подъ татариномъ, фрязиномъ, нѣмцемъ, а въ послѣднее время — евреемъ.

За день сдѣлалъ массу работы, подготовилъ нѣсколько серій задачъ и записокъ для исполненія начальникамъ главныхъ управленій; когда не рвутъ докладчики и посѣтители и не сидишь подолгу въ разныхъ комиссіяхъ, голова работаетъ свѣжо и снаровисто.

Отдыхая, суммирую свои Омскія впечатлѣнія, и мрачно на душѣ; то, что видѣлъ и узналъ за два послѣднихъ мѣсяца, даетъ очень мало надежды на то, что здѣсь удастся возстановить и упрочить здоровую государственность въ новыхъ, творческихъ и производительныхъ формахъ.

И Ставка, и Правительство работаютъ безъ плана, безъ системы, въ лихорадочной и нездоровой обстановкѣ Омскихъ вліяній, отзываясь съ грѣхомъ пополамъ на крикливыя требованія минуты и плывя туда, куда несетъ капризное теченіе.

Идетъ любительскій спектакль съ скверными любителями на главныхъ роляхъ, въ серьезнѣйшей трагедіи мірового значенія. Огромная Ставка, грандіозныя министерства съ десятками департаментовъ, всевозможныя главныя управленія и безчисленныя канцеляріи заведены по всероссійскому масштабу, усердно вертятъ какіе-то валы и колеса, валики и колесики, что то пыжатся, но производительной работы нѣтъ. Наружнаго старанія, канцелярскаго пота, исписанной бумаги и пролитыхъ чернилъ моря и горы; законы, циркуляры и распоряженія рождаются въ изобиліи, но жизни не удовлетворяютъ, до жизни не доходятъ, опаздываютъ, отстаютъ и въ огромномъ большинствѣ остаются писаной бумагой, заваливающей архивы и канцеляріи.

Размахъ всероссійскій, принаровленный къ нормальнымъ условіямъ государственной жизни, а исполненіе въ стилѣ Омскаго градоначальства, при неумѣніи оцѣнить наличную обстановку, стремительный курсъ новой жизни, развалъ и уничтоженіе тѣхъ основъ и крѣпей, на которыхъ строились и коими держались старые порядки, старая система администраціи, управленія, хозяйства.

Рабочей силы достаточно; сохранились, — хотя и потрепанные, — остатки прежняго опыта, спеціальныхъ знаній и служилаго навыка, но нѣтъ талантливыхъ руководителей, которые сумѣли бы направить все это въ новое, временное русло и удовлетворить стремительнымъ потребностямъ даннаго историческаго часа.

Создали верхи управленія и забыли про низы; Омскъ перегруженъ чиновниками и механизмами государственнаго управленія, а въ самой странѣ отсутствуютъ существенно необходимые органы этихъ старшихъ механизмовъ, и некому осуществлять все то, что выбрасываетъ изъ себя многопишущій Омскъ; всѣмъ хочется на верхи, и почти никого нѣтъ въ низахъ, т. е. тамъ, гдѣ обслуживается населеніе.

Фронтъ и тылъ поражены безсиліемъ и дряблостью власти, проѣдены и прогноены разновидностями сибиреязвенной атаманщины, этого специфическаго бѣлаго большевизма. Центръ требуетъ закона и порядка, машетъ бумажнымъ мечомъ по адресу насиль-

никовъ и беззаконниковъ, а кругомъ растетъ и ширится произволъ, презрѣніе ко всякому распоряженію свыше и собственное усмотрѣніе.

Къ горю нашему у Адмирала нѣтъ прочной рѣшимости поставить все на карту и покончить прежде всего со всѣми атаманами и съ атаманщиной во всѣхъ ея разновидностяхъ и проявленіяхъ. Надо это сдѣлать, хотя бы цѣной собственнаго провала, ибо иначе эта язва съѣстъ и Адмирала, и насъ, сожретъ всю бѣлую идею и сдѣлаетъ ее надолго постылой и ненавистной для всей Сибири; вѣдь то, что произошло и продолжается сейчасъ въ Приморьѣ, Забайкальѣ и что расползается по Сибири, вопіетъ, грозитъ и предостерегаетъ.

Не можетъ быть прочнаго фронта, разъ тылъ гноится атаманщиной; не можетъ быть здороваго тыла, разъ онъ пораженъ той же язвой.

На атаманахъ и карательныхъ отрядахъ государства не возстановить; всѣхъ недовольныхъ и возстающихъ противъ насилія не перевѣшать и не перепороть — рукъ не хватитъ, да и руки коротки.

Адмиралъ объясняетъ свою нерѣшительность политикой японцевъ, открыто поддерживающихъ дальневосточныхъ атамановъ; но это не оправданіе, разъ только понимать весь смертоносный вредъ атаманщины. Тогда надо начать открытую и ни передъ чѣмъ уже не останавливающуюся кампанію противъ Японіи, надо довести все это до свѣдѣнія союзниковъ, опубликовать всѣ документы, выставить всю правду, и я увѣренъ, что Японія сдастъ, ибо такихъ разоблаченій своей политики она очень не любитъ.

Но то, что творится сейчасъ въ Омскѣ, дѣлаетъ, повидимому, уже невозможными всѣ эти мои проекты и мечтанія; ибо Адмиралъ все глубже и прочнѣе дѣлается плѣнникомъ Омскихъ комбинацій, среди которыхъ все рѣзче и сильнѣе начинаетъ выдѣляться вліяніе казачьяго блока, взявшаго для себя монополію признанныхъ и чуть ли не единственныхъ спасителей отечества.

Зима и весна потеряны безвозвратно и для созданія настоящей, прочной арміи и для разумнаго, здороваго государственнаго строительства.

Вмѣсто прочной боевой силы, получили какое-то огромное, безформенное и прожорливое чудовище, именуемое фронтомъ, съ катастрофически распухнувшими штабами и тылами и съ отсутствіемъ правильной организаціи, порядка и системы снабженій; маленькія, но сильныя духомъ, сплоченныя идеей борьбы противъ краснаго ужаса, офицерскія организаціи потонули въ морѣ послѣдующихъ формированій.

Въ отношеніи арміи упущены всѣ сроки, и сейчасъ вся надежда на то, что крупные успѣхи на фронтѣ Деникина оттянутъ отъ насъ красныхъ и дадутъ намъ время, чтобы реорганизовать арміи, отфильтровать ихъ отъ всего негоднаго и сдѣлаться распорядителями не большой, но сильной, правильно организованной и хорошо снабженной арміи съ налаженной въ тылу системой подготовки резервовъ и укомплектованій.

Больше всего меня злитъ, когда начинаютъ валить всю вину за неуспѣхи на фронтѣ на плохое снабженіе, на Военное Министерство и на искусство красныхъ. Я новый человѣкъ и въ Омскѣ, и въ Министерствѣ и для меня совершенно одинаковы и Лебедевъ, и Степановъ, и Суринъ, и Леоновъ и пр., и пр.

Но для меня зато ясно, что въ неуспѣхѣ фронта виноваты тѣ, которые позволили арміи распухнуть до 800 тысячъ ртовъ при 70—80 тысячахъ штыковъ; тѣ, которые допустили хищническое расходованіе нашихъ бѣдныхъ средствъ снабженія; тѣ, которые по безграмотности и по честолюбію гнали арміи отъ Урала къ Волгѣ, забывъ о возможности краснаго контръ-наступленія и не учитывая усталости, раздѣтости, растрепанности армій; тѣ, которые по честолюбію не сумѣли во время оцѣнить обстановку, созданную переходомъ красныхъ въ наступленіе и продолжали цѣпляться за авоську, пожертвовавъ ради этого послѣдними и неготовыми для боя резервами.

Какъ бы увѣренно мы могли смотрѣть сейчасъ на будущее, если-бы въ тылу разстроенныхъ и катящихся на востокъ армій стояли достаточно подготовленные къ бою и маневру резервы Каппеля и Екатеринбургской группы, погубленные нашими горестратегами въ судорожныхъ потугахъ спасти завѣдомо безнадежное положеніе.

Винять Степанова въ несвоевременной подготовкѣ тыловыхъ резервовъ, забывая, что главная подготовка производится въ полѣ, и что полевыя занятія были невозможны въ Сибирскіе 40° морозы, при отсутствіи зимней одежды.

Въ тылу намъ надо немедленно приступить къ дѣловому, созидательному государственному строительству на началахъ широкаго мѣстнаго самоуправленія, возстановить законъ, возстановить исполнительные органы разрушеннаго государственнаго аппарата и твердой, чистой и полезной для населенія работой привлечь на свою сторону здоровые и законопослушные элементы мѣстнаго населенія, найдя въ немъ ту опору, безъ которой невозможенъ окончательный успѣхъ нашего дѣла.

Въ этомъ намъ нужна немедленная, благожелательная и чистая отъ всякихъ экивоковъ союзная помощь, и объ этомъ надо громко и откровенно заявить. Надо, не боясь ничьихъ криковъ, упрековъ и обвиненій, сказать, что намъ нужна нейтральная и спокойная сила, чтобы поддержать законность и порядокъ въ странѣ до того времени, пока мы создадимъ свои средства для этой цѣли; сейчасъ у насъ такихъ средствъ нѣтъ и въ этомъ огромная трудность нашего положенія; тѣ случайные и импровизированные суррогаты, которые мы пытаемся для этого примѣнять, только увеличиваютъ разруху и заставляютъ населеніе дѣлаться большевиками или сочувствующими любому режиму, кромѣ нашего.

Всѣ донесенія разныхъ усмирителей объ умиротвореніяхъ, ликвидаціяхъ и покорности — все это на три четверти ложь и обманъ, иногда и невольный. Несомнѣнно, что наружное спокойствіе кое-гдѣ и водворяется, но это спокойствіе кладбища или придавленное молчаніе стиснутой ненависти, ждущей только благопріятнаго случая, чтобы опять развернуться.

Для меня ясно, что безъ союзной помощи намъ уже не справиться съ тыломъ, даже если намъ и удастся выправить положеніе на фронтѣ. Говорилъ по этому поводу съ представителями союзниковъ, съ членами Совѣта Министровъ, съ заправилами Ставки и съ самимъ Адмираломъ; доказывалъ, что мы не въ состояніи своими силами охранить порядокъ, возстановить законъ, успокоить страну и дать ей возможность жить нормальной и здоровой жизнью; но на меня смотрятъ какъ на злую каркающую ворону и не хотятъ вдуматься въ тотъ горькій опытъ, который далъ намъ недавно законченный годъ правительственной и военной дѣятельности.

Я абсолютно противъ допуска союзныхъ войскъ на фронтъ; наши счеты съ красными мы сведемъ сами; союзная помощь нужна намъ только въ тылу, гдѣ мы безсильны справиться съ гнѣздящимся тамъ преступнымъ элементомъ, съ краснымъ и бѣлымъ большевизмомъ.

5 Іюля. На станціи Тайга пересѣлъ въ санитарный поѣздъ № 200, возвращающійся съ Дальняго Востока; съ этимъ поѣздомъ слѣдуетъ въ Омскъ Владивостокская офицерская организація генерала Волкова, предназначенная какъ кадръ для новыхъ формированій. Узналъ много невеселаго про формированіе единственной въ Приморьѣ 9 Сибирской дивизіи, возложенной на генерала Кордюкова, совершенно выжившаго изъ ума рамолисмена; говорятъ, что это нелѣпое назначеніе было сдѣлано по протекціи Флуга, въ дивизіи котораго Кордюковъ командовалъ бригадой. Видно, ничто не въ состояніи насъ вразумить, разъ мы въ такія тяжкія времена продолжаемъ раздавать отвѣтственныя мѣста по протекціи и по личнымъ симпатіямъ; немудрено, что, благодаря этому, вмѣсто войсковыхъ частей, мы получаемъ гноилища для солдатъ и офицеровъ; безумно и преступно собирать въ казармы еще неиспорченную молодежь, гдѣ всѣми деталями жизни и службы показывать всѣ отрицательныя стороны существующаго режима, въ исполненіи разнаго служилаго хлама.

Вмѣсто честности, примѣрнаго исполненія долга, заботливости объ ихъ нуждахъ и приверженности къ закону, солдаты видятъ физическую и нравственную грязь, лѣнь, халатность, недобросовѣстность, разгулъ, а очень часто и казнокрадство и хищенія.

Верхи даютъ примѣръ несенія службы, спустя рукава, только изъ подъ палки или ради отбытія постылаго наряда; на занятія офицеры ходятъ неаккуратно, заботы о подчиненныхъ никакой, снабженіе поставлено отвратительно, кормятъ плохо, причемъ не-

рѣдки случая открытыхъ злоупотребленій, хищеній и взятокъ чиновъ хозяйственной части.

Какъ быстро забыты всѣ горькіе уроки 1917 года! А, между тѣмъ, на Дальнемъ Востокѣ можно было создать очень хорошія войсковыя части, но только это дѣло надо было отдать въ надежныя, чистыя и знающія руки; тамъ имѣлась возможность подобрать хорошій составъ командировъ полковъ и старшихъ офицеровъ, которые могли бы намѣтить сразу надлежащій курсъ и возстановить старый сибирскій esprit du corps.

Зажиточное крестьянство, мало тронутое большевизмомъ, могло дать достаточное для одной дивизіи число хорошихъ новобранцевъ.

Но, когда все это дѣло попало въ лапы песьихъ мухъ типа Хрещатицкаго и Кордюкова, то уже этимъ оно было обречено на полный провалъ; при гнилыхъ верхахъ безсильны были помочь такіе старые офицеры, какъ Волковъ, Смирновъ, Круковскій, Шипуновъ, Тихобразовъ и другіе.

Теперь, какъ никогда, необходимо, чтобы всѣ начальники и офицеры были тѣмъ, что имъ указано въ регламентѣ Императора Петра Перваго, т. е. «первыми солдатами въ своей части», первыми — не только по правамъ, но по исполненію всѣхъ воинскихъ обязанностей. Авторитетъ и значеніе начальника держится на трехъ китахъ: довѣріи къ нему подчиненныхъ, уваженіи ихъ и любви. Довѣріе основывается на профессіональныхъ качествахъ и знаніяхъ начальника, на увѣренности подчиненныхъ, что начальникъ отлично знаетъ свое дѣло, всегда на чеку, всегда распорядится и всегда найдется и подчиненныхъ выведетъ и въ обиду и на поруху не дастъ. Уваженіе пріобрѣтается истовымъ, честнымъ и высокодобросовѣстнымъ исполненіемъ всѣхъ обязанностей, при всякой обстановкѣ, не считаясь съ личными тяготами, лишеніями и опасностями; такое исполненіе лучше, выше и дѣйствительнѣе всякихъ приказовъ и поученій.

Любовь пріобрѣтается заботами о подчиненныхъ, удовлетвореніемъ ихъ законныхъ нуждъ, защитой ихъ мелкихъ интересовъ и сознаніемъ подчиненныхъ, что ихъ нужды и дѣла для ихъ начальника выше его собственныхъ интересовъ.

Конечно, въ полномъ осуществленіи это недостижимые идеалы, но уже наличіе частичнаго удовлетворенія указанныхъ условій связываетъ начальника и подчиненныхъ невидимыми, но крѣпкими узами, дѣлаетъ часть прочной, устойчивой противъ всякой пропаганды и не разрушаемой случайными причинами.

Нашъ солдатъ очень нетребователенъ, очень отзывчивъ на законное и заботливое, — хотя бы и суровое по режиму, — обращеніе, всегда его помнитъ и воздаетъ за него сторицей; я это хорошо знаю по полкамъ 70 пѣхотной дивизіи.

6 Іюля. Слушаю разсказы Волкова про наши дальневосточныя дѣла и болитъ сердце стараго амурца, отдавшаго этому краю двадцать лучшихъ лѣтъ своей жизни; какъ все безнадежно изгажено, и къ какимъ печальнымъ результатамъ привели насъ увертливая и хлипкая дряблость Хорвата и держимордовы ухватки Иванова-Ринова, густо сдобренныя Семеновщиной, Калмыковщиной, политиканствомъ, спекуляціями, хищеніями и всевозможными злоупотребленіями.

Въ цѣломъ рядѣ печальныхъ очерковъ опять прошли передо мной фигуры увертливаго, но бездѣйственнаго Хорвата, его черезчуръ «веселаго» помощника Глухарева, изъ сѣрыхъ кардинальчиковъ, и мрачнаго властителя мѣстной контръ-развѣдки Арнольда, и цѣлой кучи шкурниковъ, бездѣльниковъ и сомнительныхъ авантюристовъ, присосавшихся къ Хорватовскому режиму.

Вновь пришлось слушать разсказы о звѣрствахъ калмыковскихъ палачей, о тайнахъ даурскихъ застѣнковъ и бронированныхъ поѣздовъ, о злоупотребленіяхъ съ военными поставками, о раздачѣ чинамъ Хорватовскаго антуража казенныхъ и военныхъ земель и о полномъ забытіи долга.

Разсказали о томъ, какъ и какіе порядки наводилъ Ивановъ-Риновъ, которому предоставили полную свободу распоряжаться и подавлять крамолу, и какъ сдѣлали пробольшевистскимъ весь Сучанскій и Ольгинскій районъ.

Вотъ, какіе люди творятъ великое дѣло возстановленія разрушенной государственной храмины! Говорятъ, что работа возстановленія трудна; несомнѣнно, это вѣрно, но все

дѣло въ томъ, что работа эта требуетъ сильныхъ, чистыхъ, способныхъ на подвигъ людей, а весь ужасъ въ томъ, что такихъ людей мало; что они разбросаны; что они скромны и не способны лѣзть къ власти, давя все на своемъ пути и не останавливаясь ни передъ чѣмъ для удовлетворенія своихъ жадныхъ и грязныхъ похотей.

Пожинаемъ плоды стараго режима, всего уклада нашей жизни, нашей школы, нашей государственной и военной службы, который ненавидѣлъ сильныхъ, самобытныхъ, неординарныхъ и вдумчивыхъ людей и безжалостно равнялъ ихъ подъ общій ранжиръ, а при сопротивленіи забивалъ въ общій уровень палкой, либо давилъ и вырывалъ съ корнемъ, какъ опасныя для государства плевелы.

Въ этомъ слѣпомъ истребленіи всего сильнаго и здороваго и положили начало нашему печальному настоящему; буйно сильнаго, сбившагося въ сторону, все равно не истребили и оно, вырвавшись теперь на свободу, чертитъ во всю и на красной, и на бѣлой сторонѣ; противодѣйствовать же всему этому нечѣмъ, ибо нѣтъ тѣхъ сильныхъ, которые возглавили бы, организовали и повели эту борьбу. Сѣяли мелочь, ну и пожали такую же мелочь.

Съ революціей и сопровождавшимъ ее нравственнымъ разваломъ и отпаденіемъ многихъ условностей, къ власти полѣзло все честолюбивое, жадное, дерзкое и въ сферѣ своихъ дерзаній сильное; полѣзло въ огромномъ большинствѣ случаевъ не для дѣла и подвига, а для кормленія и для упиванія всѣми благами власти, и, добравшись до завѣтной цѣли, наслаждается и роскошествуетъ во всю, перескочивъ всѣ границы и олицетворяя каждое въ своемъ кругѣ вѣдѣнія знаменитое «l'état c'est moi». Это мы видимъ въ сотняхъ примѣровъ, какъ у красныхъ, такъ и у насъ.

За дерзкими и жадными смѣльчаками потянулись и тѣ безликія мокрыя толпы, которыя привыкли жить службой или около нея и внѣ этой сферы не имѣютъ возможности существованія; большинство этихъ людей оголодало, многое пережило, многое потеряло, озлоблено, не вѣритъ уже никому и ничему, не вѣритъ въ будущее, жадно завидуетъ тѣмъ, кто добрался до жирныхъ верховъ и живетъ мечтами тоже когда-нибудь попасть въ число избранныхъ и тогда отплатить оставшимся внизу за все пережитое и вернуть съ лихвой все потерянное. Пока же тянетъ осточертѣлую лямку, потому что за это платятъ; тянетъ куда хуже, чѣмъ дѣлало прежде, ибо нажимъ требовательности какъ-то обмякъ, да и настоящаго контроля стало меньше.

Новая власть сосредоточилась къ центру, гдѣ условія жизни сноснѣе и безопаснѣе, и для населенія всего края — далека и безполезна; импульсъ власти доходитъ до населенія преимущественно въ видѣ разныхъ скорпіоновъ: налоговъ, повинностей, реквизицій, экзекуцій, мобилизацій и карательныхъ отрядовъ, причемъ часть этихъ скорпіоновъ обрушивается въ самыхъ грубыхъ, разбойничьихъ формахъ, обусловливаемыхъ качествами мѣстныхъ исполнителей.

Власть облеклась въ старыя и ветхія ризы, плетется по старой дорожкѣ и бубнитъ старыя, прокисшія и всѣмъ надоѣвшія слова. О томъ, что бурлитъ и клокочетъ въ самой гущѣ населенія, не думаютъ; пока, вѣдь, не каплетъ; зачѣмъ тревожить себя непріятными вопросами. Въ блаженномъ невѣдѣніи нѣкоторые небожители искренно увѣрены, что населеніе такъ ненавидитъ большевиковъ, что готово покорно сносить всѣ возлагаемые на него скорпіоны и славословить избавителей.

Много говорятъ о томъ, что среди населенія Сибири поднимается монархическое движеніе и что лозунгъ «давайте намъ назадъ Царя и урядника» становится все болѣе и болѣе популярнымъ; это очень возможно, но только подкладка тутъ не идейная, а самая практическая; изнеможенное всякими перевертіями населеніе, извѣрившись во всѣхъ видахъ новой власти и видя, что жизнь становится все хуже и невыносимѣе, вспомнило, что тогда жилось куда лучше, и жаждетъ этого стараго, какъ избавителя отъ всѣхъ прошедшихъ по его шеѣ и бокамъ экспериментаторовъ.

Колоссально велики и тяжелы задачи вовстановленія Россіи; нужно много людей для творческой работы и притомъ людей иного класса, иныхъ чѣмъ прежде служилыхъ качествъ. Мало видно такихъ людей, и я понимаю отчаяніе Верховнаго Правителя, когда онъ кричитъ, что ему не на кого опереться.

7 Іюля. На всѣхъ большихъ станціяхъ стоятъ и благоденствуютъ чешскіе эшелоны; устроились они отлично, поставивъ свои вагоны въ лѣсахъ и рощахъ на особо проложенныхъ тупикахъ; все красиво убрано и разукрашено; кругомъ идеальная чистота; временами видно, какъ нѣмецкіе плѣнные въ чистыхъ передникахъ и колпакахъ готовятъ для своихъ бывшихъ вассаловъ пищу въ ослѣпительно опрятныхъ и блистающихъ полированной мѣдью кухняхъ.

Щеголевато одѣтые чехи, жирные и гладкіе, важно гуляютъ по платформамъ. Обидно смотрѣть на наши новенькіе вагоны въ 3000 пудовъ грузоподъемности, захваченные чехами подъ жилье; въ вагонахъ выломаны стѣнки, сдѣланы окна и двери; временные хозяева съ русскимъ добромъ не церемонятся.

Въ Ново-Николаевскѣ къ нашему поѣзду прицѣпили вагоны съ маршевой ротой, изъ которой на перегонъ до Татарской дезертировало 22 человѣка; недалеко уже до того, что было въ послѣднее время на нѣмецкомъ фронтѣ, когда маршевыя роты приходили къ намъ въ составѣ кадровыхъ унтеръ-офицеровъ и списковъ поголовно бѣжавшихъ по пути солдатъ.

Безсовѣстно отправлять на нашъ и безъ того жидкій фронтъ такія пополненія, воображая, что этимъ усиливаютъ ряды частей; достаточно взглянуть на этихъ людей, чтобы видѣть, что это не солдаты, хотя бы и очень сырые, а просто деревенскіе парни, одѣтые въ военную форму, и недовольные (а частью и озлобленные), что ихъ взяли изъ дому и теперь везутъ на какую-то войну.

Творится великая глупость въ отправленіи на фронтѣ этой больной молодежи, не имѣющей понятія о дисциплинѣ и объ обязанностяхъ солдата. Я не разъ говорилъ по этому поводу съ новыми распорядителями организаціоннаго отдѣла Ставки полковниками Антоновичемъ и Осиповымъ, которые отвѣчали, что вполнѣ со мной согласны, но что Лебедевъ требуетъ отправки пополненій во что бы то ни стало, и имъ приходится хватать и отправлять все, что только числится по отчетности подъ рубрикой маршевыхъ ротъ и пополненій.

8 Іюля. Вернулся въ Омскъ отдохнувъ, и съ новымъ рвеніемъ взялся за дѣло. Обрадованъ возможностью реальнаго осуществленія моего стараго Харбинскаго проекта о привлеченіи благонадежнаго городского населенія къ отбыванію карауловъ и мелкихъ нарядовъ гарнизонной службы. Я увѣренъ, что успѣшное осуществленіе этого проекта принесетъ серьезную помощь арміи; прежде всего, это сниметъ съ войскъ удручающую ихъ караульную службу и дастъ возможность начать планомѣрныя строевыя и полевыя запятія; сейчасъ, напр., формируемые полки 11, 12 и 13 Сиб. дивизій черезъ день ходятъ въ гарнизонный нарядъ, что лишаетъ всякой возможности вести правильныя занятія съ людьми; затѣмъ караульная служба въ такихъ размѣрахъ развращаетъ молодыя войска, т. к. солдаты слишкомъ долго и часто находятся безъ надзора и, при отсутствіи строгаго контроля, несутъ караульную службу очень небрежно.

По надежности охраны обывательскія команды будутъ много лучше воинскихъ карауловъ современнаго состава. Затѣмъ, чрезвычайно важно то обстоятельство, что, пройдя краткую воинскую подготовку, исполняя разные наряды, пріучаясь активно работать въ интересахъ сохраненія государственнаго и общественнаго порядковъ, наша разрозненная обывательщина невольно сплотится, обратится постепенно въ организованную силу, пріучится владѣть оружіемъ, пріучится дѣйствовать сообща; такія окрѣпшія организаціи не позволятъ уже кучкѣ большевиковъ и хулигановъ ѣздить на себѣ верхомъ.

Мой проектъ понравился мѣстному командующему войсками генералу Матковскому и онъ съ свойственной ему бурной стремительностью принялся за его осуществленіе.

На фронтѣ мы потеряли Пермь и Кунгуръ; началась экстренная эвакуація Екатеринбурга и Челябинска, т. е. то, что надо было сдѣлать мѣсяцъ тому назадъ. При спѣшномъ отходѣ мы потеряли и продолжаемъ терять огромные запасы разнаго снабженія, кѣмъ то скопленные и маринуемые; свидѣтели Уфимской эвакуаціи разсказывали мнѣ, какъ негодовали войска, видя, какъ жгли запасы такого снабженія, котораго они давно не видѣли и получить которое тщетно добивались. Недавно я получилъ свѣдѣнія о наличіи

только части армейскихъ вещевыхъ магазиновъ и оказалось, что маринуемыми въ нихъ запасами бѣлья можно было снабдить четыре дивизіи полнаго состава.

Вина въ поздней эвакуаціи ложится всецѣло на Ставку и на штабъ Сибирской арміи, которые скрывали правду, ждали какого то чуда и не озаботились своевременной эвакуаціей. Я двѣ недѣли тому назадъ приказалъ прекратить подвозъ запасовъ въ армейскіе магазины и приказалъ вывозить съ базъ то, что было въ моемъ распоряженіи; къ сожалѣнію, усиленный подвозъ на фронтъ укомплектованій и гонянье взадъ и впередъ экстренныхъ поѣздовъ не позволили сдѣлать что нибудь существенное по части массоваго вывоза.

Единственный свѣтлый просвѣтъ на нашемъ мрачномъ небѣ въ томъ, что Деникинъ все глубже и рѣшительнѣе вгрызается вглубь большевистскаго фронта.

Полученныя мной свѣдѣнія о безобразіяхъ, имѣвшихъ мѣсто при Уфимской эвакуаціи, подтверждены произведеннымъ слѣдствіемъ; обнаруженные слѣдствіемъ виновные, въ томъ числѣ четыре интенданта, предаются военно-полевому суду.

Не везетъ адмиралу по части ближайшаго антуража; онъ взялъ къ себѣ личнымъ адъютантомъ ротмистра Князева, который дивитъ кутящій Омскъ своими пьяными безобразіями; много хуже это то, что этотъ гусь злоупотребляетъ своимъ положеніемъ и позволяетъ себѣ разныя распоряженія именемъ адмирала.

9 Іюля. Идетъ стихійная эвакуація Урала; министерство Путей Сообщенія, дорожное управленіе и всѣ желѣзнодорожники работаютъ молодцами и справляются съ самыми невѣроятными трудностями.

Всѣ заказы обоза, походныхъ кухонь, артиллеріи, запасныхъ частей, теплой одежды и обуви, размѣщенные на Уралѣ, нами потеряны, а въ тылу заказовъ дано очень мало, да и то больше за послѣднее время; весной всѣ были упоены успѣхами, стремились за Волгу и не обезпечили себя отъ случайностей.

Приказалъ всемѣрно развить тыловое производство, причемъ, не надѣясь на Министерство Снабженій, рѣшилъ своевольничать и поручилъ своимъ начальникамъ главныхъ управленій работать по этой части самостоятельно, за моей отвѣтственностью.

Получилъ полныя перечневыя вѣдомости армейскихъ магазиновъ; понадобились пять недѣль напряженной переписки, чтобы вытащить отъ армій эти свѣдѣнія. Данныя вѣдомостей показали, что въ этихъ магазинахъ разбросано столько обмундированія и снаряженія, что имъ можно одѣть всѣ боевыя части; по имѣющимся же у меня негласнымъ свѣдѣніямъ въ вагонныхъ эшелонахъ нѣкоторыхъ начхозовъ кроются еще болѣе крупные склады разнаго снабженія; повторяется то, что угнетало нашу армію въ 90 годахъ и противъ чего началъ борьбу Драгомировъ, т. е. безумное накопленіе имущества въ складахъ при раздѣтыхъ и оборванныхъ солдатахъ.

Передалъ всѣ эти данныя Ставкѣ и Дитерихсу; долблю ихъ просьбами повліять на упорядоченіе снабженій, хотя понимаю, что при томъ хаосѣ, который упрочился по этой части въ арміяхъ и при той суматохѣ, которая внесена сейчасъ стремительнымъ откатомъ на востокъ и стихійной эвакуаціей, сейчасъ сдѣлать что нибудь серьезное уже поздно. Придется подождать, пока передышка на фронтѣ позволитъ Дитерихсу заняться организаціонными реформами.

10 Іюля. Огорченъ неудачей моего проекта о возстановленіи въ частяхъ судовъ чести смѣшаннаго состава; я считалъ, что сейчасъ это единственное средство положить предѣлъ тому нравственному разложенію, которое внесено въ военную среду общимъ развaломъ; говорилъ по этому вопросу съ Бурлинымъ, отнесшимся сочувственно, но ставочные юристы и крючки застопорили все дѣло подъ предлогомъ, что сейчасъ въ частяхъ очень мало офицеровъ, которые по старымъ законамъ имѣютъ право быть членами суда общества офицеровъ. Ну, какъ не придти въ отчаяніе отъ такого бумажнаго и крючкотворнаго отношенія къ живому дѣлу.

Поднялъ вопросъ о томъ, чтобы офицерское экономическое общество отказалось отъ даннаго ему Ставкой преимущественнаго права реквизиціи спекулятивныхъ грузовъ; надо беречь офицерское имя отъ всякихъ нареканій, особенно опасныхъ въ такомъ темномъ дѣлѣ, какъ насильственная реквизиція и конфискація частныхъ грузовъ. Уже и

теперь купцы и спекулянты, напуганные учрежденіемъ контрольныхъ надъ грузами комиссій, шипятъ, что «голоштанные офицеришки хватаютъ беззаконно наши товары и оставляютъ бѣдныхъ обывателей босыми и голыми, а себѣ набиваютъ карманы дивидендами» (подлинное выраженіе одного изъ заправилъ Ново-Николаевскаго биржевого комитета).

Обвиненіе гнусное, провокаціонное, подсказанное жадностью, но хлесткое, ходкое и вредное.

Ввиду упорства Правленія Общества въ сохраненіи за собой этого права, пришлось пригрозить, что тогда я офиціально верну въ общество свой членскій билетъ и откажусь отъ званія члена, и только этимъ путемъ добиться желательнаго результата.

По Ставкѣ бродитъ прибывшій отъ Деникина генералъ Карцевъ, для котораго выдумали какую-то экзотическую командировку съ грамотой къ Таранчамъ и въ Кульджу; непонятны эти гастрольныя поѣздки, повидимому, нигдѣ ненужныхъ персонажей.

Лебедевъ опять собрался на фронтъ; ему нѣтъ дѣла, что дорога перегружена эвакуаціей, и что, идя навстрѣчу эвакуаціонному потоку на одноколейномъ участкѣ, онъ приноситъ существенный вредъ ея успѣху; для него составляли поѣздъ и его прислугѣ понравился вагонъ, занятый офицерами управленія Дежурнаго Генерала Ставки; немедленно комендантъ Ставки приказалъ офицерамъ очистить вагонъ и искать себѣ помѣщенія; въ результатѣ начальническіе холуи сѣли въ классный вагонъ, а отвѣтственные работники Ставки отправились искать себѣ пріюта. Ругаютъ старые порядки, а вѣдь при нихъ такія мерзости были даже немыслимы.

Адмиралъ такъ и не можетъ понять нелѣпости постоянныхъ поѣздокъ своего наштаверха на фронтъ, гдѣ онъ никому и ни для чего не нуженъ, и гдѣ, кромѣ путаницы въ распоряженіяхъ и задержки въ движеніи поѣздовъ, онъ ничего не дѣлаетъ.

Сейчасъ, напримѣръ, прямо преступно лѣзть съ своимъ поѣздомъ на фронтъ, когда отъ Екатеринбурга и Челябинска тянутся къ Омску сплошныя ленты эвакуируемыхъ составовъ и эшелоновъ, и движеніе навстрѣчу имъ экстреннаго поѣзда остановитъ все движеніе. Но, очевидно, нашъ вундернаштаверхъ считаетъ, что какая-то эвакуація это пара пустяковъ сравнительно съ чудодѣйственнымъ вліяніемъ его появленія въ штабѣ какой-нибудь арміи.

Былъ съ докладомъ у Адмирала; наконецъ то онъ на цифрахъ и непреложныхъ документахъ убѣдился, что все, что я ему докладывалъ о хаотичности снабженія въ арміяхъ и о расхищеніи посылаемыхъ туда запасовъ, было правдой.

Передъ его послѣдней поѣздкой на фронтъ я далъ ему всѣ необходимые матерьялы и указанія, что и гдѣ провѣрить; онъ кое-что провѣрилъ самъ, остальное поручилъ провѣрить, вернулся очень удрученный, и сегодня просилъ составить ему схему того, что надо сдѣлать для срочнаго устраненія всѣхъ недостатковъ.

Въ Ставкѣ говорятъ, что рѣшено создать Уральскій фронтъ изъ 4 армій и назначить Главнокомандующимъ генерала Дитерихса, которому пока подчинены только Сибирская и Западная арміи. Но тогда надо упразднить современную Ставку, обративъ ее въ то, чѣмъ она была въ большую войну въ первое время, когда Верховнымъ Главнокомандующимъ былъ Великій Князь Николай Николаевичъ.

Ставка должна быть маленькой, но заниматься большими дѣлами; фронтъ надо предоставить Главнокомандующему, а тылъ Военному Министру. Ставка, помимо общей стратегіи, должна дѣлать большую политику и ставить ей опредѣленныя задачи, не допуская засилія такихъ дипломатическихъ младенцевъ, какъ Иванъ Ивановичъ Сукинъ, (подъ Ставкой разумѣю, конечно, настоящую Ставку, а не уродливую лавочку стратегическаго младенца Лебедева).

Я совершенно не знаю Дитерихса; командуя чешскими войсками, онъ совершенно отрекся отъ званія русскаго генерала и велъ себя, какъ чехъ, а не какъ русскій; но у него достаточный служебный стажъ; онъ достаточно поболтался на теперешнемъ фронтѣ и знаетъ главные тамъ персонажи, ихъ достоинства и недостатки; кромѣ того, онъ понимаетъ, что нельзя вести войну при той кашеобразной организаціи, въ которой находится

сейчасъ фронтъ, и съ тѣмъ хаосомъ, въ которомъ состоитъ тылъ и система довольствія и снабженія; говорятъ, что онъ сторонникъ рѣшительныхъ и коренныхъ реформъ.

Ставка въ судорожныхъ попыткахъ измѣнить положеніе фронта хватаетъ все, что осталось изъ подобія войсковыхъ частей въ тылу, и бросаетъ это впередъ; при этомъ обнажаются очень безпокойные и опасные районы, что можетъ окончиться очень печально. Какъ ни сыры остающіяся въ тыловыхъ округахъ части, но онѣ кое какъ охраняютъ порядокъ; съ ихъ уводомъ можно получить въ тылахъ такіе пожары, которые смогутъ спалить и самый Омскъ.

Вечеромъ былъ въ засѣданіи Совѣта Министровъ, на которомъ было рѣшено упразднить должность Верховнаго Уполномоченнаго на Дальнемъ Востокѣ; уклоненіе Хорвата отъ пріѣзда въ Омскъ сыграло для него скверную роль. Результаты всей его дѣятельности и подборъ сотрудниковъ привели къ тому, что, при обсужденіи вопроса объ упраздненіи, одинъ только Уструговъ пытался его защищать, да и то не особенно рѣшительно.

Сейчасъ эта смѣна уже запоздала и едва ли способна исправить положеніе Дальняго Востока. Думается, что въ общемъ итогѣ неудачъ Хорвата виноватъ и Омскъ; послѣднему надо было дать своему Верховному Уполномоченному твердыя и ясныя директивы, поставить опредѣленныя задачи. Этого сдѣлано не было; здѣсь только учитывали Хорватовскія ошибки, заносили въ черную книжку его вольные и невольные грѣхи, а потомъ сразу подвели итоги . . . и прикончили.

Это очень мелкая политика и плохая государственность.

Затѣмъ Омскъ очень виноватъ тѣмъ, что, опасаясь интриги и честолюбія Иванова-Ринова, онъ спустилъ его на Дальній Востокъ, подсунувъ въ помощники Хорвату по военной части; это не только мелкая, приходская, но и подлая политика.

Когда вопросъ объ упраздненіи должности Верховнаго Уполномоченнаго былъ рѣшенъ положительно, то возникъ вопросъ, какъ же быть дальше съ управленіемъ на Дальнемъ Востокѣ. Я высказалъ, что по моему никакое законное управленіе тамъ не возможно до тѣхъ поръ, пока тамъ сидятъ атаманы, парализующіе всякую власть; въ общемъ же я считаю необходимымъ уничтожить искусственное и давно уже отжившее соединеніе трехъ областей Дальняго Востока въ одно общее и вернуть ихъ къ самостоятельному управленію черезъ управляющихъ областями. Это только облегчитъ работу мѣстной администраціи. Всѣ же войска Дальняго Востока надо подчинить дѣльному и энергичному генералу, способному сначала ужиться съ атаманами, а потомъ и свернуть имъ головы; для послѣдней цѣли такому командующему надо дать реальную силу и самую рѣшительную дипломатическую помощь.

Приамурское Генералъ-Губернаторство отжило свой смыслъ уже давно и держалось только рутиной; тѣмъ болѣе оно не нужно теперь, когда условія общей разрухи требуютъ наивозможно широкой децентрализаціи власти и приближенія послѣдней къ населенію.

Пепеляевъ и Бурлинъ предложили мою кандидатуру на Дальній Востокъ, но я съ сожалѣніемъ отказался, такъ какъ не въ состояніи служить параллельно съ такими личностями, какъ Семеновъ, Калмыковъ и Ко; средствъ, чтобы немедленно ихъ сломать, мнѣ дать не могутъ, а тогда мое назначеніе будетъ безсмысленнымъ, ибо приведетъ къ безцѣльной междоусобицѣ и еще болѣе осложнитъ и безъ того довольно мрачное положеніе Дальняго Востока.

Не будь этого, я съ радостью и какъ награду принялъ бы такое назначеніе и поѣхалъ бы поработать для края, въ которомъ протекла вся моя служба.

Сейчасъ надо искать для Дальняго Востока такого кандидата, назначеніе котораго не вызвало бы новаго бунта тамошнихъ атамановъ, и который импонировалъ бы своей служебной и боевой репутаціей.

Мое предложеніе объ упраздненіи объединенія областей Дальняго Востока Совѣтомъ Министровъ принято; рѣшено сохранить только общаго командующаго войсками.

Однимъ изъ подходящихъ кандидатовъ на должность командующаго войсками по моему здѣсь является генералъ Рычковъ, но на него набросился почему-то Дитерихсъ, взвелъ на него какія-то нелѣпыя обвиненія, отрѣшилъ его отъ должности начальника

снабженій Сибирской арміи и назначилъ надъ нимъ слѣдствіе. Зная Рычкова давно, я убѣжденъ, что все это какое-то недоразумѣніе, но до его разъясненія невозможно поднимать вопросъ о такой кандидатурѣ.

Очень сильно хочетъ пролѣзть на это мѣсто Хрещатицкій, но тогда это было бы гибелью всего дѣла.

12 Іюля. Фронтъ совершенно развалился; многія части перестали исполнять приказанія и безъ всякаго боя, не видя по. нѣсколько дней противника, уходятъ на востокъ, обирая населеніе, отнимая у него лошадей, подводы и фуражъ.

Хаотическая система снабженій, не способная справиться съ этимъ дѣломъ при стояніи на мѣстѣ, лопнула какъ мыльный пузырь, какъ только начался ускоренный отходъ; весь плохенькій аппаратъ сразу развалился; его составныя части и хозяйственныя учрежденія ошалѣло бросились на востокъ, спасая свои семьи и бебехи и забывъ про свои части и про свои обязанности.

Немудрено, что брошенныя части стали продовольствоваться мѣстными средствами со всѣми эксцессами и уродливостями, неизбѣжными въ плохо сколоченныхъ, мало дисциплинированныхъ и распущенныхъ воинскихъ частяхъ.

Наладить все это дѣло сейчасъ безумно трудно и, быть можетъ, едва ли даже возможно; все, что было годнаго въ старомъ аппаратѣ, разсыпалось и неизвѣстно даже, гдѣ находится; кромѣ того, нѣтъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ людей, нѣтъ свободныхъ запасовъ, транспортъ и желѣзныя дороги обращены въ смятку.

13 Іюля. Самые благіе проекты разбиваются о нашу лѣнь и косность; нѣсколько времени тому назадъ, въ отвѣтъ на жалобы Министра Народнаго Просвѣщенія на занятіе штабами и войсками всѣхъ зданій гимназій, училищъ и школъ, я предложилъ ему дать въ распоряженіе его министерства деньги, матерьялы и наряды на вагоны съ тѣмъ, чтобы оно своимъ распоряженіемъ построило бараки, равные по площади занятымъ нами помѣщеніямъ, использовавъ для наблюденія за работами многочисленный контингентъ разныхъ директоровъ, инспекторовъ, учителей, техниковъ и пр., состоящихъ при министерствѣ на положеніи бѣженцевъ и ничего не дѣлающихъ.

Я гарантировалъ, что когда бараки будутъ готовы, то мы переведемъ въ нихъ свои учрежденія, а школьныя зданія вернемъ министерству.

Мое предложеніе приняли съ шумной радостью, прислали ко мнѣ депутацію родителей благодарить, но, когда я вчера послалъ посмотрѣть, что сдѣлано для исполненія, то оказалось, что пока занимаются одной болтовней и ничего реальнаго до сихъ поръ не сдѣлано.

Идетъ стремительная эвакуація Урала. Омскъ, несмотря на самыя грозныя воспрещенія, переполненъ уральскими бѣженцами, которые своими паническими разсказами значительно ухудшаютъ и безъ того скверное настроеніе перепуганнаго населенія; особенно паническія сплетни расползаются изъ союзныхъ миссій (французской par excellence) и изъ канцеляріи Совѣта Министровъ, при которой болтается порядочная стайка разныхъ балбесовъ.

Вотъ, гдѣ хорошее поле дѣятельности для дѣльной и здоровой контръ-развѣдки; ей очень нетрудно поймать съ поличнымъ парочку — другую высокопоставленныхъ сплетниковъ для наказанія ихъ примѣрнымъ образомъ, такъ какъ распространяемая этимъ путемъ ерунда очень вредно отражается на общемъ настроеніи. Не мало сплетенъ выходитъ и изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ приписано нѣсколько флиртующихъ дамъ, дѣвицъ и молодыхъ людей, занимающихся въ рабочіе часы dance'ами, а затѣмъ шушуканіемъ и сплетнями.

Вся эта шушера жаждетъ показать важность и довѣренность своего при-положенія, всѣми кончиками своихъ юркихъ ушей ловитъ проходящіе мимо обрывки фразъ, выуживаетъ изъ переписки наиболѣе благодарный для распространенія матерьялъ, обрабатываетъ все это въ своей фантазіи, и затѣмъ таинственно, конфиденціально, подъ великимъ секретомъ растаскиваетъ по городу на хвостахъ своихъ юбокъ и на фалдочкахъ пиджаковъ и френчей.

Разсказываютъ, что атаманъ уральскаго войска, истощивъ всѣ средства борьбы со сплетней и ея распространителями, отдалъ распоряженіе о примѣненіи къ уличеннымъ въ распространеніи ложныхъ слуховъ публичнаго тѣлеснаго наказанія, и что послѣ первыхъ случаевъ его примѣненія сплетники онѣмѣли или поспѣшили уѣхать изъ столь непріятныхъ мѣстъ.

Успѣху сплетни немало способствуетъ то, что Ставка и ея освѣдомительные органы упрямо и упорно гримируютъ правду, не понимая, очевидно, что не можетъ быть ничего глупѣе и враднѣе такой страусовой политики. Говорилъ по этому вопросу съ Бурлинымъ, который оказался со мной согласнымъ, но безсильнымъ помочь.

Вся атмосфера нашего освѣдомленія пропитана неискренностью, фальшью, ходулями, желаніемъ все замазать и представить въ розовомъ свѣтѣ; всѣ многочисленные органы освѣдомленія: огромное освѣдомительное управленіе Ставки, нѣсколько комитетовъ и отдѣловъ, платныя Р. Т. А. и газеты полны тѣмъ же духомъ и воспріяли худшія стороны старой казенной и купленной печати съ ея привычками славословить власть, покрывать ошибки, прятать правду и пр. и пр.

Этимъ думаютъ поднять настроеніе; какое вредное и опасное заблужденіе!

Слѣдовало бы придерживаться системы Ставки временъ Великаго Князя Николая Николаевича, когда вся Россія знала, что офиціальныя сообщенія Ставки - правда и очень это цѣнила. Теперь же, несмотря на работу цѣлой кучи освѣдомительныхъ, замазывательныхъ и обѣлительныхъ органовъ, нашимъ офиціальнымъ сообщеніямъ никто не вѣритъ, и поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что встревоженный совершающимися событіями обыватель пытается найти правду на сторонѣ и дѣлается легкой жертвой сплетниковъ и фабрикаторовъ новостей и сенсацій.

Отлично работаютъ желѣзныя дороги, исполняя въ самой трудной обстановкѣ грандіозную задачу импровизированной эвакуаціи Урала; какое счастье было бы, если бы и остальные отдѣлы государственнаго и военнаго аппарата работали такъ же умѣло и старательно.

Въ сферѣ адмиральскаго антуража родилась совершенно нелѣпая мысль создать Верховнаго Санитарнаго Начальника по типу знаменитаго Сумбуръ-Паши Принца Ольденбургскаго, причемъ на эту должность выдвигаютъ только что пріѣхавшаго изъ Америки контръ-адмирала Рихтера. Повидимому, здѣсь не безъ участія разныхъ благотворительныхъ и милосердныхъ дамъ, занявшихся помощью раненымъ и недовольныхъ существующими у насъ санитарными порядками.

Дѣйствительно, санитарная часть поставлена у насъ очень плохо, а кое гдѣ и кое въ чемъ даже ниже всякой критики; ея недостатки и вопіющія прорѣхи бросаются всѣмъ въ глаза, вызываютъ массу разговоровъ, негодованій, и, къ сожалѣнію, дѣлаются матерьяломъ для честолюбивыхъ крикуновъ и любителей размазывать ошибки и недостатки всякой правительственной работы.

Все это усилилось и стало особенно острымъ за послѣднее время, когда неожиданная и катастрофическая эвакуація фронтоваго тыла выбросила къ намъ десятки тысячъ раненыхъ и тифознобольныхъ, причемъ Омскій районъ оказался совершенно неготовымъ для ихъ принятія.

Но зло стали искать не тамъ, гдѣ слѣдовало, стали все валить на систему и забыли объ ея исполнителяхъ-людяхъ. Это коренная ошибка Омскихъ верховъ: ихъ неопытность, неумѣнье разбираться въ фактахъ, событіяхъ, причинахъ и слѣдствіяхъ во время, заставляетъ ихъ искать объясненія разныхъ неудачъ въ недостаткахъ системъ и организацій и совершенно упускать изъ вида людей, ихъ незнаніе, ихъ неопытность, лѣнь, небрежность, недобросовѣстность, потерю служебной работоспособности, ослабленіе контроля и пр. и пр. Все время повторяется Крыловская басня о мартышкѣ и очкахъ.

Надо прежде всего подтянуть людей и рѣшительными мѣрами поднять уровень добросовѣстности въ исполненіи обязанностей, а вмѣсто этого ищутъ исцѣленія въ надстройкѣ еще одного этажа къ громоздкой, скрипящей и плохо работающей системѣ.

Централизація сейчасъ чрезвычайно вредна, ибо беретъ отъ живого дѣла и безъ того малочисленныхъ работниковъ, вноситъ новые скрипучіе этапы въ медленно оборачивающійся механизмъ.

Дѣло помощи больнымъ и раненымъ было всегда трудно, и мы это видѣли въ прошлую войну при напряженіи всѣхъ средствъ страны и при весьма благопріятной обстановкѣ. Что же можно требовать теперь при нашемъ нищенствѣ и общей разрухѣ?

Достаточно посмотрѣть десятокъ разныхъ госпиталей и нѣсколько санитарныхъ поѣздовъ для того, чтобы убѣдиться, что очень многое зависитъ отъ людей, а не отъ системы; тамъ, гдѣ во главѣ санитарнаго учрежденія стоятъ дѣльныя, энергичныя и добросовѣстныя лица, тамъ и чистота и порядокъ, и рваное, но чистое бѣлье, и приличная пища, и хорошій уходъ; тамъ же, гдѣ врачи заняты частной практикой, больны лѣнью и недобросовѣстностью, или, какъ въ нѣкоторыхъ санитарныхъ поѣздахъ, увлечены торговлей, провозомъ контрабанды и спекуляціей — тамъ грязь, безпорядокъ и мерзость.

Наши медицинскія средства очень бѣдны; мы не въ состояніи дать госпиталямъ нѣкоторыхъ медикаментовъ и приборовъ, но мы всегда въ состояніи дать больнымъ и раненымъ то, что зависитъ отъ людей, то-есть работу, хорошій уходъ, чистоту помѣщеній, приличную пищу; для этого нужно, чтобы старшее начальство думало объ этомъ и «безпокоилось», а подчиненные честно и добросовѣстно несли свои обязанности, какъ бы ни тяжела была обстановка.

Несомнѣнно, что все это безумно трудно, такъ какъ никто не хочетъ идти на тяжелую и грязную работу санитаровъ и госпитальной прислуги; много дамъ болтаютъ языкомъ и любятъ наряжаться въ эфектные костюмы сестеръ милосердія, а въ госпиталяхъ $^{3}/_{4}$ вакансій сестеръ не заняты и двумъ приходится работать за десятерыхъ. Вопіютъ о недостаткѣ бѣлья, а когда объявили сборъ бѣлья, то вся Сибирь дала нѣсколько десятковъ тысячъ комплектовъ, преимущественно рванья, разсыпавшагося при первой мойкѣ.

Нужно устранить эти существенные мелкіе недочеты, а не искать какой-то панацеи въ лицѣ новаго санитарнаго диктатора, который выпуститъ нѣсколько приказовъ, которыхъ никто не исполнитъ, и разведетъ новую отчетность и переписку. Вѣдь никакой диктаторъ не родитъ недостающихъ докторовъ и фельдшеровъ, не создастъ добросовѣстныхъ санитаровъ и не уговоритъ критикующихъ дамъ поступить санитарками, прибирать комнаты, мыть полы, чинить бѣлье и исполнять всю мелкую, но существенно важную для больныхъ работу.

Все валятъ на систему, закрывая глаза на то, что сами возглавили санитарно эвакуаціонное Управленіе полковникомъ Дурново, бывшимъ предводителемъ дворянства, очень благовоспитаннымъ и порядочнымъ человѣкомъ, но полнымъ профаномъ въ этомъ спеціальномъ дѣлѣ, чуждымъ всякой практической дѣятельности. Онъ очень добросовѣстно ведетъ все дѣлопроизводство, сообщаетъ статистику, отдаетъ распоряженія, но безсиленъ встряхнуть санитарный составъ, провести мелкія организаціонныя реформы и устранить, разъѣдающіе санитарное устройство и службу, дефекты.

Намъ не подъ силу тягаться съ больницами Американскаго Краснаго Креста и съ санитарными поѣздами чехословаковъ, но мы можемъ и обязаны добиться, чтобы въ лечебныхъ заведеніяхъ было чисто; чтобы у больныхъ были койки и чистое бѣлье; чтобы больныхъ кормили и чтобы за ними былъ надлежащій санитарный и медицинскій уходъ.

Чтобы встряхнуть госпиталя, слѣдуетъ возстановить институтъ добровольныхъ инспекторовъ военноврачебныхъ заведеній, созданный Принцемъ Ольденбургскимъ въ 1915 году, привлекшій въ эту добровольную и безплатную службу многихъ общественныхъ дѣятелей и отставныхъ военныхъ и сыгравшій серьезную роль въ дѣлѣ упорядоченія санитарнаго благосостоянія нашихъ тыловыхъ госпиталей.

Абсурдность проекта усугубляется предназначеніемъ на должность новаго санитарнаго диктатора моряка, ничего не понимающаго въ санитарномъ дѣлѣ и не знающаго ни нашихъ условій, ни нашихъ сухопутныхъ законовъ. Говорятъ, что онъ когда-то очень отличился тѣмъ, что, не считаясь съ рѣшеніемъ Адмиралтействъ Совѣта, заказалъ для своего отряда какія-то каски, и за это пріобрѣлъ репутацію очень рѣшительнаго

человѣка; на мелкомъ горизонтѣ нашего морского вѣдомства нужно очень немного, чтобы и безъ драки попасть въ большие забіяки.

Адмиралъ спрашивалъ, не соглашусь ли я принять назначеніе на Дальній Востокъ, на что я отвѣтилъ, что при наличіи атамановъ мое назначеніе будетъ совершенно безцѣльнымъ, такъ какъ первымъ моимъ шагомъ будетъ попытка свернуть имъ головы, чего мнѣ не позволятъ сдѣлать японцы, такъ что кромѣ лишняго конфликта и новаго осложненія атаманской саркомы ничего не получится.

14 Іюля. Челябинскъ, совершенно неожиданно, попалъ въ угрожаемое положеніе; еще третьяго дня генералъ-квартирмейстеръ Ставки, на мой вопросъ о безопасности Челябинскаго Узла, отвѣтилъ гарантіей этой безопасности на полторы двѣ недѣли, а сегодня все рѣзко измѣнилось.

У Киштымскаго завода случилась какая-то неустойка и остатки западной арміи сразу откатились къ Челябинску, обнаживъ послѣднее желѣзнодорожное сообщеніе съ южной арміей генерала Бѣлова. Я еще двѣ недѣли тому назадъ отправилъ этой арміи нѣсколько поѣздовъ со снабженіемъ и теплой одеждой, но боюсь, что хозяйничающее на желѣзной дорогѣ Челябинскъ—Омскъ управленіе военныхъ сообщеній западной арміи, могло ихъ гдѣ-нибудь задержать.

Узналъ по секрету, что Лебедевъ вырвалъ у адмирала согласіе передвинуть поближе къ фронту резервныя дивизіи Омскаго военнаго округа подъ предлогомъ того, что тамъ они будутъ свободны отъ карауловъ и скорѣе окончатъ полевую подготовку; говорятъ, что дивизіи отправлены подъ гарантіей честнаго слова, что онѣ не будутъ пущены въ бой ранѣе середины или конца Августа. Сейчасъ идетъ спѣшное снабженіе этихъ совершенно неготовыхъ для боя дивизій обозомъ, пулеметами, средствами связи.

Гайда съ особымъ поѣздомъ отбылъ въ заграничный отпускъ, получивъ отъ адмирала 70.000 франковъ золотомъ. Его хотѣли отправить обычнымъ пассажиромъ экспресса, но онъ заартачился; создался цѣлый конфликтъ, въ который вмѣшался Дутовъ, и въ концѣ концовъ Омскъ скисъ и разрѣшилъ Гайдѣ ѣхать своимъ поѣздомъ и со своимъ конвоемъ. Злые языки говорятъ, что вся собака зарыта въ томъ, что вагоны Гайды нафаршированы золотомъ, платиной и уральско-сибирскими сувенирами, которые невозможно и небезопасно везти прямо въ экспрессѣ, да еще и съ проѣздомъ мимо Семенова, у котораго на счетъ мимоѣдущихъ цѣнностей особый нюхъ для учуянія и станція Даурія для освобожденія владѣльцевъ отъ этихъ цѣнностей.

Знающіе Гайду говорятъ, что онъ не проститъ адмиралу своей отставки, и что адмиралъ дѣлаетъ большую ошибку, разрѣшивъ ему ѣхать черезъ всю Сибирь вольнымъ человѣкомъ.

Заходилъ ко мнѣ С. И. Колокольниковъ; онъ хорошо понимаетъ всю грозность слагающейся обстановки и на фронтѣ, и въ Омскѣ, и въ тылу, и передалъ, что рѣшено послать къ адмиралу бывшаго государственнаго контролера Феодосьева, связаннаго съ адмираломъ личной дружбой, съ тѣмъ, чтобы онъ раскрылъ Верховному Правителю глаза на все происходящее въ Ставкѣ, въ Правительствѣ, въ странѣ и въ арміи; считаютъ необходимымъ этимъ путемъ попытаться сломить засилье той камарильи, которая плѣнила адмирала, скрываетъ отъ него правду и ведетъ не то узкопартійную, не то широкоэгоистическую политику.

Колокольниковъ думаетъ, что послѣ Ноябрьскаго переворота у адмирала остались какія-то обязательства передъ Вологодскимъ, Михайловымъ, Лебедевымъ и Петровымъ, и въ этомъ ихъ сила.

Поразительно, до чего въ Омскѣ повторяется въ миніатюрѣ Царское Село; та же слѣпота вверху, та же непроницаемая стѣнка кругомъ, застилающая свѣтъ и правду, обдѣлывающая свои дѣлишки . . . Неужели-же будутъ и тѣ-же результаты?

Вечеромъ засѣданіе Совѣта Министровъ съ участіемъ адмирала; разбирался очень серьезный вопросъ о разгрузкѣ Омска отъ излишнихъ учрежденій. Обстановка на фронтѣ приближаетъ Омскъ къ району боевыхъ дѣйствій, дѣлаетъ его тыловымъ для фронта городомъ, и очистка его отъ всѣхъ небоевыхъ учрежденій является неотложнымъ вопросомъ. При обсужденіи вопроса только я и генералъ Матковскій стояли за немедленную

эвакуацію Омска и за переѣздъ Правительства на востокъ; нельзя закрывать глаза на положеніе фронта и нельзя допускать, чтобы колебанія военнаго счастья могли отражаться на самомъ мѣстопребываніи центро-государственнаго управленія.

Матковскій сказалъ мнѣ, между прочимъ, что при управленіи округомъ больше всего заботъ и непріятностей приноситъ ему нахожденіе здѣсь Правительства и подчиненіе Омска Министру внутреннихъ дѣлъ.

Но мы остались одиноки; здѣсь почему-то прочно укоренилась мысль, что Правительство должно сидѣть въ Омскѣ, что бы ни случилось на фронтѣ, и что переѣздъ изъ Омска равносиленъ признанію своей гибели; очевидно, тутъ играютъ огромную роль специфически Омскіе интересы, боящіеся упустить Правительство изъ подъ своего вліянія и лишиться всѣхъ выгодъ, связанныхъ съ состояніемъ на положеніи временной столицы. Все это узкій эгоизмъ Омскаго курятника, уже сдѣлавшій то, что всероссійская, по названію, власть сдѣлалась управленіемъ Омскаго градоначальства.

Адмиралъ пріѣхалъ угрюмый, но настроенный въ пользу эвакуаціи; его сразу поймали на его любимомъونькѣ — боязни быть заподозрѣннымъ въ уклоненіи отъ опасности и въ какихъ либо себялюбивыхъ побужденіяхъ. Затѣмъ, полились увѣренія, что разъ Правительство тронется изъ Омска, оно уже не существуетъ.

Послѣ длительныхъ разговоровъ остановились на половинчатомъ рѣшеніи назначить комиссію по эвакуаціи, назвавъ ее комиссіею по разгрузкѣ Омска (слово эвакуація признано опаснымъ и паническимъ).

Спорить было безцѣльно; я пролаялъ только свое принципіальное несогласіе съ комиссіоннымъ рѣшеніемъ столь серьезныхъ дѣлъ.

Вернулся домой злымъ, какъ чортъ; ну, развѣ это Правительство! Развѣ можно считать правительствомъ эту кучку присосавшихся къ Омску второразрядныхъ обывателей, увѣренную и увѣряющую, что существованіе государственной власти можетъ зависѣть отъ географическаго или звукового названія; хоть бы вспомнили слова Лира о королѣ, королѣ всегда и вездѣ, королѣ отъ головы до ногъ (ввиду монархической опасности съ транскрипціей на демократическій тонъ).

Разъ Уралъ потерянъ, мѣсто центральной власти не Омскъ, а Иркутскъ, на границѣ Восточной и западной Сибири, подальше отъ фронтовыхъ переживаній. Прежде это затруднялось соединеніемъ въ лицѣ адмирала постовъ Верховнаго Правителя и Верховнаго Главнокомандующаго; теперь, съ образованіемъ фронта и съ передачей фактическаго командованія Дитерихсу, ничто не препятствуетъ отвести Ставку (выжавъ ее сначала на 40%) на любое разстояніе отъ фронта.

15 Іюля. Не дожидаясь никакихъ комиссій, вызвалъ начальниковъ Главныхъ Управленій и приказалъ начать эвакуацію изъ Омска главныхъ складовъ, распредѣливъ ихъ по эшелонамъ между Ново-Николаевскомъ и Красноярскомъ; все же идущее съ востока приказалъ останавливать въ Иркутскѣ и срочно развернуть всѣ Иркутскіе склады.

Я не вѣрю, что фронтъ можетъ окрѣпнуть, а тогда черезъ 3—3½ мѣсяца Омскъ станетъ театромъ военныхъ дѣйствій; намъ надо уходить на востокъ, не считаясь съ потерею территоріи, и имѣя задачей выиграть время до зимы, когда крупныя операціи прекратятся и мы получимъ передышку, чтобы собрать свои остатки, сорганизоваться и быть готовыми къ веснѣ начать новую планомѣрную кампанію.

На докладѣ у мрачнаго и разстроеннаго адмирала попробовалъ заговорить съ нимъ о необходимости коренныхъ реформъ въ управленіи, но онъ посмотрѣлъ на меня пустымъ взглядомъ, и, какъ будто не слыша, перешелъ на какое-то судное дѣло и сталъ громить Главнаго Военнаго Прокурора за его постоянныя напоминанія о нарушеніи Ставкой закона въ дѣлѣ организаціи фронтовыхъ судовъ.

Одновременно разносился и я, какъ докладчикъ и прямой начальникъ прокурора; послѣдній же былъ совершенно правъ, такъ какъ Ставка, изъ личныхъ симпатій, создала совершенно незаконную должность Главнаго Полевого Прокурора, посадивъ на нее сладкоглаголиваго и юркаго юридическаго вундеркинда полковника Полидорова. Съ точки зрѣнія нашихъ военныхъ законовъ получился полный абсурдъ, такъ какъ

по закону можетъ быть только одинъ общій для арміи и фронта главный военный прокуроръ, о чемъ, при всякомъ конфликтѣ со Ставкой, я и докладывалъ адмиралу.

Вообще, приходится придти къ заключенію, что измѣнить курсъ и спасти положеніе можно только путемъ переворота, но для этого нѣтъ людей и нѣтъ реальной силы. Приходится, закрывъ глаза, плыть съ тѣмъ бурнымъ и грязнымъ потокомъ, который несетъ насъ въ темное и мрачное будущее.

Дѣятельность, или, лучше сказать, сумбурная бездѣятельность союзниковъ изумительна; временами они самымъ безцеремоннымъ образомъ мѣшаются въ разныя мелочи нашего внутренняго распорядка; временами же глухи и слѣпы по отношенію къ кореннымъ вопросамъ нашего возрожденія; при массѣ разныхъ агентовъ и при тратѣ большихъ денегъ на развѣдку, союзники не могутъ не быть освѣдомлены въ современномъ положеніи нашего гражданскаго и военнаго управленія; имъ не можетъ быть безразлично, что дѣлается на нашихъ верхахъ, разъ они оказываютъ намъ матерьяльную помощь (за исключеніемъ, конечно, той версіи, если все дѣлается для развала великой Россіи). Ноксъ горячій сторонникъ оказанія намъ помощи, а, между тѣмъ, онъ не стѣсняется высказывать свое неодобреніе по поводу многаго, что у насъ совершается; непонятно, почему онъ не настаиваетъ передъ своимъ правительствомъ, чтобы намъ были преподаны «дружескіе совѣты», съ полнымъ соблюденіемъ всѣхъ дипломатическихъ тонкостей (поскольку это нужно при томъ обращеніи, которое мы видимъ со стороны союзниковъ, когда они чувствуютъ себя опекунами и съ нами совершенно не церемонятся).

Съ точки зрѣнія здраваго смысла глупо помогать тѣмъ, кого считаютъ неспособнымъ употребить даваемыя имъ средства производительно и съ пользой для себя; строятъ какія-то фигли-мигли съ вопросомъ о признаніи, временами не въ мѣру деликатничаютъ, а временами держатъ въ самомъ персидскомъ положеніи.

Вечеромъ засѣданіе Совѣта Министровъ, въ которомъ обсуждался вопросъ о тактикѣ, которую слѣдуетъ принять по отношенію къ Государственному Экономическому Совѣщанію, такъ какъ имѣются свѣдѣнія, что Совѣщаніе рѣшило обратиться къ Правительству съ запросомъ о причинѣ нашихъ военныхъ неудачъ и о направленіи общей дѣятельности Правительства.

Причиной запроса является оперативное сообщеніе, сдѣланное членамъ Совѣщанія Генералъ-квартирмейстеромъ Ставки генераломъ Андогскимъ; говорятъ, что въ своемъ докладѣ сей двуликій интриганъ не преминулъ очень тонко, но ядовито подложить свинью своему старому сопернику наштаверху.

Послѣ длительныхъ преній рѣшено не признавать за совѣщаніемъ права запросовъ Правительству, но разрѣшить министрамъ дѣлать сообщенія частнымъ засѣданіямъ совѣщанія по интересующимъ послѣднее вопросамъ. Это положеніе напоминаетъ мнѣ времена послѣдней Государственной Думы, когда точно также военныя неудачи заставили членовъ Думы волноваться и обратиться къ Правительству съ нѣсколькими запросами.

Я лично не согласенъ съ рѣшеніемъ Совѣта, такъ какъ считаю, что надо разрѣшить всякіе запросы, ибо чѣмъ больше свѣта и чѣмъ больше ясности въ отношеніяхъ, тѣмъ лучше для дѣла. Честному, рабочему государственному дѣятелю нечего бояться свѣта и запросовъ; на дѣло онъ отвѣтитъ дѣломъ, безбоязненно разрѣшитъ всѣ сомнѣнія и недоразумѣнія, ну, а если запросъ укажетъ или наведетъ на недостатки, ошибки и злоупотребленія, то такой дѣятель ничего не скроетъ, разскажетъ, что сдѣлано для устраненія или наказанія и только поблагодаритъ тѣхъ, кто далъ ему полезныя указанія. Будутъ и ехидные, и глупые, и опасные запросы, но съ этимъ слѣдовало бы примириться, ибо во всемъ хорошемъ есть и свои дурныя стороны.

Высказывая свое мнѣніе Совѣту Министровъ, я добавилъ только, что при признаніи права запросовъ надо дать наиболѣе отвѣтственнымъ министрамъ по одному добавочному помощнику исключительно для контакта съ совѣщаніемъ и доклада ему отвѣтовъ по запросамъ.

16 Іюля. Разговаривалъ съ полковникомъ Зубковскимъ, только что прибывшимъ съ фронта; по его мнѣнію положеніе совсѣмъ скверное; огромная часть личнаго состава

прямо не хочетъ воевать, не хочетъ рисковать жизнью и терпѣть разныя невзгоды и лишенія; набранныя на спѣхъ Уральскія пополненія во время отхода армій разошлись по домамъ, унеся съ собой все снабженіе, частью и винтовки. Въ частяхъ остались штабы, офицеры и очень немного солдатъ, преимущественно изъ стариковъ и изъ тѣхъ, кому некуда уйти. Вся эта рѣдкая паутина ползетъ на востокъ, не оказывая уже никакого сопротивленія; отходятъ на забираемыхъ у населенія подводахъ, что и объясняетъ быстроту отката. Красные ведутъ преслѣдованіе тоже на подводахъ.

Происшедшее съ нашими дутыми арміями характеризуется тѣмъ, что въ Сибирской осталось около 6 тысячъ штыковъ, а еще въ іюнѣ эта армія требовала денегъ и снабженія на триста пятьдесятъ тысячъ человѣкъ.

Все отправленное за послѣдніе 2 мѣсяца на фронтъ снаряженіе, снабженіе и вооруженіе погибло и перешло въ руки красныхъ.

Какой великій грѣхъ лежитъ на нашемъ наштаверхѣ и его помощникахъ, которые истерически-шало, ради честолюбія и шумихи вышвырнули на разлагающійся и уже безнадежный фронтъ наши послѣдніе резервы.

Особенно тяжела потеря съ великимъ трудомъ добытыхъ и доставленныхъ на фронтъ винтовокъ; штабы армій слали намъ ультиматумы, требуя винтовокъ для десятковъ тысячъ «готовыхъ и рвущихся въ бой пополненій», — и все это погибло.

Честолюбивые мальчишки, облеченные въ генеральскую форму и вѣдавшіе подготовкой резервовъ, безсовѣстно лгали, когда доносили объ ихъ готовности и обманывали ничего не понимающаго въ этомъ дѣлѣ адмирала.

То заключеніе, которое я вынесъ на Екатеринбургскомъ смотру ударныхъ частей Сибирской арміи, оказалось вполнѣ вѣрнымъ; эти отлично парадировавшія части разбѣжались при первомъ же столкновеніи съ красными и почти сразу же прекратили свое существованіе.

Въ Ставкѣ говорятъ, что Семеновъ очень обиженъ предстоящимъ назначеніемъ Розанова, такъ какъ единственнымъ замѣстителемъ Хорвата долженъ быть онъ, Семеновъ, великій борецъ противъ большевизма и глава всего дальневосточнаго казачества.

Семеновская кандидатура усиленно мусируется Хрещатицкимъ и Ивановымъ-Риновымъ, которые оба мечтали замѣстить Хорвата, но, потерявъ эту надежду, стали поддерживать Семенова.

Будь Семеновъ способенъ на эволюцію и, если бы его было возможно надежно отскоблить отъ всей прилипшей къ нему нечисти, то, быть можетъ, его назначеніе было бы пріемлемо; сколько чучелъ, болвановъ и нечистоплотныхъ субъектовъ сидѣло и сидитъ на высокихъ и очень высокихъ постахъ; можно было подпереть надежными помощниками и это атаманское чучело; но, къ сожалѣнію, нѣтъ никакой надежды на то, что его можно отдѣлить отъ тѣхъ квалифицированныхъ бандитовъ, которые имъ овладѣли и отъ которыхъ ему уже не освободиться; вся эта шайка тѣсно переплелась съ японскими друзьями и совѣтниками и сильна ихъ заступничествомъ такъ же, какъ самъ атаманъ.

Вечеромъ засѣданіе Гос. Экон. Совѣщанія съ приглашеніемъ на него всѣхъ министровъ; очень пугали разными сенсаціями, но все прошло очень корректно и ограничилось предложеніемъ Правительству ряда очень простыхъ, но совершенно естественныхъ и всѣхъ волнующихъ вопросовъ о положеніи эвакуаціи Урала, о снабженіи Арміи и т. п.

Уструговъ сейчасъ же отвѣтилъ на всѣ вопросы о ходѣ эвакуаціи, доложилъ исчерпывающія данныя и вполнѣ удовлетворилъ совѣщаніе. Зато министръ снабженія провалился самымъ позорнымъ образомъ; вмѣсто того, чтобы сослаться на неподготовленность къ немедленному и документальному отвѣту на запросъ о состояніи снабженія арміи, онъ вылѣзъ на кафедру и очень развязно началъ рисовать совѣщанію самыя оптимистическія и розовыя картины полнаго благополучія (онъ экстра-оптимистъ и вѣритъ всему, что ему докладывается).

Члены совѣщанія, достаточно хорошо освѣдомленные о дѣйствительномъ положеніи снабженія арміи, сразу же уличили прыткаго оратора въ цѣломъ рядѣ ошибокъ, неточностей, невѣрностей и несогласованностей его доклада и выразили полное недоумѣніе по поводу сдѣланнаго имъ министерскаго сообщенія.

Совѣщаніе единогласно постановило присоединиться къ такому заключенію выступившихъ членовъ и просить Военнаго Министра въ слѣдующее засѣданіе сообщить совѣщанію дѣйствительное положеніе дѣла снабженія и предполагаемыя мѣры по его улучшенію.

Я очень радъ, ибо считаю, что совѣщанію надо знать всю правду, надо быть въ курсѣ нашей работы и всячески намъ помогать и информаціей, и своими мѣстными вліяніями и знаніями.

Совмѣстная работа, дружеская помощь и дружественная критика должны очень помочь успѣху дѣла, нашего общаго дѣла по освобожденію родины отъ красныхъ тирановъ. Кромѣ того, это заставитъ подтянуться лѣнивыхъ и почиститься недобросовѣстныхъ.

Изъ послѣдующихъ частныхъ разговоровъ видно, что министерской молодежи не очень нравится направленіе, принятое совѣщаніемъ; случайнымъ Юпитерамъ, усердно именующимъ другъ друга «Высокопревосходительствомъ», видимо непріятно, что появилось нѣчто, имѣющее право спросить разъясненіе или объясненіе, могущее критиковать, высказывать неодобреніе и говорить вѣжливыя непріятности на щекотливыя для профессіональнаго и министерскаго самолюбія темы. Мнѣ же очень понравилось, что совѣщаніе стало сразу на дѣловую ногу, подняло животрепещущіе вопросы и сдѣлало это не ради только критики и фронды, а потому, что затронутые вопросы его остро интересуютъ; очень и очень жалко, что все это сдѣлано такъ поздно, когда горизонтъ будущаго покрытъ такими грозными и мрачными тучами.

17 Іюля. Къ текущей работѣ прибавилась необходимость приготовиться къ предстоящему докладу о снабженіи арміи.

Присутствуя на очередномъ оперативномъ докладѣ о положеніи фронта, былъ изумленъ профессіональной безграмотностью нашего наштаверха, который своимъ надменнымъ, недопускающимъ возраженія тономъ требовалъ отъ Касаткина, чтобы ленты эвакуируемыхъ поѣздовъ шли безостановочно, забывъ, а, можетъ быть, и не зная, что пропускная способность перегоновъ зависитъ отъ водоснабженія станцій, и что безъ воды паровозы ходить не въ состояніи даже, если имъ это повелѣваетъ самъ громоносный Омскій наштаверхъ.

Сегодня онъ опять мчится на фронтъ навстрѣчу сплошному потоку поѣздовъ.

Состоялось назначеніе на Дальній Востокъ генерала Розанова, но только не такъ, какъ то было рѣшено Совѣтомъ Министровъ; онъ назначенъ не только командующимъ войсками, но и Главнымъ Начальникомъ Приамурскаго края, то-есть сдѣлано то, противъ чего я возражалъ и противъ чего высказался Совѣтъ Министровъ.

Оказалось, что въ дѣло назначенія вмѣшались Омскіе политиканы и въ то время, когда я былъ въ частномъ засѣданіи Гос. Экон. Совѣщанія, состоялось секретное засѣданіе Совѣта Министровъ, отмѣнившее предыдущее свое постановленіе объ уничтоженіи объединенія приамурскихъ областей и возстановившее должность Главнаго Начальника Края.

Теперь изъ этого назначенія ничего не выйдетъ, такъ какъ политика и гражданскія дѣла слопаютъ безъ остатка хорошаго командующаго войсками. Отъ политики и гражданскихъ дѣлъ получится обычная путаница, а войска останутся по прежнему безпризорными.

Помощниками къ Розанову назначенъ Читинскій Гришка (для смягченія его неудовольствія) и генералъ Семеновъ-Мерлинъ; послѣднее назначеніе многихъ удивило, такъ какъ онъ былъ военнымъ агентомъ въ Японіи и долженъ былъ оттуда уѣхать послѣ какого-то скандала; аналогичное произошло съ нимъ и въ Румыніи. Вообще, говорятъ, что Розанову назначены помощники съ «громкими» именами.

Не придется ли вскорѣ пожалѣть, что убрали Хорвата?

Въ Соборѣ состоялась панихида по Царской Семьѣ; демократическій хоръ отказался пѣть и пригласили монахинь сосѣдняго монастыря, что только способствовало благолѣпію служенія.

Соборный протоіерей служилъ очень хорошо, съ возглашеніемъ титуловъ. Противъ собора архіерейскій домъ, гдѣ живутъ около десятка разныхъ архіеревъ, побросавшихъ свою паству; изъ нихъ никто не дерзнулъ придти помолиться за упокой души Того, кто былъ для нихъ не только Царемъ, но и Помазанникомъ Божіимъ.

Изъ старшихъ чиновъ на панихидѣ были я, Розановъ, Хрещатицкій и уралецъ — генералъ Хоротхинъ; остальные постарались забыть о панихидѣ, чтобы не скомпрометировать своей демократичности.

Послѣ панихиды какой-то пожилой человѣкъ, оглядѣвъ собравшихся въ Соборѣ (нѣсколько десятковъ, преимущественно старыхъ офицеровъ), громко произнесъ: «ну и немного же порядочныхъ людей въ Омскѣ».

18 Іюля. Наштаверхъ умчался на фронтъ, предоставивъ Бурлину тащить неуклюжую и скрипучую колымагу ставочной черной работы и распутывать всѣ Омскіе узлы и узелки.

Матковскій очень озабоченъ вытяжкой на фронтъ его дивизій, которыя только что начали курсы стрѣльбы и тактическія ученья; онъ боится, что какая-нибудь авантюра затянетъ ихъ на фронтъ и онѣ пропадутъ такъ же, какъ и дивизіи Каппеля.

Приходилъ генералъ Такаянаги поговорить о способахъ и размѣрахъ потребной намъ матерьяльной помощи, причемъ въ разговорѣ употребилъ фразу «вы все просите и просите» . . . (въ смыслѣ клянчить). Я рѣзко его оборвалъ и просилъ усвоить и помнить, что мы не выпрашиваемъ, а договариваемся и за все взятое платимъ или выдаемъ прочныя обязательства.

Японецъ засюсюкалъ и извинился за неудачное выраженіе, сославшись на плохое знаніе языка. Далъ ему всѣ свѣдѣнія; не помню, который уже разъ я даю эти свѣдѣнія разнымъ представителямъ разныхъ миссій, но осуществленіе продолжаетъ топтаться въ области разговоровъ и обѣщаній. Получаемъ только то, что направлено къ намъ по старому рѣшенію Англіи и Франціи.

На очередномъ докладѣ у Адмирала доложилъ ему свой взглядъ о неудачномъ указѣ о назначеніи Розанова и его помощниковъ; Адмиралъ немного обидѣлся и заявилъ, что таково желаніе Совѣта Министровъ и Министра Вн. Дѣлъ, и что онъ съ ними вполнѣ согласенъ.

Антуражъ адмирала, пользуясь его довѣрчивостью и легковоспламеняемостью, толкаетъ его на ложные поступки. Сегодня, изъ за болтовни какихъ-то особо заботливыхъ дамъ патронессъ, выпустимъ, въ порядкѣ особой чрезвычайности, указъ Верховнаго Правителя о реквизиціи въ Омскѣ всѣхъ запасовъ бѣльевыхъ матерьяловъ и нитокъ.

Сейчасъ это совершенно не нужно, ибо съ подходомъ бѣльевыхъ запасовъ съ Дальняго Востока мы завалены матерьяломъ и намъ нужна только общественная помощь по организаціи пошивочныхъ мастерскихъ и добровольческихъ кружковъ по шитью, мѣры къ чему уже приняты.

Безцѣльная и спѣшная реквизиція, обрушивающаяся на одинъ Омскъ, подниметъ только цѣны на бѣлье и матерьялы и отягчитъ, безъ всякой въ томъ нужды, положеніе средняго обывателя, который и безъ того пухнетъ отъ злобы на дороговизну и на разныя «иціи».

Я отказался подписать привезенный мнѣ генераломъ Мартьяновымъ указъ, и послалъ адмиралу докладъ, излагая ненужность реквизиціи и возможность удовлетворить всѣ срочныя потребности наличными средствами.

19 Іюля. Голова идетъ кругомъ отъ работы; эвакуація перемѣшала всѣ тылы; всѣ многочисленные штабы и управленія утекаютъ на востокъ, потерявъ связь со своими частями, и послѣднія, особенно по части довольствія, брошены на произволъ судьбы. Бывшая система снабженій (если только ее можно назвать этимъ именемъ) рухнула, всякій оборотъ запасовъ прекратился и войска перешли на существованіе за счетъ мѣстныхъ средствъ, причемъ во многихъ случаяхъ происходитъ самый безцеремонный грабежъ.

По словамъ одного раненаго офицера, крестьяне говорятъ: «что красные, что свои — одинаковая сволочь». Теперь же, на нашу невыгоду, красноармейцамъ на фронтѣ

отданъ строжайшій приказъ не трогать населеніе и за все взятое платить по установленной таксѣ. Адмиралъ нѣсколько разъ отдавалъ такіе же приказы и распоряженія, но у насъ все это остается писаной бумагой и кимваломъ бряцающимъ, а у красныхъ подкрѣпляется немедленнымъ разстрѣломъ виновныхъ.

Утромъ пріѣзжалъ генералъ Мартьяновъ уговаривать меня контрассигновать указъ о реквизиціи бѣлья; я рѣшительно отказался до личнаго доклада Верховному Правителю или до полученія отвѣта на мой письменный докладъ.

Но реквизиція уже производится; мой всезнайка, правитель канцеляріи говоритъ, что о реквизиціи близкіе люди сообщили своевременно заинтересованнымъ лицамъ и прошлую ночь десятки возовъ, нанятые разными закупсбытами, центросоюзами и т. п. вывозили матерьялы изъ своихъ складовъ на ближайшія къ городу заимки.

Передалъ эти разговоры Мартьянову и просилъ его, какъ близкое адмиралу лицо, подумать о томъ вредѣ, которое приносятъ такія скоропалительныя распоряженія; выпускать указы, т. е. правительственныя распоряженія чрезвычайнаго характера по такимъ мелочамъ равносильно стрѣльбѣ по воробьямъ изъ очень большой пушки.

20 Іюля. Слѣдствіемъ фронтовой катастрофы явилась начавшаяся въ Омскѣ обывательская паника, да еще по первому разряду; шкурники и спекулянты побѣлѣли отъ страха и удираютъ на востокъ; билеты на экспрессы продаются съ преміей въ 15—18 тысячъ рублей за билетъ. Уговаривалъ Устругова поднять цѣны на экспрессъ въ десять разъ; бѣгунцы будутъ платить, не поморщившись, и это будетъ самымъ справедливымъ налогомъ на наживу и трусость. Но мы слишкомъ деликатны для такихъ чрезвычайностей; а жаль, ибо по сезону должна быть и музыка.

Сегодня узналъ о командировкѣ на Дальній Востокъ генерала Люпова, которому министръ финансовъ поручилъ реорганизацію охранной стражи К. В. ж. д. въ прежній заамурскій округъ Пограничной стражи.

Странно, какъ такіе вопросы проходятъ мимо совѣта Министровъ; тогда бы выяснилось, что сейчасъ это нелѣпая потуга, такъ какъ китайцы намъ этого никогда не позволятъ; намъ нужны рѣшительныя мѣры по прочной организаціи охранной стражи и скорѣйшаго вывода ея изъ ея современнаго жалкаго положенія.

21 Іюля. Невольно впутался въ дѣла, связанныя съ эвакуаціей и находящіяся внѣ круга моего вѣдѣнія; именемъ Верховнаго Правителя отдалъ рядъ необходимѣйшихъ распоряженій; пришлось это сдѣлать ради общей пользы, такъ какъ другія инстанціи отказались что либо начинать, боясь отвѣтственности, послѣ чего цѣлый рядъ лицъ бросился къ тому, кого они по старымъ понятіямъ считаютъ распорядителемъ по Военному Вѣдомству, т. е. Военному Министру (на самомъ дѣлѣ теперь совсѣмъ кургузому, на манеръ второразряднаго каптенармуса).

Я счелъ невозможнымъ разъяснять имъ наши реформы и на этомъ основаніи отказать имъ въ помощи, нанеся этимъ новый ущербъ нашему жидкому и безъ того авторитету, а поэтому и отдалъ именемъ Верховнаго тѣ распоряженія, которыя властно вызывались обстановкой, увѣдомивъ объ этомъ Ставку и Министра Вн. Дѣлъ.

Вечеромъ дѣлалъ докладъ Гос. Экон. Совѣщанію; изложилъ всѣ причины, вызвавшія плохое снабженіе арміи, — матерьяльныя и организаціонныя; не скрылъ нашихъ коренныхъ недочетовъ; указалъ какія мѣры приняты къ устраненію недостатковъ и какія надежды на будущее.

Приходилось быть очень осторожнымъ, чтобы не утопить окончательно Неклютина, о чемъ особенно просилъ предсѣдатель Совѣта Министровъ. Слушали напряженно внимательно и, повидимому, поняли.

22 Іюля. Министерство Путей Сообщенія получаетъ съ фронта очень печальныя свѣдѣнія о безобразіяхъ и произволѣ, учиняемыхъ при эвакуаціи разными начальствующими атаманчиками и привиллегированными тыловыми частями и организаціями; все это очень осложняетъ тяжелую работу по эвакуаціи и нервируетъ служащихъ, находящихся à la merci отходящихъ частей.

Много нареканій на отходящій личный составъ Камской рѣчной флотиліи, считающей себя частью исключительно высокаго положенія; мы это уже испытали достаточно,

когда эта весьма экзотическая и ничего не сдѣлавшая организація забирала у насъ всѣ изготовляемыя на Мотовилихѣ орудія, забирала уголь, нефть, смазочныя масла и отобрала всѣ лучшіе пароходы и баржи, лишивъ возможности устроить водную связь между Пермскимъ и Уфимскимъ районами.

Теперь комендантъ Тюмени доноситъ, что начальство Камской флотиліи по прибытіи въ Тюмень забрало, презрѣвъ всѣ его протесты, всѣ пароходы, приготовленные для экстренной эвакуаціи огромныхъ Тюменьскихъ складовъ, нагрузило на нихъ свои команды и поплыло по р. Обь, уничтоживъ всѣ наши разсчеты и сдѣлавъ вывозъ имущества невозможнымъ.

Вечеромъ въ Совѣтѣ Министровъ представитель Ставки доложилъ проектъ Положенія о Верховномъ Начальникѣ Санитарно-Эвакуаціонной Части, предваривъ, что проектъ одобренъ Верховнымъ Правителемъ и его надо утвердить. Положеніе вышло довольно нелѣпое, такъ какъ докладчикомъ по военнымъ вопросамъ являюсь я, но, очевидно, это было обойдено, такъ какъ Ставка знаетъ мое ультра-отрицательное отношеніе къ этому нелѣпому проекту.

Всѣ молчали, но я выступилъ и рельефно доказалъ всю нелѣпость вносимаго проекта; подчеркнулъ, что зло кроется не въ недостаткахъ системы, а въ недостаткахъ исполнителей, и что этого не устранить новой и сугубой централизаціей власти и созданіемъ новаго диктатора.

Докладъ мой былъ настолько убѣдителенъ, что, несмотря на всѣ предваренія, Совѣтъ Министровъ высказался противъ проекта. Воображаю, какъ будетъ злиться завтра Ставка и тѣ ея круги, которые ради самоустройства и самовозвеличенія родили эту нелѣпость. Мнѣ было очень неловко выступать въ Совѣтѣ противъ того вѣдомства, представителемъ котораго я тамъ являюсь, но меня къ этому принудили.

Пріѣхалъ знатный иностранецъ и очередной кандидатъ въ опекуны и американскіе дядюшки Моррисъ; американофильствующій Иванъ Ивановичъ Сукинъ увѣряетъ, что Соединенные Штаты рѣшили насъ облагодѣтельствовать всѣмъ, что намъ нужно для снабженія арміи и дадутъ все въ кредитъ, съ записью въ общій счетъ нашего долга. Хочется, чтобы скорѣе все это приняло опредѣленныя формы или окончательно провалилось; вотъ уже два мѣсяца, какъ я присутствую при этой канители и, пока, вижу и слышу одни только разговоры, пожеланія, обѣщанія, разспросы, ощупыванія, анализы на демократичность.

Предпочелъ бы вмѣсто этого точно знать о состоявшейся отправкѣ хотя бы одного парохода и о находящемся на немъ грузѣ.

23 Іюля. Въ работѣ тыловыхъ округовъ царитъ полная каша; сумбурная и не своевременная реорганизація военнаго управленія разрушила весь привычный аппаратъ, ввела непонятныя для большинства исполнителей новшества и все смяла.

Въ Ставкѣ происходитъ что-то таинственное; оперативные доклады временно прекращены; говорятъ, что Лебедевъ назначенъ временнымъ командующимъ западной и южной арміями, съ оставленіемъ Наштаверхомъ, и съ изъятіемъ западной арміи изъ подчиненія Дитерихсу. Пытался узнать для чего сіе все дѣлается; отвѣтили, что для удобства эвакуаціи. Ничего не понимаю; особенно непонятно это гастрольное главнокомандованіе Лебедева.

Въ тылу разрастаются возстанія; такъ какъ ихъ районы отмѣчаются по 40 верстной картѣ красными точками, то постепенное ихъ расползаніе, начинаетъ походить на быстро прогрессирующую сыпную болѣзнь. Какой толкъ намъ въ стояніи вдоль линіи разныхъ союзниковъ, когда весь организмъ охватывается постепенно этой красной сыпью!

24 Іюля. Таинственность Ставки усугубилась; на всѣ вопросы получаю загадочный отвѣтъ, что вскорѣ все разрѣшится, и что произойдутъ очень крупныя событія, которыя круто измѣнятъ все положеніе. Даже мой всезнающій правитель канцеляріи спассовалъ и тоже ничего не знаетъ.

Весь день проболтался въ двухъ комиссіяхъ и одномъ совѣщаніи; если куда и ѣду, какъ не на безцѣльное потѣнье, то это только въ засѣданія подъ предсѣдательствомъ Устругова, который привлекаетъ своей дѣловитостью, отзывчивостью на все смѣлое

и здоровое и своимъ умѣньемъ вести дѣловыя засѣданія; большинство другихъ совѣщаній одна болтологія, или, какъ говорили у насъ въ корпусѣ, «элементарная брехологія».

Вечеромъ засѣданіе Гос. Экон. Совѣщанія; засѣданіе довольно непріятное, съ атмосферой желанія извѣстной части совѣщанія поднять скандалъ въ пику правительству. Одинъ изъ членовъ совѣщанія поѣхалъ на фронтъ ознакомиться съ состояніемъ санитарной части и прогастролировалъ тамъ нѣсколько дней; тамъ ему поплакали въ жилетъ, нарисовали картины ужаснѣе очень скверной на самомъ дѣлѣ дѣйствительности, сгустили краски во всю, ругали всячески тылъ и валили на него всѣ бѣды и несчастія.

Гастролеръ самъ многаго не видѣлъ; въ санитарномъ дѣлѣ и организаціи ничего не понимаетъ; оцѣнить обстановку катастрофической эвакуаціи не въ состояніи, но, какъ гастролирующая губка, нуждающаяся въ обильномъ и, по возможности, сенсаціонномъ и доказывающемъ прозорливость самой губки матерьялѣ, съ радостью собралъ все ему преподносимое, придалъ всему 100% вѣроятія, привезъ, разукрасилъ и съ перцемъ и ацетомъ поднесъ совѣщанію, какъ кричащій обвинительный актъ, — и дѣйствительно создалъ сенсацію.

Разобраться въ матерьялѣ было некому и некогда, и, очевидно, совѣщаніе потеряло спокойствіе первыхъ дней и рѣшило взбодрить Правительство, — скверное предзнаменованіе для будущей работы.

Содержаніе доклада настолько путано и тенденціозно, что я, какъ представитель вѣдомства, просилъ предсѣдателя отложить пренія, дабы можно было подготовить документальныя данныя, а не витать въ туманѣ фразъ и голословныхъ обвиненій; безсмысленно терять нѣсколько засѣданій на размазываніе туманныхъ подробностей и на пустопорожнія словоизверженія. Мы знаемъ всѣ наши грѣхи и скрывать ихъ не собираемся; мы знаемъ, что по санитарной части плохо, и сознаемъ, что многое изъ очень сквернаго пока еще неустранимо, но рѣшили и сумѣемъ устранить то, что въ нашихъ средствахъ и силахъ. Нельзя судить о дѣйствительномъ состояніи санитарной части по тому, что происходитъ при массовой эвакуаціи; мы знаемъ, что такое массовая эвакуація раненыхъ по опыту осеннихъ Варшавскихъ боевъ 1914 года, когда десятки тысячъ раненыхъ лежали на улицахъ, и только помощь жителей и общая очень благопріятная обстановка (и по транспорту, и по наличію личнаго состава и всѣхъ средствъ помощи) предотвратила катастрофу.

Сейчасъ едва ли время раскапывать старыя гноища и собирать матерьялъ для уязвленій, обвиненій и попрековъ; напротивъ, надо всю энергію и всѣ дружныя усилія направить на созиданіе и улучшеніе.

Совѣщаніе согласилось съ моими доводами и отложило пренія.

25 Іюля. Только сегодня узналъ въ Ставкѣ, что Лебедевъ при сотрудничествѣ Сахарова вырвалъ у адмирала согласіе на какую-то сложную наступательную операцію въ районѣ Челябинска, обѣщая совершенно ликвидировать красныхъ; въ эту операцію вовлечены всѣ три дивизіи, вытащенныя въ послѣднее время изъ Омскаго Округа, т. е. послѣдніе наши резервы, и притомъ для боя совершенно неготовыя.

Очевидно, что вся эта операція задумана уже давно и всѣ полеты наштаверха на фронтъ были съ нею связаны.

Увѣряютъ, что красные совершенно выдохлись, но то, что я слышу отъ прибывающихъ съ фронта, совершенно противорѣчитъ оптимизму нашей развѣдки; зато несомнѣнно, что наши выдохлись окончательно и къ боевымъ дѣйствіямъ временно неспособны.

При такомъ положеніи всякая наступательная авантюра сможетъ привести къ полной катастрофѣ.

Изъ краткаго доклада, прочитаннаго въ оперативномъ отдѣленіи, узналъ, что задумана чрезвычайно сложная операція окруженія Челябинской группы красныхъ, требующая испытанныхъ и надежныхъ войскъ лучшаго стараго кадроваго типа; операція сложна и искусственна даже для старыхъ войскъ, такъ какъ требуетъ идеальнаго исполненія и малѣйшая гдѣ-нибудь неустойка все рветъ и можетъ привести къ полному краху. Такія операціи можно производить только на картѣ или на большихъ показныхъ маневрахъ.

Состояніе войскъ, ихъ неспособность къ маневру, ихъ неспособность выдерживать прорывы и обходы заставляютъ считать, что для этой операціи 95% за то, что она кончится полной катастрофой. По грубой схемѣ, показанной мнѣ въ Ставкѣ, нѣкоторымъ дивизіямъ придется вести бой на два и на три фронта, т. е. дана такая задача, которой современныя наши войска выполнить не въ состояніи, ибо не выдерживаютъ фланговаго огня и даже признаковъ нахожденія непріятеля въ тылу и на флангахъ.

Несомнѣнно, это безумная ставка Лебедева для спасенія своей пошатнувшейся карьеры и для доказательства своей военной геніальности; очевидно, что все обдумано и подстроено совмѣстно съ другимъ стратегическимъ младенцемъ Сахаровымъ, жаждущимъ тоже славы великаго полководца.

Оба честолюбца, очевидно, не понимаютъ, что они дѣлаютъ; вѣдь, на ихъ безумную карту ставится вся судьба Сибирскаго бѣлаго движенія, ибо при неудачѣ намъ нѣтъ уже спасенія и намъ едва ли удастся возстановить нашу военную силу — слуги идеи и подвига гибнутъ и ряды ихъ рѣдѣютъ, а на принужденіи и шкурникахъ намъ уже не выгрести.

Бросился къ Бурлину, прося сдѣлать что-нибудь, чтобы остановить эту преступную операцію, но тотъ сказалъ, что операція уже начата и идетъ второй день и что остановить ее не въ его силахъ, такъ какъ ею всецѣло и полномочно распоряжается Лебедевъ, получившій на нее согласіе и одобреніе Верховнаго Главнокомандующаго.

При этомъ, по мнѣнію Бурлина нечего и особенно безпокоиться, такъ какъ получаемыя отъ Лебедева свѣдѣнія самаго радужнаго характера и мой пессимизмъ навѣрно не оправдается, такъ какъ всѣ данныя развѣдки подтверждаютъ полный развалъ красныхъ. Послѣднему совершенно не вѣрю, такъ какъ по тѣмъ же даннымъ противъ насъ дѣйствуютъ привезенные изъ внутренней Россіи резервы, совершенно свѣжіе.

Отъ Бурлина узналъ, что Дитерихсъ рѣшительно протестовалъ противъ Челябинской операціи, но безрезультатно; обидно, что не зналъ этого раньше; тогда бы я заблаговременно поднялъ противъ этой авантюры все, что только могъ.

Сукинъ сообщилъ, что Америка за деньги, но въ разсрочку, соглашается выпустить оставшіяся отъ прежнихъ заказовъ винтовки (около 200 тысячъ штукъ) и обѣщаетъ дать необходимое для насъ число комплектовъ суконнаго обмундированія. Всю душу вытягиваютъ эти обѣщанія и проекты, не сопровождаемые немедленнымъ осуществленіемъ; у меня по этой части наросли такіе мозоли, что я заранѣе уже не вѣрю въ исполненіе. При исполненіи же надо ожидать еще три-четыре мѣсяца до тѣхъ поръ, пока все это попадаетъ къ намъ въ руки, а нужда неотложная, событія развиваются очень неблагопріятно и съ опасной для насъ быстротой; я надѣялся, напр., что и августъ намъ удастся пробарахтаться на Уралѣ, а мы уже сейчасъ наканунѣ потери Челябинска.

Въ Совѣтъ Министровъ Сукинъ сообщилъ объ американскомъ предложеніи, выставивъ это какъ крупную дипломатическую побѣду (наши доморощенные Талейранишки очень падки на этотъ терминъ), и съ сіяющимъ видомъ заявилъ, что японцы категорически отказались помогать намъ западнѣе Байкала; не знаю, чему тутъ радоваться, такъ какъ безъ этой помощи намъ уже не выгрести.

Слышалъ мелькомъ, что въ Совѣтѣ Верховнаго Правителя Михайловской компаніи удалось одержать другую побѣду надъ Верховнымъ, сломивъ его сопротивленіе по части неприкосновенности золотого запаса, съ переводомъ этого запаса въ рессурсы Государственнаго Банка. Несомнѣнно, что смѣшно тонуть въ отношеніи курса нашихъ бумажныхъ денегъ и не трогать золотого запаса, когда это остро необходимо, но только опять непонятно, какъ такіе вопросы рѣшаются помимо вѣдѣнія и даже вѣдома Совѣта Министровъ, составляющаго по Омской конституціи нѣчто въ родѣ второй половинки двойственнаго олицетворенія Верховной власти.

Причины «дипломатической побѣды» стали мнѣ ясны, когда Сукинъ показалъ мнѣ телеграмму нашего уполномоченнаго въ Вашингтонѣ, сообщающую, что винтовки будутъ отправлены на американскомъ военномъ транспортѣ, который приметъ въ Владивостокѣ «депонированное за винтовки золото».

А вотъ, если за эту, купленную на золото, дипломатическую побѣду и за усиленный американофильствующій крепъ нашего Талейрана Талейрановича мы заплатили полуразрывомъ съ японцами, то это совсѣмъ скверно; японцы свое все равно возьмутъ, а наши интересы останутся не причемъ.

26 Іюля. За день три комиссіи, отнявшія вмѣстѣ пять съ половиной часовъ рабочаго времени. Узналъ въ Ставкѣ кое-какія подробности сумбурной операціи, рожденной мудрыми главами Лебедева и Сахарова; оказалось, что они задумали повторить Мамаево побоище, съ заманиваніемъ красныхъ въ ловушку при помощи добровольнаго очищенія Челябинскаго узла; считаютъ, что красные бросятся на эту приманку, послѣ чего ихъ тамъ захлопнутъ при помощи очень сложнаго маневра, въ которомъ главная роль захлопывающихъ крыльевъ отведена совершенно сырымъ въ боевомъ отношеніи дивизіямъ Омскаго Округа и коннымъ частямъ.

Съ бумажной, теоретической точки зрѣнія все это очень красиво и заманчиво, такъ что немудрено, что ничего непонимающій въ сухопутномъ дѣлѣ адмиралъ согласился на эту операцію; но съ точки зрѣнія реальнаго выполненія и оцѣнки средствъ выполненія операція совершенно безумная и возможная только при условіи, что красные представляютъ стадо барановъ и скиксуютъ при первомъ же обнаруженіи нашего геніальнаго плана; а такъ какъ на сіе нѣтъ никакихъ надеждъ и такъ какъ мы замахиваемся совершенно негодными для исполненія средствами, то у меня, — по крайней мѣрѣ, — весь шансъ на успѣхъ заключается въ авоськѣ и заступничествѣ Николая Чудотворца.

Страшно думать, что сложнѣйшая и труднѣйшая задача окруженія непріятеля путемъ крайне рискованнаго маневра, требующаго энергичнаго прорыва и сложнаго захожденія боевого порядка, возложена на еще не бывшія въ бою части. Я видѣлъ на войнѣ много десятковъ разныхъ дивизій, и думаю, что лишь немногія изъ нихъ, да и то только въ самомъ началѣ войны, были способны выполнить такой маневръ, который возложенъ теперь на милиціонныя части, съ очень слабыми кадрами, съ отсутствіемъ понятій и практики въ самыхъ простыхъ маневрахъ и съ насильно набраннымъ составомъ солдатъ, не желающихъ воевать.

Операція начата вопреки рѣшительнаго протеста Дитерихса, чѣмъ и объясняется, почему изъяли изъ его подчиненія западную, или, какъ она теперь называется, 3-ю армію (Сибирская раздѣлена на 1-ю и 2-ю). Грозно-тревожно то, что на шалую карту двухъ безграмотныхъ военныхъ честолюбцевъ поставлены наши послѣдніе рессурсы; разъ операція кончится неуспѣхомъ, то намъ уже не возстановить нашего фронта, и тогда намъ нечѣмъ будетъ дальше играть. То, что сообщается прибывающими съ фронта лицами, не даетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что отходящіе остатки Сибирской и Западной арміи надолго, если не навсегда, выведены изъ состоянія боевой пригодности и нуженъ длительный періодъ ихъ возстановленія и притомъ внѣ боевой обстановки, въ состояніи возможности отдохнуть, отдышаться и смахнуть съ себя кошмаръ вѣчнаго отступленія и потери вѣры въ успѣхъ и даже въ возможность сопротивленія (послѣднее — даже не всегда въ отношеніи самихъ себя, но съ круговымъ переносомъ на всѣхъ сосѣдей, и съ оправданіемъ своихъ отходовъ неустойками этихъ сосѣдей).

Пока что, по свѣдѣніямъ Ставки, красные заняли Челябинскъ, въ которомъ произошло какое-то направленное противъ насъ возстаніе рабочихъ, причемъ сильно пострадали наши арьергардныя части и забытые на станціи эшелоны; въ мѣшокъ красные пока что втянулись, но нѣтъ и признаковъ того, чтобы они выдохлись; напротивъ того, они повели очень энергичное наступленіе радіусами отъ Челябинска и размахъ этого наступленія показываетъ, что въ ихъ распоряженіи достаточно вполнѣ свѣжихъ силъ.

Изъ тѣхъ же свѣдѣній видно, что начатая операція подвергается особенной опасности съ сѣверо-запада, гдѣ все покоится на надежности защиты озерныхъ промежутковъ. Скверно и то, что нашъ походный Главкотяпъ, увлеченный Челябинскомъ, совершенно забылъ объ Екатеринбургъ-Тюменьскомъ направленіи, на которомъ совершенно выдохшіеся наслѣдники Сибирской арміи, именуемые теперь 1-й и 2-й арміей, безостановочно катятся назадъ; идея Дитерихса — отвести подальше въ тылъ и дать нѣсколько отдохнуть — запоздала.

Въ общемъ получается повтореніе такой же однобокой операціи, какъ и тогда, когда Западная армія откатывалась къ Уфѣ, а Сибирская перла на Глазовъ и мечтала о Вяткѣ.

Все катится на востокъ стихійно, само по себѣ, и на значительномъ протяженіи фронта даже безъ боевого нажима со стороны красныхъ; вообще, событія развертываются такъ, что къ зимѣ нашимъ фронтомъ можетъ стать уже Иртышъ. Мои всѣ разсчеты зиждутся теперь на Деникинѣ, такъ какъ мѣстныя средства бѣлой борьбы изжиты, безумно растрачены, а того, что въ распыленномъ видѣ еще сохранилось, уже не собрать и не сложить въ твердыя формы; все кругомъ горитъ; слишкомъ много всюду грязи, грузно налипшей на идею святой борьбы, а для очистки нѣтъ уже времени, такъ какъ жизнь уже начинаетъ захлестывать и требуетъ возмездія за потерянное время и за всѣ совершенныя ошибки.

Омская реквизиція бѣлья показала только невѣроятное наше богатство въ дешевыхъ ниткахъ очень плохого качества. По освобожденіи Сибири отъ большевиковъ населеніе оказалось безъ нитокъ, и всѣ спекулянты повезли сюда чемоданы и мѣшки, полные этимъ ходкимъ и легкимъ на перевозку матерьяломъ. Потребность сразу была удовлетворена и запоздавшіе остались съ нереализованнымъ товарамъ. Реквизиція тронула только незначительную часть этого богатства и тѣмъ не менѣе реквизировали 96 милліоновъ катушекъ.

Съ великой скорбью узналъ, что при отступленіи потеряна большая часть артиллеріи и пулеметовъ, и техническихъ средствъ связи; погибли и многіе десятки тысячъ винтовокъ, унесенныхъ дезертирами и побросанныхъ бѣглецами; все это потери почти уже не поправимыя, что присоединяетъ къ военному разгрому разгромъ техническій.

Въ сѣверной части фронта Дитерихсъ проявляетъ героическія усилія, но что можетъ сдѣлать одинъ, даже самый энергичный человѣкъ при общей разрухѣ, при отсутствіи привычки безпрекословно повиноваться и когда вся система управленія обратилась въ какую-то смятку.

Безсиліе чѣмъ-либо предотвратить грядущее заставляетъ безнадежно закрыть глаза и ждать, какъ, куда и съ какими послѣдствіями обрушится лавина грядущихъ событій.

Уходя съ оперативнаго доклада въ Ставкѣ, я сказалъ: «Господа, помните, что у васъ идетъ не Челябинское наступленіе, а Челябинское преступленіе».

27 Іюля. Всю ночь не ложился, до того тревожитъ меня Челябинская операція; вѣдь, даже при ея успѣхѣ не можетъ быть ничего, кромѣ сомнительнаго тактическаго успѣха и нѣкотораго числа плѣнныхъ, такъ какъ отсутствіе всякихъ резервовъ, состояніе 1-й и 2-й арміи и общее положеніе на всемъ фронтѣ не даетъ никакихъ шансовъ на широкій стратегическій поворотъ событій въ нашу пользу; для этого нуженъ общій, рѣшительный на всемъ фронтѣ переходъ въ наступленіе отдохнувшими, приведенными въ порядокъ и обезпеченными снабженіемъ, вооруженіемъ и пополненіями арміями. Ничего этого у насъ сейчасъ нѣтъ и не можетъ быть по крайней мѣрѣ до весны будущаго года.

При неуспѣхѣ же надъ нами разражается полная, рѣшительная, никогда и ничѣмъ непоправимая катастрофа, могущая гибельно отразиться и на успѣхѣ нашего послѣдняго шанса — наступленіи армій Деникина.

Вечерняя сводка вчера уже сообщила, что въ районѣ Челябинска у красныхъ оказалось четыре дивизіи сильнаго состава, которыя ведутъ энергичное наступленіе въ разрѣзъ восточнаго заслона третьей арміи. Для меня уже очевидно, что вся операція провалилась, и что сейчасъ надо уже какъ нибудь выкарабкиваться самимъ изъ заваренной каши и не попасть въ то положеніе, которое наши стратеги готовили для красныхъ. Единственнымъ неизвѣстнымъ X-омъ во всей сомнительной формулѣ были дѣйствительныя силы и боевая энергія красныхъ, но теперь ясно, что этотъ X совершенно иной, чѣмъ его рисовала наша развѣдка.

Утромъ былъ у Бурлина съ проектомъ собрать немедленно всѣхъ шатающихся по Омску генераловъ, военныхъ инженеровъ и офицеровъ и экстренно отправить ихъ на рекогносцировки р. р. Тобола и Ишима и на составленіе проекта ихъ укрѣпленія; одновременно организовать рабочія команды изъ благодушествующихъ обывателей и отправить ихъ туда же для производства фортификаціонныхъ работъ.

Если это сдѣлать, то будетъ куда отвести наши разстроенныя части, и за чѣмъ задержаться, а, быть можетъ, и отстояться; за готовой линіей, при превосходствѣ въ артиллеріи, на изученной заблаговременно мѣстности, при содѣйствіи военной техники и аэроплановъ мы навѣрное задержимъ красныхъ, не сильныхъ качественно и неспособныхъ на штурмъ укрѣпленныхъ позицій; послѣднія будутъ имѣть и крупное нравственное значеніе, ибо поднимутъ духъ войскъ, ослабятъ боязнь прорыва и отхода, а это сейчасъ главное.

Въ Ставкѣ меня выслушали довольно насмѣшливо и сказали, что по свѣдѣніямъ съ фронта надобности въ такихъ экстренныхъ мѣрахъ не усматривается.

Адмиралъ по собственной иниціативѣ издалъ указъ о прибавкѣ 100 руб. къ жалованью каждаго бойца, находящагося на фронтѣ; думается, что теперь это запоздалая мѣра; нужно было еще въ прошломъ году установить для солдатъ и офицеровъ крупные оклады и крупныя пенсіи, понимая, что въ тяжелой и неустойчивой обстановкѣ начатой борьбы нужны обезпеченные матерьяльно и не думающіе о своихъ семьяхъ защитники.

Сейчасъ настроеніе противъ насъ; неудачи и темное будущее взвинтили всѣ нервы; фронтъ ругательски ругаетъ начальство, тылъ, Омскъ и Правительство; ругаетъ безъ сторублевой прибавки, будетъ ругать и послѣ нея. Конечно, адмиралъ вызванъ на этотъ шагъ присущей ему отзывчивостью, нервнымъ и стремительнымъ желаніемъ оказать какую-нибудь помощь фронту, проявить реальное сочувствіе къ его нуждамъ; по этой части онъ очень импульсивенъ, и, въ хорошихъ рукахъ, это качество могло бы быть использываемо весьма продуктивно.

Сегодня во время доклада вызвалъ острое неудовольствіе адмирала своимъ докладомъ о тревожности положенія подъ Челябинскомъ; онъ меня рѣзко остановилъ, заявивъ, что донесенія Лебедева вполнѣ успокоительны и что мой пессимизмъ не къ мѣсту. Я сдержанно доложилъ, что мой служебный опытъ позволяетъ мнѣ имѣть свой собственный взглядъ на военныя операціи, а мой служебный долгъ обязываетъ меня доложить мои сомнѣнія и опасенія; опасности же въ моемъ пессимизмѣ нѣтъ, такъ какъ подчиненнымъ и окружающимъ я этого не высказываю, а говорю только тѣмъ изъ старшихъ начальниковъ, которые по своему и по моему положенію обязаны меня выслушать; дальнѣйшее же ихъ дѣло, дѣло ихъ долга, совѣсти и разумѣнія.

Адмиралъ нахохлился, но терпѣливо меня выслушалъ.

Въ концѣ доклада онъ набросился на главнаго интенданта полковника Сторожева, обвиняя интендантство во всѣхъ неудачахъ фронта; это было очень неожиданно, такъ какъ только на прошлой недѣлѣ адмиралу былъ представленъ докладъ, коимъ я доказалъ, что генералъ Суринъ выполнилъ весь данный ему Ставкой въ концѣ 1918 года нарядъ, и что ни генералъ Степановъ, ни Суринъ, ни интендантство не могутъ отвѣчать за ошибки Ставки, за дезорганизацію фронта и за расхищеніе всего того, что на фронтъ посылается; въ этомъ докладѣ я подчеркнулъ, что я анализирую все совершенно безпристрастно, никого не обвиняя, только на основаніи фактовъ, документовъ и цифръ.

Сторожевъ очень сдержанно доложилъ, что несомнѣнно въ дѣятельности Интендантства много промаховъ и недостатковъ, вольныхъ и невольныхъ, создаваемыхъ обстановкой и творимыхъ людьми, но что, къ сожалѣнію, одновременно все это муссируется и добавляется злобой и нареканіями, возводимыми на интендантство разными высокими лицами и учрежденіями, стоящими близко къ Ставкѣ, ихъ Верховному Правителю; эти лица и учрежденія позволяютъ себѣ искажать факты, обобщать мелочи и личныя неудовольствія и подносить адмиралу, какъ характеристику всей работы Интендантства; при этомъ нерѣдки случаи искаженія правды и подтасовки фактовъ, пользуясь положеніемъ близкихъ докладчиковъ и тѣмъ, что адмиралу трудно самому все провѣрить.

Я самымъ рѣшительнымъ образомъ поддержалъ Сторожева; это такой подчиненный, что будь всѣ остальные хоть немного на него похожи, можно было быть спокойнымъ за полный успѣхъ нашего дѣла — правдивый, энергичный, самостоятельный, добросовѣстный, съ огромной иниціативой.

Адмиралъ выслушалъ, сразу отошелъ, сталъ очень привѣтливъ и, отпуская Сторожева, поблагодарилъ его за докладъ; это мягкій воскъ, изъ котораго можно

лѣпить все, что угодно; горе въ томъ, что присяжные и довѣренные лѣпщики очень плохи.

Опять говорилъ съ Бурлинымъ о Челябинской операціи; онъ самъ очень ею обезпокоенъ, особенно ввиду энергичнаго нажима красныхъ на правый флангъ 3-ей арміи, дѣлающаго очень опаснымъ положеніе ея лѣвыхъ колоннъ и ея связи съ южной арміей.

Лебедевъ, сидя въ штабѣ у Сахарова и не видя ничего кромѣ своей проваливающейся операціи, настойчиво требуетъ, чтобы остатки Сибирской арміи перешли въ наступленіе, а тѣ находятся въ такомъ состояніи, что ихъ и остановить нельзя. Дитерихсъ нѣсколько разъ заявлялъ, что части бывшей Сибирской арміи къ бою негодны и что никакой помощи 3-ей арміи онъ оказать не можетъ.

Челябинскіе операторы, утопивъ собственную армію, судорожно цѣпляются за авоську, требуютъ отъ сосѣда чуда.

Бурлинъ, которому я еще разъ повѣдалъ всѣ свои тревоги, сказалъ, что онъ тоже переживаетъ очень часто невѣроятно тяжелыя минуты, видя, что творится Лебедевымъ и около адмирала, и однажды прямо высказалъ Лебедеву, что тому надо оставить свой постъ, на что Л. промолчалъ.

Состоялось совѣщаніе высокихъ комиссаровъ на тему объ оказаніи намъ матерьяльной помощи; новый варіантъ сказки про бѣлаго бычка или извѣстнаго «Жомини, да Жомини, а о водкѣ ни полслова . . .» Осточертѣли мнѣ эти словоизліянія, отъ которыхъ до сихъ поръ ни на грошъ реальной пользы; намъ дорогъ каждый часъ; затяжка борьбы ухудшаетъ невѣроятно наше положеніе, а намъ мѣсяцами выматываютъ всю душу разговорами; домъ горитъ, а мы должны показывать его планы и всякую ерунду, вмѣсто того, чтобы тушить.

Сукинъ гордо и побѣдоносно заявляетъ, что комиссары уже сговорились; что необходимое снабженіе будетъ дано; что чехословаки будутъ смѣнены тремя дивизіями японскихъ и американскихъ войскъ. Скорѣе бы все это осуществлялось; боязно даже вѣрить; особенно я радъ уходу чехо-словаковъ.

28 Іюля. Рано утромъ пошелъ въ Ставку, гдѣ дежурный офицеръ показалъ мнѣ телеграмму Сахарова съ донесеніемъ о томъ, что красные отходятъ и въ красныхъ обозахъ паника. Хочется вѣрить и въ то же время беретъ сомнѣніе, ибо изъ просмотра предыдущихъ телеграммъ не видно причинъ такого рѣзкаго измѣненія въ положеніи красныхъ.

По приходѣ въ Министерство былъ долго мучимъ Ивановымъ-Риновымъ; онъ объѣхалъ часть станицъ своего войска, развезъ и роздалъ привезенные съ Дальняго Востока товары и теперь вернулся тріумфаторомъ, любимцемъ населенія и внѣконкурснымъ кандидатомъ на переизбраніе въ войсковые атаманы; онъ привезъ съ собой навинченные болтовней, водкой и подарочнымъ настроеніемъ приговоры станичныхъ сходовъ о поголовномъ выходѣ на службу всѣхъ Сибирскихъ казаковъ, и сейчасъ гордъ и важенъ, изображая изъ себя единственнаго спасителя во всемъ создавшемся здѣсь положеніи. Его носятъ на рукахъ, ему остается только приказывать.

Все это очередной казачій бумъ; ни на минуту не вѣрю всѣмъ этимъ приговорамъ; не таковы сибирскіе казаки, чтобы поголовно встать на борьбу съ большевиками; тотъ, кто хотѣлъ бороться, самъ пошелъ въ ряды арміи. Свидѣтели такого же поголовнаго выхода Оренбургскихъ казаковъ разсказываютъ, что все кончилось полученіемъ пособія и расходомъ по станицамъ, какъ только тѣмъ стала угрожать опасность. Полицейской душѣ Иванова-Ринова хочется блестящей рекламы, великой шумихи и удовлетворенія своему обиженному честолюбію. Какъ бы было хорошо, если бы, вмѣсто никогда не осуществимаго поголовнаго выхода, казаки выставили бы хорошій шестисотенный полкъ и взяли на себя охрану дороги на своей территоріи.

Казачьи честолюбцы очень любятъ дѣлать карьеру, раздувая казачій патріотизмъ, казачье геройство, а въ послѣднее время приписывая казакамъ патентованное званіе спасителей Россіи отъ большевизма. Все это непомѣрно раздуто, и въ значительной степени безконечно далеко отъ истины. Справедливо это только въ отношеніи Уральскихъ

казаковъ, этихъ эпическихъ борцовъ противъ красныхъ тирановъ, и извѣстной части остальныхъ казаковъ, преимущественно стариковъ.

Остальное разложилось, расказачилось, обольшевичилось или пошло на соглашеніе.

Сейчасъ Ивановъ-Риновъ сдѣлался первымъ лицомъ въ Омскѣ; ему предоставлено право непосредственнаго доклада адмиралу, которому онъ приноситъ уже готовые къ подписи проекты указовъ и распоряженій; онъ все ведетъ къ тому, чтобы сформировать отдѣльный казачій корпусъ, сдѣлаться его командиромъ и заработать съ нимъ побѣдные лавры.

Адмиралъ забылъ все старое, обвороженъ рисуемыми ему блестящими перспективами, когда геройскіе казачьи полки погонятъ красныхъ за Уралъ, все поправится и вновь расцвѣтутъ всѣ надежды, связанныя съ военными успѣхами.

Желанія Ринова теперь — законъ; приказано, чтобы его заявленія и требованія удовлетворялись внѣ очереди; обнаглѣвшій отъ неожиданнаго успѣха казакъ требуетъ деньги, обмундированіе и всѣ виды снабженій въ самыхъ гомерическихъ размѣрахъ, въ двойной и тройной запасъ.

Армія, потерявшая всѣ свои запасы, этимъ обездоливается, но на это не хотятъ обращать вниманія.

Вечеромъ экстренное засѣданіе Совѣта Министровъ по поводу объявленной забастовки на К. В. желѣзной дорогѣ, останавливающей подвозъ всего снабженія прибывающаго въ Владивостокъ.

Изъ доклада министра финансовъ ясно, что забастовка вызвана нелѣпымъ управленіемъ дорогой, не обращающимъ никакого вниманія на вопіющія нужды своихъ мелкихъ служащихъ; результаты таковы, что даже покорные до сихъ поръ илоты К. В. ж. д. рѣшились на забастовку.

Въ этомъ же засѣданіи разсматривался проектъ Устругова о новыхъ окладахъ жалованья, основанныхъ на прожиточномъ минимумѣ; проектъ этотъ практически не возможенъ, такъ какъ при его принятіи министерство финансовъ не сможетъ справиться съ печатаніемъ необходимаго для его удовлетворенія количества бумажныхъ денегъ, ибо минимумъ будетъ расти каждый мѣсяцъ съ ужасающей быстротой и параллельно будетъ понижаться стоимость денегъ, а это опять будетъ повышать минимумъ.

При обсужденіи вопроса о забастовкѣ я высказалъ, что министру финансовъ надо вмѣшаться и заставить правленіе дороги улучшить положеніе служащихъ дороги, давъ побольше натурой и немного деньгами.

Послѣ принятія мѣръ по улучшенію матерьяльнаго положенія — требовать истовой и добросовѣстной службы, вывести на дорогѣ политику, взяточничество и разныя темныя комбинаціи, составленныя изъ старшихъ агентовъ дороги, подрядчиковъ и крупныхъ грузоотправителей. Натурой надо дать всѣ виды квартирнаго довольствія и продовольственный паекъ, развить кооперативы.

Получилъ статью профессора Мигулина по поводу злоупотребленій въ Омскомъ Военно-Промышленномъ Комитетѣ; написалъ офиціальныя письма предсѣдателю Совѣта Министровъ и Министру Юстиціи съ заявленіемъ, что правительство не имѣетъ права замалчивать приписываемыя комитету преступныя дѣянія, обязано рѣзко отмежеваться отъ подозрѣнія въ возможности какого либо покровительства этому комитету и дать дѣлу законный слѣдственный ходъ.

29 Іюля. Состоялось совмѣстное засѣданіе министровъ Правительства и высокихъ союзныхъ комиссаровъ по вопросу разверстки между союзниками оказываемой намъ матерьяльной помощи. Со стороны союзниковъ прибыли Элліотъ, Моррисъ, графъ Мартель и Мацусима, генералы Ноксъ, Гревсъ, Жаненъ и Такаянаги; мы сидѣли въ очень жалкомъ положеніи бѣдныхъ родственниковъ персидской категоріи, ожидающихъ рѣшенія своей участи.

Ноксъ высказался очень рѣзко, что, собственно говоря, намъ не стоитъ помогать, такъ какъ у насъ нѣтъ никакой организаціи и большая часть оказываемой намъ матерьяльной помощи дѣлается въ концѣ концовъ достояніемъ красныхъ. Ноксъ очень обиженъ, что послѣ разгрома Каппелевскаго корпуса, одѣтаго въ новое съ иголочки англійское

обмундированіе и снаряженіе, перешедшее къ краснымъ, тупоумные Омскіе зубоскалы стали называть его интендантомъ красной арміи и сочинили пасквильную грамоту на его имя отъ Троцкаго съ благодарностью за хорошее снабженіе.

Сукинъ очень сдержанно, но съ достоинствомъ отвѣтилъ Ноксу, что, конечно, это дѣло союзниковъ рѣшать, стоитъ ли намъ помогать, но данное совѣщаніе собрано не для этого, а съ опредѣленной цѣлью получить отъ насъ опредѣленныя свѣдѣнія, что намъ нужно для продолженія борьбы по возстановленію русской государственности, и мы готовы дать эти свѣдѣнія.

По очереди всѣ министры доложили нужды своего министерства, причемъ я уменьшилъ требованія Ставки вдвое, ибо нелѣпо, смѣшно и даже вредно заявлять потребность снабженія на армію въ одинъ милліонъ человѣкъ.

Насъ выслушали и заявили, что высокіе комиссары разсмотрятъ наши заявленія. Вернулся домой взбѣшеннымъ; все болѣе и болѣе начинаю вѣрить, что насъ нарочно водятъ за носъ и кормятъ завтраками.

Съ нами все бесѣдуютъ и насъ щупаютъ, а черезъ $1^1/_2$ мѣсяца зима и у насъ нѣтъ ничего суконнаго; мы все надѣялись на заморскихъ дядюшекъ, заливавшихъ насъ обѣщаніями, и теперь близко къ тому, чтобы очутиться въ самомъ скверномъ положеніи.

Вечеромъ въ Совѣтѣ Министровъ у насъ совершенно даромъ отняли нѣсколько часовъ времени и кормили протухлымъ Екатеринодарскимъ рагу въ видѣ сообщеній пріѣхавшихъ оттуда гастролеровъ, на сей разъ гражданскаго происхожденія, Волкова и Червенъ-Водали.

Не знаю, кому и для чего нужны эти бредни и вопли довольно второсортныхъ не то кадетъ, не то кадетоидовъ, съ самыми сумбурными марсіанскими воззрѣніями на русскую дѣйствительность и на русскій народъ. Много трескучихъ фразъ, но отовсюду торчитъ хвостикъ остраго желанія вернуть старыя удобства и привиллегіи; хвостикъ сей прикрытъ, однако, какимъ-нибудь демократическимъ чехольчикомъ. Ясно только одно, что и на югѣ простонародье и казачество противъ офицерства, со стороны котораго боятся реакціи. Видимо, и тамъ, какъ и у насъ, неуравновѣшенные круги офицерства сдѣлали очень много, чтобы отбить отъ себя народъ и заставить его невольно перейти на сторону того, что также ненавистно, но за то обѣщаетъ спасти отъ реакціи, отъ отобранія земель и отъ стараго «прижима».

Да и откровенные южане, не боящіеся говорить правду, не скрываютъ, что у нихъ остались только рѣдкія кучки борцовъ за родину, остатки Алексѣевскихъ и Корниловскихъ сподвижниковъ; большинство же борется за кормежку сейчасъ и за реставрацію въ будущемъ. Все это мараетъ бѣлую идею, отдаляетъ ея успѣхъ и очень крѣпитъ положеніе комиссаровъ. Подъ Челябинскомъ еще идутъ бои, но надежды на успѣхъ нѣтъ; красные не только не выдыхаются, но напираютъ все энергичнѣе. Мнѣ думается, что заправилы нашей развѣдки, давая своимъ верхамъ свѣдѣнія о разстройствѣ и выдыхѣ красныхъ, были обмануты двойными агентами или же измѣнниками, внѣдрившимися въ развѣдку; иначе трудно объяснить такое расхожденіе съ дѣйствительностью.

30 Іюля. Челябинская операція проиграна; Лебедевъ пытается въ своихъ донесеніяхъ замаскировать непріятную правду, но она ясна. Начались уже розыски виновныхъ въ неуспѣхѣ стрѣлочниковъ, подлѣйшее занятіе нашихъ верховъ.

Итакъ, великое преступленіе совершилось, послѣдніе резервы погублены ради самолюбія двухъ безграмотныхъ выскочекъ, и задержать откатъ обрывковъ армій на востокъ уже нечѣмъ. Одновременно поставлена въ исключительно тяжкое положеніе и южная армія, которую упорно держали на уступѣ впередъ ради участія ея въ Челябинской авантюрѣ, а теперь бросаютъ на произволъ судьбы. Утромъ засѣданіе Комитета Экономической Политики, на которомъ нашъ финансовый младенецъ Михайловъ докладывалъ то, что сообщено имъ высокимъ комиссарамъ, какъ наша программа по упорядоченію финансовъ. Основаніе доклада: постепенная унификація денегъ; переходъ отъ обязательствъ Государственнаго Казначейства на кредитные билеты американскаго изготовленія; признаніе всѣхъ долговъ Россіи и оплата процентовъ по купонамъ.

Въ отношеніи обыкновенныхъ займовъ они признаны сейчасъ неосуществимыми, но возможно полученіе ссудъ на возстановленіе промышленности и земледѣлія.

Предположено наши военные займы включить въ нѣмецкую контрибуцію, такъ что они будутъ получены союзниками съ нѣмцевъ.

Михайловъ и Сукинъ говорятъ, что финансовая программа получила полное одобреніе комиссаровъ и послужитъ удачнымъ основаніемъ для завершенія полнаго соглашенія. Дай Богъ, чтобы это было такъ, а главное поскорѣй.

Въ Красноярскѣ взбунтовались два полка; одинъ изъ пароксизмовъ гнилой лихорадки нашего тыла. Донесенія изъ Харбина отмѣчаютъ усиленную дѣятельность въ полосѣ отчужденія дороги значительныхъ шаекъ хунхузовъ. Когда большевизмъ доберется до Китая, то найдетъ тамъ весьма благопріятную почву для своего развитія и объ этомъ надо очень и очень подумать господамъ союзникамъ; китайское хунхузничество это тоже своего рода большевизмъ, уродливый протестъ противъ капитализма, соціальнаго и экономическаго неравенства. Попавъ въ Китай, большевизмъ можетъ вылиться тамъ въ такихъ формахъ, что весь міръ содрогнется.

31 Іюля. Тяжкая обстановка грозитъ разрушить послѣдніе остатки нормальной системы государственнаго управленія; появились разные кандидаты въ спасители отечества, лѣзущіе къ адмиралу съ готовыми указами.

Я сторонникъ единовластія, единоличнаго управленія въ такое исключительное время, но надо чтобы единовластіе находилось въ талантливыхъ рукахъ и осуществлялось планомѣрно; то же, что сейчасъ у насъ творится, хуже всякихъ Совдеповъ и комиссарщины; адмиралу преподносится и имъ одобряется и утверждается всевозможная разнокалиберщина, несогласованная, непродуманная; въ результатѣ получается невѣроятная неразбериха. Отзывчивость адмирала и судорожное исканіе имъ лучшихъ и дѣйствительныхъ средствъ, при его непрактичности и неподготовленности по большинству вопросовъ государственнаго и военнаго управленія, только ухудшаютъ положеніе.

Мнѣ особенно приходится испытывать результаты этой неразберихи, такъ какъ все касающееся военнаго вѣдомства и снабженій препровождается мнѣ на исполненіе; на меня падаетъ нелегкая обязанность сглаживать всѣ противорѣчія и приводить въ сколько-нибудь приличный видъ всѣхъ рождаемыхъ этимъ путемъ юридическихъ, финансовыхъ и снабжательныхъ крокодиловъ. Усугубляется сіе и тѣмъ, что многое приходитъ ко мнѣ не только утвержденнымъ адмираломъ, но уже и проводимымъ въ жизнь явочнымъ порядкомъ, причемъ авторы кричатъ, что при малѣйшей задержкѣ исполненія вырванныхъ ими у адмирала распоряженій, они не отвѣчаютъ за послѣдствія.

Адмиралъ, вмѣсто того, чтобы послать всѣхъ этихъ прожектеровъ къ черту и убѣдиться, что ничего отъ этого не произойдетъ, со всѣмъ соглашается, волнуется осуществленіемъ, громыхаетъ и штормуетъ въ случаѣ малѣйшей задержки и ждетъ чуда отъ современныхъ Симоновъ-волхвовъ типа Иванова-Ринова и иже съ нимъ.

Въ Ставкѣ совершенно непристойная буря по поводу задержки въ производствѣ въ полковники какого-то подполковника Васильева, имѣющаго счастіе состоять супругомъ пѣвицы Каринской; Васильевъ, по разсмотрѣнію Дежурнаго Генерала, никакого права на производство не имѣетъ, но жена все время клянчитъ за него у адмирала.

Послѣдній изругалъ Бурлина и приказалъ выслать на фронтъ дежурнаго генерала Ставки Кондрашева; жалкая картина въ специфически морскомъ духѣ.

Ивановъ-Риновъ добился экстреннаго ассигнованія сибирскимъ казакамъ ста милліоновъ рублей. Ожилъ, рыщетъ, нюхаетъ и пробирается въ дамки дальневосточный спиртовозъ Хрещатицкій; казачья конференція въ полной силѣ.

Вечеромъ былъ приглашенъ къ генералу Жанену, гдѣ былъ и Адмиралъ; послѣдній самъ поднялъ со мной сепаратный разговоръ о Челябинской операціи; я ему доложилъ, что считаю, что сейчасъ необходимо немедленно ее прекратить и приказать сдѣлать все возможное, чтобы вывести втянутыя въ нее войска съ наименьшимъ для нихъ ущербомъ.

Адмиралъ промолчалъ, но попросилъ ускорить обѣдъ, затѣмъ прошелъ въ кабинетъ къ Жанену, гдѣ и подписалъ телеграмму Лебедеву объ отступленіи; онъ очень мраченъ и встревоженъ.

1 Августа. Все, связанное съ Челябинской авантюрой, а главное, мое безсиліе ее остановить и предотвратить всѣ ея послѣдствія, привело меня къ рѣшенію просить адмирала объ увольненіи меня отъ должности, и, если нельзя дать мѣста на фронтъ, то и въ отставку. Мнѣ не подъ силу оставаться спокойнымъ зрителемъ того, какъ убиваются послѣднія надежды на успѣхъ того дѣла, которому служимъ и для котораго такъ много приносится въ жертву. Хочу получить полную свободу дѣйствій, не нарушая дисциплины, кричать правду и добиваться ея торжества; надѣюсь, что найдутся сочувствующіе, и тогда, быть можетъ, получатся болѣе положительные результаты. Пусть я острый пессимистъ, но, однако, до сихъ поръ я былъ правъ въ томъ, что именуютъ моимъ пессимизмомъ. Мнѣ не вѣрятъ, не раздѣляютъ моихъ опасеній; адмиралъ на меня косится; мои доклады ему непріятны, а главное, ни къ чему не приводятъ.

Послѣ обѣда получилъ согласіе на увольненіе, но съ приказаніемъ нести обязанности Военнаго Министра до прибытія въ Омскъ ѣдущаго сюда изъ Парижа генерала Головина.

При разговорѣ съ адмираломъ по поводу Челябинской операціи убѣдился, что Лебедевъ сумѣлъ такъ начинить адмирала фаршемъ собственнаго изготовленія, что тотъ узаконилъ себѣ чудовище, рожденное Лебедевымъ и Сахаровымъ, и глубоко огорченъ неудачей «своей» операціи.

Доложилъ адмиралу свой проектъ организаціи обороны линій р. р. Тобола и Ишима съ использованіемъ на это болтающихся по Омску генераловъ и офицеровъ, военныхъ инженеровъ и рабочихъ обывательскихъ командъ. Конечно, эти линіи не непроходимыя преграды, но все же ихъ надо форсировать, а главное, онѣ дадутъ опредѣленную и осязаемую линію фронта. Адмиралъ приказалъ передать этотъ проектъ въ Ставку для доклада ему болѣе подробно.

Мнѣ страшно хочется добиться, чтобы мою мысль поняли; я считаю, что наши войска въ ихъ современномъ состояніи не годны для полевой и маневренной войны и что для выигрыша необходимаго намъ времени надо перейти къ оборонѣ на укрѣпленной позиціи. Артиллерія красныхъ и ихъ техническія средства наступленія очень слабы, и въ этомъ нашъ большой плюсъ при оборонѣ.

Мы потеряли устойчивость и это надо возстановить на время укрѣпленіями, загражденіями и примѣненіемъ военной техники. Единственные пригодные для обороны рубежи — это линіи рѣкъ Тобола и Ишима; правда, что онѣ не особенно сильны, но имѣютъ много непроходимыхъ участковъ сокращающихъ линію фронта, а затѣмъ ихъ надо все же форсировать, что при сохраненіи у насъ еще довольно сильной артиллеріи даетъ намъ крупныя преимущества.

При желаніи въ 2—3 недѣли можно удовлетворительно укрѣпить эту линію, построить наблюдательные пункты, пулеметные и орудійные блиндажи, наладить связь, исправить мосты и дороги, организовать сигнализацію, пристрѣлять подступы и пр. и пр.

Затѣмъ сейчасъ же отвести за эту линію всѣ наиболѣе потрепанныя дивизіи и дать имъ время отоспаться, отъѣсться и отдохнуть; поставить ихъ по участкамъ, чтобы онѣ къ нимъ прижились, присмотрѣлись, а офицеры за то же время произвели необходимыя рекогносцировки, изучили слабыя стороны и пр. и пр.

Примѣненіе техники должно дать возможность имѣть резервы для маневра и противъ случайностей, развивая огневую оборону артиллеріей и пулеметами.

Все же вмѣстѣ взятое дастъ возможность остановить и потрепать непріятеля, поднять духъ войскъ, дать имъ отдыхъ, произвести необходимыя реформы и выправить наше почти безнадежное положеніе.

Огромнымъ минусомъ для проведенія моего проекта является шумиха, созданная Ивановымъ-Риновымъ съ поголовнымъ выходомъ Сибирскихъ казаковъ; вмѣсто прежней паники здѣсь приподнятое фанфаронство и отъ казаковъ ждутъ чуда и въ него вѣрятъ; при такомъ оптимизмѣ разговоры объ укрѣпленіи Тобола, Ишима и, — что я считаю тоже нужнымъ, — Иртыша, считаются паническими и даже нежелательными.

2 Августа. Не знаю, кто изъ адмиральскаго антуража подтолкнулъ Верховнаго Правителя на выпускъ нѣсколькихъ воззваній къ войскамъ и къ населенію, написанныхъ въ истерическомъ тонѣ временъ Керенщины. Больно за Верховную власть и за Верховное командованіе, которыя толкаются на такія безцѣльныя изліянія.

Внушается это людьми, привыкшими вѣрить въ то, что все заключается въ собраніяхъ, рѣчахъ, резолюціяхъ, воззваніяхъ и прочихъ способахъ извода бумаги и сотрясенія воздуха; имъ не вѣдомо, что массы этихъ воззваній не читаютъ, не знаютъ, а при встрѣчѣ съ ними не обращаютъ на нихъ никакого вниманія, ибо жизнь и практика убѣдила ихъ, что все это только слова; не знаютъ или не понимаютъ эти люди и того, что всѣ способы такъ называемой пропаганды сильны и дѣйственны только тогда, когда они сулятъ и даютъ толпѣ и массамъ сладкія и пріятныя вещи въ видѣ ослабленія или освобожденія отъ обязанностей и увеличенія личныхъ благъ, и, притомъ, въ реальной, осязаемой, не внушающей сомнѣній формѣ. Но все это пустопорожне и безцѣльно, разъ вы касаетесь непріятныхъ для толпы вещей и требуете отъ нея ограниченій и жертвъ.

Только люди, выросшіе въ атмосферѣ собраній, рѣчей, судоговореній и прочихъ способовъ словесныхъ турнировъ способны вѣрить въ дѣйственность словъ надъ массами; такая атмосфера — привычное поле для разныхъ пустобреховъ, искусныхъ въ заговариваніи толпы, въ подъемѣ ея настроенія, въ навязываніи ей предвзятыхъ идей, въ срывѣ апплодисментовъ, въ выносѣ желательныхъ и большей частью не понятныхъ толпѣ резолюцій. Но все это хорошо только въ небольшихъ размѣрахъ и въ отношеніи къ массамъ опредѣленнаго состава и въ опредѣленной обстановкѣ.

Но, когда дѣло переходитъ на такіе масштабы, какъ арміи и населеніе цѣлой страны, то вся дѣйственность такихъ зовущихъ къ долгу, лишеніямъ и смерти воззваній сводится къ нулю. Въ томъ же жестокомъ дѣлѣ, которое именуется войной, эти способы воздѣйствія на массу не имѣютъ никакого реальнаго значенія; пусть спросятъ искреннихъ командировъ и участниковъ войны про значеніе такихъ приказовъ для войскъ, и они честно вамъ отвѣтятъ, что никто этими приказами не интересовался, большинство ихъ не читало, и практическое значеніе ихъ ноль; (конечно, это не относится къ приказамъ, дающимъ преимущества, льготы, награды, деньги и т. п.; такіе приказы выучиваются наизусть).

Но эти воззванія довольно дѣйственны въ рукахъ организацій, борющихся съ наличной властью, что объясняется съ одной стороны извѣстной однородностью состава такихъ организацій, а съ другой — россійской привычкой быть въ оппозиціи начальству и власти и дѣлать ей разные подвохи; все антиправительственное усердно, до пота распространяется, переписывается и на расхватъ, въ засосъ читается; добровольныхъ разносителей, до министровъ включительно, хоть отбавляй. Правительственная же литература, даже самая полезная и необходимая, гніетъ въ канцеляріяхъ и архивахъ, печатается въ казенныхъ изданіяхъ, читается только чиновниками, а, если попадаетъ къ обывателю, то главнымъ образомъ для критики, зубоскальства и ругани по адресу начальства и власти.

Субсидируемая печать сопровождаетъ правительственныя воззванія патріотическими передовицами и восхваленіями, но и сіе есть только трата бумаги и сотрясеніе воздуха, безъ какой-либо реальной пользы.

Возможность душевнаго и героическаго подъема народныхъ массъ должна быть заложена въ душѣ народа; подъемъ этотъ вызывается глубокими, большей частью матерьяльными причинами и вызываемыми ими переживаніями и эмоціями.

Какую реальную силу могутъ имѣть истерическія воззванія далекой, чуждой, безполезной, непріятной, а, мѣстами, ненавистной власти къ невѣрящему ей ни на грошъ населенію, смотрящему вообще на власть, какъ на нѣчто, способное творить только непріятное.

Я думаю, что такія воззванія даже вредны, ибо всѣ привыкли, что они начинаютъ испускаться властью въ тяжкія для нея времена, а это сейчасъ поддаетъ пару всему ожидающему паденія этой власти и мечтающему водвориться на ея мѣсто.

Въ былыя времена Верховная власть никогда не опускалась на это взывательское дно; она или распространяла милость, или глухо рокотала, метала громы и скорпіоны, или повелѣвала и приказывала.

Въ засѣданіи Совѣта Министровъ я поднялъ вопросъ о крайней нежелательности такихъ воззваній и о необходимости оградить адмирала отъ толкающихъ его на такіе шаги; при этомъ выяснилось, что члены совѣта узнали про эти воззванія только изъ газетъ. Что ни говори, а странное у насъ Правительство!

Прочиталъ въ Ставкѣ донесенія Лебедева и Сахарова; вспомнилъ худшія времена великой войны и довольно многочисленный у насъ классъ старшихъ начальниковъ, которые требовали отъ войскъ «или непріятельскихъ пушекъ, или огромныхъ потерь», причемъ послѣднія были нужны для доказательства, что эти желѣзные quasi-герои употребили всѣ усилія для побѣды и что они воспитали такія войска, которыя можно укладывать до послѣдняго.

Такъ и въ прочитанныхъ мной телеграммахъ сугубо подчеркиваются огромныя потери, понесенныя нѣкоторыми частями; отовсюду лѣзетъ желаніе показать, что все было задумано геніально и такъ же геніально и рѣшительно проведено, но Богу Браней было не угодно осѣнить насъ своей благодатью.

Чѣмъ сильнѣе потери, тѣмъ преступнѣе тѣ, которые создали обстановку, эти потери вызвавшую.

Теперь уже несомнѣнно, что, по шалой фантазіи двухъ попавшихъ къ власти честолюбцевъ въ придачу къ тремъ разстроеннымъ и небоеспособнымъ арміямъ, мы уложили наиболѣе сохранившіяся части западной арміи и всѣ послѣдніе резервы. Все это создаетъ самыя мрачныя перспективы: фронтъ обратили въ лохмотья; тылъ покрытъ очагами все разрастающихся возстаній; вмѣсто сильнаго правительства безпомощная говорилка; на верху честный и искренній, но дряблый, безвольный, незнающій жизни и дѣла человѣкъ, плѣненный кучкой политикановъ и честолюбцевъ, задорныхъ юнцовъ, безграмотныхъ и въ своемъ и въ общегосударственномъ дѣлѣ, но рѣшительно и властно творящихъ разные шалые эксперименты. Идетъ смѣхотворная игра во Всероссійское Правительство, при полной импотенціи что либо дѣйствительно властно приказать или рѣшительно провести.

Свѣдѣнія отъ привезенныхъ съ фронта раненыхъ офицеровъ, даже съ поправкой на неизбѣжное обостреніе пессимизма, самыя тревожныя: пока былъ успѣхъ, солдаты шли впередъ довольно охотно, но, послѣ первыхъ недѣль поворота военнаго счастья въ пользу красныхъ, настроеніе рѣзко перемѣнилось и началось массовое дезертирство набранныхъ приволжскихъ и уральскихъ мобилизованныхъ; сейчасъ большинство не желаетъ воевать, не желаетъ обороняться и пассивно уходитъ на востокъ, думая только о томъ, чтобы не нагнали красные; этотъ отступательный потокъ увлекаетъ съ собой немногія, сохранившія порядокъ и боеспособность части и отдѣльныхъ съ непоколебленнымъ духомъ солдатъ и офицеровъ.

Наполненіе рядовъ негоднымъ мобилизаціоннымъ элементомъ оказалось роковымъ; въ потокѣ шкурятины растворились геройскіе остатки истинныхъ борцовъ за идею и за спасеніе родины.

Офицеры не скрываютъ, что многія части по недѣлямъ не видятъ красныхъ, которые идутъ за нами въ нѣсколькихъ дняхъ разстоянія; у тѣхъ тоже мало охотниковъ воевать, но тамъ это нежеланіе парализуется разстрѣлами и примѣненіемъ сзади коммунистическихъ револьверовъ и пулеметовъ.

Много нареканій на офицерскія укомплектованія, состоящія по преимуществу изъ насильно набранныхъ и укрывавшихся отъ призыва офицеровъ и изъ вновь выпущенныхъ юнкеровъ краткосрочныхъ школъ очень неудовлетворительнаго качества.

Жалуются, что при малѣйшей неустойкѣ первыми сдаютъ офицеры; объясняютъ это боязнью краснаго плѣна и недовѣріемъ къ своимъ солдатамъ, обостряющимся всегда, когда часть попадаетъ въ опасное положеніе и надвигается вѣроятность ея плѣна или перехода на красную сторону.

Бывшій у меня по вопросамъ снабженій ротмистръ Анненковской бригады подтвердилъ, что даже конныя части не всегда въ соприкосновеніи съ красными; группы же Гривина и Вержбицкаго отходятъ безъ боевъ, причемъ штабъ Гривина, уходя впереди всѣхъ и находясь верстахъ въ 70 отъ своихъ войскъ, фабрикуетъ донесенія объ упорныхъ бояхъ и наносимыхъ краснымъ потеряхъ.

Любовь къ дутымъ и ложнымъ донесеніямъ наша старая болѣзнь, полученная на Кавказѣ и въ Туркестанѣ, широко развившаяся во время боксерскаго возстанія и японской войны (когда на этомъ создались многія военныя карьеры и многія геройскія репутаціи) и махрово расцвѣтшая въ великую войну.

Сейчасъ эта мерзость практикуется во всю; врутъ и фабрикуютъ донесенія почти всѣ; ближайшее начальство это знаетъ, но смотритъ сквозь пальцы, и само идетъ по той же дорожкѣ; спросъ на побѣды, успѣхи, трофеи и одолѣнія вверху огромный, и посылаемый туда матерьялъ собственнаго изготовленія охотно и безконтрольно принимается на вѣру и щедро награждается; мало кто удержался отъ того, чтобы не присосаться къ этому источнику наградъ и повышеній; есть, конечно, исключенія, но они наперечетъ и очень не въ модѣ.

Еще въ Харбинѣ я видѣлъ протестъ офицеровъ 2 Сибирской дивизіи по поводу раздуванія взятія Перми, какъ громкой побѣды, и по поводу ношенія на погонахъ вензелей Гайды и Пепеляева; взятіе Перми было лихимъ налетомъ, произошло очень легко и никакой побѣды тамъ не было.

Но кому извѣстны эти одинокіе протесты? Что они могли сдѣлать, когда кругомъ фронтовыхъ сатрапчиковъ и тыловыхъ атамановъ образовалась опричнина купленныхъ, прикормленныхъ и специфически (до извѣстнаго предѣла) преданныхъ башибузуковъ, цѣнящихъ выгоды создавшагося положенія и готовыхъ, не моргнувъ глазомъ, перервать глотку тому, кто захочетъ измѣнить это положеніе не въ ихъ сторону.

Разсказываютъ, вѣдь, бѣжавшіе изъ семеновщины офицеры о судьбѣ тѣхъ лицъ, которыя дѣлались опасными для Читы и которыя исчезали или «выводились въ расходъ».

Эвакуація Екатеринбурга прошла очень плохо, такъ какъ подвижной составъ и локомотивы были расхватаны штабами, управленіями, начхозами и войсками; побросали массу разныхъ запасовъ, причемъ обнаружилось, что многіе склады были переполнены такими вещами, въ которыхъ въ войскахъ ощущался острый недостатокъ.

Это было усмотрѣно войсками и вызвало нѣсколько эксцессовъ, выразившихся въ разносѣ складовъ, избіеніи ихъ личнаго состава и т. п.

Но все же Пермско-Екатеринбургская эвакуація прошла несравненно лучше Уфимской; по этой части много пользы принесъ Дитерихсъ, который оставался въ Екатеринбургѣ до конца и уѣхалъ послѣднимъ.

По свидѣтельству кавалерійскихъ офицеровъ, Екатеринбургъ былъ занятъ красными только на второй день послѣ ухода оттуда послѣдней нашей части.

Въ Тюмени атаманствуютъ штабъ и управленія первой арміи; по разсказу товарища Министра Путей Сообщенія Ларіонова, благодаря самодурству генерала Пепеляева, погибли всѣ эшелоны, шедшіе на станцію Богдановичи Алапаевскаго направленія. Пепеляевъ занялъ своими штабными эшелонами всѣ маневровые пути станціи Богдановичи, отказался наотрѣзъ продвинуться на слѣдующіе разъѣзды и закупорилъ станцію на десять часовъ; это кончилось гибелью сотни локомотивовъ и 5000 вагоновъ съ очень цѣнными и нужными намъ грузами, шедшими съ Сѣвернаго Урала.

28-лѣтніе генералы изъ недавнихъ оберъ-офицеровъ, очень храбрые въ штыковыхъ и конныхъ атакахъ, неспособны видѣть дальше своего юнаго, очень востраго и рѣшительнаго носа, и для нихъ собственное усмотрѣніе и распущенная обстоятельствами воля составляютъ высшій законъ. Ихъ примѣру слѣдуютъ ихъ подчиненные и получается потокъ усмотрѣній, произвола, насилій и безпорядковъ.

Ввиду полученнаго согласія на свою отставку, считаю себя болѣе свободнымъ въ дѣйствіяхъ; отправился поэтому къ временному замѣстителю предсѣдателя Совѣта Министровъ Тельбергу и откровенно высказалъ ему свои «пессимистическіе» взгляды на текущія событія, на способы управленія арміей и страной; высказалъ, что, по моему

мнѣнію, мы уже дошли до края бездны и что нужно сдѣлать послѣднія усилія и попытаться полной перемѣной курса избѣжать надвигающейся общей катастрофы.

Далъ ему характеристику дѣятельности Лебедева какъ Наштаверха и ея результатовъ, отмѣтивъ все значеніе Челябинской операціи; сказалъ, что докладываю все это ему, потому что всѣ иные способы обратить вниманіе на совершающіяся событія и ихъ неизбѣжныя послѣдствія мной исчерпаны. Высказалъ свое недоумѣніе по поводу отсутствія твердаго плана и безсистемности всей правительственной работы, на необходимость большей согласованности въ дѣятельности «объединеннаго» по названію кабинета, и на необходимость Предсѣдателю Министровъ быть дѣйствительнымъ главой кабинета, направителемъ и регуляторомъ правительственной дѣятельности, активнымъ дополненіемъ Верховной власти и ея охранителемъ отъ всякихъ вліяній мѣстныхъ, политическихъ и сословныхъ кружковъ, конференцій и нашептываній съ чернаго крыльца.

Временами на меня набѣгаютъ внутренніе упреки за то, что я не настоялъ раньше на освобожденіи меня отъ служебной зависимости съ тѣмъ, чтобы выступить съ обличеніемъ всего совершающагося; правда, что это было бы только внутреннимъ утѣшеніемъ, ибо реальной пользы отъ этого не произошло бы и я былъ бы высланъ изъ Омска такъ же, какъ то случилось съ Завойко, Феодосьевымъ и другими.

Письмо въ редакцію

17 марта 1924 года
гор. Сремски-Карловцы.

Милостивый Государь
Господинъ редакторъ!

Въ XII томѣ «Архива Русской Революціи» помѣщенъ дневникъ генерала БУДБЕРГА.

На стр. 254 этого тома, въ части дневника, помѣченной 18 ноября 1917 года, между прочимъ, значится: ...... «Былъ въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба ...... Узналъ, что на заключеніе мира заставили ѣхать въ качествѣ военныхъ экспертовъ полковниковъ Генеральнаго Штаба ШИШКИНА и СТАНИСЛАВСКАГО.....»

Въ цѣляхъ правильнаго освѣщенія этого вопроса, прошу Васъ, г. Редакторъ, не отказать въ любезности помѣстить въ очередномъ томѣ «Архива Русской Революціи» мое настоящее письмо и прилагаемый къ нему документъ, обрисовывающій, съ достаточной полнотой и объективностью, тотъ фактъ, о коемъ упоминаетъ генералъ БУДБЕРГЪ.

Приложеніе: Документъ

Прошу принять увѣреніе въ моемъ уваженіи
А. СТАНИСЛАВСКІЙ.

Копія

ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЕННАЯ МИССІЯ
при
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМЪ В. С. Ю. Р.

Таганрогъ, 20/3 Сентября 1919 г

Въ 1917—18 г. г. я былъ въ Петроградѣ и Москвѣ въ качествѣ Начальника Французскаго Военнаго Отдѣла при Г. У. Г. Ш.

Мнѣ извѣстно, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1917-го года, когда была установлена неизбѣжность заключенія большевиками перемирія съ Германіей, Военные Представители Союзныхъ съ Россіей Державъ обратились къ Начальнику Генеральнаго Штаба Генералу МАРУШЕВСКОМУ съ просьбой принять всѣ зависящія мѣры, чтобы условія перемирія соотвѣтствовали, хотя бы временно, интересамъ союзниковъ.

Мнѣ извѣстно, что Полковнику СТАНИСЛАВСКОМУ было приказано его начальниками ѣхать въ Брестъ всего за одинъ часъ до отхода поѣзда.

Мнѣ извѣстно, что большевики, требуя отъ Начальника Генеральнаго Штаба назначенія въ составъ мирной делегаціи офицеровъ Генеральнаго Штаба, угрожали, что если эти офицеры не будутъ назначены, то они разстрѣляютъ его, Начальника Генеральнаго Штаба.

Мнѣ было извѣстно, что Полковникъ СТАНИСЛАВСКІЙ согласился ѣхать въ Брестъ, чтобы спасти жизнь своихъ начальниковъ и чтобы защищать интересы союзныхъ съ Россіей Державъ.

Вернувшись изъ Бреста, Полковникъ СТАНИСЛАВСКІЙ сдѣлалъ намъ, представителямъ союзныхъ державъ, докладъ о своей поѣздкѣ. Я присутствовалъ на этомъ докладѣ и вынесъ убѣжденіе, что имъ было сдѣлано все возможное для защиты интересовъ союзниковъ.

Я помню то исключительно подавленное и нервное состояніе, въ которомъ находился полковникъ СТАНИСЛАВСКІЙ послѣ своей поѣздки въ Брестъ, и помню, что онъ категорически отказался отъ вторичной поѣздки туда-же.

Въ Москвѣ полковникъ СТАНИСЛАВСКІЙ, несмотря на запрещеніе ТРОЦКАГО, продолжалъ честно до своего отъѣзда поддерживать связь съ Французской Миссіей и давать ей всѣ свѣдѣнія по развѣдкѣ*, не считаясь съ тѣмъ, что онъ могъ быть за это арестованъ.

Добавляю, что послѣ поѣздки Полковника СТАНИСЛАВСКАГО въ Брестъ я счелъ своимъ долгомъ представить его къ награжденію офицерскимъ крестомъ Ордена Почетнаго Легіона.

Я выдаю это свидѣтельство ввиду пріѣзда Полковника СТАНИСЛАВСКАГО въ Добровольческую Армію съ тѣмъ, чтобы по возможности освѣтить обстоятельства, сопровождавшія его командировку въ Брестъ-Литовскъ.

---

* Австро-германскихъ войскъ на русскомъ фронтѣ.

Подлинное подписалъ: Начальникъ Французской Военной Миссіи при Главнокомандующемъ В. С. Ю. Р.
Полковникъ КОРБЕЛЬ

Съ подлиннымъ вѣрно:
Россійскій Военный Агентъ
въ Королевствѣ С. Х. С. Генеральнаго Штаба
Полковникъ
(подпись неразборчива)

Печать

4 марта 1924 года
Бѣлградъ.

Содержаніе

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШИХЪ ВЪ СВѢТЪ ТОМОВЪ
АРХИВА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

Напечатано и издано Издательствомъ «СЛОВО», Берлинъ